

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 1 том
Пер. с фр. К.А. Северовой
Издательство: Прогресс, 1971 г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
 - Глава 26
 - Глава 27
 - Глава 28
 - Глава 29
 - Глава 30
 - Глава 31
 - Глава 32
 - Глава 33
 - Глава 34
 - Глава 35
 - Глава 36
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
 - Глава 37
 - Глава 38
 - Глава 39
 - Глава 40
 - Глава 41
 - Глава 42
 - Глава 43
 - Глава 44
 - Глава 45
 - Глава 46
 - Глава 47
 - Глава 48
 - Глава 49
 - Глава 50
 - Глава 51
 - Глава 52
 - Глава 53
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6

- 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
МАРКИЗА АНГЕЛОВ (1645 — 1656
ГОДЫ)**

Глава 1

— Нянюшка, — спросила Анжелика, — для чего Жиль де Рец убивал столько детей?

— Все это козни дьявола, моя девочка. Жиль де Рец, людоед из Машкуля, хотел стать самым могущественным сеньором среди всех. В его замке было полно всяких колб, склянок и горшков с красным варевом, а над ними клубились зловонные пары. Дьявол требовал себе в жертву сердца маленьких детей. Вот почему Жиль де Рец убивал. Потрясенные матери с ужасом смотрели на черную башню Машкуля, вокруг которой всегда стаями кружилось воронье — столько трупов невинных младенцев было в подземельях замка.

— И он их всех съедал? — спросила дрожащим голосом Мадлон, маленькая сестренка Анжелики.

— Нет, всех просто не смог бы, — ответила кормилица. Склонившись над котлом, она некоторое время молча помешивала заправленный салом суп из капусты.

Ортанс, Анжелика и Мадлон, дочери барона де Сансе де Монтелу, сидя за столом, на котором уже стояли миски и лежали ложки, с замиранием сердца ждали продолжения.

— Он поступал еще хуже, — снова заговорила кормилица, и в голосе ее зазвучал гнев. — Сперва требовал, чтобы младенца — девочку или мальчика — привели к нему. Испуганный малыш кричал, звал свою мать, а сеньор, развалившись на кровати, наслаждался его ужасом. Затем приказывал подвесить дитя у стены на специальном приспособлении вроде виселицы, которое сжимало бедняжке грудь и шею, душило его, но не до смерти. Малютка бился, словно придушенный цыпленок, потом начинал хрипеть, глаза несчастного вылезали из орбит, он весь синел. И в огромном зале слышались лишь хохот жестоких мучителей да стоны их маленькой жертвы. Наконец Жиль де Рец давал знак снять ребенка, сажал его к себе на колени, прижимал лобик бедненького ангелочка к своей груди и нежно успокаивал.

«Ничего, ничего страшного, — говорил он. — Нам просто хотелось немного поразвлечься, но теперь уже все кончено. Теперь у

тебя будут конфетки, чудесная пуховая постелька, шелковый костюмчик, как у маленького пажа...» Малыш затихал. Его наполненные слезами глазки начинали светиться радостью. И вот тут-то сеньор неожиданно всаживал ему в шейку свой кинжал... А когда он умыкал совсем юных девушек, то творил такие мерзости...

— А что он с ними делал? — спросила Ортанс.

Но тут вмешался старый Гийом, который сидел у очага и растирал на терке свернутые трубочкой листья табака.

— Да помолчите же вы, сумасшедшая старуха! — проворчал он в свою пожелтевшую бороду. — Я солдат, и то от ваших рассказов у меня все внутри переворачивается...

Толстая Фантина Лозье с живостью обернулась к нему.

— Рассказни!.. Сразу видно, Гийом Люцен, что вы чужак, совсем чужак в наших краях. А ведь стоит поехать в сторону Нанта, и сразу же наткнешься на проклятый замок Машкуль. Уже двести лет миновало с той поры, как творились эти злодеяния, а люди, проходя мимо, все еще осеняют себя крестом. Но вы не здешний, откуда вам знать о наших предках.

— Хороши же ваши предки, если все они такие, как Жиль де Рец!

— Жиль де Рец был величайшим злодеем, и кто еще, кроме нас, жителей Пуату, может похвастаться, что и у них был такой вот страшный душегуб. А когда его в Нанте судили и приговорили, он перед смертью раскаялся и попросил прощения у бога, и все матери, чьих детей он мучил и съел, все они надели по нему траур.

— Ну и ну! — воскликнул старый Гийом.

— Вот какие мы здесь, в Пуату, люди! Великие во зле и великие в прощении!

Кормилица с суровым видом поставила миски на стол и горячо поцеловала маленького Дени.

— Я, конечно, в школу ходила недолго, — продолжала она, — но все же могу отличить сказки, которыми развлекаются на посиделках, от того, что и впрямь происходило в старину. Жиль де Рец жил на самом деле. И пусть тело его сгнило в нашей земле, но, кто знает, может, душа его и сейчас еще бродит где-нибудь неподалеку от Машкуля.

И лучше ее не трогать, это не домовые и не феи, что разгуливают среди больших камней в полях. Да и над домовыми тоже лучше не

насмехаться...

— А над привидениями можно смеяться, няня? — спросила Анжелика.

— Тоже не надо, детка. Привидения не злые, но они почти все несчастные и обидчивые, зачем же насмешками заставлять их страдать еще больше?

— А почему старая дама, которая появляется в нашем замке, плачет?

— Разве узнаешь? В последний раз я повстречала ее шесть лет назад, как раз между бывшим караульным помещением и большой галереей, и мне показалось, тогда она не плакала. Может, потому, что мессир барон, ваш дедушка, велел отслужить в часовне молебен за упокой ее души.

— А я слышала, как она шла по лестнице башни, — сказала служанка Бабетта.

— Это, верно, была крыса. Старая дама из Монтелу очень скромная, она старается никого не беспокоить. А еще думают, что она была слепая. Ведь она ходит, вытянув вперед руку. Или она что-то ищет. Иногда она подходит к спящим детям и проводит рукой по их личикам.

Фантина говорит все тише и наконец заключает зловещим шепотом:

— А может, она ищет своего мертвого ребеночка...

— Вас послушать, тетушка, хуже, чем на бойне побывать, — запротестовал старый Гийом. — Пусть ваш сеньор де Рец и в самом деле был великим человеком и вы, его земляки, гордитесь им, хотя вас и разделяют двести лет, пусть дама из Монтелу — очень достойная дама, но я лично нахожу, что нехорошо так пугать наших крошек, ведь они от страха даже перестали набивать свои животики.

— А-а, полно вам прикидываться ягненком, солдафон вы эдакий, вояка чертов! Сколько животиков у таких же крошек проткнули вы своей пикой на полях Эльзаса и Пикардии, когда служили австрийскому императору? Сколько хижин подожгли, заперев двери и живьем изжарив там целые семьи? А разве вилланов вы никогда не вешали? Столько вешали, что ветки на деревьях обламывались! А сколько изнасиловали женщин и девушек, и они, не снеся позора, наложили на себя руки?..

— Как и все, как все другие, тетушка. Такова солдатская судьба. Такова война. Но в жизни этих девочек не должно быть ничего, кроме игр да веселых историй.

— До той поры, пока на страну не налетят как саранча солдатня и разбойники. А тогда жизнь маленьких девочек станет ох как похожа на солдатскую: те же война, несчастье, страх...

Горько поджав губы, кормилица подняла крышку большого глиняного горшка с заячьим паштетом, намазала бутерброды и раздала их всем по кругу, не обойдя и старого Гийома.

— Слушайте меня, детки, слушайте, что говорит вам Фантина Лозье...

Пока шла перепалка между кормилицей и Гийомом, Ортанс, Анжелика и Мадлон опустошили свои миски и теперь снова наострили уши, а их десятилетний брат Гонтран вышел из темного угла, где он сидел, надувшись, и подошел к столу. Настал час войн и грабежей, отчаянных рубак и разбойников, которые носятся в зареве пожаращ под вопли женщин и стук мечей...

— Гийом Люцен, вы ведь знаете моего сына? Он конюх нашего хозяина, барона де Сансе де Монтелу.

— Да, знаю, очень красивый парень.

— Ну так вот, о его отце я могу вам сказать только одно: он служил в армии монсеньера кардинала Ришелье, когда тот пошел на Ла-Рошель, чтобы уничтожить протестантов. Сама я не была гугеноткой и всегда молилась богородице, чтобы она помогла мне остаться девушкой до замужества. Но после того, как войска нашего христианнейшего короля Людовика XIII прошли через Пуату, я, как бы это сказать помягче, потеряла свою невинность. А в память о тех дьяволах, чьи латы, утыканные гвоздями, разорвали единственную рубашку, что у меня была тогда, мой сын носит имя Жан Латник. Ведь один из этих дьяволов — его отец. А о всяких разбойниках да грабителях, которых голод то и дело выгонял на большую дорогу, я бы столько могла порассказать — ночи не хватит. Что они вытворяли со мной на соломе в риге в то время, как их дружки палили на очаге пятаки моему мужу, допытываясь, куда он спрятал деньги! А я чуяла запах, да думала, что они жарят поросенка.

Толстая Фантина рассмеялась и налила себе сидру, чтобы промочить горло, пересохшее от этой длинной тирады.

Итак, детство Анжелики де Сансе де Монтелу протекало в рассказах о людоедах, привидениях и разбойниках.

В жилах Фантины Лозье текла кровь, в которой была и доля мавританской крови — примерно в XI веке мавры дошли чуть ли не до Пуату, и Анжелике вместе с молоком кормилицы передались страстность и богатая фантазия, издавна свойственные людям этого края, края болот и лесов, открытого, словно залив, теплым океанским ветрам.

Она сжилась с этим миром, где волшебство и трагедия переплетались. Он нравился ей, и она научилась не бояться его. Она с жалостью смотрела на перепуганную маленькую Мадлон и на свою чопорную старшую сестру Органс, которая явно сгорала от желания спросить кормилицу, что делали с ней разбойники на соломе в риге.

А восьмилетняя Анжелика сразу же догадалась, что там произошло. Ведь сколько раз она водила на случку коров и коз! А ее приятель, пастушок Никола, объяснил ей, что мужчины и женщины занимаются тем же, чтобы у них были дети. Вот так и у кормилицы появился ее Жан Латник. Анжелику смущало только одно: почему кормилица рассказывала об этом то голосом томным и взволнованным, то с искренней ненавистью.

Впрочем, зачем допытываться, отчего кормилица вдруг задумчиво умолкает, отчего приходит в ярость. Надо просто радоваться тому, что она есть, что она всегда в хлопотах, толстая, рослая, с сильными руками, что можно уютно примоститься на ее широко расставленных под бумазейным платьем коленях и она тебя приголубит, словно птенчика, сплет колыбельную песенку или расскажет о Жиле де Реце.

Старый Гийом Люцен был попроще. Говорил он медленно, с тяжелым акцентом. По слухам, он был не то швейцарец, не то немец. Вот уже скоро пятнадцать лет, как он, хромя, босой пришел сюда по старой римской дороге, которая ведет из Анже в Сен-Жан-д'Анжели. Вошел в замок Монтелу и попросил кружку молока. Да так и прижился в замке. Он был мастер на все руки — мог починить и смастерить что угодно, по поручению барона де Сансе он относил письма его друзьям, живущим по соседству, и принимал вместо него сборщика налогов, когда тот являлся в замок за деньгами. Старый Гийом терпеливо выслушивал его, потом что-то отвечал ему на своем

наречии — то ли тирольском, то ли швейцарском, — и сборщик, обескураженный, уходил.

Где он сражался, на севере или на востоке? И как могло случиться, что этот чужестранный наемник пришел из Бретани, как утверждали люди, которые встретили его на дороге? О нем знали только то, что он в Люцене служил в войсках кондотьера Валленштейна и что там ему выпала честь вспороть пузо толстому славному королю Швеции Густаву-Адольфу, который во время битвы заблудился в тумане и наткнулся на австрийских копейщиков.

Когда на чердак, где жил Гийом, сквозь паутину пробивались лучи солнца, можно было видеть, как сверкают его старые доспехи и каска, из которой он до сих пор пил глинтвейн, а иногда даже хлебал суп. Когда же в лесу поспевали орехи, их сбивали его огромной — в три раза выше самого Гийома — пикой.

Больше всего Анжелика завидовала его маленькой черепаховой с инкрустацией табакерке с теркой, которую он, как и все немецкие наемники, служившие во французской армии, величал «кокоткой». Кстати, «кокотками»^[1] называли в армии и самих наемников.

Весь вечер двери просторной кухни замка беспрерывно открывались и закрывались. Со двора из ночи входили, принося с собой крепкий запах навоза, слуги и служанки, среди них был и конюх Жан Латник, такой же смуглый, как и его мать.

Меж ног входящих проскальзывали в кухню собаки: две борзые — Марс и Маржолен — и забрызганные по самые уши грязью таксы.

Двери, ведущие во внутренние покои, пропускали ловкую Нанетту — она поступила к де Сансе Горничной в надежде научиться хорошим манерам и потом перейти от своих нищих хозяев к мессиру маркизу дю Плесси де Бельер. Маркиз жил в нескольких лье от Монтелу. Взад и вперед носились две девочки-служанки со спадающими на глаза нечесаными волосами. Они таскали дрова в гостиную и разносили воду по комнатам. Появлялась в кухне и сама госпожа баронесса. У нее было доброе, обветренное от деревенского воздуха лицо, преждевременно увядшее от многочисленных родов. Она была одета в серое саржевое платье, а голову ее прикрывал платок из черной шерсти, так как и в гостиной, где она коротала время с бароном-дедушкой и старушками тетками, было более сыро, чем в кухне.

Она спросила, скоро ли будет готов липовый отвар для мессира барона, потом справилась, хорошо ли пососал грудь малыш, не капризничал ли. Мимоходом она погладила по щеке дремавшую Анжелику, длинные волосы которой цвета потемневшего золота рассыпались по столу и блестели в отсветах пламени очага.

— Пора в постель, девочки. Пюльшери сейчас проводит вас.

Всегда покорная Пюльшери, одна из старых теток, каждый вечер укладывала девочек спать. Она была бесприданницей и так и не сумела найти себе мужа или хотя бы монастырь, куда бы ее согласились принять, но, вместо того чтобы плакаться или дни напролет сидеть над вышиванием, она, желая быть полезной, охотно выполняла роль наставницы при своих племянницах, за что в замке ее немножко презирали и выказывали гораздо меньше внимания, чем другой тетушке, толстой Жанне.

Пюльшери занималась старшими племянниками. Младших детей укладывала кормилица, а Гонтран, у которого не было наставника, отправлялся спать на свой соломенный тюфяк под крышу, когда ему заблагорассудится.

Вслед за худощавой старой девой Ортанс, Анжелика и Мадлон входили в гостиную, где пламя очага и три свечи не могли до конца рассеять густую темень, веками накапливавшуюся под высокими старинными сводами. На стенах, спасая от сырости, висели гобелены, но такие уже старые, источенные молью, что невозможно было разобрать, что за сцены изображены на них, и только молчаливой укоризной глядели оттуда чьи-то мертвенно-бледные лики.

Девочки подходили к деду и делали реверанс. Старый барон сидел у огня в своем широком черном плаще, отороченном вытертым мехом. Но его белоснежные руки, лежавшие на набалдашнике палки, были поистине королевские. Голову барона покрывала широкополая черная фетровая шляпа, а его квадратная, как у короля Генриха IV, борода покоилась на стоячем гофрированном воротнике, который Ортанс втайне считала давно вышедшим из моды.

Второй реверанс девочки делали тетушке Жанне — та сидела с недовольным видом и не удостаивала их даже улыбкой, затем они поднимались по длинной каменной лестнице, где было сыро, как в склепе. В спальнях зимой было пронизывающе холодно, но зато прохладно летом. Впрочем, там только спали. Большая кровать — одна

для всех трех девочек — словно саркофаг, возвышалась в углу пустой комнаты; остальная обстановка была распродана последними поколениями баронов де Сансе. Каменные плиты пола, которые зимой застилали соломой, во многих местах дали трещины. На кровать взбирались при помощи скамеечки с тремя ступеньками. Облачившись в ночные кофты и надев на головы чепчики, сестры де Сансе де Монтелу становились на колени и, возблагодарив господ бога за все его благодеяния, вскарабкивались на мягкую перину и ныряли под рваные одеяла. Анжелика тут же выискивала дыру в простыне, просовывала сквозь нее и дырку в одеяле свою розовую ножку и принималась шевелить пальцами, смеша Мадлон.

После рассказов кормилицы Мадлон дрожала от страха как осиновый лист. Ортанс тоже было страшно, но, как старшая, она не подавала виду. У одной лишь Анжелики все эти ужасы вызывали какое-то радостное возбуждение. Жизнь для нее состояла из тайн и открытий. За деревянной обшивкой стен скреблись мыши, под крышами обеих башен замка летали, пронзительно крича, совы и летучие мыши. Слышно было, как во дворе скулили борзые, а мулы, которые паслись на лугу, приходили почесать спину о стены замка.

Иногда в зимние снежные ночи слышалось завывание волков, выходивших к жилью из дремучего леса Монтелу, а с наступлением весны по вечерам из деревни в замок доносилось пение крестьян, которые при свете луны танцевали ригодон.

Одна из стен замка Монтелу выходила на болото. Здесь была самая древняя часть крепостной стены, построенная еще в далеком XIV веке сеньором Ридуэ де Сансе, соратником Бертрана дю Геклена. По концам ее находились две большие башни, опоясанные наверху крытыми дранкой мостками для дозорных. Прихватив с собой Гонтрана или Дени, Анжелика взбиралась туда, и они развлекались тем, что плевали в машикули, через которые в старину солдаты из ведер обливали противника кипящим маслом. Стена возвышалась на самом краю небольшого, но высокого известкового мыса, за ним простирались болота. Давно, еще в первобытные времена, на месте болот было море отступив, оно оставило тесное сплетение рек, ручейков, прудов, заросших впоследствии травой и ивами и превратившихся в царство лягушек и ужей, и крестьяне передвигались

здесь не иначе как на лодках. Деревушки и отдельные хижины стояли на возвышавшихся над топями островках бывшего залива. Герцог де ла Тремуй, уверявший, что он любитель экзотики, и гостивший одно лето у маркиза дю Плесси, много плавал по этому водному краю и прозвал его «зеленой Венецией».

Этот огромный заливной луг, это пресноводное болото раскинулось от Ниора и Фонтене-ле-Конта до самого океана. Немного не дойдя до Марана, Шайе и даже Люсона, оно сливалось с горькими болотами, то есть с солончаками. Дальше шел берег, вдоль которого тянулись белые холмы драгоценной соли — предмета жестокой борьбы между таможенниками и контрабандистами.

И если кормилица почти никогда не рассказывала о них никаких историй — а их ходило множество в этих краях, — то лишь потому, что ее родная деревня стояла в стороне, на твердой земле, и Фантина Лозье глубоко презирала людей, которые живут «ногами в воде», да еще вдобавок все гугеноты.

Фасад самого замка Монтелу, построенного позже, всеми своими многочисленными окнами смотрел в противоположную от болот сторону. Только старый подъемный мост с ржавыми цепями, на которых любили сидеть куры и индюки, отделял главный вход в замок от луга, где паслись мулы. Справа от входа находилась принадлежавшая барону голубятня с крышей из круглой черепицы и ферма. Остальные службы были расположены по другую сторону рва. Вдали виднелась колокольня деревни Монтелу.

За деревней густым кудрявым ковром, без единой лужайки, до самого севера края Гатин и Вандейского бокажа тянулись дубовые и каштановые рощи. Если бы такая прогулка показалась вам хоть немного привлекательной и вас не испугали бы ни волки, ни бандиты, вы могли бы дойти почти до самой Луары и до провинции Анжу.

Ньельский лес, самый ближний к замку, принадлежал маркизу дю Плесси. Крестьяне Монтелу пасли там своих свиней, что служило причиной бесконечных тяжб с экономом маркиза, неким Молином, человеком очень алчным. В этом лесу жили несколько ремесленников, изготовлявших сабо, угольщики и старая колдунья Мелюзина. Зимой колдунья иногда выходила из лесу, выменивала на лечебные травы у кого-нибудь из крестьян миску молока и тут же, стоя на пороге дома, выпивала ее.

По примеру Мелюзины Анжелика тоже собирала разные корни и цветы, высушивала их, затем одни варила, другие растирала в порошок, рассыпала по пакетикам, а затем прятала все в тайник, о существовании которого не знал никто, кроме старого Гийома. Бывало, Пюльшери часами не могла дозваться ее.

Анжелика очень огорчала Пюльшери, она даже плакала иногда, думая о девочке. По мнению Пюльшери, Анжелика олицетворяла собой крах того, что называлось традиционным воспитанием, и, более того, Анжелика была как бы живым свидетельством упадка их знатного рода из-за бедности и нищеты.

С раннего утра девочка уносилась куда-то с распущенными волосами, одетая почти как простая крестьянка в рубашку, корсажик и выгоревшую юбку, и ступни ее маленьких ножек, изящных, словно у принцессы, огрубели, потому что она не долго думая зашвыривала свои башмаки в первый попавшийся куст, чтобы легче было бегать. Если ее окликали, она едва поворачивала свое круглое загорелое личико с сияющими зелеными глазами цвета дягиля, который тоже растет на болоте и называется по-латыни «анжелика».

— Надо бы отдать ее в монастырь, — вздыхала Пюльшери.

Но молчаливый, измученный заботами барон де Сансе лишь пожимал плечами. Как мог он поместить в монастырь свою вторую дочь, если у него не было денег отдать туда старшую? Ведь его годовой доход составлял не более четырех тысяч ливров, из которых пятьсот ливров ему надо было вносить за двух старших сыновей, воспитывавшихся в монастыре у августинцев в Пуатье.

Один приятель Анжелики, сын мельника Валентин, жил на болотах.

Другой — Никола, сын крестьянина, отца шестерых детей, — жил около леса. Мальчик уже был пастухом у мессира де Сансе.

С Валентином Анжелика плавала в челноке по каналам, вдоль которых росли дягиль, незабудки и мята. Дягиль был высокий, густой, душистый, и Валентин охапками рвал его и продавал монахам Ньельского монастыря: они приготавливали из его корней и цветов целебный настой, а из стеблей — всякие сласти. В обмен Валентин получал старые монашеские наплечники и четки, которыми потом он в деревнях, где жили протестанты, бросался в ребятишек, и те убегали с такими воплями, словно это сам дьявол плевал им в лицо. Мельника,

отца Валентина, огорчали странные повадки сына. Сам он был католиком, но считал, что к людям иной веры надо проявлять терпимость. Да и что за нужда его сыну торговать дягилом, если он получит от него в наследство звание мельника и добротную мельницу, построенную на сваях у воды?

Валентин, двенадцатилетний мальчик, был какой-то странный. Румяный, отлично сложенный, но с блуждающим взглядом и молчаливый, словно рыба. Завистники мельника даже поговаривали, будто Валентин просто дурачок.

С пастушком Никола, болтуном и хвастунишкой, Анжелика ходила по грибы, ежевику и чернику. Вместе собирали они и каштаны. Из веток орешника Никола мастерил для нее дудочки.

Мальчишки ревновали Анжелику друг к другу, и эта ревность доходила иногда до бешенства. А она уже стала такая красивая, что крестьяне видели в ней живое воплощение фей, живущих в большом дольмене на поле Колдуньи.

У Анжелики была мания величия.

— Я — маркиза, — заявляла она каждому, кто соглашался слушать ее.

— Ах, так? Каким же образом вы стали маркизой?

— Я вышла замуж за маркиза, — отвечала она.

«Маркизом» был то Валентин, то Никола, то еще кто-нибудь из тех безобидных, как птицы, мальчишек, которые носились с нею по лугам и лесам. И еще она так забавно говорила:

— Я, Анжелика, веду на войну своих ангелочков. Отсюда и пошло ее прозвище: маленькая маркиза ангелов.

В начале лета 1648 года, когда Анжелике исполнилось одиннадцать лет, кормилица Фантина начала проявлять тревогу, опасаясь появления разбойников и солдат. Хотя в стране, казалось, все было спокойно, кормилица, которая и раньше предсказывала много событий, «чуяла» разбойников в жарком воздухе этого душного лета. Она то и дело поворачивалась лицом к северу, в сторону дороги, словно пыльный ветер мог донести до нее запах незваных гостей.

Ей достаточно было пустяка, чтобы угадать, что творится вокруг, и не только в окрестностях замка, но и по всей провинции, и даже в Париже.

Купив у разносчика-овернца немного воску и несколько лент, она могла рассказать мессиру барону о всех самых важных событиях, происходящих во французском королевстве.

Скоро введут новый налог; во Фландрии идет сражение; вдовствующая королева не знает, что ей придумать, чтобы раздобыть денег для жадных принцев. Сама королева живет стесненно, а король со светлыми кудрями носит слишком короткие штанишки, как и его юный брат, которого называют «маленьким братом короля», потому что его дядя, брат короля Людовика XIII, еще жив.

Тем не менее монсеньор кардинал Мазарини скупает изящные безделушки и итальянские картины. Королева его любит. Парламент в Париже недоволен. Из деревень до него доносятся стоны несчастных вилланов, разоренных войнами и налогами. Облачившись в великолепные мантии, подбитые горностаем, господа из парламента в роскошных экипажах отправляются в Луврский дворец, где, уцепившись одной рукой за подол черного платья своей матери-испанки, а другой — за красную мантию итальянца, кардинала Мазарини, их встречает маленький король.

Господа из парламента пытаются убедить этих великих мира сего, которые мечтают лишь о власти и богатстве, что крестьяне не в состоянии больше платить подати, горожане не в состоянии вести торговлю, что народ изнемогает от налогов, которыми облагается абсолютно все и вся. Того и гляди скоро введут налог на миску, из которой ешь! Вдовствующая королева недовольна. Монсеньор Мазарини тоже недоволен. Тогда малолетнего короля везут на заседание парламента. Звонким голосом, хотя и не совсем уверенно, словно вызубренный урок, он заявляет всем этим важным господам, что деньги нужны для армии, для мира, который скоро будет подписан. Король кончил. Парламент подчиняется его воле. Новый налог будет утвержден. Интенданты провинций разошлют по городам и весям своих чиновников. Те начнут угрожать. А что делать добрым людям? Сначала они будут умолять, плакать, потом схватятся за косы, поубивают писарей и сборщиков налогов, разбредутся по дорогам, чтобы присоединиться к беглым солдатам. И вот тогда страна наводнится разбойниками.

Слушая кормилицу, трудно было поверить, чтобы столько всего мог нарасказать ей один болван-разносчик. Говорили, что она просто

фантазерка, но она и в самом деле обладала необычным чутьем. Одно слово, слабый намек, появление слишком нахального нищего или встревоженного торговца — и Фантина уже была на пути к истине. В раскаленном предгрозовом воздухе прекрасного лета 1648 года она чувала разбойников, и Анжелика так же, как и она, ждала их появления...

Глава 2

В тот вечер Анжелика решила половить раков с пастушком Никола.

Никому ничего не сказав, она умчалась к хижине Мерло, родителей Никола. Деревушка из четырех жалких лачуг, в которой жили Мерло, приютилась на опушке большого Ньельского леса. Однако земля, которую они возделывали, принадлежала барону де Сансе.

Увидев дочь своего сеньора, мать Никола сняла крышку со стоявшего на огне котелка и бросила туда кусок сала, чтобы суп был понаваристее.

Анжелика выложила на стол курицу, которой она открутила голову, перед уходом забежав на птичий двор. Она уже не впервые приходила в гости к крестьянам, и всегда не с пустыми руками. Согласно сеньоральному праву, голубятня и курятник были только в замке, и почти никто из крестьян не имел домашней птицы.

Глава семьи сидел у очага и ел черный хлеб. Франсина, их первенец, подошла к Анжелике и поцеловала ее. Франсина была всего на два года старше Анжелики, но на ней уже давно лежала забота о младших братьях, да, кроме того, ей приходилось работать в поле, и она не могла, как ее беспечный брат Никола, ловить раков и бегать по грибы. Это была тихая, ласковая девочка со свежим, розовым личиком, и госпожа де Сансе собиралась взять ее к себе в горничные вместо Нанетты, которая раздражала ее своей дерзостью.

Когда все поели, Никола увел Анжелику из хижины.

— Зайдем в хлев за фонарем.

Они вышли. Надвигалась гроза, и стало очень темно. Позже Анжелика вспоминала, что, когда она повернулась лицом в сторону римской дороги, проходившей в полулье от хижины, ей почудился какой-то неясный шум.

В лесу было еще темнее.

— Ты не бойся волков, — сказал Никола, — летом они сюда не заходят.

— А я и не боюсь.

Вскоре дети дошли до ручья, опустили на дно плетеные корзины-раковницы с кусочками сала. Время от времени они поднимали мокрые раковницы, облепленные гроздьями синих раков, которых притягивал свет фонаря, и вытряхивали их в корзину побольше, прихваченную специально для этой цели. Анжелика и думать позабыла о том, что их могут застигнуть здесь стражники из замка дю Плесси, и что, случись такое, разразится грандиозный скандал: одна из дочерей барона де Сансе поймана с поличным в чужих владениях, где она с фонарем ловила раков в компании юного бродяги.

Вдруг Анжелика насторожилась, Никола тоже.

— Ты ничего не слышал?

— Вроде кто-то кричал...

Некоторое время дети, замерев, прислушивались, потом вернулись к раковницам. Но тревога не покидала их, и они снова прервали свое занятие.

— Теперь я хорошо слышу. Там кто-то кричит.

— Это в деревне.

Никола торопливо собрал снасти и закинул корзину с раками за спину. Анжелика взяла фонарь. Они пошли обратно, бесшумно ступая по заросшей мхом тропинке. Приблизившись к опушке, они внезапно остановились. Сквозь деревья просачивался слабый свет, отчего стволы казались розовыми.

— Это... это ведь не заря? — прошептала Анжелика.

— Нет, это пожар!

— Боже мой, а если горит твой дом? Бежим скорей!

Но Никола удержал ее.

— Подожди. На пожаре так не орут. Это что-то другое.

Крадучись они дошли до самой опушки. За деревьями тянулся большой отлогий луг, упирившийся в хижину Мерло. Остальные три хижины стояли примерно в полулье от нее, у дороги. Горела одна из тех, дальних. Пламя вырывалось из-под крыши, освещая суетившихся разбойников — они с криком бегали по двору, вынося из хижины добычу, выводя из хлева коров и ослов.

Разбойники темной плотной рекой текли по ложбине со стороны римской дороги. Поток, оцетинившийся палками и пиками, проплыл мимо хижины, задержался немного во дворе, а потом направился дальше, в сторону Монтелу. Никола услышал, как закричала его мать.

Затем раздался выстрел — это отец, видимо, все же успел сорвать со стены и зарядить свой старый мушкет. Но немного погодя папашу Мерло выволокли, словно мешок, во двор и стали избивать палками.

Анжелика увидела, как по двору одной из хижин с криком и рыданиями промчалась в поле женщина в одной рубашке. За нею гнались бандиты. Женщина надеялась укрыться в лесу Никола и Анжелика, взявшись за руки, побежали в чащу, то и дело цепляясь за кусты.

Но пожар и монотонный вой, в который слились крики и плач, наполнившие ночь, притягивали детей помимо их воли, и, когда они вернулись на опушку, они увидели, что преследователи настигли женщину и теперь волокли ее по лугу.

— Это Полетта, — прошептал Никола.

Спрятавшись за стволом огромного дуба, они прижались друг к другу и, тяжело дыша, округлившимися глазами смотрели на это ужасное зрелище.

— Они забрали у нас и осла, и свинью, — проговорил Никола.

Занялся рассвет, и пламя пожара побледнело, огонь уже начал затихать. Остальные лачуги грабители поджигать не стали. Большинство разбойников прошли мимо, не задерживаясь в этой жалкой деревушке, и уже давно двинулись в сторону Монтелу. А теперь уходили и те, кто всласть потешился здесь грабежом и насилием. Анжелика и Никола ясно видели их истрепанную одежду, их ввалившиеся, покрытые темной щетиной щеки. У некоторых на голове были широкополую шляпы с перьями, а у одного даже нечто вроде каски, и это делало его похожим на солдата. Но в основном все они были в бесформенных, потерявших цвет лохмотьях. Грабители то и дело перекликались, заплутавшись в утреннем тумане, надвинувшемся с болот. Их осталось всего человек пятнадцать. Отойдя немного от дома Мерло, они остановились, чтобы показать друг другу свою добычу. По их жестам, по тому, как они начали ссориться, можно было догадаться, что они считают ее слишком скудной: несколько холстов и платков, вытащенных из сундука, горшки, большие хлебы, головки сыра. Один из разбойников впился зубами в окорок, который он крепко держал за кость. Скот угнали те, кто ушел раньше. Наконец грабители увязали жалкий наворованный скарб в два или три тюка и ушли, даже не оглянувшись.

Анжелика и Никола долго не решались выйти из леса. Солнце уже сияло на небе, и под его лучами блестели капельки росы на лугу, когда дети, набравшись наконец смелости, зашагали к деревне, где теперь царила странная тишина.

Когда они приблизились к дому Мерле, послышался плач младенца.

— Это мой младший братишка, — прошептал Никола. — Слава богу, хоть он жив.

Опасливо озираясь — а вдруг кто-нибудь из грабителей задержался в хижине, — они бесшумно проскользнули во двор. Они шли, взявшись за руки и замирая на каждом шагу. Первым, на кого они наткнулись, был папаша Мерло. Он лежал на земле, уткнувшись лицом в навозную кучу. Никола нагнулся и попытался приподнять его голову.

— Па, папа, ты жив?

Он выпрямился.

— Похоже, что умер. Посмотри, какой он белый, а ведь всегда лицо у него такое красное.

В хижине надрывался малыш. Он сидел на развороченной кровати и отчаянно размахивал ручонками. Никола подбежал и схватил его.

— Спасибо тебе, пресвятая дева, малыш цел и невредим!

Анжелика расширенными от ужаса глазами глядела на Франсину. Девочка, бледная как смерть, лежала на полу с закрытыми глазами. Платье у нее было задрано, а по ногам струилась кровь.

— Никола, что они... что они с нею сделали? — прошептала Анжелика сдавленным голосом.

Теперь и Никола увидел сестру. Ярость исказила его лицо, оно сразу словно постарело. Бросив взгляд на дверь, он с ненавистью выкрикнул:

— Проклятые, проклятые!

Резким движением он протянул Анжелике малыша.

— Подержи его.

— Никола опустился на колени рядом с сестрой и стыдливо прикрыл ее разорванной юбкой.

— Франсина, это я, Никола. Скажи, ты жива?

Из хлева рядом с хижинной доносились стоны. Согнувшись чуть, ли не вдвое, охая, вошла матушка Мерло.

— Это ты, сынок? Ох, бедные мои детушки, бедные детушки! Горе-то какое! Они забрали и осла, и свинью, и все наши жалкие гроши. Говорила же я вашему отцу, зарой деньги в землю.

— Мам, тебе больно?

— Да я-то ничего. Я женщина, всякое на своем веку повидала. Но Франсина, бедняжка, ведь она совсем еще ребенок, она могла умереть.

Она плакала, обняв дочь своими грубыми руками крестьянки и укачивая ее, словно маленькую.

— А где же остальные? — спросил Никола.

После долгих поисков нашли наконец и остальных детей — мальчика и двух девочек: они спрятались в ларь, когда грабители, забрав оттуда хлеб, стали насиловать их мать и сестру.

Тем временем в хижину пришел сосед, следом подошли и другие многострадальные жители деревни, чтобы поделиться своими горестями. Убитых оказалось только двое: Мерло и еще один старик, который тоже схватился за мушкет. Других мужчин просто привязали к лавкам и избили, но не до смерти. Дети все были живы, а одному крестьянину удалось даже выпустить из хлева своих коров, и они разбежались, а теперь, может, удастся отыскать их. Но сколько разграблено крепких холстов, одежды, разной утвари, посуды, украшавшей очаги, окороков, сыров, и главное — грабители забрали деньги, те скудные эцю, которых у крестьян и так почти никогда не бывало!

Полетта еще продолжала причитать и плакать.

— Их было шестеро!..

— Замолчи! — грубо остановил ее отец. — Сама только и шастаешь с парнями по кустам, так что ничего, переживешь. А вот корова наша должна была телиться! Мне-то потруднее будет обзавестись коровой, чем тебе возлюбленным.

— Надо уходить отсюда, — сказала матушка Мерло, держа на руках Франсину, которая все еще была в беспамятстве. — За этими могут прийти другие.

— Укроемся вместе с уцелевшей скотиной в лесу. Как тогда, когда нагрянули войска Ришелье.

— Пошли в деревню.

— В Монтелу! Да они наверняка там!

— Лучше в замок, — предложил кто-то.

С этим все дружно согласились.

— Правильно, идемте в замок!

Многовековой инстинкт заставил их искать спасения под крышей сеньора, своего господина, в замке, под защитой крепостных стен и башен которого они трудились уже не один век.

Анжелика, которая стояла с малышом на руках, почувствовала, как у нее от горя сжимается сердце.

«Бедный наш замок, — думала она. — Он уже разваливается. Разве мы можем укрыть в нем всех этих несчастных? А если грабители уже ворвались туда? Разве старый Гийом со своей пикой сумеет преградить им путь?»

Но вслух она сказала:

— Правильно, идемте в замок! Но только не по дороге и даже не тропинками через поле. Если разбойники бродят около замка, мы не сможем подойти к воротам. Единственный путь — дойти до пересохшего болота и пробраться в замок через большой ров. Там в стене есть заброшенная дверца, но я знаю, как ее открыть.

Она умолчала о том, что много раз удирала из замка через эту дверцу, наполовину заваленную кучей мусора из подземелья, где находились «каменные мешки», о существовании которых теперешние бароны де Сансе едва ли помнили. Один из этих «мешков» и служил Анжелике убежищем, где она, как колдунья Мелюзина, растирала свои травы и приготавливала из них разные зелья.

Крестьяне отнеслись к словам Анжелики с доверием. Некоторые из них только сейчас заметили ее, но все они настолько привыкли видеть в ней добрую фею, что даже не удивились ее появлению здесь именно в тот момент, когда на них обрушилась беда.

Одна из женщин взяла из ее рук ребенка, и Анжелика под палящим солнцем повела свой маленький отряд кружным путем, через болота, затем по краю крутого мыса, который некогда возвышался над гладью залива Пуату. Лицо ее было покрыто пылью и забрызгано грязью, но она подбадривала крестьян.

Она провела их через узкую щель заброшенной потайной двери. В подземелье их окутала приятная прохлада, но дети, испугавшись темноты, заплакали.

— Не бойтесь, не бойтесь, — успокаивала их Анжелика. — Скоро мы будем уже в кухне, и няня Фантина даст нам супу.

Напоминание о Фантине всех подбодрило. Вслед за дочерью барона де Сансе, охая и спотыкаясь, крестьяне вскарабкались по полуразрушенной лестнице и прошли через захламленные залы, по которым бегали крысы. Анжелика шагала уверенно — это было ее царство.

Когда они проходили мимо большой залы, их на мгновение испугал шум голосов. Но и Анжелика и тем более крестьяне не могли даже на секунду представить себе, что в замок ворвались грабители. Чем ближе они подходили к кухне, тем ощутимее становился запах супа и глинтвейна. Судя по всему, на кухне толпилось много народу, но это были не разбойники, так как разговаривали они тихо, спокойно и даже вроде печально. Как оказалось, это испольщики, крестьяне из других деревень пришли укрыться за ветхими стенами замка.

Неожиданное появление такой толпы испугало сидящих в кухне, и они в ужасе закричали, приняв входящих за разбойников. Но кормилица увидела Анжелику, бросилась к ней и крепко обняла.

— Птичка моя, жива! Благодарю тебя, господи! И тебя, святая Радегонда! И тебя, святой Илер! Благодарю вас всех!

Впервые страстные объятия кормилицы вызвали у Анжелики чувство раздражения. Она только что провела «своих людей» через болота! Она так долго шагала впереди этих несчастных! Она уже не ребенок! И Анжелика резко, почти грубо вырвалась из объятий Фантины Лозье.

— Дай им поесть, — сказала она.

Позже, словно во сне, она увидела полные слез глаза матери, которая гладила ее по щеке.

— Дочь моя, сколько волнений вы нам доставили!

К Анжелике подошла тетюшка Пюльшери, осунувшаяся, с покрасневшим от слез лицом, потом отец, дедушка...

Девочке все они представлялись просто забавными марионетками. Большая кружка глинтвейну, которую она выпила, совершенно опьянила ее, погрузила в состояние приятного дурмана. Вокруг нее люди вновь и вновь вспоминали события трагической ночи: как разбойники налетели на деревню, как загорелись первые дома, как синдика выбросили из окна со второго этажа его нового дома, которым он так гордился.

Мало того, эти безбожники, эти мародеры надругались даже над деревенской церквушкой: они украли священные сосуды, а кюре с его служанкой привязали к алтарю. Они продали душу дьяволу! Как иначе можно объяснить все это?

Рядом с Анжеликой старая женщина, баюкая, держала на руках внучку — девочку-подростка с опухшим от слез лицом. Бабушка качала головой, без конца повторяя с ужасом:

— Что они с нею вытворяли! Что они с нею вытворяли! Просто не верится!..

Только и было разговоров, что об изнасилованных женщинах, об избитых мужчинах, об угнанных коровах и козах. Вспоминали, как истощно ревел осел пономаря, когда грабители, пытаясь увести его, тянули за уши, а хозяин держал несчастную скотину за хвост.

Многим удалось убежать от разбойников. Одни спрятались в лесу, другие — на болотах, но большинство нашли приют в замке. Во дворах и в хозяйственных постройках замка места было достаточно, чтобы разместить с таким трудом спасенный скот. К несчастью, беглецы привлекли к замку внимание нескольких грабителей, и, несмотря на мушкет барона де Сансе, дело могло бы кончиться плохо, если бы старому Гийому не пришла в голову великолепная мысль. Повиснув на ржавых цепях подъемного моста, он поднял его. Словно жестокие, но трусливые волки, грабители отступили перед жалким рвом с тухлой водой.

И тут разыгралась удивительная сцена. Стоя у ворот, старый Гийом выкрикивал проклятия на своем родном языке и грозил кулаком вслед убегающим в темноту оборванцам. Неожиданно один из грабителей остановился и ответил ему что-то. И вот в ночи, обогрившей заревом пожаров, завязался странный диалог на грубом германском наречии, от которого мороз по коже пробегал.

Никто в точности не знал, что сказали друг другу Гийом и его соотечественник, но, как бы там ни было, разбойники к замку больше не подходили, а на заре и вовсе ушли из деревни. Теперь к Гийому все относились как к герою, чувствуя себя в безопасности под защитой отважного воина.

Это происшествие свидетельствовало о том, что среди грабителей, орудовавших в округе, была не только деревенская голь и городская беднота, как это показалось вначале, но и солдаты с севера

Европы, из армий, распущенных после подписания Вестфальского мира. В этих армиях, сколоченных германскими князьями для службы французскому королю, можно было встретить кого угодно — и валлонцев, и итальянцев, и фламандцев, и лотарингцев, и льежцев, и испанцев, и германцев.

Миролюбивые жители Пуату раньше даже не представляли себе, что на свете существует столько разных народов. Некоторые утверждали, будто бы среди грабителей был даже поляк, один из тех диких всадников, которых кондотьер Жан де Берт привел недавно в Пикардию, чтобы они поубивали всех младенцев.

Его видели. У него было желтое лицо, высокая меховая шапка и, судя по тому, что к концу дня ни одна женщина в деревне не избежала его, неистощимая мужская сила.

На пепелищах выросли новые хижины. Строили их быстро: замешивали глину с соломой и тростником, и вот уже готово довольно прочное жилище. Потом началась жатва — разбойники не уничтожали посевов, урожай был хороший, и это утешило крестьян. Только две девочки — Франсина и другая — не оправились после надругательства и, пролежав несколько дней в горячке, умерли.

Ходили слухи, что из Ниора власти выслали конный отряд в погоню за грабителями, которые, похоже, не были связаны с другими бандами и не имели настоящего вожака.

Как бы там ни было, но набег грабителей на земли баронов де Сансе мало что изменил в привычной жизни обитателей замка. Разве только старый барон еще чаще стал поносить злодеев, на чьей совести лежало убийство славного короля Генриха IV, да непокорных протестантов.

— Эти люди воплощают собой мятежный дух, губящий королевство. Было время, когда я осуждал монсеньера Ришелье за его жестокость, но теперь вижу — он был даже слишком мягок.

В тот день единственными слушателями старого барона, перед которыми он разглагольствовал, были Анжелика и Гонтран. Они переглянулись с видом сообщников. До чего же отстал от жизни их милый дедушка! Все внуки горячо любили своего деда, но редко разделяли его старомодные суждения.

Гонтран, которому почти сравнялось двенадцать, осмелился возразить:

— Дедушка, эти разбойники вовсе не гугеноты. Они католики, но они убежали из армии, потому что там голод. И еще среди них есть чужеземные наемники, которым, говорят, не платили денег, да крестьяне из разоренных войной деревень.

— В таком случае они не должны были приходить сюда. И все равно я никогда не поверю, что протестанты им не помогают. Да, в мое время солдатам платили мало, не спорю, но платили регулярно. Уж поверь мне, все эти беспорядки подогревают чужеземцы, может быть, англичане или голландцы. Протестанты бунтуют, создают коалиции, тем более что Нантский эдикт слишком уж снисходителен к ним, он даровал им не только свободу вероисповедания, но еще и гражданские права.

— Дедушка, а что это такое — гражданские права, которые дали протестантам? — спросила вдруг Анжелика.

— Ты еще мала, внученька, и не поймешь, — ответил старый барон и, помолчав, добавил:

— Гражданские права — это нечто такое, чего нельзя отнять у людей, не обесчестив себя.

— Значит, это не деньги, — заметила девочка.

— Совершенно верно, Анжелика. Ты не по возрасту сообразительна, — похвалил ее старый барон.

Но Анжелика считала, что этот вопрос требует уточнений.

— Выходит, если разбойники ограбят нас дочиста, у нас все-таки останутся наши гражданские права?

— Правильно, деточка, — ответил ей Гонтран.

Анжелика уловила в голосе брата иронию и подумала, не смеется ли он над нею.

Гонтран был молчаливый, замкнутый мальчик. Не имея ни наставника дома, ни возможности учиться в коллеже, он вынужден был довольствоваться теми жалкими крохами познаний, которыми делились с ним деревенский учитель и кюре.

Большую часть времени он проводил в одиночестве на чердаке, где растирал красный кошениль или месил разноцветную глину для своих странных композиций, которые он называл «картинами» или «живописью».

Хотя Гонтран рос таким же заброшенным ребенком, как и все дети барона де Сансе, он часто упрекал Анжелику в том, что она дикарка и не умеет вести себя, как подобает девочке из знатной семьи.

— А ты не так глупа, как кажешься, — добавил он ей тогда в виде комплимента.

Глава 3

Беседуя с Анжеликой и Гонтраном, старый барон уже давно прислушивался, пытаясь понять, что происходит во дворе: оттуда доносилась какая-то перебранка, шум голосов смешивался с кудахтаньем вспугнутых кур. Затем кто-то протопал по подъемному мосту, крики стали еще громче, и ясно слышался голос Гийома. Дело было к вечеру, стояла великолепная осенняя погода, и обитатели замка разбрелись кто куда.

— Не бойтесь, дети, — сказал старый барон, — наверно, Гийом прогоняет какого-нибудь нищего...

Но Анжелика уже выбежала на крыльцо.

— На дядюшку Гийома напали, ему угрожают! — прокричала она оттуда.

Прихрамывая, барон заковылял за своей ржавой шпагой, Гонтран схватил арапник. Выйдя на крыльцо, они увидели старого слугу, вооруженного пикой, а рядом с ним Анжелику.

Противник был поблизости, хотя и недосыгаем, поскольку находился уже по другую сторону подъемного моста, но все еще хорохорился. Это был высокий детина с изможденным от голода лицом, он задыхался от ярости. И в то же время старался держать себя в руках как представитель закона.

Увидев его, Гонтран тотчас же опустил арапник и потянул деда назад.

— Это сборщик налогов, он пришел за деньгами. Его уже много раз прогоняли...

Посрамленный чиновник — вид у него после схватки был весьма жалкий — продолжал медленно пятиться, но, заметив, что подкрепление в нерешительности, осмелел. Он остановился — правда, на почтительном расстоянии — и, вынув из кармана измятый во время сражения свиток, вздыхая, принялся любовно расправлять его. Затем с ужимками начал читать: предписывается барону де Сансе без промедления уплатить задолженность в сумме 875 ливров, 19 су и 11 денье за испольтчиков, десятую часть сеньоральной ренты, королевский налог, налог на покрытых кобыл, «пыльное право» —

пошлину за перегон скота по королевской дороге и пени за просрочку платежа.

Старый барон побагровел от ярости.

— Уж не думаешь ли ты, болван, что дворянин, услышав этот бред, тотчас же выложит деньги, словно простой виллан! — кричал он в бешенстве.

— Вы же знаете, что мессир барон, ваш сын, до сих пор довольно аккуратно платил ежегодные налоги, — низко кланяясь, проговорил чиновник. — Хорошо, я приеду еще раз, когда он будет дома. Но предупреждаю: если завтра в это же время я в четвертый раз не застаю его и не получу денег, я немедленно подаю на взыскание в суд и ваш замок и вся мебель будут проданы, а деньги поступят в королевскую казну.

— Вон отсюда, прихвостень государственных ростовщиков!

— Мессир барон, не забывайте, что я состою на службе и могу быть также назначен судебным исполнителем.

— Чтобы быть исполнителем, нужно иметь решение суда, — вконец разгневался старый обнищавший дворянин.

— Если вы не уплатите, решение суда я вам обеспечу, это дело нехитрое, уж поверьте мне.

— Но чем, по-вашему, мы должны платить, если у нас нет денег? — прокричал Гонтран, увидев, что дедушка растерялся. — Раз уж вы судебный исполнитель, так можете сами убедиться, что грабители увели у нас жеребца, двух ослиц и четырех коров, а к тому же большая часть суммы, которую вы с нас требуете, — это подати, что должны внести испольтцики моего отца. До сих пор он добровольно платил за них, потому что они бедны, но ведь он вовсе не обязан делать это. А во время последнего набега грабителей крестьяне пострадали еще больше нас, и едва ли после такого разбоя отец сможет погасить задолженность...

Рассудительные слова мальчика подействовали на чиновника больше, чем брань старого сеньора. С опаской косясь на Гийома, он сделал несколько шагов вперед и уже более мягким, почти сочувственным, но все же твердым тоном заявил, что его дело получать приказы фиска и передавать их. По его мнению, только прошение, направленное мессиром бароном через интенданта

провинции в Пуату на имя генерального интенданта фиска, может задержать арест имущества.

— Между нами, — добавил чиновник, и эти слова вызвали гримасу отвращения у старого барона, — между нами, скажу вам, что даже мое непосредственное начальство — прокурор или налоговый инспектор — не правомочно освободить вас от налогов или предоставить льготу. Но ведь вы дворянин, и у вас, должно быть, есть высокие связи, поэтому мой дружеский совет вам — используйте их!

— Я бы не счел за честь называть вас своим другом, — резко заметил старый барон де Ридуэ.

— А я говорю для того, чтобы вы передали это мессиру барону, вашему сыну. Нищета никого не щадит, так-то вот! Думаете, мне приятно, когда от меня все шарахаются, словно от призрака, да еще награждают тумачами, точно паршивую собаку? Ну, ладно, прощайте, не поминайте лихом!

Он надел шляпу и, прихрамывая, зашагал прочь, с грустью разглядывая порванный во время драки рукав своего широкого плаща.

В противоположную сторону, в замок, тоже прихрамывая, зашагал и старый барон, а за ним, молча, Анжелика и Гонтран.

Старый Гийом, проклиная воображаемых врагов, отнес свою древнюю пику к себе в логово, хранилище исторических обломков.

Вернувшись в гостиную, старый барон принялся расхаживать взад и вперед, и дети долго не решались заговорить с ним. Наконец в сумеречной тишине зала раздался голосок Анжелики.

— Скажи, дедушка... вот грабители оставили нам наши гражданские права, а этот человек в черном, не унес ли он их сейчас с собой?

— Иди к маме, девочка, — дрогнувшим голосом ответил старый барон.

Он отвернулся, сел в свое высокое кресло с вытертой обивкой и умолк.

Дети, попрощавшись, ушли.

Арман де Сансе, узнав, какой прием был оказан сборщику налогов, вздохнул и долго теребил клинышек своей седой бородки а la Людовик XIII.

Анжелика любила, хотя и несколько покровительственно, своего доброго и спокойного отца, на загорелый лоб которого повседневные заботы наложили глубокие морщины.

Чтобы поставить на ноги своей многочисленный выводок, этому потомку нищих аристократов приходилось отказываться от всех удовольствий, которым обычно предаются люди его положения. Он редко куда-нибудь выезжал и почти не охотился, в отличие от своих соседей-дворян, которые были не богаче его и находили утешение в том, что все свое время проводили за травлей зайцев и кабанов.

А барон Арман де Сансе целиком посвятил себя заботам о семье. Одет он был ненамного лучше, чем его крестьяне, и как от них, от него исходил резкий запах навоза и лошадей. Он любил своих детей. Они доставляли ему радость, и он гордился ими. В них он видел смысл своей жизни. Главное место в ней занимали дети. Второе — его мулы. Одно время он даже мечтал разводить у себя этих выючных животных, которые были выносливее лошадей и крупнее ослов.

И вот теперь грабители угнали его лучшего жеребца и двух ослиц. Это было настоящее бедствие, и барон даже подумывал, не продать ли ему оставшихся мулов и те небольшие луга, которые он сохранял, чтобы их прокормить.

На следующий день после прихода сборщика налогов барон Арман де Сансе тщательно отточил гусиное перо и, расположившись за своим бюро, принялся сочинять челобитную на имя короля с просьбой освободить его от ежегодных налогов.

В своем послании он подробно описал, в каком бедственном положении он, дворянин, находится.

Прежде всего он просил извинить его за то, что пока может назвать только девять живых детей, но надеется, что их будет больше, так как «моя жена и я еще молоды и мы охотно увеличиваем их число».

Затем он добавил, что его немощный отец, который при Людовике XIII дослужился до полковника, не имеет пенсии и находится на его иждивении. Сам он имел чин капитана, был представлен к повышению, но ему пришлось покинуть королевскую службу ввиду того, что жалованья офицера королевской артиллерии — 1700 ливров в год — «не хватало, чтобы жить соответственно чину». Он упомянул также, что содержит двух престарелых тетушек, которые, будучи

«бесприданницами, не смогли ни найти себе мужей, ни уйти в монастырь, и упасть которых — чахнуть в смиренном труде». Далее барон писал, что у него пятеро слуг и один из них, крайне полезный в доме человек, — бывший солдат, тоже не имеющий пенсии. Старшие два сына учатся в коллеже, и их образование обходится в 500 ливров. Одну дочь надо бы поместить в монастырь, но для этого требуется еще 300 ливров. В заключение он упомянул что в течение многих лет платил налоги за своих испольщиков, чтобы удержать их на мызах, и вот теперь должен внести за них в государственную казну 875 ливров, 19 су и 11 денье только за текущий год. А его годовой доход едва достигает четырех тысяч ливров, и ему нужно кормить девятнадцать человек и в то же время поддерживать тот образ жизни, которого требует дворянское звание, а тут вдобавок ко всем несчастьям на его земли напали разбойники, разграбили и разорили дома, многих крестьян поубивали, а оставшихся в живых ввергли в еще более жестокую нужду. Заканчивая письмо, Арман де Сансе просил благосклонно уменьшить ему налог, оказать помощь в виде безвозвратной или же временной ссуды в сумме не менее тысячи ливров и молил о «королевской милости»: в случае, если будет предпринят поход в Америку или Индию, взять в качестве знаменщика его старшего сына, «юного шевалье», обучающегося логике у монахов, которым, кстати, барон задолжал за его содержание более чем за целый год.

Барон добавил, что со своей стороны он всегда готов принять любую должность, совместимую с его дворянским званием, лишь бы она дала возможность прокормить семью, так как он понимает, что его земли, даже если их продать, не спасут его...

Чтобы высушить чернила, Арман де Сансе посыпал песком свое длинное послание, на которое ушло несколько часов тяжкого труда, отдельно написал записку своему покровителю и кузену маркизу дю Плесси де Бельер, умоляя его передать прошение в руки самого короля или же вдовствующей королевы и сопроводить послание наилучшими рекомендациями, чтобы оно было принято благосклонно.

В заключение он из вежливости приписал: «Я уповаю, сударь, увидеть вас вскорости в наших краях и иметь возможность оказать вам услугу, поделиться с вами вьючными мулами, например, — у Меня

есть Прекрасные мулы! — или прислать к вашему столу фрукты, каштаны, сыры или простоквашу».

Несколько недель спустя к бедам несчастного барона Армана де Сансе прибавились еще новые.

Это случилось в преддверии зимы. В один из вечеров в замке слышали, как по дороге, а затем и по старому подъемному мосту, который, как всегда, словно украшали расположившиеся на перилах индюшки, процокали лошадиные копыта.

Во дворе залаяли собаки Анжелика, благодаря стараниям тетушки Пюльшери сидевшая взаперти в комнате за рукоделием, бросилась к окну.

Она увидела, как с лошади соскочили двое длинных и тощих, одетых в черное всадников, а следом на тропинке появился нагруженный баулами мул, которого вел крестьянский мальчик.

— Тетушка! Органс! — позвала Анжелика. — Взгляните-ка, моему, это наши братья, Жослен и Раймон.

Органс с Анжеликой и старая дева поспешили вниз. Они появились в гостиной в тот момент, когда мальчики здоровались с дедом и тетушкой Жанной. Со всех сторон сбегались слуги. Пошли за бароном в поле и за баронессой — в сад.

Юноши отнеслись к этому радостному переполоху довольно сдержанно.

Одному из них было пятнадцать лет, другому — шестнадцать, но их часто принимали за близнецов, так как они были одного роста и похожи друг на друга. У обоих — матовый цвет лица, серые глаза, черные прямые волосы, свисавшие на помятый, грязный белый воротник их монастырского платья. Отличало их только выражение лица: у Жослена оно было более жесткое, у Раймона — более скрытное.

Пока братья односложно отвечали на вопросы старого барона, кормилица, сияя от счастья, постелила на стол красивую скатерть, принесла горшочки с паштетом, хлеб, масло и котелок с каштанами нового урожая. Глаза юношей заблестели. Не дожидаясь приглашения, они уселись за стол и принялись есть — жадно и неаккуратно, что привело в восторг Анжелику.

Она заметила, что братья худы и бледны, что их костюмы из черной саржи сильно вытерты на локтях и коленях.

Разговаривая, они опускали глаза. Ни тот, ни другой, казалось, не узнали ее, а вот она помнила, что некогда помогала Жослену доставать птиц из гнезда, так же как теперь ей самой помогает Дени.

У Раймона на поясе висел пустой рог. Анжелика спросила, для чего он.

— Для чернил, — ответил он высокомерно.

— А я свой выбросил, — сказал Жослен. Пришли со свечами отец и мать. Барон был рад встрече с сыновьями, но немного встревожен.

— Почему вы здесь, мальчики? Ведь вы даже на лето не приезжали. Начало зимы — несколько необычное время для каникул, не правда ли?

— Летом мы не приехали потому, — начал объяснять Раймон, — что нам не на что было нанять лошадь или хотя бы отправиться в почтовой карете, которая ходит между Пуатье и Ниором.

— И если мы сейчас здесь, то совсем не оттого, что разбогатели... — продолжал Жослен.

— ...А потому, что монахи выставили нас вон, — закончил Раймон.

Наступило тягостное молчание.

— Ради святого Дени, скажите, что же вы натворили, судари мои, коль скоро вам нанесли такое оскорбление? — воскликнул старый барон.

— Ничего. Просто уже почти два года августинцы не получали за нас платы. Вот они и дали нам понять, что вместо нас хотят принять учеников, чьи родители щедрее... — Барон Арман принялся ходить взад и вперед по гостиной, что было у него признаком крайнего возбуждения.

— Нет, это невозможно! Если вы ни в чем не провинились, не могли же монахи так бесцеремонно выставить вас за дверь: ведь вы дворяне! И монахи это знают...

Жослен, старший из братьев, зло ответил:

— Да, они прекрасно это знают, я даже могу повторить вам слова эконома, которыми он нас напутствовал: он сказал, что дворяне — самые неаккуратные плательщики и, если у них нет денег, пусть

обходятся без латыни и прочих наук. Старый барон распрямил свою сутулую спину.

— Мне просто трудно поверить в правдивость ваших слов: подумайте сами, ведь церковь и дворянство едины, и воспитанники монастырей — будущий цвет государства. И уж кому, как не августинцам, знать это!

Раймон, который готовился стать священником, упорно не подымая глаз, ответил деду:

— Монахи говорили нам, что бог сам указывает на своих избранников. Может, он счел нас недостойными?..

— Оставь свои шуточки, Раймон! — прервал его брат. — Сейчас не время для этого, поверь мне. Если ты хочешь стать нищим монахом — дело твое, но я старший и я согласен с дедом: церковь должна уважать нас, дворян. Ну а если она отдает предпочтение простолюдинам, детям ремесленников и лавочников — воля ее! Она сама роет себе могилу, и ее ждет гибель!

Оба барона, старший и младший, в один голос возмущенно воскликнули:

— Жослен, не смей богохульствовать!

— А я не богохульствую, я говорю то, что есть на самом деле. В моем классе логики, где я самый младший, а по успехам второй из тридцати, двадцать пять учеников — дети богатых ремесленников или чиновников, и они аккуратно вносят плату, а дворян пятеро, и только двое вносят плату вовремя...

Эти слова Жослена подбодрили Армана де Сансе — выходит, он не одинок в своих бедах.

— Ах, значит, вместе с тобой исключили еще двоих воспитанников-дворян?

— Ничего подобного, их родители — влиятельные сеньоры, и августинцы их боятся.

— Я запрещаю тебе так отзываться о твоих воспитателях, — сказал барон Арман, а его старый отец пробурчал как бы про себя:

— Слава богу, что король умер и не может видеть, что творится!

— Да, вы правы, дедушка, слава богу, — усмехнулся Жослен. — Кстати, Генриха IV убил один удалой монах.

— Помолчи, Жослен, — вмешалась вдруг Анжелика. — Ты вообще не мастер говорить, а когда ты открываешь рот, то

становишься похож на жабу. И потом, монах убил Генриха III, а не Генриха IV.

Юноша вздрогнул и с удивлением посмотрел на кудрявую девочку, которая так спокойно поучала его.

— А-а, ты здесь, лягушка, болотная принцесса! Маркиза ангелов!.. Подумать только, я даже не поздоровался с тобой, сестренка.

— А почему ты называешь меня лягушкой?

— Потому, что ты обозвала меня жабой. И потом разве ты не пропадаешь вечно в болотных зарослях, среди тростников? Или ты стала такой же послушной и чопорной, как Ортанс?

— Надеюсь, что нет, — скромно ответила Анжелика. Вмешательство Анжелики несколько разрядило атмосферу.

Братья поели, и кормилица убирала со стола. Но обстановка в гостиной по-прежнему оставалась тягостной. Каждый втайне думал о том, как устоять перед новым ударом судьбы.

В тишине до них донесся отчаянный плач младенца. Мать, обе тетушки и даже Гонтран, воспользовавшись этим, пошли «взглянуть, что случилось». Но Анжелика осталась с дедом, отцом и старшими братьями, которые возвратились домой с таким позором.

Ей не давала покоя одна мысль: не утратила ли на сей раз их семья свои гражданские права? Ее так и подмывало спросить об этом, но она не решалась. Однако к братьям она испытывала какую-то презрительную жалость.

Вошел старый Гийом — его не было, когда юноши приехали, — и принес в честь прибывших еще один канделябр. Он неуклюже поцеловал старшего, капнув при этом на него воском. Младший почти надменно уклонился от неловких объятий старика.

Но это не обескуражило старого солдата, и он без колебаний высказал свое мнение:

— Давно уже пора было возвратиться. Да и на что вам зубрить латынь, если вы на родном-то языке едва пишете? Когда Фантина сказала мне, что молодые хозяева воротились насовсем, я сразу же подумал: вот теперь-то мессир Жослен сможет отправиться в плавание.

— Сержант Люцен, неужели я должен напоминать тебе о дисциплине? — неожиданно сухо оборвал его старый барон.

Гийом замолчал. Анжелику поразило высокомерный тон деда, в котором она к тому же уловила тревогу. А старый барон обратился к старшему внуку:

— Надеюсь, Жослен, ты уже выкинул из головы свои детские мечты стать моряком?

— А почему я должен их выкинуть, дедушка? Мне даже кажется, что теперь у меня просто нет иного выхода.

— Пока я жив, ты не будешь моряком! Все, что угодно, но только не это! — И старик стукнул своей палкой по выщербленным плитам пола.

Жослена, казалось, сразило неожиданное вмешательство деда в его планы на будущее, которые он давно уже лелеял в душе. Именно они-то и помогли ему без особого огорчения отнестись к изгнанию из монастыря.

«Кончились все эти молитвы и зубрежка латыни, — думал он. — Теперь я мужчина и смогу отправиться в плавание на королевском судне...»

Арман де Сансе попытался вступить за сына.

— Помилуйте, отец, почему такая непримиримость? Эта служба не хуже любой другой. Кстати, должен вам сказать, что в прошении, которое я недавно послал на имя короля, я среди прочего писал, что мой старший сын, возможно, пожелает поступить на капер или военный корабль, и просил помочь ему в этом.

Но старый барон в гневе замахал руками. Анжелика никогда не видела деда таким сердитым, даже в день его стычки со сборщиком налогов.

— Не люблю я людей, которым земля предков жжет пятки! Что они найдут там, за морями? Чудеса из чудес? Нет! Голых дикарей с татуированными руками! Старший сын дворянина должен служить в королевской армии! Вот и все!

— А я и не мечтаю о лучшей доле, чем служить королю, но только на море, — заметил юноша.

— Жослену шестнадцать лет. Ему уже пора определить свою судьбу, — неуверенно вставил его отец.

На морщинистом лице старого барона, обрамленном небольшой седой бородкой, отразилось страдание. Он поднял руку.

— Да, некоторые члены нашей семьи до него определяли свою судьбу сами. Дитя мое, неужели и вы обманете мои надежды! — с невыразимой горечью воскликнул он.

— Простите, отец, я вовсе не хотел воскрешать в вашей душе тягостные воспоминания, — виновато проговорил барон Арман. — Ведь сам я никогда не помышлял об иных землях, я даже выразить не в силах, как привязан я к нашему родному Монтелу. Но я и сейчас еще помню, каким тяжелым и ненадежным было мое положение в армии. Когда нет денег, даже знатность рода не поможет достичь высоких чинов. Я погряз в долгах, и, чтобы прокормиться, мне случалось продавать всю свою экипировку — коня, палатку, оружие — и даже отдавать внаймы своего слугу. вспомните, сколько отличных земель вам пришлось превратить в деньги, чтобы обеспечить мое содержание в армии...

Анжелика с большим интересом следила за разговором. Она никогда не видела моряков, но жила в краю, куда по долинам Севра и Вандеи доносилось призывное дыхание океана. Она знала, что со всего побережья от Ла-Рошели до Нанта через Сабль д'Олонн уходили рыбацкие суда в дальние страны, где живут красные, как огонь, и полосатые, как кабаны, люди. Рассказывали даже, что один бретонский матрос из Сен-Мало привез во Францию дикарей, у которых на голове вместо волос росли перья, как у птиц.

О, если бы она была мужчиной, она бы не стала спрашивать разрешения у деда!.. Уж она-то давно уехала бы и увезла с собой в Новый Свет всех своих ангелочков.

На следующее утро Анжелика бродила по двору, когда крестьянский мальчик принес барону Арману какой-то измятый клочок бумаги.

— Это от эконома Молина, он просит меня заехать к нему, — сказал барон, давая знак конюху седлать его лошадь. — Я вряд ли вернусь к обеду.

Баронесса де Сансе в соломенной шляпке, надетой поверх косынки, — она собиралась идти в сад — поджала губы.

— Нет, это просто неслыханно! — вздохнула она. — В какие времена мы живем! Допустить, чтобы какой-то простолюдин-гугенот позволял себе так вот запросто вызывать к себе вас, прямого потомка

Филиппа-Августа? Не представляю себе, какие достойные вашего звания дела может иметь дворянин с экономом соседнего замка? Опять, должно быть, эти мулы...

Барон ничего не ответил жене, и она ушла, покачивая головой.

Во время этой сценки Анжелика проскользнула в кухню, где лежали ее башмаки и накидка.

Потом она направилась в конюшню к отцу.

— Отец, можно я поеду с вами? — попросила она с самой обворожительной гримаской.

Он не мог отказать и посадил ее к себе в седло. Анжелика была его любимицей. Он находил ее очень красивой и иногда в мечтах представлял себе, что она выйдет замуж за герцога.

Глава 4

Был ясный осенний день, и на голубом небе вырисовывалась багряная листва не потерявшего еще своего пышного убора леса.

Когда они проезжали мимо главных ворот усадьбы маркиза дю Плесси, Анжелика пригнулась, чтобы увидеть стоящий в конце каштановой аллеи очаровательный белый замок Плесси-Бельер, который отражался в пруду, словно фантастическое облако. Вокруг царила тишина, и построенный в стиле Ренессанс замок, покинутый хозяевами ради жизни при дворе, казалось, дремал, окутанный тайнами своего парка и сада. По пустынным аллеям бродили лани, забредшие сюда из Ньельского леса.

Эконом Молин жил в двух лье от замка, у одного из въездов в парк. Его добротный, крепкий дом из красного кирпича под голубой крышей казался бдительным стражем легкого палаццо, итальянское изящество которого все еще поражало местных жителей, привыкших к мрачным феодальным твердыням.

Молин выглядел под стать своему дому. Суровый, богатый, уверенный в своих правах и в своей власти, он фактически являлся хозяином огромной усадьбы Плесси-Бельер, владелец которой постоянно отсутствовал. Лишь иногда, раз в два года, в охотничий сезон осенью или во время цветения ландышей, кавалькада сеньоров и дам со своими каретами, лошадьми, борзыми и музыкантами заполняла Плесси. Несколько дней проходили в сплошном празднике. Развлечения этого блестящего общества немного ужасали мелких дворян-соседей, которых приглашали в замок, чтобы посмеяться над ними. Затем все возвращались в Париж, а замок под неусыпным оком эконома вновь погружался в тишину.

Заслышав цокот копыт, Молин вышел во двор и несколько раз низко склонился перед гостями в привычном поклоне, что при его лакейской должности не составляло для него особого труда. Анжелика, знавшая, каким жестоким и спесивым может быть Молин, не поддавалась на эту лесть, но барону Арману она явно доставила удовольствие.

— У меня сегодня выдалось свободное утро, дорогой Молин, и я подумал, что незачем откладывать наше свидание...

— Премного вам благодарен, мессир барон. Я боялся, не сочтете ли вы дерзостью с моей стороны, что я послал вам приглашение со слугой.

— Меня это ничуть не оскорбило. Я знаю, что вы избегаете появляться в нашем доме из-за моего отца, который упорно видит в вас опасного гугенота.

— О, вы так проникательны, мессир барон! Действительно, мне бы не хотелось вызвать недовольство мессира де Ридуэ и госпожи баронессы, ведь она очень набожна. Поэтому я предпочитаю принимать вас у себя и надеюсь, что вы и ваша маленькая барышня окажете мне честь разделить с нами трапезу.

— Я уже не маленькая, — живо возразила Анжелика. — Мне десять с половиной лет, и у нас есть еще моложе меня: Мадлон, Дени, Мари-Аньес и братик, который недавно родился.

— Прошу мадемуазель Анжелику извинить меня. И впрямь, когда в семье столько малышей, от старших требуется и рассудительность, и зрелость мысли. Я был бы счастлив, если б моя дочь Бертиль подружилась с вами, ведь монахини из монастыря, где она воспитывается, твердят мне, что у нее — увы! — куриные мозги и от нее многого ждать не приходится.

— Вы преувеличиваете, Молин, — из вежливости запротестовал барон Арман.

«На этот раз я согласна с Молином», — подумала Анжелика. Она ненавидела его лицемерную смуглянку дочь.

Чувства, которые она испытывала к Молину, было трудно определить. С одной стороны, он вызывал у нее неприязнь, с другой — даже некоторое уважение, что объяснялось, скорее всего, благополучием, которым веяло от него и от его дома. Он носил темные костюмы из добротной ткани, и, наверно, их отдавали или, вернее, продавали до того, как они начинали терять вид. На ногах у него были туфли с пряжками, на довольно высоком каблуке, по последней моде.

И ели они вкусно. Маленький носик Анжелики сразу уловил приятный аромат, едва они вошли в сверкающую чистотой залу с выложенным плитками полом, дверь из которой вела в кухню. Жена

Молина в глубоком реверансе погрузилась в свои юбки и тут же снова занялась стряпней.

Эконом провел гостей в небольшой кабинет и приказал принести туда свежей воды и графин вина.

— Мне нравится это вино, — сказал он, подняв стакан, — оно из винограда, растущего на косогоре, который долгое время был заброшен. Хороший уход — и вот в прошлом году я уже собрал там урожай. Конечно, вина Пуату уступают винам Луары, но они весьма тонкие. Помолчав, он добавил:

— Я не могу даже выразить, мессир барон, как я счастлив, что вы откликнулись на мое приглашение и приехали сюда. Это для меня счастливый знак, и я надеюсь, что задуманное мною дело закончится благополучно.

— Вы как будто подвергаете меня своего рода испытанию?

— Не гневайтесь на меня за это, мессир барон. Я не могу похвастаться образованием, я обучался всего-навсего у деревенского кюре. Но скажу вам, чванство некоторых дворян никогда не казалось мне доказательством их большого ума. А чтобы говорить о делах, даже самых незначительных, требуется ум.

Барон откинулся на спинку мягкого стула и с любопытством посмотрел на своего собеседника. Его слегка беспокоило, о чем собирается говорить с ним этот человек, чья репутация была отнюдь не безупречной.

Ходили слухи, что он очень богат. В первые годы своей службы он был жесток с крестьянами и исполщниками, но в последнее время старался держаться мягче даже с самыми неимущими крестьянами.

Никто толком не знал причины этих перемен и его столь неожиданной доброты. Крестьяне не доверяли ему, но так как с некоторых пор он стал сговорчивее в вопросах об оброке и других повинностях, налагаемых королем и маркизом, то к нему относились с уважением.

Злые языки болтали, будто он делал это, чтобы ввести в долги своего вечно отсутствующего хозяина. Тем более что маркиза и ее сын Филипп интересовались своей усадьбой не больше, чем сам маркиз.

— Если верить людям, то вы скоро сможете приобрести все замки дю Плесси, — пожалуй, слишком прямолинейно сказал Арман де Сансе.

— Все это наговоры, мессир барон. У меня не только нет иных помыслов, кроме как оставаться преданным слугой своего хозяина маркиза, но я и не вижу для себя особой выгоды в этом приобретении. А чтобы окончательно рассеять ваши сомнения, скажу вам — и это не будет нарушением долга с моей стороны, — что поместье уже заложено!

— Только не предлагайте мне купить его, у меня нет на это средств...

— Я далек от этой мысли, мессир барон... Еще немного вина?..

Анжелике наскучил разговор мужчин, и она, незаметно выскользнув из кабинета, направилась в большую залу, где госпожа Молин раскатывала тесто для огромного сладкого пирога. Она улыбнулась девочке и протянула ей коробку, от которой исходил восхитительный запах.

— Возьмите, деточка, покушайте. Это засахаренный дягиль. Видите, он ваш тезка. Я его приготавливаю сама на хорошем белом сахаре, и он у меня получается вкуснее, чем у монахов в монастыре, они-то берут неочищенный сахар. И уж конечно, парижские кондитеры не очень-то ценят их варево, ведь оно теряет всякий аромат, потому что монахи готовят его в тех же котлах, что суп и кровяную колбасу, и даже не вымоют их как следует.

Слушая госпожу Молин, Анжелика с наслаждением откусывала кусочки липких зеленых стебельков. Так вот во что превращаются после варки эти большие и крепкие болотные растения, в запахе которых ей всегда чудилась горечь.

Анжелика восхищенно оглядывалась по сторонам. Мебель блестела. В углу, у двери в кабинет, стояли часы. Ее дед говорил, что часы — это изобретение дьявола. Девочке захотелось получше рассмотреть их и послушать, о чем они шепчут, и она подошла к кабинету, где продолжали беседовать мужчины. Она услышала, как ее отец говорил:

— Клянусь святым Дени, Молин, вы меня поражаете! О вас всякое говорят, но, в общем, все сходятся на том, что вы человек самобытный и у вас есть чутье... Однако то, что я услышал от вас сейчас, — абсолютная утопия!

— Что же в моем предложении, мессир барон, кажется вам таким безрассудным?

— Ну подумайте сами! Зная, что я занимаюсь разведением мулов и мне путем скрещивания удалось вывести довольно хорошую породу, вы предлагаете расширить это дело и берете на себя труд сбывать моих мулов. Все это прекрасно. Но я перестаю вас понимать, когда вы говорите о заключении долгосрочного контракта с... Испанией. Дорогой мой, мы же воюем с Испанией!

— Война не будет продолжаться вечно, мессир барон.

— Мы тоже уповаем на это. Но можно ли начинать серьезное коммерческое дело, основываясь на столь шаткой надежде?

На губах Молина промелькнула снисходительная усмешка, но разорившийся дворянин не заметил этого и пылко продолжал:

— Как же вы собираетесь вести торговлю со страной, которая находится в состоянии войны с нами? Во-первых, это совершенно справедливо запрещено, коль скоро Испания — наш враг. Кроме того, границы закрыты, дороги и мосты охраняются. Ну хорошо, я согласен, поставлять врагу мулов — это совсем не то, что поставлять оружие, тем более что война идет уже не на нашей земле, а на чужой. И вообще у меня слишком мало мулов, чтобы ими торговать! На это требуется много денег и долгие годы Труда, чтобы все наладить. Нет, мои финансовые дела не позволяют мне пойти на такой риск.

Из самолюбия он умолчал, что именно по этой причине ему, возможно, придется просто продать всех своих мулов.

— Но мессир барон не откажется признать, что у него имеются четыре превосходных производителя, и что ему будет гораздо легче, чем мне, купить и других хороших производителей у окрестных дворян. Ну а несколько сотен ослиц можно приобрести по десять — двадцать ливров за голову. Небольшие дополнительные работы по осушению болот помогут улучшить пастбища, хотя ваши тягловые мулы и не избалованы. Мне кажется, если вложить в это дело двадцать тысяч ливров, можно наладить его как следует, и года через три-четыре оно будет процветать.

У бедного барона перехватило дыхание.

— Черт возьми, ну и размах у вас! Двадцать тысяч ливров! Неужели вы воображаете, что столько стоят мои злосчастные мулы, над которыми все здесь открыто насмеваются! Двадцать тысяч ливров! Уж не вы ли ссудите их мне!

— А почему бы и не ссудить? — спокойно сказал эконом.

Барон посмотрел на него с некоторым испугом.

— Но это было бы безумием с вашей стороны, Молин! Считаю нужным поставить вас в известность, что у меня нет ни одного поручителя.

— Меня удовлетворил бы простой контракт, по которому я получаю половину прибылей и ипотечное право на наше дело, но контракт мы должны заключить в Париже, не предавая его огласке.

— Боюсь, я не скоро получу возможность поехать в Париж. Кроме того, ваше предложение представляется мне настолько необычным и даже рискованным, что мне бы хотелось предварительно посоветоваться кое с кем из друзей...

— В таком случае, мессир барон, оставим эту затею, ибо залог нашего успеха — в полной тайне. Иначе не стоит и начинать.

— Но я не могу один решиться на такое дело, которое к тому же, по моему глубокому убеждению, противно интересам моей родины!

— Она также и моя родина, мессир барон...

— Что-то сомнительно, Молин!

— Тогда прекратим этот разговор, мессир барон. Будем считать, что я ошибся. Хотя я полагал, зная об исключительных успехах, достигнутых вами, что только вы способны создать в нашем краю крупное скотоводческое хозяйство. И оно должно быть под вашим именем.

Барон был польщен.

— Не в этом моя главная забота...

— Может быть, тогда мессир барон разрешит мне подсказать ему, какое касательство имеет это дело непосредственно к тому, что беспокоит его, а именно — к достойному устройству его многочисленного семейства...

— Вы суете нос не в свои дела, Молин, и заслуживаете того, чтобы я отстегал вас хлыстом...

— Как вам будет угодно, мессир барон. Однако, хотя мои средства куда скромнее, чем некоторые здесь воображают, я намеревался в качестве аванса — в счет будущих доходов от нашего дела, естественно, — прямо сейчас одолжить вам именно такую сумму, то есть двадцать тысяч ливров, чтобы вы могли целиком посвятить себя делам, не тревожась о судьбе детей. Я по собственному опыту знаю, что работа не клеится, когда человека снедают заботы.

— И не дает покоя фиск, — добавил барон, и легкая краска залила его загорелое лицо.

— А чтобы деньги, которые я вам ссужу, не вызвали кривотолков, в наших общих интересах, как мне кажется, молчать о нашем контракте. И поэтому, каково бы ни было ваше решение, я настоятельно прошу, чтобы этот разговор остался между нами.

— Я понимаю вас. Но вы тоже должны понять меня: я не могу не рассказать о предложении, которое вы мне сделали, своей жене. Ведь речь идет о будущем наших девятерых детей.

— Извините, мессир барон, за нескромный вопрос, но умеет ли госпожа баронесса молчать? До сих пор мне не приходилось слышать о женщине, которая могла бы хранить тайну.

— У моей жены репутация отнюдь не болтуньи. К тому же мы ни с кем не встречаемся. Нет, если я попрошу ее, она будет молчать.

В этот момент Молин заметил, что Анжелика стоит, прислонившись к дверному косяку, и, не таясь, слушает их разговор. Барон обернулся, тоже увидел ее и нахмурил брови.

— Анжелика, подойдите сюда, — сухо сказал он. — Мне кажется, что у вас появилась дурная привычка подслушивать у дверей. Вы неслышно появляетесь и всегда в самый неподходящий момент. Ваше поведение весьма прискорбно.

Молин пристально смотрел на девочку, но он, казалось, не был так раздосадован, как барон.

— Крестьяне говорят, что она фея, — сказал он, и на лице его появилась тень улыбки.

Анжелика, ничуть не смутясь, вошла в комнату.

— Вы слышали наш разговор? — спросил ее барон.

— Да, отец. Молин сказал, что Жослен сможет поступить в армию, а Ортанс — в монастырь, если вы разведете много мулов.

— Странные ты делаешь выводы. Ну а теперь послушай меня. Обещай, что никому ничего не расскажешь. Анжелика подняла на него свои зеленые глаза.

— Пожалуйста... Но что я получу за это?

Молин хмыкнул.

— Анжелика! — с удивлением и недовольством воскликнул барон.

Ответил девочке Молин:

— Вы сперва докажите нам, мадемуазель Анжелика, что умеете держать язык за зубами. Если, как я надеюсь, наше соглашение с мессиром бароном, вашим отцом, будет заключено, то все равно дело начнет процветать не сразу, а до той поры наши планы должны оставаться в глубокой тайне. А потом в награду от нас вы получите мужа...

Анжелика скорчила гримаску, подумала и сказала:

— Хорошо, обещаю.

И она вышла из кабинета. В кухне госпожа Молин, отстранив прислугу, сама ставила в печь украшенный кремом и вишнями пирог.

— Госпожа Молин, мы скоро будем обедать? — спросила Анжелика.

— Нет еще, деточка, но, если вы очень голодны, я сделаю вам бутерброд.

— Я не голодна, просто мне хотелось знать, успею ли я сбегать к замку.

— Ну конечно. Когда накроют на стол, мы пошлем за вами мальчика.

Анжелика умчалась и, сбросив за первым же поворотом аллеи свои башмаки, спрятала их под камень, чтобы обуться на обратном пути. А потом легче лани понеслась вперед. В подлеске пахло мохом и грибами, после недавнего дождя не просохли лужицы, и она с разбегу перепрыгивала через них. Она была счастлива. Молин обещал ей мужа. Правда, она не была убеждена, что это такой уж замечательный подарок. На что ей нужен муж? Впрочем, если он окажется таким же милым, как Никола, у нее будет постоянный товарищ для походов за раками.

Но вот в конце аллеи на голубой эмали неба вырисовался белоснежный замок Плесси-Бельер. Это, конечно, был сказочный замок фей, второго подобного ему не сыскать в их краях. Все соседние жилища феодалов похожи на Монтелу — серые, замшелые, подслеповатые. А этот, построенный в прошлом веке итальянским зодчим, — ее множеством окон, портиков, слуховых окошек. Через ров, заросший кувшинками, перекинут миниатюрный подъемный мост. Стоящие по углам башенки служат лишь украшением. Архитектура здания простая и легкая. В его соединительных арках,

воздушных сводах нет ничего лишнего, в них все так же естественно и изящно, как в сплетении ветвей или цветочных гирлянд.

И лишь герб над главным входом, где была изображена химера с высунутым огненным языком, напоминал тяжеловесные украшения беспокойной старины.

Анжелика с поразительной ловкостью вскарабкалась на террасу, а оттуда, цепляясь за лепные украшения окон и балконов, забралась на второй этаж, где водослив послужил ей удобной опорой. Она прильнула лицом к оконному стеклу. Она уже не в первый раз залезла сюда, и ей не надоедало любоваться этой таинственной, всегда закрытой комнатой, разглядывать поблескивающие в полумраке на Инкрустированных столиках безделушки из серебра и слоновой кости, яркие, рыжие с синим, новые гобелены, висевшие на стенах картины.

В глубине комнаты находился альков, где стояла кровать, покрытая стеганым камчатым одеялом. Полог из той же тяжелой материи отливал золотом. Висевшая над камином огромная картина притягивала взгляд и особенно восхищала Анжелику. Она с трудом могла представить себе изображенный там легкомысленный мир обитателей Олимпа, очаровательных и свободных язычников. Бородатый фавн взирал на державших друг друга в объятиях бога и богиню, и их великолепные тела, как и весь этот замок, казались олицетворением античной красоты и грации здесь, в самом сердце девственного леса.

Это зрелище волновало и даже немного угнетало Анжелику.

«Вот бы мне потрогать все, — думала она, — погладить, подержать в руках. О, если бы когда-нибудь все это стало моим!..»

Глава 5

В мае юноши Пуату, воткнув в шляпу зеленый колосок, и девушки, украсив себя цветами льна, отправляются танцевать вокруг дольменов — огромных каменных столов, которые были воздвигнуты среди полей еще в доисторические времена.

На обратном пути все постепенно парочками разбредаются по лугам и по перелеску, наполненному ароматом ландышей.

В июне папаша Солье выдавал замуж дочь и устроил по этому случаю грандиозный праздник. Солье был единственный из арендаторов барона де Сансе, у которого, как и у самого барона, на поле работали только польщики.

Солье был зажиточный арендатор, и к тому же он еще держал в деревне кабачок.

Маленькая романская церквушка была убрана цветами, восковые свечи были толщиной в кулак. Сам барон повел невесту к алтарю.

Свадебный пир продолжался несколько часов. Стол ломился от угощений: белой и черной кровяной колбасы и от всяких прочих колбас, от сыров. Вдоволь было и вина.

После трапезы, согласно обычаю, деревенские дамы преподносили новобрачной свадебные подарки.

Молодая сидела в своем новом доме на скамье у большого стола, уже загроможденного всевозможной посудой, медными и лужеными котлами, постельным бельем. Голову ее украшал пышный венок из маргариток, ее круглое, немного тяжеловатое лицо сияло от удовольствия.

Госпожа де Сансе была, пожалуй, даже смущена своим скромным подарком: всего-навсего несколько тарелочек, правда из прекрасного фаянса, которые она хранила специально для подобных случаев. Анжелика вдруг подумала о том, что дома семья де Сансе всегда ест из простых крестьянских мисок. Эта нелепость возмутила и ранила ее: как все-таки странно устроены люди! Можно не сомневаться, что и эта крестьянка тоже не станет пользоваться тарелками, а тщательно спрячет их в сундук и будет, как прежде, есть из своей миски. И вот в

Плесси тоже, сколько там всяких чудесных вещей, которые заперты, словно в склепе!..

Анжелика насупилась и едва коснулась губами щеки новобрачной.

Окружив супружеское ложе, мужчины изощрались в остроумии.

— Эй, красавица, — крикнул один из них, — глядя на тебя и на твоего муженька, не скажешь, что на заре вам потребуется горячительный напиток для подкрепления сил.

— Мама, что это за напиток, о котором всегда толкуют на свадьбах? — спросила Анжелика, когда они выходили из дома.

— Есть такой обычай у вилланов, так же как, например, обычай делать подарки или танцевать, — уклончиво ответила баронесса.

Но это объяснение не удовлетворило девочку, и она дала себе слово дожидаться, когда молодым понесут горячительный напиток.

На деревенской площади под большим вязом, где обычно танцевали, пока еще было тихо. Мужчины сидели вокруг столов, установленных под открытым небом.

Анжелика вдруг услышала рыдания старшей сестры:

Ортанс просила, чтобы ей разрешили уйти домой, — она стыдилась своего скромного, заштопанного платья.

— Вот еще глупости! — воскликнула Анжелика. — Вечно ты что-то придумываешь, дуреха. Разве я жалею на свое платье, хотя оно вон какое узкое и короткое. Вот только туфли очень жмут. Но я принесла сабо и надену их, чтобы легче было танцевать. Уж я-то повеселюсь на славу!

Но Ортанс не успокаивалась, уверяла, что ей жарко, что она плохо себя чувствует и хочет вернуться домой. Госпожа де Сансе подошла к мужу — он сидел среди почетных гостей — и предупредила, что уходит и оставляет Анжелику на него. Девочка присела на минутку рядом с отцом. За ужином она плотно поела, и теперь ее клонило ко сну.

Вокруг них собралась вся деревенская аристократия — кюре, синдик, школьный учитель, который в случае надобности становился и певчим, и хирургом, и цирюльником, и звонарем, а также несколько крестьян, которых называли землепашцами, так как они были владельцами плугов с волами, хотя пахарей для работы они нанимали. Здесь же сидел и Артем Калло, землемер из соседнего городка, присланный на время в эту деревню, чтобы помочь осушить

близлежащее болото. Он казался каким-то ученым чужестранцем, хотя родом был из Лимузена. Тут же сидел и отец новобрачной, сам Поль Солье, скотовод, занимающийся разведением рогатого скота, лошадей и ослов.

По правде говоря, этот дородный мужчина был самым зажиточным из крестьян барона Армана де Сансе и уж наверняка богаче своего господина.

Анжелика, глядя на нахмуренное лицо отца, без труда разгадала его мысли.

«Вот еще одно доказательство, что дворянство приходит в упадок», — должно быть, с грустью думал он.

Тем временем на площади у большого вяза началась какая-то суматоха, и двое мужчин, держа под мышками какие-то белые, сильно надутые мешки, взобрались на бочки. Это были волынщики. К ним присоединился музыкант со свирелью.

— Сейчас начнутся танцы! — закричала Анжелика и кинулась в дом синдика, где она спрятала свои сабо.

Барон Арман видел, как Анжелика вернулась вприпрыжку, прихлопывая руками, словно уже слышала музыку, которая вот-вот должна была зазвучать. Ее золотистые волосы рассыпались по плечам. И барон неожиданно — может, из-за ее ставшего слишком коротким и узким платица — увидел, как она развилась за последние месяцы. Прежде совсем девочка, она выглядела сейчас старше своих лет — у нее стали шире плечи, а под поношенным лифом саржевого платица угадывались груди. Молодая кровь ярким румянцем пробивалась сквозь золотистый загар ее щек, а, когда она смеялась, ее влажные губы открывали чудесные ровные зубки.

Как и большинство деревенских девушек, она украсила лиф своего платья букетиком желтых и лиловых примул.

Сидевших рядом с бароном мужчин тоже поразила эта перемена, происшедшая в девочке, — от нее веяло страстью и какой-то необыкновенной свежестью.

— Ваша барышня становится красавицей, — подмигнув мужчинам, с угодливой улыбкой заметил барону папаша Солье.

К гордости барона примешалось чувство беспокойства.

«Девочка уже большая, не следует ей торчать среди этих вилланов, — внезапно подумал он. — Пожалуй, не Ортанс, а ее нужно поскорее отдать в монастырь...»

Анжелика, не подозревая ни об устремленных на нее взглядах, ни о тревожных мыслях отца, раскрасневшаяся, возбужденная, смешалась с толпой юношей и девушек, которые группками или парочками сбегались со всех сторон.

Она чуть не наскочила на подростка, которого даже не сразу узнала, так нарядно он был одет.

— Ба! Валентин! До чего же ты красив, дорогой мой! — воскликнула она на местном диалекте, которым хорошо владела.

Сын мельника был в костюме, сшитом наверняка в городе, из такого добротного серого сукна, что полы кафтана казались накрахмаленными. Кафтан и безрукавка были украшены несколькими рядами блестящих золотых пуговиц, туфли и мягкая шляпа — металлическими пряжками и бантами небесно-голубого атласа, такого же цвета были и подвязки. Этот нелепый наряд сидел на нем мешковато, словно с чужого плеча, но красное лицо четырнадцатилетнего мальчика сияло от удовольствия. Анжелика не видела Валентина несколько месяцев, так как он уезжал с отцом в город, и теперь она с удивлением обнаружила, что едва доходит ему до плеча, и от этого даже немножко оробела. Чтобы скрыть смущение, она схватила Валентина за руку.

— Пошли танцевать.

— Нет! Нет! — отказался он. — Я боюсь испортить свой красивый костюм. Лучше я пойду выпью с мужчинами, — самодовольно добавил он и направился к столу, где сидела вся местная аристократия, к которой присоединился и его отец.

— Потанцуем! — крикнул один из мальчиков, схватив Анжелику за талию.

Это был Никола. Его темно-карие, как зрелые каштаны, глаза искрились весельем.

Они стали друг к другу лицом и под пронзительные и однообразные звуки волынок и свирели принялись притоптывать ногами. Врожденное чувство ритма вносило в эти вроде бы монотонные и тяжеловесные крестьянские танцы какую-то удивительную гармонию. Глухой стук сабо, в такт музыки ударяющих

по земле, сливался со звуками волынок и свирели, а сложные фигуры, которые все танцующие выполняли очень слаженно, придавали этому сельскому балету изящество.

Наступил вечер. Его освежающая прохлада приятно оведала разгоряченные лица танцоров. Вся отдавшись танцу, забыв обо всем на свете, Анжелика чувствовала себя счастливой. Ее кавалеры сменялись один за другим, и в их блестящих, смеющихся глазах она читала что-то такое, что вызывало в ней смутное волнение.

Пыль легкой дымкой поднималась над землей, заходящее солнце окрашивало ее в розовый цвет. У крестьянина, игравшего на свирели, надутые щеки напоминали два мяча, а глаза были выпучены от натуги.

Сделали перерыв, и все устремились утолить жажду к столам, уставленным кувшинами.

— Отец, о чем вы задумались? — спросила Анжелика, садясь рядом с бароном, который все еще пребывал в мрачном настроении.

Она покраснелась и тяжело дышала. Барон почти рассердился на нее, видя, что она так счастлива и беспечна, в то время как его гложут заботы и он уже не может, как некогда, веселиться на сельском празднике.

— О налогах, — ответил он дочери, хмуро глядя на сидевшего напротив него сборщика налогов Корна, которого столько раз выставляли из замка барона.

— Нехорошо думать о таких вещах, когда все радуются, — проговорила девочка. — Разве наши крестьяне думают об этом сейчас, хотя им платить еще тяжелее, чем нам? Не так ли, господин Корн? — весело крикнула она через стол. — Верно ведь, что в такой день никто не должен думать о налогах, даже вы?..

Сидящие за столом дружно расхохотались. Потом начали петь, и папаша Солье затянул песенку «Сборщик по зернышку клюет...», которую Корн выслушал с добродушной улыбкой. Но барон знал, что скоро придет время для менее невинных песенок, которые обычно поют на свадьбах, к тому же его беспокоило поведение дочери — девочка пила вино рюмку за рюмкой, — и он решил, что пора уходить.

Он сказал Анжелике, чтобы она шла за ним: сейчас они откланяются и вдвоем вернутся в замок. Раймон, не говоря уже о малышах с кормилицей, давно дома. На свадьбе оставался только старший сын Жослен: в этот момент он обнимал за талию очень

миленькую деревенскую девушку. Барон не стал читать ему нравоучений. Он был доволен, что тщедушный и бледный подросток, держа в своих объятиях самое Природу, обретает хороший цвет лица и вполне здоровые желания. Сам барон был куда моложе, когда впервые затащил на сено цветущую пастушку из соседней деревни. Кто знает, может, эта девушка удержит Жослена в родном краю?

Уверенный, что Анжелика следует за ним, барон шел не оглядываясь и раскланивался направо и налево.

Но у его дочери были совсем иные планы. Она весь вечер обдумывала, как бы ей остаться здесь до зари, чтобы присутствовать при церемонии «горячительного напитка», и теперь, воспользовавшись толчеей, выскользнула из толпы. Взяв в руки сабо, она побежала к последним домам деревни, где было тихо и пустынно, потому что все, даже старухи, ушли на праздник. Анжелика увидела прислоненную к сараю лестницу, быстро вскарабкалась по ней и очутилась на мягком душистом сене.

Выпитое вино и усталость после танцев давали себя знать, Анжелика зевнула.

«Я посплю, — подумала она, — а потом пораньше проснусь и как раз попаду на церемонию «горячительного напитка».

Веки ее сомкнулись, и она погрузилась в глубокий сон.

Анжелика проснулась с восхитительным чувством какого-то блаженства. В сарае было по-прежнему темно и жарко. Ночь еще не кончилась, издали доносился шум праздника.

Анжелика не могла понять, что с ней происходит. Она была охвачена какой-то истомой, ей хотелось потянуться и застонать. Вдруг она почувствовала, как чья-то рука тихо скользнула по ее груди, потом спустилась вдоль тела и коснулась ног. Кто-то горячо и прерывисто дышал ей в лицо. Она протянула руку и ощутила под пальцами жесткую материю.

— Это ты, Валентин? — прошептала Анжелика.

Он не ответил и придвинулся ближе.

Винные пары и одурманивающая темнота несколько оглушили Анжелику. Она не испугалась. Да, это Валентин, она узнала его по тяжелому дыханию, по запаху, даже по рукам, всегда изрезанным

тростником и болотной травой. Они были такие шершавые, что от их прикосновения она вздрогнула.

— Ты уже не боишься больше испортить свой красивый костюм? — прошептала она наивно, но с невольным лукавством.

Он что-то пробормотал и прижался лбом к тоненькой шейке Анжелики.

— От тебя хорошо пахнет, — вздохнул Валентин, — ты пахнешь, как цветок дягиля.

Он попытался ее поцеловать, но ей было неприятно прикосновение его влажных губ, и она оттолкнула его. Он схватил ее крепче и прижал к себе. Эта неожиданная грубость окончательно пробудила Анжелику от сонного дурмана, сознание ее прояснилось. Она пробовала вырваться, встать, но Валентин, задыхаясь, крепко держал ее обеими руками. Тогда она в ярости принялась бить его кулаками по лицу.

— Пусти меня, деревенщина, пусти! — кричала она.

Валентин наконец разжал руки, и она, соскользнув с сена, спустилась по лестнице во двор. Она была в бешенстве и в то же время испытывала какую-то непонятную тоску... Веселые крики, огни факелов прорезали ночь, они приближались к ней.

Фарандола!

Девушки и юноши, держась за руки, пронеслись мимо нее. Анжелику увлек за собой стремительный поток. В предрассветном сумраке фарандола текла по улочкам, перепрыгивала через ограды, перекаtywала через поля. Опьянев от вина и сидра, танцующие то и дело спотыкались, падали друг на друга и хохотали. Фарандола вернулась на деревенскую площадь, перескочила через опрокинутые столы и скамьи. Наконец факелы погасли.

— Напиток! Горячительный напиток! — вдруг раздались требовательные голоса, и все принялись колотить в дверь дома синдика, который уже лег спать.

— Эй, хозяин, проснись! Надо подкрепить силы молодых!

Анжелике удалось наконец вырваться из цепочки танцующих, и она увидела странное шествие.

Впереди, разодетые, словно королевские шуты, что в старину жилали при дворе, шли два комичных персонажа в расшитых мишурой костюмах, увешанных колокольчиками. Следом двое мужчин несли на

плечах палку, на которой был подвешен за дужку огромный котел. Их окружали дружки с кувшинами для вина и кружками. За ними шествовали все жители деревни, которые еще держались на ногах; процессия получилась довольно внушительная.

Толпа бесцеремонно ввалилась в дом молодых.

Анжелика нашла, что они очень мило лежали рядышком на большой кровати. У молодой лицо было пунцовое. Однако оба охотно выпили горячее вино с пряностями, которое им преподнесли. Но тут один из мужчин, по пьянее других, попытался сдернуть простыню, которой стыдливо прикрывались юные супруги. Молодой муж ударил его кулаком. Завязалась драка. Бедняжка новобрачная, вцепившись в свои простыни, истошно кричала. Анжелику со всех сторон толкали разгоряченные дракой парни, она задыхалась от тяжелого запаха вина и потных тел и, наверно, не устояла бы на ногах и ее затоптали бы, не окажись рядом Никола, который вытащил ее из этой свалки и помог выбраться из дома.

— Уф! — вздохнула она, очутившись на свежем воздухе. — Нет, не нравится мне эта ваша церемония. Скажи, Никола, а зачем молодоженам приносят горячее вино?

— Черт побери! Так надо же их подкрепить после брачной ночи!

— Разве это так утомительно?

— Говорят...

Он почему-то вдруг рассмеялся. Глаза у него блестели, черные кудри спадали на загорелый лоб. Она увидела, что он тоже пьяный, как и все остальные. Он вдруг протянул к ней руки и, пошатываясь, подошел совсем близко:

— Анжелика, знаешь, ты такая миленькая, когда говоришь об этих вещах... Ты такая миленькая, Анжелика...

Он обнял ее за шею. Она молча высвободилась и ушла.

Над опустевшей площадью поднималось солнце. Праздник кончился. Анжелика нетвердым шагом брела по дороге в замок, и ее одолевали горькие мысли.

Ну вот, сначала Валентин, а потом и Никола, оба они вели себя так странно. Сегодня она потеряла сразу обоих друзей. Анжелике казалось, что детство ее кончилось, и при мысли, что ей уже больше не бродить со своими приятелями по болотам и лесам, ей захотелось плакать.

Тут ее и встретили барон де Сансе и старый Гийом, которые отправились на розыски. Анжелика шла им навстречу неуверенной походкой, в разорванном платье, с соломинками в растрепанных волосах.

— Mein Gott!^[2] — воскликнул потрясенный Гийом и остановился.

— Где вы были, Анжелика? — строго спросил барон.

Но старый солдат, увидев, что девочка не в силах отвечать, поднял ее на руки и понес в замок.

Расстроенный этим событием, Арман де Сансе твердо решил, что он должен во что бы то ни стало найти деньги и поскорее поместить Анжелику в монастырь.

Глава 6

Однажды в дождливый зимний день Анжелика, сидя у окна, вдруг с изумлением увидела на дороге, ведущей к подъемному мосту, утопающую в грязи многочисленную кавалькаду и подпрыгивающие на ухабах экипажи. Впереди ехали лакеи в расшитых желтым ливреях, за ними — кареты и повозка, судя по всему, с багажом, горничными и слугами.

На землю спрыгнули фореиторы, чтобы провести упряжку лошадей через узкие ворота. Лакеи, стоявшие на запятках первого экипажа, тоже спрыгнули на землю и открыли лакированные дверцы, на которых красовался красный с золотом герб.

Анжелика стремглав сбежала по башенной лестнице и очутилась на пороге как раз в тот момент, когда во дворе какой-то разодетый сеньор, поскользнувшись на навозе, уронил на землю свою шляпу с пером. Изо всех сил огрев лакея палкой по спине, сеньор разразился проклятиями.

Перепрыгивая с одного камня на другой на носках своих элегантных ботфуртов, он наконец добрался до входа, где на него с любопытством уставились Анжелика и кто-то из ее младших братьев и сестер.

Вслед за этим вельможей вошел подросток лет пятнадцати, одетый столь же изысканно.

— Но ради святого Дени, где же мой кузен? — воскликнул приезжий, оглядываясь с недовольным видом.

Увидев Анжелику, он закричал:

— Клянусь святым Илером, вылитый портрет моей кузины де Сансе! Точно такой я видел ее в Пуатье во время ее свадьбы. Вы не возражаете, детка, если вас поцелует ваш старый дядюшка?

Он приподнял ее и нежно поцеловал. Когда он снова поставил ее на пол, девочка два раза чихнула, настолько резок был аромат духов, который исходил от одежды сеньора.

Она потеряла рукавом кончик носа и тут же мельком додумала, что сейчас ей досталось бы от Пюльшери, но не покраснела, так как ей не знакомы были чувство стыда или смущения.

С приветливой улыбкой она сделала реверанс гостю, догадавшись наконец, что это маркиз дю Плесси де Бельер, потом подошла поцеловать своего кузена Филиппа.

Юноша отпрянул и в ужасе взглянул на маркиза:

— Отец, неужели я обязан поцеловать эту... хм... эту юную особу?..

— Конечно же, молокосос, пользуйтесь случаем, пока не поздно!
— воскликнул знатный сеньор и расхохотался.

Подросток осторожно коснулся губами круглых щечек Анжелики, а потом, достав из кармана своего камзола надушенный кружевной платочек, помахал им перед собой, словно отгоняя мух.

До колен в грязи, вбежал барон Арман.

— Маркиз дю Плесси, какая приятная неожиданность! Почему же вы не послали гонца предупредить о вашем приезде?

— По правде говоря, дорогой кузен, я рассчитывал проехать прямо в Плесси, но нам не повезло — у нас под Нешо сломалась ось. Мы потеряли много времени. Приближается ночь, и мы продрогли. А ваша усадьба совсем рядом, вот я и решил без церемоний попросить у вас приюта. У нас с собой есть и кровати, и гардеробы, только укажите нашим слугам, в каких покоях нам разместиться. А мы тем временем поболтаем в свое удовольствие. Филипп, поздоровайтесь же с вашим дядюшкой де Сансе и со всем очаровательным выводком его наследников.

Не смея перечить отцу, юный щеголь покорно подошел к барону и низко, с нарочитой церемонностью, поскольку его приветствие было предназначено человеку в простой деревенской одежде, склонил свою белокурую голову. Затем он смиренно поцеловал пухлые и грязные щечки своих кузин и кузенов. После этого снова вынул кружевной платочек и с надменным видом понюхал его.

— Мой сын придворный комедиант, он так далек от деревни! — заявил маркиз. — Только на одно и способен — брэнчать на гитаре. Я определил его пажом к монсеньору Мазарини, но боюсь, как бы он его не научил там любви по-итальянски. Юнец и без того похож на смазливую девушку, не правда ли?.. Вы, конечно, знаете, что такое любовь по-итальянски?

— Нет, — простодушно признался барон.

— Я вам как-нибудь расскажу, когда нас не будут слышать эти невинные уши. Но в вашей прихожей можно умереть от холода, дорогой мой. К тому же я хотел бы поздороваться с моей очаровательной кузиной...

Барон сказал, что, вероятно, дамы при виде экипажей поспешили в свои комнаты переодеться, что же до его отца, то старый барон будет счастлив видеть маркиза.

От Анжелики не ускользнул презрительный взгляд светло-голубых, холодных как сталь глаз ее юного кузена, которым он окинул запущенную, темную гостиную. Оглядев с одинаковым пренебрежением вытертые гобелены, жалкую кучку дров, тлевших в камине, и даже старого барона с его вышедшим из моды воротником, Филипп дю Плесси перевел глаза на дверь, и его светлые брови удивленно поползли вверх, а губы искривила насмешливая улыбка.

В гостиную вошла госпожа де Сансе в сопровождении Ортанс и обеих тетюшек. Они, разумеется, надели свои лучшие наряды, которые, должно быть, показались молодому щеголю смешными, так как он фыркнул в платок.

Анжелика не спускала с него глаз, стгорая от желания вцепиться ногтями в его физиономию. Уж скорее он сам смешон со своими кружевами, пышными лентами на плечах и разрезами на рукавах камзола от подмышек до манжет, чтобы все могли видеть, из какой тончайшей материи сшита его рубашка.

Его отец, который держался проще, поклонился вошедшим дамам, подметая плиты пола красивым завитым пером своей шляпы.

— Простите меня за скромный туалет, кузина. Мне неожиданно пришлось просить вас о приюте на ночь. А вот мой шевалье Филипп. С тех пор как вы его видели в последний раз, он подрос, но не стал от этого более любезным. Скоро я куплю ему чин полковника, служба в армии пойдет ему на пользу. В наши дни придворные пажи понятия не имеют о галантности.

Гостеприимная тетюшка Пюльшери предложила:

— Не желаете ли чего-нибудь выпить? Сидра или простокваши? Ведь, я вижу, вы приехали издалека.

— Спасибо. Охотно выпьем капельку вина, разбавленного водой.

— Вина у нас не осталось, — сказал барон Арман, — но мы сейчас пошлем слугу к кюре.

Тем временем маркиз сел и, поигрывая тростью черного дерева, украшенной атласным бантом, принялся рассказывать, что он приехал прямо из Сен-Жермена, что дороги отвратительны и что он еще раз просит извинить его за скромный наряд.

«Интересно, как бы они выглядели, если бы надели свои праздничные костюмы?» — подумала Анжелика.

Старый барон, которого раздражали эти бесконечные извинения, тронул концом своей палки отвороты на ботфортах гостя.

— Судя по кружевам на ваших ботфортах и вашему воротнику, эдикт, изданный монсеньером кардиналом в 1633 году, запрещающий всякие бантики-финтифлюшки, совсем забыт, — сказал он.

— Увы, — вздохнул маркиз, — еще не совсем. Регентша бедна и ведет аскетический образ жизни. И вот нам, нескольким вельможам, приходится буквально разоряться, чтобы придать хоть немного блеска этому благочестивому двору. Монсеньор Мазарини любит роскошь, но он носит сутану. У него все пальцы унизаны бриллиантами, а вот если кто-нибудь из принцев украсит свой камзол жалкими бантиками, он, как и его предшественник, кардинал Ришелье, мечет громы и молнии. Кружева на отворотах ботфорт... да...

Маркиз скрестил ноги, вытянув их перед собой, и принялся разглядывать их так внимательно, как барон Арман обычно разглядывал своих мулов.

— ...Мне кажется, эта мода скоро кончится, — проговорил он. — Некоторые молодые щеголи стали носить ботфорты с такими широкими отворотами, что их уже не закрепишь, и они болтаются, так что приходится ходить, расставив ноги. Когда мода становится неразумной, она проходит сама по себе. Вы согласны со мной, дорогая племянница? — спросил он, повернувшись к Ортанс.

Девочка даже покраснела от удовольствия, но ответила с непосредственностью и смелостью, которых трудно было ожидать от подростка.

— О, мне кажется, дядюшка, что мода, пока она существует, всегда разумна. Но в данном случае я, право, не могу судить, ведь я впервые вижу такие сапоги, как ваши. Вы наверняка самый модный из всех наших родственников.

— Мне приятно отметить, мадемуазель, что отдаленность вашей провинции от столицы не помешала вам идти в ногу со временем и в

образе мыслей, и в вопросах этикета, да, да, этикета, потому что, знаете, в мое время девушка не позволила бы себе первой сделать комплимент мужчине. А нынешнее поколение считает, что можно... и, пожалуй, в этом нет ничего плохого, скорее наоборот. Как вас зовут?

— Ортанс.

— Вам надо приехать в Париж, Ортанс, и побывать в салонах наших «ученых женщин» и «жеманниц». Филипп, сын мой, берегитесь, похоже, что здесь, в нашем славном краю Пуату, вам придется сразиться с сильным противником.

— Клянусь шпагой Беарнца^[3], маркиз, — воскликнул старый барон, — хотя я и знаю немного английский, с грехом пополам говорю на немецком и основательно изучил свой родной французский язык, я абсолютно ничего не понял из того, что вы сейчас сказали нашим дамам.

— Но дамы поняли, а это главное, когда речь идет о кружевах, — весело ответил маркиз. — А что вы скажете о самих ботфортах?

— А почему у них носы такие длинные и квадратные? — спросила Мадлон.

— Почему? На этот вопрос вам никто не сможет ответить, маленькая моя племянница, но это последний крик моды. Кстати, и мода может оказаться полезной! Недавно мессир де Рошфор, воспользовавшись тем, что принц Конде был весьма увлечен разговором, вбил по гвоздю в носки его ботфортов. Когда принц попытался сделать шаг, оказалось, что он пришпилен к полу. А будь носки короче, у принца оказались бы пробитыми ступни.

— Сапоги придумали совсем не для того, чтобы доставить кому-то удовольствие всаживать гвозди в чужие ноги, — проворчал старый барон. — Все это просто смешно.

— Вы знаете, что король в Сен-Жермене? — спросил маркиз.

— Нет, — ответил Арман де Сансе. — А что в этой новости необыкновенного?

— А то, что туда его загнала Фронда, дорогой мой.

Дамы и дети находили болтовню маркиза забавной, но оба барона, привыкшие к степенным разговорам крестьян, начали подумывать, уж не издевается ли над ними по своему обыкновению их словоохотливый родственник.

— Фронда? Да это же детская забава!

— Хороша детская забава! Да вы что, кузен, шутите? То, что мы при дворе называем Фрондой, не что иное, как бунт парижского парламента против короля. Вы когда-нибудь слышали что-либо подобное? Вот уже несколько месяцев, как господа в квадратных шапочках препираются с регентшей и ее итальянцем-кардиналом... Речь идет о налогах, и, хотя интересы этих господ никак не затронуты, они возомнили себя защитниками народа. И в адрес регентши сыплется упрек за упреком. Она, конечно, в ярости. Ну, а о волнениях, которые произошли в апреле, вы слышали?

— Кое-что.

— Они были вызваны арестом советника Брюсселя. Однажды утром по приказу регентши его арестовали как раз в тот момент, когда он принял слабительное. Крики служанки всполошили чернь, и Коменж, полковник королевской гвардии, не стал дожидаться, пока старик оденется, а поволок его прямо в халате, по дороге то и дело меняя кареты. Не без труда удалось ему выполнить приказ королевы. Позже он мне признался, что эта скачка сквозь толпы бунтовщиков была бы даже забавной, если бы он умыкал какую-нибудь хорошенькую девицу, а не заплаканного старика, который не понимал, что происходит. И вот чернь, которую полковник сумел обвести вокруг пальца, начала перегораживать улицы баррикадами. Народ обожает эту игру, она помогает ему излить свой гнев.

— А как же королева и маленький король? — встревожено спросила чувствительная тетушка Пюльшери.

— Что вам сказать? Сначала она весьма высокомерно встретила этих господ из парламента, но потом пошла на уступки. С тех пор они уже много раз ссорились и мерились. Право, эти последние месяцы Париж бурлит страстями, словно ведьмин котел. Париж — прелестный город, ничего не скажешь, но его заполонили всякие оборванцы и прочий сброд, от которых избавиться можно только одним способом: собрать всех в кучу и сжечь, как отбросы.

Я уж не говорю о всяких там памфлетистах и голодранцах-рифмоплетах, чьи перья жалят сильнее пчелы. Париж наводнен пасквилями в стихах и в прозе, и все они кричат одно и то же: «Долой Мазарини! Долой Мазарини!» Их так и называют — «мазаринады». Королева обнаруживает «мазаринады» даже у себя в постели, а ведь

ничто так не способствует бессоннице и не портит цвет лица, как эти невинные на вид бумажки.

Короче говоря, разразилась драма. Господа из парламента это давно предчувствовали; они все время опасались, как бы королева не увезла маленького короля из Парижа, и по три раза за вечер приходили большой толпой якобы полюбоваться, как спит прелестное дитя, а на самом деле желая удостовериться, что он на месте. Но испанка и итальянец всех перехитрили. В день богоявления мы весело пировали при дворе, ни о чем не подозревая, съели традиционную лепешку. Примерно в середине ночи, когда я с несколькими друзьями собирался продолжить праздник в тавернах, мне был дан приказ собрать своих людей, экипажи и направиться к одной из застав Парижа. А оттуда — в Сен-Жермен. Там я обнаружил прибывших до меня королеву с обоими сыновьями, фрейлин и пажей — все это испанское общество спало на соломе в старом замке, где гуляли сквозняки. Пожаловал туда и монсеньор Мазарини. С тех самых пор Париж осажден принцем Конде, который встал во главе королевской армии. Парламент в столице продолжает потрясать знаменем мятежа, но он в большом смятении. Кoadьютор Парижа Поль де Гонди, кардинал де Рец, не прочь занять место Мазарини, и он присоединился к бунтовщикам. Я тоже последовал за принцем Конде.

— Вы меня очень утешили этой новостью, — вздохнул старый барон. — При Генрихе IV подобного безобразия никогда бы не случилось. Подумать только, члены парламента и принцы поднимают бунт против короля Франции! Вот оно — влияние идей, вывезенных из-за Ла-Манша. Ведь ходят слухи, что английский парламента тоже поднял мятеж против своего короля и даже посмел бросить его в тюрьму.

— И даже положить его голову на плаху. Месяц назад его величество Карл I был казнен в Лондоне.

— Какой ужас! — в один голос воскликнули все, потрясенные услышанным.

— Как вы догадываетесь, в Сен-Жермене это известие никому не придало бодрости, тем более что убитая горем вдова короля Англии находится там с обоими своими детьми. И тогда было решено: с Парижем надо держаться сурово и непримиримо. Я послан сюда как помощник мессира де Сен-Мора, чтобы набрать в Пуату войско и

передать его в распоряжение мессира де Тюренна, самого отважного из королевских военачальников.

— Было бы чертовски странно, если бы я не набрал в своих и ваших владениях, дорогой кузен, хотя бы полк для моего сына. Итак, барон, отправляйте к моим сержантам всех лентяев и неугодных вам людей. Мы сделаем из них драгунов.

— Неужели снова будет война? — медленно проговорил барон. — Казалось, все уже наладилось. Ведь только что был подписан в Вестфалии договор, подтверждающий поражение Австрии и Германии... А мы думали, что наконец-то сможем свободно вздохнуть. Конечно, нам здесь еще трех жаловаться, но каково крестьянам Пикардии и Фланрии, где испанцы торчат вот уж тридцать лет...

— Ничего, они свыклись с этим, — беспечно сказал маркиз. — Война, дорогой мой, неизбежное зло, и это просто наивно — требовать мира, в котором бог отказывает нам, бедным грешникам. Но вот что важно — так это оказаться в числе тех, кто ведет войну, а не тех, кто от нее страдает. Лично я всегда в первом лагере, ибо мое положение дает мне на это право. Одно только меня тревожит — моя жена осталась в Париже... да, да, с ними... она на стороне парламента. Не думаю, впрочем, чтобы у нее был любовник среди этих важных ученых мужей, ведь их не назовешь блестящими кавалерами. Но представьте себе, придворные дамы обожают всякие заговоры, и они в восторге от Фронды. Они приверженцы дочери Гастона Орлеанского, брата короля Людовика XIII, они носят через плечо голубые шарфы и даже маленькие шпаги в кружевных портупях. Все это очень мило, но меня не оставляет тревога за маркизу...

— Она подвергает себя такой опасности!.. — простонала тетушка Пюльшери.

— О нет. Насколько я ее знаю, она женщина хоть и экзальтированная, но осторожная. Меня беспокоит совсем другое: боюсь, что если кто и пострадает, так это, пожалуй, я. Вы понимаете, что я хочу сказать? Подобные разлуки весьма огорчительны для супруга, который не желает ни с кем делиться. Лично я...

Сильный кашель не дал маркизу закончить, так как срочно произведенный в камердинеры конюх, чтобы поддержать огонь в камине, бросил туда огромную охапку сырой соломы. Несколько

минут в окутанной дымом гостиной слышался только надрывный кашель.

— Проклятье, кузен! — воскликнул маркиз, обретя наконец дар речи. — Теперь я понимаю, почему вам хочется свободно вздохнуть. Ваш дурень заслуживает хорошей порки.

Маркиз отнесся к происшествию юмористически, и Анжелика нашла, что он довольно симпатичный, несмотря на этот снисходительный тон. Его болтовня приводила ее в восторг. Старый, сонный замок, казалось, вдруг проснулся и распахнул свои тяжелые ворота в иной мир, полный жизни.

Зато сын маркиза, напротив, становился все более мрачным. Он застыл на своем стуле в напряженной позе, его белокурые кудри рассыпались по широкому кружевному воротнику. Время от времени он в ужасе бросал взгляд то на Жослена, то на Гонтрана, а те, понимая, какое впечатление производит их неопрятный вид, нарочно подливали масла в огонь и то ковыряли пальцем в носу, то скребли голову. Их поведение огорчало Анжелику, вызывало у нее какое-то неприятное чувство, почти тошноту. В последнее время ее вообще томила какая-то тоска: у нее побаливал живот, и Пюльшери запретила ей есть сырую морковь, которую она так любила. Но в этот вечер, принесший столько переживаний и впечатлений, связанных с приездом необычных гостей, Анжелике казалось, что она заболевает. Поэтому она не вступала в разговор и тихонько сидела на своем стуле. Но стоило ей взглянуть на своего кузена Филиппа дю Плесси, как у нее сжималось горло, и она не могла понять, отчего это — от ненависти к нему или от восхищения. Никогда еще она не видела такого красивого мальчика.

Его лоб прикрывали мягкие как шелк золотистые волосы, по сравнению с которыми ее собственные кудри казались темными. Черты лица у него были безукоризненные. Костюм из тонкого серого сукна, отделанный кружевами и голубыми лентами, подчеркивал нежность его бледного, с легким румянцем лица. Да, Филиппа дю Плесси можно было бы принять за девочку, если бы не жесткий взгляд, в котором не было ничего женственного.

Из-за Филиппа ужин, да и весь вечер, превратился для Анжелики в сплошную пытку. Малейшая оплошность слуг, малейшая неловкость, и подросток тут же бросал на них презрительный взгляд или криво усмехался.

Жан Латник, теперь уже исполняющий обязанности дворецкого, внес блюда, перекинув салфетку через плечо. Маркиз расхохотался и сказал, что салфетку перекидывают через плечо тогда, когда подают королю или принцу крови; конечно, он польщен оказанной ему честью, но его вполне удовлетворило бы, если б слуга просто обернул салфетку вокруг руки. Конюх с готовностью принялся оборачивать свою волосатую руку сомнительной чистоты салфеткой, но его неуклюжие движения и вздохи вызвали еще больший хохот маркиза, к которому вскоре присоединился и его сын.

— Нет, из этого парня получится хороший драгун, но никак не лакей, — сказал маркиз, глядя на Жана Латника. — А ты сам что думаешь об этом, дружок?

Оробевший конюх ответил каким-то медвежьим рычанием. От скатерти, которую ради гостей достали из сырого шкафа, из-под горячих тарелок с супом шел пар. Один из слуг, желая проявить усердие, без конца снимал нагар со свечей, освещавших гостиную, и они у него то и дело гасли.

И в довершение ко всем бедам мальчишка, которого послали за вином к кюре, вернулся и, почесывая затылок, сказал, что кюре ушел в соседнюю деревушку изгонять крыс, а Мари-Жанна, его служанка, отказалась дать хотя бы маленький бочонок.

— Пусть вас не тревожит этот пустяк, кузина, — любезно проговорил маркиз дю Плесси, — мы будем пить сидр, и если мессиру Филиппу он не по душе, пусть не пьет ничего. А вместо хорошего вина вы дадите мне некоторые разъяснения по поводу того, что я сейчас услышал. Я немножко знаю местный диалект — в раннем детстве неплохо через плечо голубые шарфы и даже маленькие шпаги в кружевных портупях. Все это очень мило, но меня не оставляет тревога за маркизу...

— Она подвергает себя такой опасности!.. — простонала тетушка Пюльшери.

— О нет. Насколько я ее знаю, она женщина хоть и экзальтированная, но осторожная. Меня беспокоит совсем другое: боюсь, что если кто и пострадает, так это, пожалуй, я. Вы понимаете, что я хочу сказать? Подобные разлуки весьма огорчительны для супруга, который не желает ни с кем делиться. Лично я...

Сильный кашель не дал маркизу закончить, так как срочно произведенный в камердинеры конюх, чтобы поддержать огонь в камине, бросил туда огромную охапку сырой соломы. Несколько минут в окутанной дымом гостиной слышался только надрывный кашель.

— Проклятье, кузен! — воскликнул маркиз, обретя наконец дар речи. — Теперь я понимаю, почему вам хочется свободно вздохнуть. Ваш дурень заслуживает хорошей порки.

Маркиз отнесся к происшествию юмористически, и Анжелика нашла, что он довольно симпатичный, несмотря на этот снисходительный тон. Его болтовня приводила ее в восторг. Старый, сонный замок, казалось, вдруг проснулся и распахнул свои тяжелые ворота в иной мир, полный жизни.

Зато сын маркиза, напротив, становился все более мрачным. Он застыл на своем стуле в напряженной позе, его белокурые кудри рассыпались по широкому кружевному воротнику. Время от времени он в ужасе бросал взгляд то на Жослена, то на Гонтрана, а те, понимая, какое впечатление производит их неопрятный вид, нарочно подливали масла в огонь и то ковыряли пальцем в носу, то скребли голову. Их поведение огорчало Анжелику, вызывало у нее какое-то неприятное чувство, почти тошноту. В последнее время ее вообще томила какая-то тоска: у нее побаливал живот, и Пюльшери запретила ей есть сырую морковь, которую она так любила. Но в этот вечер, принесший столько переживаний и впечатлений, связанных с приездом необычных гостей, Анжелике казалось, что она заболевает. Поэтому она не вступала в разговор и тихонько сидела на своем стуле. Но стоило ей взглянуть на своего кузена Филиппа дю Плесси, как у нее сжималось горло, и она не могла понять, отчего это — от ненависти к нему или от восхищения. Никогда еще она не видела такого красивого мальчика.

Его лоб прикрывали мягкие как шелк золотистые волосы, по сравнению с которыми ее собственные кудри казались темными. Черты лица у него были безукоризненные. Костюм из тонкого серого сукна, отделанный кружевами и голубыми лентами, подчеркивал нежность его бледного, с легким румянцем лица. Да, Филиппа дю Плесси можно было бы принять за девочку, если бы не жесткий взгляд, в котором не было ничего женственного.

Из-за Филиппа ужин, да и весь вечер, превратился для Анжелики в сплошную пытку. Малейшая оплошность слуг, малейшая неловкость, и подросток тут же бросал на них презрительный взгляд или криво усмехался.

Жан Латник, теперь уже исполняющий обязанности дворецкого, внес блюда, перекинув салфетку через плечо. Маркиз расхохотался и сказал, что салфетку перекидывают через плечо тогда, когда подают королю или принцу крови; конечно, он польщен оказанной ему честью, но его вполне удовлетворило бы, если б слуга просто обернул салфетку вокруг руки. Конюх с готовностью принялся оборачивать свою волосатую руку сомнительной чистоты салфеткой, но его неуклюжие движения и вздохи вызвали еще больший хохот маркиза, к которому вскоре присоединился и его сын.

— Нет, из этого парня получится хороший драгун, но никак не лакей, — сказал маркиз, глядя на Жана Латника. — А ты сам что думаешь об этом, дружок?

Оробевший конюх ответил каким-то медвежьим рычанием. От скатерти, которую ради гостей достали из сырого шкафа, из-под горячих тарелок с супом шел пар. Один из слуг, желая проявить усердие, без конца снимал нагар со свечей, освещавших гостиную, и они у него то и дело гасли.

И в довершение ко всем бедам мальчишка, которого послали за вином к кюре, вернулся и, почесывая затылок, сказал, что кюре ушел в соседнюю деревушку изгонять крыс, а Мари-Жанна, его служанка, отказалась дать хотя бы маленький бочонок.

— Пусть вас не тревожит этот пустяк, кузина, — любезно проговорил маркиз дю Плесси, — мы будем пить сидр, и если мессиру Филиппу он не по душе, пусть не пьет ничего. А вместо хорошего вина вы дадите мне некоторые разъяснения по поводу того, что я сейчас услышал. Я немножко знаю местный диалект — в раннем детстве неплохо болтал на нем, — и я понял, о чем говорил этот бездельник. Кюре ушел изгонять крыс?.. Что это значит?

— Значит, ничего странного, дорогой кузен. Действительно, крестьяне соседней деревушки с некоторых пор жалуются на нашествие крыс, которые пожирают все запасы зерна. И вот кюре, видимо, отправился туда со святой водой, чтобы прочесть

соответствующие молитвы, которые изгонят злых духов из крыс, после чего они перестанут приносить вред.

Маркиз с изумлением посмотрел на Армана де Сансе и, откинувшись на спинку стула, тихо засмеялся.

— Никогда не слышал ничего более забавного. Надо будет написать об этом госпоже де Бофор. Значит, чтобы истребить крыс, их кропят святой водой?

— А что в этом смешного? — возразил барон, начиная терять терпение. — Всякое зло исходит от злых духов, которые вселяются в животных, чтобы вредить людям. В прошлом году, например, мои поля были сплошь покрыты гусеницами. Я попросил изгнать их.

— И они исчезли?

— Да. Через каких-нибудь два-три дня.

— Когда им нечего стало есть в поле.

Госпожа де Сансе, которая обычно считала, что женщина должна скромно молчать, нарушила свой принцип, чтобы защитить веру, которая, по ее мнению, подверглась нападкам.

— А почему вас удивляет, дорогой кузен, что святые молитвы помогают изгонять вредных тварей? Разве сам господь бог, как мы знаем из Евангелия, не повелел нечистой силе проникнуть в стадо свиней? Наш кюре считает, что в таких делах молитвы приносят большую пользу.

— И сколько же вы платите ему за изгнание злых духов?

— Он довольствуется малым и всегда готов прийти по первому зову.

На этот раз Анжелика заметила, как маркиз дю Плесси переглянулся с сыном: эти жалкие люди, казалось, говорил его взгляд, поистине наивны до глупости.

— Надо будет рассказать об этих сельских обычаях его преподобию Венсану, — проговорил маркиз. — Беднягу просто удар хватит. Господин Венсан основал орден, цель которого — распространение евангельского учения среди сельского духовенства. Его миссионеры находятся под покровительством святого Лазаря. Их называют лазаристами. Они по трое ходят по деревням и проповедуют Евангелие и учат кюре, чтобы те не начинали мессу с «Отче наш» и не спали со своими служанками. Довольно необычное занятие, но его преподобие Венсан — борец за реформу церкви руками самой церкви.

— До чего же я не люблю этого слова — реформа! — воскликнул старый барон. — Реформа и опять реформа! Вы рассуждаете почти как гугенот, кузен! Боюсь, еще немного, и вы предадите короля. Что же касается вашего преподобного Венсана, то хотя он и духовное лицо, но, судя по тому, что я о нем слышал, я понял, что он действует как еретик и Риму следует опасаться его.

— Тем не менее его величество король Людовик XIII, выражая перед смертью свою последнюю волю, поставил его во главе Совета совести.

— А это еще что такое?

Маркиз дю Плесси легким щелчком взбил кружева своих манжет.

— Как бы вам объяснить... Это нечто грандиозное... Совесть королевства! Да, да, Венсан де Поль является совестью королевства! Он почти ежедневно видится с регентшей, он принят всеми принцами. И при всем том он самый простой и веселый человек на свете. Он считает, что нужда излечима и сильные мира сего должны помочь побороть ее.

— Бредни! — раздраженно проговорила тетя Жанна. — Нужда — то же самое, что и война, которая, как вы только что сказали, является злом, коим бог пожелал наказать людей за первородный грех. И восставать против возложенного на нас бремени — значит восставать против божественного миропорядка!

— Милая мадемуазель, его преподобие Венсан ответил бы вам на это, что и вы тоже несете ответственность за окружающее нас зло, и без долгих слов послал бы вас лечить и кормить самых бедных из ваших землепашцев, добавив при этом, что если они кажутся вам «слишком грубыми и земными» — это его выражение, — то взгляните на них другими глазами, и тогда вы увидите лицо страдающего Христа. И вот этот удивительный человек умудрился таким образом завербовать в свои благотворительные когорты почти всю знать королевства; Я сам, — добавил маркиз с жалобной гримасой, — когда был в Париже, по два раза в неделю ходил в городскую больницу разливать и разносить суп больным.

— Вы все больше поражаете меня! — взволнованно воскликнул старый барон — Вот уж воистину, такие дворяне, как вы, словно нарочно придумывают, как бы опозорить свой герб. Нет, я вижу, мир сошел с ума посылают священников, чтобы они проповедовали среди

священников, а вы, человек безнравственный, я бы сказал, почти вольнодумец, читаете нравоучения такой честной и добродетельной семье, как наша! Нет, я не в силах больше выносить это!

Старик вне себя встал из-за стола, а так как ужин был уже закончен, все последовали его примеру. Анжелика — она так ни к чему и не притронулась — выскользнула из гостиной. Ей почему-то было холодно, ее знобило. Все, о чем говорили за столом в гостиной, смешалось в ее голове: спящий на соломе король, взбунтовавшийся парламент, разливающие суп знатные сеньоры, Париж, манящий, полный жизни мир. И рядом с этими бурлящими страстями она, Анжелика, была словно заживо похоронена в склепе.

По коридору шел ее кузен Филипп, и она торопливо спряталась под лестницей. Он прошел совсем рядом, не заметив ее. Она слышала, как он поднялся на второй этаж и кликнул слуг, которые при тусклом свете нескольких свечей готовили спальни для своих господ. Визгливый голос подростка звенел от ярости.

— Черт знает что, никто даже не подумал на последнем перегоне запастись свечами! Могли бы догадаться, что в этой глуши так называемые дворяне ничем не отличаются от своих голодранцев-вилланов. Вы хоть согрели мне воды для ванны?

Слуга что-то ответил, однако Анжелика не расслышала его слов. Филипп проворчал уже более мирным тоном:

— Час от часу не легче. Мыться в тазу! К счастью, отец говорил, что у нас в Плесси есть две флорентийские ванны комнаты. Скорее бы уж добраться до них. Мне кажется, что вонь этого племени де Сансе теперь будет преследовать меня вечно.

«Ну, за это он у меня поплатится!» — подумала Анжелика.

При свете фонаря, стоявшего в передней на столике с выгнутыми ножками, Анжелика увидела, что Филипп снова идет вниз.

Когда он приблизился, она вышла из своего убежища в тени винтовой лестницы.

— Как смеете вы говорить о нас так оскорбительно при лакеях? — раздался под сводами замка ее голос. — Неужели вы понятия не имеете о дворянской чести? Это, верно, оттого, что вы ведете свой род от незаконнорожденного сына короля! А вот у нас — чистая кровь!

— Такая же чистая, как ваша грязная физиономия, — ледяным тоном отпарировал Филипп дю Плесси.

Неожиданно для себя Анжелика кинулась к нему, чтобы расцарапать его лицо. Но Филипп крепко, по-мужски схватил ее за запястье и с силой отшвырнул к стене. И ушел, даже не ускорив шага.

Оглушенная, Анжелика слышала, как бешено колотилось ее сердце. Неведомое ей дотоле чувство стыда и отчаяния охватило девочку.

«Я ненавижу его, — думала она. — Придет день, и я ему отомщу. Я заставлю его склониться передо мной, просить у меня прощения».

Но сейчас она была всего-навсего несчастной маленькой девочкой, такой одинокой в темноте старого замшелого замка.

Скрипнула дверь, и Анжелика увидела плотную фигуру старого Гийома — он нес для юного сеньора два ведра горячей воды, над которыми поднимался пар. Почувствовав, что в темноте кто-то прячется, старик остановился.

— Кто там?

— Это я, — ответила Анжелика по-немецки.

Когда они были вдвоем с Гийомом, она всегда разговаривала с ним на его родном языке, которому он обучил ее.

— Что вы здесь делаете? — спросил Гийом, тоже переходя на немецкий. — Тут холодно. Идите лучше в гостиную, послушайте, какие истории рассказывает там ваш дядюшка маркиз. Потом на целый год хватит вспоминать их.

— Я ненавижу этих людей, — мрачно сказала Анжелика. — Они злые, противные. Приехали, посмеялись над всем, а потом уедут в свои прекрасные замки, там столько всяких красивых вещей, а мы останемся здесь...

— Что с вами, доченька? — медленно проговорил старый Люцен. — Да полно вам, не обращайтесь вы внимания на их насмешки!

Анжелика чувствовала себя все хуже. По вискам ее струился холодный пот.

— Гийом, вот ты простой солдат, так скажи мне: как надо поступить, если встретишь человека алого, трусливого?

— Станный вопрос для ребенка! Но коли уж вы спрашиваете, я вам отвечу: злого надо убить, а трусу — дать убежать.

Немного подумав, он добавил, снова поднимая свои ведра:

— Но ваш кузен Филипп не злой и не трусливый. Просто он еще молод, вот и все...

— Значит, ты тоже его защищаешь! — пронзительным голосом закричала Анжелика. — Ты тоже! Потому что он красивый... потому что он богатый!..

Она вдруг почувствовала во рту какую-то горечь, покачнулась и, скользнув вдоль стены, упала без чувств.

Недомогание Анжелики объяснялось вполне естественными причинами. Госпожа де Сансе успокоила девочку, растолковав ей, что теперь она стала девушкой и эти явления, так взволновавшие ее, отныне будут повторяться каждый месяц до тех пор, пока она не достигнет старости.

— И каждый месяц я буду терять сознание? — спросила Анжелика, удивленная, что до сих пор не замечала этих обязательных обмороков у женщин, которые ее окружали.

— Нет, ваш обморок — просто случайность. Вы поправитесь и очень скоро привыкнете к этому.

— Все равно плохо! До старости еще так далеко! — вздохнула Анжелика. — А когда я состарюсь, уже нельзя будет снова лазать по деревьям.

— Вы сможете великолепно продолжать это занятие, — заверила ее госпожа де Сансе, которая всегда проявляла большую чуткость в воспитании своих детей и, по-видимому, вполне понимала огорчение дочери. — Но как вы сами догадываетесь, это действительно подходящий случай для того, чтобы расстаться с манерами, не соответствующими ни вашему возрасту, ни положению девушки из знатной семьи.

Она произнесла также небольшую речь о том, как радостно производить на свет детей, и о наказании за первородный грех, который несут все женщины по вине нашей праматери Евы.

«Вдобавок к нищете и войнам еще и это!» — подумала Анжелика.

Она лежала, вытянувшись под простыней, слушала, как за окном шумит дождь, и ей было даже уютно. Она чувствовала себя слабой, но в то же время повзрослевшей. Ей казалось, что она лежит на палубе судна, которое отчалило от знакомого берега и плывет неведомо куда, неведомо к какой судьбе. Временами ее мысли возвращались к Филиппу, и тогда она стискивала зубы.

После того как она упала в обморок, ее уложили в постель, и ухаживала за ней Пюльшери. О том, что маркиз с сыном уехали, Анжелика не знала.

Позже ей рассказали, что они не стали задерживаться в Монтелу. Филипп жаловался, что клопы ему не давали спать.

— А как с моим прощением? — спросил барон де Сансе своего именитого родственника, когда тот садился в экипаж. — Удалось вам передать его королю?

— Мой бедный друг, прощение я передал, но, по-моему, вам не следует возлагать на него большие надежды, король еще совсем дитя, и сейчас он более нищ, чем вы, ему даже негде, если можно так выразиться, преклонить свою голову.

И он добавил с высокомерием:

— Я слышал, вы развлекаетесь разведением прекрасных мулов. Так продайте несколько штук.

— Я обдумаю ваше предложение, — ответил Арман де Сансе, на сей раз не скрывая иронии. — В наше время дворянину, бесспорно, надо проявлять трудолюбие, а не рассчитывать на щедрость себе равных.

— Трудолюбие! Фи, какое низменное слово, — проговорил маркиз, грациозно взмахнув рукой. — Итак, прощайте, кузен. Отправьте своих сыновей в армию, а в полк моего сына пошлите самых крепких из ваших голодранцев. Прощайте. Целую вас тысячу раз.

Карета, удаляясь, затряслась по ухабам, а пухлая ручка маркиза, высунутая в оконце, махала оставшимся.

Больше сеньоры из замка дю Плесси в Монтелу не появлялись. Было известно, что они устраивали пышные празднества, потом прошел слух, что они намереваются вернуться в Иль-де-Франс с набранным полком. В Монтелу тоже побывали вербовщики.

Из людей барона Армана де Сансе соблазнились славным будущим, которое сулили королевским драгунам, только двое — Жан Латник да еще один бедняк. Кормилица Фантина горько оплакивала отъезд своего сына.

— Был неплохой парень, а теперь станет таким же грубым солдатом, как вы, — говорила она Гийому Люцену.

— Все дело в наследственности, кумушка. Ведь его предполагаемый отец тоже был солдатом, не так ли?

С тех пор, вспоминая о каких-либо событиях в замке, обычно говорили: «это было до» или «Это было после визита маркиза дю Плесси».

Глава 7

А потом приехал «черный гость».

Это событие оставило более глубокий след в памяти Анжелики. «Черный гость» не только не поколебал никаких устоев и не ранил ничьей души, как предыдущие гости, но своими необычными речами вселил в Анжелику надежду, непоколебимую и твердую надежду, которую она пронесла через всю свою жизнь; и в минуты самых тяжелых испытаний, что в дальнейшем выпали на ее долю, стоило ей закрыть глаза, как она снова видела этот весенний вечер, слышала бормотание дождя, под шум которого появился «черный гость».

Анжелика, как обычно, была на кухне. Дени, Мари-Агнесс и маленький Альберт играли рядом с ней. Самый младший братишка лежал в колыбели у очага. По мнению детей, кухня была самым прекрасным местом в замке. В большом очаге с высоким колпаком, благодаря которому в кухне почти не было дыма, всегда пылал огонь. Языки пламени плясали, отражаясь в днищах кастрюль и тяжелых медных тазов, развешанных по стенам. Диковатый мечтатель Гонтран мог часами наблюдать за мерцанием этих бликов, и его воображение рисовало какие-то фантастические видения, Анжелике же виделись добрые духи замка Монтелу.

В тот вечер Анжелика готовила пирог с зайчатинной. Она уже раскатала тесто, придав ему круглую форму, и рубила мясо. Неожиданно снаружи донесся глухой стук лошадиных копыт.

— Вот и ваш отец возвращается, — сказала тетушка Пюльшери.
— Анжелика, я думаю, нам приличнее пройти в гостиную.

Но после минутной тишины — вероятно, всадник спешил — зазвонил колокольчик у входной двери.

— Я открою! — крикнула Анжелика.

Она помчалась к двери, не обращая внимания на засученные рукава и выпачканные мукой руки.

Сквозь пелену дождя и вечернего тумана она увидела высокого худощавого человека, с плаща которого стекала вода.

— А вы поставили свою лошадь под навес? — спросила Анжелика. — Здесь животные легко простужаются. У нас из-за болот

очень сильные туманы.

— Благодарю вас, мадемуазель, — ответил незнакомец, снимая свою широкополую шляпу и кланяясь. — Я позволил себе по праву путешественника сразу же поставить лошадь в вашу конюшню и туда же положил свои вещи. Я понял, что мне сегодня не добраться до цели моего пути, и, проезжая мимо замка Монтелу, решил попросить мессира барона оказать мне гостеприимство на одну ночь.

По его костюму из грубой черной материи, единственным украшением которого был белый воротник, незнакомца можно было принять за мелкого торговца или принарядившегося крестьянина, но Анжелику смутило его произношение, совсем не похожее на местный говор и даже будто с каким-то чужестранным акцентом, а также его изысканная манера выражать свои мысли.

— Мой отец еще не возвратился, пройдите пока на кухню, там тепло. Мы пошлем слугу обтереть вашу лошадь соломой.

Как раз в тот момент, когда Анжелика вела гостя в кухню, ее брат Жослен вошел туда через заднюю дверь. Он был весь в грязи, с красным, перепачканным лицом. За ним слуги втащили кабана, которого он только что убил рогатиной.

— Удачно поохотились, сударь? — вежливо поинтересовался незнакомец.

Жослен бросил на него недружелюбный взгляд и что-то буркнул себе под нос. Потом он сел на табурет и протянул ноги к огню. Гость скромно устроился сбоку и взял миску супу, которую предложила ему Фантина.

Он рассказал, что родом из этих мест, из-под Секондиньи, но он столько лет провел в странствиях, что в конце концов стал говорить на родном языке с акцентом.

— Но это скоро пройдет, — сказал он. — Ведь я всего неделю назад приплыл в Ла-Рошель.

При этих словах Жослен поднял голову, посмотрел на незнакомца, и глаза его загорелись. Младшие дети окружили гостя, засыпая его вопросами.

— А из какой страны вы приплыли?

— А это далеко?

— А кто вы такой?

— У меня нет определенного занятия, — ответил незнакомец. — Пока что я думаю просто поехать по Франции и рассказывать тем, кто захочет меня слушать, о своих странствиях и приключениях.

— Как в давние времена — трубадуры? — спросила Анжелика, которая все же усвоила кое-что из уроков тетушки Пюльшери.

— Да, вроде того, хотя я не умею ни петь, ни слагать стихи. Но я мог бы рассказать много интересного о прекрасных странах, где нет нужды разводить виноградники, потому что они сами по себе растут в лесах и их тяжелые от гроздьев лозы обвивают деревья, но жители там не умеют делать вино. Впрочем, так оно и лучше, ведь вы помните, что было, когда Ной напился; видно, господь бог не захотел, чтобы все люди превратились в свиней. На земле до сих пор еще существуют простодушные племена. Еще я мог бы рассказать вам о бескрайних равнинах, где, спрятавшись за камень, можно подкараулить стадо диких лошадей, которые скачут с развевающимися по ветру гривами, и поймать себе коня. Забросишь длинную веревку с петлей на конце — и конь твой.

— И его легко приручить?

— Не всегда, — с улыбкой ответил гость.

Анжелика вдруг поняла, что этому человеку, должно быть, редко приходилось улыбаться. На вид ему было лет сорок, в его взгляде чувствовалась какая-то непреклонность и страстность.

— А чтобы попасть в эту страну, нужно хотя бы переплыть море? — недоверчиво спросил молчаливый Жослен.

— Нужно переплыть весь океан. Да и в самой стране много рек и озер. Люди там красные, как медь. Они украшают свои головы перьями и плавают на челнах, сшитых из звериных шкур. Был я и на островах, где люди совсем черные. Они питаются тростником толщиной с руку, который называется сахарным. Из него действительно делают сахар. А еще из его сладкого сиропа делают ром — напиток, пожалуй, крепче, чем пшеничная водка. Он меньше пьянит, но зато веселит и придает силы.

— А вы привезли этот чудесный напиток? — спросил Жослен.

— У меня в седельной кобуре есть фляга. Но несколько бочонков я оставил своему кузену, который живет в Ла-Рошели, и он уверен, что неплохо заработает на этом. Пусть, это его дело. А я не торговец. Я путешественник, мне интересно повидать новые земли, узнать такие

страны, где нет ни голода, ни жажды, где человек чувствует себя свободным. Именно там я понял, что все зло исходит от людей белой расы, потому что они не прислушались к слову божьему, извратили его. Ведь господь бог повелел нам не убивать, не разрушать, а любить друг друга.

Наступило молчание. Дети не привыкли к таким дерзким речам.

— Значит, в Америках жизнь более совершенна, чем в наших странах, принявших власть Божию с давних пор? — неожиданно раздался спокойный голос Раймона.

Он тоже подсел к остальным. Анжелика увидела в его взгляде такую же непреклонность, что и во взгляде пришельца. Гость внимательно посмотрел на юношу.

— Трудно, сын мой, взвесить на весах совершенства Старого и Нового Света. Что вам сказать? В Америках живут совсем иначе. В доме белого человека белому всегда окажут гостеприимство. И без всяких денег... Впрочем, там и деньги-то не везде существуют, вместо них в ходу шкуры и бусы, а люди живут только охотой и рыбной ловлей.

— А землю они обрабатывают? — вдруг вмешалась в разговор Фантина Лозье, чего она никогда не посмела бы сделать в присутствии своих взрослых хозяев. Она не меньше детей сторала от любопытства.

— Землю? На Антильских островах этим кое-где занимаются чернокожие. А в Америках краснокожие землю не возделывают, но собирают фрукты и растения. В некоторых местах выращивают картофель — в Европе его называют земляным яблоком и пока еще не умеют выращивать. Но особенно много там плодов, похожих на груши, но очень маслянистых. И еще там растут хлебные деревья.

— Хлебные деревья? Значит, и мельник не нужен? — воскликнула Фантина.

— Конечно, нет. Тем более что там хорошо растет маис. В других местах люди питаются корой некоторых деревьев и орехами колы. И после этих орехов целый день не хочется ни есть, ни пить. Еще они употребляют в пищу нечто вроде миндального теста — какао, смешанное с сахаром. А пьют они напиток из бобов, который называется кофе. В странах, где земли менее плодородны, пьют пальмовый сок и сок агавы. Много там и всевозможных животных...

— А туда плавали купеческие суда? — прервал его Жослен.

— Несколько купцов из Дъеппа уже торгуют с ними, да и из наших краев тоже попадаются. Взять хотя бы моего кузена, он связан с одним судовладельцем, который время от времени снаряжает корабли к Францисканскому берегу, как называли его во времена Франциска I.

— Знаю, знаю, — снова нетерпеливо прервал гостя Жослен. — Из Сабль д'Олонна корабли тоже иногда плавают в Новые земли, а с севера — даже в Новую Францию^[4]. Но говорят, это холодные страны, и меня они не привлекают.

— Правильно, в 1603 году в Новую Францию был послан Шамплен^[5], и теперь там много французских поселенцев. Но это действительно суровый край, и жить там нелегко.

— Почему же?

— Мне трудно объяснить вам... Может, оттого, что туда уже проникли французские иезуиты.

— А вы гугенот, не так ли? — живо отозвался Раймон.

— Да. Я даже пастор, хотя и не имею прихода. Но прежде всего я путешественник.

— Вам не повезло, сударь, — усмехнулся Жослен. — Я подозреваю, что моего брата привлекает строгость устава и требования нравственного самосовершенствования иезуитского ордена, который вы обвиняете.

— Я далек от мысли осуждать его за это, — возразил гугенот, протестуяще подняв руку. — Я встречал в Новой Франции немало отцов-иезуитов, которые мужественно, с подлинно христианской самоотверженностью проникали в самые отдаленные уголки страны. Для некоторых племен там величайшим героем стал знаменитый отец Жог, павший жертвой ирокезов. Но я признаю за каждым свободу совести и свободу убеждений.

— По правде сказать, — воскликнул Жослен, — мне трудно обсуждать с вами эту тему, потому что я уже начинаю забывать латынь. Но мой брат красноречивее, когда говорит на латыни, чем по-французски, и...

— Вот в этом и состоит одно из наибольших зол, которые губят нашу Францию! — вскричал пастор. — Мы не можем молиться нашему богу, да что я говорю — всеобщему богу! — на своем родном языке, вложить в молитву свое сердце, а должны прибегать к магическим латинским заклинаниям!..

Анжелика жалела, что больше не было рассказов о бурях и морских приливах, о невольничьих судах, о необыкновенных животных вроде гигантских змей и ящеров с щучьими зубами, которые способны убить быка, или о китах величиной с корабль.

Она не сразу заметила, что кормилица вышла из кухни. Дверь осталась приоткрытой, и до девочки неожиданно донесся какой-то шепот и голос матери, которая не подозревала, что ее могут слышать.

— Гугенот он или нет, милая моя, но он наш гость и пробудет здесь столько, сколь пожелает.

Немного погодя в кухню вошли баронесса и Ортанс. Гость весьма учтиво поклонился, но не стал ни целовать руку, ни расшаркиваться. Анжелика решила, что он, конечно, из простолюдинов, но все же человек симпатичный, хотя и гугенот, да к тому же немного восторженный.

— Пастор Рошфор, — представился он. — Я направляюсь в родные места, в Секондиньи, но дорога дальняя, и я позволил себе передохнуть под вашим гостеприимным кровом, сударыня.

Баронесса заверила его, что он желанный гость в их доме и хотя они все правоверные католики, это не мешает им проявлять терпимость, потому что к терпимости призывал славный король Генрих IV.

— Именно на это я и имел смелость надеяться, входя в ваш дом, сударыня, — ответил пастор, отвешивая еще более глубокий поклон, — и признаюсь вам, мои друзья поведали мне, что у вас уже много лет находится в услужении старейший гугенот. Когда я приехал, я с ним повидался, и Гийом Люцен заверил меня, что вы дадите мне приют на ночь.

— Вы можете не сомневаться в этом, сударь. Не только на ночь, но и на все то время, что вы пожелаете.

— Мое единственное желание — служить господу богу в меру своих сил. И вот он-то и вдохновил меня, скажу по чести, согласиться повидать вашего супруга...

— У вас есть дело к моему мужу? — удивилась госпожа де Сансе.

— Пожалуй, даже не дело, а поручение. Не обессудьте, сударыня, но об этом я могу говорить только с мессиром бароном наедине.

— Да, да! конечно, сударь. Кстати, я слышу топот его лошади.

Вскоре в кухне появился барон Арман. Видимо, ему сообщили о неожиданном госте, но он не выказал по отношению к нему своего обычного радушия.

Он был сдержан и как будто даже встревожен.

— Это правда, господин пастор, что вы прибыли из Америк? — поинтересовался он после обычного обмена любезностями.

— Да, мессир барон. И мне хотелось бы побеседовать с вами несколько минут наедине об известном вам человеке...

— Тсс! — повелительно остановил его барон Арман де Сансе, с беспокойством оглядываясь на дверь.

И он добавил, пожалуй, с некоторой поспешностью, что его дом в распоряжении господина Рошфора и пусть гость соблаговолит требовать от прислуги все, что ему необходимо. Ужин будет через час. Пастор поблагодарил и попросил позволения пройти в отведенную ему комнату, чтобы «немного помыться».

«Неужели его недостаточно намочил ливень? — подумала Анжелика. — Странные люди эти гугеноты. Правильно говорят, что они не такие, как все. Обязательно спрошу у Гийома, разве он тоже моется по любому поводу? Наверно, у них такой обычай. Может, поэтому они все такие невеселые и обидчивые, как Люцен. Они так яростно дерут себе кожу, что она становится чувствительной и им больно. Вот и кузен дю Плесси хочет без конца мыться. Он так заботится о своем теле, что, пожалуй, скоро тоже станет еретиком. Может быть, его даже сожгут на костре. Так ему и надо!»

В тот момент, когда гость направился к двери, чтобы госпожа де Сансе показала ему предназначенную для него комнату, Жослен С обычной своей бесцеремонностью схватил его за руку.

— Еще один вопрос, пастор. Чтобы найти себе занятие в Америках, наверно, надо быть богатым или купить чин знаменщика на корабле, или, по крайней мере, право заниматься ремеслом?

— Сын мой, Америки — свободные земли. Там не требуются никакие бумаги, хотя трудиться приходится много и тяжело, да и нужно уметь защищать себя.

— Кто вы такой, чужестранец, и как смеете называть этого юношу своим сыном, да еще в присутствии его родного отца и меня, его деда? — раздался вдруг раздраженный голос старого барона.

— К вашим услугам, мессир барон, я Рошфор, пастор, хотя и не имею епархии, я возвращаюсь в родные края...

— Гугенот! — буркнул старик. — Да еще приехал из этих проклятых стран...

Он стоял на пороге, опершись на палку, гневно откинув назад голову. На этот раз он был без своего широкого черного плаща, который он носил зимой. Лицо его показалось Анжелике сейчас таким же белым, как его седая бородка. Она сама не знала, почему это так напугало ее, но поспешила вмешаться.

— Дедушка, господин пастор насквозь промок, и мы пригласили его обсохнуть у очага. Он рассказал нам так много интересных историй...

— Ладно. Не скрою, мужество мне по душе, и если враг приходит с открытым забралом, я согласен, он имеет право на уважение.

— Мессир барон, я пришел к вам не как враг...

— Избавьте нас от своих еретических проповедей. Я старый солдат и никогда не принимал участия в религиозных спорах. Это не мое дело. Но предупреждаю вас, в этом доме вы не обратите в свою веру ни единую душу.

Пастор чуть заметно вздохнул.

— Клянусь вам, я приехал из Америк не как проповедник желающий кого-то обратить в свою веру. В лоно нашей церкви верующие и те, кого привлекает наша религия, приходят по доброй воле. Я хорошо знаю, что члены вашей семьи — ревностные католики и очень трудно обратить в новую веру людей, религия которых зиждется на древнейших предрассудках, людей, которые одних себя считают непогрешимыми.

— Тем самым вы признаетесь, что вербуете своих приверженцев не среди порядочных людей, а среди сомневающих, неудачливых честолюбцев и монахов, изгнанных из монастырей, которые, несомненно, придут в восторг от того, что их безнравственное поведение будет освящено церковью?

— Вы слишком поспешны в своих суждениях, мессир барон. — Голос пастора стал более жестким. — Некоторые вельможи и прелаты-католики уже приняли нашу веру.

— Не думайте, что вы открыли мне что-то новое. Гордыня может сбить с пути и достойнейших. Но в нашу пользу, в пользу католиков,

говорит то, что мы находим опору своей вере в молитвах всей церкви, в наших святых и наших усопших, вы же в своей гордыне отвергаете этих посредников и возомнили, что общаетесь непосредственно с самим господом богом.

— Паписты обвиняют нас в гордыне, а себя считают непогрешимыми и убеждены, что вправе применять силу. В 1629 году, когда я покинул Францию, — продолжал пастор глухим голосом, — я был совсем молод и бежал от орд кардинала Ришелье, подвергших жестокой осаде Ла-Рошель. В Алесе был подписан мир, по которому гугенотам запрещалось владеть крепостями.

— О, это было сделано как раз вовремя. Вы становились государством в государстве. Ведь ваша цель была — признайтесь! — вырвать из-под власти короля все западные и центральные провинции Франции.

— Этого я не знаю. Я тогда был слишком молод, чтобы вынашивать столь обширные замыслы. Я понял только одно: эти новые законы противоречат Нантскому эдикту, изданному королем Генрихом IV.

Вернувшись на родину, я с горечью убедился, что все статьи этого эдикта продолжают оспариваться и извращаться с неукоснительностью, достойной лишь недобросовестных казуистов и судей. Это называется «минимальным соблюдением» эдикта. Я видел, что гугеноты вынуждены хоронить своих покойников ночью. Почему? Да потому, что в эдикте ничего не сказано о том, что похороны гугенота могут производиться днем. А коли так — пусть хоронят по ночам!

— Это должно быть вам по вкусу, ведь вы проповедуете смирение, — ухмыльнулся старый барон.

— Или взять хотя бы двадцать восьмую статью, разрешающую гугенотам открывать свои школы в тех местах, где дозволено отправление протестантской религии. Как ее истолковали? В эдикте не говорится ни о предметах преподавания, ни о числе наставников, ни о том, сколько классов должно быть в школе в зависимости от величины общины, а раз так, то решили, что вполне достаточно одного учителя-гугенота на школу и на весь город. В Маренне, например, — я это точно знаю — на шестьсот гугенотских детей полагается лишь один

учитель. Вот к какому мошенничеству привела хитроумная диалектика старой церкви! — с яростью воскликнул пастор.

Ошеломленные словами пастора, все молчали. Анжелика заметила, что ее дед, человек по натуре справедливый и честный, несколько смущен этими примерами, хотя они и были ему известны. И вдруг в тишине послышался спокойный голос Раймона.

— Господин пастор, к сожалению, я не могу судить о достоверности изложенных вами фактов некоторых злоупотреблений, которые допустили в тех местах непримиримые ревнители нашей веры. Я признателен вам за то, что вы даже не упомянули о случаях, когда гугенотов — взрослых и детей — подкупали, чтобы обратить в католическую веру. Но да будет вам известно, что его святейшество папа, зная о подобных нарушениях, много раз лично беседовал по этому поводу с высшим духовенством Франции и с королем. По всей стране усердно трудятся официальные и тайные комиссии, цель которых — устранить несправедливости. Я даже убежден, что если бы вы сами отправились в Рим и вручили святейшему отцу письмо с изложением приведенных вами фактов, большая часть нарушений была бы пресечена.

— Это не моя забота, молодой человек, искать пути к улучшению вашей церкви, — ядовито заметил пастор.

— В таком случае, господин пастор, мы сделаем это сами, и, нравится вам это или нет, — с неожиданным жаром воскликнул юноша, — но бог поможет нам!

Анжелика удивленно посмотрела на брата. Она даже не подозревала, что в этом бесцветном и несколько лицемерном подростке таится столько страсти.

Теперь уже растерялся пастор. А барон Арман, чтобы разрядить атмосферу, засмеялся и простодушно сказал:

— Ваши споры напомнили мне, что с некоторых пор я частенько с сожалением думаю, почему я не гугенот. Ведь, говорят, каждому дворянину, который переходит в католичество, выдают чуть ли не по три тысячи ливров.

Старый барон даже подскочил от возмущения:

— Избавьте меня, сын мой, от ваших тяжеловесных шуток. В присутствии противника они неуместны.

Пастор взял со стула свой мокрый плащ.

— Я приехал сюда не как противник. У меня было поручение в замок де Сансе. Я привез вам послание из далеких стран. Я намеревался поговорить об этом с бароном Арманом наедине, но, как я понял, в вашей семье привыкли обсуждать все дела сообща. Что ж, мне это нравится. Так было принято у патриархов и у апостолов.

Анжелика заметила, что лицо деда сделалось вдруг мертвенно бледным, и старый барон прислонился к дверному косяку.

Она почувствовала острую жалость к деду. Ей хотелось остановить пастора, не дать вырваться тем словам, которые он собирался сказать, но пастор продолжал:

— Ваш сын, мессир Антуан де Ридуэ де Сансе, которого я имел удовольствие встретить во Флориде, просил меня заехать в замок, где он родился, и узнать, как поживает его семья, с тем, чтобы, вернувшись, я рассказал обо всем ему... Теперь я выполнил поручение...

Старый барон мелкими шажками подошел к пастору.

— Вон отсюда! — задыхаясь, глухим голосом крикнул он. — Пока я жив, никогда имя моего сына, нарушившего верность своему богу, своему королю, своей родине, не будет произнесено в моем доме! Вон отсюда, повторяю вам! Гугеноту не место под моей крышей!

— Я ухожу, — очень спокойно проговорил пастор.

— Нет! — Это снова раздался голос Раймона. — Подождите, господин пастор. Вы не можете остаться без крова в такую дождливую ночь. В Монтелу ни один житель не примет вас, а до ближайшей гугенотской деревни далеко. Прошу вас, переночуйте в моей комнате.

— Оставайтесь, — сказал Жослен своим хриплым голосом. — Вы должны еще рассказать мне об Америках и о море.

У старого барона тряслась борода.

— Арман! — воскликнул он с отчаянием, от которого у Анжелики сжалось сердце. — Вот в кого переселился мятежный дух вашего брата Антуана! В этих мальчиков, которых я так любил! Нет, бог не желает пощадить меня! Право, я слишком зажился на этом свете.

Он пошатнулся. Гийом Люцен подхватил его. Поддерживаемый старым солдатом, барон вышел, повторяя дрожащим голосом:

— Антуан... Антуан...

Через несколько дней старый барон умер. От какой болезни — неизвестно. Вернее, он просто постепенно угас. Это произошло как раз тогда, когда все думали, что он оправился от волнений, вызванных посещением пастора.

Но бог все-таки пощадил его. Он не дал ему дожить еще до одного горя — отъезда Жослена...

Однажды утром, вскоре после похорон деда, Анжелика услышала сквозь сон, как кто-то тихонько зовет ее:

— Анжелика! Анжелика!

Открыв глаза, Анжелика с удивлением увидела у своего изголовья Жослена. Она знаком показала, чтобы он не разбудил Мадлон, и вышла за ним в коридор.

— Я уезжаю, — прошептал ей Жослен. — Постарайся, чтобы они это поняли.

— Куда ты уезжаешь?

— Сперва в Ла-Рошель, а оттуда поплыву в Америки. Пастор Рошфор рассказал мне обо всех этих странах: об Антильских островах, о Новой Англии и о колониях — Виргинии, Мериленде, Каролине, о Новом Йоркском герцогстве, о Пенсильвании. В конце концов найду место, где я буду нужен, там и высажусь.

— Здесь ты тоже нужен, — жалобно сказала Анжелика, дрожа от холода в старенькой тонкой ночной кофте.

— Нет, в этом мире для меня нет места. Мне невыносима мысль, что каста, к которой я принадлежу, имеет привилегии, но сама не приносит никакой пользы. Все дворяне, богатые они или бедные, не знают больше, ради чего они живут. Посмотри на отца. Он так нерешителен. Он опустил до унижительного для себя занятия, до разведения мулов, но не осмеливается придать делу размах, чтобы разбогатеть и тем самым занять в обществе положение, подобающее нашему дворянскому роду. И он терпит поражение и тут и там. На него показывают пальцем, потому что он ведет хозяйство, как барышник, а на нас — потому что мы так и остаемся знатными нищими. К счастью, дядя Антуан де Сансе, старший брат отца, указал мне путь. Он стал гугенотом и покинул Европу.

— Но ты хотя бы не отречешься от веры? — с ужасом и мольбой воскликнула Анжелика.

— Нет. Все эти ханжеские штучки меня не интересуют. Я хочу просто жить.

Он быстро поцеловал ее, спустился на несколько ступенек, обернулся и пристально взглянул на свою полураздетую сестру взглядом искушенного мужчины.

— Ты становишься красивой и стройной, Анжелика. Будь осторожна. Тебе тоже надо бы уехать. Иначе в один прекрасный день ты или окажешься в риге на сене с каким-нибудь конюхом, или же станешь собственностью одного из разжиревших соседей-дворянчиков.

И с неожиданной нежностью он добавил:

— Конечно, я порядочный шалопай, но поверь моему опыту, дорогая сестренка, здесь тебя ждет ужасная жизнь. Беги, беги из этого старого замка. А я уйду в море.

Перепрыгивая через ступеньки, он ринулся вниз по лестнице и исчез.

Глава 8

Смерть деда, отъезд Жослена и его слова: «Тебе тоже надо бы уехать» — глубоко потрясли Анжелику, тем более что она была в том неустойчивом возрасте, когда человек способен на самые сумасбродные поступки.

И вот в самом начале лета Анжелика де Сансе де Монтелу, собрав ватагу босоногих мальчишек и пообещав им вольную жизнь, отправилась в Америки. В их краю долго потом вспоминали об этом, и люди видели в поступке Анжелики лишнее доказательство тому, что она — фея.

По правде говоря, ребяташки даже не одолели Ньельского леса. Лишь с наступлением вечера, когда лучи заходящего солнца багрянцем осветили огромные стволы вековых деревьев, Анжелика вдруг опомнилась. Последние дни она жила, словно в бреду. Мысленно она видела, как добралась до Ла-Рошели, как нанимается юнгой на готовое к отплытию судно, как высаживается на незнакомый берег и местные жители приветливо встречают ее, протягивая ей гроздь винограда. Никола не пришлось долго уговаривать. «Мореходом быть лучше, чем пасти скот. Я давно хотел повидать дальние страны». Нашлись еще другие сорванцы, которым всегда больше нравилось бегать по лесу, чем работать в поле, и они упростили взять их с собой. И Дени, конечно, тоже. Всего набралось семь мальчишек. Анжелика, единственная девочка среди них, была вожакom. Мальчишки настолько верили в нее, что ничуть не беспокоились, когда стали сгущаться сумерки. Они шли по лесу с охалками цветов, с перемазанными ежевикой лицами и считали, что путешествие началось весьма приятно. Они шли с самого утра и только в середине дня сделали привал у небольшого ручейка и подкрепились каштанами и серым хлебом, захваченным из дому.

И вот, когда начало темнеть, Анжелику вдруг охватила дрожь и она с такой ясностью поняла, какую глупость совершила, что у нее даже пересохло во рту.

«В лесу нельзя оставаться на ночь, ведь здесь волки», — подумала она.

— Никола, — сказала она вслух, — тебе не кажется странным, что мы до сих пор не дошли до деревни Нейе?

— Уж не заблудились ли мы? — озабоченно ответил мальчик. — Я ходил туда с отцом, когда он еще был жив... Тогда мы дошли быстрее...

Чья-то липкая ручонка сжала руку Анжелики. Это был самый маленький из путешественников, шестилетний мальш.

— Скоро ночь будет. Мы, наверно, потерялись, — захныкал он.

— Да нет, — успокоила его Анжелика, — деревня совсем недалеко. Надо только еще чуть пройти.

Они снова зашагали молча. Сквозь ветви деревьев было видно, как бледнел закат.

— Даже если мы к ночи не доберемся до деревни, не нужно пугаться, — сказала Анжелика. — Мы залезем на дубы и там поспим. Тогда волки нас не заметят.

Она говорила беззаботным тоном, но на самом деле была сильно встревожена. Вдруг до ее слуха донесся серебристый звон колокола, и она с облегчением вздохнула.

— Слышите! Там деревня, это звонят к молитве! — воскликнула она.

Они припустились бежать. Тропинка начала спускаться вниз, лес становился все реже. Неожиданно он кончился, и дети как зачарованные остановились на опушке.

Вот оно, молчаливое чудо, притаившееся в зеленой ложбине, окруженной лесом, — Ньельский монастырь.

Заходящее солнце золотило его многочисленные крыши из розовой черепицы, колоколенки, белые стены с темнеющими на них бойницами, внутренние садики, окруженные крытыми галереями, обширные пустынные дворы. Колокол продолжал звонить. К колодцу с ведрами шел монах.

Охваченные каким-то религиозным трепетом, дети молча подошли к большим главным воротам. Деревянная калитка была приоткрыта, и они вошли внутрь. Старый монах в сутане из грубого коричневого сукна дремал, сидя на скамье; ровный белоснежный венчик седых волос обрамлял его голый череп.

Теперь, когда все страхи были позади, вдруг наступила разрядка, маленькие бродяги, глядя на спящего монаха, громко расхохотались.

На шум в одну из дверей выглянул толстый веселый монах.

— Эй, ребята, — с порога крикнул он им на местном диалекте, — что за непочтительность!

— Мне кажется, это брат Ансельм, — прошептал Никола.

Брат Ансельм время от времени разъезжал на муле по окрестным деревням, где выменивал четки и флакончики с целебной настойкой из цветов дягиля на хлеб и сало. Это казалось странным, так как монастырь не принадлежал к нищенствующему ордену и, по слухам, был довольно богат, получая от своих владений значительные доходы.

Анжелика, а за ней и ее верное войско, подошли к монаху. Она не решилась доверить ему их тайные планы удрать в Америки, тем более что брат Ансельм, верно, и не слышал о существовании этих далеких стран. Она сказала, что они из Монтелу, пошли в лес по ягоды и заблудились.

— Бедные цыплятки, — сочувственно вздохнул добрый монах, — вот что значит быть лакомками. Ваши матери в слезах ищут вас повсюду, но, когда вы вернетесь, вам зададут взбучку. Но все же придется вам переночевать здесь. Я дам вам по миске молока и серого хлебца. Поспите в сарае до утра, а там я запрягу в повозку мула и отвезу вас домой. Я как раз собирался в ваши края за пожертвованиями.

Предложение было вполне разумным. Анжелика и ее приятели шли целый день. Даже если бы они сейчас отправились в обратный путь на муле, они добрались бы до Монтелу лишь глубокой ночью. Через лес нет проезжей дороги, только тропинки, по которым они прошли днем. Надо ехать кругом, через деревни Нейе и Варру, а это большой крюк.

«Лес — как море, — подумала Анжелика. — Жослен прав, в лесу надо ориентироваться по часам, иначе идешь вслепую».

Анжелика немного приуныла. Она и представить себе не могла, как бы она отправилась в путь, неся под мышкой тяжелые часы, вроде тех, что стоят у Молина в гостиной. К тому же, кажется, у ее «мужчин» уже пропала охота путешествовать. Девочка молча стояла в стороне, а они, примостившись у монастырской стены, ели и наслаждались прохладой сумерек, которые сгущались над просторными монастырскими дворами.

Колокол продолжал звонить. В розоватом небе с пронзительным криком носились ласточки, на кучах навоза и соломы кудахтали куры.

Брат Ансельм прошел мимо детей, на ходу натягивая на голову капюшон.

— Я иду к всенощной, — сказал он. — Будьте умниками, не то я прикажу сварить вас в котле.

Под сводами одной из галерей мелькали фигуры в коричневых сутанах. Старый монах у ворот по-прежнему спал. Наверно, он был освобожден от молитв...

Анжелике хотелось остаться одной, подумать, и она пошла бродить по монастырю.

В одном из дворов, упиравшись оглоблями в землю, стояла великолепная карета с гербами. В конюшне породистые лошади жевали сено. Это заинтересовало Анжелику, хотя она и сама не знала, почему. Зачарованная этой тихой обителью, окруженной со всех сторон лесом, она неторопливо продолжала свой путь. В лесу скоро совсем стемнеет, там будут бродить волки, а здесь, в монастыре, защищенном толстыми стенами, идет своя жизнь, отгороженная от мира, скрытая от посторонних глаз, жизнь, которую Анжелика даже не могла себе представить. Издали доносилось тихое, протяжное церковное пение. Анжелика пошла на эти звуки и поднялась на несколько ступенек по каменной лестнице. Никогда еще она не слышала такого сладостного мелодичного хора, потому что гимны, которые горланили кюре и школьный учитель в церкви Монтелу, ничем не напоминали небесные песнопения.

Вдруг Анжелика услышала за своей спиной шелест юбок и, обернувшись, увидела в полумраке галереи очень красивую, роскошно одетую даму. Во всяком случае, так показалось Анжелике. Ни у матери, ни у тетушек она никогда не видела такого великолепного платья из черного бархата, украшенного аппликациями в виде серых цветов. Откуда девочке было знать, что это всего лишь скромнейший наряд, предназначенный для благоговейного уединения в тиши монастыря? На каштановые волосы дамы был накинут черный кружевной шарф, в руке она держала пухлый молитвенник. Проходя мимо Анжелики, она удивленно взглянула на нее:

— Девочка, что ты здесь делаешь? Сейчас не время просить милостыню.

Анжелика отпрянула, стараясь придать своему лицу глупое выражение оробевшей крестьяночки.

В полумраке галереи грудь прекрасной дамы показалась Анжелике удивительно белой и пышной. Едва прикрытая тонкими кружевами, она покоилась на вышитом корсаже, как плоды в роге изобилия.

«Пусть, когда я вырасту, у меня тоже будет такая прекрасная грудь», — подумала Анжелика, спускаясь по винтовой лестнице.

Она коснулась рукой своей груди, которая, по ее мнению, была еще слишком плоской, и ее охватило смутное волнение. Послышалось шлепанье сандалий — кто-то поднимался по лестнице, — и она торопливо спряталась в угол. Монах, проходя мимо, задел ее своей коричневой сутаной. Анжелика мельком увидела только его красивое, тщательно выбритое лицо да сверкнувшие под темным клобуком умные голубые глаза. Монах скрылся за поворотом, но вскоре до нее донесся его голос — мужественный и в то же время нежный.

— Сударыня, меня только сейчас известили о вашем прибытии. Я изучал в монастырской библиотеке старинные рукописи греческих философов. Но библиотека далеко, а мои братья — народ, скорбный телом, особенно в жару. И вот, хотя я и настоятель монастыря, мне сказали о вашем приезде лишь в час всеобщей.

— Не извиняйтесь, отец мой. Я не первый раз в монастыре и уже устроилась. Ах, до чего же легко здесь дышится! Я только вчера приехала в свой Ришвиль, но мне не терпелось поскорее сюда, в Ньель. С тех пор как двор перебрался в Сен-Жермен, я просто задыхаюсь там. Все такое неприглядное, мрачное, жалкое. По правде говоря, мне хорошо только в Париже... и еще в Ньеле. К тому же монсеньор Мазарини не любит меня. Я скажу даже больше, этот кардинал...

Дальнейших слов Анжелика не услышала. Собеседники ушли слишком далеко.

Девочка нашла своих дружков в просторной кухне, где брат Ансельм, повязав белый фартук, колдовал у плиты; ему помогали двое мальчишек, облаченных в длинные не по росту сутаны. Это были монастырские послушники.

— Сегодня вечером у нас изысканная трапеза, — говорил брат Ансельм. — К нам пожаловала графиня де Ришвиль. Мне приказали принести из погреба самые тонкие вина, зажарить шесть каплунов и

хоть из-под земли раздобыть и подать к столу рыбу. И все это как следует сдобрить пряностями, — добавил он, многозначительно взглянув на одного из братьев, который сидел в конце грубого деревянного стола и потягивал наливку.

— Служанки этой дамы весьма приветливы, — отозвался сидевший в кухне краснолицый и до того толстый монах, что живот его нависал над узловатой веревкой с четками, которой он был перепоясан. — Я помог этим трем очаровательным девицам поднять в келью, отведенную их госпоже, кровать, сундуки и гардероб.

— Так-так! — воскликнул брат Ансельм. — Представляю себе, брат Тома тащит на себе сундуки и гардероб! Да вы не в силах носить даже собственное брюхо!

— Я помогал им советами, — с достоинством ответил брат Тома.

Налитыми кровью глазами он оглядел кухню, где в очаге под вертелами и огромными котлами играло пламя и потрескивали дрова.

— Что это за шайку голодранцев вы приютили, брат Ансельм?

— Это ребяташки из Монтелу, они заблудились а лесу.

— Неплохо бы их сварить в вашем отваре для рыбы, — сказал брат Тома, вращая своими страшными глазами.

Двое малышей, испугавшись, заплакали.

— Ладно, ладно, — сказал брат Ансельм, открывая дверь. — Идите по галерее, там увидите сарай. В нем и располагайтесь на ночь. Сегодня вечером мне некогда возиться с вами. Счастье еще, что один рыбак принес мне большую щуку, а то наш отец-настоятель в гневе своем заставил бы меня, чего доброго, отстоять в наказание три часа, раскинув руки крестом. А я уже стал стар для подобных упражнений...

Когда Анжелика, лежа на душистом сене, убедилась, что ее маленькие спутники спокойно заснули, на ее глаза навернулись слезы.

— Никола, — прошептала она, — мы, верно, так никогда и не доберемся до Америк. Я все обдумала. Нам нужны часы.

— Не огорчайся, — ответил подросток, зевая. — На этот раз ничего не вышло, ну и пусть, но зато было так весело.

— Конечно, — разозлилась Анжелика, — ты, как белка, прыгаешь с ветки на ветку. Ни одного настоящего дела не можешь довести до конца. Тебе наплевать, что мы вернемся в Монтелу посрамленными. Твой отец умер, и некому задать тебе трепку, а вот остальным достанется!

— Не беспокойся за них, — сонно пробормотал Никола. — У них кожа толстая.

И он тут же захрапел.

Анжелика думала, что невеселые мысли не дадут ей уснуть, но постепенно доносившийся издали голос брата Ансельма, который подгонял своих маленьких помощников, стал звучать все приглушеннее, и наконец она погрузилась в сон.

Проснувшись она от того, что ей стало душно. Дети крепко спали, и их ровное дыхание наполняло сарай.

«Надо выйти во двор подышать», — подумала Анжелика.

Она нащупала дверь в узком коридоре, который вел на кухню. Едва она открыла ее, на нее обрушился шум голосов и раскаты хохота. В кухне в очаге все так же плясали языки пламени. Общество во владениях брата Ансельма стало более многочисленным.

Анжелика остановилась у порога.

За большим столом, уставленным тарелками и медными кувшинами, сидело с десяток монахов. На блюдах валялись обглоданные кости каплунов. Запах вина и жареной рыбы смешивался с более тонким ароматом наливки, она была в стаканах пирующих и в открытой бутылки, стоящей на столе. В кутеже принимали участие и три женщины со свежими лицами крестьянок, но одетые, как горничные. Две казались уже совершенно пьяными и без конца хохотали. Третья, с виду более скромная, отбивалась от похотливых рук брата Тома, который пытался прижать ее к себе.

— Ну-ну, крошка, — уговаривал ее толстяк, — не прикидывайся большей недотрогой, чем твоя знатная госпожа. Будь уверена, сейчас она уже вряд ли беседует с нашим настоятелем о греческой философии. Во всем монастыре сегодня ночью не развлекаешься одна ты.

Служанка с растерянным и разочарованным! видом оглядывалась по сторонам. Без сомнения, она вовсе не была такой скромницей, какой хотела казаться, но ее не привлекала красная физиономия брата Тома.

Один из монахов, видимо, понял это и, вскочив из-за стола, властно схватил девицу за талию.

— Клянусь святым Бернаром, покровителем нашего монастыря, — вскричал он, — девочка слишком хрупка для вас, жирная свинья. А

ты как считаешь? — спросил он, приподнимая пальцем подбородок строптивой гостью. — Разве мои прекрасные глаза не восполняют отсутствие волос? И потом, ты знаешь, ведь я был солдатом и умею развлекать девушек.

У него и впрямь были веселые черные глаза, да и выглядел он изрядным плутом. Служанка снизошла до улыбки. Отвергнутый брат Тома почувствовал себя уязвленным и с кулаками накинудся на соперника. Один из медных кувшинов опрокинулся, женщины протестующе зашумели. Вдруг кто-то крикнул:

— Посмотрите! Там... ангел!

Все повернулись к двери, где стояла Анжелика. Она была не из робких и не убежала. Она не раз бывала на сельских праздниках, и ее не испугали ни крики, ни чрезмерное оживление — неизбежные спутники обильных возлияний. Но все же что-то в этой сцене возмутило ее. Ей казалось, что она разрушает то ощущение мира и покоя, которое излучал озаренный заходящим солнцем монастырь в тот момент, когда они смотрели на него с опушки леса.

— Эта девочка, что заблудилась в лесу, — объяснил брат Ансельм.

— Единственная девчонка среди ватаги мальчишек, — добавил брат Тома. — Задатки недурны. Может, она тоже не прочь повеселиться с нами? Иди-ка сюда, выпей наливки, — сказал он, протягивая Анжелике стакан. — Она сладкая и вкусная. Мы сами готовим ее из болотного дягиля. И название у нее — *Angelica sylvestris*^[6].

Анжелика послушно взяла стакан не потому, что была лакомкой, а, скорее, из любопытства. Ей хотелось узнать, что это за золотисто-зеленоватый напиток, носящий ее имя, который так расхваливают... Она нашла его восхитительным, крепким и в то же время бархатистым, и, когда она осушила стакан, почувствовала, как по всему ее телу разлилось приятное тепло.

— Bravo! — заорал брат Тома. — Да ты не дура выпить!

Он посадил ее к себе на колени. От него разило винным перегаром, а его засаленная сутана пахла потом, он вызывал у Анжелики отвращение, но ликер одурманил ее. Брат Тома как бы потечески похлопал ее по коленкам.

— До чего же она милашка!

— Брат мой, — послышался вдруг голос от двери, — оставьте девочку в покое.

На пороге, словно привидение, возник монах в капюшоне, в сутане с длинными, широкими рукавами, скрывающими кисти рук.

— Ага, вот и он, пришел смутить наше веселье — проворчал брат Тома. — Мы вас не приглашали в свою компанию, брат Жан, вы ведь не любитель вкусно поесть, но уж другим-то не мешайте веселиться. Вы еще не настоятель аббатства.

— Не о том речь, — ответил монах дрогнувшим голосом — Я только советую вам оставить в покое девочку. Это дочь барона де Сансе, и будет весьма прискорбно, если она, вместо того чтобы похвалить ваше гостеприимство, пожалуется отцу на ваши нравы.

Пораженные, все в смущении смолкли.

— Идемте со мной, дитя мое, — решительным тоном сказал монах.

Анжелика машинально последовала за ним. Они прошли через двор.

Анжелика подняла вверх глаза и увидела над головой поразительно чистое небо, усеянное звездами.

— Входите, — сказал брат Жан, отворяя узенькую дверь с маленьким окошечком. — Это моя келья. В ней вы сможете спокойно отдохнуть до утра.

Это была небольшая комнатка, на голых стенах которой висели только деревянное распятие и лик богородицы. В углу находилось низкое ложе с плоским, как доска, тюфяком, застеленное одеялом и грубыми простынями. Под распятием стояла деревянная скамеечка, на которой лежали молитвенники. В келье веяло приятной прохладой, но зимой, наверно, здесь был ужасный холод. Полукруглое окно закрывалось одностворчатой ставней. Сейчас оно было распахнуто, и влажные запахи ночного леса, мха и грибов проникали в келью. Слева от двери приступка вела в крохотную каморку, где горел ночничок. Почти всю ее занимал стол, на котором лежали листы пергамента и стояли чашечки для разведения красок.

Монах указал Анжелике на свою кровать.

— Ложитесь и спите, ничего не опасаясь, дитя мое. А я вернусь к своим трудам.

Он ушел в каморку, сел на табурет и склонился над рукописями.

Анжелика присела на край жесткого тюфяка. Спать ей совсем не хотелось. Все тут казалось ей таким необычным. Она встала и подошла к окну. Внизу она разглядела узкие участки земли, отделенные один от другого высокой оградой. У каждого монаха был свой огород, и они ежедневно трудились там, выращивая овощи и копая себе могилы.

Девочка крадучись подошла к каморке, где работал брат Жан. Ночник освещал в профиль молодое лицо монаха с надвинутым на лоб капюшоном. Он старательно срисовывал старинную цветную иллюстрацию. Обмакивая кисти в чашечки, где были разведены красная, золотая или голубая краски, он искусно воспроизводил орнамент из цветов и чудовищ, которыми в старину любили украшать молитвенники.

Почувствовав, что девочка стоит рядом, монах поднял голову и улыбнулся:

— Вы не спите?

— Нет.

— Как вас зовут?

— Анжелика.

На его изможденном лишении и аскетической жизнью лице отразилось глубокое волнение.

— Анжелика! Дочь ангелов! Ну, конечно же... — прошептал он.

— Я очень рада, отец мой, что вы пришли. Этот толстый монах был такой противный.

— Во мне вдруг заговорил какой-то голос, — сказал брат Жан, и его глаза как-то странно заблестели. — «Встань, — сказал он, — брось свою мирную работу. Оберегай моих заблудших овец...» Я вышел из кельи, влекомый какой-то неведомой силой... Дитя мое, почему вы не сидите благоразумно под кровом своих родителей, как подобает девочке вашего возраста и вашего положения?

— Не знаю, — прошептала Анжелика, смущенно потупившись.

Монах отложил в сторону свои кисти и встал. Руки его снова исчезли, скрытые широкими рукавами. Он подошел к окну и долго смотрел на небо, усыпанное звездами.

— Смотрите, — проговорил он вполголоса, — над землей еще царит ночь. Вилланы спят в своих хижинах, а сеньоры — в своих замках. Они спят, забыв о всех людских горестях. Но монастырь

никогда не спит... Есть места, где незримо присутствует Дух. Даже здесь, в борьбе, которая никогда не прекращается, витают Дух божий и Дух сатанинский... Я ушел в монастырь совсем юным. Я похоронил себя в этих стенах, дабы молитвой и постом служить богу. Я встретил здесь высочайшую культуру и возвышенный религиозный порыв и вместе с тем — бесстыдные нравы, глубокую развращенность. Солдаты-дезертиры и инвалиды, нерадивые крестьяне идут в монастырь, чтобы, прикрывшись сутаной, вести беспечную и беззаботную жизнь, и с ними за монастырские стены проникает порок.

Монастырь, словно большой корабль, качается на волнах бурного моря и трещит по всем швам. Но он не пойдет ко дну до тех пор, пока в его стенах есть благочестивые души. Нас здесь несколько истинно верующих, и мы хотим, чтобы наша жизнь проходила в покаянии и молитвах, ведь именно для этого мы предназначали себя.

О, это нелегко! Чего только не придумывает дьявол, чтобы совратить нас с пути истинного... Тот, кто не жил в монастыре, никогда не видел вблизи лица сатаны.

О, как бы хотелось ему властвовать над божьей обителью!.. Ему словно мало искушать нас отчаянием, вводить нас в соблазн женщинами, которые вхожи в наш монастырь, он сам приходит к нам по ночам, стучится в наши двери, будит нас, нещадно избивает...

Монах отвернул рукав сутаны и показал Анжелике кровоподтеки на руке.

— Взгляните, — сказал он жалобно, — взгляните только, что сделал со мною сатана!

Анжелика слушала его со все возрастающим ужасом.

«Он сумасшедший», — подумала она.

Но еще больше она боялась — вдруг он не сумасшедший, вдруг он говорит правду, и у нее от страха волосы шевелились на голове. Когда же наконец кончится эта тягостная, мучительная ночь?..

Монах упал коленями на холодный каменный пол.

— Господи, помоги мне! — молил он. — Будь снисходителен к моей слабости! Пусть демон оставит меня в покое?

Анжелика села на край его постели, от непонятого ей самой страха у нее пересохло во рту. Ей на память пришли слова, которые не раз встречались в рассказах кормильцы, — ночь наваждений. Вот она,

ночь наваждени! Казалось, что-то давящее, невыносимое было разлито в самом воздухе, это душило ее, наводило на нее ужас.

Наконец, разорвав глубокую тишину монастыря, в ночи раздался тонкий звон колокола.

До создания Людовиком XIV Дома инвалидов старым солдатам некуда было деваться, и они находили пристанище в монастырях, которые служили им как бы богадельней. Вот откуда падение нравов.

Брат Жан поднялся с пола. По вискам у него текли струйки пота, словно он только что выдержал изнуряющую рукопашную схватку.

— Вот и к заутрене звонят, — сказал он. — Заря еще не занялась, но я должен идти с братьями в часовню. Если хотите, оставайтесь здесь. Когда рассветет, я приду за вами.

— Нет, мне страшно, — проговорила Анжелика, с трудом удерживаясь, чтобы, не вцепиться в сутану своего покровителя. — А я могу пойти с вами в часовню? Я тоже помолюсь.

— Пожалуйста, дитя мое.

И он добавил с печальной улыбкой:

— В былые времена никому бы в голову не пришло отправиться к заутрене с девочкой, но теперь в этих стенах можно встретить столь необычные лица, что уже ничему не удивляешься. Поэтому-то я привел вас к себе, у меня вы были в большей безопасности, чем в сарае.

Помолчав, он сказал очень серьезно:

— Анжелика, могу ли я вас просить, чтобы, когда вы вернетесь домой, вы никому не рассказывали о том, что видели здесь?

— Обещаю вам, — сказала она, подняв на него свои ясные глаза.

Они вышли в коридор, где с приближением рассвета на стенах из древних камней, казалось, выступила холодная роса.

— А для чего в вашей двери окошко? — спросила Анжелика.

— Когда-то мы были орденом отшельников. Монахи выходили из своих келий только для богослужения, а во время поста даже это запрещалось. Послушники ставили еду в эти оконца. А теперь, дитя мое, помолчите, старайтесь держаться как можно незаметнее. Я буду вам весьма благодарен.

Мимо них проходили монахи в капюшонах, постукивая четками и бормоча молитвы.

Анжелика забилась в угол часовни и попыталась молиться, но монотонное пение и запах горящих свечей усыпили ее.

Когда она проснулась, часовня была уже пуста, и лишь легкие струйки дыма от погашенных свечей поднимались к темным сводам.

Анжелика вышла на улицу. Вставало солнце. В его золотистых лучах черепичные крыши стали цвета желто-фиоли. В саду около каменной статуи святого ворковали голуби. Анжелика лениво потянулась и зевнула. И подумала, не приснилось ли ей все это...

Брат Ансельм, человек добрый, но удивительно медлительный, запряг своего мула лишь после обеда.

— Не волнуйтесь, ребятки, — весело успокаивал он детей, — я просто отодвигаю порку, которая вас ждет. Мы доберемся до вашей деревни только к ночи, все родители будут спать...

«Если только они не бегают по полям в поисках своих отпрысков», — подумала Анжелика. Она была недовольна собой. Ей казалось, что за последние несколько часов она вдруг повзрослела.

«Никогда больше я не буду выкидывать подобных глупостей», — твердо, но с какой-то грустью сказала она себе.

Брат Ансельм из уважения к благородному происхождению Анжелики посадил ее на козлы рядом с собой, а мальчишки забрались в повозку.

— Ну-у-у, пошел, красавец! Побыстрее, хороший мой! — распевал монах, потряхивая вожжами.

Но мул не торопился. Наступил уже вечер, а они все еще ползли по римской дороге.

— Я поеду самым коротким путем, — сказал монах. — Плохо, конечно, что придется ехать мимо Волу и Шайе, ведь это гугенотские деревни, но, бог даст, будет темно, и еретики нас не заметят. Мою сутану там здорово недолюбливают.

Брат Ансельм слез с козел и перевел мула на тропинку, которая вилась вверх. Анжелике захотелось немного размяться, и она пошла рядом с ним. Она с удивлением смотрела по сторонам: она никогда не бывала здесь, хотя они находились в нескольких лье от Монтелу. Тропинка вела по склону какой-то осыпи, напоминавшей заброшенный карьер.

Приглядевшись внимательнее, Анжелика действительно заметила развалины, каких-то строений.

Она была босиком и то и дело спотыкалась о куски почерневшего шлака.

— Какая странная пемза, — сказала она, подобрав тяжелый пористый камень, о который ушибла ногу.

— Здесь был свинцовый рудник римлян, — объяснил монах. — В старинных рукописях он упоминается под названием Аржантьер, потому что там будто бы добывали и серебро. В XIII веке пробовали было возобновить разработку, остатки нескольких печей и свидетельствуют об этой попытке.

Девочка слушала с интересом.

— И этот тяжелый пористый камень и есть та руда, из которой добывали свинец?

Брат Ансельм заговорил с видом знатока:

— Да что вы! Руда — это большие рыжие глыбы. Говорят, что из нее получают еще мышьяковые яды. Не трогайте руками эти камни! Лучше я сейчас найду вам серебристые кубики, они, правда, очень хрупкие, но зато вы можете их потрогать.

Монах несколько минут что-то искал вокруг, потом подозвал Анжелику и показал ей в расщелине скалы черные кристаллы. Когда он поцарапал один из них, поверхность кристалла заблестела, как серебро.

— Так это же чистое серебро! — воскликнула Анжелика, и проявляя практический ум, спросила:

— А почему никто его не собирает? Ведь серебро, должно быть, стоит больших денег, и можно будет хотя бы уплатить налоги?

— Все это не так просто, как кажется, дорогая барышня. Во-первых, не все то серебро, что блестит, и то, что вы видите, — это всего-навсего вид свинцовой руды. Но и она содержит серебро, хотя извлечь его из руды очень сложно: только испанцы и саксонцы знают, как это делается. Говорят, будто к этой руде примешивают уголь и смолу, делают из этой смеси нечто вроде лепешек, которые расплавляют в горне на очень сильном огне. И получают в конце концов слиток свинца. Некогда расплавленным свинцом из машикулей вашего замка поливали врагов. А уж добыча серебра — дело ученых алхимиков, я в этом не очень-то разбираюсь.

— Вы сказали, брат Ансельм, из «вашего замка». Почему именно из нашего?

— Вот тебе и раз! Да просто потому, что этот заброшенный участок земли принадлежит вам, хотя и отделен от основных ваших земель владениями маркиза дю Плесси.

— Мой отец никогда не говорил о нем...

— Участок маленький, узкий, ничего на нем не растет. На что он вашему отцу?

— А свинец, а серебро?

— Ерунда! Можно не сомневаться, рудник давно истощен. Да и вообще, все, что я вам рассказал, я узнал от одного монаха-саксонца, помещанного на разных камешках и старинных книгах по черной магии. Я подозреваю, он был немножко не в своем уме.

Предоставленный самому себе мул, таща повозку, ушел вперед и, спустившись с горки, поплелся по плато. Анжелика с монахом нагнали его и сели на козлы. Вскоре совсем стемнело.

— Я не буду зажигать фонарь, чтобы не привлекать к нам внимания, — тихо сказал брат Ансельм. — Честное слово, я предпочел бы проезжать мимо этих деревень совсем голым, чем в своей сутане, да еще с четками на поясе. А что это там... уж не факелы ли? — вдруг спросил он, натягивая вожжи.

Действительно, примерно в лье от своей повозки они увидели множество движущихся светящихся точек, которых становилось все больше. Ночной ветерок доносил необычное печальное пение.

— Пресвятая дева, защити нас! — воскликнул брат Ансельм, спрыгивая на землю. — Это гугеноты из Волу хоронят своих покойников! Они идут нам навстречу! Нужно поворачивать назад!

Он схватил мула под уздцы и попытался круто повернуть его назад на узкой тропинке. Но мул заупрямился. Охваченный страхом монах чертыхался, и «красавец» превратился в «проклятую скотину». Анжелика и Никола бросились на помощь монаху, в свою очередь пытаясь переубедить животное. Процессия приближалась. Все громче становилось пение. «Господь — наша опора во всех наших несчастьях...»

— Беда! Беда! — стонал монах.

Из-за поворота дороги показались первые факельщики. Неожиданно яркий свет озарил повозку, застрявшую поперек

тропинки.

— Кто это там?

— Пособник дьявола, монах...

— Он загородил нам дорогу.

— Неужто им мало, что мы вынуждены хоронить наших покойников ночью, как собак...

— Он еще оскверняет их своим присутствием!

— Бандит! Распутник! Папистский пес! Толстый боров!

О деревянные борта повозки звонко застучали камни. Дети испуганно заплакали.

Анжелика, раскинув руки, выбежала вперед:

— Остановитесь! Остановитесь! Это же дети! При появлении девочки с развевающимися волосами страсти разгорелись еще сильнее.

— Ясно, девка! Их потаскуха!

— А в повозке ублюдки, окропленные святой водицей...

— Небось тоже зачаты непорочно!

— С помощью святого духа!

— Да нет, это наши дети, они украли их, чтобы принести в жертву своим идолам!

— Смерть ублюдкам дьявола!

— Спасем наших детей!

Одетые в черное крестьяне со свирепыми лицами окружили повозку. А шедшие сзади, не подозревая о происходящем, продолжали петь. «Всевышний — наша крепость...» Но постепенно толпа вокруг детей становилась все плотнее.

Осыпаясь руганью и тумаками, брат Ансельм с неожиданным для такого толстяка проворством выскользнул из толпы и помчался через поле. Никола, не обращая внимания на то, что его колотили палками, старался повернуть обезумевшего от страха мула. Чьи-то пальцы с длинными ногтями вцепились в Анжелику. Извиваясь, словно уж, она вырвалась и бросилась наутек в поле. Один из гугенотов кинулся следом и нагнал ее. Это был совсем еще мальчишка, примерно одного с ней возраста, и юношеский пыл еще больше разжигал его сектантский фанатизм.

Сцепившись, они покатались по траве. Анжеликой внезапно овладело исступление. Она царапалась, кусалась, яростно впиваясь

зубами в своего врага, ощущая во рту солоноватый вкус его крови. Наконец, почувствовав, что он слабеет, она вырвалась и снова помчалась прочь.

В это время к повозке подбежал какой-то высокий мужчина.

— Остановитесь! Остановитесь, несчастные! — кричал он, повторяя слова Анжелики. — Это же дети!

— Дети дьявола! Да, да, дьявола! А что они делали с нашими детьми? В ночь святого Варфоломея их выбрасывали из окон на острия копий!

— Но это уже прошлое, дети мои! Удержите свою карающую длань. Мы нуждаемся в мире. Образумьтесь, дети мои, послушайте вашего пастора.

Анжелика услышала, как скрипнула и покатилась повозка. Значит, Никола все-таки удалось повернуть мула.

Прячась за изгородью, Анжелика добралась до следующего поворота и присоединилась к своим товарищам.

— Если бы не их пастор, нас, наверно, уже не было бы в живых, — прошептал Никола, стуча зубами.

Анжелика была вся в царапинах. Она одернула свое изодранное, перепачканное платье. Во время стычки ее так сильно дергали за волосы, что теперь ей казалось, будто с нее сняли скальп, до того у нее болела голова.

Когда они проехали еще немного, кто-то окликнул их приглушенным голосом, и из-за кустов появился брат Ансельм.

Пришлось спускаться обратно к римской дороге. К счастью, ночь выдалась лунная. В Монтелу дети попали только под утро. Они узнали, что со вчерашнего дня крестьяне прочесывают Ньельский лес, но нашли лишь колдунью, которая на поляне собирала целебные травы, обвинили ее в том, что это она украла их детей, и без долгих слов вздернули на ветке дуба.

— Ты понимаешь или нет, — говорил барон Арман Анжелике, — сколько беспокойства и хлопот причинили мне все вы, и ты в особенности?..

Разговор этот происходил через несколько дней после их побега. Анжелика, прогуливаясь, шла по тропинке через овраг и повстречала своего отца. Он сидел на пне, а неподалеку щипал траву его конь.

— Что же с мулами, ничего не получается, отец?

— Нет, дело идет на лад. Я как раз возвращаюсь от Молина. Видишь ли, Анжелика, после твоего безрассудного бегства в лес тетя Пюльшери убедила нас, меня и твою мать, что дальше воспитывать тебя здесь, в замке, невозможно. Тебя надо поместить в монастырь. И вот я решился на шаг, весьма унижительный для меня, шаг, которого раньше я хотел избежать любой ценой. Я поехал к Молину и попросил его дать вперед некоторую сумму денег, благо он предлагал мне их для устройства наших семейных дел.

Он говорил тихим, печальным голосом, словно что-то надломилось в нем, словно случилась беда куда горше, чем смерть отца или отъезд старшего сына.

— Бедный папа, — прошептала Анжелика.

— Но все это не так-то просто, — продолжал барон. — Просить милостыню у простолюдина тяжело уже само по себе. Но меня беспокоит другое: я никак не могу понять, что у этого Молина на уме. Давая ссуду, он поставил мне весьма странные условия.

— Какие же, отец?

Барон задумчиво посмотрел на дочь и провел своей мозолистой ладонью по ее чудесным темно-золотистым кудрям.

— Как странно... Мне легче довериться тебе, чем твоей матери. Ты сумасбродка, дикарка, но мне кажется, что уже сейчас ты способна все понять. Конечно, я подозревал, что Молин рассчитывает как следует нажиться на этой затее с мулами, но я не совсем понимал, почему он обратился именно ко мне, а не к кому-нибудь из местных барышников. Теперь же я понял: для него важно, что я дворянин. Он сам сегодня сказал мне: он рассчитывает, что я при помощи своих связей или родственников добьюсь от суперинтенданта финансов освобождения от таможенной пошлины, городской ввозной пошлины и «пыльной пошлины» за прогон скота для четвертой части всех мулов, предназначенных к продаже, а также гарантированного права сбывать эту четверть в Англию или, когда кончится война, в Испанию.

— Да это же великолепно! — восторженно воскликнула Анжелика. — Как хитро все задумано! С одной стороны Молин — простолудин, но человек ловкий, с другой — вы, дворянин...

— И не ловкий, — улыбнулся отец.

— Нет, просто вы не привыкли заниматься такими делами. Зато у вас связи и титулы. Вы добьетесь успеха. Вы же сами говорили, что невозможно вывозить мулов за границу из-за очень высоких городских и дорожных пошлин. Но уж коли речь пойдет всего лишь о четвертой части мулов, суперинтендант сочтет вашу просьбу умеренной. А что вы будете делать с остальными?

— Их получит право закупать в Пуатье по рыночным ценам военное интендантство.

— Выходит, все предусмотрено. Молин — человек дальновидный. Может, вам следует повидаться с маркизом дю Плесси и даже написать герцогу Ла Тремулю? Хотя я слышала, что все эти сеньоры скоро приедут в наши края, они ведь снова занялись своей Фрондой.

— Да, действительно, об этом поговаривают, — недовольно пробормотал барон. — Во всяком случае, поздравлять меня еще рано. Приедут ли эти вельможи или нет, еще не известно, как, впрочем, и то, захотят ли они мне помочь. Да, я еще не рассказал тебе самого удивительного.

— Чего?

— Молин настаивает, чтобы я возобновил добычу свинца на нашем заброшенном руднике около Волу, — задумчиво вздохнул барон. — Иногда мне кажется, что Молин просто не в своем уме, хотя, надо признаться, я не вполне разбираюсь в этих мудреных делах... если, впрочем, это настоящие дела. Короче говоря, он попросил меня ходатайствовать перед королем о восстановлении привилегии моих предков добывать свинец и серебро на этом руднике. Помнишь заброшенный рудник около Волу? — спросил барон, увидев, что Анжелика унеслась куда-то мыслями.

Анжелика молча кивнула.

— Интересно бы знать, что этот чертов Молин собирается извлечь из наших старых камней?.. По-видимому, оборудование рудника будет заказано от моего имени, но на деньги Молина. Мы заключим с ним тайное соглашение, по которому он получает рудник в аренду на десять лет и берет на себя все-расходы, связанные с моей земельной собственностью и разработкой рудника. Я же в свою очередь должен добиться от суперинтенданта, чтобы четверть добываемого металла тоже освободили от обложения налогом и дали те же гарантии на

вывоз его за границу. Все это представляется мне несколько сложным, — заключил барон и встал.

Когда он поднимался, в его кошельке звякнули золотые экю, которые он только что получил от Молина, и приятный этот звон подбодрил его.

Он подозвал коня и, придав своему взгляду суровость, посмотрел на задумавшуюся Анжелику.

— Постарайся забыть все, что я рассказал тебе, и займись своим гардеробом. На сей раз, дочь моя, решено: ты отправляешься в монастырь.

Итак, Анжелика начала собираться в дорогу. Органс и Мадлон тоже уезжали. Ранмон и Гонтран должны были в Пуатье завезти своих сестер к урсулинкам, а сами отправиться к монахам-иезуитам, которые слыли отличными воспитателями.

Намеревались было включить в этот список отъезжающих и девятилетнего Дени, но тут уж взбунтовалась кормилица. Сначала на нее навалили девятых детей, а теперь хотят забрать сразу всех! Нет, так нельзя бросаться из одной крайности в другую! И Дени остался. Остался вместе с Мари-Агнесс, Альбером и младшим в семье, которого называли просто Бебе, заполнять «досуги» Фантины Лозье.

Однако за несколько дней до отъезда одно происшествие чуть не изменило судьбу Анжелики.

Сентябрьским утром барон де Сансе вернулся из замка Плесси крайне возбужденный.

— Анжелика! — крикнул он, входя в гостиную, где, поджидая его, собралась уже вся семья, чтобы сесть за стол. — Анжелика, ты здесь?

— Да, отец.

Он критически осмотрел свою дочь, которая за последние месяцы сильно вытянулась и теперь ходила с чистыми руками, аккуратно причесанная. По всеобщему мнению, Анжелика наконец-то образумилась.

— Ну что ж, ничего, — словно про себя пробормотал барон и, обратившись к жене, сказал:

— Представьте себе, маркиз дю Плесси только что прибыл в замок со всеми чадами и домочадцами — с маркизой, сыном, пажами, слугами и псарней. У них — именитый гость, принц Конде со своей

свитой. Я столкнулся там с ними, и это меня даже несколько огорчило. Но мой кузен проявил по отношению ко мне крайнюю любезность. Подозвал меня, справился о вас, и знаете, о чем попросил? Привезти к нему Анжелику, чтобы она заменила одну из фрейлин маркизы. Маркизе пришлось оставить в Париже почти всех девушек, которые ее причесывают, развлекают и играют ей на лютне. Она очень взбудоражена приездом принца Конде, и ей, она уверяет, просто необходимы в помощь милovidные девушки.

— А почему Анжелику, а не меня? — с вызовом воскликнула Ортанс.

— Потому что он сказал «милovidные», — без обиняков отрезал отец.

— Однако ведь маркиз нашел, что у меня тонкий ум.

— А маркиза желает видеть вокруг себя хорошенькие мордочки.

— Это уж слишком! — воскликнула Ортанс и бросилась к сестре с явным намерением исцарапать ей лицо.

Но Анжелика, предвидя маневр сестры, проворно увернулась. С бьющимся сердцем поднялась она в большую комнату, где жила теперь только вдвоем с Мадлон. В окно она кликнула мальчика-слугу и приказала ему принести ведро воды и таз.

Она тщательно вымылась и долго расчесывала щеткой свои прекрасные волосы, которые ниспадали ей на плечи шелковистой пелериной. Тетушка Пюльшери поднялась к ней и принесла самое лучшее платье из тех, что Анжелике сшили для монастыря. Анжелика восторгалась им, хотя было оно довольно тусклого, серого цвета. Но зато оно сшито из новой материи, специально купленной у известного суконщика в Ниоре, и его оживляет белый воротник! Это было ее первое длинное платье. Надевая его, она даже пританцовывала от радости. Тетушка Пюльшери в умилении сложила ладони.

— Маленькая моя Анжелика, да тебя там примут за взрослую девушку. Может, тебе сделать настоящую прическу?

Но Анжелика отказалась. Женское чутье подсказало ей, что не следует скрывать под пудрой свое единственное украшение.

Она села на гнедого красавца мула, которого отец приказал оседлать для нее, и вместе с бароном отправилась в замок дю Плесси.

Замок пробудился от своего зачарованного сна. Когда барон с дочерью, оставив мула и коня у Молина, шли по главной аллее,

навстречу им неслась музыка. На лужайках резвились длинноногие борзые и маленькие грифоны. Сеньоры в локонах и дамы в переливающихся всеми цветами радуги платьях прогуливались по аллеям. Некоторые из них с удивлением поглядывали на жалкого дворянчика в темной одежде из грубого сукна и девочку-подростка в платье монастырской воспитанницы.

— Одета нелепо, но хорошенькая, — заметила одна из дам, обмахиваясь веером.

«Уж не обо мне ли они говорят? — подумала Анжелика. — Но чем же нелепо она одета?» — Анжелика внимательнее оглядела яркие, роскошные туалеты, украшенные кружевами, и ее серое платье вдруг показалось ей неуместным здесь.

Барон Арман не разделял смущения дочери. Все его мысли были поглощены предстоящим разговором, о котором он собирался просить маркиза дю Плесси. Добиться отмены налога на четверть будущего табуна мулов и четверть добытого свинца для такого знатного родом дворянина, как барон де Ридуэ де Сансе де Монтелу, наверняка не составит труда. Но обнищавший дворянин понимал лишь одно: живя вдали от двора, он стал похож на простого виллана, и сейчас все эти господа в напудренных локонах, с благовонным дыханием, с их жеманной болтовней ошеломили его. Да, помнится, при Людовике XIII всячески подчеркивались простота и суровость нравов. Разве не сам король, шокированный слишком большим декольте у юной красавицы из Пуатье, без всяких церемоний плюнул в этот нескромный... и соблазнительный вырез?

Арман де Сансе лично был свидетелем знаменитого королевского плевка и теперь, пробираясь с Анжеликой сквозь эту разряженную толпу, с грустью вспоминал о былых временах.

С невысокого помоста доносились нежные, пленительные звуки — там сидели музыканты с рылями, лютнями, гобоями и флейтами. В большой зеркальной зале танцевала молодежь. Анжелика подумала, что, может, среди танцующих находится и ее кузен Филипп.

Тем временем барон де Сансе добрался до последней валы и, сняв выдавшую виды шляпу с жалким пером, склонился в почтительном поклоне. Это больно кольнуло Анжелику. «При нашей бедности было бы уместнее вести себя надменно», — подумала она. И вместо того чтобы присесть в глубоком реверансе, который тетушка Пюльшери

заставила ее повторить трижды, она застыла, как деревянная кукла, устремив взгляд в пространство. Она почти не различала лиц окружающих, их словно окутывал туман, но она знала, что глядя на нее, каждый с трудом сдерживается, чтобы не хихикнуть. И когда лакей объявил: «Мессир барон де Ридуэ де Сансе де Монтелу!» — наступило внезапное молчание, прерываемое лишь приглушенными смешками.

Прикрытое веером лицо маркизы дю Плесси стало пунцовым, а в глазах заискрилось сдержанное веселье. Маркиз дю Плесси спас положение, приветливо поспешив к барону.

— Дорогой кузен, — вскричал он, — как любезно с вашей стороны, что вы столь быстро откликнулись на наше приглашение и привели с собой вашу очаровательную дочь. Анжелика, вы еще больше похорошели с тех пор, как я видел вас. Разве не так? — И, повернувшись к своей жене, он спросил:

— Не правда ли, она похожа на ангела?

— Суций ангел! — согласилась маркиза, которой уже удалось взять себя в руки. — Если ее приодеть, она будет просто божественна. Душенька, сядьте на этот табурет, чтобы мы могли налюбоваться вами в свое удовольствие.

— Дорогой кузен, — сказал Арман де Сансе, и его хрипловатый голос странно прозвучал в этом жеманном салоне, — я хотел бы неотлагательно побеседовать с вами о важных делах.

Маркиз изумленно поднял брови.

— Вот как? Я вас слушаю.

— Простите, но это сугубо приватный разговор. Маркиз дю Плесси бросил на присутствующих покорный взгляд, в котором, однако, сквозила насмешка.

— Прекрасно! Прекрасно, дорогой кузен. Коли так, пройдемте ко мне в кабинет. Сударыни, извините нас... Мы скоро вернемся.

Анжелика осталась одна на своем табурете под перекрестными взглядами окружавших ее дам. Она постепенно справилась с овладевшим ею поначалу мучительным волнением. Теперь она уже ясно различала лица вокруг. Большинство дам были ей незнакомы, до рядом с маркизой она увидела очень красивую женщину, которую узнала по белоснежной, с перламутровым отливом шее.

«Графиня де Ришвиль», — вспомнила Анжелика.

Глядя на расшитое золотом с усеянной бриллиантами шемизеткой платье графини, Анжелика особенно ясно почувствовала, насколько уродливо ее серое платье. Все дамы сверкали с ног до головы. На поясе у них болтались разные безделушки: зеркальца, черепаховые гребни, бонбоньерки, часики. Нет, она, Анжелика, никогда не будет одета так роскошно. Никогда не сумеет так высокомерно смотреть, разговаривать таким тоненьким и кокетливым голоском, точно во рту у тебя леденец.

— Дорогая, — пропищала одна из дам, — у нее же прелестные волосы, но они не знали настоящего ухода.

— А грудь для пятнадцати лет чересчур мала.

— Но, милая моя, ей только-только тринадцать.

— Если вы желаете знать мое мнение, Анриетта, то прямо скажу вам: ее уже не обтесать!

«Что я мул, выставленный на продажу, что ли?» — думала Анжелика. Она была так поражена, что даже не слишком оскорбилась.

— Как хотите, но у нее зеленые глаза, — воскликнула графиня де Ришвиль, — а зеленые глаза, как и изумруд, приносят несчастье!

— Это же такой необычный цвет, — возразила другая дама.

— Но они лишены обаяния. Посмотрите, какой холодный взгляд у этой девочки. Нет, право, я не терплю зеленые глаза.

«Неужели они обесценят единственное мое богатство — волосы и глаза?» — думала девочка.

— Конечно, сударыня, — неожиданно сказала она вслух, — спору нет, голубые глаза настоятеля Ньельского аббатства нежнее... и приносят вам счастье, — тише добавила она.

Наступила мертвая тишина. Несколько дам прыснули со смеху, но тут же замолкли. Все растерянно переглядывались, словно не веря, что такие слова смогла произнести эта сидевшая с невозмутимым видом девочка.

Краска залила лицо и даже шею графини де Ришвиль.

— Да я же ее знаю! — воскликнула она, но тут же от досады прикусила губу.

Все в изумлении уставились на Анжелику. Маркиза дю Плесси, славившаяся своим злоязычием, снова прикрыла лицо веером, скрывая насмешливую улыбку. Но теперь уже она прятала ее от соседки.

— Филипп! Филипп! — позвала она, чтобы выйти из неловкого положения. — Где мой сын? Мессир де Бар, будьте так добры, пригласите сюда полковника.

И когда шестнадцатилетний полковник явился, маркиза сказала:

— Филипп, эта твоя кузина де Сансе. Проводи ее к танцам. В обществе молодых людей ей будет веселее, чем с нами.

Не дожидаясь приглашения кузена, Анжелика встала. Сердце ее отчаянно заколотилось, и она обозлилась на себя за это. Юный сеньор смотрел на мать с нескрываемым возмущением. «Как, — казалось, говорил он, — как осмеливаетесь вы навязывать мне так дурно одетую девчонку!»

Но, видимо, по выражению лиц находящихся в гостиной дам он понял, что здесь произошла какая-то неловкость, и, протянув Анжелике руку, процедил сквозь зубы:

— Идемте, кузина.

Она вложила в его открытую ладонь свои маленькие пальчики, о красоте которых она даже не подозревала. Филипп молча довел ее до входа в галерею, где пажам и молодым сеньорам его возраста было разрешено резвиться в свое удовольствие.

— Расступитесь! Расступитесь! — неожиданно крикнул юный маркиз. — Друзья, представляю вам мою кузину, баронессу Унылого платья!

Раздался дружный хохот, их окружили молодые люди. Пажи были в туфлях на высоких каблуках, в коротких до колен штанах с буфами, из-под которых смешно торчали длинные и тощие ноги, и все они показались Анжелике похожими на цапель.

«В общем-то, я в своем унылом платье выгляжу не смешнее, чем они с этими тыквами вокруг бедер», — подумала Анжелика.

Она бы, пожалуй, охотно поступилась своим самолюбием, лишь бы побыть еще рядом с Филиппом, но один из подростков спросил ее:

— Вы умеете танцевать, мадемуазель?

— Немного.

— Правда? А какие танцы?

— Бурре, ригодон, умею водить хоровод...

Ее слова вызвали новый взрыв хохота.

— Ха-ха-ха! Филипп, что за птицу ты нам привел? А ну-ка, мессир, давайте тянуть жребий! Кто будет танцевать с этой

пастушкой? Есть любители бурре? Уф!.. Уф!.. Уф!..

Анжелика выдернула свою руку из руки Филиппа и бросилась прочь.

Она прошла через большие залы, где сновали слуги и толпились сеньоры, через холл с мозаичным полом, где на бархатных подстилках спали собаки. Она искала отца, изо всех сил удерживая слезы. Все это пустяки! Надо забыть об этом, как о нелепом, кошмарном сне. Перепелке не следует вылетать из своей чащи. Вспомнив наставления тети Пюльшери, к которым она все же прислушивалась, Анжелика твердила про себя, что наказана поделом, что незачем было из пустого тщеславия соблазняться лестным, на первый взгляд, предложением маркизы дю Плесси.

Наконец она услышала пронзительный голос маркиза, доносившийся из маленькой комнаты, расположенной в стороне от других.

— Ничего подобного! Ничего подобного! Мой бедный друг, вы совершенно не в курсе дела, — сокрушенным тоном говорил маркиз. — Вы напрасно воображаете, что нам, дворянам, — а у нас столько расходов! — легко получить льготы. К тому же ни я, ни принц Конде не в состоянии освободить вас от налогов.

— Я вас прошу лишь замолвить за меня словечко перед суперинтендантом финансов мессиром де Треманом, ведь вы лично знакомы с ним. А дело не лишено интереса и для него. Я прошу освободить меня от налогов и всех подорожных пошлин только при перевозке товара от Пуату до побережья. И прошу, кстати, сделать это исключение только для четверти своих мулов и добытого свинца. В возмещение военное интендантство короля оставляет за собой право купить остальных мулов по рыночной цене, а королевская казна получит возможность приобретать свинец и серебро по официальному курсу. А ведь государству выгоднее иметь нескольких надежных поставщиков различных товаров у себя в стране, чем ввозить эти товары из-за границы. У меня, к примеру, для тяги пушек есть великолепные мулы, крепкие и сильные...

— От ваших слов разит навозом и потом, — возмущенно воскликнул маркиз, брезгливым жестом поднося руку к носу. — И знаете, я не поручусь, что, занимаясь такого рода делами, которые —

простите мою откровенность — сильно смахивают на торговлю, вы не унижаете своего звания дворянина.

— Торговля это или нет, но мне надо жить, — отрезал Арман де Сансе твердым голосом, что весьма обрадовало Анжелику.

— А мне, — воскликнул маркиз, вздымая руки к небу, — вы думаете, мне легко жить! И все же, смею вас заверить, никогда не опорочу я своего дворянского звания никаким низменным занятием.

— Ваши доходы несравнимы с моими, кузен. Собственно говоря, я нищий и для короля, который отказывает мне в помощи, и для ростовщиков из Ниора, которые заживо сжирают меня.

— Знаю, знаю, дорогой Арман. Но вы когда-нибудь задумывались над тем, как я, будучи придворным, занимая две важные должности при короле, свожу концы с концами? Убежден, что нет. А между тем, да будет вам известно, мои расходы неизменно превышают доходы. Я отношу сюда, естественно, и доходы от моего имения Плесси, и доходы от имения моей жены в Турени, а также те примерно сорок тысяч ливров, которые мне приносит Моя должность камергера короля и полковника Пуатевенской бригады, что в среднем составляет тысяч сто шестьдесят в год...

— Я бы довольствовался и десятой частью, — вставил барон.

— Терпение, мой деревенский кузен. Да, у меня сто шестьдесят тысяч ливров дохода. Но поймите, что расходы моей жены, полк моего сына, особняк в Париже, дом, который я снимаю в Фонтенбло, переезды вместе с двором в его скитаниях, проценты, которые надо погашать по различным займам, приемы, гардероб, экипажи, прислуга и прочее — все это обходится мне в триста тысяч ливров.

— Иными словами, у вас ежегодно не хватает примерно ста пятидесяти тысяч?

— Вы только что сами убедились в этом, дорогой кузен. И если я позволил себе изложить вам все эти утомительные подробности, то лишь затем, чтобы вы поняли меня, почему в данный момент я не могу обратиться к суперинтенданту финансов мессиру де Треману.

— Но вы же знакомы с ним лично.

— Знаком, но больше с ним не встречаюсь. Я уже устал повторять вам, что мессир де Треман остался верен королю, регентше и даже готов посвятить себя Мазарини...

— Ну что ж, как раз...

— Как раз по этой-то причине мы с ним больше и не встречаемся. Разве вы не знаете, что принц Конде, которому я предан до конца, в ссоре с двором?..

— Откуда же мне знать это? — ответил ошеломленный Арман де Сансе. — Ведь когда мы виделись с вами несколько месяцев назад, у регентши не было более верного слуги, чем принц Конде.

— Да, но с тех пор много воды утекло, — с досадой вздохнул маркиз дю Плесси. — Я не стану пересказывать вам здесь всю историю в подробностях. Но знайте только одно: если королева, оба ее сына и этот дьявол в красной мантии смогли вернуться в Лувр, в Париж, то лишь благодаря принцу Конде. Но вместо благодарности с этим великим человеком обращаются самым недостойным образом. Вот уже несколько недель, как между ними произошел полный разрыв. А сейчас Испания сделала принцу весьма заманчивые предложения, и он приехал ко мне, чтобы разобраться, имеют ли они под собой реальную почву.

— Предложения со стороны Испании? — переспросил барон Арман.

— Да. И представьте себе — только дайте слово дворянина, что это останется между нами, — король Филипп IV идет даже на такой шаг: предлагает нашему прославленному полководцу, а также и мессюру де Тюренну по десятитысячной армии каждому.

— Но для чего?

— Да для того, чтобы ограничить власть регентши и главным образом власть этого вора кардинала! Принц Конде во главе испанских армий войдет в Париж, и Гастон Орлеанский, брат короля, брат покойного Людовика XIII, взойдет на престол. Монархия будет спасена и наконец избавлена от женщин, детей и чужестранца, который бесчестит ее. А что в свете этих прекрасных перспектив, по-вашему, должен делать я? Чтобы вести такой образ жизни, о каком я вам говорил сейчас, я не могу делать ставку на того, кто обречен на поражение. Народ, парламент, двор — все ненавидят Мазарини. А королева продолжает за него цепляться и никогда от него не откажется. Просто Невозможно описать, какое жалкое существование влечат последние два года двор и малолетний король. Они живут как цыгане: бесконечные бегства, возвращения, ссоры, войны — и так без конца...

Все имеет свои пределы! Дело малолетнего короля Людовика XIV проиграно. И добавлю еще, что дочь Гастона Орлеанского, герцогиня де Монпансье — вы знаете эту высокую шумную девицу, — ярая сторонница Фронды. Год назад она уже сражалась на стороне бунтовщиков. И теперь снова рвется в бой. Моя жена обожает ее, и та платит ей тем же. Но на сей раз я не допущу, чтобы мы с Алисой оказались в разных лагерях. Перепоясаться голубым шарфом и воткнуть в шляпу колос вроде бы не так уж страшно, если подобные разногласия не приведут к другим разногласиям между супругами. Вообще Алиса просто в силу своего характера вечно восстает против чего-нибудь, за что-нибудь борется. Против лент на чулках и за ленты на портупелях, против челки и за открытый лоб и тому подобное. Словом, оригиналка. Сейчас она против регентши Анны Австрийской, ибо та сказала, что пастилки, которые употребляет моя жена, чтобы освежить рот, напоминают слабительные таблетки. Ничто не заставит Алису вернуться ко двору, где, как она уверяет, всем опостытели набожность королевы и выходки малолетних принцев. Короче говоря, если моя жена не желает следовать за мной, придется мне последовать за ней. У меня есть маленькая слабость я нахожу, что моя жена весьма пикантна, обладает даром любви, и это мне по душе... А в общем, Фронда — премилая игра...

— Но... но неужели хотите сказать, что и мессир де Тюренн... тоже? — растерянно пробормотал Арман де Сансе.

— Подумаешь, мессир де Тюренн! Мессир де Тюренн! Он такой же, как и все. Также не любит, когда недооценивают его заслуги. Он просил, чтобы ему пожаловали Седан. Ему отказали. Как и следовало ожидать, он разгневался. Даже ходят слухи, что он уже принял предложения испанского короля. Принц Конде — тот более осмотрителен. Он не сделает такого шага, пока не получит известий от своей сестры герцогини де Лонгвиль, которая отправилась вместе с принцессой Конде поднимать на борьбу Нормандию. Надо вам сказать, что здесь находится герцогиня де Бофор, к чарам которой равнодушен наш великий герой... Поэтому на сей раз он не так уж рвется в бой. И вы его, конечно, извините, когда увидите эту богиню... у нее такая нежная кожа, дорогой мой...

Анжелика, которая стояла, прислонясь к стене, заметила издали, как отец достал огромный платок и вытер влажный лоб.

«Ничего он не добьется, — подумала она, и у нее сжалось сердце. — Что им до наших мулов и нашего свинца с серебром?»

Сердце ее разрывалось от жалости к отцу. Не в силах больше слушать, она выбежала в окутанный голубыми сумерками парк. Из окон гостиных, словно перекликаясь, доносились звуки скрипок и гитар, цепочка лакеев пронесла канделябры, другие слуги, взобравшись на табуреты, зажигали свечи в бра, висящих у зеркал, в которых дрожало пламя.

«Подумать только, — размышляла Анжелика, медленно бредя по аллеям парка, — подумать только, бедный папа потерял покой из-за того, что Молин собирается продать Испании, с которой мы воюем, нескольких мулов. Он считает это предательством. А вот принцам все безразлично, хотя они-то и пользуются милостями двора. Неужели они и правда собираются воевать против короля?..»

Анжелика обошла замок и оказалась у той стены, на которую она когда-то не раз залезала, чтобы полюбоваться сокровищами волшебной комнаты. Здесь было пустынно, потому что даже парочки, не боявшиеся вечернего тумана, какого-то особенно промозглого в этот осенний день, предпочитали прогуливаться по лужайкам перед замком.

Привычным движением Анжелика скинула туфли и, несмотря на свое длинное платье, проворно залезла на карниз второго этажа. Уже совсем стемнело, и вряд ли кто-нибудь, проходя мимо, мог заметить девочку, тем более что она укрылась в тени башенки, украшавшей правое крыло замка.

Окно комнаты оказалось открытым. Анжелика заглянула туда. В комнате золотистым огоньком горел ночник, и Анжелика поняла, что наконец-то здесь кто-то живет. Сейчас, при свете ночника, прекрасная мебель и ковры казались еще таинственнее. Словно снежинки, поблескивали перламутровые инкрустации на шифоньерке красного дерева.

Анжелика взглянула в ту сторону, где стояла высокая кровать, покрытая камчатым одеялом, и вдруг ей почудилось, будто картина, изображавшая богов, ожила.

На кровати, среди скомканных простынь со свисавшими на пол кружевами, белели два обнаженных тела. Они так крепко сжимали друг друга в объятиях, что сначала Анжелика подумала, что это

борются подростки, два бесстыдных драчливых пажа, и только потом она сообразила, что перед нею мужчина и женщина.

Темные локоны мужчины закрывали лицо женщины, а своим длинным телом он, казалось, хотел совсем расплющить ее. Однако мужчина двигался медленно и ритмично, с каким-то сладострастным упорством, и в колеблющемся свете ночника видно было, как напрягались все его великолепные мускулы.

Полумрак скрывал женщину — Анжелика различила лишь согнутую тонкую ногу, прижатую к бедру мужчины, грудь под мужской ладонью да белую руку, которая порхала легко, словно бабочка, почти машинально лаская мужское тело, а потом вдруг, расслабленная, падала, свисая с постели, и до Анжелики доносился глубокий стон.

В те мгновения, когда наступала тишина, Анжелика слышала их слившееся воедино дыхание, оно становилось все чаще, напоминая порывы знойного ветра. Потом вдруг снова наступало затишье, и снова среди ночи раздавался жалобный стон женщины, а ее рука, словно срезанный цветок, бессильно падала на белую простыню.

Анжелика была до боли потрясена и в то же время словно околдована этим зрелищем... Она столько раз любовалась картиной, изображавшей Олимп, столько раз упивалась красотой открывшегося ей мира, исполненного какого-то страстного, величественного порыва, что в конце концов сцена, которую она сейчас наблюдала и смысл которой ей был ясен, как всякой девочке, выросшей на лоне природы, показалась ей прекрасной.

«Так вот она какая — любовь!» — думала Анжелика, и по ее телу пробегала дрожь ужаса и восторга.

Наконец любовники разжали объятия. Теперь они отдыхали, лежа рядом, бледные, словно мертвецы, погребенные в темном склепе. В блаженном предчувствии приближающегося сна их дыхание становилось все спокойнее. Оба они молчали. Первой шевельнулась женщина. Протянув белоснежную руку, она достала с консоли у кровати графин, где поблескивало темно-красное вино, и виновато улыбнулась.

— О, дорогой мой, я изнемогаю, — прошептала она. — Давайте выпьем русильонского вина, право, ваш лакей оказался весьма предусмотрителен. Налить вам бокал?

Мужчина что-то пробормотал из глубины алькова, выражая, видимо, свое согласие.

Дама, к которой, казалось, уже вернулись силы, наполнила вином два бокала и, протянув один мужчине, осушила свой с явным наслаждением. И вдруг Анжелика подумала, что и она бы не прочь сейчас лежать там, на этой постели, и смаковать жгучее вино Юга.

«Это горячительный напиток принцев», — мелькнула у нее догадка.

Сидеть на карнизе было очень неудобно, но Анжелика, поглощенная созерцанием этой сцены, ничего не замечала. Теперь она видела женщину всю, любовалась ее безукоризненно округлой грудью с лиловатыми сосками, изящной линией живота, длинными скрещенными ногами.

На подносе лежали фрукты. Женщина выбрала персик и вонзила в него свои зубки.

— Черт побери, кто смеет мешать нам? — вскричал вдруг мужчина и, легко перепрыгнув через свою любовницу, соскочил на пол.

Анжелика не слышала стука в дверь и, решив, что ее обнаружили, в смертельном страхе прижалась к башенке.

Когда она снова осмелилась заглянуть в окно, она увидела, что бог облачился в широкий коричневый халат и перепоясался серебряным шнурком. Ему было лет тридцать. Лицо у него оказалось не такое красивое, как тело, потому что длинный нос и жесткий, хотя и пламенный взгляд делали его похожим на хищную птицу.

— Я здесь с герцогиней де Бофор, — крикнул он, повернувшись к двери.

Глава 9

Невзирая на грозное предупреждение, в дверях появился лакей.

— Да простит меня его высочество! В замок только что пришел монах и настоятельно просит свидания с его высочеством принцем Конде. Маркиз дю Плесси счел необходимым незамедлительно направить монаха к его светлости.

— Пусть войдет! — помолчав, буркнул принц.

Он подошел к секретеру черного дерева, который стоял у окна, и открыл его.

Лакей ввел в комнату новое действующее лицо — монаха в сутане с капюшоном. С поразительной гибкостью отвесив на ходу несколько поклонов, монах подошел к принцу.

Он поднял голову, открыв свое смуглое лицо, и устремил на принца томный взгляд черных удлиненных глаз.

Появление духовного лица, казалось, ничуть не смутило женщину, лежавшую на постели. Она продолжала беспечно есть персики и только накинула на бедра шаль.

Принц, склонившись к секретеру, доставал из него большие конверты, запечатанные красным сургучом.

— Отец мой, — сказал он, не оборачиваясь, — вас прислал мессир Фуке?

— Да, лично он, ваше высочество.

Монах добавил еще какую-то фразу на непонятном певучем языке, Анжелика решила, что на итальянском. По-французски он говорил с легким акцентом, как-то по-детски пришепетывая, что, впрочем, придавало его речи некоторое очарование.

— Можно вполне обойтись и без пароля, синьор Экзили, — сказал принц Конде, — я и так узнал вас по приметам и по синему пятнышку в уголке глаза. Значит, вы и есть самый искусный в Европе специалист в столь трудной и тонкой науке, как яды?

— Ваше высочество мне льстит. Я лишь улучшил кое-какие рецепты, доставшиеся мне в наследство от флорентийских предков.

— О, итальянцы — мастера на все руки, — воскликнул принц Конде.

Он разразился смехом, который скорее напоминал ржание, но тут же его лицо снова приняло жесткое выражение.

— Эта вещь у вас с собой?

— Вот она.

Капуцин вынул из своего широкого рукава резной ларец ценного дерева и приложил палец к какой-то завитушке.

— Вот, смотрите, ваше высочество, надо только ногтем поддеть шею этого славного человечка с голубкой на ладони.

Крышка ларца отскочила. На атласной подушечке поблескивал стеклянный пузырек, наполненный жидкостью изумрудного цвета. Принц Конде осторожно взял его в руки и посмотрел на свет.

— Римский купорос, — тихо сказал отец Экзили. — Действует медленно, но наверняка. Я предпочел его сулеме, которая приводит к скорой смерти, всего через несколько часов. Из слов мессира Фуке я понял, что вы лично, ваше высочество, как и ваши друзья, сочли бы нежелательным, чтобы у близких той особы возникли слишком определенные подозрения. А этот состав вызовет у интересующего нас лица недомогание, которое может продолжаться целую неделю, и смерть будет выглядеть вполне естественной, ну, скажем, от воспаления желудка из-за залежавшейся дичи или любой другой несвежей пищи. Недурно было бы подать этой особе к столу мидии, устрицы или еще какие-нибудь ракушки. Они иногда вызывают опасные для жизни отравления. Свалить на них внезапную смерть — это уже проще простого.

— Благодарю вас, отец мой, за весьма ценные советы.

Принц Конде не сводил глаз с бледно-зеленого пузырька, и взгляд его горел ненавистью. Анжелика почувствовала мучительное разочарование: бог любви, спустившись на землю, утратил свою красоту и сейчас внушал ей страх.

— Будьте осмотрительны, ваше высочество, — продолжал отец Экзили, — с этим ядом надо обращаться с крайней осторожностью. Когда я изготавливаю его, я надеваю стеклянную маску. Достаточно одной капле попасть на кожу, к примеру на руку, и она будет разъедать ее до тех пор, пока не изложет совсем. Если вам не представится случай лично накапать это снадобье в еду интересующей вас особы, то внушите слуге, которому это будет поручено, что он должен действовать аккуратно и умело.

— Мой лакей, который ввел вас сюда, заслуживает полного доверия. Мне удалось сделать так — и это большая удача для меня, — что особа, о которой идет речь, его не знает. И я думаю, мне не составит труда приставить к ней этого слугу.

Принц бросил насмешливый взгляд на низкорослого монаха.

— Я полагаю, синьор Экзили, что, посвятив жизнь такого рода искусству, вы не слишком щепетильны. И тем не менее, что вы скажете, если я признаюсь вам, что яд предназначается одному из ваших соотечественников, итальянцу из Абрुцц?

Тонкие губы Экзили растянулись в улыбке. Он снова поклонился.

— Я считаю своими соотечественниками только тех, кто умеет оценивать мои услуги по их действительной стоимости, ваше высочество. Пока что мессир Фуке из парижского парламента более щедр ко мне, нежели некий итальянец из Абруцц, которого я тоже знаю.

По комнате снова разнеслось ржание принца Конде.

— Bravo, bravissimo, синьор! Люблю иметь дело с такими людьми, как вы.

Он осторожно положил пузырек на атласную подушечку. Наступило молчание. Синьор Экзили с удовлетворением и даже, пожалуй, с известной долей тщеславия любовался своим творением.

— Хочу добавить, ваше высочество, что эта настойка хороша еще тем, то она не имеет запаха и почти безвкусна. Она не придает пище, в которую ее добавляют, никакого привкуса, и если даже данная персона будет особенно придирчива к еде, то она сможет лишь упрекнуть повара за избыток специй.

— Да, вы ценнейший человек, — задумчиво проговорил принц.

Немного нервным жестом он взял с доски секретера запечатанные конверты.

— А вот что я должен передать вам в обмен для мессира Фуке. В этом конверте находится письмо маркиза д'Окенкура, вот письмо мессира де Шаро, маркиза дю Плесси, маркизы дю Плесси, графини де Ришвиль, герцогини де Бофор, герцогини де Лонгвиль. Как видите, дамы менее ленивы... или менее щепетильны, чем мужчины.

У меня пока еще нет писем мессира де Монеу, маркиза де Креки и еще кое-кого...

— И вашего.

— Совершенно справедливо. Вот оно. Я только что его закончил и еще не поставил своей подписи.

— Не соблаговолит ли ваше высочество оказать мне любезность и прочитать письмо; чтобы я мог проверить, правильно ли оно составлено. Мессир Фуке настаивает, чтобы письма были написаны согласно форме.

— Ну что ж... — еле заметно пожав плечами, сказал принц.

Он взял в руки листок и начал читать вслух:

«Я, нижеподписавшийся, Людовик II, принц Конде, заверяю мессира Фуке, что всегда буду верен только ему и никому другому, буду подчиняться только ему и никому другому, не делая ни для кого исключения, и обязуюсь предоставлять в его распоряжение мои города, укрепления и все прочее по первому его требованию.

Залогом чему служит это письмо, которое написано и подписано собственноручно мной, по моей собственной воле, даже без каких-либо пожеланий с его стороны, ибо он с доверием отнесся к моему слову, которое я ему дал.

*Писано в Плесси-Бельер,
20 сентября 1649 года».*

— Подпишите, ваше высочество, — сказал отец Экзили, и из-под капюшона блеснули его глаза.

Конде поспешно, словно торопясь покончить с неприятным делом, схватил с секретера гусиное перо, отточил его и поставил свою подпись под письмом. Монах тем временем зажег светильник из позолоченного серебра. Принц растопил на огне красный воск и запечатал послание.

— Все остальные письма составлены по тому же образцу и подписаны, — заключил он. — Думаю, ваш господин будет удовлетворен и докажет нам это на деле.

— Можете не сомневаться, ваше высочество. Однако я не могу покинуть замок прежде, чем получу в собственные руки остальные письма, на которые вы мне подали надежду.

— Ручаюсь вам, они будут у меня до полудня завтрашнего дня.

— В таком случае до тех пор я остаюсь под этой кровлей.

— Наш друг маркиза дю Плесси распорядится, чтобы вас устроили на ночь, синьор. Я просил предупредить ее о вашем прибытии.

— Но пока, я думаю, было бы благоразумнее запереть письма в ларец с секретом, который я вам вручил. Замочек хорошо скрыт, и для них нет более надежного убежища от нескромных глаз.

— Вы правы, синьор Экзили. Чем больше я слушаю вас тем больше убеждаюсь, что заговоры — своего рода искусство, требующее опыта и практики. А я всего-навсего воин и не скрываю этого.

— Прославленный воин! — воскликнул итальянец, отвешивая поклон.

— Вы мне льстите, отец мой. Но признаюсь, я был бы не прочь, чтобы монсеньор Мазарини и ее величество королева разделяли ваше мнение. Но как бы то ни было, мне думается, что военная тактика, пусть она грубее и поле ее действия обширнее, все же чем-то напоминает эти изоощренные приемы интриги. И там и тут важно разгадать замыслы противника.

— Ваше высочество говорит так, словно его учителем был сам Макиавелли.

— Вы мне льстите, — повторил принц. Однако лицо его просветлело.

Экзили приподнял в ларце шелковую подушечку и показал принцу, как подсунуть под нее компрометирующие письма. Затем ларец был убран в секретер.

Как только итальянец ушел, принц Конде достал ларец и с любопытством ребенка снова раскрыл его.

— Покажи, — шепотом попросила лежавшая на кровати женщина и протянула руку.

Она ни разу не вмешалась в разговор и, казалось, целиком была поглощена тем, что одно за другим нанизывала на пальцы свои кольца. Но, судя по всему, она не пропустила ни единого слова.

Принц подошел к кровати, и они вдвоем стали разглядывать пузырек с изумрудной жидкостью.

— Ты думаешь, этот яд на самом деле такой страшный, как он сказал? — прошептала герцогиня.

— Фуке утверждает, что нет на свете более искусного аптекаря, чем этот флорентиец. Все равно без Фуке нам не обойтись. Ведь это по

его почину парижский парламент снесся в апреле с испанцами. Испанское вмешательство, хотя оно никому не по душе, помогло, однако, Фуке связаться с его католическим величеством. Я не смогу содержать свою армию без его помощи.

Дама откинулась на подушки.

— Итак, кардинала Мазарини уже можно считать мертвым, — медленно проговорила она.

— Пожалуй, да, ведь сейчас я держу в руках его смерть.

— А ведь говорят, будто королева-мать иногда обедает вместе с тем, кого она так обожает?

— Говорят, — помолчав, согласился принц Конде. — Но нет, ваш план не годится, душенька. Мне пришел в голову другой ход, более ловкий и более верный. Кем станет королева-мать, лишившись своих сыновей?.. Испанке не останется ничего другого, кроме как удалиться в монастырь и там оплакивать своих детей.

— Отравить короля? — вздрогнув, спросила графиня.

Принц весело заржал и, подойдя к секретеру, спрятал в него ларец.

— Вот они, женщины! — воскликнул он. — Подумаешь, король! Красивый мальчик, полный юношеского смятения, который, кстати, в последнее время, встречаясь с вами при дворе, смотрит на вас по-собачьи, преданными глазами. Вот кто король для вас. А для нас он — опасное препятствие, стоящее на пути к выполнению всех наших планов. Что же касается младшего брата короля, этого испорченного юнца, которому уже сейчас доставляет удовольствие переодеваться девчонкой и липнуть к мужчинам, то его еще труднее представить себе на троне, чем вашего августейшего девственника... Нет, поверьте мне, в лице принца Орлеанского, который столь же безнравствен, сколь его брат Людовик XIII был добродетелен, мы получим именно такого короля, какой нам нужен. Он богат и бесхарактерен. Что нам еще надо? Душенька, — продолжал Конде, заперев секретер и сунув ключик от него в карман халата, — мне кажется, нам пора выйти к гостям. Скоро подадут ужин. Хотите, я прикажу позвать Манону, вашу горничную?

— Я была бы вам очень благодарна, мой дорогой.

Все тело Анжелики затекло от неудобной позы, и она отступила по карнизу немного назад. У нее мелькнула мысль, что отец, пожалуй, ищет ее, но она не решалась покинуть свой насест. В спальне при

помощи слуг принц и его любовница облачались в свои пышные наряды. Слышен был лишь шелест шелка да время от времени проклятия его высочества — принц Конде не отличался терпеливостью.

Отведя глаза от светлого четырехугольника раскрытого окна, Анжелика не могла ничего разглядеть вокруг — ее окружала густая ночь, наполненная шепотом близкого леса, по которому гулял осенний ветер.

Она опять обернулась к окну и вдруг поняла, что комната пуста. Там по-прежнему горел ночник, но теперь, как некогда, все вновь дышало в ней тайной.

Девочка осторожно подобралась к окну и скользнула в комнату. Аромат румян и духов здесь как-то странно смешивался с благоуханием ночи — запахом лесной сырости, мха и спелых каштанов.

Анжелика сама еще не вполне осознавала, что собирается сделать. Ее могли застать здесь, но это не пугало ее. Это был всего лишь сон, сказка. Такая же, как бегство в Америки, безумная дама из Монтелу, преступления Жиля де Реца...

Проворно вытащив из кармана халата, небрежно брошенного на спинку стула, ключик, она отперла секретер и достала ларец. Он оказался из сандалового дерева, и от него исходил резкий аромат. Заперев секретер и положив ключик на место, Анжелика, крепко прижимая к себе ларец, снова вылезла на карниз. Ее вдруг охватило безудержное веселье. Она представила себе, какое лицо будет у принца Конде, когда он обнаружит исчезновение яда и компрометирующих писем.

«Это же не воровство, — успокоила себя Анжелика, — просто надо предотвратить преступление».

Она уже знала, где спрячет свою добычу. Четыре башенки, которые итальянский зодчий возвел по углам изящного замка дю Плесси, служили лишь украшением, но у них, на манер старинных крепостей, тоже были миниатюрные бойницы и машикули. Внутри башенки были полые, и в каждой имелось крохотное слуховое окошко.

Анжелика засунула ларец в ближайшую к ней башенку. Кому придет в голову искать его там!

Затем она ловко проскользнула вдоль стены замка и спрыгнула на землю. И только тут почувствовала, как заledenели ее босые ноги.

Она надела свои потрепанные туфли и вернулась в замок.

В парке уже не было ни души. Видимо, темная и сырая ночь всех загнала в дом.

Едва Анжелика вошла в прихожую, как у нее в носу защекотало от аппетитнейших запахов всевозможных яств. Мимо нее вереницей шествовали мальчики в ливреях, и каждый с важным видом нес в руках огромное серебряное блюдо. Перед Анжеликой проплыли фазаны и бекасы, украшенные собственными перьями, молочный поросенок, словно невеста с венком из цветов, великолепное филе косули в обрамлении артишоков и укропа.

Стук фаянсовых тарелок и звон хрусталя доносился из зал и галерей, где гости уже расселись за красиво расставленными столами, покрытыми кружевными скатертями. За каждым из столов собралось человек по десять.

Анжелика остановилась на пороге самой большой залы и увидела принца Конде в окружении маркизы дю Плесси, герцогини де Бофор и графини де Ришвиль. Кроме них, трапезу принца разделяли маркиз дю Плесси с сыном и несколько дам и молодых сеньоров. Грубая коричневая сутана монаха Экзили казалась неуместной в этом море кружев, лент и роскошных материй, расшитых золотом и серебром. Будь здесь барон де Сансе, его костюм тоже выглядел бы по-монашески суровым. Но сколько Анжелика ни вглядывалась, отца она не видела нигде.

Один из пажей, проходя мимо Анжелики с кувшином из позолоченного серебра, узнал ее. Это был тот самый юнец, который грубо высмеял ее, когда она сказала, что умеет танцевать бурре.

— О, вот и наша баронесса Унылого платья! — язвительно заметил он. — Что вы желаете выпить, Нанон? Сидру или кружку доброй простокваши?

Анжелика, пробираясь к столу принца, на ходу быстро показала дерзкому пажу язык, отчего тот немного опешил.

— Боже, кто это к нам идет? — воскликнула герцогиня де Бофор.

Маркиза дю Плесси обернулась, увидела Анжелику и опять поспешила призвать на помощь своего сына:

— Филипп! Филипп! Будьте так милы, дружок, проводите вашу кузину де Сансе к столу фрейлин.

Молодой человек угрюмо покосился на Анжелику — Вот табурет, — указал он ей на свободное место рядом с собой.

— Да не сюда, не сюда, Филипп. Ведь вы оставили это место для мадемуазель де Санли.

Мадемуазель де Санли могла бы поторопиться.

— Когда пожалует сюда, то увидит, что ей нашлась замена... и недурная, — насмешливо ответил Филипп.

Сидящие за столом засмеялись.

Анжелика все же села. Она зашла слишком далеко, чтобы отступить. Она не решалась спросить, где ее отец, у нее кружилась голова от ослепительной игры света на брильянтах всех этих дам, на гранях бокалов, графинов, на столовом серебре. Словно бросая всем вызов, она сидела очень прямо, откинув назад голову с тяжелой шапкой золотых волос. Ей показалось, что некоторые сеньоры поглядывают на нее с интересом. Сидевший почти напротив принц Конде внимательно и нагло посмотрел на нее глазами хищной птицы.

— Черт побери, что за странные у вас родственники, маркиз! Кто эта дикая серая утка? — обратился он к дю Плесси.

— Наша юная провинциальная кузина, ваше высочество. Ах, можете меня пожалеть: даже нынче вечером, вместо того чтобы слушать музыкантов и очаровательную беседу наших дам, я битых два часа выдерживал натиск барона, ее отца, до сих пор меня преследует запах, который исходит у него изо рта. Поистине к нему можно было бы отнести слов нашего поэта циника Аржантея:

Я скажу без обмана, что смрад мертвеца

И зловонье клозета не столь велики.

Все вокруг услужливо захихикали.

— Знаете, чего он от меня требовал? — продолжал маркиз, жеманно смахивая с век слезинку, набежавшую от смеха. — Держу пари, ни за что не угадаете! Я, видите ли, должен добиться, чтобы его освободили от налогов на каких-то там его мулов и на производство — одно слово чего стоит! — на производство свинца, который, по его утверждению, лежит прямо в слитках под грядками баронского огорода. Таких глупостей мне еще не приходилось слышать!

— Пропади они пропадом, все эти голодранцы! — проворчал принц. — Своими деревенскими повадками они позорят наши вербы.

Дамы давились от смеха.

— А вы видели, какое у него перо на шляпе?

— А башмаки? На каблуках солома налипла.

У Анжелики так сильно колотилось сердце, что, казалось ей, сидящий рядом Филипп должен был слышать его удары. Она бросила на него взгляд и встретила с холодными голубыми глазами этого красавчика. Он смотрел на нее как-то странно.

«Я не могу допустить, чтобы так оскорбляли моего отца», — подумала Анжелика.

Наверно, она сильно побледнела. Она вспомнила, как несколько часов назад залилась краской графиня де Ришвиль, когда она, Анжелика, среди воцарившегося вдруг молчания бросила ей в лицо дерзкую реплику. Значит, есть что-то, чего боятся эти наглые люди...

И «кузина де Сансе» глубоко вздохнула, собираясь с духом.

— Может, мы и голодранцы, — сказала она очень громко, четко выговаривая каждое слово, — но зато мы не замышляем отравить короля!

Как и в тот раз, смех застыл на губах гостей, наступило тягостное молчание, так что сидевшие за соседними столами тоже почувствовали, что произошло что-то неладное. Разговоры стихли, оживление спало, и все устремили свои взоры на принца Конде.

— Кто... кто... кто? — заикаясь, начал маркиз дю Плесси, но так и не закончил фразы.

— Какие странные слова, — проговорил наконец принц, с трудом сдерживая себя. — Эта юная особа не умеет вести себя в обществе. Она все еще живет сказками своей кормилицы...

«Сейчас он посмеется надо мной, меня прогонят из-за стола и вдобавок пообещают выпороть», — в ужасе подумала Анжелика.

— Мне сказали, что синьор Экзили самый большой знаток в ядах во всем королевстве, — сказала она, наклонив голову и глядя в конец стола.

Новый камень, брошенный в воду, вызвал настоящую бурю. Испуганный шепот пробежал по зале.

— О, в эту девчонку вселился сам дьявол! — воскликнула маркиза дю Плесси, в ярости кусая свой кружевной платочек. — Она

уже вторично позорит меня! Сначала сидит, как кукла со стеклянными глазами, а потом вдруг раскрывает рот и изрекает чудовищные вещи!

— Чудовищные? Чем же они чудовищны? — мягко возразил принц, не сводя с Анжелики глаз. — Будь они правдой, тогда они были бы чудовищны. Но ведь это всего-навсего пустые выдумки маленькой девочки, которая не умеет молчать.

— Когда мне захочется, тогда я замолчу, — бросила в ответ Анжелика.

— А когда вам захочется, мадемуазель?

— Когда вы перестанете оскорблять моего отца и согласитесь предоставить ему те ничтожные льготы, о которых он просит.

Лицо принца Конде вдруг стало мрачнее тучи. Дело принимало явно скандальный оборот. Толпившиеся в глубине галереи люди встали на стулья, чтобы лучше видеть.

— Черт побери!.. Черт побери!.. — Принц задыхался. Он вдруг вскочил и, вытянув вперед руку, словно бросая свои войска в атаку на испанские укрепления, прогремел:

— Следуйте за мной!

«Сейчас он меня убьет», — подумала Анжелика. И грозный вид этого высокого сеньора, который был чуть ли не вдвое выше ее, заставил ее вздрогнуть от страха, к которому примешивалась непонятная радость.

Однако она пошла за ним, маленькая серая уточка за огромным ястребом, украшенным бантами.

Она заметила, что его короткие штаны оканчиваются под коленками широкими накрахмаленными кружевными оборками, а поверх них надето что-то вроде короткой юбочки, щедро расшитой галуном. Никогда Анжелика не видела мужчину, одетого столь нелепо и пышно. Но ее восхищала походка принца, его манера твердо ступать на своих высоких изогнутых каблуках.

— Ну вот, теперь мы одни, — вдруг обернулся к ней принц. — Я не хочу ссориться с вами, мадемуазель, но вам придется ответить мне на несколько вопросов.

Его вкрадчивый голос испугал Анжелику еще больше, нежели его недавний гнев. В пустом будуаре она была совсем одна с этим могущественным вельможей, интригам которого она помешала, и поняла, что тем самым в какой-то степени стала их участницей,

запуталась в них, как муха в паутине. Она попятилась и, прикинувшись простоватой крестьяночкой, пробормотала:

— Я не хотела сказать ничего плохого.

— Но почему же тогда вы придумали такую оскорбительную ложь, да еще выложили ее во всеуслышание за столом у дяди, которого, надеюсь, уважаете?

Она догадалась, что именно он хочет у нее выпытать, и стояла в нерешительности, взвешивая все «за» и «против». Она уже слишком много сказала, и, если сейчас станет утверждать, будто ничего не знает, ей просто не поверят.

— Я не придумала... я только повторила то, что слышала, — прошептала она. — Мне сказали, что синьор Экзили очень умело prepares яды... А вот про короля я сама придумала. Конечно, не следовало этого делать, но уж очень я разозлилась.

Она неуклюже теребила конец своего пояса.

— Кто вам сказал это?

Анжелика призвала на помощь все свое воображение.

— Один ... один паж. Только я не знаю его имени.

— Вы можете показать мне его?

— Могу.

Принц Конде подвел ее к двери, ведущей в залы. Она указала ему на пажа, который высмеял ее.

— Черт бы их побрал, этих сопляков, вечно они подслушивают под дверью! — пробурчал принц. — Как вас зовут, мадемуазель?

— Анжелика де Сансе.

— Послушайте, мадемуазель де Сансе, нехорошо повторять, да еще невпопад, слова, которых девочке вашего возраста не понять. Это может повредить вам и вашей семье. Я забуду об этом инциденте. Даже больше того, займусь делом вашего отца и посмотрю, не смогу ли я чем-нибудь ему помочь. Но кто поручится мне, что вы будете молчать?

Анжелика подняла на него свои зеленые глаза.

— Я умею так же хорошо молчать, когда со мной справедливы, как и отвечать, когда меня оскорбляют.

— Клянусь честью, когда вы станете женщиной, мужчины будут сходить из-за вас с ума! — проговорил принц.

На его лице мелькнула тень улыбки. По-видимому, он не сомневался, что девочка знает лишь то, в чем призналась ему. Человеку порывистому и легкомысленному, принцу Конде не хватало наблюдательности и умения разбираться в людях. Первый испуг миновал, и он решил, что все это обычные светские сплетни.

Принц привык к лести и был равнодушен к женским чарам, и поэтому непритворное волнение этой девочки, сулившей стать настоящей красавицей, остудило его гнев. Анжелика заставила себя поднять на принца наивно-восторженный взгляд.

— Можно спросить вас? — сказала она простодушным тоном.

— О чем же?

— Зачем вы носите юбочку?

— Юбочку?.. Но, дитя мое, это же рингравы. Не правда ли, они — сама элегантность? К тому же скрывают обычные панталоны, которые неизящны и хороши только для верховой езды. А рингравы можно обшивать галуном и лентами. В них очень удобно. Разве в ваших краях их не носят?

— Нет. А для чего эти широкие оборки под коленями? — Это каноны, благодаря им икры выглядят тоньше и стройнее.

— И правда, — согласилась Анжелика. — Очень красиво. Я никогда не видела такого чудесного костюма.

— Да, поистине, говорите с женщинами о тряпках, и вы утихомирите самую злую фурию, — сказал принц, упиваясь своим успехом. — Но мне пора вернуться к своим гостям. Вы обещаете быть умницей?

— Да, ваше высочество, — с нежнейшей улыбкой ответила Анжелика, показав свои перламутровые зубки.

Принц Конде вернулся в залу и, подняв руку, словно благословляя всех, успокоил тревожно гудевших гостей.

— Кушайте, кушайте, друзья мои. Все это выеденного яйца не стоит. Маленькая негодница сейчас извинится.

А сама Анжелика уже склонилась перед маркизой дю Плесси.

— Приношу вам свои извинения, сударыня, и прошу разрешить мне удалиться.

Маркиза не смогла вымолвить ни слова и лишь махнула рукой в сторону двери, что снова вызвало смешки.

А у двери опять поднялась какая-то суматоха.

— Где моя дочь? Где моя дочь? — громко вопрошал барон Арман.

— Мессир барон требует свою дочь! — насмешливо прокричал лакей.

Среди разряженных гостей и ливрейных лакеев несчастный барон напоминал большого черного шмеля, попавшего в паутину. Анжелика подбежала к отцу.

— Анжелика, ты сведешь меня с ума! — вздохнул отец. — Вот уже больше трех часов я в поисках тебя мечусь среди ночи между нашим замком, домом Молина и Плесси. Ну и денек, дитя мое, ну и денек!

— Уйдем отсюда, отец, уйдем скорее, прошу тебя, — сказала Анжелика.

Они уже вышли на крыльцо, как вдруг услышали голос маркиза дю Плесси.

— Минутку, дорогой кузен. Принц хотел бы с вами побеседовать по поводу таможенных пошлин, о которых вы мне говорили...

Дальнейшего Анжелика не услышала, так как отец с маркизом вошли в замок.

Она присела на последнюю ступеньку лестницы и стала ждать отца. Она вдруг почувствовала себя какой-то опустошенной — ни мыслей, ни желаний. Маленький белый грифон подошел к ней, обнюхал ее ноги. Она машинально погладила его.

Когда барон де Сансе снова вышел из замка, он прежде всего схватил дочь за руку.

— Я боялся, что ты снова удерешь. Ты просто чертенок. Принц Конде наговорил мне такие странные комплименты в твой адрес, что я уже подумывал, не извиниться ли мне за то, что я произвел тебя на свет.

Немного позже, когда они тряслись в темноте на своих неторопливо семенящих коне и муле, барон де Сансе, покачив головой, снова заговорил:

— Не пойму я этих людей. Сначала над моими словами смеются. Маркиз с цифрами в руках доказывает, насколько ему живется труднее, чем мне. Меня отпускают, даже не предложив промочить горло стаканом вина, а потом ни с того ни с сего догоняют и дают обещание

сделать все, что я захочу. Как заверил меня его высочество, уже с будущего месяца я получу освобождение от таможенных пошлин.

— Тем лучше, отец, — тихо проговорила Анжелика.

Она слушала доносившуюся из темноты ночную песнь жаб — верный признак близости болот и, следовательно, их старого замка. И вдруг ей захотелось плакать.

— Как ты думаешь, маркиза дю Плесси возьмет тебя к себе в фрейлины? — спросил барон.

— О нет, не думаю, — сладким голосом ответила Анжелика.

Глава 10

Поездка в Пуатье осталась в памяти Анжелики скорее как нечто мучительное, сплошная тряска. Для столь торжественного случая была починена старая карета, куда усадили Анжелику, Ортанс и Мадлон. Мулами, запряженными в карету, правил конюх. Раймон и Гонтран сопровождали карету верхами на великолепных чистокровных лошадях, которых им подарил отец. Говорили, что при новых иезуитских коллежах есть конюшни, где юные дворяне могут держать своих лошадей.

Два першерона дополняли караван. На одном из них восседал старый Гийом, которому поручили сопровождать молодых господ. В округе ходили тревожные слухи о беспорядках и междоусобицах. Говорили, что герцог де Ларошфуко поднимает Пуату в поддержку принца Конде. Он набирает армию и изымает у крестьян часть урожая, чтобы ее прокормить. А раз армия — значит: голод и нищета, грабители и бродяги на дорогах.

Итак, Гийом завершал процессию, прицепив сбоку свою старую саблю и упираясь пикой в стремя.

Однако путешествие прошло спокойно. Лишь однажды, проезжая через лес, они заметили какие-то подозрительные фигуры, притаившиеся за деревьями, но то ли пика старого солдата, то ли просто жалкий вид экипажа охладили пыл грабителей.

Ночевали в трактире, стоявшем у зловещего перекрестка, где слышны были только завывания ветра, шумевшего в голом лесу.

Трактирщик не слишком охотно дал путешественникам бульону, как он назвал свое пойло, и немного сыру, и они поужинали при свете тоненькой сальной свечи.

— Все трактирщики в стоворе с разбойниками, — заявил своим перепуганным сестрам Раймон. — В придорожных трактирах больше всего и убивают. В последнюю нашу поездку мы ночевали на постоялом дворе, где меньше чем за месяц до того перерезали горло одному богатому ростовщику, и вся его вина заключалась лишь в том, что он путешествовал один.

Но тут же, раскаявшись, что завел столь мирской разговор, он добавил:

— Преступления совершает простой народ, но причина их кроется в беспутстве великих мира сего. Никто не ведает страха божьего!

Потом ехали еще целый день. На обледенелых дорогах, изрытых колеями, их трясло, как мешки с орехами, и сестры чувствовали себя совершенно разбитыми. Лишь изредка попадались небольшие участки старой римской дороги, выложенные большими ровными плитами. Чаще же всего приходилось тащиться по глинистым проселочным дорогам, разбитым неиссякаемым потоком всадников и экипажей. Случалось по несколько часов мерзнуть у моста в ожидании, пока сборщик мостовой пошлины, человек чаще всего медлительный и болтливый, всласть наговорится с каждым путешественником. Лишь знатные сеньоры проезжали без проволочек, небрежной рукой кинув чиновнику из окна кареты кошелек.

Мадлон, совсем заочнев, цеплялась за Анжелику и плакала. Ортанс, поджав губы, твердила:

— Это невыносимо!

Все три сестры изнемогали от усталости, и у них невольно вырвался вздох облегчения, когда к концу второго дня пути на горизонте показался Пуатье с блекло-розовыми крышами, карабкающимися вверх по холму, огибая который, бежала веселая речка Клэн.

Стоял ясный зимний день. Над черепичными крышами городка нежно голубело небо, и казалось, что это Юг. Впрочем, Пуату — действительно, преддверие Юга. Слышался перезвон колоколов, призывавших к вечерне.

Отныне колокольный звон почти пять лет будет отсчитывать для Анжелики часы и дни. Пуатье недаром слыл городом церквей, монастырей и коллегий. Колокола определяли распорядок жизни всего этого люда в сутанах и целой армии учащихся, столь же шумливых, сколь тихи были их наставники. Священники и бакалавры встречались на перекрестках поднимающихся вверх улочек, в прохладных, тенистых двориках, на площадях, ступенями идущих по холму, где обычно располагались паломники.

Братья де Сансе расстались со своими сестрами перед собором. Монастырь урсулинок находился немного левее, над речкой Клэн. Коллеж отцов-иезуитов был расположен на самом верху холма. Расстались почти молча из чувства какой-то неловкости, свойственной подросткам в этом возрасте, и одна лишь Мадлон, обливаясь слезами, поцеловала братьев.

И вот монастырские ворота закрылись за Анжеликой. Только много позже она поняла, что мучительное ощущение, будто в монастыре ей не хватает воздуха, объясняется тем, что ее вдруг лишили простора. Стены, кругом одна стены и решетки на окнах! Воспитанницы монастыря не понравились Анжелике: она привыкла играть с деревенскими мальчишками, которые неизменно восхищались ею, повсюду следовали за ней. А здесь, среди знатных и богатых барышень, место Анжелики де Сансе оказалось где-то в последних рядах.

А еще ей приходилось сносить пытку тесного корсета на китовом усе, который не позволял девочкам сутулиться и на всю жизнь давал им гордую королевскую осанку, неизменную при любых обстоятельствах. Анжелика, девочка крепкая, сильная и гибкая, изящная от природы, могла бы обойтись без этого каркаса, но так уж повелось испокон веков, и не только в монастырях. Из разговоров старших воспитанниц Анжелика поняла, что корсеты играют в женском туалете важнейшую роль. Девушки с пылом обсуждали вопрос о том, какими должны быть корсетные кости и пластрон в форме утиного клюва, в который для жесткости вставляли плотный картон или металлические пластинки и украшали его кружевами, вышивкой, бантами и драгоценностями. Он поднимал грудь так высоко, что, казалось, она вот-вот вырвется из корсажа. Обо всех этих ухищрениях старшие воспитанницы говорили, конечно, тайком, хотя монастырь готовил девушек именно к замужеству и к светской жизни.

Здесь они должны были научиться танцевать, изящно приседать в реверансе, играть на лютне и клавесине, поддерживать с двумя или тремя подругами беседу на заданную тему и даже постичь искусство обмахиваться веером и накладывать румяна. Затем их знакомили с домоводством. В предвидении невзгод, которые могут быть ниспосланы им небом, учениц заставляли выполнять и черную работу. Они по очереди трудились на кухне и в прачечной, зажигали и чистили

лампы, подметали и мыли полы. И наконец, в монастыре они получали элементарные знания из истории и географии, изложенные весьма сухо, из мифологии, арифметики, теологии и латыни. Больше внимания уделялось стилистике, поскольку эпистолярным искусством в основном увлекались женщины, и переписка с подругами и любовниками считалась одним из главных занятий светской женщины.

Нельзя сказать, что Анжелика была непокорной воспитанницей, но и удовлетворения своим наставницам она тоже не доставляла. Она исполняла все, что от нее требовали, но, казалось, не могла взять в толк, зачем ее принуждают делать столько бессмысленных вещей. Случалось, она удирала с уроков, и после долгих поисков ее обнаруживали в саду — в большом монастырском саду, возвышавшемся над малолюдными, прогретыми солнцем улочками. В ответ на суровые упреки она говорила, что, на ее взгляд, нет ничего дурного в том, что она пошла посмотреть, как растет капуста.

Летом в городе разразилась эпидемия, как утверждали, чумы, потому что полчища крыс повылезли из нор, и их трупы валялись в домах и на улицах Города.

Фронда принцев, возглавляемая принцем Конде и де Тюренном, принесла разорение и голод и сюда, на запад Франции, который до сих пор война с иноземцами щадила. Кто за короля, кто против — понять было невозможно, но крестьяне из сожженных деревень устремились в города. Целая армия нищих с протянутой рукой толпилась у ворот всех монастырей. Вскоре их стало больше, чем аббатов и учащихся.

В определенные дни и часы маленькие воспитанницы урсулинок шли раздавать милостыню беднякам, которые попрошайничали у входа в монастырь. Девочкам объяснили, что это тоже входит в круг их обязанностей как будущих великосветских дам.

Анжелика впервые столкнулась с такой безнадежной нищетой, нищетой злобной, настоящей нищетой с жадным и ненавидящим взглядом. Но это зрелище не взволновало, не возмутило ее в отличие от других воспитанниц, из которых одни плакали, а другие брезгливо поджимали губы. Анжелике казалось, что все это — прообраз чего-то, что она носит в себе, словно она уже предчувствовала ту странную судьбу, которая была ей уготована...

Запруженные нищими улочки, где от июльской жары пересохли фонтаны, были благодатной почвой для распространения чумы.

Несколько монастырских воспитанниц тоже заболели. Однажды утром во время перемены Анжелика не увидела во дворе Мадлон. Она справилась о ней, и ей сказали, что сестра ее больна и помещена в лазарет. Через несколько дней Мадлон умерла. Глядя на ее белое, словно высохшее личико, Анжелика не плакала. А показные слезы Ортанс ее разозлили. Чего она рыдает, эта семнадцатилетняя дылда? Ведь она никогда не любила Мадлон. Она любила только себя.

— Увы, дочери мои, — тихим голосом сказала им старая монахиня, — такова воля божья. Дети часто умирают. Мне говорили, что у вашей матушки было десятеро детей и она потеряла лишь одного. А теперь вот — двоих. Не так уж много. Я знаю одну даму, которая потеряла семерых из пятнадцати. Вот оно как бывает. Бог дал, бог и взял. Дети часто умирают. Такова воля божья!..

После смерти Мадлон Анжелика стала еще более нелюдимою и, пожалуй, даже совсем непокорной. Она делала все, что взбредет ей в голову, часами сидела одна где-нибудь в укромном уголке огромного дома. Ей запретили ходить в огород и в сад. Но она все же ухитрилась проскользнуть туда. Уже подумывали о том, чтобы отослать ее домой, но барон де Сансе, несмотря на денежные затруднения, которые он испытывал в связи с гражданской войной, очень аккуратно вносил плату за обеих дочерей, чего нельзя было сказать о многих других родителях. Кроме того, Ортанс обещала стать одной из самых примерных воспитанниц своего выпуска. Из уважения к старшей сестре оставили и младшую. Но махнули на нее рукой...

И вот однажды, в январе 1652 года, Анжелика — ей только исполнилось пятнадцать лет — заняла свое излюбленное место на монастырской стене в саду и, греясь на скупом зимнем солнышке, с любопытством наблюдала прохожих, сновавших взад и вперед по улице.

В эти первые дни года в Пуатье царило большое оживление, так как в город только что прибыли королева-мать, король и их сторонники. Бедная королева, бедный юный король! Из-за вечных мятежей им приходилось скитаться по всей стране. Они только что сражались в Гиенне с принцем Конде и вот на обратном пути остановились в Пуату в надежде сторговаться с мессиром де Тюренном, который держал в своих руках всю провинцию от Фонтенелле-Конта до самого океана. Шательро и Люсон, бывшие

протестантские крепости, присоединились к гугенотскому генералу, но Пуатье, памятуя, как сто лет назад еретики разгромили в городе церкви и повесили мэра, раскрыл свои ворота королю.

Теперь рядом с юным монархом была одна лишь испанка-мать в черной мантии. Весь народ, вся Франция так настоятельно требовали: «Долой Мазарини! Долой Мазарини!» — что кардинал в своей красной мантии в конце концов вынужден был уступить. Он оставил королеву, которую любил, и бежал в немецкие земли. Но даже его отъезд не потушил разгоревшиеся страсти...

Прижавшись к монастырской стене, Анжелика слушала гул взбудораженного города, доносившийся даже сюда, в их отдаленный квартал.

Проклятия кучеров — экипажи то и дело застревали на узких, кривых улочках, — смех и перебранка пажей и служанок смешивались с ржанием лошадей.

И, перекрывая весь этот шум, над городом гудели колокола. Анжелика уже научилась узнавать их по голосам: вот этот — святой Илер, это — святая Радегонда, самый низкий бас — Нотр-Дам-ла-Гранд, а те, тоже низкие, — с Сен-Поршерской башни.

Вдруг внизу, у стены, появилась вереница пажей, в своих атласных и шелковых костюмах, напоминавших стаю экзотических птиц.

Один из пажей остановился, чтобы завязать бант на туфле. Выпрямляясь, он поднял голову и встретился взглядом с Анжеликой, которая сверху наблюдала за ним.

Паж галантно взмахнул своей шляпой, взметнув столб пыли.

— Приветствую вас, мадемуазель. Видно, вам не очень-то весело там, наверху.

Он был похож на тех пажей, которых она видела в замке дю Плесси: на нем были такие же широкие короткие штаны с буфами, по последней моде, отчего ноги у него казались длинными, как у цапли.

Но в общем-то, он был довольно милый — загорелый, смеющийся, с красивыми каштановыми Кудрями.

Она спросила, сколько ему лет. Он ответил, что шестнадцать.

— Но вы не беспокойтесь, мадемуазель, — добавил он, — я умею ухаживать за дамами.

Он бросал на нее нежные взгляды и вдруг протянул руки.

— Идите сюда.

Анжелику охватило какое-то радостное чувство. Ей почудилось, будто ворота унылой и мрачной тюрьмы, за стенами которой она изнывала душой и телом, вдруг распахнулись. Очаровательная улыбка пажа сулила ей что-то приятное, сладостное, по чему она изголодалась, как после великого поста.

— Идите сюда, — прошептал юноша. — Если хотите, я отведу вас в отель герцогов Аквитанских, где разместился королевский двор, и покажу вам короля.

Чуть поколебавшись, Анжелика подобрала полы своей черной суконной накидки с капюшоном и крикнула:

— Ловите меня, я прыгаю.

Паж раскинул руки, и она оказалась в его объятиях. Оба расхохотались. Он живо обнял ее за талию и увлек за собой.

— А что скажут ваши монахини?

— Они привыкли к моим причудам.

— А как же вы вернетесь?

— Позвоню у ворот и попрошу милостыню.

Паж фыркнул.

Попав в водоворот городских улиц, Анжелика словно опьянела. Среди сеньоров и дам, роскошные туалеты которых вызывали восхищение у провинциалов, сновали торговцы. У одного из них паж купил две палочки с нанизанными на них жареными лягушачьими лапками. Коренной житель Парижа, он находил это лакомство весьма занятным. Они уплетали лапки с огромным аппетитом. Паж сказал, что его зовут Анди де Рогье и он состоит на службе у короля. Молодой король — веселый малый, иногда он покидает важных господ своего Совета ради удовольствия побренчать на гитаре с друзьями. А еще при дворе находятся очаровательные итальянские куколки — племянницы кардинала Мазарини, хотя самого кардинала вынудили покинуть Францию.

Болтая, паж потихоньку увлекал Анжелику подальше от оживленных улиц. Она заметила это, но промолчала. Всем своим существом она трепетно ждала чего-то.

Вдруг паж остановился, легонько подтолкнул Анжелику к двери какого-то дома и принялся осыпать ее пылкими поцелуями, бормоча какие-то избитые и смешные слова:

— Ты красивая... у тебя щечки, как маргаритки, а глаза зеленые, как лягушки... Лягушки на болоте... Стой спокойно. Я хочу расстегнуть твой корсаж... Позволь мне. У меня есть в этом деле сноровка... О! Никогда я не видел таких славных и белых грудок... И крепких, как яблочки... Ты мне нравишься, подружка...

Она не мешала ему говорить глупости, ласкать ее. Слегка откинув голову назад, к замшелой каменной стене, она бездумно глядела в голубое небо, на фоне которого вырисовывался щипец крыши.

Теперь уже паж молчал, дыхание его становилось все чаще. Охваченный волнением, он несколько раз с досадой оглядывался. Улица была тихая, но все же время от времени на ней кто-нибудь появлялся. А тут еще пробежала веселая компания студентов. Заметив притаившуюся в тени парочку, они дружно заулюлюкали.

Юноша отпрянул от Анжелики и топнул ногой.

— О, я в бешенстве! В этом проклятом провинциальном городишке все дома битком набиты. Даже знатные сеньоры вынуждены принимать своих любовниц в прихожей. Где же, я тебя спрашиваю, нам найти укромный уголок?

— Нам и здесь хорошо, — прошептала Анжелика.

Но ему этого было мало. Взгляд его упал на кошелек с мелочью для раздачи милостыни, который болтался у него на поясе, и лицо его просветлело:

— Идем! Мне пришла в голову одна мысль! Сейчас мы отыщем достойные нас палаты.

Он взял ее за руку и бегом потащил за собой по улицам к площади Нотр-Дам-ла-Гранд. Анжелика провела в Пуатье больше двух лет, но совсем не знала города. Она с восхищением разглядывала фасад собора, изящный, словно индусский ларец, с колоколенками в виде сосновых шишек по углам. Казалось, что камни расцвели под волшебным резцом мастера.

Юный Анри сказал своей подружке, чтобы она подождала его у входа. Вскоре он вернулся с довольным видом, держа в руке ключ.

— Ризничий предоставил мне на время кафедру.

— Кафедру? — удивленно переспросила Анжелика.

— Подумаешь! Он не впервые оказывает подобные услуги несчастным влюбленным.

Он снова обнял ее за талию, и они спустились по ступенькам в собор, который от времени чуть осел.

Анжелику поразили мрак и прохлада, царившие под сводами собора. Церкви Пуату — самые мрачные во всей Франции. Под тяжеловесными сводами, покоящимися на массивных колоннах, скрывается в полумраке старинная настенная роспись, и, только привыкнув к темноте, глаз начинает постепенно различать яркие, живые краски. Анжелика с пажом молча продвигались вперед.

— Мне холодно, — прошептала Анжелика, запахивая на себе накидку.

Анри покровительственно обнял ее за плечи, но его возбуждение прошло, и теперь он выглядел оробевшим.

Он раскрыл первую дверь величественной кафедры, затем поднялся по ступенькам в ротонду, откуда читают проповеди. Анжелика машинально следовала за ним.

Они сели на пол, покрытый бархатным ковром. Церковные своды, мрак, наполненный запахом ладана, как видно, подействовали на предприимчивого юнца успокаивающе. Он снова обнял Анжелику за плечи и нежно поцеловал ее в висок.

— Какая же ты красивая, подружка моя, — вздохнул он, — ты куда лучше всех этих знатных дам. Они только дразнят меня и смеются надо мной. Мне порою так тошно бывает, а я должен им угождать. Если бы ты знала...

Он снова вздохнул. И вдруг лицо его стало по-детски простодушным.

— Сейчас я покажу тебе одну замечательную, необыкновенную вещь, — сказал он, роясь в своем кошельке. Он достал не очень чистый кусок белого полотна, обшитый кружевом.

— Носовой платок? — удивилась Анжелика.

— Да. Носовой платок короля. Он обронил его сегодня утром. А я подобрал и спрятал, теперь это мой талисман.

Анри устремил задумчивый взгляд на Анжелику.

— Хочешь, я подарю его тебе в залог любви?

— О, конечно! — Анжелика радостно протянула руку и задела ладонью деревянные перила. Гулкое эхо отдалось под сводами церкви.

Они в испуге замерли.

— Кажется, кто-то идет, — прошептала Анжелика.

Паж плаксиво пробормотал:

— Я забыл закрыть внизу у лестницы дверцу, что ведет на кафедру.

Они снова замерли, прислушиваясь к приближавшимся шагам. Кто-то поднимался по ступенькам к их убежищу, и через секунду они увидели голову старого аббата в черной скуфье, склонившегося к ним.

— Что вы здесь делаете, дети мои? — спросил он.

Паж никогда не лез за словом в карман, и он тут же сочинил целую историю.

— Я хотел повидаться со своей сестричкой, она воспитывается в монастыре в Пуатье, но нам негде было встретиться... Наши родители...

— Не разговаривай так громко в божьем доме, — остановил его священник. — Встань, и пусть твоя сестра тоже встанет, и идите оба за мной.

Он привел их в ризницу и сел на табурет. Потом, положив руки на колени, поглядел в лицо пажа, затем — Анжелики. Седые волосы, выбившиеся из-под скуфьи, обрамляли его по-крестьянски свежее, несмотря на годы, лицо. У него был крупный нос, маленькие живые и пронизательные глазки, короткая белая бородка. Под его взглядом Анри де Рогье совсем растерялся и стоял молча, явно смущенный.

— Он твой любовник? — неожиданно спросил Анжелику священник, кивком головы указывая на пажа.

Анжелика залилась краской, а паж с искренней горячностью воскликнул:

— Я бы желал этого, сударь, да она не из таких девушек.

— Тем лучше, дочь моя. Будь у тебя красивое жемчужное ожерелье, разве пришло бы тебе в голову бросить его в навозную кучу на дворе, где свиньи стали бы тыкаться в него своими грязными рылами? Ну? Скажи мне, девочка, ты сделала бы так?

— Нет, не сделала бы.

— Не следует бросать жемчуг свиньям... Не следует так легкомысленно относиться к такому сокровищу, как девственность, ее нужно хранить до замужества. А тебе, паскудник, — продолжал он тихим голосом, повернувшись к пажу, — как тебе только могла прийти в голову столь кощунственная мысль: привести свою подружку на церковную кафедру и здесь охаживать ее?

— А куда еще я мог ее привести? — мрачно спросил паж. — Разве можно в этом городе спокойно поболтать на улице — ведь улочки здесь уже, чем стенной шкаф. А я знал, что ризничий Нотр-Дам-ла-Гранд иногда сдает кафедру и исповедальни тем, кому надо о чем-нибудь поговорить по секрету, подальше от нескромных ушей. Вы же знаете, господин Венсан, в этих провинциальных городах полно девиц, которых брюзгливые отцы и сварливые матери стерегут до того строго, что они никогда и не услышали бы ласкового словечка, если бы не...

— Ты на многое открыл мне глаза, мальчик...

— Кафедра стоит тридцать ливров, а исповедальни — по двадцать. Поверьте мне, господин Венсан, это крайне обременительно для моего кошелька.

— Охотно верю тебе, — сказал господин Венсан, — но цена будет еще выше, если взвесить все это на весах, на которых дьявол и ангел взвешивают грехи на паперти Нотр-Дам-ла-Гранд.

Его лицо, до сих пор сохранявшее мягкое выражение, внезапно посуровело. Он протянул руку.

— Дай мне ключ, который тебе доверили.

А когда паж отдал ему ключ, священник добавил:

— Придешь ко мне на исповедь, завтра же вечером я жду тебя здесь, в этой церкви. Я отпущу тебе твои грехи. Я слишком хорошо знаю, в какой среде ты живешь, несчастный маленький паж. Конечно, тебе куда приятнее разыгрывать мужчину с девочкой своего возраста, чем служить забавой зрелых дам, которые увлекают тебя в свои альковы и развращают... Да, я вогнал тебя в краску. Тебе стыдно перед ней, такой чистой, такой свежей, стыдно, что ты пытался выдать свою распущенность за любовь.

Мальчик опустил голову. Куда только девалась его самоуверенность! Наконец он пробормотал:

— Господин Венсан де Поль, прошу вас, не рассказывайте об этом ее величеству королеве. Если она меня отошлет обратно к отцу, ему уже не удастся меня пристроить. У него семь дочерей, и каждой нужно приготовить приданое. Из трех братьев я младший. Великая честь стать придворным короля была оказана мне лишь благодаря шевалье де Лоррену, который меня... которому я нравился, — смущенно запинаясь, пробормотал Анри. — Он купил мне эту должность. Если

меня выгонят, он наверняка потребует, чтобы отец возместил ему все расходы, а это невозможно...

Старый священник в глубоком раздумье смотрел на него.

— Я не назову твоего имени. Но это прекрасный повод лишний раз обратить внимание королевы на то. Какой мерзостью она окружена. Увы! Она благочестивая женщина, посвятившая себя благотворительности, но что может поделать она с таким развратом? Указами души не очистишь...

Он не закончил фразы, так как дверь в ризницу распахнулась и вошел молодой человек с длинными кудрями, в черном, довольно изящном одеянии. Господин Венсан выпрямился и строго посмотрел на вошедшего.

— Господин викарий, мне хочется верить, что вам неизвестно, какой торговлей занимается здесь ваш ризничий. Он только что получил от этого юного сеньора тридцать ливров за то, что предоставил ему возможность устроить свидание со своей подружкой на кафедре вашего храма. Не мешало бы вам тщательнее следить за своими служителями.

Чтобы собраться с мыслями, викарий долго медлил, закрывая дверь. И тем не менее, когда он обернулся, даже полумрак, царивший в ризнице, не мог скрыть его смятения. И так как он молчал, господин Венсан снова обрушился на него:

— К тому же, как я вижу, на вас парик и светское платье. А ведь священникам это запрещено. Боюсь, что мне придется поставить в известность о несоблюдении вами правил и о коммерческих сделках, которые здесь заключаются, бенефицианта вашего прихода.

Викарий незаметно пожал плечами.

— Ему это глубоко безразлично, господин Венсан. Мой бенефициант — парижский каноник. Он купил эту должность три года назад у своего предшественника — кюре, который удалился на покой и живет ныне в своем имении. Бенефициант никогда даже не заглядывал сюда, а так как он на правах каноника живет в апсиде Собора Парижской Богоматери, то могу побиться об заклад, что Нотр-Дам-ла-Гранд в Пуатье не представляет для него интереса.

— О, я трепещу при мысли, — неожиданно вскричал господин Венсан, — что эта проклятая торговля приходами, словно ослами или лошадьми на ярмарке, погубит церковь! А кого в нашем королевстве

назначают ныне епископами? Воинственных и распутных вельмож, которые порой не имеют даже священного сана, но зато у них много денег, и они покупают епархию и осмеливаются носить духовное платье и прочее облачение служителей бога... О господи, помоги нам ниспровергнуть подобные порядки!

Викарий, обрадованный, что нависшую над ним угрозу пронесло, осмелел:

— Мой приход отнюдь не заброшен. Я пекусь о нем, отдаю ему все свои силы. Окажите нам большую честь, господин Венсан, сегодня вечером почтить своим присутствием службу по случаю праздника тела господня. Вот увидите, храм будет полон. Пуатье был спасен от ереси благодаря религиозному рвению своих священников. Не то что Ниор, Шательро и...

Венсан де Поль мрачно взглянул на викария.

— Именно пороки священников и породили ересь^[7], — сурово воскликнул он.

Он встал и, взяв за плечи Анжелику и пажа, вывел их из церкви. Несмотря на преклонный возраст и согбенную фигуру, он был еще крепок и быстр в движениях.

Вечерние сумерки окутывали площадь, и бледные лучи заходящего зимнего солнца словно оживили каменные розетки собора.

— Овечки мои, — сказал господин Венсан, — малые дети всеблагого господя, вы намеревались сорвать незрелый плод любви. Вот почему вы лишь набили себе оскомину, и грусть наполнила ваши сердца. Дайте же дозреть на солнце жизни тому, чему испокон веков суждено расцвести. В поисках любви нельзя блуждать наугад, иначе можно никогда не найти ее. Нет более жестокого наказания за нетерпение и малодушие, как быть обреченным всю свою жизнь вкушать лишь горькие и безвкусные плоды! А теперь ступайте. У каждого из вас своя дорога. Ты, мальчик, возвращайся к своим обязанностям и выполняй их добросовестно, а ты, девочка, — к своим монахиням и к занятиям. А когда встанет новый день, не забудьте помолиться богу, нашему всеобщему отцу.

Он отпустил их и взглядом провожал их изящные фигурки, пока они не расстались на углу площади.

До самых ворот монастыря Анжелика ни разу не обернулась. Великое умиротворение снизошло на ее душу. Она до сих пор

чувствовала на своем плече тепло старческой ладони.

«Господин Венсан, — думала она. — Неужели это тот самый великий господин Венсан? Тот, кого маркиз дю Плесси называет совестью королевства? Тот, кто заставляет богатых прислуживать бедным? Тот, кто ежедневно видится наедине с королевой и королем? Какой же он простой и добрый!»

Прежде чем поднять молоточек у двери, она бросила последний взгляд на погружавшийся во мрак город. «Господин Венсан, — прошептала она, — благословите меня!»

Анжелика безропотно понесла наказание за свой побег. С этого дня поведение юной дикарки изменилось. Она усердно занималась, стала более общительна. Казалось, наконец она смирилась с суровой монастырской жизнью.

В сентябре ее сестра Органс покинула монастырь. Дальняя родственница из Ниора пригласила ее к себе якобы в компаньонки. В действительности же эта самая родственница, принадлежавшая к мелкой знати, некогда вышла замуж за магистрата, человека богатого, но весьма сомнительного происхождения, и теперь мечтала, чтобы ее сын, женившись на знатной девушке, присовокупил бы к своему богатству немного аристократического блеска. Отец только что купил своему сыну должность королевского прокурора в Париже и хотел бы, чтобы тот чувствовал себя равным среди родовитых дворян. Таким образом, брак был неожиданной удачей для обеих сторон. Свадьбу сыграли незамедлительно.

Это произошло как раз в те дни, когда юный король Людовик XIV вернулся победителем в свою славную столицу.

Франция была обескровлена междоусобной войной, во время которой землю ее топтали шесть армий в тщетных порой поисках друг друга: армия принца Конде, королевская армия под командованием Тюренна, который неожиданно решил остаться верным королю, армия Гастона Орлеанского, рассорившегося с французскими принцами и вступившего в союз с англичанами, армия герцога де Бофора, рассорившегося со всеми, но получавшего помощь от Испании, армия герцога Лотарингского, который действовал в одиночку, на свой страх и риск, и, наконец, армия кардинала Мазарини, который из немецких земель послал королеве подкрепление. Чуть было не произвели в полководцы герцогиню де Монпансье за то, что в один прекрасный

день она приказала открыть огонь из пушки Бастилии по войскам своего кузена-короля. Кстати, августейшая Мадемуазель тяжко поплатилась за решительный поступок: этим она отпугнула от себя претендовавших на ее руку европейских принцев.

«Мадемуазель «убила» своего мужа», — тихо проговорил кардинал Мазарини со своим мягким итальянским акцентом, когда ему рассказали об этом событии.

В этой безумной жестокой схватке одержал великую победу кардинал Мазарини. Не прошло и года после его изгнания, как в Лувре снова замелькала его красная мантия, не слышно стало «мазаринад». Все обессилели в этой борьбе...

Анжелике было семнадцать лет, когда ей сообщили о смерти матери. Она долго молилась в часовне, но не плакала. Трудно было представить себе, что никогда больше она не увидит ее деловито снующую фигурку в сером платье и черном платке, поверх которого в летнюю пору надевалась старомодная соломенная шляпка. Баронесса де Сансе вечно копалась в саду и огороде и, пожалуй, окружала большей заботой и нежностью груши и капусту, чем свое многочисленное потомство.

По случаю смерти матери Анжелике разрешили увидеться с братьями, Раймоном и Дени, которые пришли сообщить ей печальную весть. Свидание происходило в приемной, и, как того требовал устав урсулинок, девушка была отгорожена от братьев холодными прутьями решетки.

Дени уже учился в коллеже. С годами он стал так похож на Жослена, что Анжелике почудилось, будто перед нею ее старший брат, такой, каким он остался в ее памяти: в черной монашеской сутане, с роговой чернильницей на поясе. Она до того была поражена этим сходством, что, поздоровавшись с монахом, который сопровождал Дени, уже больше не обращала на него внимания. Пришлось ему представиться.

— Я Раймон, Анжелика. Ты не узнала меня?

Она даже немного оробела. В ее монастыре, где не в пример прочим монастырям устав был очень строг, монахини относились к священникам с набожным почтением — в этом сказывалось также извечное стремление женщины подчиняться мужчине. И вот сейчас, услышав, что один из священников просто обращается к ней на «ты»,

Анжелика пришла в замешательство. И теперь она потупила взгляд, когда Раймон улыбнулся ей. С большим так-том брат поведал Анжелике о постигшем их горе и без громких слов напомнил, что люди должны покоряться воле божьей. Что-то новое появилось в его длинном лице с матовой кожей и светлыми горящими глазами.

Отец, по словам Раймона, очень опечален тем, что его сын и за годы, проведенные у иезуитов, не отказался от своего намерения посвятить жизнь церкви. По-видимому, после отъезда Жослена барон надеялся, что хотя бы Раймон унаследует его имя как продолжатель рода, но юноша отказался от наследства в пользу младших братьев и постригся в монахи. Гонтран тоже разочаровал бедного барона Армана. Вместо того чтобы стать военным, он уехал в Париж учиться, а чему — никто в точности не знал. Итак, оставалось только ждать, пока Дени, которому сейчас было всего тринадцать лет, вырастет и вернет роду де Сансе воинскую доблесть, как полагалось в знатных семьях.

Передавая все эти новости, юный иезуит глядел на сестру, которая, чтобы лучше его слышать, прижалась розовым личиком к холодным прутьям решетки, и в полумраке, царившем в приемной, ее необычные глаза казались прозрачными, как морская вода. Раймон спросил с какой-то жалостью:

— А ты что собираешься делать, Анжелика?

Она тряхнула копной своих тяжелых золотистых волос и равнодушно ответила, что еще сама не знает.

Год спустя Анжелику де Сансе снова вызвали в приемную.

Она увидела там Гийома. За годы разлуки старый солдат лишь еще немного поседел. Его неразлучная пика стояла рядом, аккуратно прислоненная к стене.

Старик Гийом сообщил Анжелике, что приехал, чтобы отвезти ее в Монтеру. Образование ее закончено. Она уже достаточно взрослая и ей нашли мужа.

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ТУЛУЗСКАЯ СВАДЬБА (1656 — 1660
годы)**

Глава 11

Барон де Сансе оглядывал свою дочь Анжелику с явным удовлетворением.

— А монахини и впрямь превратили тебя в примерную девушку, дикарочка моя!

— Примерную? Это мы еще посмотрим! — возразила Анжелика и привычным движением тряхнула своими золотистыми кудрями.

Напоенный чуть сладковатым ароматом болот воздух Монтелу снова возродил в ней вкус к вольной жизни. Она ожила, как захиревший цветок после ливня.

Но в своем отцовском тщеславии барон Арман не сдавался:

— Во всяком случае, твоя красота превзошла все мои ожидания. Правда, кожа у тебя, на мой взгляд, немного смуглая для твоих глаз и волос, но в этом тоже есть свое очарование. Впрочем, я заметил, что почти все мои дети смуглые. Боюсь, что это память о маврах, которые некогда побывали на нашей земле. Ведь в жилах большинства жителей Пуату течет и мавританская кровь. Ты уже видела своего маленького братика Жана-Мари? Вылитый мавр.

Неожиданно барон добавил:

— Граф Жоффрей де Пейрак де Моран просит твоей руки.

— Моей руки? — удивилась Анжелика. — Но я же его не знаю!

— Какое это имеет значение! Его знает Молин, а это главное. И Молин заверил меня, что о более лестном браке для любой своей дочери я не могу и мечтать.

Барон Арман сиял от радости. Прогуливаясь в это теплое апрельское утро с дочерью по дороге, идущей через овраг, он концом своей палки сбивал примулы, растущие на обочине.

Анжелика вместе со старым Гийомом и братом Дени приехала в Монтелу накануне вечером. Она очень удивилась, увидев Дени, но он сказал, что получил в коллеже разрешение поехать домой, чтобы присутствовать на ее свадьбе.

«Какая там еще свадьба?» — подумала тогда Анжелика.

Вначале она не приняла этих разговоров всерьез, но сейчас уверенный тон отца обеспокоил ее.

За те годы, что Анжелика провела в монастыре, отец почти не изменился. Лишь несколько седых нитей появилось в его усах и маленькой, узкой бородке, которую он носил по моде времен Людовика XIII. Анжелика ожидала увидеть отца растерянным и подавленным смертью жены и была немного удивлена, найдя его довольно бодрым и веселым.

Когда они вышли на луг, отлого спускавшийся к высохшему болоту, она попыталась переменить тему разговора, боясь, как бы они не рассорились в первый же день встречи.

— Отец, вы мне писали, что в годы этой ужасной Фронды армия реквизировала у вас много мулов и тем нанесла вам большой ущерб?

— Да. Мы с Молином потеряли почти половину наших мулов, и, если бы не он, я бы давно сидел в тюрьме за долги, даже если бы продал все наши земли.

— А вы еще много должны ему? — с тревогой спросила Анжелика.

— Увы! Из сорока тысяч ливров, которые он мне некогда ссудил, я после пяти лет упорного труда смог отдать ему всего пять тысяч. Между прочим, Молин не хотел их брать, говорил, что это моя доля прибыли. Только когда я совсем уж рассердился, он взял деньги.

Анжелика простодушно заметила, что уж коли сам Молин считает, что его расходы окупились, то незачем было возвращать деньги, и зря отец так упорствовал, проявляя свое благородство.

— Если уж Молин предложил вам затеять это дело, значит, он в накладе не остался. Не такой он человек, чтобы делать подарки. Но видимо, совесть у него все же есть, и он отказывается от этих сорока тысяч ливров, считая, что ваши труды и те услуги, которые вы ему оказали, вполне стоят этих денег.

— Правда, небольшая торговля, которую мы ведем с Испанией мулами и свинцом, худо-бедно, но идет, тем более что до самого океана наш товар не облагается пошлиной. А в те годы, когда нас не грабят и мы можем продать какую-то часть мулов и свинца государству, мы покрываем расходы... Все это так...

Барон Арман с озадаченным видом посмотрел на Анжелику.

— Но как вы трезво рассуждаете, дочь моя! Не знаю, пристало ли столь юной девушке, едва покинувшей стены монастыря, вести такие практические и, я бы сказал, низменные разговоры?

Анжелика рассмеялась.

— Говорят, в Париже есть женщины, которые верховодят всем: политикой, религией, литературой и даже науками. Их называют «жеманницами». Каждый день в салоне одной из них собираются всякие острословы, образованные люди. Хозяйка дома возлежит на кровати, а гости теснятся в алькове и беседуют на разные темы. Может быть, и мне, если я буду жить в Париже, создать свой салон, где будут беседовать о торговле и делах!

— Какой ужас! — воскликнул барон с искренним возмущением. — Надеюсь, Анжелика, подобные мысли внушили вам не урсулилки в Пуатье?

— Они находили, что я превосходно считаю и рассуждаю. Даже слишком... Но зато они очень горевали, что им не удалось сделать из меня примерную богомолку и... такую же лицемерку, как моя сестра Ортанс. Они очень надеялись, что она пострижется в монахини. Но видимо, чары прокурора оказались сильнее.

— Дочь моя, не завидуйте ей, ведь Молин, о котором вы судите столь сурово, нашел вам мужа, бесспорно намного превосходящего мужа Ортанс.

Анжелика нетерпеливо топнула ногой.

— Этот Молин слишком много на себя берет! Послушать вас, можно подумать, будто я не ваша дочь, а его, так он печется о моем будущем!

— Напрасно вы на это сетуете, маленькая упрямец, — улыбаясь, проговорил отец. — Послушайте лучше меня. Граф Жоффрей де Пейрак — прямой потомок графов Тулузских, а их родословная древнее родословной нашего короля Людовика XIV. К тому же граф самый богатый и влиятельный человек в Лангедоке.

— Возможно, отец, но не могу же я выйти замуж за человека, которого совсем не знаю, которого и вы сами никогда не видели.

— Но почему? — удивился барон. — Все девушки из знатных семей именно так и выходят замуж. Когда речь идет о благоприятном для семьи союзе, который обеспечивает будущее благополучие и знатное имя невесте, нельзя полагаться на выбор самой девушки или на простой случай.

— А он... он молодой? — поколебавшись, спросила Анжелика.

— Молодой ли он? — с досадой проворчал барон. — Что за праздный вопрос для такой практичной особы, как вы? По правде говоря, ваш будущий супруг на двенадцать лет старше вас. Но в тридцать лет мужчина в самом расцвете сил, он особенно привлекателен. Небо может послать вам много детей. У вас будет дворец в Тулузе, замки в Альби и Беарне, экипажи, туалеты...

Барон де Сансе запнулся, так как на этом воображение его иссякло.

— Что касается меня, — заключил он, — то мне это предложение от человека, который ведь тоже никогда вас не видел, представляется неожиданной, необыкновенной удачей.

Они сделали несколько шагов в молчании.

— Все это так, — тихо проговорила Анжелика, — но именно эта удача и кажется мне очень странной. Почему ваш граф, у которого есть все для того, чтобы взять себе в жены богатую наследницу, выбрал себе бесприданницу из самого глухого угла Пуату?

— Бесприданницу? — переспросил Арман де Сансе, и лицо его вдруг просветлело. — Вернемся в замок, Анжелика, ты переоденешься, мы сядем на коней, и я тебе кое-что покажу.

По распоряжению барона конюх вывел во двор замка двух лошадей и быстро оседлал их. Заинтригованная словами отца, Анжелика ни о чем не спрашивала. Садясь в седло, она уговаривала себя, что, в конце концов, замужество — ее удел, и большинство ее подруг именно так и вышли замуж — за тех, кого им выбрали родители. Тогда почему же ее возмутило это предложение? Мужчина, который предназначен ей, еще не стар... Она будет богата...

Неожиданно какое-то радостное чувство охватило ее. Только несколько мгновений спустя она вдруг осознала, что произошло. Рука конюха, помогавшего ей сесть в седло, скользнув по ее ноге, задержалась и погладила ее, что уже никак нельзя было счесть нечаянностью.

Барон ушел в замок сменить сапоги и надеть чистый воротник.

Анжелика нервным жестом отдернула ногу, и лошадь сделала несколько шагов.

— Это еще что!

Она чувствовала, как покраснела, и злилась на себя за то, что эта мимолетная ласка взволновала ее.

Конюх, здоровенный, широкоплечий детина, поднял голову. Из-под пряди темных волос знакомым лукавством светились его карие глаза.

— Никола! — воскликнула Анжелика. Теперь в ней боролись два чувства: радость от встречи со своим товарищем детских игр и смущение, вызванное его дерзостью.

— А-а, ты наконец узнала Никола! — воскликнул барон де Сансе, широким шагом приближаясь к ним. — Вот уж истинное наказание для нас, никто не может совладать с ним. Ни на земле, ни с мулами — нигде не желает работать. Бездельник и бабник — вот он каков, твой прелестный дружок, Анжелика.

Но Никола, казалось, совсем не смутил такой отзыв барона. Он продолжал смотреть на Анжелику и смеялся, показывая белые зубы, смеялся дерзко, почти нагло. Из-под расстегнутой рубашки видна была его мускулистая загорелая грудь.

— Эй, мальй, садись на мула и поезжай за нами, — приказал барон, ничего не заметив.

— Слушаюсь, хозяин.

Они проехали по подъемному мосту и свернули налево.

— Куда мы едем, отец?

— На старый свинцовый рудник.

— К развалинам неподалеку от Ньельского монастыря?..

— Совершенно верно.

Анжелика вспомнила обитель распутных монахов, свою безумную детскую затею бежать в Америки и рассказ брата Ансельма о руднике, о том, как в древние времена там добывали свинец и серебро.

— Не понимаю, какое отношение имеет этот заброшенный клочок земли к...

— Теперь он уже не заброшен и называется Аржантьер. Это и есть твое приданое. Если ты помнишь, Молин в свое время просил меня возобновить права нашей семьи на разработку рудника, а также хлопотать об освобождении от налогов четверти добытого свинца. Когда мне удалось добиться этого, он привез туда рабочих-саксонцев. Видя, какое значение он придает нашей, прежде заброшенной земле, я как-то сказал ему, что предназначил ее тебе в приданое. По-моему, именно тогда и зародилась в его хитроумной голове мысль о твоём браке с графом де Пейраком, ведь этот тулузский сеньор изъявил

желание купить наши рудники. Я не очень понимаю, какие дела связывают графа с Молином, но думаю, что граф в какой-то мере причастен к торговле свинцом и мулами, которую мы ведем с Испанией. А это свидетельство того, что дворян, занимающихся коммерцией, гораздо больше, чем принято думать. Правда, на мой взгляд, земельные владения графа де Пейрака достаточно велики, и ему нет нужды прибегать к таким отнюдь не аристократическим занятиям. Но возможно, это его развлекает. Говорят, он большой оригинал.

— Если я не ошибаюсь, отец, — медленно проговорила Анжелика, — вы знали, что он мечтает об этих рудниках, и дали понять, что в придачу нужно взять дочь.

— Как странно ты все воспринимаешь, Анжелика! А я вот нахожу мысль дать тебе рудник в приданое великолепной. Всю жизнь и я, и твоя бедная матушка пеклись о том, чтобы хорошо пристроить дочерей. Не в традициях нашей семьи продавать свои земли. Даже в самые трудные времена нам удалось сохранить в неприкосновенности вотчину баронов де Сансе, хотя дю Плесси много раз зарился на наши плодородные земли, знаешь, те, где некогда были болота. Но выдать дочь замуж за человека не только знатного рода, но еще и богатого — на это я согласен. Род сохраняет свои земли. Они перейдут не в чужие руки, а к новой ветви рода, к новой семье.

Анжелика ехала чуть позади барона, и он не мог видеть выражение ее лица. А она в бессильной злобе кусала губы своими белыми зубками. Разве могла она объяснить отцу, в какое унижительное положение поставили ее, если он убежден, что так ловко устроил счастье своей дочери! Однако она все же попыталась бороться.

— Насколько мне помнится, вы отдали рудник Молину в аренду на десять лет. Значит, до конца арендного срока еще около четырех лет. Как же можно в таком случае давать его в приданое?

— Молин не только дал согласие на это, но даже изъявил готовность продолжать его разработку для графа де Пейрака. Кстати, работы на руднике ведутся уже три года... Сейчас ты все увидишь, ведь мы уже подъезжаем.

Они добрались до рудника за час. Когда-то Анжелике представлялось, что этот черный карьер и гугенотские деревни

неподалеку от него находятся где-то на краю света, а теперь вдруг оказалось, что они совсем близко. Это впечатление подкрепляла отличная дорога, которая вела туда. Около рудника появились дома для рабочих.

Отец и дочь спешили, и Никола взял лошадей под уздцы.

Заброшенный рудник, так врезавшийся в память Анжелики, изменился до неузнаваемости.

По желобам сюда подавалась проточная вода, которая с помощью колес приводила в движение несколько вертикальных каменных жерновов. Чугунные рудодробильные песты с невероятным грохотом дробили большие глыбы породы, которые рабочие откалывали от скалы кувалдами.

В двух печах жарко пылало пламя, раздуваемое огромными кожаными мехами. Рядом с печами высились черные горы древесного угля, все остальное пространство было завалено кучами породы.

Группа рабочих лопатами бросала размельченную жерновами породу в деревянные желоба, по которым тоже текла вода, другие скребками подгребали ее против течения.

Несколько поодаль высилась какая-то довольно солидная постройка, двери которой были затянуты сеткой, забраны железной решеткой и заперты на большой замок.

Два человека, вооруженные мушкетами, стояли у входа в это помещение.

— Здесь хранятся слитки серебра и свинца, — пояснил барон.

И преисполненный гордости, он добавил, что в следующий раз попросит Молина показать Анжелике этот склад.

Потом он повел ее к ближайшему карьеру, который спускался высокими террасами, метра в четыре каждая, образуя нечто вроде римского амфитеатра.

Тут и там под скалой зияли черные дыры туннелей, и из них время от времени появлялись ослики, которые тянули небольшие тележки.

— На руднике живет десять саксонских семей — потомственных рудокопов, литейщиков и камнеломов. Вот они-то вместе с Молином и ведут разработки.

— И сколько же рудник приносит дохода в год? — спросила Анжелика.

— Откровенно говоря, я никогда не задумывался над этим, — несколько смущенно признался барон Арман де Сансе. — Ты понимаешь, Молин регулярно вносит мне за него арендную плату. Он взял на себя все расходы по оборудованию. Кирпичи для печей привезены из Англии и, наверно, даже контрабандой из Испании, через Лангедок.

— И уж, конечно, не без помощи того, кого вы предназначаете мне в супруги?

— Возможно. Говорят, его интересы весьма разносторонни. Кстати, он крупный ученый и сам сделал чертеж этой паровой машины.

Барон подвел дочь к входу в одну из штолен. Он показал ей огромный железный котел, под которым был разведен огонь. Из чана в штольню тянулись две толстые, чем-то обмотанные трубы, и время от времени из штольни вздымался фонтан воды.

— Это одна из первых паровых машин, которые пока что существуют в мире. Она выкачивает из штолен подземные воды. Ее сконструировал граф де Пейрак после одной из своих поездок в Англию. Так что видишь, для женщины, которая хочет стать «жеманницей», лучшего мужа не сыскать — ведь он в такой же степени ученый и остроум, в какой я неуч и тугодум, — с жалкой гримасой заключил Арман де Сансе. — О, здравствуйте, Фриц Хауэр, — поздоровался вдруг барон.

Один из стоявших у машины рабочих снял шапку и низко поклонился. Лицо его отливало синевой — за долгие годы, проведенные на рудниках, каменная пыль въелась в кожу. На одной руке у него не хватало двух пальцев. Он был небольшого роста, горбатый, и поэтому руки его казались чересчур длинными. Из-под спадающих на лоб волос поблескивали маленькие глазки.

— Не правда ли, он немного напоминает Вулкана, бога подземного огня? — сказал барон де Сансе. — Говорят, никто не разбирается так в породах, залегающих в недрах земли, как этот саксонский рабочий. Может, поэтому у него и вид такой необычный. Вообще рудничное дело всегда представлялось мне очень загадочным и чуть ли не колдовским. Ходят даже слухи, будто Фриц Хауэр знает тайну превращения свинца в золото. Это уж были бы совсем чудеса. Но как бы там ни было, он много лет работает с графом де Пейраком, и

тот послал его в Пуату наладить разработки на нашем руднике Аржантьер.

«Опять граф де Пейрак! Всюду граф де Пейрак!» — с раздражением подумала Анжелика.

— Наверно поэтому он так и богат, ваш граф де Пейрак, — сказала она, — что превращает в золото свинец, который ему присылает этот самый Фриц Хауэр. Почему бы ему не превратить меня в лягушку...

— Дочь моя, вы, право, огорчаете меня. К чему эти насмешки? Можно подумать, что я желаю сделать вас несчастной. Ведь в моих планах относительно вашего будущего нет ничего, что оправдало бы такую подозрительность. Я ждал от вас восторженных восклицаний, а слышу одни сарказмы.

— Вы правы, отец, простите меня, — с виноватым видом проговорила Анжелика, огорченная искренним разочарованием, которое она прочла на открытом лице отца. — Монахини часто говорили мне, что я не похожа на других, и мои поступки их озадачивают. Не скрою, предложение графа не только не обрадовало меня, но, скорее, даже огорчило. Дайте мне время подумать, привыкнуть к этой мысли...

Продолжая беседу, они вернулись к лошадям. Анжелика поторопилась сесть в седло, чтобы избежать помощи чрезмерно предупредительного Никола, но все равно загорелая рука слуги коснулась ее, когда он передавал ей поводья.

«Все это очень неприятно, — подумала она с досадой. — Надо держаться с ним строго и поставить его на место».

По обеим сторонам дороги, тянувшейся через овраг, цвели кусты боярышника, и его чудесный аромат, напоминавший Анжелике годы ее детства, действовал на нее умиротворяюще.

— Отец, — вдруг сказала она, — я понимаю, вы хотите поскорее получить от меня ответ на предложение графа де Пейрака. Мне сейчас пришла в голову одна мысль: разрешите мне встретиться с Молином. Я должна серьезно поговорить с ним.

Барон взглянул на небо, чтобы по солнцу определить время.

— Скоро полдень. Но думаю, Молин будет рад разделить с тобой трапезу. Поезжай, дочь моя, Никола тебя проводит.

Анжелика хотела было отказаться от такого провожатого, но потом предпочла сделать вид, что просто не обращает на него внимания, и, весело помахав на прощание отцу, галопом поскакала вперед. Слуга на своем муле очень скоро остался далеко позади.

Через полчаса Анжелика, проезжая мимо главных ворот усадьбы дю Плесси, пригнулась в седле, чтобы увидеть в конце каштановой аллеи сказочный замок.

«Филипп», — неожиданно всплыло в ее памяти имя кузена, словно для того чтобы усугубить ее грусть.

Но дю Плесси, как всегда, жили в Париже. Маркиз, хотя и был одно время ревностным приверженцем принца Конде, теперь вновь сумел снискать милость королевы и кардинала Мазарини, а сам Конде, победитель в битве при Рокура, один из самых славных полководцев Франции, покрыл себя позором, служа испанскому королю во Фландрии. Анжелике вдруг пришло в голову: уж не сыграло ли какую-то роль в судьбе принца Конде исчезновение ларца с ядом? Во всяком случае, ни кардинал Мазарини, ни король, ни его младший брат не были отравлены. К тому же ходил слух, будто мессир Фуке, некогда возглавивший заговор против короля, совсем недавно был назначен суперинтендантом финансов.

Забавно было думать, что необразованная девочка из глухого угла провинции, далекого от столицы, возможно, изменила ход Историй. Интересно, а ларец все еще там, в тайнике? Надо будет проверить. А что сделали с пажом, на которого она свалила вину? Впрочем, какое это имеет значение?

Анжелика услышала топот — это приближался Никола на своем муле. Она пустилась вскачь и через мгновение была перед домом Молина.

После обеда Молин провел Анжелику в свой маленький кабинет, тот самый, где некогда беседовал с ее отцом. Ведь именно здесь было положено начало торговле мулами. И Анжелика вдруг вспомнила, как на ее вопрос практичной девочки: «Но что я получу за это?» — Молин ответил: «Вы получите мужа».

Может быть, он уже тогда подумывал о ее браке с этим странным графом Тулузским? Что ж, вполне возможно, ведь Молин — человек дальновидный и в его голове всегда теснилась тысяча прожектов. А в

общем, нельзя сказать, что экономом маркиза дю Плесси так уж неприятен ей. А что он ловчит, так это потому, что он человек подначальный. Подначальный, который знает, что он умнее своих хозяев.

Для семьи бедного дворянина, живущего по соседству, Молин был просто добрым гением, но Анжелика понимала, что в основе всех щедрот и помощи эконома лежали его личные интересы. Но это как раз устраивало ее, потому что в таком случае она могла не считать себя обязанной ему, была освобождена от унижительного чувства благодарности. И в то же время ее удивляло, почему этот расчетливый простолюдин-гугенот внушает ей искреннюю симпатию.

«Наверно потому, что он затевает какое-то совсем новое и, похоже, серьезное дело», — решила она вдруг.

Но все же она не могла примириться с тем, что, стремясь к своей цели, он ставит ее на одну доску с мулом или слитком свинца.

— Господин Молин, — сразу начала она, — отец настаивает на моем браке с неким графом де Пейраком, и я знаю, что это дело ваших рук. А поскольку в последние годы вы имеете на отца огромное влияние, я ничуть не сомневаюсь, что и вы придаете этому браку немаловажное значение, Иными словами, что я призвана сыграть какую-то роль в ваших коммерческих махинациях. Так вот, мне бы хотелось знать какую именно?

Тонкие губы ее собеседника растянулись в холодной улыбке.

— Благодарю небо за то, что я вижу вас именно такой, какой вы обещали стать в те давние времена, когда в наших краях вас называли маленькой феей болот. Ведь я и в самом деле посулил его сиятельству графу де Пейраку красивую и умную жену.

— Вы дали опрометчивое обещание. Я могла стать глупой уродкой, это повредило бы вашей карьере сводника!

— Я никогда не обещаю того, в чем не уверен. Я поддерживаю связь с Пуатье и получаю оттуда сведения о вас. Кроме того, я и сам видел вас в прошлом году во время религиозной процессии.

— Так вы наблюдали за мной, — в бешенстве крикнула Анжелика, — словно за дыней, которая зреет под стеклянным колпаком!

Но этот образ ей самой показался столь забавным, что она прыснула и гнев ее остыл. Честно говоря, она предпочитала знать всю

подноготную, чтобы не попасться в западню, как наивная дурочка.

— Если бы я пожелал говорить с вами, как принято в вашем кругу — серьезно сказал Молин, — я мог бы прибегнуть к обычным отговоркам: юной, совсем еще юной девушке нет нужды знать, чем руководствовались родители, выбирая ей мужа. Добыча же свинца и серебра, торговля и таможенные пошлины вообще дело не женского ума, и тем более не дело знатных дам... А разведение скота — и того меньше. Но мне кажется, я знаю вас, Анжелика, и с вами я хочу говорить начистоту.

Ее ничуть не шокировал его фамильярный тон.

— Почему вы считаете возможным говорить со мной иначе, чем с моим отцом?

— Это трудно объяснить, мадемуазель. Я не философ и все свои знания приобрел в практической работе. Простите мою откровенность, но я вот что вам скажу: люди вашего круга никогда не поймут, что меня в моей деятельности вдохновляет жажда труда.

— Но крестьяне, по-моему, трудятся еще больше, чем вы.

— Они тянут лямку, а это совсем не то же самое. Они тупы, невежественны, не понимают, в чем их выгода, как, впрочем, не понимают этого и знатные сеньоры, которые ничего не создают. Ведь знать не приносит никакой пользы и умеет только одно: вести опустошительные войны. Ваш отец начал что-то делать, но и он, извините меня, мадемуазель, никогда не поймет, что такое труд!

— Вы думаете, он не добьется успеха? — с беспокойством спросила Анжелика. — А мне казалось, что его дела идут неплохо, и доказательство тому — ваш интерес к ним.

— Это было бы особенно веским доказательством, если бы мы продавали по несколько тысяч мулов в год, а главное, если бы наше дело приносило значительную и все возрастающую прибыль: вот верный признак того, что дела идут неплохо.

— Ну а разве мы не добьемся этого рано или поздно?

— Нет, потому что разведение мулов, пусть даже поставленное на широкую ногу, даже при наличии денежного резерва на случай непредвиденных трудностей вроде эпидемий или войн, остается всегонавсего разведением мулов. А это, как и земледелие, дело довольно долгое и не очень прибыльное. Кстати, ни земля, ни скот никогда

никого не обогащали по-настоящему: вспомните хотя бы, какие огромные стада были у библейских пастырей, и как бедно они жили.

— Но если вы так в этом убеждены, то я не понимаю, господин Молин, как вы, человек столь осмотнительный, могли затеять дело, по вашим же словам, долгое и не очень прибыльное.

— Вот здесь-то, мадемуазель, мессиру барону, вашему отцу, и мне нужна ваша помощь.

— Не могу же я заставить ваших ослиц давать приплод в два раза чаще!

— Но вы можете нам помочь в два раза увеличить доходы от них.

— Ума не приложу, каким образом.

— Сейчас вы все поймете. В любом деле, чтобы оно было прибыльным, необходим быстрый оборот капитала, а так как мы не в силах изменить божьи законы, то нам остается воспользоваться человеческим недомыслием. Мулы служат нам лишь ширмой. С их помощью мы покрываем текущие расходы, получаем возможность поддерживать наилучшие отношения с военным интендантством, которому поставляем кожу и рабочий скот. Но главное, караваны мулов свободно перевозят по дорогам большое количество груза, и мы не платим при этом ни дорожных, ни таможенных пошлин. И вот, пользуясь этими льготами, мы с караваном мулов отправляем свинец и серебро в Англию. А обратно мулы привозят мешки якобы черного шлака — его называют «флюсом», — необходимого для рудничных работ, но на самом деле это не что иное, как золото и серебро, переправленные нам через Лондон из воюющей с нами Испании.

— Ничего не понимаю, господин Молин. Зачем же отправлять серебро в Лондон, если потом его привозят обратно?

— Но я привожу его в два, а то и в три раза больше. Что же касается золота, то у графа Жоффрея де Пейрака в Лангедоке есть золотой прииск. А когда ему будет принадлежать и рудник Аржантьер, обменные операции, которые я произвожу для него с этими двумя благородными металлами, уже не вызовут никаких подозрений, потому что официально будет считаться, что и серебро и золото добыты на его рудниках. Вот в этом-то и состоит наше настоящее дело. Видите ли, количество золота и серебра, которое можно добыть во Франции, в общем-то, довольно ничтожно, а мы, не нанося ущерба ни фиску, ни налоговому управлению, ни таможне, имеем возможность ввезти

много золота и серебра из Испании. Слитки, которые я сдаю менялам, не обладают даром речи. Они никому не поведают о том, что родом не из Аржантьера или Лангедока, а из Испании и прибыли к нам через Лондон. Таким образом, государственная казна получает свою долю, а мы, прикрываясь работами на рудниках, можем ввозить большое количество драгоценных металлов и при этом не тратиться на рабочую силу и таможенную пошлину, не разоряться на более совершенное оборудование, ведь никто не в состоянии проверить, сколько серебра и золота мы добываем, а следовательно, все вынуждены верить нам на слово...

— Но если ваши махинации раскроются, вам угрожает каторга?

— Мы же не фальшивомонетчики. И не собираемся стать на эту стезю. Наоборот, именно мы регулярно пополняем королевскую казну настоящим, высокого качества золотом и серебром в слитках, она их пробирует и чеканит из них деньги. Когда же прииск в Лангедоке и рудник Аржантьер будут в руках одного владельца, мы получим возможность, прикрываясь их ничтожной продукцией, быстро увеличить ввоз драгоценных металлов из Испании. Испания буквально наводнена золотом и серебром, привезенными из Америк, эта страна забыла, что такое труд, она живет продажей своего сырья другим государствам. Лондонские банки служат ей посредниками. Испания — самая богатая и в то же время самая убогая страна в мире. Что же касается Франции, то наши торговые операции, которые нельзя вести открыто из-за порочной системы ведения хозяйства, обогатят страну чуть ли не вопреки ее воле. Но прежде всего эта торговля обогатит нас самих, ибо вложенные нами деньги будут возвращены скорее и с более значительными прибылями, чем при торговле мулами. Ведь ослицы носят приплод десять месяцев и не могут дать больше десяти процентов барыша с вложенного капитала.

Анжелика невольно увлеклась этими ловкими махинациями.

— А что вы собираетесь делать со свинцом? Он служит только прикрытием или тоже представляет коммерческий интерес?

— Свинец очень доходен. Он нужен и для войн, и для охоты. За последние годы он еще больше повысился в цене благодаря королевематери, которая выписала флорентийских мастеров для оборудования ванн во всех своих дворцах, как это в свое время сделала ее

свекровь, Мария Медичи. Вы, наверно, видели такой зал с римской ванной и свинцовыми трубами в замке дю Плесси?

— А сам маркиз, ваш хозяин, он в курсе всех этих ваших дел?

— Нет, — снисходительно улыбнулся Молин. — Он бы ничего в них не понял, и мне по меньшей мере грозило бы лишиться места эконома, хотя моей службой он доволен.

— А что знает о вашей торговле золотом и серебром мой отец?

— Я думаю, ему было бы неприятно узнать, что через его земли провозят испанское золото и серебро. Не лучше ли оставить его в заблуждении, что те небольшие доходы, которые дают ему возможность жить, — плод обычного честного труда?

Анжелику задел иронический и даже немного презрительный тон Молина. Она сухо сказала:

— А за что же мне такая честь — быть посвященной в ваши махинации, от которых за десять лье несет каторгой?

— Какая там каторга! Предположим даже, возникнут затруднения с чиновниками королевской администрации, так несколько экю все уладят. Возьмите-ка Мазарини и Фуке: ведь они более могущественны, чем принцы крови и даже сам король. И все потому, что они баснословно богаты. Вас же я посвятил в дела потому, что знаю: вы до тех пор будете сопротивляться, пока не выясните, для чего все это затевается. Дело обстоит очень просто. Графу де Пейраку нужен Аржантьер. Отец же ваш уступит ему свою землю лишь при условии, если тем самым будет обеспечено будущее одной из его дочерей. Вы же знаете, какой он упрямый. Он ни за что не продаст ни клочка своих родовых земель. С другой стороны, граф де Пейрак хочет жениться на девушке из знатной дворянской семьи, и он счел этот брак выгодным.

— А если я нарушу ваши планы?

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы вашего отца бросили в тюрьму за долги, — медленно проговорил Молин. — А много ли нужно, чтобы вся ваша семья снова погрязла в нищете, в еще более ужасной нищете, чем та, в какой вы жили прежде? А что ждет вас? Вы состаритесь в бедности, как ваши тетушки. Ваши братья и младшие сестры не получают должного образования и в конце концов вынуждены будут покинуть родину...

Увидев, что глаза Анжелики сверкают от ярости, Молин добавил вкрадчивым голосом:

— Ну зачем заставлять меня рисовать столь мрачную картину? А я-то думал, что вы совсем из другого теста, чем все эти дворянчики, которые только и умеют, что похвалиться своим гербом и жить на подачки короля... Преодолеть трудности можно, только борясь с ними и поступаясь в чем-то личными интересами. Иными словами — нужно действовать. Вот почему я не стал ничего скрывать от вас, я хотел, чтобы вы знали, на что следует направить свои усилия.

Теперь он попал в самую точку. Никто никогда так не разговаривал с Анжеликой, а ведь именно это отвечало ее характеру.

Она встрепенулась, словно от удара кнутом. Перед ее глазами всплыла картина: приходящий в упадок Монтелу, ее маленькие братья и сестры, спящие на соломе, покрасневшие от холода руки матери и отец, сидящий за своим небольшим бюро и старательно выводящий прошение королю, на которое его величество король так и не ответил...

Молин вытаскил их из нищеты. Теперь пришла пора расплачиваться.

— Пусть будет по-вашему, господин Молин, — проговорила она беззвучным голосом. — Я выйду замуж за графа де Пейрака.

Глава 12

Погруженная в свои мысли, она возвращалась домой по тропинкам благоухающего леса, ничего не замечая вокруг.

Никола на своем муле следовал за нею. Теперь она совсем не обращала внимания на молодого слугу. Она старалась отогнать мрачные мысли, все еще одолевавшие ее. Решение принято. Что бы ни случилось, она не отступит. Значит, надо смотреть только вперед, безжалостно отменяя все, что может поколебать ее и помешать выполнению этого великолепно разработанного плана.

Неожиданно ее думы прервал голос Никола:

— Мадемуазель! Мадемуазель Анжелика! Она машинально натянула поводья, и лошадь, которая уже несколько минут шла пешком, остановилась.

Обернувшись, Анжелика увидела, что Никола спешился и машет рукой, подзывая ее.

— Что случилось? — спросила она.

Он с таинственным видом прошептал:

— Сойдите с лошади, я хочу вам что-то показать.

Она спрыгнула на землю, и слуга, обмотав поводья лошади и мула вокруг ствола молодой березы, углубился в рощу. Анжелика последовала за ним. Весенний свет, просачивавшийся сквозь молоденькие листочки, был цвета дягиля. В чаще, не умолкая, свистел зяблик.

Никола шел, нагнув голову, словно искал что-то. Наконец он остановился, опустил на колени и, поднявшись, протянул Анжелике пригоршню душистых красных ягод.

— Первая земляника, — прошептал он, и улыбка зажгла лукавый огонек в его карих глазах.

— Не надо, Никола, это нехорошо, — тихо ответила Анжелика.

Но от волнения на глаза ее навернулись слезы. Никола вдруг вернул ее в чарующий мир детства, в чарующий мир Монтелу с прогулками по лесу, опьяняющим ароматом боярышника, прохладой, веющей от каналов, по которым Валентин катал ее на лодке, речушками, где они с Никола ловили раков, в мир Монтелу, равного

которому нет на земле, мир, где сладковатое, таинственное дыхание болот смешивается с резким ароматом окутанного тайной леса...

— А помнишь, мы называли тебя маркизой ангелов? — шепотом спросил Никола.

— Глупый, — дрогнувшим голосом проговорила она. — Никола, ты не должен...

Но она сама уже, как в детстве, брала губами нежные и сладкие ягоды прямо из его протянутых ладоней. И как тогда, Никола стоял совсем рядом, но только теперь этот некогда худенький живой мальчуган с лицом, напоминающим беличью мордочку, превратился в юношу на целую голову выше нее, и в вырез расстегнутой рубашки она видела его смуглую, заросшую черными волосами грудь, вдыхала исходящий от него резкий мужской запах. Она слышала, как медленно и тяжело он дышит, и, взволнованная, не решалась поднять голову, боясь встретиться с его дерзким и жарким взглядом.

Она продолжала есть землянику, поглощенная этим упоительным занятием, которое в действительности имело для нее какой-то особый смысл.

«Мой Монтелу, в последний раз! — говорила она себе. — Насладиться тобой в последний раз! Все самое лучшее, что делало меня счастливой; сейчас в этих руках, в загорелых руках Никола...»

Когда исчезла последняя ягодка, Анжелика вдруг закрыла глаза и прислонилась к стволу дуба.

— Послушай, Никола...

— Я слушаю, — ответил он на местном наречии.

Она чувствовала его горячее дыхание на своей щеке, запах сидра. Он стоял совсем близко, совсем рядом и словно окутывал ее теплом своего крепкого тела. Но он не прикасался к ней, и, подняв на него глаза, она вдруг заметила, что он даже спрятал руки за спину, чтобы устоять перед соблазном схватить ее, сжать в своих объятиях. Она встретила его взгляд, страшный взгляд — в нем не было ни тени улыбки и только мольба, смысл которой нельзя было не разгадать. Никогда еще Анжелика не была так захвачена мужской страстью, никогда никто так ясно не давал ей понять, какие желания вызывает ее красота. Любовное томление юного пажа в Пуатье было лишь детской игрой, забавой молодого зверька, который проверяет силу своих когтей.

Сейчас все было по-иному. Сейчас это было нечто могущественное и жестокое, древнее, как мир, как земля, как гроза.

Анжелика испугалась. Будь она более опытной, она не смогла бы устоять перед этим призывом. От волнения у нее подкашивались ноги, но она нашла в себе силы и отпрянула от Никола, как лань при виде охотника. И то невидимое, что ждало ее, и сдерживаемая страсть Никола вызывали в ней чувство страха.

— Никола, не смотри так на меня, — пробормотала она, пытаясь придать своему голосу твердость. — Я хочу тебе сказать...

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать, — глухо прервал он ее. — Я читаю это в твоих глазах, в том, как ты сейчас вскинула голову. Ты — мадемуазель де Сансе, а я — слуга... И теперь мы уже не можем даже открыто смотреть друг другу в лицо. Я должен стоять перед тобой с опущенной головой! «Будет исполнено, мадемуазель, слушаю-с, мадемуазель...» Ты глядишь на меня, не видя. Словно я бревно какое-то, ведь на собаку и то обращают больше внимания. Некоторые маркизы в своих замках заставляют лакеев мыть себя, потому что лакей — не мужчина, перед ним можно показаться и голой. Да, лакей не человек — он вещь, которая служит вам. Теперь и ты будешь обращаться со мной так же?

— Замолчи, Никола!

— Хорошо, я замолчу...

Он стиснул зубы и тяжело дышал, словно больное животное.

— Я замолчу... Но прежде я должен сказать тебе кое-что, — начал он снова. — Мне никто не нужен, кроме тебя. Я это понял, когда ты уехала. Я тогда несколько дней ходил сам не свой. Это правда, я лентяй, бегаю за девками, мне противно возиться с землей и со скотом. Я и сам не знаю, чего хочу. Раньше мое место было подле тебя. Теперь ты вернулась, и я не могу больше ждать, я должен знать — по-прежнему ли ты моя или я тебя потерял. Да, я дерзкий, бесстыжий. Но если бы ты только захотела, ты бы стала моей, вот здесь, на мху, в этой роще, в нашей роще, на земле Монтелу, которая, как и раньше, принадлежит нам, только нам с тобой! — прокричал он.

Птицы в ветвях деревьев испуганно смолкли.

— Ты бредишь, бедный мой Никола, — ласково сказала Анжелика.

— Только не жалея меня! — воскликнул Никола, и, несмотря на его загар, видно было как он побледнел.

Анжелика тряхнула своими длинными волосами, которые, как прежде, свободно спадали ей на плечи. Ее охватил гнев.

— А как же ты хочешь, чтобы я с тобой разговаривала? — спросила она, тоже переходя на местное наречье. — Нравится мне это или нет, но я больше не имею права слушать любовные признания пастуха. Я скоро выйду замуж за графа де Пейрака.

— За графа де Пейрака! — потрясенный, повторил Никола.

Он отступил на несколько шагов и молча посмотрел на нее.

— Значит, у нас говорили правду!.. — еле слышно прошептал он. — Граф де Пейрак. Вы!.. Вы! Вы выйдете замуж за этого человека?

— Да.

Она не желала его спрашивать, она сказала «да», и этого достаточно. Она на все отвечала бы сейчас «да», не задумываясь, только одно «да»!

Анжелика пошла по тропинке к дороге, нервно сбивая хлыстом нежные побеги на кустах, которые росли на обочине.

Конь и мул дружно паслись на опушке леса. Никола отвязал их. Не поднимая глаз, он помог Анжелике сесть в седло. Теперь уже она вдруг схватила шершавую руку слуги.

— Никола... скажи, ты его знаешь?

Он вскинул на нее глаза, и в них загорелась злая насмешка.

— Да... Я его видел... Он много раз бывал в наших краях. Он так уродлив, что, когда едет на своем черном коне, девушки разбегаются. Он, как дьявол, хром и такой же злой... Говорят, в своем замке в Тулузе он увлекает женщин всякими зельями и какими-то странными песнями... И те, кто попадает на его удочку, либо вовсе исчезают, либо сходят потом с ума. О, у вас будет прекрасный супруг, мадемуазель де Сансе!..

— Ты говоришь, он хромой? — переспросила Анжелика, чувствуя, как у нее холодеют руки.

— Да, хромой! Хромой! Спросите кого хотите, и вам ответят: Великий лангедокский хромой!

Он расхохотался и, нарочито хромая, пошел к своему мулу.

Анжелика хлестнула коня и пустила его во весь опор. Она мчалась сквозь кусты боярышника, пытаясь убежать от насмешливого голоса,

который повторял: «Хромой! Хромой!»

Едва она въехала во дворец замка Монтелу, как на старом подъемном мосту показался всадник. По его потному, запыленному лицу и штанам с нашитой сзади кожей сразу было видно, что это гонец.

Сначала никто не понял, о чем он спрашивает, такой у него был необычный акцент, и потребовалось время, чтобы догадаться, что он говорит по-французски.

Гонец вынул из маленькой железной коробочки письмо и вручил его барону Арману де Сансе, который поспешил ему навстречу.

— Боже мой, маркиз д'Анджос приезжает завтра! — в сильном волнении воскликнул барон.

— А это еще кто такой? — спросила Анжелика.

— Друг графа. Маркиз д'Анджос должен на тебе жениться...

— Вот как, и он тоже?

— ...по доверенности, Анжелика. Дитя мое, не прерывай меня, пожалуйста. Тысяча чертей тебе в бок, как говорил твой дедушка, хотел бы я знать, чему тебя учили монахини, если они не сумели даже привить тебе должного уважения ко мне. Граф де Пейрак посылает лучшего своего друга, чтобы он представлял его на первой брачной церемонии, которая состоится здесь, в часовне Монтелу. Второе церковное благословение будет дано в Тулузе. На этой церемонии — увы! — твоя семья не сможет присутствовать. Маркиз д'Анджос будет сопровождать тебя до самого Лангедока. Южане — народ быстрый. Я знал, что они выехали, но не ожидал их здесь так скоро.

— Как я вижу, у меня было не слишком-то много времени на раздумье, — с горечью заметила Анжелика...

На следующий день около полудня двор наполнился скрипом колес, конским ржанием, звонкими криками, быстрым южным говором.

В Монтелу пожаловал сам Юг. Маркиз д'Анджос, жгучий брюнет с торчащими пиками усов и горящими глазами, в двухцветных желто-оранжевых рингравах, которые искусно скрывали полноту этого весельчака и кутилы, представил барону приехавших вместе с ним графа де Карбон-Доржерака и юного барона Сербало — на

предстоящем бракосочетании они должны были выступать в роли свидетелей.

Приехавших пригласили в гостиную, где де Сансе выставили на столы все, что было у них лучшего: мед прямо из ульев, фрукты, простоквашу, жареных гусей и вина с виноградника Шайе.

Гости умирали от жажды. Но несмотря на это, маркиз д'Андижос, отхлебнув глоток вина, отвернулся и, метко сплюнув прямо на плитки пола, сказал:

— Клянусь святым Поленом, барон, вино Пуату обдирает мне язык! Оно до того кислое, что у меня на зубах заскрипело. Эй, гасконцы, тащите бочки!

Его простота и чистосердечие, певучая речь и даже исходивший от него запах чеснока не только не вызвали неприязни у барона де Сансе, но привели в полный восторг.

Что же касается Анжелики, то у нее не было сил хотя бы улыбаться. Со вчерашнего дня она с тетушкой Пюльшери и кормилицей Фантиной столько трудилась, чтобы придать их старому замку приличный вид, что чувствовала себя совершенно разбитой и словно одеревеневшей. Впрочем, это было к лучшему — по крайней мере она уже была не в состоянии ни о чем думать. Она надела свое самое нарядное платье, сшитое в Пуатье, опять серого цвета, но, правда, с несколькими голубыми бантиками на корсаже: серая утица среди блистательных сеньоров в лентах. Она и не догадывалась, что ее пылающее личико с упругими, словно налитые яблочки, розовыми щеками, свежесть которого подчеркивал большой, жестко накрахмаленный кружевной воротник, было прекрасно само по себе и не нуждалось ни в каких украшениях. Маркиз и его спутники то и дело поглядывали на нее с восхищением, которое эти пылкие южане не могли скрыть. Они осыпали ее комплиментами, смысла половины которых она не понимала, потому что они говорили очень быстро и с невероятным акцентом, неузнаваемо изменявшим каждое слово.

«Неужели отныне мне всю жизнь придется слышать такой говор?» — с тоской подумала она.

Лакеи тем временем вкатили в гостиную большие бочки, поставили их на козлы и принялись открывать. Из днища вынимали затычку, и тотчас же в отверстие вставляли деревянный кран; однако

струя из бочки вырывалась в этот короткий момент наружу и оставляла на полу большую розовую или красновато-золотистую лужу.

— Сент-эмильон, — объявлял граф де Карбон-Доржерак, уроженец Бордо, — сотерн, медок...

Но привыкшие к сидру и терновому соку, обитатели Монтелу пробовали все эти преподносимые так помпезно вина с осторожностью. Однако вскоре Дени и остальные трое младших де Сансе заметно повеселели. Винные пары всем ударили в голову. Анжелику охватило какое-то блаженное чувство. Она увидела, что отец радостно смеется, не стесняясь своего ветхого белья, распахнул полы старомодного камзола. А сеньоры южане расстегнули свои короткие безрукавки. Один из них даже снял парик, чтобы утереть пот со лба, и потом надел его слегка набекрень.

Мари-Агнесс, вцепившись в руку старшей сестры, звонким голоском кричала ей в ухо:

— Анжелика, да пойдём же! Анжелика, пойдём наверх, в твою комнату, посмотрим, там такие чудесные вещи...

Анжелика дала себя увести. В большой комнате, где она спала когда-то вместе с Ортанс и Мадлон, стояли огромные, обитые железными полосами сундуки из сыромятной кожи, которые называли гардеробами. Слуги и служанки, откинув крышки сундуков, выкладывали их содержимое на пол и колченогие кресла. На широкой кровати Анжелика увидела платье из зеленой тафты, как раз такого оттенка, как ее глаза. Необычайно тонкое кружево украшало корсаж на китовом усе, а шемизетка была сплошь расшита цветами из бриллиантов и изумрудов. Такие же цветы были на узорчатом бархате верхнего платья черного цвета. Его полы были отвернуты и заколоты бриллиантовыми аграфами.

— Это ваше свадебное платье, — сказал поднявшийся, вместе с ними маркиз д'Андижос. — Граф де Пейрак долго выбирал среди материй, доставленных из Лиона, такую, что подошла бы к вашим глазам.

— Но он же никогда меня не видел, — возразила Анжелика.

— Господин Молин подробно описал ему ваши глаза: цвета морской волны, — сказал он, — какой она бывает, когда смотришь с берега, а солнечные лучи пронизывают ее до самого песчаного дна.

— Чертов Молин! — воскликнул барон. — Нет, вы меня не убедите, что он столь поэтичен. Я подозреваю, маркиз, что вы несколько приукрасили его слова, чтобы заставить улыбнуться невесту, польщенную таким вниманием со стороны будущего мужа.

— А это! А вот это! Ты только посмотри, Анжелика! — повторяла Мари-Агнесс, и ее личико, похожее на мордочку маленькой пугливой мышки, сияло от восторга.

Вместе с младшими братьями, Альбером и Жаном-Мари, она ворошила тончайшее белье, открывала коробки, в которых лежали ленты и кружевные отделки, веера из пергамента и перьев. Был здесь и очаровательный дорожный несессер из зеленого бархата на белой камчатой подкладке, отделанный позолоченным серебром, в котором лежали две щетки, золотой футляр с тремя гребнями, два зеркальца итальянской работы, квадратная коробочка для булавок, два чепчика, ночная сорочка из тонкого батиста, подсвечник из слоновой кости и атласный зеленый мешочек с шестью восковыми свечами.

Были еще другие платья, менее роскошные, но тоже очень красивые, перчатки, пояса, маленькие золотые часики и бесконечное количество каких-то мелочей, о назначении которых Анжелика даже не догадывалась, как, например, перламутровая коробочка с крохотными кусочками черного бархата, смазанного клеем.

— Это мушки, их принято наклеивать на лицо для красоты, — объяснил граф де Карбон.

— У меня смуглая кожа, и мне незачем подчеркивать это, — сказала Анжелика и закрыла коробочку.

При виде таких богатств она испытала почти детскую радость и в то же время впервые ощутила восторг женщины, которую инстинктивно тянет к нарядам и красоте.

— А вот это тоже не подходит к вашему лицу? — спросил маркиз д'Анджос.

Он открыл плоский футлярчик, и в комнате, куда набились уже и служанки, и лакеи, и работники с фермы, раздался дружный возглас изумления, а потом пробежал восхищенный шепот.

На белом атласе сверкало ожерелье ослепительного, в три ряда, жемчуга с золотистым отливом. Лучшего украшения для новобрачной нельзя было и придумать. Тут же лежали серьги и две нитки жемчуга помельче, которые Анжелика приняла было за браслеты.

— Это украшения для волос, — разъяснил маркиз д'Анджос. Несмотря на свое брюшко и повадки славного вояки, он оказался весьма сведущ в тонкостях моды. — Надо приподнять немного волосы, хотя, по совести говоря, я не очень-то представляю, как это делается.

— Я вас причешу, мадемуазель, — вмешалась рослая плотная служанка, подходя к Анжелике.

Она была моложе Фантины Лозье, но до странного походила на нее. То же сарацинское пламя — память о давних нашествиях — опалило ее кожу. Обе женщины исподлобья бросали друг на друга неприязненные взгляды.

— Это Маргарита, молочная сестра графа де Пейрака. Она служила многим знатым дамам Тулузы и подолгу жила со своими хозяевами в Париже. Теперь она будет вашей горничной.

Служанка ловко приподняла тяжелые золотистые волосы Анжелики и туго оплела их нитями жемчуга. Затем она решительным жестом вынула из ушей Анжелики скромные сережки, которые барон де Сансе подарил дочери в день первого причастия, и заменила их роскошными серьгами. Теперь наступила очередь ожерелья.

— Ах, для него декольте должно бы быть больше! — воскликнул барон Сербало, устремив взгляд своих черных и блестящих, как лесная ежевика после дождя, глаз в вырез платья Анжелики.

Маркиз д'Анджос без долгих разговоров стукнул его тростью по голове.

С зеркалом в руке к Анжелике подбежал паж.

Анжелика увидела себя в этом новом обличье. Ей показалось, что вся она, и даже нежная, шелковистая кожа лица с легким румянцем на щеках, словно излучает сияние. Радость, вырвавшись из самой глубины ее существа, распустилась на губах очаровательной улыбкой.

«А ведь я красива», — подумала она.

Но тут все окуталось туманом, и ей показалось, будто откуда-то из глубины зеркала она слышит ужасный, насмешливый голос: «Хромой! Хромой!.. Он, как дьявол, хром и такой же злой. О, у вас будет прекрасный супруг, мадемуазель де Сансе!»

Через неделю свадьба по доверенности состоялась. Увеселения длились три дня. Танцевали во всех окрестных деревнях, а вечером в

день свадьбы в Монтелу устроили фейерверк, в воздух взлетали ослепительные ракеты и петарды.

Расставленные во дворе замка и за его стенами вплоть до самых лугов длинные столы ломились от кувшинов с сидром и вином, от блюд со всякими яствами и фруктами, и крестьяне, то и дело подходившие туда угоститься, с изумлением взирали на шумных гасконцев и тулузцев, чьи бубны, лютни, скрипки и звонкие голоса заглушали деревенских скрипача и свирельщика.

В последний вечер перед отъездом новобрачной в далекий Лангедок был устроен пир во дворе замка, на который пригласили именитых соседей и владельцев окрестных поместий. Прибыл и эконоМ Молин с женой и дочерью.

В той самой большой комнате, где Анжелика девочкой по ночам прислушивалась к скрипу огромных флюгеров старого замка, кормилица помогла ей одеться. Любовно расчесав щеткой великолепные волосы девушки, Фантина подала ей бирюзовый корсаж и прикрепила к груди шемизетку, украшенную драгоценными камнями.

— Ах, какая же ты красавица, какая красавица, голубка моя, — сокрушенно вздыхала она. — Грудь у тебя такая упругая, что ей не нужны никакие корсеты. Смотри, чтобы корсет не сдавливал ее. Не затягивайся сильно.

— Нянюшка, а не слишком ли глубокий вырез?

— Знатной даме положено, чтобы грудь была видна. Ах, какая ты красавица! — И кормилица со вздохом глухо пробормотала, словно про себя. — И подумать только, боже милостивый, для кого!

Анжелика увидела, что по лицу ее старой кормилицы катятся слезы.

— Не плачь, няня, а то и я потеряю последнее мужество.

— А оно — увы! — понадобится тебе, бедная моя девочка... Нагни голову, я застегну ожерелье. А жемчуг на волосы пусть надевает Марго, я в этих фокусах ничего не смыслю... Ах, голубка, у меня сердце разрывается! Когда я только подумаю, что эта дылда, от которой за сто лье разит чесноком и самим дьяволом, будет мыть и убирать тебя в день свадьбы!.. Ох, просто сердце разрывается!

Фантина опустилась на колени, чтобы поправить шлейф верхнего платья Анжелики, и девушка вдруг услышала, как она зарыдала.

Отчаяние старой кормилицы было для Анжелики неожиданным, и тоска, которая сжимала ее сердце, всколыхнулась с новой силой.

Все еще стоя на коленях, Фантина Лозье прошептала:

— Прости меня, доченька, ведь я тебя своей грудью вскормила, а вот защитить не сумела. Сколько уж ночей, с тех самых пор, как услышала об этом человеке, я глаз не могу сомкнуть...

— А что о нем говорят?

Кормилица встала. Взгляд у нее был темный, застывший — взгляд пророчицы.

— Золото! Полон замок золота!

— Но разве грешно иметь много золота, нянюшка? Посмотри, сколько подарков он прислал мне. Я в восторге от них.

— Не обманывайся, доченька. Это проклятое золото. Он делает его в своих сосудах при помощи всяких зелий. Паж, что так хорошо играет на тамбурине, его зовут Энрико, рассказал мне, что во дворце графа де Пейрака, в его красном, как кровь, дворце, есть флигель, куда никому не дозволено входить. Его охраняет черный страж, такой черный, как днище моих чугунов на кухне. Однажды, когда страж на минутку отошел, Энрико увидел через приоткрытую дверь большой зал, а в нем полно всяких стеклянных шаров, колб и трубок. И все это свистело, кипело! А потом вспыхнуло пламя и раздался такой грохот, что Энрико убежал.

— Просто мальчишка выдумщик, как и все южане.

— Увы! По голосу было видно, что он не врет и так напуган, что не поверить нельзя. Нет, этот граф де Пейрак пошел на сделку с самим сатаной, чтобы получить власть и деньги. Он Жиль де Рец, вот кто он, самый настоящий Жиль де Рец, да к тому же еще чужак!

— Не болтай глупостей! — резко остановила ее Анжелика. — Никто никогда не обвинял его в том, что он ест маленьких детей.

— Он увлекает женщин какими-то странными чарами, — прошептала кормилица. — В его дворце такое творится... просто срам. Говорят, даже сам монсеньор архиепископ Тулузский в своей проповеди осудил его, сказал, что в его гнусных делах замешан сатана. И тот нехристь паж, что рассказал мне все вчера на кухне, еще смеялся как сумасшедший, вспоминая, как после проповеди граф де Пейрак приказал своим людям поколотить пажей и носильщиков архиепископа, и какая драка завязалась, даже в самом соборе дрались.

Ну подумай, разве у нас могло бы случиться такое бесчинство? И потом, откуда у него столько золота? Родители оставили ему одни долги. Земли — и те все заложены были. А он не угодничает ни перед королем, ни перед другими знатными вельможами. Говорят, когда в Тулузу приехал его высочество герцог Орлеанский, наместник Лангедока, граф не встал перед ним на колени, для него, вишь ты, это трудно. И герцог не рассердился, наоборот, он даже сказал, что мог бы добиться при дворе милостей для графа, а граф де Пейрак ответил, что...

Старая Фантина замолчала, усердно втыкая булавки в юбку, которая и без того уже сидела безукоризненно.

— Так что же он ответил?

— Что... что, даже будь у него длинная рука, его короткая нога от этого не подрастет. Вот как он дерзок!

Анжелика, глядя в круглое зеркальце из своего дорожного несессера, приглаживала пальцем брови, тщательно выщипанные горничной Маргаритой.

— Значит, правду говорят, что он хромой? — спросила она как можно более безразличным голосом.

— Увы, голубка моя, правда. Ах, боже мой, а ты такая красотка!

— Замолчи, кормилица. Я устала от твоих причитаний. Пойди позови Марго, пусть она причешет меня. И не говори больше так о графе де Пейраке. Не забывай, что теперь он мой муж.

Когда стемнело, во дворе зажгли факелы. Под тихий аккомпанемент небольшого оркестра из двух виол, флейты, лютни и гобоя, расположившегося на крыльце замка, шла шумная беседа. Анжелика вдруг попросила, чтобы сходили за деревенским скрипачом, под звуки скрипки которого обычно танцевали крестьяне на большом лугу у замка. Она не привыкла к этой немного слащавой музыке, предназначенной для двора и увеселения всяких сеньоров в кружевах, которую играл оркестр. Ей захотелось еще раз услышать нежные звуки волынки Пуату, пронзительную свирель и в такт мелодии — глухой топот деревянных крестьянских башмаков.

Небо было в звездах, но затянуто легкой дымкой тумана. И от этого луна была окружена золотым ореолом. К столам без усталости подносили новые блюда и кувшины с чудесным вином. Около

Анжелики вдруг оказалась корзина с еще теплыми круглыми булочками, которую упорно держали до тех пор, пока Анжелика не подняла глаза и не посмотрела на того, кто угощает ее. Перед ней стоял высокий юноша в добротном костюме светло-серого цвета, какой обычно носят мельники. Воротник и оборки на штанах были из тонкого кружева. А поскольку муки ему было не покупать, он обильно, как сеньоры, напудрил ею себе голову.

— А вот и сын мельника Валентин пришел поздравить новобрачную, — воскликнул барон Арман.

— Валентин, — улыбнулась Анжелика. — Я еще не видела тебя после своего возвращения. А ты по-прежнему плаваешь на лодке по каналам и собираешь дягиль для ньельских монахов?

Юноша низко поклонился и ничего не ответил. Когда Анжелика взяла булочку, он поднял корзину и передал ее по кругу. А сам растворился в толпе и в ночи.

«Если бы все вдруг замолчали, — подумала Анжелика, — я, верно, услышала бы, как кричат сейчас на болоте жабы. Ведь если я вернусь сюда через несколько лет, может, я уже не услышу их — болота осушат, и жабы исчезнут».

— Вы обязательно должны это попробовать, — говорил ей в самое ухо маркиз д'Андижос.

Он предлагал ей какое-то на вид не очень аппетитное кушанье, от которого исходил тонкий аромат.

— Это рагу из свежих зеленых трюфелей, привезенных прямо из Перигора, сударыня. Знайте же, трюфель обладает божественными, волшебными свойствами. Ни одно самое изысканное блюдо так не располагает новобрачную к принятию от мужа выражения его чувств. Трюфель придает пылкость, улучшает кровообращение и делает кожу чувствительной к ласке.

— Но я не вижу надобности есть его сегодня, — холодно сказала Анжелика, отодвигая от себя серебряную миску. — Ведь я увижу своего мужа не раньше чем через несколько недель...

— Но вы должны подготовиться к этой встрече, сударыня. Поверьте мне, трюфель — лучший друг супружества. Изо дня в день вкушая это восхитительное блюдо, вы в брачную ночь будете сама нежность.

— В наших краях, — с усмешкой сказала Анжелика, глядя ему прямо в лицо, — гусей перед рождеством откармливают укропом, чтобы в рождественскую ночь, когда жареного гуся подадут на стол, его мясо было бы особенно сочным.

Уже изрядно подвыпивший маркиз расхохотался:

— Ах, как бы я хотел быть тем, кто скушает такую маленькую гусочку, как вы, — и так низко наклонился к ней, что его усы коснулись ее щеки. — Да будь я проклят, — добавил он, отстраняясь и приложив руку к сердцу, — если еще раз разрешу себе произнести подобную вольность. Но — увы! — я заслуживаю снисхождения, ведь меня обманули. Когда мой друг Жоффрей де Пейрак возложил на меня свои обязанности в выполнении всех формальностей, лишив, однако, очаровательных прав, он клялся мне, что вы горбатая и косоглазая, но теперь я вижу, что он снова, уже в который раз, обрек меня на муки. Вы действительно не хотите трюфелей?

— Нет, благодарю вас.

— А я съем, — сказал он с такой жалобной гримасой, что при других обстоятельствах это развеселило бы Анжелику, — хотя я подставной муж и вдобавок еще холостяк. Но я надеюсь, судьба будет благосклонна ко мне и в эту праздничную ночь приведет в мои объятия дам или девиц, менее жестоких, чем вы.

Анжелика с трудом заставила себя улыбнуться его новой выходке. От факелов и канделябров несло нестерпимым жаром. Неподвижный воздух был пропитан тяжелым запахом вин и соусов. Все кругом пели, пили.

Анжелика провела пальцем по вискам. Они были влажны.

«Что со мной? — подумала она. — Кажется, я сейчас не выдержу, закричу им, как я их ненавижу. Но почему?.. Отец счастлив. Он выдает меня замуж почти как принцессу. Тетки ликуют. Граф де Пейрак прислал им в подарок массивные ожерелья из черного пиренейского граната и другие безделушки. Мои братья и сестры получают прекрасное воспитание. А на что жаловаться мне? В монастыре нам постоянно твердили, что нельзя предаваться романтическим мечтам Муж богатый и знатный — разве не к этому должна стремиться девушка из благородной семьи?»

Она дрожала, словно загнанная лошадь, но совсем не от усталости. Просто это была нервная реакция, протест всего ее

существа, которое не выдержало и вдруг взбунтовалось в самый неожиданный момент.

«Неужели это страх? А тут еще кормилица наболтала всякой ерунды, всюду ей мерещится дьявол. Но почему я должна ей верить? Вечно она преувеличивает. Ведь и Молин, и отец не скрывали от меня, что граф де Пейрак — ученый. Но утверждать, что он устраивает какие-то дьявольские оргии, — это уже слишком. И потом, если бы кормилица и в самом деле была уверена, что меня отдадут в руки такому чудовищу, она бы не отпустила меня. Нет, я ничего не боюсь. Я не верю в эти выдумки».

Рядом маркиз д'Андижос с салфеткой под самым подбородком держал в одной руке сочный трюфель, а в другой — стакан бордоского вина. Время от времени, удовлетворенно икая, он хрипловатым гортанным голосом декламировал:

— О божественный трюфель, благодетель влюбленных! Влей же в мои жилы счастливый пыл любви! Я буду ласкать свою подружку до зари!..

«Вот оно, вот чего я не хочу, — поняла вдруг Анжелика. — Вот чего не в силах буду вынести!»

И ей представился тот ужасный урод, то чудовище, на растерзание которому ее отдадут. Там, в далеком Лангедоке, в безмолвии ночей она окажется во власти какого-то незнакомого мужчины. И она может сколько угодно звать на помощь, кричать, умолять о пощаде. Никто не откликнется на ее зов. Он ее купил. Ее продали ему. И она будет его собственностью до конца своей жизни!

«И все, хотя они и не говорят об этом вслух, тоже так думают. И наверно, служанки и слуги перешептываются об этом на кухне. Вот почему даже южане-музыканты смотрят на меня с жалостью, хотя бы этот курчавый красавец Энрико, который так искусно бьет в тамбурин. Но притворство побеждает в них жалость. Одного человека принесли в жертву, зато сколько довольных! Золото и вино текут рекой! И какое кому дело до того, что там потом произойдет между их господином и мною! Ну нет, клянусь, никогда он даже не дотронется до меня...»

Анжелику душила ярость, и от мучительных усилий сдержать себя она вконец изнемогла. Она встала и вышла из-за стола. В общей суете никто не обратил внимания на ее уход. Встретив некоего Клемана Тоннеля, которого отец нанял в Ниоре, чтобы он

распоряжался слугами во время празднеств, Анжелика спросила, не видел ли он слугу Никола.

— Он на хозяйственном дворе, сударыня, разливает вино.

Она пошла дальше. Она шагала как во сне, сама не зная, зачем ей нужен Никола, но она хотела его увидеть. После разговора в роще Никола ни разу больше не взглянул ей в лицо и исполнял свои обязанности слуги добросовестно, но без усердия. Она нашла его в винном погребе, где он наливал вино из бочек в кувшины и графины, которые ему непрерывно подносили мальчишки-слуги и пажи. Никола был одет в золотисто-желтую ливрею с обшитыми галуном отворотами, которую барон де Сансе взял напрокат по случаю празднеств. Молодой крестьянин не только не выглядел нелепо в этом одеянии, но даже имел элегантный вид. Заметив Анжелику, он встал и отвесил ей глубокий поклон, как учил всю челядь в течение двух суток Клеман Тоннель.

— Я ищу тебя, Никола.

— К вашим услугам, госпожа графиня...

Она бросила взгляд на мальчишек, которые в ожидании стояли с кувшинами в руках.

— Поставь кого-нибудь из мальчиков вместо себя и иди за мной.

Во дворе она снова провела рукой по своему лбу. Нет, она сама еще не знала, что собирается сделать. Она была возбуждена до предела, одурманена пьянящим ароматом разлитого на земле вина. Она толкнула дверь в соседний сарай. В нем тоже весь вечер наполняли кувшины и еще не выветрился тяжелый винный дух. Но теперь бочки уже опустели, опустел и сарай. В нем было темно и жарко.

Анжелика приложила свои ладони к крепкой груди Никола. И вдруг, прижавшись к нему, затряслась от беззвучных рыданий.

— Никола, ты мой друг, — стонала она, — скажи мне, что все это не правда. Они не увезут меня, они не отдадут меня ему. Я боюсь, Никола. Обними меня, обними крепче!

— Госпожа графиня...

— Замолчи! — крикнула она. — Хоть ты-то не будь злым!

И хриплым, срывающимся голосом, которого сама не узнала, добавила:

— Обними меня! Обними меня крепче! Больше мне ничего не надо!

Никола с минуту стоял в нерешительности, потом своими загоревшимися руками обнял ее за тонкую талию.

В сарае было темно. От большой кучи соломы тянуло теплом, в воздухе, казалось, застыло что-то тревожное, словно перед грозой. Анжелика, обезумевшая, опьяневшая от всех этих запахов, прижалась лбом к плечу Никола. И снова она почувствовала, как ее захватывает его неудержимая страсть, но на этот раз не стала ей противиться.

— Да, ты хороший, — задыхаясь, говорила она. — Ты мой друг. Я хочу, чтобы ты любил меня... Один только раз. Я хочу, чтобы один только раз меня любил молодой и красивый мужчина. Ты понимаешь?

Она обхватила руками могучую шею Никола и заставила его склонить к ней свое лицо. Он выпил, и от него жгуче пахло вином. Он вздохнул:

— Маркиза ангелов...

— Люби меня, — прошептала она, прильнув губами к его губам. — Один только раз. Потом я уеду... Ты не хочешь? Ты больше не любишь меня?

Он что-то глухо пробормотал, схватил ее на руки и споткнувшись в темноте, упал вместе с нею на кучу соломы.

Сознание Анжелики было до странности ясное, и в то же время она словно разом отрешилась от всех условностей. Она очутилась в каком-то ином мире, поднялась над тем, что до сих пор составляло ее жизнь. Оглушенная темнотой сарая, спертым и жарким воздухом, неведомыми ей доселе ласками Никола, грубыми и вместе с тем искусными, она пыталась побороть свою стыдливость, которая помимо ее воли взбунтовалась в ней. Она хотела лишь одного: чтобы это произошло, и как можно скорее, чтобы никто не застиг их здесь. Сжав губы, она твердила себе, что по крайней мере тот, другой, уже не будет первым. Это ее месть, ее вызов золоту, за которое, они думают, можно купить все.

Она покорно подчинялась мужчине, дыхание которого становилось все учащеннее, она полностью отдалась в его власть и чувствовала, как все тяжелее становится его тело.

Внезапно сарай прорезал сноп света от фонаря, и в дверях раздался душераздирающий женский крик. Одним прыжком Никола отскочил в сторону. Анжелика увидела, как на него надвигается чья-то плотная фигура. Она узнала старого Гийома и, бросившись наперерез,

изо всех сил вцепилась в него. Но Никола уже проворно вскарабкался на балки перекрытия и открыл оконце. Было слышно, как он спрыгнул во двор и побежал.

Стоявшая на пороге женщина продолжала вопить. Анжелика узнала в ней тетушку Жанну. В одной руке она держала графин, другую прижимала к своей лихорадочно вздымавшейся пышной груди.

Анжелика выпустила Гийома, подбежала к тетке и, словно кошка, вонзила ногти ей в руку.

— Да замолчите наконец, старая дура... Вы что, хотите скандала, хотите, чтобы маркиз д'Андижос уехал и увез с собой все подарки и обещания? У вас больше не будет ни пиренейских гранатов, ни сластей. Замолчите или я кулаком заткну вашу старую беззубую пасть...

Привлеченные шумом, из соседних сараев сбежались крестьяне и слуги. Анжелика увидела кормилицу, потом и отца, который, несмотря на то, что много выпил и не очень твердо держался на ногах, как хороший хозяин продолжал следить, чтобы ничто не нарушило праздника.

— Что это вы кричите, Жанна, словно вас щекочет сам дьявол?

— Щекочет, — задыхнулась от возмущения старая дева. — Ах, Арман, я умираю.

— Но отчего, дорогая?

— Я пришла сюда, чтобы налить немножко вина. И в этом сарае увидела... я увидела...

— Тетя Жанна увидела какую-то тварь, — прервала ее Анжелика, — не то змею, не то куницу, она не разглядела. Право, тетя, вы зря так взволновались. Лучше вернитесь к столу, а вина вам принесут.

— Верно, верно, — заплетающимся языком поддакнул барон. — В кои-то веки, Жанна, вы захотели быть полезной и переполошили столько народу.

«Вовсе она не собиралась быть полезной, — думала Анжелика. — Она следила за мной. И выследила! С тех самых пор, как она живет в замке и сидит над своим вышиванием, как паук в паутине, она всех нас знает лучше, чем мы сами, она видит нас насквозь, читает наши

мысли. Она пошла вслед за мной. И попросила старого Гийома посветить ей».

Ее ногти продолжали впиваться в дряблую руку толстой тетки.

— Вы меня поняли? — шепотом спросила она. — Если до моего отъезда вы скажете кому-нибудь хоть одно слово, клянусь, я отравлю вас. Я знаю такие травы.

Тетушка Жанна, закатив глаза, покудахтала еще немного. Но, пожалуй, больше, чем угроза, на нее подействовало упоминание о гранатовом ожерелье. Поджав губы, она молча последовала за своим братом бароном.

Чья-то рука грубо удержала Анжелику. Гийом резким движением стряхнул соломинки, которые застряли в ее волосах и на платье. Она подняла на него взгляд, пытаясь по выражению его бородатого лица угадать мысли старого солдата.

— Гийом, — прошептала она, — я хотела бы, чтобы ты понял...

— Мне нет нужды понимать, сударыня, — с оскорбительным высокомерием ответил он по-немецки. — Мне достаточно того, что я увидел.

Он погрозил кулаком в темноту и выругался, Анжелика вскинула голову и пошла к гостям. Сев за стол, она поискала глазами маркиза д'Анджоса. Свалившись со своего табурета, маркиз сладко спал на полу. Стол напоминал поднос с церковными свечами, когда они догорают и оплывают. Одни приглашенные ушли, другие уснули тут же, в гостиной. Но на лугу еще продолжались танцы.

Анжелика, напряженно выпрямившись, без тени улыбки на лице, сидела во главе свадебного стола. Она мучительно страдала при мысли, что ей не дали довести до конца задуманное, исполнить свою клятву и отомстить за себя. Ярость и стыд боролись в ней. Она потеряла старого Гийома. Монтелу отказался от нее. Ей оставалось лишь одно — уехать к своему хрому супругу.

Глава 13

На следующий день четыре кареты и две тяжело нагруженные повозки двинулись по направлению к Ниору. Анжелике просто не верилось, что весь этот праздничный кортеж с лошадьми, скрипящими повозками и кричащими форейторами — ее свита, что столько шумихи поднято из-за нее, мадемуазель де Сансе, которая никогда не знала иных провожатых, кроме вооруженного пикой старого солдата.

Слуги, служанки и музыканты теснились в повозках, вместе с багажом. Кортеж двигался по залитым солнцем дорогам, среди цветущих садов, оставляя за собой запах свежего лошадиного навоза. А сидящие в повозках смуглокожие дети Юга беззаботно смеялись, пели и брэнчали на гитарах. Они возвращались домой, в свой жгучий край, пропитанный ароматами вина и чеснока.

Среди всеобщего веселья один лишь мэтр Клеман Тоннель сохранял чопорный вид. Нанятый бароном на неделю свадебных торжеств, он, чтобы избежать дорожных расходов, попросил довести его до Ниора. Но в первый же вечер путешествия он подошел к Анжелике и предложил ей свои услуги в качестве либо дворецкого, либо камердинера. Он рассказал, что служил в Париже у нескольких знатных господ, и назвал их имена, но ему пришлось поехать на родину, в Ниор, чтобы уладить дела с наследством, оставленным его отцом-мясником. Вернувшись в Париж, он узнал, что какой-то лакей-интриган завладел его местом, и с тех пор он ищет честный и знатный дом, куда мог бы поступить в услужение.

Клеман выглядел человеком скромным и опытным и совсем очаровал горничную Маргариту, которая заверила Анжелику, что такой вышколенный лакей будет с радостью принят в тулузском дворце. У графа де Пейрака много самых разных слуг, белых и черных, но работают они из рук вон плохо. Больше нежатся на солнышке. И самый ленивый из всех, бесспорно, дворецкий Альфонсо, в обязанности которого входило следить за челядью.

И Анжелика наняла Клемана. Правда, она непонятно почему робела перед ним, но была благодарна ему хотя бы за то, что он говорил, как нормальные люди, без этого невыносимого южного

акцента, который начал приводить ее в отчаяние. Так пусть хоть этот хладнокровный, расторопный, почти раболепный в своей почтительности и услужливости слуга, которого она вчера еще совсем не знала, будет для нее частичкой ее родины.

Как только позади осталась столица болотного края Ниор с ее тяжелой, черной, словно чугуновой, башней, кортеж графини де Пейрак вдруг сразу окунулся в море света. Анжелика даже не заметила, как тенистые рощи сменились непривычным пейзажем: куда ни кинешь взор, кругом сплошные виноградники. Они проехали мимо Бордо. К виноградникам прибавились поля еще зеленой кукурузы. В окрестностях Беарна они сделали остановку в замке Антуана де Комона маркиза де Пегилена герцога де Лозена. Анжелика с удивлением смотрела на этого маленького забавного человечка, чье обаяние и остроумие были столь велики, что он, как утверждал маркиз д'Анджос, стал «одним из любимчиков при дворе». Даже сам король, который, как это свойственно юношам, хотел выглядеть серьезным, в самый разгар заседания Совета не мог удержаться от смеха, слушая блестящие остроты де Пегилена. Как раз в это время Пегилен жил в своем имении, куда был изгнан за перешедшие все границы дерзости в адрес кардинала Мазарини. Но это, казалось, ничуть его не удручало, и он развлекал гостей всевозможными историями.

Анжелике непривычен был фривольный язык, принятый тогда при дворе, и она не понимала и половины из рассказа де Пегилена, но веселая, оживленная атмосфера замка сделала свое дело, и она оттаяла. Пегилен де Лозен восхищался ее красотой и даже посвятил ей стихотворный экспромт.

— Ах, друзья, — воскликнул он, — боюсь, как бы Золотой голос королевства не сорвался на самой высокой ноте!

Гак Анжелика впервые услышала о Золотом голосе королевства.

— Это самый прославленный певец Тулузы, — объяснили ей — Со времен великих трубадуров прошлого в Лангедоке еще не было такого певца. Сударыня, когда вы его услышите, вы тоже не устоите перед его чарами.

Анжелика изо всех сил старалась, чтобы окружающие не почувствовали, что мыслями она далеко от них. Все они были любезные, симпатичные люди, хотя разговоры их порой звучали

банально. Их остроумие было легким, как белое вино, а раскаленный воздух, черепичные крыши и листья платанов цветом тоже напоминали белое вино.

И все-таки, по мере того как их путешествие близилось к концу, на сердце у Анжелики становилось все тяжелее.

За день до прибытия в Тулузу они остановились в одном из имений графа де Пейрака, в белокаменном замке в стиле Ренессанс. Анжелика с наслаждением выкупалась в выложенном мозаикой бассейне, который находился в одном из залов. Долговязая Марго суетилась возле нее. Она очень боялась, как бы жара и дорожная пыль не сделали еще темнее лицо ее госпожи. В душе Марго не одобряла теплый матовый тон кожи Анжелики.

Горничная умащала тело Анжелики различными маслами, потом велела ей лечь на кушетку и принялась энергично массировать ее, а затем выщипала на ее теле все волосы. Анжелику ничуть не шокировала эта процедура, ведь прежде, когда во всех городах были римские бани с парильней, она соблюдалась даже в народе. Теперь же такого ухода удостаивались лишь девушки из дворянских семей. Даже легкий пушок на теле знатной дамы считается верхом неприличия. Но сейчас, когда служанка прилагала столько усилий, чтобы сделать тело новобрачной безукоризненным, Анжелика в душе холодела от ужаса.

«Он не дотронется до меня, — мысленно твердила она — Скорее я выброшусь в окно».

Но ничто уже не могло остановить того стремительного потока, того водоворота, в который она была вовлечена.

На следующее утро, измученная тревогой и страхом, она села в карету, чтобы, не останавливаясь больше, в несколько часов добраться до Тулузы. Маркиз д'Андижос ехал с нею. Он был в прекрасном настроении, что-то напевал, болтал.

Но Анжелика не слушала его. Вдруг она заметила, что фореитор придерживает лошадей: дорогу впереди преграждала толпа людей — пешех и всадников. Когда экипаж остановился, Анжелика отчетливо услышала пение и крики, сопровождаемые звуками тамбуринов.

— Клянусь святым Севереном, — вскакивая с места, воскликнул маркиз, — это ваш муж выехал нам навстречу!

— Уже!

Анжелика почувствовала, что бледнеет. Пажи распахнули дверцы кареты. Ей ничего не оставалось, как выйти на песчаную дорогу, под палящие лучи солнца. Небо было ярко-синее. По обе стороны дороги тянулись поля здесь уже пожелтевшей кукурузы, и от них веяло жаром. К карете приближалась яркая цепочка танцующих фарандолу. Множество детей, одетых в странные костюмы, сшитые из больших красных и зеленых ромбов, прыгали, проделывали ошеломляющие сальто-мортале, чуть ли не кидались под ноги лошадям. Всадники тоже были наряжены в причудливые ливреи из розового атласа, украшенные белыми перьями.

— О, вот они, властелины любви! Итальянские комедианты! — ликовал маркиз, от восторга так размахивая руками, что это становилось небезопасным для окружающих:

— Ах, Тулуза, Тулуза!..

Толпа расступилась, и вперед вышел высокий мужчина в костюме из пурпурного бархата. Он шагал, как-то неуклюже раскачиваясь, опираясь на трость черного дерева.

По мере того как он, хромя, приближался, все отчетливее вырисовывалось его лицо в обрамлении густого черного парика, такое же неприятное, как и его походка. Два глубоких шрама пересекали левую щеку и висок, отчего одно веко было полуприкрыто. Толстые губы выделялись на его лице, чисто выбритом, что противоречило моде и придавало еще более необычный вид этому страшному и странному человеку.

«Это не он, — взмолилась Анжелика. — Боже, сделай, чтобы это был не он».

— Ваш супруг граф де Пейрак, сударыня, — произнес рядом с нею маркиз д'Анджос.

Анжелика присела в заученном реверансе. Ее обостренный отчаянием ум отмечал какие-то нелепые мелочи: усыпанные брильянтами банты на туфлях графа; на одной туфле каблук повыше, чем на другой, чтобы сгладить хромоту; чулки с искусно вышитыми шелком стрелками; роскошный костюм, шпага, огромный белоснежный кружевной воротник.

Он что-то сказал, она что-то ответила невпопад. Дробь тамбуринов и душераздирающие вопли труб оглушали ее.

Когда она снова села в карету, на колени к ней упал огромный букет роз и несколько маленьких букетиков фиалок.

— Цветы или, как их называют у нас, «услада жизни», владычествуют в Тулузе, — сказал кто-то рядом с Анжеликой.

Анжелика повернула голову и увидела, что рядом с нею сидит уже не маркиз д'Андижос, а тот, другой. Она склонилась к цветам, чтобы не видеть ужасного лица.

Вскоре показался город, оцетинившийся своими башнями и красными колокольнями. Кортёж проехал по узким улочкам, похожим на глубокие тенистые коридоры, куда сверху просачивался пурпурный свет солнца.

Во дворце графа де Пейрака Анжелику быстро переодели в великолепное белое бархатное платье с аппликациями из белого атласа. Застежки и банты были украшены брильянтами. Наряжая ее, горничные то и дело подавали ей ледяные напитки. Анжелику мучила жажда. В полдень под перезвон колоколов кортеж направился в собор, где навстречу новобрачным на паперть вышел сам архиепископ.

После обряда благословения Анжелика, по обычаю самой высшей знати, шла от алтаря одна. Прихрамывающий сеньор шагал впереди, и его длинная дергающаяся фигура в красном показалась ей столь же неуместной здесь, под окутанными ладаном церковными сводами, как если бы тут вдруг появился сам дьявол. Когда они вышли из церкви, можно было подумать, что весь город высыпал на улицу. Анжелика никак не могла поверить, что вся эта шумиха вызвана ее бракосочетанием с графом де Пейраком. Она невольно поискала глазами зрелище, которое заставляло толпу так радостно улыбаться и прыгать от восторга. Но все взоры были устремлены на нее. И именно ей кланялись сеньоры с пылкими взглядами и дамы в ослепительных нарядах.

Из собора во дворец молодые супруги ехали верхом на лошадях, покрытых роскошными попонами. Дорога, тянувшаяся вдоль Гаронны, была усеяна цветами, и «властелины любви», как назвал маркиз д'Андижос всадников в розовых костюмах, не переставая, усыпали их путь душистыми лепестками.

Слева от дороги поблескивала золотистая лента реки, и с лодок доносились громкие приветственные крики.

Анжелика вдруг поймала себя на том, что она невольно улыбается. Ярко-голубое небо, аромат, исходивший от раздавленных цветов, пьянили ее. Неожиданно из груди ее чуть было не вырвался крик — у пажей, которые ее сопровождали, лица были цвета лакрицы. Сначала она подумала, что они в масках, и только сейчас поняла, что кожа у них и в самом деле черная. Анжелика впервые видела мавров.

Нет, положительно она попала в какой-то иной, нереальный мир. Она почувствовала себя бесконечно одинокой в этом феерическом сне, и, быть может, проснувшись, она с трудом вспомнит его.

А рядом с собой она по-прежнему видела освещенное солнцем изуродованное лицо человека, которого называли ее мужем и которого восторженно приветствовал народ.

Золотые монетки со звоном падали на булыжник. Пажи бросали их в толпу, и люди дрались из-за них, поднимая тучи пыли.

В дворцовом саду, в тени деревьев, были расставлены длинные белые столы. У входа били фонтаны вина, и любой прохожий мог пить его вволю. Все знатные сеньоры и именитые горожане были приглашены на этот праздник.

Анжелика сидела между архиепископом и графом де Пейраком. Кусок не шел ей в горло, и она лишь смотрела на бесконечные перемены блюд, которыми лакеи обносили гостей: куропатки в горшочках, филе утки, гранаты под кровавым соусом, перепелки на сковороде, форель, крольчата, всевозможные салаты, рубец ягненка, паштет из гусиной печени. На десерт были поданы пончики с персиками, всевозможные сорта варенья, печенья и пирожные на меду, пирамиды фруктов, такие огромные, что за ними не было видно арапчат, которые их вносили. Вина всех цветов и оттенков, начиная с темно-красного и кончая светло-золотистым, следовали одно за другим.

Рядом со своей тарелкой Анжелика увидела какой-то странный золотой предмет, нечто вроде маленьких вилок. Оглядевшись, она заметила, что большинство гостей пользуется ими, втыкая в мясо, чтобы поднести его ко рту. Она попробовала последовать их примеру, но после нескольких неудачных попыток предпочла пустить в ход ложку, которую ей оставили, увидев, что она не справляется с этим

забавным орудием, которое все называли вилкой. Это нелепое происшествие еще больше удручило Анжелику.

Нет ничего тяжелее, как присутствовать на празднестве, к которому не лежит сердце! От страха перед будущим, от возмущения Анжелика словно оцепенела, она чувствовала себя измученной этим шумом, этим изобилием. Но гордая по натуре, она не показывала виду и улыбалась, для каждого находя приветливое слово. Железная дисциплина, к которой ее приучили в монастыре урсулинок, помогала сохранять, несмотря на усталость, великолепную осанку. И только одного она не в силах была сделать — повернуть лицо к графу де Пейраку, и, понимая, что ее поведение может показаться странным, она все свое внимание сосредоточила на соседе с другой стороны, на архиепископе, красивом, цветущем мужчине лет сорока. Говорил он вкрадчиво, держался со светской любезностью, но его Голубые глаза смотрели холодно.

Он один среди гостей, казалось, не разделял всеобщего веселья.

— Какое изобилие! Какое изобилие! — вздыхал он, оглядывая все вокруг — Когда я думаю о всех тех бедняках, что ежедневно толпятся у дверей моего собора, о больных, брошенных без ухода, о детях в гугенотских деревнях, которых из-за отсутствия денег мы не можем вырвать у ереси, у меня разрывается сердце. Участвуете ли вы в благотворительных делах, дочь моя?

— Я только из монастыря, ваше преосвященство. Но я буду счастлива, руководствуясь вашими советами, посвятить себя своему приходу.

Он бросил на нее пронизательный взгляд, и тонкая улыбка промелькнула на его лице, но тут же он снова принял важный вид, выставив свой пухлый подбородок.

— Благодарю вас, дочь моя, за ваше послушание. Хотя, я знаю, у молодой хозяйки дома всегда появляется столько забот, что они поглощают все ее свободное время. Я не стану отрывать вас от ваших обязанностей, пока вы сами не выразите такого желания. Ведь самое важное дело женщины, дело, к которому она должна устремить все свои помыслы, — это влияние на образ мыслей своего мужа, не так ли? В наше время любящая, искусная жена может добиться в этом абсолютного успеха.

Он склонился к ней, и драгоценные камни его епископского креста сверкнули сиреневым огнем.

— Да, абсолютного успеха... — повторил он, — но, между нами, сударыня, вы выбрали себе весьма странного мужа...

«Я выбрала, — с грустной иронией подумала Анжелика. — Интересно, видел ли мой отец хоть раз этого ужасного паяца? Навряд ли. Ведь отец меня искренне любит. Ни за что на свете он не согласился бы сделать меня несчастной. Только мы по-разному понимаем счастье: для него мое счастье в богатстве, а для меня — в любви. Сестра Анна из монастыря, верно, снова повторила бы мне, что не нужно быть романтичной... Похоже, архиепископ — человек влиятельный. Интересно, не с его ли пажамы дрались в соборе пажи графа де Пейрака?..»

Между тем изнурительная жара сменилась вечерней прохладой. Скоро начнутся танцы. Анжелика вздохнула.

«Я буду танцевать всю ночь напролет, — сказала она себе, — но ни за что на свете ни на минуту не останусь с ним наедине».

Она бросила нервный взгляд на своего мужа. Всякий раз, когда она смотрела на него и видела его изрезанное шрамами лицо с горящими, черными как уголь глазами, ей становилось не по себе. Полуприкрытое левое веко придавало ему выражение злой иронии.

Как раз в эту минуту, откинувшись на спинку обитого штофом кресла, он поднес ко рту какую-то коричневую палочку. Один из слуг бросился к нему, держа в щипцах раскаленный уголек, который он приложил к концу палочки.

— Ах, граф, вы подаете прискорбный пример, — нахмутив брови, воскликнул архиепископ. — Я считаю, что табак — это адское зелье. Ну, можно с трудом примириться, когда его по совету врача употребляют в порошке против головной боли, хотя, на мой взгляд, тот, кто нюхает табак, испытывает нездоровое удовольствие и слишком часто, ссылаясь на свою болезнь, прибегает к нему кстати и некстати. А те, кто курит трубку, — уже совсем опустившиеся люди, они сидят в тавернах и часами одурманивают себя этими проклятыми листьями. Но до сих пор я никогда даже не слышал, чтобы дворянин употреблял табак таким непристойным образом.

— У меня нет трубки, и я не нюхаю табак, я курю свернутые листья, как это делают некоторые дикари в Америке.

Никто не может меня обвинить в том, что я вульгарен, как какой-нибудь мушкетер, или жеманен, как придворный щеголь.

— Если для всех существует два способа делать что-либо, то вам обязательно нужно найти третий, — с досадой сказал архиепископ. Вот, к примеру, я сейчас заметил, что у вас есть еще одна странная привычка. Вы не кладете себе в стакан ни жабий камень, ни кусочек рога нарвала. А ведь всем известно это два наилучших средства обезвредить яд, который всегда способна подсыпать в ваше вино чья-нибудь враждебная рука. Даже ваша молодая жена пренебрегла этой мерой предосторожности. Вы же знаете, что жабий камень и рог нарвала, попадая в ядовитый напиток, меняют свой цвет. А вы никогда не пользуетесь ими? Может быть, вы считаете себя неуязвимым или же... у вас нет врагов? — спросил прелат, и огонек, вспыхнувший в его глазах, поразил Анжелику.

— Нет, монсеньор, — ответил граф де Пейрак, — просто я думаю, что лучший способ уберечься от яда — ничего не класть в свой стакан, а все отправлять в желудок.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вот что: ежедневно, всю жизнь принимайте крошечную дозу какого-нибудь сильнодействующего яда.

— И вы это делаете? — в ужасе вскричал архиепископ.

— С самого юного возраста, монсеньор. Вы ведь знаете, что мой отец пал жертвой какого-то флорентийского зелья, а ведь он всегда клал себе в рюмку жабий камень величиной с голубиное яйцо. Моя мать, женщина без предрассудков, нашла истинный способ уберечь меня от подобной судьбы. Один мавр, раб, привезенный из Нарбонна, научил ее, как защитить себя от яда при помощи самого яда.

— В ваших рассуждениях всегда есть что-то парадоксальное, и это тревожит меня, — озабоченно сказал архиепископ. — Вы словно жаждете всюду ввести реформу, хотя каждому известно, какие беспорядки в церкви и во всем королевстве породила Реформация. Ну скажите, зачем вам пользоваться способом, который не дает вам никаких гарантий, вместо того чтобы прибегнуть к испытанным средствам? Правда, для этого нужно иметь настоящий жабий камень и настоящий рог нарвала. Сейчас развелось немало шарлатанов, которые наживаются на этом и подсовывают вместо них невесть что. Но я знаю одного францисканского монаха, некоего Беше, он человек весьма

ученый и занимается по моему поручению алхимией. Он достанет вам отменные противоядия.

Граф де Пейрак слегка склонил голову, чтобы взглянуть архиепископу в лицо, и его густые черные кудри коснулись руки жены. Анжелика отшатнулась. Но в этот момент она заметила, что на нем нет парика, что эти великолепные волосы — его собственные.

— Хотел бы я знать, — проговорил граф, — откуда он их достает? Ребенком я из любопытства убил немало жаб и мне ни разу не удалось обнаружить в их головах пресловутый жабий камень, который, как утверждают, именно там и должен находиться. Что же касается рога нарвала, то скажу вам: я объездил весь мир, и у меня сложилось непоколебимое убеждение, что нарвал — животное мифологическое, вымышленное, короче, в природе не существующее.

— О подобных вещах, граф, нельзя судить с уверенностью. Надо оставить место тайне и не утверждать, будто знаешь все.

— А вот для меня является тайной, — медленно проговорил граф, — как это человек вашего ума может серьезно верить в подобные... выдумки...

«Боже, — подумала Анжелика, — как дерзко он разговаривает с таким высокопоставленным духовным лицом».

Она смотрела на мужчин, взгляды которых скрестились. Первым обратил внимание на ее тревогу муж. Он улыбнулся ей, и эта улыбка причудливо сморщила его лицо, но зато открыла белоснежные зубы.

— Простите нас, сударыня, что мы затеяли этот спор в вашем присутствии. Его преосвященство и я — заклятые враги!

— Я никого не считаю своим врагом! — с возмущением воскликнул архиепископ. — Вы забываете, что у служителя бога сердце должно быть преисполнено милосердия! И если вы ненавидите меня, то у меня нет к вам ненависти. Но я пекусь о вас, как пастырь о заблудшей овце. И если вы не внемлете моим словам, я сумею выполоть с поля сорную траву.

— О! — воскликнул граф с каким-то зловещим смехом. — Вот достойный наследник кюре Фулька из Нейи, правой руки ужасного Симона де Монфора, который сжигал на кострах альбигойцев и испепелил утонченную цивилизацию Аквитании! До сих пор еще, четыре века спустя, Лангедок оплакивает уничтоженные сокровища и содрогается от ужаса, когда слышит рассказы о его зверствах. Я

потомок самой древней ветви графов Тулузских, в моих жилах течет кровь лигуров и вестготов, и я вздрагиваю, когда встречаюсь взглядом с вашими голубыми глазами северянина. Вы — наследник Фулька, наследник грубых варваров, которые насаждали у нас сектантство и нетерпимость, вот что я читаю в ваших глазах!

— Моя семья — одна из древнейших в Лангедоке! — прогремел архиепископ, привстав со стула. Он произнес это с таким южным акцентом, что Анжелика едва поняла его — Вы же сами отлично знаете, дерзкое чудовище, что половина Тулузы принадлежит мне по наследству. Испокон веков половина тулузских земель является нашими родовыми владениями.

— Только четыре века! Всего каких-то четыре века, монсеньор! — выкрикнул Жоффрей де Пейрак, тоже поднимаясь. — Вы прибыли сюда в повозках Симона де Монфора с проклятыми крестonosцами! Вы — захватчик! Северянин! Северянин! И вообще, что вы делаете за моим столом?

Анжелика в страхе ждала, что сейчас начнется потасовка, но при последних словах графа Тулузского раздался дружный смех гостей. Архиепископ тоже улыбнулся, хотя довольно натянуто. Однако когда Жоффрей де Пейрак, чуть раскачиваясь, подошел к нему и, склонившись перед ним, принес свои извинения, тот охотно протянул ему для поцелуя свой пастырский перстень.

Анжелика была настолько сбита с толку, что не могла разделить общего веселья. Архиепископ и граф бросили в лицо друг другу отнюдь не пустячные обвинения, но ведь у южан смех нередко бывает всего лишь шумной прелюдией кровавой трагедии. Так Анжелика сразу окунулась в ту страстную, накаленную атмосферу, знакомую ей с детства по рассказам кормилицы Фантины. Что ж, благодаря кормилице она не будет чувствовать себя здесь чужой.

— Сударыня, вам не мешает табачный дым? — неожиданно спросил граф, нагнувшись к ней и стараясь поймать ее взгляд.

Она покачала головой. Нет, не мешает. Но тонкий аромат табака лишь усиливал ее грусть, пробуждая воспоминания о старом Гийоме, сидящем у очага со своей табакеркой, о просторной кухне замка Монтелу. Теперь и старый Гийом, и кормилица, и все, что составляло жизнь Анжелики, отошло в далекое прошлое.

Из кустов слышались звуки скрипок. Анжелика до смерти устала, но она с готовностью поднялась, когда маркиз д'Андижос пригласил ее. Танцевали в большом дворе, выложенном каменными плитами, около фонтана, из которого били освежающие струи. В монастыре Анжелику научили множеству модных па, и она не испытывала смущения среди всех этих весьма светских сеньоров и дам, большинство которых подолгу жили в Париже. Она впервые танцевала на настоящем балу и только начала входить во вкус, как вдруг поднялась какая-то суматоха. Гости толпой, тесня танцующих, бросились к столам. Любители потанцевать запротестовали было, но кто-то крикнул:

— Он будет петь!

Со всех сторон слышались возгласы:

— Золотой голос! Золотой голос королевства!

Глава 14

В эту минуту чья-то рука осторожно легла на обнаженное плечо Анжелики.

— Госпожа, — прошептала горничная Марго, — сейчас самое время незаметно скрыться. Господин граф поручил Мне отвезти вас в домик на Гаронне, где вы проведете брачную ночь.

— А я не хочу уходить! — запротестовала Анжелика. — Я хочу послушать певца, которого все так превозносят. Я еще не видела его.

— Он споет специально для вас, госпожа, для вас одной, граф заручился его согласием, — заверила ее горничная. — Вас ожидает портшез.

С этими словами Марго набросила на плечи своей госпожи длинную накидку с капюшоном и протянула ей черную бархатную маску.

— Наденьте ее, — прошептала она. — Чтобы вас не узнали. Иначе юные любители кошачьих концертов — с них станется! — будут бежать за вами до самого дома и омрачат вашу брачную ночь своими воплями под аккомпанемент кастрюль.

Горничная прыснула в кулак.

— Так уж в Тулузе повелось, — продолжала она. — Если новобрачные не сумеют тайком сбежать, им приходится или откупаться дорогой ценой, или же слушать дьявольский концерт. Его преосвященство и городская стража никак не могут покончить с этим обычаем... Поэтому вам лучше всего покинуть город.

Марго втокнула Анжелику в портшез, и два могучих лакея тотчас же подняли его на плечи. Из темноты ночи появились несколько всадников — эскорт Анжелики. Миновав лабиринт улочек, маленький кортеж выбрался за пределы города.

Домик был скромный, окруженный садом, который спускался к самой реке. Когда Анжелика вышла из портшеза, ее поразила тишина, нарушаемая лишь стрекотом кузнечиков.

Маргарита, ехавшая на лошади за спиной одного из всадников, спешила и провела новобрачную в пустынный дом.

По тому, как блестели глаза горничной, как она улыбалась, видно было, что вся эта таинственность на пути к любви доставляет ей наслаждение.

Анжелика оказалась в комнате с выложенным мозаикой полом. Около алькова горел ночник, хотя в нем не было необходимости, потому что лунный свет проникал в самую глубину спальни, отчего обшитые кружевами простыни на огромной кровати напоминали снежно-белую пену.

Маргарита в последний раз внимательно оглядела Анжелику и достала из своей сумки флакончик с ароматической водой, чтобы протереть ей кожу, но Анжелика нетерпеливо отмахнулась от нее.

— Оставьте меня в покое.

— Но, госпожа, сейчас придет ваш муж, и нужно...

— Ничего не нужно. Оставьте меня.

— Слушаю, госпожа.

Горничная сделала реверанс.

— Желаю госпоже сладкой ночи.

— Оставьте меня в покое! — в третий раз в гневе крикнула Анжелика.

Горничная ушла. Теперь Анжелика была зла уже на себя за то, что не сумела скрыть свое раздражение перед служанкой. Но она чувствовала неприязнь к этой долговязой Маргарите. Уверенные, ловкие движения горничной вызывали у нее робость, а насмешливый огонек в ее черных глазах просто пугал.

Анжелика долго сидела неподвижно, и вдруг мертвая тишина, царившая в спальне, показалась ей нестерпимой.

Страх, который было усыпили общее возбуждение и оживленная беседа за столом снова пробудился в ней. Она стиснула зубы.

«Я не боюсь, — сказала она себе почти в полный голос. — Я знаю, что мне делать. Лучше я умру, но он до меня не дотронется!»

Она подошла к застекленной двери, выходящей на балкон. Только в замке дю Плесси Анжелика видела такие изящные балконы, которые ввели в моду архитекторы эпохи Возрождения.

Обитая зеленым бархатом кушетка так и манила присесть и полюбоваться великолепным пейзажем. Тулузу отсюда не было видно, ее скрывала излучина реки. Взгляд охватывал лишь сады, блестящую гладь воды да вдали — поля кукурузы и виноградники.

Анжелика села на край кушетки и прижалась лбом к балюстраде. От булавок с брильянтами и ниток жемчуга, обвивавших ее волосы, уложенные в затейливую прическу, у нее разболелась голова. Она принялась освобождаться от них, но это оказалось далеко не простым делом.

«Долговязая дура могла бы хоть причесать меня на ночь и раздеть, — подумала она. — Или она воображает, что этим займется мой муж?»

Анжелика грустно усмехнулась.

«Сестра Анна, — думала Анжелика, — не упустила бы случая прочитать мне небольшую проповедь о том, что всем желаниям мужа нужно подчиняться с покорностью. Когда она произносила это слово-«всем», ее глаза навывкате вращались, словно шары, и мы давились от смеха, прекрасно понимая, о чем она думает. Но мне покорность претит. Молин был прав, сказав, что я не соглашусь на то, смысла чего не понимаю. Да, я согласилась, чтобы спасти Монтелу. Что же еще от меня требуется? Рудник Аржантьер принадлежит графу де Пейраку. Теперь они с Молином могут продолжать свою торговлю, а отец — разводить мулов, чтобы перевозить на них испанское золото... Если бы я умерла сейчас, выбросившись с этого балкона, ничего не изменилось бы. Каждый получил то, чего добивался...»

Ей наконец удалось распустить прическу. Волосы рассыпались по ее обнаженным плечам, и она тряхнула ими, как некогда в детстве, непокорным движением маленькой дикарки.

И тут ей почудился какой-то шорох. Она обернулась и с трудом удержала крик ужаса. Прислонясь к косяку балконной двери, на нее смотрел хромой граф.

Он сменил свой красный костюм на черные бархатные штаны и очень короткий камзол из той же материи, открывавший в талии и на рукавах батистовую рубашку.

Своей неровной походкой он подошел к Анжелике и отвесил глубокий поклон:

— Вы разрешите мне сесть рядом с вами, сударыня? Анжелика молча кивнула. Он сел, положил локоть на каменную балюстраду и с беспечным видом устремил свой взор в пространство.

— Несколько веков назад, — проговорил он, — под этими же самыми звездами дамы и трубадуры поднимались на галереи

крепостных стен, окружавших замки, и там беседовали о любви. Сударыня, вы слышали о трубадурах Лангедока?

Анжелика не ожидала такого разговора. Она вся была внутренне напряжена, приготовившись к защите, и теперь с трудом пробормотала:

— Да, кажется... Так некогда называли поэтов.

— Поэтов любви. Провансальский язык! Сладостный язык! Как он отличается от грубого говора северян! В Аквитании учили искусству любви, потому что, как сказал Овидий задолго до трубадуров: «Любовь — искусство, которому можно научиться и в котором можно совершенствоваться, познав его законы». А вы, сударыня, уже проявляли интерес к этому искусству?

Она не знала, что ответить: ее ум был достаточно тонок, чтобы уловить в его голосе легкую иронию. Вопрос был поставлен так, что и «да», и «нет» прозвучали бы в равной степени нелепо. Она не была приучена к светской болтовне. Оглушенная столькими событиями, она утратила свою обычную находчивость и, отвернувшись от своего собеседника, устремила невидящий взгляд на спящую долину.

Она почувствовала, что он придвинулся к ней, но не шелохнулась.

— Взгляните вон туда, в сад, — начал он снова, — на этот маленький зеленый водоем, в котором утонула луна, словно жабий камень в рюмке с анисовым ликером... У этой воды цвет ваших глаз, моя душенька. Во всем мире я ни разу не встретил таких необычных, таких пленительных глаз. А розы, которые гирляндами обвивают наш балкон! Они такого же цвета, как ваши губки. Нет, я и в самом деле никогда не встречал таких розовых губок... и так плотно сжатых..., а вот сладкие ли они..., сейчас я узнаю...

Неожиданно он обхватил ее за талию и с силой, какой Анжелика не подозревала у этого высокого худого мужчины, запрокинул ей голову. Затылок ее упирался в его согнутую руку, которая так крепко сжимала ее, что Анжелика не могла шелохнуться. Ужасное лицо приблизилось, коснулось ее лица. От ужаса и отвращения она закричала и попыталась вырваться. И почти в ту же секунду почувствовала, что он уже не держит ее. Граф выпустил Анжелику из своих объятий и с усмешкой смотрел на нее.

— Так я и думал. Я внушаю вам безумный страх. Вы предпочли бы выброситься с этого балкона, чем принадлежать мне. Ведь правда?

Анжелика с бьющимся сердцем в упор смотрела на него. Он встал, и на фоне освещенного луной неба его фигура казалась особенно длинной и худой и напоминала паука-сенокосца.

— Я не буду вас принуждать, бедная маленькая девственница. Это не в моих правилах. Так, значит, вас, самую невинность, отдали на растерзание этому хромому верзиле из Лангедока? Чудовищно!

Он с усмешкой склонился к ней. О, как ей была ненавистна его насмешливая улыбка!

— Поверьте, я знал в своей жизни немало женщин, белых и черных, желтых и краснокожих, но ни одну из них я не брал силой и не соблазнял деньгами. Они приходили ко мне сами, и вы тоже придете в один прекрасный день или вечер...

— Никогда! — в невольном порыве выкрикнула она. Но улыбка не сошла с его странного лица.

— Вы юная дикарка, но мне это по душе. Легкая победа обесценивает любовь, трудная победа заставляет ею дорожить. Так сказал Андре Ле Шаплен, магистр искусства любви. Прощайте, моя красавица, спите спокойно в своей широкой постели, оставайтесь одна со всеми вашими прелестями, которым так не хватает ласки. Прощайте!

На следующий день Анжелика проснулась, когда солнце было уже высоко в небе. Птицы в саду попрятались в листве деревьев и замолкли, одурманенные жарой.

Анжелика плохо помнила, как она разделась и легла в постель с пахнущими фиалкой простынями, на которых был вышит родовой герб. Она поплакала от усталости и обиды, а может, и от одиночества. Но сейчас, утром, на душе у нее стало как-то светлее. Получив от своего непонятого мужа заверения, что без ее согласия он не будет ее домогаться, она на время успокоилась. «Уж не воображает ли он, что меня очаруют его хромота и изуродованное лицо?..»

Анжелика размечталась о том, как чудесно она будет жить при муже, с которым ее свяжут только дружеские отношения. Что же, такая жизнь тоже имеет свою прелесть. В Тулузе столько развлечений.

Маргарита, сдержанная и бесстрастная, пришла помочь ей одеться. В полдень Анжелика вернулась в город. Клеман доложил ей, что месье граф поручил ему предупредить госпожу графиню, чтобы

она не ждала его к обеду — он работает в своей лаборатории. Она почувствовала облегчение. Клеман добавил, что мессир граф взял его к себе дворецким, чему он, Клеман, очень рад. Слуги здесь, правда, народ шумный и ленивый, но дружелюбный. Дом, судя по всему, богатый, и он приложит все усилия, чтобы господу остались им довольны.

Анжелика поблагодарила его за эти слова, в которых к подобострастию примешивалась некоторая доля снисходительности. Молодая графиня была не прочь иметь в доме менее темпераментного слугу, чем все окружавшие ее.

В последующие дни Анжелика смогла убедиться, что дворец графа де Пейрака был одним из гостеприимнейших в городе. И сам хозяин дома всегда принимал горячее участие во всех увеселениях. Его длинная, нескладная фигура мелькала среди гостей, и Анжелику очень удивляло, что одно его присутствие сразу вносило оживление.

Она стала привыкать к необычной внешности мужа и при виде его уже не испытывала былого отвращения. Возможно, ее прежние страх и яростное озлобление были вызваны мыслью, что она должна будет покориться ему физически.

Теперь, когда эта опасность ей больше не угрожала, она не могла не признать, что его пылкая речь, его веселый, своеобразный характер невольно вызывают симпатию.

С Анжеликой он держался с подчеркнутым безразличием. Он оказывал ей соответствующие ее положению знаки внимания, но, казалось, почти не замечал ее. Каждое утро он любезно здоровался с нею, во время трапез они сидели на противоположных концах стола, за которым обычно бывало не меньше десятка гостей, и, таким образом, она не оставалась наедине с мужем, что так страшило ее.

И вместе с тем не проходило дня, чтобы она не обнаруживала в своей комнате подарка: какую-нибудь безделушку или украшение, новое платье или пуфик, не говоря уже о конфетах и цветах. Все это были вещи дорогие, выбранные с большим вкусом, и они приводили ее в восторг, очаровывали и в то же время... ставили в затруднительное положение. Она не знала, как дать понять графу, что его подарки доставляют ей большую радость. Каждый раз, когда ей приходилось обращаться к нему, она не решалась поднять глаза к его

изуродованному лицу, становилась какой-то неловкой и что-то бессвязно бормотала.

Однажды у окна, где Анжелика любила сидеть, она обнаружила красный сафьяновый футляр с тиснением и, раскрыв его, увидела брильянтовый гарнитур. Она даже не представляла себе, что на свете может существовать такое великолепие.

В полном упоении она любовалась им. Наверно, даже у королевы нет ничего подобного! И вдруг услышала шаги мужа.

С сияющими глазами она рванулась ему навстречу.

— Какая роскошь! Как мне благодарить вас, сударь?

В своем порыве она подбежала к нему так стремительно, что чуть не столкнулась с ним. Ее щека уже коснулась его бархатного камзола, когда граф твердой рукой вдруг удержал ее. Лицо, которого она так страшилась, оказалось совсем близко. Улыбка ее погасла, и она, не в силах сдержать дрожь, в ужасе отшатнулась. Рука графа тотчас же выпустила ее, и он небрежно, даже с некоторым презрением проговорил:

— Благодарить? За что? Не забывайте, дорогая, что вы супруга графа де Пейрака, единственного потомка прославленных графов Тулузских. Раз вы носите этот титул, вы должны быть самой красивой и самой нарядной. И не считайте себя отныне обязанной благодарить меня.

Итак, ее обязанности были беспредельно легки, и она могла чувствовать себя в замке просто гостьей, с той лишь разницей, что располагала своим временем еще свободнее, чем другие гости.

Граф Жоффрей де Пейрак напоминал ей о том, что он ее муж, очень редко. Ну, например, когда наместник или кто-нибудь из сановников города давал бал, на котором графине де Пейрак надлежало затмить нарядами и красотой всех дам.

В этих случаях он входил к ней без предупреждения, садился около ее туалетного столика и внимательно наблюдал, как одевается его жена, время от времени давая лаконичные указания ловкой Марго и остальным горничным. От него не ускользала ни одна мелочь. Он знал толк в дамских нарядах. Анжелику восхищали его тонкие советы и тщательность, с которой он продумывал все детали. А так как она стремилась стать настоящей великосветской дамой, она во время этих

уроков ловила каждое его слово. В такие минуты она забывала и о своих обидах, и о своем страхе перед ним.

Но однажды, любуясь собой в большом зеркале — а она была ослепительна в этот вечер в атласном платье цвета слоновой кости со стоячим кружевным воротничком, расшитым жемчугом, — Анжелика увидела рядом с собой темную фигуру графа де Пейрака и вдруг почувствовала себя придавленной таким отчаянием, словно на ее плечи легла чугунная плита.

«Зачем мне все это богатство, эта роскошь, — думала она, оплакивая свою ужасную судьбу, — если я на всю жизнь связана с колченогим чудовищем?»

Граф поймал в зеркале ее взгляд и торопливо отошел в сторону.

— Что с вами? Вы не нравитесь себе?

Анжелика мрачно взглянула в зеркало на собственное отражение.

— Нет, почему же, сударь, — покорно ответила она.

— Так в чем же дело?.. Ну, улыбнитесь хотя бы...

И ей показалось, что он тихонько вздохнул.

Шли месяцы, и она не могла не отметить, что граф Жоффрей де Пейрак уделяет гораздо больше внимания и чаще говорит комплименты не своей жене, а другим женщинам.

В его ухаживаниях было столько непосредственности, жизнерадостности, изящества, что дамы откровенно жаждали его общества.

Подражая парижской моде, тулузские дамы создали салон «жеманниц».

— Здесь у нас Отель Веселой Науки, — сказал однажды Анжелике граф де Пейрак. — Все изящество, вся галантность, которыми славилась Аквитания и, следовательно, Франция, должны вновь возродиться в этих стенах. В Тулузе только что состоялось присуждение премий Тулузской литературной академии, знаменитые «Цветочные игры». «Золотой фиалки» удостоен один молодой поэт из Руссильона. Со всей Франции и даже со всего мира привозят поэты свои творения на суд в Тулузу, на родину лучезарной вдохновительницы трубадуров прошлых времен Клеманс Изор. Поэтому, Анжелика, пусть вас не пугает, что в моем дворце постоянно толчется много незнакомых вам людей. Если они докучают вам, вы можете уединиться в домике на Гаронне.

Но Анжелика не испытывала желания уединяться. Постепенно она втянулась в эту жизнь, полную очарования и поэзии. Тулузские дамы, относившиеся к ней вначале с некоторым высокомерием, вскоре нашли, что у нее острый ум, и приняли ее в свой круг. Приемы, которые граф давал у себя во дворце, где она как-никак была хозяйкой, пользовались большим успехом, а Анжелике нравилось хлопотать по дому, следить, чтобы все было в порядке. Нередко можно было увидеть, как она бежит из кухни в сад или из кладовых к винным погребам, и всюду ее сопровождали трое арапчат.

Она привыкла к их забавным личикам, черным и круглым. В Тулузе было много негров-рабов, так как порты Эг-Морт и Нарбонн стояли на Средиземном море, где кишмя кишели пираты. Чтобы проплыть из Марсея в Нарбонн, приходилось снаряжать целую экспедицию! В Тулузе тогда как раз много смеялись над злоключениями одного сеньора из Гаскони, которого во время путешествия захватили в плен арабы. Правда, король Франции сразу же выкупил его у берберийского султана, но, когда сеньор вернулся, все увидели, что он сильно похудел в плену, да и сам он не скрывал, что там ему пришлось несладко.

Но Куасси-Ба все еще немного пугал Анжелику. Каждый раз, когда этот черный гигант с блестящими, как эмаль, белками появлялся перед ней, она с трудом преодолевала страх. А ведь выглядел он таким добродушным. Куасси-Ба всюду следовал за графом де Пейраком, и это он охранял вход в таинственные комнаты во флигеле. Граф уединялся там каждый вечер, а иногда даже и днем. Анжелика не сомневалась, что именно там, за этой запертой дверью, находились те реторты и колбы, о которых рассказывал кормилице Энрико. Ее разбирало любопытство, ей очень хотелось проникнуть туда, но она не осмеливалась. Эту тайную сторону жизни ее необычного мужа помог Анжелике раскрыть один из гостей Отеля Веселой Науки.

Глава 15

Незнакомец был весь в пыли — он путешествовал верхом и сейчас ехал из Лиона, через Ним.

Это был человек лет тридцати пяти, довольно высокого роста. Сначала он заговорил по-итальянски, потом перешел на латинский язык, который Анжелика понимала с трудом, и, наконец, на немецкий.

Именно на этом языке, столь хорошо знакомом Анжелике граф де Пейрак представил ей гостя.

— Профессор Берналли из Женевы. Профессор оказал мне большую честь, приехав обсудить со мной кое-какие научные проблемы, по поводу которых мы в течение долгих лет вели с ним оживленную переписку.

Гость с чисто итальянской галантностью склонился перед Анжеликой, рассыпаясь в извинениях. О, своими отвлеченными рассуждениями и формулами он наверняка наведет тоску на такую очаровательную даму, которую, естественно, должны занимать предметы менее серьезные.

Но Анжелика, отчасти из бравады, отчасти из любопытства, попросила разрешения присутствовать при их беседе. Однако, чтобы не показаться нескромной, она села в уголке, у высокого раскрытого окна, выходящего во двор.

Был морозный, солнечный зимний день. Со двора тянуло дымом от медных жаровен, вокруг которых грелись слуги.

Анжелика сидела с вышиванием в руках, прислушиваясь к разговору мужчин, которые устроились друг против друга у камина, где потрескивали дрова.

Сначала речь шла о каких-то совершенно неизвестных Анжелике лицах — об английском философе Бэконе, о французе Декарте и о французском зодчем Блонделе, которого оба собеседника упоминали с негодованием, так как, по их словам, он не признавал теории Галилея, считая ее бесплодным парадоксом.

Из всего, что услышала Анжелика, она уяснила только одно: гость был ярким сторонником вышеназванного Декарта, а ее муж, наоборот, выступал против его учения.

Глубоко усевшись в обитое штофом кресло, в своей излюбленной небрежной позе, Жоффрей де Пейрак вел эту ученую беседу, казалось, почти с тем же легкомыслием, с каким обсуждал с дамами рифмы какого-нибудь сонета. Его непринужденная манера держаться была полной противоположностью чопорности профессора; страстно увлеченный разговором, тот сидел на самом краешке табурета, напряженно выпрямившись.

— Не спорю, ваш Декарт — гений, — говорил граф, — но из этого не следует, что он прав всегда и во всем.

Профессор горячился.

— Мне было бы любопытно узнать, в чем, по-вашему, он ошибается. Давайте разберемся! Декарт — первый, кто противопоставил схоластике и идеям абстрактным и религиозным свой экспериментальный метод познания мира. Отныне о вещах будут судить, исходя не из незыблемых абсолютных понятий, как это делали некогда, а опираясь на исследования и опыты, чтобы затем уже вывести математические законы. И этим мы обязаны Декарту. Так как же вы, человек, судя по всему, реалистического склада ума, столь ценимого в эпоху Возрождения, как же вы можете не разделять этой теории?

— Я разделяю ее, поверьте, мой друг. Я убежден, что без Декарта наука до сих пор не выкарабкалась бы из-под того пласта невежества и глупости, под которыми она была погребена последние столетия. Но я упрекаю его в недобросовестности по отношению к собственному гению. Его теории изобилуют совершенно очевидными ошибками. Впрочем, не буду вас разуверять, коли уж вы так убеждены в его правоте.

— Я приехал из Женевы, преодолев заснеженные горы и реки, чтобы принять ваш вызов в споре о Декарте, и готов вас выслушать.

— Возьмем, если не возражаете, принцип гравитации, то есть закон взаимного тяготения тел, и, следовательно, закон земного притяжения. Декарт утверждает, что, когда любое тело сталкивается с другим, оно может привести его в движение только в случае, если превосходит его по своей массе. Таким образом, удар пробкового шара не сможет сдвинуть с места шар чугунный.

— Так это же очевидная истина. Разрешите мне напомнить вам формулу Декарта: «Во всей материи есть известное количество

движения, которое остается постоянным».

— Нет! — воскликнул Жоффрей де Пейрак, так стремительно поднявшись с кресла, что Анжелика вздрогнула. — Это — мнимая истина. Декарт не проверил ее на опыте. Для того чтобы убедиться в своей ошибке, ему достаточно было выстрелить из пистолета свинцовой пулей, которая весит одну унцию, в тряпичный мяч весом более двух фунтов. Тряпичный мяч сдвинулся бы с места.

Берналли посмотрел на графа с явным изумлением.

— Вы меня смутили, не отрицаю. Но удачно ли вы выбрали пример? Может быть, здесь присовокупляется какой-нибудь новый элемент?.. Как бы его назвать: мощь, сила...

— Это просто-напросто элемент скорости. Но он проявляется не только при стрельбе. Каждый раз, когда какое-нибудь тело перемещается, возникает скорость. То, что Декарт называет «количеством движения», — это закон скорости, а не арифметическая сумма вещей.

— Но если закон Декарта не годится, то что же вы предлагаете взамен?

— Закон Коперника. Он говорит о взаимном притяжении тел, об этом невидимом свойстве всех предметов, таком же, как свойство магнита, которое нельзя вычислить, но нельзя и отрицать.

Берналли, подперев кулаком подбородок, задумался.

— У меня тоже возникали подобные вопросы, и я обсуждал их с самим Декартом во время нашей встречи в Гааге, перед тем как он уехал в Швецию, где — увы! — ему суждено было умереть. Знаете, что он мне ответил? Он заявил, что этот закон притяжения должен быть отменен, так как в нем есть «нечто оккультное» и он априори еретичен и подозрителен.

Граф де Пейрак расхохотался.

— Декарт был трусливым человеком, а главное — он боялся потерять тысячу экю пенсии, что выдавал ему кардинал Мазарини. Он помнил о несчастном Галилее, который под пытками инквизиции вынужден был отказаться от своей «ереси о движении Земли», но позже, умирая, простонал: «И все-таки она вертится!». Вот почему, когда Декарт в своем «Трактате о свете» вернулся к теории поляка Коперника «Об обращениях небесных кругов» и воздержался от утверждения, что Земля вертится, он ограничился тем, что сказал:

«Земля не движется, но вовлечена в движение круговоротными вихрями». Не правда ли, очаровательная гиперболола?

— О, я вижу, вы беспощадны к бедняге Декарту и в то же время считаете его гением, — сказал профессор.

— Да, когда великий ум проявляет такую узость, я беспощаден. Декарт, к сожалению, был озабочен тем, как бы спасти свою жизнь и обеспечить себя хлебом насущным, которым он был обязан лишь щедротам сильных мира сего. Добавлю еще, что, по моему мнению, он показал себя гением в области чистой математики, но был довольно слаб в динамике и вообще в физике. Его опыты с падающими телами, если он действительно проводил их, крайне примитивны. Для того чтобы они были полноценными, он должен был привлечь во внимание один необычный, но, с моей точки зрения, вполне реальный факт: воздух не является пустотой.

— Что вы хотите этим сказать? Ваши парадоксы пугают меня.

— Я хочу сказать, что воздух, в котором мы двигаемся, в действительности являет собою плотную субстанцию, нечто вроде воды, которой дышат рыбы: субстанцию, обладающую некоторой эластичностью и некоторым сопротивлением. Короче, субстанцию, хотя и невидимую глазу, однако вполне реальную.

— Вы пугаете меня, — повторил итальянец.

Он встал и в волнении прошелся по комнате. Потом остановился и несколько раз, словно рыба, раскрыл рот, покачал головой и снова вернулся на свое место у камина.

— Мне так и хочется назвать вас безумцем, — добавил он, — но где-то в глубине души я с вами согласен. Ваша теория могла бы служить завершением моего труда о движении жидкостей. О, я отнюдь не сожалею, что проделал такое опасное путешествие, ведь оно доставило мне несказанное удовольствие беседовать с великим ученым. Но будьте осторожны, мой друг: если даже мои взгляды, далеко не такие смелые, как ваши, признаны ересью, из-за чего я вынужден был переселиться в Швейцарию, так что же ждет вас?

— Пустяки! — отмахнулся граф. — Я никого не стремлюсь переубедить, кроме тех, кто посвятил себя науке и способен понять меня. У меня даже нет желания описать результаты моих трудов, чтобы издать их. Для меня работа — просто удовольствие, как и

песенки, которые я сочиняю с очаровательными дамами. Я спокойно живу в своем замке в Тулузе, и кому охота искать здесь со мной ссоры?

— Неусыпное око власти повсюду, — возразил Берналли, недоверчиво оглядываясь по сторонам.

В это самое мгновение Анжелике послышался неподалеку от нее легкий шорох, и ей показалось, будто одна из портьер колыхнулась. Ей стало не по себе. После этого она уже рассеянно следила за разговором мужчин. Ее взгляд невольно притягивало лицо Жоффрея де Пейрака. Полумрак ранних зимних сумерек, сгустившихся в комнате, сгладил шрамы на его лице, и ей видны были только его черные, горевшие воодушевлением глаза да, когда он улыбался — а граф улыбался, говоря даже о самых серьезных вещах, — белоснежные зубы; Анжелика почувствовала, как в сердце ее что-то дрогнуло.

Когда Берналли ушел, чтобы перед ужином привести себя в порядок, Анжелика закрыла окно. Слуги расставили на столах подсвечники, одна из служанок подложила в камин дров. Жоффрей де Пейрак встал и подошел к нише, где сидела его жена.

— А вы все молчите, моя милая. Впрочем, как всегда. Наши рассуждения не усыпили вас?

— Нет, наоборот, мне было очень интересно, — медленно проговорила Анжелика и впервые не отвела взгляда от лица мужа. — Я не могу сказать, что все поняла, но, признаюсь, подобные споры мне больше по вкусу, чем вирши наших дам и их пажей.

Жоффрей де Пейрак поставил ногу на ступеньку перед нишей и, склонившись к Анжелике, внимательно посмотрел на нее.

— Вы странная маленькая женщина. Мне кажется, что вы начинаете приручаться, но вы не перестаете удивлять меня. Я прибегал ко многим способам, чтобы покорить женщин, которые мне нравились, но еще ни разу мне не приходило в голову пустить в ход математику.

Анжелика, не удержавшись, рассмеялась и тут же залилась краской. Она смущенно опустила глаза на свое вышивание и, чтобы переменить тему разговора, спросила:

— Так, значит, в вашей таинственной лаборатории, которую так ретиво охраняет Куасси-Ба, вы проводите физические опыты?

— И да, и нет. Правда, у меня есть несколько измерительных приборов, но в основном лаборатория служит мне для химических экспериментов с такими металлами, как золото и серебро.

— Алхимия, — взволнованно проговорила Анжелика, и перед ее глазами возникло видение — замок Жиля де Реца. — Почему вы так жаждете золота и серебра? — запальчиво спросила она. — Похоже, что вы ищете их повсюду; не только в своей лаборатории, но и в Испании, и в Англии, и даже на том маленьком руднике в Пуату... который принадлежал моей семье... Молин сказал мне, что у вас еще есть золотые прииски в Пиренеях. Зачем вам столько золота?

— Чтобы чувствовать себя свободным, нужно иметь много золота и серебра, сударыня. Недаром мэтр Андре Ле Шаплен поставил эпитафией к своей книге «Искусство любви» следующие слова: «Чтобы посвятить себя любви, нужно быть избавленным от забот о хлебе насущном».

— Не думайте, пожалуйста, что вы завоюете меня подарками и богатством, — сказала Анжелика, вся внутренне сжимаясь.

— Я ничего не думаю, моя дорогая. Я вас жду. Вздыхаю. «Влюбленный должен бледнеть в присутствии своей возлюбленной». Я бледнею. Или вы полагаете, что я бледнею недостаточно? Я знаю, что трубадуры должны становиться на колени перед своей дамой, но такая поза не для моей ноги. Так что извините меня за это. Но поверьте, я, как и наш божественный поэт Бернал де Вантадур, могу воскликнуть: «Муки любви, принесенные мне красавицей, верным рабом которой я являюсь, доведут меня до смерти». И я умираю, сударыня.

Анжелика, засмеявшись, покачала головой.

— О, я вам не верю. Вы не похожи на умирающего... Вы или запираетесь в своей лаборатории, или же бегаєте по салонам тулузских «жеманниц» и наставляете их, как слагать стихи.

— Уж не тоскуете ли вы по мне, сударыня?

Анжелика поколебалась, но, сохранив на губах улыбку, решила продолжать в том же шутовском тоне:

— Я тоскую по развлечениям, а вы — воплощенное Развлечение и Разнообразие.

Она снова склонилась над вышиванием. Сейчас она уже и сама не знала, нравится ли ей или ее страшит взгляд, каким Жоффрей де Пейрак иногда смотрел на нее во время подобных шуточных состязаний в остроловии, на которые их часто вызывала светская жизнь. Внезапно он перестал шутить, и в наступившей вдруг тишине

ей казалось, что она вся во власти какой-то странной силы, которая обжигает ее, подчиняет себе. Она чувствовала себя обнаженной, ее маленькие грудки под кружевным корсажем напряглись. Ей хотелось закрыть глаза.

«Он пользуется тем, что я уже не так насторожена с ним, и хочет очаровать меня», — говорила она себе в тот вечер, вздрагивая от страха и удовольствия.

Жоффрей де Пейрак нравился женщинам. Этого Анжелика не могла отрицать, и то, что в первые дни ее поражало, теперь становилось понятным. От нее не ускользали ни радостно-взволнованные лица ее красивых приятельниц, ни трепет, который охватывал их, когда они слышали приближающиеся неровные шаги хромого сеньора. Когда он появлялся, дам словно лихорадить начинало. Он умел разговаривать с дамами. Он бывал колючим и нежным, знал, что нужно сказать женщине, чтобы она посчитала себя очастливленной, выделенной из всех. Но Анжелика, как строптивый конь, вставала на дыбы, едва слышала его ласковый голос. У нее темнело в глазах, когда она вспоминала слова кормилицы: «Он увлекает женщин странными песнями...»

Вернулся Берналли, и Анжелика встала ему навстречу. Поднимаясь, она задела рукой графа и вдруг огорчилась, что он даже не сделал попытки обнять ее за талию.

Глава 16

Истерический хохот огласил пустынную галерею.

Анжелика остановилась и посмотрела вокруг. Смех все продолжался, достигая самых высоких, пронзительных нот, потом словно падал, переходя почти в рыдания, и снова поднимался. Смеялась женщина. Анжелика не видела ее. И вообще в этом крыле дворца, куда Анжелика забрела в час полуденной жары, не было видно ни души. Первые жаркие апрельские дни повергли Отель Веселой Науки в сонное оцепенение. Пажи дремали на лестницах, и Анжелика, не любившая отдыхать днем, решила обследовать свой дом, где ей были неведомы еще многие уголки. Бесконечные лестницы, гостиные, галереи с лоджиями. За огромными венецианскими окнами гостиных и галерей и маленькими окошечками на лестницах виднелся город с высокими колокольнями, вырисовывавшимися на фоне лазурного неба, и большие дома из красного песчаника вдоль берега Гаронны.

Замок был погружен в дремоту. Длинная юбка Анжелики тянулась по плитам пола, шелестя, как сухие листья, обдуваемые ветерком.

И вот тут-то и раздался неожиданно этот пронзительный хохот. Он доносился из-за приоткрытой двери в конце галереи. Потом послышался шум выплеснутой воды, и хохот резко оборвался. Мужской голос проговорил:

— Ну, теперь вы успокоились, и я вас слушаю.

Это был голос Жоффрея де Пейрака.

Анжелика осторожно приблизилась к двери и заглянула в щель. Она увидела лишь спинку кресла, в котором сидел ее муж — его рука, держащая сигару, как он называл свои табачные палочки, лежала на подлокотнике.

Перед ним в луже воды на коленях стояла очень красивая, не знакомая Анжелике женщина. Она была в роскошном черном платье, насквозь промокшем. Валявшееся рядом с ней пустое бронзовое ведерко, где обычно охлаждали графины с вином, довольно ясно объясняло происхождение лужи на полу.

Длинные черные локоны дамы прилипли к вискам, а сама она с испугом смотрела на свои обвисшие кружевные манжеты.

— Это вы так обращаетесь со мной? — крикнула она сдавленным голосом.

— Я был вынужден, красавица моя, — снисходительным тоном выговаривал ей Жоффрей. — Я не мог допустить, чтобы вы и дальше унижались передо мной. Вы бы мне этого никогда не простили. Встаньте же, Карменсита, встаньте. В такую жару ваше платье быстро высохнет. Сядьте в то кресло напротив меня.

Дама с трудом поднялась. Это была высокая пышная женщина, словно сошедшая с полотна Рембрандта или Рубенса.

Она села в кресло, указанное графом. Блуждающий взгляд ее черных, широко расставленных глаз был устремлен в пространство.

— Что случилось? — спросил граф, и Анжелика вздрогнула, потому что в голосе этого человека, сейчас как бы отделенном от его лица, было что-то чарующее, чего раньше она не замечала. — Подумайте сами, Карменсита, вот уже больше года, как вы покинули Тулузу. Уехали в Париж со своим супругом, высокий пост которого был залогом того, что вас ожидает там блестящая жизнь. Вы проявили неблагодарность к нашему жалкому провинциальному обществу, ни разу не дав о себе весточки. А теперь неожиданно ворвались в наш Отель Веселой Науки, кричите, требуете чего-то... Чего именно?

— Любви! — задыхаясь, хриплым голосом простонала дама. — Я не могу больше жить без тебя. О, только не прерывай меня. Ты не представляешь себе, как мучителен был для меня этот бесконечный год. Да, я думала, что Париж утолит мою жажду удовольствий и развлечений. Но даже в разгар самого ослепительного придворного празднества мною овладевала скука. Я вспоминала Тулузу, розовый Отель Веселой Науки. Я ловила себя на том, что, когда начинала о нем рассказывать, у меня блестели глаза, и все смеялись надо мной. У меня были любовники. Их грубость вызывала во мне отвращение. И тогда я поняла: мне не хватает тебя. Ночами я не смыкала глаз, и ты стоял передо мной. Я видела твои глаза, освещенные пламенем камина, они так горели, что жгли меня, и я теряла рассудок, я видела твои белые, умные руки...

— Мою изящную походку! — усмехнулся граф. Он встал и подошел к ней, нарочито сильно хромя.

Женщина смотрела на него в упор.

— Не пытайся своим презрением оттолкнуть меня. Твоя хромота, твои шрамы, какое это имеет значение для женщин, которых ты любил, по сравнению с тем, что ты им дал?

Она протянула к нему руки.

— Ты даешь им наслаждение, — прошептала она. — Когда я не знала тебя, я была холодна как лед. Ты разжег во мне пламя, и оно испепеляет меня.

Сердце Анжелики заколотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется. Она боялась, боялась, сама не ведая чего, может, того, что рука ее мужа сейчас ляжет на это бесстыдно выставленное напоказ прекрасное плечо, покрытое легким загаром.

Но теперь граф стоял, прислонясь к столу, и с невозмутимым видом продолжал курить. Анжелика смотрела на него сбоку, и изуродованная сторона лица была скрыта от нее. И вдруг перед ней предстал совершенно иной человек с безукоризненным профилем, какие выбивают на медалях, с шапкой пышных черных кудрей.

— «Он не умеет искренне любить слишком сладострастных женщин», — процитировал граф, небрежно выпуская изо рта струйку голубоватого дыма. — Вспомни каноны куртуазной любви, с которыми тебя познакомили в Отеле Веселой Науки. Возвращайся в Париж, Карменсита, он создан для таких женщин, как ты.

— Раз ты гонишь меня, я уйду в монастырь. Кстати, мой муж мечтает запереть меня туда.

— Великолепная мысль, дорогая. Я слышал, в Париже создается множество убежищ для верующих, и там в моде благочестие. Сама королева Анна Австрийская недавно приобрела для бенедиктинок великолепный монастырь Валь-де-Трас. Большим успехом пользуется и монастырь ордена визитандинок в Шайо.

Глаза Карменситы пылали негодованием.

— И это все, что ты нашел сказать мне? Я готова заживо похоронить себя под монашеским покрывалом, а у тебя нет ко мне ни капли жалости!

— Мне отпущено слишком мало жалости. Но если кого и следует пожалеть, так это твоего мужа, герцога де Мерекура, который имел неосторожность привезти тебя из Мадрида в повозке своего посольства. И не пытайся больше впутывать меня в свою вулканическую жизнь, Карменсита. Я тебе процитирую еще два

правила куртуазной любви: «Никто не должен иметь сразу двух любовниц» — и второе: «Новая любовь убивает старую».

— Ты имеешь в виду меня или себя? — спросила она. Ее лицо стало белым, как мрамор, что особенно подчеркивали черные волосы и черное платье. — Ты говоришь так из-за этой женщины, твоей жены? Я думала, ты женился на ней из корысти. Какая-то там история с землей, ты мне говорил. А ты избрал ее себе в возлюбленные... О, я убеждена, в твоих руках она достигнет совершенства! Но как же ты решился полюбить уроженку Севера?

— Она не с севера, она из Пуату. Я знаю Пуату, я там бывал. Это сладостный край, раньше он входил в Аквитанию. В наречии, на котором говорят там крестьяне, есть элементы нашего провансальского языка, а у Анжелики даже цвет кожи такой же, как у наших девушек.

— Я вижу, ты больше не любишь меня, — воскликнула вдруг женщина. — Ах, я знаю тебя лучше, чем ты думаешь!

Она упала на колени и вцепилась руками в камзол Жоффрея.

— Еще не поздно! Люби меня! Возьми меня! Возьми, я твоя!

Анжелика не могла больше этого слышать. Она убежала. Промчавшись через галерею, она спустилась по винтовой лестнице башни и на последней ступеньке столкнулась с Куасси-Ба, который, подыгрывая себе на гитаре, низким бархатным голосом напевал какую-то песенку своей родины. Он широко улыбнулся ей и пробормотал:

— Добрый день, каспаша.

Анжелика, не ответив ему, пробежала мимо. Дворец пробуждался. В большой гостиной несколько дам с восковыми дощечками в руках смаковали освежающие напитки. Одна из них окликнула Анжелику:

— Анжелика, душа моя, отыщите нам вашего мужа. В такую жару наше воображение совсем иссякло от истомы, и, чтобы начать беседу...

Анжелика не остановилась, но у нее достало сил хотя бы бросить этим болтуням улыбку.

— Беседуйте. Беседуйте. Я сейчас приду.

Наконец она вбежала в свою спальню и упала на кровать. «Это уж слишком!» — твердила она. Но, поразмыслив, она должна была признаться себе, что и сама не знает, что ее так разволновало. Впрочем, как бы то ни было, это нестерпимо. Так больше продолжаться не может!

В ярости кусая кружевной платочек, Анжелика с мрачным видом оглядела комнату. Вокруг нее слишком много любви, вот что приводит ее в отчаяние. В этом дворце, в этом городе все только и говорят о любви, рассуждают о любви, и один лишь архиепископ время от времени со своей кафедры мечет громы и молнии, грозя адским огнем — за неимением костров инквизиции — всем развратникам, всем распутникам и их увешанным драгоценностями любовницам, утопающим в роскоши. Его проповеди направлены именно против Отеля Веселой Науки.

Веселая Наука! Что же это такое? Веселая Наука! Нежная Наука! Ее тайны зажигают огонь в глазах красавиц, и с их прелестных губок срывается нежное воркование, она вдохновляет поэтов, воспаляет музыкантов. А церемониймейстером этого сладостного, опьяняющего балета, значит, является этот калека, то насмешливый, то лиричный, волшебник, своим богатством и фейерверком удовольствий покоривший всю Тулузу! Никогда еще со времен трубадуров Тулуза не знала такого расцвета, такого триумфа. Она сбросила с себя ярмо северян, снова нашла свою истинную судьбу...

— О, я ненавижу его, он мне отвратителен! — крикнула Анжелика, топнув ногой.

Она яростно принялась трясти позолоченный колокольчик и, когда вошла Марго, приказала подать портшез и вызвать эскорт, потому что она желает немедленно отправиться в дом на Гаронне.

Уже наступила ночь, а Анжелика все сидела на балконе своей комнаты. Понемногу безмятежный пейзаж, тихо струящаяся река успокоили ее нервы.

Она была бы не в состоянии провести сегодняшней вечер в Тулузе, кататься в карете по Ферна, слушать там полуночных певцов, а потом выполнять обязанности хозяйки на пышном пиршестве, которое граф де Пейрак устраивал в саду, освещенном венецианскими фонарями. Она ждала, что муж заставит ее возвратиться в город и принимать гостей, но никто не явился сюда, чтобы вернуть беглянку. Вот еще лишней доказательство того, что она никому не нужна. Никому здесь не нужна. Она чужая.

Увидев, что Марго огорчилась, поняв, что теперь она не сможет присутствовать на празднике, Анжелика отослала ее обратно во

дворец, оставив при себе только молоденькую горничную и нескольких стражей — предместья Тулузы, где знатные сеньоры строили себе загородные дома, были не очень-то защищены от воров и испанских дезертиров.

Анжелика хотела побыть одна, чтобы немного прийти в себя и разобраться в своих чувствах.

Она прижалась лбом к балюстраде. «А вот я никогда не узнаю, что такое любовь», — с грустью подумала она.

Глава 17

Когда Анжелика, утомленная скукой и бездельем, направилась в комнату, под ее окном послышались звуки гитары. Анжелика выглянула в сад, но в темных кустах никого не увидела.

«Неужели сюда явился Энрико? Как он мил, этот мальчик. Решил меня развлечь...»

Невидимый музыкант начал петь. Голос оказался низкий, не такой, как у пажа.

При первых же нотах у Анжелики замерло сердце.

Какой тембр, то бархатистый, то серебряный, какая безукоризненная дикция, такому божественному голосу могли бы позавидовать все эти доморощенные трубадуры, которые наводняют Тулузу с наступлением ночи. В Лангедоке прекрасные голоса не редкость. Да и мелодия легко рождается на губах, привыкших смеяться и декламировать. Но этот певец — истинный артист. Какой необычной силы у него голос! Казалось, он заполнил весь сад, и даже луна дрожит от его звуков. Певец исполнял старинную народную песню на провансальском языке, изящество которого так часто восхвалял граф де Пейрак. В устах певца оживали тончайшие нюансы языка. Анжелика понимала не все слова, но одно — она поняла его! — повторялось непрестанно: «Аморе! Аморе!»

Любовь!

И Анжелика вдруг догадалась: «Это он, последний из трубадуров, это Золотой голос королевства!»

Она никогда не слышала такого пленительного пения. Порою ей говорили: «Ах, если бы вы услышали Золотой голос королевства! Но он больше не поет. Когда же он снова начнет петь!» И на нее бросали насмешливый взгляд, жалея ее, что она не слышала эту знаменитость их края.

— Один только раз услышать его, а потом умереть! — твердила госпожа Обертре, жена главного капитула Тулузы, весьма экзальтированная дама лет пятидесяти.

«Это он! Это он! — твердила Анжелика. — Но почему он здесь? Неужели ради меня?»

Она увидела свое отражение в большом зеркале спальни — рука на груди, глаза расширены — и с издевкой сказала себе: «До чего же я смешна! Может, это д'Анджос или какой-нибудь другой воздыхатель просто нанял музыканта, чтобы он спел мне серенаду...»

Но тем не менее она толкнула дверь и, прижав руки к груди, чтобы сдержать бешеный стук сердца, осторожно проскользнула в переднюю, спустилась по белой мраморной лестнице и вышла в сад. Неужели для Анжелики де Сансе де Монтелу, графини де Пейрак, наконец начнется жизнь? Ибо любовь — это и есть жизнь!

Голос доносился из стоящей на самом берегу беседки, увитой зеленью, где находилась статуя богини Помоны. При приближении Анжелики певец замолк, но продолжал тихо перебирать струны гитары.

Луна в этот вечер была неполной и по форме напоминала миндаль. Но она все же хорошо освещала сад, и Анжелика увидела, что в беседке кто-то сидит, прислонясь к цоколю статуи...

Незнакомец явно заметил ее, но не шелохнулся.

«Это мавр», — разочарованно подумала Анжелика.

Но тут же увидела, что ошиблась. На лице мужчины была бархатная маска, а белые руки, сжимавшие гитару, не оставляли сомнения в том, что он не мавр. Темная шелковая косынка, повязанная на его голове на итальянский манер, скрывала волосы. Насколько можно было разглядеть в полумраке беседки, на нем был поношенный странный костюм — нечто среднее между костюмом слуги и комедианта, на ногах грубые опойковые башмаки, какие носят люди, которым приходится много ходить — возчики и бродячие торговцы, но из рукавов его куртки выглядывали кружевные манжеты.

— Вы чудесно поете, — сказала Анжелика, видя, что он не двигается, — но я хотела бы знать, кто вас прислал?

— Никто, сударыня. Я пришел сюда потому, что знаю: в этом доме находится самая прекрасная женщина Тулузы.

Мужчина говорил очень медленно и тихо, приглушая голос, словно боялся, что его могут услышать.

— Я прибыл в Тулузу сегодня вечером и сразу же отправился в Отель Веселой Науки, где собралось многочисленное веселое

общество, и где я хотел петь свои песни. Но когда я узнал, что вы уехали, я бросился сюда вслед за вами, потому что слава о вашей красоте гремит в нашем краю, и я уже давно жаждал увидеть вас.

— Но ваша слава гремит не меньше! Ведь вы тот, кого называют Золотым голосом королевства, не правда ли?

— Да, это я, сударыня. И я ваш покорный слуга. Анжелика села на мраморную скамью, которая тянулась полукругом вдоль стен беседки. От вьющейся жимолости исходил одурманивающий аромат.

— Спойте еще, — попросила Анжелика.

Страстный голос зазвучал снова, но на этот раз мягче и глуше. Это была уже не призывная песня, а нежное признание, доверительная исповедь.

— Сударыня, — вдруг сказал музыкант, — простите мне мою дерзость, но я хотел бы перевести для вас на французский язык строфу, на которую меня вдохновили ваши очаровательные глаза.

Анжелика склонила голову.

Она уже не знала, сколько времени сидит в саду. Да и какое это могло иметь значение! Ночь принадлежала им.

Он довольно долго перебирал струны гитары, словно вспоминая мелодию, потом глубоко вздохнул и начал:

*Очи цвета морской волны.
О, меня захлестнули они.
Я плыву, утонувший в любви,
Без руля по волнам
Ее сердца.*

Анжелика закрыла глаза. Гораздо больше, чем эти пылкие слова, ей доставлял неведомое дотоле наслаждение его голос.

*В ее дивных зеленых очах,
Словно ранней весною в пруду,
Отражаются звезды.*

«Пусть он сейчас подойдет ко мне, — мысленно заклинала Анжелика. — Ведь это мгновение никогда больше не повторится.

Такое чувство нельзя пережить дважды. Это так похоже на те любовные истории, которые мы некогда рассказывали друг другу в монастыре».

Голос смолк. Певец скользнул на скамью к Анжелике. По тому, как он обнял ее твердой рукой, как властно и нежно приподнял ее подбородок, она инстинктивно почувствовала, что перед ней человек, покоривший немало женских сердец. Эта мысль на секунду огорчила ее, но едва его губы коснулись ее губ, она забыла обо всем на свете. Она никогда не думала, что губы мужчины могут быть свежими, как лепестки, такими нежными и сладостными. Его мускулистая рука крепко сжимала, ее, а с его уст, казалось, еще лились чарующие звуки песни, и, опьяненная этими звуками и этой мужской силой, Анжелика оказалась словно втянутой в какой-то водоворот и тщетно пыталась пробудить в себе остатки разума.

«Я не должна этого делать... Это нехорошо... если Жоффрей застигнет нас здесь...»

Потом все куда-то провалилось. Мужчина своими губами приоткрыл ее губы. Его горячее дыхание опалило ее и блаженным теплом разлилось по жилам. Закрыв глаза, она как бы растворилась в этом бесконечном поцелуе, в этой страсти и уже готова была перейти последний рубеж. Все ее существо было охвачено негой, ощущением, настолько новым для нее, настолько острым, что оно вдруг вызвало в ней протест и даже боль. Она резко вздрогнула и отпрянула от незнакомца.

Ей казалось, что сейчас она упадет без чувств или разрыдается. Она видела, как пальцы мужчины ласкают ее обнаженную грудь, которую он осторожно высвободил из корсажа во время поцелуя.

Анжелика отодвинулась от него и привела в порядок свое платье.

— Простите меня, — пробормотала она. — Вы, наверно, считаете, что я чересчур нервна, но я не знала... не знала...

— Сердце мое, чего же вы не знали?

И так как она молчала, он прошептал:

— Не знали, что поцелуй так сладок?

Анжелика поднялась и прислонилась к балясине беседки. Луна уже уплыла далеко в сторону и теперь желтела над рекой. Наверно, Анжелика находилась в саду несколько часов. Она была счастлива,

восхитительно счастлива. Если бы снова можно было пережить эти мгновения, все остальное не в счет.

— Вы созданы для любви, — прошептал трубадур. — Я понял это, едва коснувшись вашей кожи. Тот, кто сумеет разбудить ваше очаровательное тело, дарует вам величайшее наслаждение.

— Замолчите! Не нужно так говорить! Я замужем, и вы знаете это, а супружеская неверность — грех.

— Но еще больший грех, что такая красавица выбрала себе в мужа колченогого сеньора.

— Я не выбирала, он меня купил.

Но тут же Анжелика пожалела об этих словах, потому что они нарушили ее безмятежное счастье.

— Спойте еще, — умоляющим тоном попросила она — В последний раз, а потом мы расстанемся.

Он встал, чтобы взять гитару, и что-то в его походке показалось Анжелике странным, смутило ее. Она пригляделась внимательнее. И вдруг, сама не зная почему, почувствовала безотчетный страх.

Пока он пел, пел очень тихо, с какой-то непонятной тоской в голосе, Анжелика внимательно рассматривала его. Еще тогда, когда он целовал ее, ей на один миг что-то показалось в нем знакомым, и теперь она осознала, что именно: в его дыхании смешивались аромат фиалки и своеобразный запах табака... Граф де Пейрак тоже сосал фиалковые пастилки... И курил. Ужасное подозрение закралось в душу Анжелики... И только что, вставая за гитарой, он как-то неловко качнулся...

Она закричала сначала от испуга, а потом от гнева и, в Ярости ломая ветки жимолости, принялась топтать их ногами.

— Нет, это уж слишком, слишком... Это чудовищно... Снимите вашу маску, Жоффрей де Пейрак... Прекратите маскарад, иначе я выцарапаю вам глаза, задушу вас, я вас...

Песня резко оборвалась. Гитара издала скорбный звук и замолкла. Под бархатной маской сверкали белоснежные зубы графа де Пейрака — он хохотал.

Припадая на одну ногу, он подошел к Анжелике. Ее охватил ужас, но с еще большей силой — ярость.

— Я выцарапаю вам глаза, — прошипела она сквозь зубы.

Граф, продолжая смеяться, взял ее за руки.

— Что же тогда останется от ужасного хромого сеньора, если вы еще выцарапаете ему глаза?

— Как бесстыдно вы обманули меня! Вы убедили меня, что вы... Золотой... Золотой голос королевства.

— Но я и в самом деле Золотой голос королевства.

Совершенно сбитая с толку, она смотрела на него.

— А что в этом удивительного? У меня был неплохой голос. Я занимался с самыми прославленными итальянскими маэстро. В наши дни пение — это искусство, принятое в свете. Скажите честно, дорогая, разве вам не нравится мой голос?

Анжелика отвернулась и украдкой смахнула слезы досады, которые текли по ее щекам.

— Но как же получилось, что я до сих пор не догадывалась о вашем таланте, даже не подозревала о нем?

— Я просил, чтобы вам об этом не говорили. А может, вы и не слишком стремились обнаружить мои таланты?

— О, это уж слишком! — повторила Анжелика. Но вспышка гнева уже прошла, и ей самой вдруг захотелось смеяться.

И все-таки до какого же цинизма надо дойти, чтобы толкнуть ее на измену себе с самим собой! Он и впрямь дьявол во плоти! Самый настоящий дьявол!

— Я никогда не прощу вам эту омерзительную комедию, — сказала она, поджав губы и стараясь сохранить достоинство.

— А я обожаю разыгрывать комедии. Видите ли, моя дорогая, судьба не очень баловала меня, и надо мной столько насмеялись, что и я в свою очередь жажду посмеяться над другими.

Анжелика невольно с тревогой взглянула на его скрытое маской лицо.

— Значит, вы просто подшутили надо мной?

— Не совсем, и вы это отлично знаете, — ответил он.

Анжелика молча повернулась и пошла прочь.

Он тихо окликнул ее:

— Анжелика! Анжелика!

Он стоял на пороге беседки в таинственной позе итальянского Арлекина, прижимая палец к губам.

— Умоляю вас, сударыня, никому не рассказывайте об этом, даже своей любимой горничной. Если узнают, что я бросаю гостей, наряжаюсь трубадуром и надеваю маску ради того, чтобы сорвать поцелуй с уст собственной жены, меня высмеют.

— Вы невыносимы! — крикнула Анжелика.

Подобрав юбки, она бросилась бегом по песчаной аллее. И, только поднимаясь по лестнице, вдруг заметила, что смеется. В своей комнате она разделась, выдирая застёжки и в своем нетерпении исколов себе руки булавками. В постели она долго ворочалась с боку на бок. Тело ее пылало. Сон не шел к ней. Лицо в маске, лицо в шрамах, чеканный профиль — все это одно за другим мелькало перед ее глазами. Какая же загадка кроется в этом непонятном человеке? Ее то охватывало возмущение, то — тут же — воспоминание о наслаждении, которое она испытала в его объятьях, снова погружало ее в негу.

— Вы созданы для любви, сударыня... Наконец она уснула. Во сне она видела глаза Жоффрея де Пейрака, «освященные пламенем камина», видела, как в них танцуют огненные языки.

Глава 18

Анжелика сидела во дворце, в галерее с венецианскими окнами. Она не знала, как ей быть теперь, как держаться с Жоффреем де Пейраком. Она вернулась из домика на Гаронне утром, но еще не видела мужа. Клеман Тоннель сообщил ей, что мессир граф заперся с мавром Куасси-Ба в лаборатории, где он обычно занимается алхимией. Анжелика в досаде кусала губы. Жоффрей может просидеть там много часов. Впрочем, она и не жаждала его видеть. Ей все равно. Она еще не простила ему его вчерашнюю мистификацию.

Анжелика решила пойти на кухню, где в тот день разливали по бутылкам первую наливку. Стол Отеля Веселой Науки считался самым утонченным во всем Лангедоке. Жоффрей де Пейрак сам принимал участие в составлении меню для своих гостей, и Клеман Тоннель, который, бесспорно, был отличным дворецким, великолепно вел хозяйство.

Однако едва Анжелика вошла в кухню, пропитанную запахами апельсинов, аниса и ароматных специй, как вбежал запыхавшийся арапчонок с вестью, что прибыл мессир барон Бенуа де Фонтенак, архиепископ Тулузский, и хочет видеть госпожу и мессира графа.

Обычно гости приезжали не утром, а к вечеру, когда спадала жара. Кроме того, уже несколько месяцев, после какой-то очередной ссоры, когда его преосвященство обвинил графа в дурном влиянии на умы жителей Тулузы, архиепископ не бывал в доме графа де Пейрака.

Заинтригованная и несколько обеспокоенная Анжелика сняла фартук, который она только что приколола к корсажу, и поспешила в гостиную, на ходу взбивая волосы, которые у нее, согласно моде, длинными локонами спадали на кружевную пелеринку.

Она дошла до прихожей и увидела у входа высокую фигуру архиепископа в красной мантии с белыми брыжами.

Внизу, в саду, стояла карета с шестериком вороных, а вокруг Шумела свита архиепископа, его лакеи со шпагами на боку, пажи и знатные сеньоры верхом на лошадях.

Анжелика поспешно опустила на колени, чтобы приложиться к пастырскому перстню, но архиепископ поднял ее и поцеловал ей руку,

как бы давая понять этим светским жестом, что визит его неофициален.

— Прошу вас, сударыня, не надо, слишком большая почтительность только подчеркивает, насколько я стар по сравнению с вашей юностью.

— Ваше преосвященство, я лишь хотела выразить уважение, которое питаю к такому выдающемуся человеку, удостоенному высокого духовного сана самим его святейшеством папой Римским и даже самим богом...

Каждый раз, когда Анжелике приходилось произносить подобные слова, она невольно вспоминала сестру Анну, которая в монастыре вела уроки светского воспитания. Да, сейчас сестра Анна осталась бы довольна своей некогда слишком строптивой ученицей.

Прелат снял свою шапочку, перчатки, передал молодому аббату из своей свиты и жестом руки отослал его.

— Мои люди подождут меня во дворе. А мне бы хотелось, сударыня, побеседовать с вами вдали от нескромных ушей.

Анжелика бросила насмешливый взгляд на аббата, обвиненного в нескромности, и он залился краской.

В гостинной Анжелика распорядилась, чтобы принесли освежающие напитки, и попросила гостя извинить ее мужа за то, что он до сих пор не вышел. Она сейчас пошлет сказать ему.

— Я очень огорчена, что и сама заставила вас ждать. Я отлучилась на кухню, чтобы присмотреть за изготовлением наливки. Но я злоупотребляю вашим временем, ваше преосвященство, рассказывая вам о таких пустяках.

— Для господа бога нет пустячных дел. Вспомните историю служанки Марфы. В наши дни такая редкость, чтобы знатная дама сама вела хозяйство. А ведь именно от хозяйки зависит достойный тон дома и поведение слуг. Если же в ней, как в вас, графиня, к тому же сочетаются очарование Марии Магдалины и мудрость Марфы...

Однако голос архиепископа выдавал его рассеянность, и светская болтовня, судя по всему, не принадлежала к тем видам занятий, которые увлекали его. Несмотря на величественную осанку и подчеркнута прямой взгляд голубых глаз, в нем всегда сквозила какая-то подозрительность, и это смущало его собеседников. Однажды

Жоффрей де Пейрак в беседе заметил, что архиепископ обладает удивительным даром внушать человеку чувство вины.

Задумчиво потерев ладони, архиепископ сказал, что для него большая радость снова увидеться с молодой дамой, которая с того давнего дня, когда он венчал ее в соборе святого Северена, весьма редкая гостья в этом соборе.

— Я иногда вижу вас в церкви и могу только воздать вам хвалу за то, что вы усердно посещали службы во время поста. Но должен признаться, дочь моя, меня несколько разочаровало, что я не слышал вашего голоса в моей исповедальне.

— Я исповедуюсь капеллану монастыря визитандинок, ваше преосвященство.

— Он достойный пастырь, но, по моему мнению, сударыня, ваше положение в обществе...

— Простите, ваше преосвященство, — рассмеялась Анжелика, — но я вам объясню, чем я руководствуюсь: мои прегрешения слишком незначительны, так зачем же я буду отнимать время для исповеди у такой особы, как вы, — мне было бы неловко.

— Мне кажется, дитя мое, вы неверно понимаете самую суть таинства исповеди. Не грешнику судить о тяжести его проступков. Городская молва доносит до меня слухи об оргиях, которые устраивают в этом дворце, и, на мой взгляд, молодая и прелестная женщина едва ли может остаться здесь столь же невинной, как в день своего крещения.

— Я и не притязаю на это, ваше преосвященство, — прошептала Анжелика, опустив глаза, — но думаю, что молва преувеличивает. Да, это верно, праздники во дворце бывают веселые. Здесь слагают стихи, поют, пьют вино, говорят о любви, много смеются. Но я ни разу не сталкивалась с распутством, которое возмутило бы мою совесть...

— Пусть я останусь в убеждении, что вы скорее наивны, чем лицемерны, дитя мое. Слишком юной отдали вас в руки супругу, чьи речи не раз были близки к ереси, а его хитрость, его богатый опыт общения с женщинами позволили ему без труда ввести в заблуждение вашу податливую еще душу. Возьмем хотя бы печально знаменитые диспуты о любви, которые он ежегодно устраивает в своем дворце и на которые собираются не только знатные тулузские сеньоры, но и жены именитых горожан и юные дворяне со всей провинции, и я

содрогаюсь, я дрожу от ужаса, видя, как он благодаря своему богатству с каждым днем оказывает все большее влияние на город. Главные капитулы — а они, как вы знаете, являются консулами наших провинций, — эти суровые и неподкупные магистраты, обеспокоены тем, что их супруги посещают Отель Веселой Науки.

— Не поймешь этик людей, — проговорила Анжелика, делая вид, что она задета, — я вечно слышу разговоры о том, что богатые горожане, наоборот, стремятся быть принятыми в кругу высшего дворянства в ожидании дня, когда король в своей милости пожалует и им дворянский титул. Мой муж не кичится ни своим гербом, ни древностью рода Он принимает всех — и мужчин и женщин, лишь бы они не были глупы. И то, что господа капитулы выражают недовольство, меня просто удивляет.

— Прежде всего — душа! — прогремел архиепископ, словно проповедуя с кафедры. — Прежде всего — душа, сударыня, а уж потом титулы.

— И вы действительно думаете, что моей душе и душе моего мужа угрожает серьезная опасность, ваше преосвященство? — спросила Анжелика, широко раскрыв свои глаза цвета морской волны.

Анжелика покорно выполняла все, что церковь требовала от женщин ее круга — посещала службы, постилась, исповедовалась, причащалась, — но, от природы обладая здравым смыслом, она яростно бунтовала, когда сталкивалась с ее деспотизмом.

Сейчас же, сама не зная почему, она чувствовала, что архиепископ неискренен.

Опустив веки, положив руку на свой усыпанный брильянтами и аметистами крест, архиепископ, казалось, погрузился в раздумье, стараясь отыскать в глубинах своей души ответ всевышнего.

— Разве я могу это знать? — вздохнул он наконец. — Я не знаю ничего. Все, что происходит в этом дворце, долгое время оставалось для меня тайной, и с каждым днем тревога моя все возрастает.

Неожиданно он спросил:

— Сударыня, а вы осведомлены об опытах вашего супруга в области алхимии?

— Нет, не осведомлена, — невозмутимо ответила Анжелика. — Граф де Пейрак увлечен наукой, но...

— Говорят даже, он крупный ученый.

— Я верю в это. Он по многу часов проводит в своей лаборатории, но ни разу не пригласил меня заглянуть туда. По-видимому, он считает, что подобные вещи не могут интересовать женщин.

Она раскрыла свой веер и поднесла его к лицу, чтобы скрыть улыбку, а может быть, и замешательство, в которое приводил ее пристальный взгляд архиепископа.

— Изучать человеческие души — моя обязанность, — сказал он, словно угадав ее смущение. — Но пусть вас это не беспокоит, дочь моя. Я вижу по вашим глазам, что вы честны и прямодушны и, несмотря на свой юный возраст, характера незаурядного. А вашему супругу еще, может быть, не поздно раскаяться в своих прегрешениях и отказаться от ереси.

Анжелика даже вскрикнула от возмущения.

— Ваше преосвященство, клянусь, вы заблуждаетесь! Возможно, мой муж не является примерным католиком, но его совершенно не интересует ни Реформация, ни прочие гугенотские ереси. Я даже слышала, как он насмеялся над этими «мрачными бородачами из Женевы», на которых, по его словам, небо возложило миссию отбить у человечества охоту смеяться.

— Лживые слова, — мрачно изрек прелат. — Разве в доме у него, у вас, сударыня, не бывают постоянно самые ярые протестанты?

— Но это ученые, с которыми он беседует о науке, а не о религии.

— Наука и религия тесно связаны. Недавно мне сообщили, что у него был с визитом небезызвестный итальянец Берналли. А знаете ли вы, что этот человек после конфликта с Римом из-за своих святотатственных сочинений бежал в Швейцарию, где перешел в протестантскую веру? Впрочем, не будем задерживаться на этих доказательствах прискорбного, с моей точки зрения, состояния духа. Но есть один вопрос, который интересует меня уже много лет. Граф де Пейрак очень богат, и с каждым годом богатство его возрастает. Откуда у него столько золота?

— Но, ваше преосвященство, разве он не принадлежит к одному из древнейших родов Лангедока, к тому же породнившемуся со старинным родом графов Тулузских? А графы Тулузские были в Аквитании столь же могущественны, сколь в свое время короли в Иль-де-Франсе?

Архиепископ презрительно усмехнулся.

— Это верно. Но ветви генеалогического древа ни дают богатства. Родители вашего супруга были настолько бедны, что великолепный замок, где вы сейчас царите, лет пятнадцать назад начал превращаться в развалины. Граф де Пейрак никогда не рассказывал вам о своей юности?

— Н-нет, — тихо ответила Анжелика, сама удивляясь своей неосведомленности.

— Он младший сын в семье и, повторяю вам, был так беден, что в шестнадцать лет отправился в плавание в дальние страны. Долгие годы от него не было никаких вестей, и все уже считали, что он где-нибудь сложил свою голову, как вдруг он вернулся. Его родители и старший брат к тому времени умерли, кредиторы забрали родовые земли. Он все выкупил, и с тех пор его богатство все растет. А ведь он не получает никакой пенсии от короля, его никогда не видели при дворе, и он даже подчеркивает свое нежелание там бывать.

— Но у него много земель, — сказала Анжелика, чувствуя, что ей становится трудно дышать, возможно, из-за все усиливающейся жары, — а в горах пастбища, где пасутся стада овец, которые дают шерсть, и большая мастерская, где из этой шерсти ткут материю, у него оливковые и тутовые плантации, прииски, где он добывает золото и серебро.

— Вы не оговорились, золото и серебро?

— Да, ваше преосвященство, граф де Пейрак владеет во Франции приисками, на которых, как он утверждает, добывают много золота и серебра...

— Сударыня, вы употребили совершенно правильный глагол, — медовым голосом заметил прелат. — Он именно утверждает, что добывает там золото и серебро... Вот это я и хотел услышать. Ужасное предположение подтверждается.

— Что вы хотите сказать этим, ваше преосвященство? Вы меня пугаете.

Архиепископ Тулузский снова устремил на нее взгляд своих слишком ясных глаз, которые порой становились холодными как сталь, и медленно проговорил:

— Я не сомневаюсь, сударыня, что ваш супруг — один из крупнейших ученых нашего времени, и именно потому подозреваю,

что он действительно нашел философский камень, то есть открыл секрет, которым владел царь Соломон, секрет превращения металла в золото. Но каким путем он достиг этого? Я очень опасаясь, что ради достижения такого могущества он вступил в сделку с самим дьяволом.

Анжелика снова прикрыла веером лицо, с трудом сдерживая смех. Она ждала намека на торговлю, которую вел граф и о которой она знала по рассказам Молина и отца; она беспокоилась, зная, что коммерция — недостойное занятие для дворянина, и это могло бросить тень на имя графа. Но нелепое обвинение архиепископа, который как будто слыл человеком большого ума, показалось ей сначала чрезвычайно смешным. Но может быть, он пошутил?

Мысли Анжелики невольно обратились к прошлому, и она вдруг вспомнила, что Тулуза — французский город, в котором инквизиция еще сохраняет свою власть. Чудовищный суд инквизиции над еретиками, который в прежние века свирепствовал повсюду, еще существовал в Тулузе, и его прерогативы не осмеливался оспаривать даже сам король.

Тулуза, этот веселый город, был также городом кровавым, именно здесь за последние сто лет умертвили гугенотов больше, чем в каком-либо другом городе Франции. Еще задолго до Парижа здесь была своя Варфоломеевская ночь. В Тулузе особенно часто устраивались всевозможные религиозные церемонии. Это был воистину «звонящий остров», где колокола, не умолкая, созывали верующих на молитву, город, утопающий не только в цветах, но и в распятиях, святых образках, мощах. Пламя костров испанской инквизиции испепелило истинно латинский дух, занесенный сюда римскими завоевателями. Наряду с такими легкомысленными братствами, как «Властелины любви» и «Вожаки юности», которые славились своими веселыми проделками, на улицах города можно было встретить процессии флагеллантов — с горящими глазами фанатиков они истязали себя хлыстами и терниями, обагрив своей кровью булыжную мостовую.

Анжелика, захваченная вихрем развлечений, не обращала внимания на эту сторону жизни Тулузы. Но она знала, что именно архиепископ, вот этот самый человек, что сидит сейчас перед ней в высоком, обитом штофом кресле и попивает ледяной лимонад, и есть Великий инквизитор Тулузы.

Вот почему у нее действительно дрогнул голос, когда она тихо спросила:

— Надеюсь, ваше преосвященство, вы не собираетесь обвинить моего мужа в колдовстве?.. Ведь добыча золота — занятие не столь редкое в нашей стране, которую бог так щедро одарил, рассыпав его в чистом виде по земле!

И она лукаво добавила:

— Я слышала, что у вас тоже есть золотоискатели, они промывают в корзинах гравий из Гаронны и зачастую приносят золотой песок и самородки, которые вы жертвуете на благотворительные цели...

— Ваши слова не лишены здравого смысла, дочь моя. Но именно потому, что я знаю, сколько добывается золота на приисках, я вправе утверждать следующее: даже если промыть гравий всех рек и ручейков Лангедока, все равно не собрать и половины того золота, которым, судя по всему, владеет граф де Пейрак. Я прекрасно информирован, поверьте мне, «В этом я не сомневаюсь, — подумала Анжелика. — И впрямь махинации с испанским золотом ведутся уже давно...»

Взгляд голубых глаз подстерегал, не выдаст ли она свою растерянность. Анжелика немного нервным жестом захлопнула веер.

— Ученый — не обязательно пособник дьявола. Ведь говорят же, что при дворе есть ученые, которые установили подзорную трубу и разглядывают через нее небесные светила и горы на луне, и дядя короля, герцог Гастон Орлеанский, ведет эти наблюдения под руководством аббата Пикара?

— Да, это так, и я даже знаком с аббатом Пикаром. Он не только астроном, но и главный геометр короля.

— Вот видите...

— Церковь, сударыня, обладает широтой взглядов. Она разрешает вести всевозможные научные исследования, даже столь смелые, как те, что ведет упомянутый вами аббат Пикар. Я скажу еще больше. В архиепископстве под моим началом работает один ученый монах-францисканец, некий Беше. Он уже многие годы занимается проблемой превращения металла в золото, но он получил на это благословение мое и самого Рима. Не скрою, пока его труды обходятся мне очень дорого, особенно много денег ушло на особые ингредиенты, которые мне приходится заказывать в Испании и Италии. Этому

человеку ведомы все самые древние правила его ремесла, и он утверждает, что для достижения успеха необходимо просветление свыше, то есть просветление, ниспосланное богом или сатаной.

— И он достиг успеха?

— Пока еще нет.

— Бедняга! Несмотря на ваше высокое покровительство, к нему плохо относятся и бог и сатана.

Анжелика прикусила губу, тут же пожалев о своей язвительной реплике. У нее было такое чувство, будто она задыхается, и она готова была нести любую чепуху, лишь бы выйти из этого состояния. Разговор казался ей столь же глупым, сколь и опасным.

Она повернулась к двери в надежде услышать в галерее характерные шаги мужа и вздрогнула, увидев его самого:

— Как, вы здесь?

— Я только что вошел, — ответил граф и обратился к архиепископу. — С моей стороны было непростительно, сударь, заставить вас ждать так долго. Не скрою, мне доложили о вашем прибытии около часу назад, но я не мог остановить очень тонкий процесс в одной из реторт.

Граф де Пейрак так и пришел в своем длинном, до пят, балахоне алхимика, похожем на широкую рубаху, на которой вышитые знаки Зодиака смешивались с разноцветными пятнами от кислот. Анжелика была уверена, что он нарочно не снял халат и нарочно, обращаясь к архиепископу Тулузскому, назвал его «сударь», подчеркнув тем самым, что говорит с ним как с бароном Бенуа де Фонтенаком, то есть как равный с равным.

Граф знаком подозвал слугу, находившегося в прихожей, чтобы тот помог ему снять балахон.

После этого он подошел к прелату и поклонился. Луч солнца осветил его темные волосы с крупными блестящими локонами, за которыми он тщательно следил, и они могли бы с успехом соперничать с лучшими парижскими париками, начинавшими тогда входить в моду.

«У него самые красивые волосы на свете», — подумала Анжелика.

Ее сердце трепетно забилось, хотя она и не хотела себе в этом признаться. В памяти всплыла вчерашняя сцена.

«Это не правда, — снова упрямо повторила она. — Пел кто-то другой. О, я ему никогда этого не прощу!»

Тем временем граф де Пейрак приказал придвинуть высокий табурет и сел около Анжелики, чуть позади нее.

Она не видела мужа, но до нее доходил аромат его дыхания, который сейчас напоминал ей только одно — то сладостное мгновение. К тому же она инстинктивно чувствовала, что Жоффрей де Пейрак, обмениваясь незначительными фразами с архиепископом, не отказывает себе в удовольствии взглядом ласкать затылок и плечи своей молодой жены и, более того, что его взгляд дерзко погружается в манящую глубину корсажа, скрывающего ее безупречную грудь, которой граф любовался накануне.

Это был словно вызов прелату, который слыл непреклонным в своей добродетели.

И в самом деле, архиепископ Тулузский, хотя и унаследовал сан от одного из своих дядей, все же пожелал еще принять монашество, чтобы, возложив на свои плечи ответственность за управление одной из крупнейших епархий Франции, стать также истинным пастырем верующих. И именно потому, что его безупречная жизнь могла служить примером благочестия, он был особенно опасен.

Анжелику так и подмывало обернуться к мужу и умоляюще сказать ему: «Прошу вас, будьте осторожны».

И в то же время мысли ее были заняты другим: она наслаждалась этим безмолвным выражением чувств. Ей хотелось, чтобы он коснулся ее девичьей кожи, не знавшей ласки, она жаждала поцелуя, который погрузил бы ее в негу. Анжелика сидела очень прямо, даже немного напряженно, и чувствовала, как у нее начинают пылать щеки. Она твердила себе, что ее страхи нелепы и в поведении графа нет ничего, что могло бы раздражить архиепископа, — ведь она, в конце концов, жена графа де Пейрака и по закону принадлежит ему. И ее вдруг охватило желание действительно принадлежать ему, забыться, закрыть глаза и довериться его объятиям. Ее волнение наверняка не ускользнуло от графа, и он, верно, посмеивается над нею. «Он играет со мной как кошка с мышкой. Он мстит мне за то, что я пренебрегла им», — в растерянности думала она.

Чтобы скрыть свое смятение, она подозвала арапчонка, который прикорнул на подушке в углу комнаты, и приказала ему принести бонбоньерку. Когда мальчик принес ящичек из черного дерева с перламутровыми инкрустациями, наполненный орехами, засахаренными фруктами, драже с изюмом и розовым сахаром, Анжелика уже взяла себя в руки и теперь стала следить за разговором мужчин с большим вниманием.

— Нет, сударь, — говорил де Пейрак, с беспечным видом жуя пастилку с запахом фиалок, — не думайте, что я занялся наукой с целью овладеть тайнами, которые дали бы мне власть и могущество. Просто меня всегда влекло к знаниям. И если бы, к примеру, мне не удалось разбогатеть, я бы попытался получить должность смотрителя королевских вод. Вы, вероятно, не представляете себе, насколько Франция отстала в таких вопросах, как искусственное орошение, откачивание воды насосами... Римляне были в десять раз более сведущи, чем мы, а когда я путешествовал по Египту и Китаю...

— Я знаю, граф, что вы очень много путешествовали. А вы не бывали в тех странах Востока, где еще не утрачены секреты волхвов?

Жоффрей де Пейрак рассмеялся.

— Бывал, но волхвов там не встречал. Магия — не мое призвание. Ее я оставляю вашему мужественному и наивному Беше.

— Беше все время спрашивает, когда же вы разрешите ему присутствовать хотя бы при одном из ваших опытов и стать вашим учеником?

— Сударь, я не школьный учитель. Но даже если бы я был им, я, уверяю вас, не подпускал бы к науке людей ограниченный.

— Но этот монах слывет человеком тонкого ума.

— В схоластике — возможно, но в науке, где требуется умение наблюдать, он ничтожество: он видит вещи не такими, каковыми они являются на самом деле, а такими, какими они представляются ему. На мой взгляд, это человек неумный и ограниченный.

— Пусть так, это ваша точка зрения, я же недостаточно разбираюсь в мирских науках, чтобы судить, насколько ваша антипатия к нему обоснованна. Но не забывайте, что монах Беше, которого вы считаете человеком невежественным, написал замечательную книгу по алхимии, она вышла в 1639 году, и мне, кстати, с трудом удалось добиться от Рима разрешения на ее издание.

— Если это воистину научный труд, то для него неважно, одобрен он церковью или нет, — довольно сухо заметил граф.

— Разрешите мне остаться при ином мнении. Разве дух церкви не простирается на всю природу и все ее явления?

— Я не вижу причины, почему это должно быть так. Вспомните, монсеньор, слова господина бога: «Воздайте кесарю кесарево». Кесарь — внешняя власть людей, но также и внешняя власть вещей. Этими словами Сын Божий захотел утвердить независимость души и религии от материального мира, и я не сомневаюсь, что сюда относится и отвлеченная наука.

Прелат покачал головой, и его тонкие губы вытянулись в приторной улыбке.

— Восхищаюсь вашей диалектикой. Она достойна великих традиций и показывает, что вы прекрасно усвоили теологию, которой обучались в университете нашего города. Однако именно на эту область и простирает свой суд высшее духовенство, чтобы покончить со спорами, ибо ничто так не походит на здравый смысл, как его отсутствие.

— Эта фраза в ваших устах, монсеньор, в свою очередь, вызывает у меня восхищение. Действительно, если речь идет о вопросах, не касающихся непосредственно церкви, то есть не о догмате или нравственных устоях, то я убежден, что должен опираться в науке на опытные данные, а не на всевозможные логические уловки. Другими словами, я должен довериться методам наблюдения, изложенным Бэконом в его «Новом Органоне», вышедшем в 1620 году, а также указаниям, данным математиком Декартом, чьи «Рассуждения о методе» останутся краеугольным камнем философии и математики...

Анжелика видела, что имена этих двух ученых почти ничего не говорили архиепископу, хотя он и слыл эрудированным человеком. Она волновалась, как бы спор не принял более острый характер, ведь Жоффрей не станет церемониться с архиепископом.

«И что у мужчин за страсть спорить о всяких пустяках?» — подумала она. Больше всего ее страшило, как бы архиепископ ловкими маневрами не завлек графа в западню.

На этот раз слова Жоффрея де Пейрака, казалось, задели архиепископа — его бледные, чисто выбритые щеки вспыхнули

румянцем, он опустил веки, и на лице его появилось выражение надменного коварства, которое напугало Анжелику.

— Мессир де Пейрак, — сказал он, — вы говорите о власти, о власти над людьми, о власти над вещами. Неужели вам никогда не приходило в голову, что ваше поразительное преуспевание в жизни может многим показаться подозрительным и особенно насторожить неусыпную бдительность церкви? Ваше богатство, которое возрастает с каждым днем, ваши работы, которые привлекают к вам ученых, поседевших над книгами... В прошлом году я беседовал с одним немецким математиком. Он недоумевал, как вам удалось, словно играючи, разрешить столь сложные проблемы, над которыми тщетно бились крупнейшие умы нашего времени. Вы говорите на двенадцати языках...

— Пико дела Мирандола, живший полтора века назад, знал восемнадцать языков.

— У вас великолепный голос, который заставляет бледнеть от зависти великого итальянского певца Марони, вы с легкостью пишете стихи и в совершенстве владеете искусством — простите меня, сударыня! — покорять женские сердца...

— А как же это?

Анжелика догадалась, что муж показал рукой на свою изуродованную щеку, и у нее сжалось сердце.

На мгновение архиепископ смутился, но тут же с раздражением бросил:

— А-а! Уж не знаю как, но вам удастся заставить их забыть об этом. У вас слишком много талантов, поверьте мне.

— Ваша обвинительная речь удивляет меня и беспокоит, — медленно проговорил граф. — Я даже не предполагал, что вызываю такую зависть. Ведь мне-то казалось, что, наоборот, я обижен судьбой.

Он склонился к архиепископу, и глаза его вдруг заблестели, словно в предвкушении хорошей шутки:

— А знаете ли вы, монсеньор, что я в некотором роде мученик-гугенот?

— Вы? Гугенот? — в ужасе вскричал прелат.

— Я сказал — в некотором роде. Вот моя история. Когда я родился, моя мать отдала меня кормилице, которую она выбрала, руководствуясь не вероисповеданием, а величиной ее груди.

Кормилица же была гугенотка. Она увезла меня в Севенны, в свою деревню, над которой возвышался замок мелкого сеньора-гугенота. А неподалеку, как водится, был замок другого сеньора, католика, и рядом — католические деревушки. Не знаю, с чего все началось, мне было три года, когда произошла схватка между католиками и гугенотами. Моя кормилица и другие женщины из ее деревни спрятались в замке дворянина-гугенота. Ночью католики взяли этот замок штурмом. Всех, кто там прятался, убили, а замок подожгли. Меня же, полоснув трижды по лицу саблей, выбросили в окно с третьего этажа прямо в снег. Снег и спас меня от горящих веток, которые падали вокруг. Наутро один из католиков, придя в замок, чтобы поживиться чем-нибудь — а он знал, что я сын тулузского сеньора, — увидел меня, подобрал и сунул в корзину, что была у него за спиной, вместе с моей молочной сестрой Марго, единственной из местных жителей, уцелевшей после резни. Нашего спасителя в пути несколько раз застигали снежные бураны, и он с трудом добрался до долины. Когда он пришел в Тулузу, я был еще жив. Моя мать раздела меня, вынесла на солнечную террасу и запретила врачам приближаться ко мне, заявив, что они могут только доконать меня. Так я и лежал несколько лет на солнце. Только к двенадцати годам я начал ходить. А в шестнадцать я уже уплыл на корабле. Вот каким образом я сумел столько всего узнать. Сначала мне помогла болезнь и вынужденная неподвижность, затем — путешествия. И в этом нет ничего подозрительного.

Помолчав, архиепископ задумчиво проговорил:

— Ваш рассказ объясняет многое. Теперь меня не удивляет ваша симпатия к гугенотам.

— Я не испытываю симпатии к гугенотам.

— Ну, тогда скажем — ваша антипатия к католикам.

— Я не испытываю антипатии к католикам. Я, сударь, человек несовременный, и мне трудно жить в наш век нетерпимости. Мне следовало бы родиться на век или на два раньше, в эпоху Возрождения — даже название больше ласкает слух, чем Реформация, — когда французские бароны открывали для себя Италию и благодаря ей блистательное наследие античного мира: Рим, Грецию, Египет, библейские земли...

Барон де Фонтенак едва заметно встрепенулся, и это не ускользнуло от Анжелики.

«Он все-таки завел его туда, куда хотел», — мелькнула у нее мысль.

— Поговорим о библейских землях, — мягко начал архиепископ. — Ведь сказано же в писании, что царь Соломон был одним из первых волхвов и уплыл на корабле в Офир, где вдали от нескромных глаз превратил простые металлы в драгоценные? Писание гласит, что он вернулся на кораблях, нагруженных золотом.

— Священное писание гласит также, что, вернувшись, царь Соломон удвоил налоги, что свидетельствует о том, что он привез не так уж много золота, а главное — не знал, когда сможет снова пополнить свои запасы. Если бы царь Соломон действительно нашел способ получать золото, он не стал бы ни увеличивать налоги, ни посылать корабли в Офир.

— Возможно, в своей мудрости он не пожелал раскрывать своим подданным тайны, которыми они могли бы злоупотребить.

— А я скажу больше: царь Соломон не мог знать секрета превращения металлов в золото, потому что такое превращение невозможно. Алхимия не наука, это просто зловещий фарс, выдуманный в прошлые века. Придет время, и над этим будут смеяться, потому что никто никогда не сможет превратить никакой металл в золото.

— А я вам скажу, — бледнея, воскликнул архиепископ, — что собственными глазами видел, как Беше окунул оловянную ложку в приготовленный им состав и, когда вынул ее, она превратилась в золотую.

— Она не превратилась в золотую, а просто покрылась слоем золота. Если бы ваш простофиля взял на себя труд слегка поцарапать верхний слой, он обнаружил бы под ним олово.

— Совершенно верно, но Беше утверждает, что это начало превращения, первая стадия феномена.

Наступило молчание. Рука графа скользнула по подлокотнику кресла, в котором сидела Анжелика, и коснулась ее запястья.

— Если вы уверены, — небрежным тоном сказал граф, — что ваш монах нашел волшебную формулу, о чем же вы пришли просить у меня сегодня?

Архиепископ и глазом не моргнул.

— Беше убежден, что вы владеете главным секретом, который позволит довести этот процесс до конца.

Граф звонко расхохотался.

— Никогда еще я не слышал более забавного утверждения. Неужели бы я стал тратить время на такие глупые поиски? Бедняга Беше, я охотно оставляю ему все волнения и все чаяния, которые может принести эта его лженаука, и...

Страшный грохот, подобный удару грома или пушечному выстрелу, не дал ему договорить. Жоффрей де Пейрак, побелев, вскочил.

— Это... это в лаборатории. Боже мой, только бы не убило Куасси-Ба.

И он торопливо бросился к двери.

Архиепископ поднялся во весь рост с видом вершителя правосудия. Он молча смотрел на Анжелику.

— Я уезжаю, сударыня, — сказал он наконец. — Мне кажется, в этом доме одно мое присутствие вызывает ярость сатаны. Позвольте мне удалиться.

И он широким шагом направился к выходу. Послышалось щелканье кнутов, крики кучера, и карета архиепископа выкатилась через главные ворота.

Оставшись одна, ошеломленная Анжелика вытерла платочком выступивший на лбу пот. Разговор между архиепископом и мужем, который она слушала с большим волнением, привел ее в замешательство. Она твердила себе, что ей смертельно надоели все эти споры о боге, о царе Соломоне, о ереси и о магии. Но тут же она упрекнула себя в богохульных мыслях и раскаялась в них. В конце концов она пришла к выводу, что мужчины невыносимы со своими разглагольствованиями и, наверно, они надоели даже самому богу.

Глава 19

Анжелика стояла в нерешительности, не зная, как поступить. Ей хотелось бежать в то крыло замка, откуда донесся грохот взрыва. Жоффрей явно был не на шутку взволнован. Может, кого-нибудь ранило?.. И все-таки она осталась в гостинной. Граф окружил свою работу такой таинственностью, что она поняла — это та единственная область, куда он не допускает любопытствующих профанов. Даже архиепископу он неохотно дал весьма сухие объяснения лишь из уважения к сану гостя. И, конечно же, его объяснения не рассеяли подозрений прелата.

Анжелика вздрогнула. «Колдовство!» Она огляделась. Нет, в этом уютном, очаровательном доме такое обвинение звучало как недобрая шутка. Но, конечно, многое, что происходит в этих стенах, оставалось еще загадкой для нее.

«Я пойду туда, посмотрю, — решила Анжелика. — И если он рассердится, тем хуже».

Но в этот момент она услышала шаги мужа, и вскоре он вошел в гостиную. Руки у него были в саже, однако он улыбался.

— Слава богу, ничего серьезного. У Куасси-Ба лишь несколько царапин. Он спрятался под стол, и я сначала подумал, что его выбросило взрывом в окно. Но потери велики. Самые ценные мои реторты из особого богемского стекла разлетелись вдребезги, ни одна не уцелела.

По знаку графа два пажа поднесли ему тазик и золотой кувшин с водой. Он вымыл руки и щелчком расправил кружева на манжетах.

Анжелика набралась наконец храбрости:

— Жоффрей, но разве так уж необходимо убивать столько времени на эти опасные опыты?

— Золото необходимо, чтобы жить, — ответил граф и широким жестом обвел гостиную, как бы приглашая ее взглянуть на роскошную обстановку, на деревянный потолок, который недавно по его указанию заново покрыли позолотой. — Но главное не в этом. Работа доставляет мне такое наслаждение, какого не может мне дать ничто другое. В ней, — цель моей жизни.

У Анжелики дрогнуло сердце, словно своими словами он в чем-то обездолил ее. Но, заметив, что муж внимательно наблюдает за ней, она постаралась принять равнодушный вид. Он улыбнулся.

— Это единственная цель моей жизни, если не считать мечты завоевать вас, — закончил он, склонившись в глубоком светском поклоне.

— Я не собираюсь соперничать с вашими колбами и ретортами, — с излишней поспешностью отпарировала Анжелика. — Но признаться, меня действительно встревожили слова его преосвященства.

— В самом деле?

— А разве вы не почувствовали в них скрытую угрозу?

Граф ничего не ответил. Прислонившись к окну, он задумчиво смотрел на плоские крыши города, так тесно прижавшиеся друг к другу, что их круглые черепицы образовали сплошной красно-лиловый огромный ковер.

Справа от дворца высокая Ассезская башня с фонарем напоминала о процветании торговли вайдой, поля которой еще можно было увидеть в окрестностях Тулузы. В течение многих веков вайду выращивали в большом количестве, так как ее цветок был единственным натуральным Красителем, и он обогатил ремесленников и торговцев Тулузы.

Муж молчал, и Анжелика снова села в свое кресло, а арапчонок принес ей плетеную корзинку, в которой переливались разными цветами шелковые нитки для вышивания.

После вчерашнего праздника во дворце было тихо и спокойно. Анжелика подумала, что за обедом она окажется наедине с графом де Пейраком, если только не придет вездесущий Бернар д'Андижос...

— Вы заметили, — неожиданно обратился к ней граф, — как искусно вел разговор наш Великий инквизитор? Он начал с высоких нравственных устоев, мимоходом упомянул об «оргиях» в Отеле Веселой Науки, коснулся моих путешествий, а от них подвел нас к царю Соломону. Короче, вывод из всего этого можно сделать такой: мессир барон Беиуа де Фонтенак, архиепископ Тулузский, просит меня раскрыть ему секрет производства золота, иначе он сожжет меня как колдуна на Саленской площади.

— Мне тоже почудилась в его словах угроза, — встревоженно сказала Анжелика. — Вы думаете, он и впрямь верит, что вы вступили в сговор с дьяволом?

— Он? Нет. Это он предоставляет своему наивному Беше. Архиепископ — человек слишком рассудительный и отлично меня знает. Но он все же убежден, что мне известен секрет изготовления с помощью науки золота и серебра. И он хочет узнать его, чтобы воспользоваться им.

— Какой низкий человек! — воскликнула Анжелика. — А ведь он выглядит таким достойным, преисполненным веры, великодушным...

— Так оно и есть. Все его состояние уходит на благотворительность. Каждый день у него бывают бесплатные обеды для неимущих чиновников. Кажется, он содержит пожарную команду и приют для сирот. Он весь проникнут сознанием величия божьего и желанием спасти души людские. Но в нем сидит демон, демон властолюбия. Он скорбит о том времени, когда всемогущим властелином города и даже всей провинции был архиепископ, который с жезлом в руке вершил правосудие, карал и вознаграждал. И вот теперь, когда он видит, как рядом с его собором процветает Отель Веселой Науки, влияние которого все растет, он восстает против этого. Он понимает, что если так будет продолжаться, то через несколько лет, моя дорогая Анжелика, господствовать в Тулузе будет ваш супруг, граф де Пейрак. Золото и серебро дают власть, а тут еще она попадет в руки пособника сатаны! Вот почему его преосвященство так решителен. Либо мы разделим с ним власть, либо...

— Что же будет?

— Не пугайтесь, дружок. Конечно, интриги архиепископа Тулузского могут иметь для нас роковые последствия, но я все же не вижу причины считать, что это неизбежно. Он раскрыл свои карты. Ему нужен секрет изготовления золота. Хорошо, я охотно поделюсь с ним этим секретом.

— Значит, он вам известен? — прошептала Анжелика.

— Давайте сразу уточним. Я не знаю никакой магической формулы, с помощью которой можно было бы создать золото. Ведь моя цель не только в том, чтобы добыть себе богатство, но в том, чтобы заставить работать на себя силы природы.

— Но разве сама эта мысль в какой-то степени не еретична, как сказал бы его преосвященство?

Жофfrey расхохотался.

— Я вижу, вас здорово напичкали церковными догмами. Но и вы начинаете разрывать всю эту паутину несостоятельных аргументации. Увы, должен признать, что разобраться во всем не так-то просто. Ведь даже в прежние века церковь не отлучала мельников, которые приводили в действие жернова при помощи воды или ветра. А вот если я сейчас вздумаю установить где-нибудь в окрестностях Тулузы на холме такую паровую машину, какой я оснастил ваш рудник Аржантьер, духовенство объявит мне войну! Хотя оттого, что я поставлю стеклянный или глиняный сосуд на кузнечный гори, едва ли в него немедленно заберется Люцифер...

— Надо сказать, что сегодняшней взрыв был весьма внушительен. Его преосвященство очень взволновался и, по-моему, на сей раз искренне. Вы подстроили все нарочно, чтобы вывести его из себя?

— Нет. Это моя промашка. Я пересушил препарат гремучего золота, полученный из пластинчатого золота, растворенного в царской водке, и осажженный затем аммиаком. В этом процессе не было никакого самозарождения.

— А что это такое — аммиак?

— Это вещество, которое арабы производят с незапамятных времен и называют его *alcali volatil*. Один из моих друзей, ученый испанский монах, недавно прислал мне целую бутылку аммиака. В случае нужды я мог бы и сам приготовить его, но это долгий процесс и, чтобы не задерживать опыты, я, когда можно найти необходимые ингредиенты в готовом виде, предпочитаю их покупать. Недостаток чистых ингредиентов очень задерживает развитие науки, которую такие дураки, как монах Беше, называют химией в противовес алхимии. Для них алхимия — наука наук, а на самом деле это невразумительная мешанина из витальных флюидов, религиозных формул и бог его знает чего еще. Но я наскучил вам...

— Нет, уверяю вас, — с горящими глазами возразила Анжелика.
— Я готова вас слушать часами.

Он усмехнулся, и шрамы на его левой щеке придали его усмешке какую-то, особую иронию.

— Забавно устроена ваша головка! У меня никогда и в мыслях не было говорить о подобных вещах с женщиной. Но мне тоже нравится разговаривать с вами. Мне кажется, вы способны все понять. И в то же время... Ведь, когда вы приехали в Лангедок, вы готовы были поверить, что я во власти каких-то темных сил, не так ли? Я по-прежнему внушаю вам ужас?

Анжелика почувствовала, что заливаается краской, но мужественно выдержала его взгляд.

— Нет. Я еще не вполне понимаю вас, и, мне кажется, это оттого, что вы ни на кого не похожи, но я вас больше не боюсь.

Прихрамывая, он подошел к табурету за ее спиной, на котором сидел во время визита архиепископа. Порой он с дерзким вызовом выставлял напоказ свое обезображенное лицо, не страшась яркого света, но бывали минуты, когда он прятался в тени, во мраке. И тогда в его голосе появлялись какие-то совсем новые интонации, словно сердце Жоффрея де Пейрака, вырвавшись из его изуродованного тела, могло наконец свободно выражать свои чувства.

Анжелика не видела, но ощущала близкое присутствие этого «человека в красном», который некогда так напугал ее. Он остался таким же, каким был, но она смотрела на него уже совсем другими глазами. Она готова была с тревогой в голосе задать ему извечный женский вопрос: «Вы меня любите?»

Но вдруг в ней всколыхнулась гордость. Она вспомнила, каким тоном он сказал ей: «Вы тоже придете... Они все приходили ко мне сами...»

Пытаясь побороть смятение, она снова завела разговор о его работе — они неожиданно нашли в этой области общий язык, и это сблизило их.

— Но если вы согласны поделиться своим секретом, почему бы вам не принять этого монаха Беше, которого архиепископ, по-видимому, ценит очень высоко?

— Ба! А ведь и правда, здесь я могу попытаться пойти ему навстречу! Но меня тревожит не то, что я раскрою свой секрет, а совсем другое: как сделать, чтобы его поняли? Боюсь, я только зря буду трудиться, доказывая, что вещество можно разложить на составные части, но нельзя превратить его в другое. Умы окружающих нас людей еще не созрели для подобных откровений. А все эти

лжеученые настолько спесивы, что будут возмущены, если я им скажу, что самые ценные помощники в моих опытах — чернокожий мавр и простой горный мастер-саксонец.

— Куасси-Ба и Фриц Хауэр, горбатый старик на руднике Аржантьер?

— Да. Куасси-Ба рассказал мне, что ребенком, когда он еще не был рабом и жил в делях своей дикой Африки, куда можно проникнуть лишь через Пряный берег, он видел, как добывают золото старинным способом, заимствованным у египтян. У фараонов и царя Соломона были золотые прииски. Но вы представляете себе, дорогая, что скажет его преосвященство, если я сообщу ему, что секрет царя Соломона известен моему мавру Куасси-Ба? А ведь именно он многое подсказал мне в моих лабораторных опытах и навел меня на мысль заняться обработкой некоторых горных пород, содержащих золото. Что же касается Фрица Хауэра, то это превосходный горный мастер, человек, проведший жизнь под землей, настоящий крот, который легко дышит только в штольне. У саксонских рудокопов тайны производства передаются от отца к сыну, и благодаря им я смог наконец постичь многие удивительные загадки природы и разобраться во всех ингредиентах, с которыми я работаю, — в свинце, золоте, серебре, купоросе, сулеме и многих других.

— А вам случалось получать сулему и купорос? — спросила Анжелика, у которой эти названия вызвали какое-то смутное воспоминание.

— Да, вот это-то и доказало мне всю несостоятельность алхимии, так как из сулемы я могу получить по желанию либо обычную ртуть, или, как ее иначе называют, живое серебро, либо ртуть желтую или красную, которые в свою очередь могут быть снова превращены в живое серебро. Первоначальный вес ртути не только не увеличится во время опытов, а даже скорее уменьшится, поскольку какая-то часть улетучится в виде паров. Я также знаю способ, как извлечь серебро из свинцовой руды и золото из некоторых пород, с виду пустых. Но если бы я на дверях своей лаборатории написал: «Ничто в природе не пропадает, ничто не создается из ничего», — то мою философию сочли бы весьма смелой и даже противоречащей «Книге бытия».

— Наверно, этот способ вроде того, каким вы ухитряетесь доставлять в Аржантьер испанские золотые слитки, купленные в

Лондоне?

— Вы весьма проницательны, а вот Молин — слишком болтлив. Впрочем, неважно! Если он был с вами откровенен, значит, он уверен в вас. Правильно, испанские слитки можно переплавить в печах с пиритом или с галенитом, и тогда они становятся похожими на каменистый штейн черного-серого цвета, так что даже самые ревностные таможенники ничего не заподозрят. Вот этот так называемый штейн славные маленькие мулы вашего отца и перевозят из Англии в Пуату или из Испании в Тулузу, где он снова с моей помощью или с помощью моего саксонца Хауэра превращается в великолепное сверкающее золото.

— Но это же контрабанда, — довольно резко сказала Анжелика.

— Когда вы так говорите, вы совершенно очаровательны. Подобная контрабанда ничуть не наносит вреда ни королевству, ни лично его величеству, а мне дает богатство. Впрочем, в скором времени я верну в Лангедок Фрица Хауэра, чтобы он наладил добычу на новом золотом прииске. Я обнаружил золото в горах, неподалеку от деревушки Сальсинь, в окрестностях Нарбонна. И оно вместе с серебром из Пуату даст нам возможность отказаться от контрабанды, как вы это называете.

— Но почему же вы не попытались заинтересовать своими открытиями короля? Вероятно, во Франции есть и другие рудники, на которых можно было бы добывать золото, применяя ваш способ извлечения его из породы, и король был бы вам благодарен.

— Красавица моя, король от меня далеко, да и я не создан для того, чтобы быть ловким придворным. А ведь лишь люди подобного толка могут оказывать влияние на судьбы королевства. Кардинал Мазарини предан короне, этого я не отрицаю, но прежде всего он интриган, который плетет свои интриги во всех странах. Что же касается мессира Фуке, который обязан раздобывать деньги для кардинала Мазарини, то он, безусловно, гений в финансовых делах, но я думаю, что его совершенно не интересуют вопросы о том, как правильно использовать природные богатства, чтобы обогатить страну.

— Мессир Фуке! — воскликнула Анжелика. — Теперь я вспомнила, где слышала о римском купоросе и о сулеме. В замке дю Плесси!

Перед ее глазами всплыла вся сцена. Итальянец в монашеской сутане, обнаженная женщина в кружеве простынь, принц Конде и ларец из сандалового дерева, в котором поблескивал изумрудного цвета флакончик.

«Отец мой, вас прислал мессир Фуке?» — спросил принц Конде.

И Анжелика вдруг подумала, не остановила ли она тогда руку Судьбы, спрятав ларец?

— О чем вы задумались? — спросил граф де Пейрак.

— Об одном очень странном приключении, которое некогда произошло со мной.

И внезапно она, молчавшая столько лет, поведала ему историю с ларцом, которую во всех подробностях сохранила ее память.

— Принц Конде наверняка хотел отравить кардинала, а может, даже и короля и его младшего брата, — добавила Анжелика. — Но что так и осталось для меня загадкой — так это письма, скреплявшие какие-то обязательства, которые принц и другие сеньоры должны были вручить мессире Фуке. Постойте-ка... я припомню текст. Кажется, так: «Обязуюсь поддерживать только мессира Фуке и отдать все свое имущество в его распоряжение...»

Граф де Пейрак слушал ее молча. Когда она кончила, он усмехнулся.

— Вот оно, блестящее общество! И подумать только, что в то время мессир Фуке был всего лишь скромным советником парламента! Но он проявил себя таким искусным финансистом, что смог подчинить себе эту знать. Сейчас он — ну и кардинал Мазарини, конечно, — самые богатые люди в королевстве. А это говорит о том, что каждый из них получил теплое местечко при короле. И у вас хватило смелости завладеть ларцом? Вы его спрятали?

— Да, я его...

Но тут инстинктивная осторожность заставила ее прикусить губу.

— Нет, я его выбросила в Пруд с водяными лилиями в большом парке.

— Как вы думаете, кто-нибудь подозревает, что вы причастны к этой пропаже?

— Не знаю. Не думаю, чтобы моей незначительной персоне придали тогда большое значение. Хотя я не упустила случая намекнуть на этот ларец принцу Конде.

— В самом деле? Какое безумие!

— Но мне надо было получить для отца право беспощадно перегонять мулов. О! Это целая история, — засмеялась Анжелика, — и, как я теперь узнала, вы тоже были в ней в какой-то мере замешаны. Но я и сейчас охотно повторила бы подобное безумие, лишь бы снова увидеть испуганные физиономии этих надменных сеньоров.

Когда Анжелика закончила рассказ о своем столкновении с принцем Конде, ее муж покачал головой.

— Меня даже удивляет, что вы здесь и вы живы. Должно быть, вы и в самом деле показались им слишком безобидной. Но это чрезвычайно опасно — быть замешанной в придворные интриги. Ведь для этих людей не составляло большого труда при случае прикончить девочку.

Продолжая говорить, он встал, подошел к портьеру и рывком отдернул ее. Когда он вернулся к Анжелике, лицо его выражало досаду.

— Я недостаточно проворен, чтобы поймать любопытствующих.

— Нас подслушивали?

— Я в этом убежден.

— Мне уже не в первый раз кажется, что наши разговоры подслушивают.

Граф сел на прежнее место, за спиной Анжелики. Было душно. Жара все усиливалась. Неожиданно тысяча колоколов нарушила тишину города — звонили к вечерне. Молодая женщина набожно перекрестилась и прошептала молитву деве Марии. Колокольный звон перекатывался по городу, и Анжелика с мужем, сидевшие у открытого окна, долго не могли сказать друг другу ни слова. Они молчали, и эта безмолвная близость, которая теперь все чаще возникала между ними, глубоко волновала Анжелику.

«Его присутствие не только не раздражает меня, но даже доставляет наслаждение, — удивленно подумала она. — А если бы он снова поцеловал меня, разве это было бы мне неприятно?»

Сейчас, как и недавно, во время разговора с архиепископом, она чувствовала его взгляд на своей шее.

— Нет, дорогая, я не волшебник, — тихо проговорил он. — Возможно, природа и одарила меня какими-то способностями, но

главное — у меня было желание учиться. Ты поняла меня? — спросил он ласковым голосом, который очаровал ее. — Я жаждал изучить все самое трудное — естественные науки, словесность и еще — женское сердце.

Да, я с упоением постигал эту пленительную тайну. Смотришь в глаза женщины, и тебе кажется, что за ними ничего нет, а в действительности там целый мир. Бывает и наоборот: ты воображаешь, будто там целый мир, а там — одна пустота... Не душа, а погремушка. Но что скрывается за твоими зелеными глазами, вызывающими в памяти безмятежные луга и бурный океан?..

Анжелика почувствовала, что он наклоняется к ней, и его пышные черные кудри коснулись ее оголенного плеча, словно теплый шелковистый мех. Он прильнул губами к ее шее, и она вздрогнула, хотя подсознательно ждала этого поцелуя. Закрыв глаза, она блаженствовала в этом долгом, страстном поцелуе, понимая, что час ее поражения близок. Да, трепетно дрожащая, еще немного строптивая, но уже покоренная, она скоро придет, как приходили другие, в объятия этого загадочного человека.

Глава 20

Прошло немного времени. Однажды Анжелика возвращалась домой после утренней прогулки по берегу Гаронны. Она любила верховую езду и каждое утро уделяла ей несколько часов, уезжая на заре, когда было еще прохладно. Жоффрей де Пейрак редко сопровождал ее. В отличие от большинства сеньоров его не увлекали ни верховая езда, ни охота. Можно было бы подумать, что его пугают занятия, требующие физической силы, но его слава искусного фехтовальщика гремела не меньше, чем слава певца. Говорили, что, несмотря на свою хромоту, он поразительно владеет шпагой. Кроме того, он ежедневно тренировался в оружейном зале дворца, но Анжелика ни разу не видела, как он стреляет. Она еще многого не знала о нем и иногда, взгрустнув, вспоминала слова, сказанные ей архиепископом в день свадьбы: «Между нами говоря, сударыня, вы выбрали весьма странного мужа».

Несмотря на то что они, казалось, в последнее время сблизились, граф держался с женой все так же почтительно, но отчужденно, как и в первые дни после свадьбы. Она мало видела его, и всегда в присутствии гостей, и даже подумывала, уж не виновата ли в этом охлаждении неистовая Карменсита де Мерекур. Эта дама после поездки в Париж вернулась в Тулузу, и теперь из-за ее необузданного темперамента все чувствовали себя словно на горящих угольях. Теперь уже всерьез поговаривали, будто господин де Мерекур запрет ее в монастырь, и если он до сих пор не выполнил своей угрозы, то лишь по дипломатическим соображениям. Хотя война с Испанией продолжалась, кардинал Мазарини, давно пытавшийся начать переговоры о мире, советовал не предпринимать ничего, что могло бы задеть обидчивых испанцев. А красавица Карменсита принадлежала к знатной мадридской семье. Вот почему все перипетии ее супружеской жизни имели большее значение, чем сражения во Фландрии, ибо в Мадриде обо всем сразу же становилось известно, так как, несмотря на разрыв официальных отношений, тайные посланцы под видом

монахов, бродячих торговцев и купцов регулярно переходили через Пиренеи.

Карменсита де Мерекур вела в Тулузе обычную для нее сумасбродную жизнь, и Анжелика была этим обеспокоена. Несмотря на светский лоск, который она приобрела, вращаясь в блестящем тулузском обществе, в глубине души она оставалась скромной, как полевой цветок, простодушной и легко уязвимой. Она чувствовала, что не может соперничать с Карменситой, и иногда, сгорая от ревности, твердила себе, что испанка больше под стать графу де Пейраку с его причудливым характером, чем она, Анжелика.

Но зато в ученых беседах — она отлично знала это — муж считает, что ей нет равных среди женщин.

В то утро, подъезжая к дворцу с эскортом пажей, галантных сеньоров и нескольких молодых девушек, которыми она любила окружать себя, Анжелика снова увидела у подъезда карету с гербом архиепископа. Из кареты вышел высокий человек в грубой монашеской сутане, а вслед за ним — разряженный сеньор в бантах, со шпагой на боку и с таким зычным голосом, что Анжелика, хотя была еще далеко, услышала, как он то ли отдавал распоряжения, то ли ругался.

— Клянусь честью, это шевалье де Жермонтаз, племянник его преосвященства, — воскликнул Бернар д'Андижос, неизменно сопровождавший Анжелику. — Да хранит нас небо! Большого грубияна и дурака я еще не встречал. Сударыня, если вы мне доверяете, поедemте лучше через парк, чтобы избежать встречи с ним.

Маленькая кавалькада свернула налево, и, поставив лошадей в конюшню, все прошли в оранжерею, окруженную со всех сторон фонтанами, где было так приятно отдохнуть.

Но едва они сели за стол с приготовленным для них легким завтраком, состоящим из фруктов и ледяных напитков, как паж сказал Анжелике, что ее спрашивает граф де Пейрак.

В прихожей Анжелика нашла мужа в обществе дворянина и монаха, которых она только что видела издали.

— Это аббат Беше, тот самый достойный ученый, о котором рассказывал нам его преосвященство, — сказал Жофfrey. —

Разрешите вам также представить шевадье де Жермонтаза, племянника монсеньора.

Монах был высокий, сухопарый, с нависшими бровями, из-под которых лихорадочно блестели слегка косившие, близко посаженные глаза фанатика. Из монашеской сутаны торчала длинная и худая жилистая шея. Его спутник был его яркой противоположностью. Шевадье де Жермонтаз, столь же полный жизненных сил, сколь монах был изнурен умерщвлением плоти, имел прекрасный цвет лица и уже довольно приличное для его двадцати пяти лет брюшко. Пышный белокурый парик ниспадал на камзол из голубого атласа, украшенный розовыми бантами. Его рингравы были так широки и так обильно украшены кружевами, что шпага дворянина на их фоне казалась неуместной. Страусовым пером своей широкополой шляпы шевадье подмел пол у ног хозяйки дома, поцеловал ей руку, но тут же, подняв голову, дерзко подмигнул, что возмутило Анжелику.

— Ну вот, жена моя здесь, и теперь мы можем отправиться в лабораторию, — сказал граф де Пейрак.

Монаха передернуло, он сверху вниз удивленно взглянул на Анжелику.

— Следует ли из ваших слов, что госпожа графиня тоже войдет с нами в храм науки и будет присутствовать при наших беседах и проведении опытов, в которые вы согласились посвятить меня?

Граф с оскорбительной иронией оглядел своего гостя. Он знал, как этот насмешливый взгляд ошеломлял тех, кто видел его впервые, и со злорадством пускал в ход свое оружие.

— Отец мой, в письме, адресованном мною его преосвященству, я в ответ на его неоднократные пожелания дал согласие принять вас, уведомив, что эта встреча будет носить чисто ознакомительный характер и на ней будут присутствовать лица по моему усмотрению. Однако монсеньор приставил к вам шевадье де Жермонтаза на тот случай, если от вашего взора что-нибудь ускользнет.

— Но, мессир граф, вы же ученый и знаете, что присутствие женщины при опытах — это вопиющее нарушение традиций алхимии, которые гласят, что при противоположных флюидах нельзя достичь никаких результатов...

— Представьте себе, отец мой, что в моей науке результаты опытов не зависят ни от настроения, ни от пола присутствующих...

— Лично я нахожу это превосходным! — с радостным видом воскликнул шевалье де Жермонтаз. — Не скрою, меня больше привлекает красивая дама, чем всякие там склянки и старые горшки. Но дядя настоял, чтобы я сопровождал Беше и привыкал выполнять обязанности, которые вскоре возложит на меня новая должность. Видите ли, дядя собирается купить мне место главного викария трех епархий. Но он ужасный человек. Он поставил условие, чтобы я принял священный сан. А я, признаюсь, удовлетворился бы одними бенефициями.

Разговаривая, они направились в библиотеку, с которой граф хотел ознакомить гостей прежде всего. Монах Беше, давно мечтавший о встрече с графом де Пейраком, задавал бесчисленные вопросы, на которые граф отвечал с терпеливым смирением.

Анжелика в сопровождении шевалье де Жермонтаза шла сзади. Шевалье не упускал случая коснуться ее руки и то и дело бросал на нее пылкие взгляды.

«Ну и мужлан, — подумала Анжелика. — Он похож на откормленного молочного поросенка, которого украсили цветами и кружевными рюшами, чтобы подать к рождественскому ужину».

— Но мне не совсем понятно, — громко сказала она, — какая связь между вашим посещением лаборатории моего мужа и назначением на духовную должность?

— Признаться, мне это тоже непонятно, хотя дядя долго объяснял. Церковь якобы не так богата и влиятельна, как кажется, а главное, как должна была бы быть. Дядя также жалуется на усиление королевской власти в ущерб самостоятельности провинций. Права архиепископа на церковных ассамблеях и даже в местном парламенте ущемляются. Вся власть сосредоточена в руках наместника провинции и его сборов из городской стражи, финансовых органов и армии. Так вот, дядя хотел бы противопоставить этому засилью безответственных ставленников короля — союз местной знати. Он знает, что у вашего мужа колоссальное состояние, но ни город, ни церковь ничего от него не получают.

— Нет, сударь, мы жертвуем на благотворительные цели.

— Этого мало. Нужен союз, к которому стремится мой дядя.

«Для ученика Великого инквизитора он действует грубовато, — подумала Анжелика. — А может, так ему и было велено!»

— Короче говоря, — сказала она, — его преосвященство считает, что состояние всех жителей провинции должно быть отдано в руки церкви?

— Церковь должна занимать ведущее место.

— С его преосвященством во главе! А знаете, вы блестящий проповедник. Теперь меня не удивляет, что вас предназначили к духовней деятельности, где красноречие необходимо. Поздравьте дядю от моего имени с удачным выбором.

— Не премину, сударыня, вы очень любезны. У вас восхитительная улыбка, но в глазах нет нежности ко мне. Не забывайте, церковь пока еще могущественная держава, особенно у нас в Лангедоке.

— Да, я вижу, вы убежденный начинающий викарий, несмотря на ваши банты и кружева.

— Деньги — средство очень убедительное. Мой дядя знал, чем меня покорить. Я буду верно служить ему.

Анжелика резким движением захлопнула веер. Теперь она уже не удивлялась, почему архиепископ так доверял своему толстому племяннику. Несмотря на несхожесть характеров, оба были в равной мере честолюбивы.

В библиотеке царил полумрак, так как ставни были прикрыты. Когда граф и его гости вошли туда, там кто-то встрепенулся и склонился перед ними в низком поклоне.

— Что вы здесь делаете, Клеман? — с удивлением спросил граф де Пейрак. — Сюда никто не имеет права входить без моего разрешения, и, насколько я помню, я не давал вам ключа!

— Пусть извинит меня мессир граф, но я решил собственноручно убрать библиотеку, не желая доверять столь ценные книги неотесанному слуге.

Он поспешно схватил тряпку, щетку и скамеечку и выскользнул из библиотеки, отвесив на ходу еще несколько поклонов.

— Да, — вздохнул монах, — несомненно, я увижу здесь немало странного: женщину в лаборатории, слугу в библиотеке, который своими нечистыми руками прикасается к магическим фолиантам, сокровищнице бесценных знаний. Да, должен признать, репутация ваша себя оправдывает! Посмотрим, что же у вас тут есть...

Он увидел в роскошных переплетах книги мэтров алхимии: «Принцип сохранения тел, или мумия» Парацельса, «Алхимия» Альберта Великого, «Герметика» Германа Курингуса, «Толкование 1572 г.» Томаса Эраста и, наконец, что доставило ему огромное удовольствие, свою собственную книгу: Конан Беше «О превращении».

Это умиротворило монаха, и он снова уверовал в графа де Пейрака.

Граф и его гости вышли из дворца и направились во флигель, где находилась лаборатория.

Еще издали они увидели над крышей столб дыма, поднимающийся из широкой трубы, над которой возвышалась изогнутая медная трубка, напоминая клюв какой-то апокалиптической птицы. Когда они подошли совсем близко, это сооружение со скрежетом повернулось к ним своей черной пастью, из которой валил дым с сажей.

Монах отскочил назад.

— Это всего-навсего флюгер для усиления тяги печей при помощи ветра, — объяснил граф.

— А у меня в ветреную погоду тяга очень плохая.

— А здесь наоборот, потому что я использую атмосферную депрессию, вызванную ветром.

— Значит, ветер работает на вас?

— Совершенно верно. Так же, как он заставляет работать ветряную мельницу.

— На мельнице, мессир граф, ветер с помощью крыльев крутит жернова.

— У меня печи, конечно, не крутятся, но в них всасывается воздух.

— Вы не можете всасывать воздух, потому что воздух — это пустота.

— И однако, вы сами убедитесь, что у меня тяга, как в аду.

Трижды осенив себя крестом, монах вслед за Анжеликой и графом де Пейраком переступил порог лаборатории, а стоящий в дверях мавр Куасси-Ба в знак приветствия торжественно поднял свою кривую саблю, а затем вложил ее в чехол.

В глубине большого зала находились две раскаленные — докрасна печи. В третьей, точно такой же, огонь был погашен. Перед печами помещались какие-то странные аппараты из кожи и железа, от которых тянулись к печам глиняные и медные трубы.

— Это кузнечные мехи, ими я пользуюсь, когда мне необходим очень сильный жар, например чтобы расплавить медь, золото или серебро, — объяснил Жоффрей де Пейрак.

Вдоль стен в главном зале в несколько рядов были сделаны полки. На них стояли всевозможные сосуды и колбы с наклеенными этикетками, испещренными кабалистическими знаками и цифрами.

— Здесь у меня хранится запас разных ингредиентов: сера, медь, железо, олово, свинец, бура, мышьячная руда, реальгар, самородная киноварь, ртуть, ляпис, или, иначе, адский камень, медный купорос, железный купорос. А напротив, в стеклянных бутылках, — крепкая серная кислота, неочищенная азотная кислота и соляная кислота.

На самой верхней полке вы видите трубки и сосуды из стекла, железа, глазированной глины, а дальше — реторты и перегонные кубы. В той маленькой комнате, в глубине, — порода, содержащая золото, хотя оно и не видно глазу, а вот, например, мышьяковый минерал и различные руды, дающие при плавке серебро. Вот серебряная руда из Мексики, ее мне привез оттуда один испанский сеньор.

— Мессир граф изволит смеяться над жалкими познаниями монаха, утверждая, что это восковое вещество — серебро. Лично я не вижу здесь и намека на драгоценный металл.

— Сейчас я вам его покажу, — сказал граф.

Де Пейрак взял из кучи около печей большой кусок древесного угля, достал из сосуда на полке сальную свечу, зажег ее от пламени печи, железным прутом сделал небольшое углубление в куске угля, положил туда кусочек «мексиканского серебра», которое и в самом деле было грязного серовато-желтого цвета и полупрозрачно, добавил туда немного буры, потом взял изогнутую медную трубочку, поднес ее к пламени свечи и, подув в нее, ловко направил пламя в углубление, где находились руда и бура. Они расплавились, вздулись, изменили цвет, потом на поверхности появились металлические пузырьки, которые, после того как граф подул сильнее, слились в один блестящий шарик.

Граф де Пейрак отставил свечу и кончиком ножа достал крошечный сверкающий слиток.

— Вот расплавленное серебро, которое я добыл на ваших глазах из этой странной на вид породы.

— И вы с такой же легкостью превращаете металл в золото?

— Я ничего ни во что не превращаю, я лишь извлекаю драгоценные металлы из руды, в которой они содержатся но не в чистом виде.

Монаха его слова явно не убедили. Он покашлял и огляделся.

— А что это за трубы и остроконечные ящики?

— Это система для подачи воды, заимствованная у китайцев, она служит для опытов по промывке и добыче золота из песка при помощи ртути.

Монах, покачивая головой, боязливо подошел к одной из гудевших печей, в раскаленной пасти которой стояло несколько тиглей.

— Спору нет, у вас все великолепно оборудовано, — сказал он, — но я не вижу здесь ничего, что хотя бы отдаленно походило на «атанор» — химическую печь, или иначе, на знаменитый «дом премудрого цыпленка».

Граф чуть не задохнулся от смеха.

— Простите меня, отец мой, — извинился он, успокоившись, — но остатки всей этой преподобной чепухи были уничтожены взрывом гремучего золота, который произошел недавно здесь как раз во время визита его преосвященства.

На лице монаха появилось почтительное выражение.

— Действительно, его преосвященство говорил мне об этом. Значит, вам удастся получать золото нестойкое, которое взрывается?

— Не скрою от вас, что мне удастся получать даже гремучую ртуть.

— А философское яйцо?

— Оно у меня в голове!

— Вы святотатствуете! — возбужденно проговорил монах.

— Что это такое — «цыпленок» и «философское яйцо»? — удивилась Анжелика. — Я никогда об этом не слышала.

Беше бросил на нее презрительный взгляд. Но, увидев, что граф де Пейрак едва скрывает улыбку, а шевалье де Жермонтаз открыто зеваает, решил удовлетвориться хотя бы такой скромной аудиторией.

— Именно в философском яйце рождается философский камень, — сказал он, сверля своим горящим взглядом молодую женщину. — Получается философский камень из очищенного золота — Солнца — и чистого серебра — Луны, к которым надо добавить живое серебро — Меркурий. Алхимик подвергает их в философском яйце действию огня — Вулкана, который должен то усиливаться, то уменьшаться, что вызывает в этой смеси мощное развитие зачаточных свойств Венеры, и зримый результат этого свойства — регенеративное вещество, философский камень. После этого реакции в яйце будут развиваться в определенном порядке, и это позволяет следить за преобразованием вещества. В основном надо обращать внимание на три цвета: черный, белый и красный. Они указывают: первый — на разложение, второй — на расплавление и третий — на образование философского камня. Короче, это процесс чередования смерти с воскрешением через которое, согласно древней философии, должно пройти всякое произрастающее вещество, чтобы воспроизвестись.

Всемирный дух, необходимый посредник между душой и вселенским телом, — это действующая причина зарождения всего сущего, она вдыхает жизнь во все четыре элемента.

Всемирный дух заключен в золоте, но — увы! — он бездействует, он заперт в нем. И только истинный мудрец может освободить его.

— Каким же способом, отец мой, вы освобождаете этот дух, который является основой всего и заперт в золоте? — мягко спросил граф де Пейрак.

Но ирония не отрезвила монаха. Он откинул голову назад и, казалось, весь был во власти своей давней мечты.

— Чтобы освободить его, нужен философский камень. Но и этого недостаточно. Нужно дать импульс с помощью златотворного порошка, это отправная точка феномена, который превратит все в чистое золото.

Некоторое время он молчал, погруженный в свои мысли.

— После многолетних поисков я имею право, как мне кажется, утверждать, что достиг некоторых результатов. Так, соединив философскую ртуть — женское начало — с золотом — мужским началом (только золото должно быть листовым и чистым), я поместил эту смесь в химическую печь, в «дом премудрого цыпленка», святая святых алхимика, которая должна быть в каждой лаборатории. Смесь

находилась в реторте безукоризненно овальной формы, герметически закупоренной, чтобы ни одна малость вещества не могла улетучиться, эту реторту я поставил в тазик, наполненный золой, и уже этот тазик поместил в печь. И вот под действием огня, который я непрерывно поддерживал на определенном уровне, ртуть своим теплом и содержащейся в ней серой постепенно растворила золото. Через полгода у меня получился черный порошок, который я назвал «вершинной тьмой». При помощи этого порошка мне удалось преобразовать поверхность металлических предметов в чистое золото, но жизнетворное начало моего *augur purum*^[8] — увы! — еще не обладало достаточной силой, и я ни разу не сумел преобразовать весь предмет целиком и полностью!

— Однако, отец мой, вы, наверно, пытались укрепить это умирающее начало? — спросил Жоффрей де Пейрак, и в его глазах вспыхнул веселый огонек.

— Да, и дважды, как мне кажется, я был очень близок к цели. Вот как я действовал в первый раз: в течение двенадцати дней я настаивал в навозе соки травы Меркурия — пролески, портулака и чистотела. Затем я дистиллировал этот настой и получил жидкость красного цвета. Я снова поставил ее в навоз. В жидкости появились черви, которые постепенно пожирали друг друга, и наконец остался один. Я откармливал его теми тремя растениями, из которых выжимал сок вначале, откармливал до тех пор, пока он не стал жирным. Тогда я сжег его, а пепел смешал с купоросным маслом и порошком «вершинная тьма». Но действие порошка усилилось лишь самую малость.

— Фу! — с отвращением воскликнул шевалье де Жермонтаз.

Анжелика в ужасе бросила взгляд на мужа, но тот слушал монаха с невозмутимым видом.

— А во второй раз? — спросил он.

— Во второй раз во мне зажглась была великая надежда. Один путешественник, потерпевший кораблекрушение в дальних краях, дал мне земли, на которую, как он утверждал, до него не ступала нога человеческая. Ну а воистину девственная земля содержит семя или зародыш металлов, другими словами — настоящий философский камень. Но видимо, эта горсть земли не была девственной, потому что я не добился того, чего хотел, — жалобным голосом закончил ученый монах.

Теперь уже и Анжелике захотелось рассмеяться, и, чтобы скрыть это, она торопливо спросила:

— Жофfrey, вы же как-то рассказывали мне, что тоже потерпели кораблекрушение и вас выбросило на пустынный туманный остров, покрытый льдом?

Монах Беше вздрогнул, глаза его вспыхнули огнем, и он схватил графа де Пейрака за плечи.

— Вас выбросило на необитаемый остров? Я знал это, я об этом догадывался. Значит, вы один из тех, о ком в наших книгах по герметике говорится, что они вернулись с «обратной стороны Земли, оттуда, где зарождается гром, Ветер, град и дождь. Там и будет найден философский Камень, если хорошенько поискать».

— Нечто похожее на то, что вы описали, там было, — небрежным тоном бросил граф де Пейрак. — И еще там возвышалась огненная гора среди льдов, которые казались мне вечными. И не было ни одной живой души. Это неподалеку от Огненной Земли. Меня спас португальский парусник.

— За горстку этой девственной земли я бы отдал жизнь и даже душу, — воскликнул Беше.

— Увы, отец мой, должен признаться, что мне и в голову не пришло привезти ее.

Монах бросил на него мрачный, подозрительный взгляд, и Анжелика поняла, что он не поверил графу.

Светлые глаза Анжелики останавливались поочередно на этих трех мужчинах, стоявших перед ней в этой странной комнате, среди пробирок и колб. Великий лангедокский хромой Жофfrey де Пейрак, прислонившись к кирпичной стенке печи, с надменной иронией смотрел на своих гостей. Он не стеснялся давать им понять, что не испытывает никакого уважения ни к старому Дон-Кихоту от алхимии, ни к его расфранченному Санчо Пансо. Рядом с этими шутами он выглядел таким благородным, независимым, таким необычным, что у Анжелики от нахлынувших чувств даже сердце защемило.

«Я его люблю, — вдруг подумала она. — Я его люблю, и мне очень страшно. О, только бы они не причинили ему зла до того... До того...»

Она боялась закончить свою мысль: «До того, как он сожмет меня в своих объятиях...»

Глава 21

— Любовь, искусство любить, — говорил Жоффрей де Пейрак, — драгоценнейшее качество, которым наделены мы, французы. Я побывал во многих странах и видел, что это признают все. Так возрадуемся же, друзья мои, возгордимся, но в то же время будем начеку: эта слава может оказаться непрочной, если не придут ей на помощь утонченные чувства и умное тело.

Он наклонил голову, и на его лице в черной бархатной маске, обрамленном пышной шевелюрой, сверкнула улыбка.

— Вот для чего собрались мы здесь, в Отеле Веселой Науки. Но это совсем не означает, что я предлагаю вам окунуться в далекое прошлое. Конечно, я не могу не вспомнить нашего магистра в искусстве любви, который некогда пробудил в сердцах людей это прекрасное чувство, но мы не должны отбрасывать и то, что внесли, совершенствуя его, последующие поколения: искусство вести беседу, развлекать, блистать остроумием, а также и более простые, но тоже немаловажные утехы, располагающие к любви, такие, как заботы о хорошем столе и изысканном вине.

— О, вот это мне больше подходит! — заорал шевалье де Жермонтаз. — Чувства — это все ерунда! Я съедаю половину дикого кабана, трех куропаток, полдюжины цыплят, выпиваю бутылку шампанского — и пошли, красотка, в постель!

— Ну а если красотка зовется госпожой де Монмор, то после она рассказывает, что в постели вы умеете оглушительно храпеть — и только!

— Она рассказывает это? О предательница! Правда, как-то вечером я так отяжелел...

Дружный хохот прервал толстого шевалье, но он, добродушно снеся насмешки, поднял серебряную крышку с одного из блюд и двумя пальцами выхватил оттуда куриное крылышко.

— У меня так — уж если я ем, то ем. Я не валю все в одну кучу, как вы, и не прибегаю ни к каким тонкостям там, где в них нет надобности.

— Грубая свинья, — тихо проговорил граф де Пейрак. — С каким наслаждением я смотрю на вас! Вы — воплощение всего, что мы вытраваем из наших нравов, всего, что мы ненавидим. Смотрите, мессеры, смотрите и вы, любезные дамы, вот потомок варваров, тех самых крестоносцев, которые с благословения своих епископов разожгли тысячи костров между Альби, Тулузой и По. Они так яростно завидовали этому очаровательному краю, где воспевалась любовь к дамам, что испепелили его и превратили Тулузу в город нетерпимости, недоверия, город жестоких фанатиков. Мы не должны забывать, что...

«Не надо бы ему так говорить», — подумала Анжелика, потому что, хотя гости и смеялись, в черных глазах некоторых из них, она заметила, вспыхнул недобрый огонек. Ее всегда поражала, та неукротимая злоба, какую вызывали у этих южан события четырехвековой давности. Но крестовый поход против альбигойцев был, верно, так ужасен, что и до сих пор в деревнях можно услышать, как мать пугает своих детей страшным Монфором.

Жоффрею де Пейраку нравилось разжигать эту злость, и не столько из местнического фанатизма, сколько из ненависти к любой ограниченности ума, к хамству и глупости.

Сидя на противоположном конце огромного стола, Анжелика смотрела на мужа — он был в бархатном темно-красном костюме, расшитом брильянтами. Маска на его лице и черные кудри оттеняли белизну высокого воротника из фламандских кружев, манжет и длинных подвижных пальцев, унизанных перстнями.

Анжелика была в белом платье, и оно напоминало ей день свадьбы. Как и сегодня, самые знатные сеньоры Лангедока и Гаскони восседали за двумя длинными банкетными столами, которые были накрыты в гостиной. Но сегодня в этом блестящем обществе не было ни стариков, ни священнослужителей. Теперь уже Анжелика знала в лицо каждого гостя, и она заметила, что большинство окружавших ее в этот вечер парочек не были законными супругами. Д'Андижос был с любовницей, пылкой парижанкой, госпожа де Сожак, жена магистрата из Монпелье, нежно склонила свою темную головку на плечо какого-то капитана с золотистыми усами. Несколько кавалеров, которые пришли одни, подсели к тем свободомыслящим дамам, что осмелились явиться на знаменитый Праздник любви без провожатых.

Все эти роскошно одетые мужчины и женщины словно излучали молодость и красоту. В пламени свечей и факелов сверкали их украшения из золота и драгоценных камней. Окна гостиной были широко распахнуты в теплую весеннюю ночь. Чтобы отпугнуть комаров, в курильницах жгли листья лимонной мяты и фимиам, и этот пьянящий запах смешивался с ароматом вин.

Анжелике казалось, что она слишком проста для такого общества, что она здесь неуместна, как полевой цветок среди пышных роз.

Но на самом деле сегодня она была особенно хороша и держалась ничуть не хуже других знатных дам.

Рука юного герцога Форба де Ганжа скользнула по обнаженному плечу Анжелики.

— Какое несчастье, сударыня, — прошептал он, — что вы принадлежите такому мэтру. Сегодня вечером я не могу оторвать от вас взгляда.

Она шаловливо ударила его по пальцам кончиком веера.

— Не торопитесь применять на практике то, чему вас здесь учат. Лучше послушайте слова умудренных опытом; «Глупец, кто спешит и поминутно меняет свои привязанности». Вы не заметили, какие розовые щечки и озорной носик у вашей соседки справа? Между прочим, я слышала, будто эта молоденькая вдовушка потеряла очень старого и очень ворчливого мужа и не прочь, чтобы ее утешили.

— Благодарю вас за ваши советы, сударыня.

— «Новая любовь убивает старую», ведь так сказал мэтр Ле Шаплен.

— Любое поучение из ваших прелестных уст для меня закон. Прошу разрешения поцеловать ваши пальчики и обещаю заняться вдовушкой.

На противоположном конце стола разгорелся спор между Сербало и мессиром де Кастель-Жалонем.

— Я гол как сокол, — говорил Кастель-Жалон, — и, не скрою, продал арпан виноградника, чтобы приодеться и приехать сюда в приличном виде. Но клянусь, чтобы быть любимым, не обязательно быть богатым.

— И все-таки такой любви будет недоставать утонченности. В лучшем случае ваша идиллия будет напоминать идиллию какого-

нибудь бедняка, который одной рукой поглаживает бутылку, а другой — подружку и с грустью думает, что ему придется расстаться со своими жалкими экю, которые он с трудом заработал, чтобы заплатить и за вино и за любовь.

— А я уверен, что любовь...

— Любовь в нужде чахнет...

Жофfrey де Пейрак засмеялся и, успокаивая спорщиков, протянул вперед руки.

— Мир, мессеры. Послушайте, что говорит нам наш мудрый учитель, чья гуманная философия должна разрешить все наши споры. Вот какими словами открывается его трактат «Искусство любви»: «Любовь аристократична. Чтобы заниматься любовью, надо быть свободным от забот о хлебе насущном, нельзя допустить, чтобы они торопили вас, заставляя считать дни». Итак, мессеры, будьте богаты и одаривайте своих возлюбленных драгоценностями. Блеск, рождающийся в глазах женщины при виде красивого ожерелья, легко может перейти в огонь любви. Лично я нахожу обворожительным взгляд, который нарядная женщина бросает на себя в зеркало. Сударыни, не пытайтесь убедить меня в обратном, не будьте лицемерны. Неужели вам понравится мужчина, если он настолько пренебрегает вами, что даже не старается сделать вас еще красивее?

Дамы, смеясь, начали перешептываться.

— Но я беден! — воскликнул де Кастель-Жалон с печальным видом. — Пейрак, не будь так жесток, верни мне надежду!

— Будь богат!

— Легко сказать!

— Кто хочет, тот добьется. Или, на худой конец; хотя бы не будь скуп. «Скупость — наибольший враг любви». Если ты нищ, не скупись на время, на обещания, иди на безумства и, главное, заставь свою подружку смеяться. «Скука — это червь, который гложет любовь». Сударыни, не правда ли, вы предпочитаете шута чопорному ученому?.. Но все-таки я тебя утешу, дорогой Кастель-Жалон: «Любви заслуживает лишь достойный».

«Какой у него чудесный голос, как красиво он говорит», — думала Анжелика.

Поцелуй юного герцога жег ей пальцы. Однако, повинувшись ей, он сразу же после этого склонился к розовощекой вдовушке. Анжелика

чувствовала себя одинокой и, не отрывая глаз, смотрела сквозь голубоватый дым курильниц на другой конец стола, где вырисовывалась фигура в красном — ее муж. Видел ли он ее? Бросил ли ей хоть один призывный взгляд из-под маски, которой он закрыл свое изуродованное лицо? Или же он забыл о ней и, как истый эпикуреец, бездумно наслаждается этой изящной словесной битвой?

— Знаете, я совершенно сбит с толку, — неожиданно воскликнул юный герцог Форба де Ганзк, немного привстав. — Я впервые здесь, в Отеле Веселой Науки, и, откровенно говоря, ожидал увидеть прелестную свободу нравов, а не услышать столь строгие слова: «Любви заслуживает лишь достойный». Неужели, чтобы покорить наших дам, мы должны стать святыми?

— Упаси вас боже, герцог, — смеясь, возразила вдовушка.

— Вопрос серьезный, — проговорил д'Анджос. — Дорогая моя, вам пришелся бы по вкусу нимб вокруг моей головы?

— О нет!

— Почему вы считаете, что достойный — это обязательно святой? — возразил Жоффрей де Пейрак. — Достойный человек способен на безумства, он весел, любезен, отважен, он сочиняет стихи, а главное — намотайте себе на ус, мессиры, — он великолепный любовник, всегда полный сил. Наши отцы противопоставляли любви куртуазной, возвышенной — любовь плотскую, изменную. А я говорю вам: соединим их воедино. Надо любить по-настоящему, всей душой и телом!

Помолчав, он продолжал более тихим голосом:

— Но не следует пренебрегать и сентиментальной восторженностью, которая, будучи не чужда чувственным желаниям, возвышает и очищает их. Вот почему я утверждаю, что тот, кто хочет изведать любовь, обязан обуздать свое сердце и свои чувства, следуя совету Ле Шаплена: «У возлюбленного должна быть только одна возлюбленная. У возлюбленной должен быть только один возлюбленный». Итак, выбирайте себе друга по сердцу, любите, а когда охладете — расстаньтесь, только не будьте легкомысленными любовниками, которые опьяняются страстью, как пьяницы вином, не пейте из всех кубков одновременно и не превращаете храм любви в скотный двор.

— Клянусь святым Севереном! — оторвавшись от своей тарелки, воскликнул де Жермонтаз. — Если бы мой дядя-архиепископ слышал вас, он был бы совсем сбит с толку. То, что вы говорите, ни на что не похоже. Меня никогда ничему подобному не учили.

— Вас вообще мало чему учили, шевалье де Жермонтаз. Но что же в моих словах так смутило вас?

— Все. Вы проповедуете верность и распутство, благопристойность и плотскую любовь. А потом вдруг словно с церковной кафедры клеймите «опьянение страстью». Я передам это выражение моему дядюшке-архиепископу. Уверю вас, в ближайшее же воскресенье он повторит его в соборе.

— То, что я сказал, — это просто человеческая мудрость. Любовь — враг излишеств. В ней, как и в еде, следует отдавать предпочтение не количеству, а качеству. Истинное наслаждение кончается, когда начинается распутство, ибо, погрязнув в нем, приходишь к отвращению. Разве тот, кто жрет, как свинья, и наливается вином, как бездонная бочка, способен упиваться прелестью изысканного поцелуя?

— Должен ли я узнать в этом портрете себя? — проворчал шевалье де Жермонтаз с набитым ртом.

Анжелика подумала, что этот шевалье хотя бы добродушен. Но почему Жоффрею словно доставляет удовольствие то и дело задевать его? Разве он не чувствует, какая опасность для него таится в этом неприятном визите?

— Архиепископ подослал своего племянника, чтобы он шпионил за нами, — сказал он ей накануне праздника.

И тут же беспечным тоном добавил:

— А вы знаете, мы с архиепископом объявили друг другу войну?

— Что произошло, Жоффрей?

— Ничего. Но архиепископу нужен секрет моего состояния, а может, даже и самое состояние. Он от меня не отвяжется.

— Но вы будете защищаться, Жоффрей?

— Изю всех сил. К сожалению, еще не родился тот, кто способен уничтожить человеческую глупость.

Лакеи унесли блюда, а восемь маленьких пажей вошли с корзинами, наполненными розами и фруктами. Перед каждым гостем

были поставлены тарелки с драже, с изюмом и разными сладостями.

— Мне было весьма приятно услышать, с какой простотой говорите вы о плотской любви, — сказал юный Сербало. — Представьте себе, я безумно влюблен, и все же я пришел сюда один. Я не думаю, чтобы в моих излияниях чувств недоставало пылкости, и, не бахвалясь, скажу, что бывали минуты, когда мне казалось, что страсть взаимна. Но увы, моя подруга слишком добродетельна! Стоит мне позволить себе хотя бы один смелый жест, как она много дней встречает меня гневным взглядом, выказывая свою холодность. Уже долгие месяцы я кручусь в этом заколдованном кругу: чтобы покорить ее, мне надо доказать ей свою пламенную любовь, но каждый раз, когда я пытаюсь это сделать, она отдаляется от меня!..

Злоключения Сербало всех позабавили. Одна дама крепко обняла его и поцеловала в губы. Когда шум улегся, Жоффрей де Пейрак ласково сказал:

— Наберись терпения, Сербало, и не забывай, что именно добродетельные девушки могут достигнуть вершин сладострастия. Но любовник должен проявить много искусства, чтобы побороть ее сомнения, порожденные тем, что она считает любовь грехом. Остерегайся также девиц, которые слишком часто путают понятия «любовь» и «замужество». А теперь я процитирую тебе несколько поучений: «Наслаждаясь любовью, не доводи любимую до пресыщения», «Даруешь ли ты наслаждение или вкушаешь его, всегда сохраняй некоторую долю целомудрия» и, наконец, «Будь всегда слугой своей дамы».

— Я нахожу, что вы слишком балуете дам! — запротестовал один из сеньоров и тут же получил за это несколько шлепков веером. — Если послушать вас, то нам, мужчинам, остается только умирать у их ног.

— Да ведь это же прекрасно! — одобрительно воскликнула любовница Бернара д'Анджоса. — Знаете, как мы, парижские жеманницы, называем тех, кто волочится за нами? «Умирующие»!

— А я не хочу умирать, — мрачно возразил маркиз д'Анджос. — Пусть умирают мои соперники!

— Неужели следует потакать всем дамским капризам?

— Бесспорно...

— Они будут нас презирать за это...

— И изменять нам...

— И нужно мириться с тем, что тебе изменяют?

— О нет! — сказал Жоффрей де Пейрак. — Вызывайте своих соперников на дуэль, мессеры, и убивайте их. «Кто не ревнует, тот не умеет любить», «Сомнения в любимой даме лишь разжигают страсти пламя».

— Ну и дьявол этот Шаплен, все предусмотрел!

Анжелика поднесла рюмку к губам. От вина кровь заиграла в ее жилах, и ей стало весело. Она любила, когда в конце этих пиршеств голоса южан начинали звучать, как фанфары, когда они обменивались шутками и бросали друг другу вызов, когда кто-нибудь вдруг выхватывал свою шпагу, а кто-нибудь брался за гитару...

— Спой нам, спой. Золотой голос королевства! — вдруг потребовал кто-то.

Музыканты, сидевшие на хорах, заиграли тише. Анжелика увидела, как молодая вдовушка положила голову на плечо юного герцога. Нежными пальчиками она брала пастилки и клала ему в рот. Они улыбались друг другу.

На темном бархатном небе появилась луна, круглая и чистая. По знаку Жоффрея де Пейрака слуга одну за другой потушил все свечи. Стало очень темно, но постепенно глаза привыкли к мягкому свету луны. Все заговорили шепотом, и среди внезапной тишины стало слышно, как вздыхают обнявшиеся парочки. Несколько парочек уже поднялись из-за стола и теперь бродили кто в саду, кто по открытым галереям, овеваемым благоухающим ночным ветерком.

— Сударыни, — сказал Жоффрей де Пейрак своим низким приятным голосом, — и вы, судари, будьте желанными гостями Отеля Веселой Науки. Несколько дней мы будем вести беседы и пировать все вместе за одним столом. В этом доме для вас приготовлены комнаты. Там вас ожидают тонкие вина, сласти и шербет. И удобные постели. Если характер у вас угрюмый — спите в них одни. А пожелаете, пригласите к себе друга на час... или на всю жизнь. Ешьте, пейте, любите друг друга, но будьте скромны, ведь, «чтобы сохранилась сладость любви, ей нужна тайна». И еще один совет, он относится к вам, сударыни. Знайте, что лень — тоже великий враг любви. В странах Востока и Африки, где женщина еще раба мужчины, именно

ей чаще всего приходится прилагать усилия, чтобы муж остался доволен ею. Вы же, женщины цивилизованного мира, слишком избалованы. И вы иногда злоупотребляете этим и на наш пыл отвечаете вялостью... которая граничит с равнодушием. Итак, будьте щедры и смелы, и наслаждение будет вам наградой. «Нетерпеливый мужчина и бездеятельная женщина не получают удовольствия от любви». А закончу я гастрономическим советом. Запомните, друзья мои, что шампанское вино — несколько бутылок его охлаждается у изголовья ваших кроватей — возбуждает воображение, но не дает стойкости. Иными словами, готовясь к битве, не пейте его слишком много. Зато вы не отыщете лучшего вина, чтобы отпраздновать победу, оно подкрепит вас после счастливой ночи любви, поддержит ваш пыл и придаст новые силы. Сударыни, я приветствую вас.

Он отодвинулся от стола вместе с креслом, скрестив ноги, резким движением закинул их на стол, взял гитару и начал петь. Его лицо, закрытое маской, было обращено к луне.

Анжелика чувствовала себя страшно одинокой, Под сенью Ассезской башни в эту ночь словно возродился ушедший в прошлое мир. Знойная Тулуза вновь обрела свою душу. Страсть снова получила здесь права гражданства, и Анжелика, молодая, созревшая для любви, не могла остаться равнодушной к этому. Нельзя безнаказанно беседовать о любви, о ее утехах, ибо невольно поддаешься ее сладостному томлению. Почти все гости разбрелись по дворцу, и лишь несколько парочек нежно ворковали, стоя у окон с рюмкой розового ликера в руке. Госпожа де Сожак целовалась со своим капитаном. Долгий теплый вечер, тонкие вина, изысканные блюда, приправленные различными специями, музыка и цветы — все это сделало свое дело и свергло Отель Веселой Науки во власть любовных чар.

Человек в красном продолжал петь, но и он был одинок.

«Чего же он добивается? — с недоумением спрашивала себя Анжелика. — Чтобы я бросилась ему в ноги и взмолилась: возьми меня!»

При этой мысли она вся затрепетала и закрыла глаза.

Ее раздирали сомнения и самые противоречивые чувства. Еще накануне она готова была признать себя побежденной, но сегодня все ее существо восставало против этого искушения. «Он завлекает женщин своими песнями». Когда-то, в далеком Пуату, это наводило на

нее ужас, а сейчас, здесь казалось таким прекрасным. Анжелика встала и вышла из гостиной, «подальше от соблазна», как сказала она себе. Но тут же, вспомнив, что этот человек — ее муж перед богом, она в отчаянии тряхнула головой. Она чувствовала себя потерянной, ей было страшно. Получив суровое воспитание, Анжелика робела перед этой слишком вольной жизнью. Она жила в то время, когда всякое проявление слабости влекло за собой угрызения совести и глубокое раскаяние. Женщина, если она ночью со стенаниями отдавалась любовнику, наутро бежала в исповедальню и, рыдая, просила запереть ее в монастырь и постричь в монахини, чтобы она могла искупить свои грехи.

Анжелика великолепно понимала, что Жоффрей де Пейрак стремится привязать ее не узами брака, а узами любви. Будь она женой другого, он вел бы себя с ней совершенно так же. Разве кормилица была не права, когда говорила, что этот человек в сговоре с дьяволом?

Спускаясь по парадной лестнице, она встретила обнимавшуюся парочку. Женщина что-то быстро шептала, словно читала жалобную молитву. Дворец был наполнен вздохами. Анжелика в своем белом платье бродила по парку. Увидев Сербало, который тоже в одиночестве слонялся по аллеям, раздумывая, видимо, над тем, что он скажет своей слишком целомудренной подруге, Анжелика улыбнулась.

«Бедняга Сербало! Интересно, останется он верен своей любви или же покинет ее ради другой девушки, менее жестокой?»

По лестнице неуверенным шагом спускался шевалье де Жермонтас. Тяжело дыша, он подошел к Анжелике.

— Чтоб они сдохли, все эти слащавые кривляки южане! Моя подружка до сих пор была такой покладистой, а тут вдруг залепила мне пощечину. Я, видите ли, недостаточно деликатен для нее.

— И право, вам уж пора сделать выбор, кто вы: распутник или духовное лицо. Возможно, вы оттого и страдаете, что еще не решили, в чем ваше призвание.

Побагровев, он подошел к ней совсем близко, дыша ей прямо в лицо винным перегаром.

— Я страдаю оттого, что ломачи вроде вас дразнят меня, словно быка. С женщинами у меня один разговор.

И не успела Анжелика сделать движение, чтобы защититься, как он грубо рванул ее к себе и своим жирным слюнявым ртом прижался к

ее губам. Она отбивалась, дрожа от отвращения.

Глава 22

— Мессир де Жермонтаз! — раздался вдруг голос.

Анжелика в ужасе узнала в мужчине, стоящем на верхней ступеньке лестницы, графа де Пейрака. Он поднял руку и сорвал с лица маску. Она увидела его искаженное гневом лицо, от которого могло бы бросить в дрожь даже самого мужественного человека. Медленно, нарочно подчеркивая свою хромоту, он стал спускаться, и, когда дошел до последней ступеньки, в руке его блеснула шпага, которую он вынул из ножен.

Жермонтаз, слегка покачиваясь, отступил. Вслед за Жоффреем де Пейраком по лестнице спускались Бернар д'Андижос и мессир де Кастель-Жалон, Племянник архиепископа повернул голову в сторону сада и увидел за своей спиной Сербало. Жермонтаз шумно запыхтел.

— Да это... это ловушка, — пробормотал он. — Вы хотите меня убить!

— Ты сам устроил себе ловушку, свинья! — бросил в ответ д'Андижос. — Ты вздумал обесчестить жену человека, который оказал тебе гостеприимство!

Анжелика дрожащей рукой тщетно пыталась стянуть на груди разорванный корсаж. Неужели они будут драться? Нет, это невозможно! Нужно вмешаться... Этот здоровенный детина может убить Жоффрея!

Граф продолжал наступать, и внезапно его нескладная фигура обрела гибкость, как у акробата. Подойдя к Жермонтазу, он ткнул его кончиком шпаги в живот и коротко бросил:

— Защищайся!

Тот молниеносно — сказала военная выучка — выхватил свою шпагу, и они скрестили оружие. Несколько мгновений они сражались так ожесточенно, что чашки эфесов дважды стукнулись друг о друга, а лица противников оказывались совсем рядом.

Но граф де Пейрак каждый раз проворно увертывался от удара. Его ловкость с лихвой компенсировала физический недостаток. Когда Жермонтаз прижал его к лестнице и вынудил подняться на несколько ступеней, он внезапно перепрыгнул через перила, и шевалье едва

успел обернуться, чтобы встретить противника лицом к лицу. Жермонтаз начал выдыхаться. Он мастерски фехтовал, но не мог выдержать такого бешеного темпа. Шпага графа разорвала ему правый рукав и поцарапала руку. Рана была неглубокая, но сильно кровоточила; рука, держащая шпагу, стала неметь. Шевалье становилось драться все труднее. В его больших круглых глазах появился панический ужас. Зато в глазах Жоффрея де Пейрака горел зловещий огонь и не было пощады. Анжелика прочла в них смертный приговор.

Она до боли кусала губы, но не осмеливалась шелохнуться. Внезапно она зажмурилась. Раздался глухой, протяжный вскрик, словно ухнул, опуская топор, лесоруб.

Когда она разжала веки, она увидела, что шевалье де Жермонтаз лежит распростертый на мозаичных плитах, а в боку у него торчит рукоятка шпаги. Великий лангедокский хромой с улыбкой склонился к нему.

— «Слащавые кривляки»! — тихо проговорил он.

Он схватил шпагу за рукоятку и резко рванул ее на себя. Что-то мягко всплеснуло, и Анжелика увидела на своем белом платье брызги крови. Ей стало нехорошо, и она прислонилась к стене. Жоффрей де Пейрак нагнулся к ней. По лицу его струился пот, а худая грудь тяжело, словно кузнечные мехи, вздымалась и опускалась под красным бархатным камзолом. Но его внимательный взгляд по-прежнему сохранял живой блеск и остроту. Медленная улыбка раздвинула его губы, когда он встретился с ее зелеными, затуманенными от волнения глазами.

И он повелительно сказал:

— Идем.

Лошадь, медленно ступая, шла вдоль реки, вздымая песок на извилистой узкой дорожке. Сзади, на некотором расстоянии, ехали три вооруженных лакея, охраняя своего сеньора, но Анжелика не замечала их. Ей казалось, что она одна под этим звездным небом, одна в объятиях Жоффрея де Пейрака, который, усадив ее себе в седло, вез теперь в домик на Гаронне, где супругов ждала их первая ночь любви.

В домике на Гаронне вышколенные строгим хозяином слуги оставались совершенно невидимыми. В спальне все было

приготовлено. На балконе около кушетки стояли фрукты, в медном тазу охлаждались бутылки с вином, и тем не менее дом казался пустынным.

Анжелика и граф молчали. Они долго сидели в тишине. Потом, когда он, скрывая свое нетерпение, привлек ее к себе, она шепотом спросила:

— Почему вы не улыбаетесь? Вы все еще сердитесь? Клянусь вам, я не виновата в этом.

— Знаю, дорогая.

Он глубоко вздохнул и продолжал глухим голосом:

— Не могу сейчас улыбаться, слишком долго я ждал этой минуты, и сейчас мне больно от счастья. Ни одну женщину я никогда не любил так, как тебя, Анжелика, и мне кажется, что я любил тебя еще до того, как узнал. И когда я увидел тебя... Да, именно тебя я ждал. Но ты с надменным видом проходила мимо, близкая и недостижимая, как болотные эльфы. И я делал тебе шуточные признания, боясь, что ты с ужасом оттолкнешь или высмеешь меня. Ни одну женщину я не ждал так долго, ни с одной не проявил столько терпения. А ведь ты принадлежала мне по закону. Раз двадцать я уже готов был взять тебя силой, но мне нужно не только твое тело, мне нужна твоя любовь. И вот сейчас, когда ты здесь, когда ты наконец моя, я не могу простить тебе те муки, которые ты мне причинила. Не могу простить, — повторил он с обжигающей страстью в голосе.

Она смотрела ему прямо в лицо, которое уже не пугало ее, и улыбалась.

— Отомсти мне, — прошептала она.

Он вздрогнул и тоже улыбнулся.

— Ты больше женщина, чем я предполагал. Ах, не подстрекайте меня. Вы еще попросите пощады, мой очаровательный противник!

С этого момента Анжелика перестала принадлежать себе. Губы, уже однажды опьянившие ее, снова повергли ее в водоворот неведомых прежде ощущений, память о которых оставила у нее смутную тоску. Все пробудилось в ней в предчувствии высшего блаженства, которому ничто теперь не могло помешать, упоение охватило ее с такой силой, что она испугалась.

Прерывисто дыша, она откидывалась назад, пытаясь ускользнуть от его ласк, которые открывали ей все новые и новые истоки

наслаждения, и каждый раз, словно вынырнув из глубин всепоглощающей неги, она видела, как качались перед ее глазами звездное небо и покрытая туманом долина, по которой тянулась серебряная лента Гаронны.

Здоровое, крепкое тело Анжелики было создано для любви. Она словно заново ощутила его и была потрясена, она чувствовала себя во власти какой-то неведомой силы, которая жила не столько вне ее, сколько в ней самой и толкала в бездну страсти. Только позже, уже умудренная опытом, Анжелика смогла оценить ту сдержанность, которую проявил тогда Жоффрей де Пейрак, укрощая собственную страсть, чтобы утвердить свою победу.

Она почти не заметила, как он раздел ее и уложил на кушетку. С неутомимым терпением он снова и снова начинал ласкать ее, и с каждым разом она становилась все покорнее, все горячее в ответных ласках, и молящие глаза ее лихорадочно блестели. Она то вырывалась из его объятий, то приникала к нему, но, когда возбуждение, с которым она уже не могла совладать, достигло апогея, ее внезапно охватила истома. Анжелика погрузилась в блаженство, пронзительное и пьянящее; отбросив всякую стыдливость, она отдавалась самой смелой ласке; она закрыла глаза, ее уносил какой-то сладостный поток. Ее не возмутила боль, так как всем своим существом она жаждала господства над собой. И когда он овладел ею, она не закричала, а лишь невероятно широко раскрыла свои зеленые глаза, в которых отразились звезды весеннего неба.

— Уже, — прошептала Анжелика.

Вытянувшись на ложе, она постепенно приходила в себя. Мягкая индийская шаль защищала ее влажное тело от легкого ночного ветерка. Она смотрела на Жоффрея де Пейрака. Он стоя наливал в бокалы прохладное вино. В лунном свете его тело казалось совсем черным. Он рассмеялся.

— Да, душенька моя! Вы еще новичок, и я не могу сейчас продолжить урок. Придет время и для долгих наслаждений. А пока выпьем: сегодня мы потрудились и заслуживаем награды.

Она улыбнулась ему, сама не подозревая, как пленительна ее улыбка, улыбка новой, только что родившейся и расцветшей Анжелики, освобожденной от томивших ее оков. Де Пейрак, словно

ослепленный, закрыл глаза. Когда он снова взглянул на Анжелику, он прочел в ее глазах тревогу.

— Шевалье де Жермонтаз, — пробормотала она. — О, Жоффрей, я совсем забыла! Ведь вы убили племянника архиепископа.

Он ласково успокоил ее.

— Не думайте об этом. Он сам вынудил меня, ведь есть же свидетели. Вот если бы я простил его, тогда бы меня осудили. Архиепископ принадлежит к знатному роду, и ему остается только примириться. Боже мой, дорогая, — прошептал он, — вы еще прекраснее, чем я думал.

Он пальцем обвел округлость ее белого и упругого живота. Она улыбнулась и блаженно вздохнула. А ей всегда говорили, что мужчины, удовлетворив свою страсть, становятся грубыми и холодными...

Нет, Жоффрей решительно ни в чем не походил на других мужчин.

Он лег рядом с Анжеликой на кушетку, прижался к ней, и она услышала, как он тихо засмеялся.

— Подумать только, архиепископ сейчас смотрит со своей башни на Отель Веселой Науки и проклиняет мое распутство! О, если бы он знал, что я в это время вкушаю «плоды преступной страсти» со своей собственной женой, союз с которой он сам благословил!

— Вы неисправимы. Он не зря относится к вам с подозрением. Ведь верно, если существует два способа делать что-то, вы обязательно изыскиваете третий. Вы могли, к примеру, или найти себе любовницу, или честно выполнять свой супружеский долг. Но вам нужно было так обставить нашу брачную ночь, чтобы я в ваших объятиях чувствовала себя грешницей.

— Приятнейшее чувство, не правда ли?

— Замолчите, Жоффрей! Вы просто дьявол! Признайтесь, что сами вы ловко увернулись от греха после своей проповеди, а гостям это вряд ли удалось. До чего же искусно вы вовлекли их в то, что его преосвященство называет «развратом»... И я совсем не убеждена, что вы человек... безопасный!..

— А вы, Анжелика, обольстительный голенький каноник. Не сомневаюсь, что благодаря вам моя душа получит отпущение грехов.

Но не будем лишать себя прелестей жизни. У многих народов представления о нравственности совсем иные, чем у нас, но это не мешает им быть благородными и счастливыми. Под своими великолепными одеждами мы скрываем неотесанность души и грубость чувств, и я мечтаю увидеть на радость себе, как женщины и мужчины станут более утонченными, и наша Франция обретет славу самой любезной страны. Меня все это радует, ибо я люблю женщин, как и все прекрасное. Нет, Анжелика, мой ангел, меня не гложет совесть, и я не собираюсь каяться в грехах...

Только став женщиной, Анжелика по-настоящему расцвела. Раньше она была как бутон розы, которому тесно в его оболочке. Горячая мавританская кровь ее предков дала себя знать.

Все последующие дни, все то время, пока длились празднества в Отеле Веселой Науки, Анжелику не покидало ощущение, что она перенеслась в другой мир, мир полноты чувств и волшебных открытий. И ей казалось, что за его пределами не существует ничего, что вся жизнь замерла.

Любовь разгоралась в ней все сильнее. У нее порозовели щеки, и даже в смехе ее появилось что-то новое, дерзкое. Каждую ночь Жоффрей де Пейрак находил ее все более жадной до ласк, все более требовательной, и просыпавшаяся иногда в ней целомудренная Диана, отказывавшаяся подчиниться какой-нибудь новой фантазии мужа, очень скоро уступала, и Анжелика полностью отдавалась в его власть.

Гости тоже, казалось, жили в той же атмосфере полной непринужденности и легкости, царившей в замке.

Этим они были обязаны удивительной способности графа де Пейрака позаботиться о всех удобствах для своих гостей, предусмотреть все до мельчайших деталей.

Внешне беспечный, он все время мелькал среди гостей, но Анжелика чувствовала, что он думает только о ней, поет только для нее. Правда, иногда она видела, как взгляд его темных глаз встречается с дерзким взглядом какой-нибудь кокетки, расспрашивавшей его о карте Страны нежности, и ее обуревала ревность. Она прислушивалась к разговору, но всегда вынуждена была признать, что Жоффрей с честью выходил из положения и отделялся шутками, искусно, как умел он один, замаскировав их комплиментами.

Прошла неделя, и Анжелика со смешанным чувством облегчения и грусти провожала тяжелые, украшенные гербами экипажи, которые подкатывали к подъезду дворца, чтобы увезти своих хозяев в далекие имения. Отъезжающие, высунув в дверцы карет изящные руки в кружевных манжетах, посылали последний привет остающимся.

Всадники учтиво махали шляпами с перьями. Анжелика с балкона игриво одаривала их воздушными поцелуями.

Она была рада, что наконец побудет немного в тишине, что теперь муж будет принадлежать ей одной. И в то же время в глубине души она грустила, что кончились эти восхитительные дни. Такие счастливые мгновения бывают только раз в жизни. Никогда — Анжелику вдруг охватило мрачное предчувствие, — никогда больше не повторится эта ослепительно счастливая неделя.

В первый же вечер после отъезда гостей Жоффрей де Пейрак заперся в своей лаборатории, где он не был все то время, пока во дворце длился Праздник любви.

Это торопливое бегство привело Анжелику в бешенство, и, тщетно ожидая его, она в ярости металась на своей широкой кровати.

«Вот каковы мужчины! — с горечью думала она. — Они снисходят до того, чтобы мимоходом уделить нам немного времени, но, как только дело коснется их личных увлечений, их уже ничем не удержишь. У одних это дуэли, у других — война. А у Жоффрея — его реторты. Раньше я любила, когда он рассказывал мне о своей работе, мне казалось, что он питает ко мне дружеские чувства, но теперь я ненавижу его лабораторию!»

Так, негодуя на мужа, она в конце концов и уснула.

Проснувшись она отсвета свечи и увидела у своего изголовья Жоффрея. Он уже почти разделся. Резким движением она поднялась и села в постели, обхватив колени руками.

— Разве была такая уж необходимость вам приходить сюда? — спросила она. — Я слышу, в саду уже просыпаются птицы. По-моему, вам лучше закончить так прелестно начатую ночь в вашей лаборатории, прижав к сердцу пузатую стеклянную реторту.

Не выразив ни малейшего раскаяния, граф рассмеялся.

— Я в отчаянии, дорогая, но я никак не мог оставить начатый опыт. А знаете, в этом немного виноват и наш ужасный архиепископ.

Весть о смерти племянника он принял, как подобает дворянину. Но — будем осторожны — дуэли запрещены. Это для него лишний козырь в игре. Я получил ультиматум: раскрыть этому невежде, монаху Беше, секрет производства золота. Ну а так как о торговле с Испанией я рассказать не могу, то придется повезти его в Сальсинь, чтобы он увидел, как происходит добыча золотоносной руды и как из нее получают золото. Но прежде я вызову саксонца Сорица Хауэра и пошлю гонца в Женеву. Берналли мечтал присутствовать при этих опытах и наверняка приедет.

— Все это меня совершенно не интересует, — сердито прервала его Анжелика. — Я хочу спать.

Но она великолепно сознавала, что спадающие на лицо распущенные волосы и кружевная оборка ее ночной кофты, соскользнувшая с обнаженного плеча, производят на него гораздо большее впечатление, чем ее слова.

Жоффрей погладил нежное смуглое плечо Анжелики, а она молниеносно вонзила ему в руку свои острые зубки. Он шлепнул ее и, с наигранным гневом толкнув, опрокинул на постель. Началась борьба. И очень скоро Анжелика оказалась побежденной, чему она каждый раз удивлялась. Однако она продолжала строптиво вырываться из его объятий. Но в жилах у нее уже забурлила кровь. Где-то глубоко-глубоко в ней вспыхнула искра страсти и, сразу же разгоревшись, захлестнула все ее существо. Она еще продолжала сопротивляться и в то же время жаждала вновь изведать то поразительное ощущение, которое она только что испытала. Тело ее было объято пламенем. Сладостные волны одна за другой уносили ее все дальше в океан неведомого ей прежде исступления. Она лежала на краю постели, запрокинув голову, с полуоткрытыми губами, и неожиданно в памяти ее всплыли мечущиеся тени в алькове, позолоченном светом ночника, а в ушах прозвучал тихий, жалобный стон, который она услышала сейчас с необыкновенной четкостью. И вдруг она поняла, что это ее стон. В сером предрассветном сумраке она видела над собой улыбающееся лицо фавна. Полузакрыв блестящие глаза, он слушал порожденный им гимн жизни.

— О, Жоффрей — вздохнула Анжелика, — мне кажется, я сейчас умру. Почему с каждым разом это все чудеснее?

— Потому что любовь — это искусство, в котором постепенно совершенствуются, красавица моя, а вы — чудесная ученица.

Насытившись любовью, она захотела покоя и, засыпая, прижалась к нему. Каким темным кажется его тело в кружеве рубашки! Как пьянит ее запах табака!

Глава 23

Месяца два спустя карета с гербом графа де Пейрака, сопровождаемая несколькими всадниками, въехала по крутой горной дороге в деревню Сальсинь департамента Од.

Анжелика, вначале восторгавшаяся этим путешествием, уже порядком утомилась. Была жара, на дороге столбом стояла пыль. Под убаюкивающим, равномерный шаг своей лошади Анжелика сперва с неприязнью наблюдала за монахом Конаном Беше, который тащился на муле, до земли свесив длинные тощие ноги в сандалиях, потом стала раздумывать, какие последствия для них может иметь непримиримая вражда архиепископа. И наконец, деревня Сальсинь напомнила ей о горбатом Фрице Хауэре и о письме от отца, привезенном ей этим саксонцем, когда он приехал в Тулузу в своей повозке с женой и тремя белокуроыми детьми, которые, хотя и прожили долгое время в Пуату, говорили только на грубом немецком диалекте.

Анжелика горько плакала над письмом — отец сообщал ей о смерти старого Гийома Люцена. Забившись в укромный уголок, она рыдала несколько часов. Даже Жоффрею она не смогла бы рассказать о своем горе, объяснить, почему сердце у нее разрывалось, когда она представляла себе бородатое лицо старого солдата и его светлые строгие глаза, которые некогда с такой нежностью смотрели на маленькую Анжелику. Однако вечером, когда муж, ни о чем не спрашивая, приголубил и приласкал ее, она немного успокоилась. Что было, то прошло. Но письмо барона Армана воскресило в ее памяти маленьких босоногих ребятишек с соломинками в взлохмаченных волосах, бродящих, словно призраки, по промозглым галереям старого замка Монтелу, где летом спасались от жары куры.

Барон жаловался и на свою жизнь. Она по-прежнему нелегка, хотя благодаря торговле муламц и щедрости графа де Пейрака у них есть самое необходимое. Но Пуату постиг страшный голод, и вот это, да еще придирки таможенников к торговцам контрабандной солью, вызвало бунт жителей болотного края. Они отказались платить налоги, вышли из своих камышовых зарослей, разграбили несколько поселков и поубивали таможенников и сборщиков налогов. Усмирять их послали

королевских солдат, но бунтовщики ускользали от преследователей, «как угри в мельничном желобе». На перекрестках дорог стояли виселицы с повешенными.

Только тогда Анжелика вдруг осознала, что значит быть одной из самых богатых женщин провинции. Она забыла этот мир, живущий в вечном страхе под гнетом податей и налогов. Ослепленная своим счастьем и богатством, не стала ли она слишком себялюбивой. Кто знает, возможно, архиепископ был бы менее придирчив к ним, займись она благотворительностью? Может, она расположила бы его к себе этим?

Она услышала тяжелый вздох Берналли.

— Ну и дорога! Хуже, чем у нас в Абруццах. От вашего прекрасного экипажа останутся одни щепки. Это преступление, что он тащится по такой дороге впустую.

— Я же умоляла вас сесть в него, — сказала в ответ Анжелика. — Тогда он хотя бы погиб не без пользы!

Но галантный итальянец, потирая ноющую поясницу, возразил:

— Помилуйте, синьора, мужчина, достойный так называться, не станет нежиться в экипаже, если молодая дама путешествует верхом.

— Бедный Берналли, в наше время такая щепетильность не в моде. Теперь не принято быть чересчур учтивым. Но я уже немножко узнала вас и уверена, что от одного вида нашей гидравлической машины, которая накачивает и выбрасывает воду, всю вашу усталость как рукой снимет.

Ученый просиял.

— Неужели, сударыня, вы не забыли моего пристрастия к этой науке, которую я называю гидравликой? Ваш муж заманил сюда меня, сообщив, что построил в Сальсини машину, которая поднимает вверх воду горного потока, текущего в глубоком ущелье. Этого было достаточно, чтобы я немедленно снова пустился в путь. Уж я думаю, не изобрел ли он перпетуум-мобиле?

— Не обольщайтесь, дорогой друг, — раздался сзади голос графа Жоффрея де Пейрака, — это всего-навсего гидравлическая машина, похожая на те, что я видел в Китае. Они могут поднимать воду на сто пятьдесят туазов и даже выше. Вон она, эта машина. Мы уже почти приехали.

Вскоре они очутились на берегу небольшого стремительного горного потока и увидели нечто вроде черпака с опрокидывающим устройством, который вращался на оси и через определенные промежутки времени выбрасывал высоко вверх мощную параболическую струю воды.

Вода падала в водоем, находившийся на возвышенности, а оттуда медленно растекалась по деревянным каналам.

Брызги, искрясь и переливаясь на солнце, создавали вокруг этой установки искусственную радугу, и Анжелика нашла гидравлическую машину очень красивой, но Берналли казался разочарованным, — При вашей системе девятнадцать двадцатых воды пропадает, — сердито сказал он. — И в этом устройстве нет ничего напоминающего перпетуум-мобиле.

— Меня совершенно не волнует, сколько воды и силы я теряю, — заметил граф. — Мне важно, что машина подает воду наверх, и этой одной двадцатой хватает для обогащения размельченной золотоносной руды.

Осмотр самого рудника решили отложить на завтра. Деревенский капитул заранее подготовил для них скромное, но просторное жилье. В повозке приехали кровати и сундуки. Граф де Пейрак предоставил дома в распоряжение Берналли, монаха Беше и маркиза д'Анджоса, который, конечно, тоже отправился с ними.

Сам граф предпочел палатку с двойной крышей, которую он привез из Сирии.

— Мне кажется, что привычка жить по-бивуачному сидит в нас еще со времен крестовых походов. Вот увидите, Анжелика, в такую жару, да еще в самом засушливом краю Франции, в палатке гораздо лучше, чем в каменном или глинобитном доме.

И в самом деле, когда наступил вечер, Анжелика могла наслаждаться свежим горным воздухом. Откинув полу палатки, она любовалась розовым от заката небом и слушала доносившиеся с берега речушки грустные и торжественные песни саксонских рудокопов.

Жоффрей де Пейрак, казалось, был чем-то озабочен, что случалось с ним не часто.

— Не нравится мне этот монах! — неожиданно воскликнул он. — Он не только, ничего не поймет, но еще все истолкует по-своему, ведь

у него в голове такая путаница. Я уж предпочел бы объяснить все самому архиепископу, однако ему нужен «ученый свидетель». Но это просто смешно. Им может быть кто угодно, только не этот святоша!

— Но насколько я слышала, — возразила Анжелика, которую слова мужа несколько покоробили, — многие великие ученые тоже были монахами.

Граф с трудом сдержал досадливый жест.

— Я этого не отрицаю и скажу даже больше: в течение многих веков вся мировая культура была достоянием церкви, которая бережно сохраняла ее. Но в наше время церковь погрязла в схоластике. Наука отдана во власть фанатиков, готовых отрицать бесспорную истину, если они не могут связать с теологией какое-нибудь явление, которое объясняется лишь естественными законами.

Он замолчал, рывком привлек Анжелику к своей груди и сказал ей слова, смысл которых она поняла значительно позже:

— Вы тоже свидетель, я выбрал в свидетели вас.

На следующее утро пришел саксонец Фриц Хауэр, чтобы проводить приехавших на рудник, где добывают золото.

Каменоломня была расположена у подножия горы Корбьер. На огромном участке — пятьдесят туазов в длину и пятнадцать в ширину — была вскрыта жила, и здесь при помощи железных и деревянных клиньев от нее откалывали серые глыбы камней, которые затем грузили на тележки и отвозили к жерновам.

Гидравлические трамбовки особенно заинтересовали Берналли. Они представляли собой обитые железом тяжелые деревянные башмаки, которые падали вниз, когда один из гердов для промывки шлака наполнялся водой и терял равновесие.

— Огромная потеря энергии воды, — вздохнул Берналли, — но в то же время до чего простая установка, совершенно не требующая рабочей силы. Это тоже ваше изобретение, граф?

— Я просто последовал примеру китайцев, у них такие установки существуют, как меня уверяли там, уже три или четыре тысячи лет. Китайцы пользуются ими главным образом для вылуцивания риса, который является их основной пищей.

— Ну а где же здесь золото? — слышался резонный вопрос Беше. — Я вижу лишь тяжелый серый песок, который ваши рабочие

получают из размолотого зеленовато-серого камня.

— Сейчас вы все увидите в саксонской плавильне.

Они спустились ниже, где под навесом стояли закрытые каталонские печи.

От кузнечных мехов, каждый из которых раздували двое мальчишек, на них пахнуло обжигающим, удушливым жаром. Бледные языки пламени, отдававшие сильным чесночным запахом, вырывались из открытой пасти печей, и в воздухе повисал какой-то тяжелый гар, который затем белыми хлопьями, словно снег, оседал вокруг.

Анжелика взяла горсть этого «снега» и, привлеченная запахом чеснока, хотела его попробовать.

Но вдруг, будто гном из подземелья, выскочил какой-то странный человек в кожаном фартуке и резким ударом выбил у нее из рук «снег».

Прежде чем она успела опомниться, гном рявкнул:

— Gift, Gnadige Frau! Это яд, уважаемая госпожа!

Растерянная Анжелика принялась вытирать руку, а монах Беше пристально смотрел на нее.

— У нас, — тихо сказал он ей, — алхимики работают в масках.

Но Жоффрей де Пейрак, услышав его слова, возразил:

— А у нас здесь нет никакой алхимии, хотя все эти ингредиенты нельзя, конечно, не только есть, но даже трогать. Фриц, вы регулярно выдаете молоко рабочим? — спросил он по-немецки.

— Все шесть коров были доставлены сюда еще до нашего приезда, ваше сиятельство!

— Хорошо. И не забывайте, что они должны это молоко пить, а не продавать.

— Да мы не нуждаемся, ваше сиятельство, зачем нам продавать его! И потом, нам хочется прожить как можно дольше, — ответил старый мастер-горбун.

— Могу я узнать, мессир граф, что за вязкая масса плавится вон там, в этой адской печи? — спросил монах Беше, осеняя себя крестом.

— Это все тот же самый тяжелый серый песок, который, как вы видели, добывают на руднике, но только промытый и высушенный.

— Так, по-вашему, эта серая пыль содержит золото? Насколько я заметил, в ней не блеснуло ни единой крупинки его даже на лотке, после того как ее при мне промыли водой.

— И все же это золотиносная руда. Фриц, принесите нам лопату руды.

Рабочий зачерпнул лопатой из огромной кучи зернистого зеленовато-серого песка с металлическим отливом.

Беше осторожно насыпал песок себе на ладонь, понюхал, попробовал на язык, но тут же выплюнул.

— Это сернистый мышьяк. Сильный яд. Он не имеет ничего общего с золотом. Кстати, золото добывается всегда из речного песка, а не из горных пород. А в каменоломне, которую мы осматривали, нет ни грана речного песка.

— Совершенно верно, уважаемый коллега, — согласился Жоффрей де Пейрак и, обратившись к мастеру-саксонцу, сказал:

— Если пора, добавь свинец.

Но оказалось, что нужно еще довольно долго ждать. Масса в печи раскалялась все больше, плавилась, кипела. Клубы белого пара продолжали вырываться наружу, оставляя повсюду, даже на одежде, белый порошкообразный налет.

Затем, когда пара почти не стало пламя уменьшилось, двое саксонцев в кожаных фартуках подвезли на тележке несколько слитков свинца и кинули их в вязкую массу.

Масса в печи стала жиже и перестала бурлить. Саксонец помешал ее длинной зеленой палкой. Сначала масса начала пузыриться, потом вспенилась. Фриц Хауэр в несколько приемов снял пену огромными шумовками. После этого он снова помешал массу.

Наконец он нагнулся к отверстию внизу печи, под тиглем, вытащил оттуда затычку, и в заранее приготовленную изложницу потекла серебристая струйка.

Заинтересованный монах подошел ближе.

— Но это всего-навсего свинец, — сказал он.

— Как всегда, согласен с вами, — ответил граф де Пейрак.

Но монах вдруг пронзительно закричал:

— Я вижу три цвета.

Задыхаясь, он показывал на охлаждающийся слиток, который начал отливать радужными цветами. Руки монаха дрожали, и он бормотал:

— Философский камень! Я увидел философский камень!

— Похоже, наш монах спятил, — заметил маркиз д'Анджос без должного уважения к доверенному лицу архиепископа.

Жоффрей де Пейрак, снисходительно улыбаясь, объяснил:

— Алхимики упорно считают, что появление трех цветов связано с философским камнем и превращением металлов в золото. А на самом деле это явление сродни радуге, которая образуется после дождя, и оно не играет большой роли.

Вдруг монах грохнулся перед графом на колени. Заикаясь, он благодарил графа, наконец он своими глазами увидел то, что составляло «цель его жизни».

Раздосадованный глупым поведением монаха, граф сухо сказал:

— Встаньте, отец мой. Вы пока еще ничего не увидели толком и сейчас сами в этом убедитесь. Должен вас огорчить, но здесь нет никакого философского камня.

Саксонец Фриц Хауэр внимательно наблюдал эту сцену, и на его запыленном лице с вьевшимися в кожу крупинками породы отразилось колебание.

— Muss ich das Blei durchbrennen vor allen diesen Herrschaften? — спросил он ^[9].

— Поступай так, будто я здесь один, — ответил граф.

Анжелика увидела, как рабочие мокрыми тряпками взяли горячий еще слиток и положили на тележку. Потом подвезли его к маленькой печи, которая стояла на раскаленном докрасна горне.

Кирпичи центральной камеры печи, образующие нечто вроде открытого тигля, были очень белые, легкие и пористые. Их изготавливали из костей животных, чьи трупы, сваленные неподалеку, издавали страшную вонь. К ней примешивался запах чеснока и серы, и от всего этого дышать здесь было трудно.

Красный от жары и возбуждения монах Беше при виде кучи скелетов побелел и, бормоча заклинания, начал креститься.

Граф, не выдержав, рассмеялся.

— Посмотрите, до чего наши работы довели этого великого ученого, — сказал он Берналли. — А ведь во времена греков и римлян купелирование на костной золе было детской игрой!

Но все же Беше не отступил перед ужасным зрелищем. Бледный, перебирая четки, он пристально наблюдал за Приготовлениями старого саксонца и его подручных.

Один из рабочих подсыпал уголь в горн, другой раздувал с помощью педали мехи, и свинец начал плавиться и стекать в круглое углубление в печи, выложенное кирпичами из костной золы.

Когда расплавился весь слиток, огонь в печи еще усилили, и металл начал дымиться.

По знаку старого Фрица появился мальчишка с мехами, к которым была прикреплена небольшая трубка из огнеупорной глины. Горный мастер положил эту трубку на край тигля и принялся нагнетать холодный воздух на темно-красную поверхность расплавленной массы.

И вдруг воздух над металлом со свистом засветился, белесое пятно в том месте, куда он попадал, стало ярче, больше, сделалось ослепительно белым и постепенно распространилось на всю поверхность металла.

Молодые подручные поспешно выгребли из печи все горящие угли. Большие мехи тоже были остановлены.

Купелирование продолжалось уже без огня — металл кипел, и это было поразительное зрелище. Время от времени он покрывался темной пленкой, потом она разрывалась, и клочья ее танцевали в сверкающей расплавленной массе, а когда такой плавучий островок касался стенки тигля, пористые кирпичи, словно по волшебству, втягивали его и поверхность металла становилась еще более гладкой и ослепительной.

Одновременно мениск металла уменьшался. Прямо на глазах. Потом он достиг размеров большой лепешки, потемнел и вдруг вспыхнул, как молния. Анжелика отчетливо видела, как остаток металла какое-то время клочкотал, потом постепенно успокоился и потемнел.

— Этот процесс образования молнии описан Берцелиусом, который много работал над купелированием и над «разделением» металлов, — сказал Берналли. — Но я счастлив, что увидел то, о чем прежде имел представление лишь по книгам.

Монах молчал. У него был отсутствующий, невидящий взгляд.

Тем временем Фриц Хауэр схватил щипцами эту блестящую металлическую лепешку, окунул ее в воду и поднес своему хозяину.

— Чистое золото! — восторженно прошептал монах-алхимик.

— И все же оно не совсем чистое, — сказал де Пейрак. — Образовавшаяся молния свидетельствует о наличии серебра.

— Любопытно, растворится ли это золото в хлористо-водородной и селитряной кислоте?

— Конечно, раз это золото.

Оправившись от потрясения, монах спросил, нельзя ли ему взять маленький кусочек этого металла, чтобы показать его благодетелю архиепископу.

— Возьмите для него всю лепешку, — ответил граф де Пейрак, — и как следует объясните ему, что это неочищенное золото, которое мы извлекли из недр наших Корбьер, из породы, в которой оно содержалось, и что дело его преосвященства — отыскать в своих владениях месторождения, которые принесут ему богатство.

Конан Беше тщательно завернул драгоценную лепешку, которая весила по меньшей мере два ливра, в носовой платок и ничего не ответил.

На обратном пути произошел инцидент, казалось бы, незначительный, но ему суждено было в дальнейшем сыграть определенную роль в судьбе Анжелики и ее мужа.

На полпути в Тулузу — это был второй день путешествия — гнедая лошадь Анжелики захромала, поранившись острым камнем на кремнистой дороге. Заменить ее можно было только одной из четырех, запряженных в карету, но Анжелика решила, что ей не пристало ехать верхом на обыкновенной упряжной лошади. Она пересела в карету, где уже находился Берналли, так как наездником он оказался никудышным. Видя, насколько утомляет его даже небольшая поездка, Анжелика прониклась к нему чувством восхищения: ведь он способен пуститься в далекий путь ради того, чтобы полюбоваться гидравлической машиной или побеседовать о силе земного тяготения.

К тому же изгнанный из нескольких стран, итальянец был беден и путешествовал без слуг в почтовых каретах. Хотя в карете порядком трясло, ученый восторгался, как он говорил, «замечательным комфортом». Он сидел, положив на скамейку ноги, и, когда Анжелика, смеясь, попросила его уступить ей кусочек сиденья, в смущении быстро убрал их.

Граф и Бернар д'Анджос некоторое время скакали рядом с каретой, но, так как дорога была узкой, им пришлось значительно отстать, чтобы не глотать пыль, поднимаемую экипажем. Впереди ехали на лошадях два лакея.

Дорога все сужалась и петляла. После одного из поворотов карета со скрипом остановилась, и сидевшие в ней увидели несколько всадников, которые явно преграждали им путь.

— Не беспокойтесь, сударыня, — сказал Берналли, выглянув из дверцы кареты, — это всего-навсего слуги какого-то встречного экипажа.

— Но мы ни за что не разъедемся на такой узкой отвесной дороге, — воскликнула Анжелика.

Слуги де Пейрака и владельца встречного экипажа начали рьяно переругиваться, причем последние дерзко угрожали, что они заставят карету мессира де Пейрака повернуть обратно, и в доказательство того, что они имеют больше прав, один из лакеев принялся щелкать кнутом направо и налево и задел при этом слуг графа и лошадей в упряжке. Лошади встали на дыбы, и карета так накренилась, что Анжелике показалось — сейчас они полетят в лощину. Она не удержалась и закричала.

Тем временем к месту происшествия подоспел Жоффрей де Пейрак. С искаженным от гнева лицом он приблизился к лакею, который размахивал кнутом, и с силой ударил его хлыстом. В этот момент подкатила встречная карета и со скрипом остановилась. На дорогу выпрыгнул апоплексического сложения мужчина в кружевном жабо и в бантах; он был покрыт густым слоем пудры и дорожной пыли. Его изысканный туалет, пропитанный потом, являл собою странное зрелище. Потрясая тростью с набалдашником из слоновой кости, перевязанной атласным бантом, он прокричал:

— Кто смеет бить моих людей? Может, вы не знаете, грубиян, что имеете дело с президентом тулузского парламента бароном де Массно, сеньором Пуйяка и других поместий?.. Прошу отъехать в сторону и освободить нам дорогу.

Граф обернулся и церемонно поклонился:

— Счастлив познакомиться с вами. А не родственник ли вы некоего господина Массно, клерка нотариуса, о котором я слышал?

— Мессир де Пейрак! — воскликнул тот, несколько смутившись.

Но тем не менее гнев его, распаленный стоящим в зените солнцем, не утих, и он побагровел.

— Должен заметить, что, хотя дворянское звание получено мною недавно, однако оно не менее аутентично, чем ваше, граф! Я мог бы показать вам грамоту Королевской палаты, подтверждающую возведение меня в дворянство.

— Я вам верю, мессир Массно. Общество до сих пор стнает оттого, что так высоко вознесло вас.

— Я хотел бы, чтобы вы объяснили свой намек. В чем вы меня упрекаете?

— Не кажется ли вам, что для подобной дискуссии место выбрано весьма неудачно? — спросил Жоффрей де Пейрак, с трудом сдерживая свою лошадь, взбудораженную жарой и этим толстяком с багровым лицом, который размахивал перед ее мордой своей тростью. Но барон де Массно не сдавался:

— Не вам бы, мессир граф, ссылаться на мнение общества! Вы даже не снисходите до того, чтобы появляться на ассамблеях парламента.

— Парламент, не пользующийся никаким авторитетом, меня не интересует. Кого я могу там встретить? Одних только честолюбцев и выскочек, обуреваемых жаждой купить себе у мессира Фуке или кардинала Мазарини дворянский титул. И при этом они еще уничтожают в Лангедоке последние остатки нашей свободы.

— Сударь, я являюсь одним из высочайших чиновников королевской юстиции. Лангедок давно уже стал частью французского государства и находится под сенью французской короны. И непристойно при мне говорить о какой-то свободе.

— Непристойно по отношению к самому слову «свобода» произносить его в вашем присутствии. Вы не способны понять его смысл. Вы можете только одно — жить на подачки короля. Вот это вы называете служением ему.

— Я-то служу королю, а вот вы...

— Я? Я ничего у него не прошу, но зато вношу в его казну без задержек налоги за своих крестьян и плачу их чистым золотом, которое получаю со своих рудников или зарабатываю торговлей. Известно ли вам, мессир Массно, что из миллиона ливров дохода, который приносит королю Лангедок, четвертая часть — мои. Пусть

примут это к сведению все четыре с половиной тысячи сеньоров и одиннадцать тысяч буржуа Лангедока!

Но президент парламента запомнил из всей тирады лишь одно.

— Зарабатываете торговлей! — воскликнул он с негодованием. — Значит, это правда, что вы занимаетесь торговлей?

— Да, я занимаюсь торговлей и добываю золото. И я горжусь этим. Ибо у меня нет желания просить милостыню у короля.

— О, мессир де Пейрак, напрасно вы так задираете нос! Запомните: будущее королевства и его могущество зависят от буржуа и нового дворянства.

— Я в восторге от этого, — с иронией парировал граф. — Но пусть пока что новое дворянство поучится галантности и уступит дорогу карете, в которой томится госпожа де Пейрак.

Но упрямый новоиспеченный барон продолжал топтать ногами в пыли и конском навозе.

— Почему это должен сделать я? Повторяю, мое дворянство ничуть не уступает вашему!

— Но я богаче вас, толстая образина, — громко крикнул граф. — А уж коли такие, как вы, считаются только с деньгами, то потеснитесь, мессир Массно, дайте дорогу золоту!

Он поскакал вперед, сшибая с ног слуг магистрата. Да и сам магистрат едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под карету с графским гербом. Кучер, который только и ждал знака своего хозяина, был в восторге, что им удалось одержать верх над челядью этого грубияна.

Проезжая, Анжелика увидела багровое лицо Массно. Потрясая своей тростью с бантом, он кричал:

— Я напишу жалобу... Я напишу две жалобы... Его высочество герцог Орлеанский, наместник Лангедока, будет поставлен в известность... так же как и Королевский совет...

Как-то утром Анжелика и граф, войдя в библиотеку, застали там дворецкого Клемана Тоннеля, который записывал на восковых дощечках названия книг. Как и в первый раз, когда его застигли в библиотеке, он казался очень растерянным и попытался спрятать свои дощечки и шрифт.

— Черт побери, да вы и впрямь как будто интересуетесь латынью!
— воскликнул граф, и в его голосе послышалось скорее удивление, чем досада.

— Меня всегда тянуло к учению, ваше сиятельство. Я мечтал стать клерком у нотариуса, и для меня большая радость служить в доме не только знатного сеньора, но и прославленного ученого.

— Но мои книги по алхимии едва ли помогут вашему юридическому образованию, — нахмурился Жоффрей де Пейрак, которому всегда претили вкрадчивые манеры слуги. Из всей прислуги он одного его называл на «вы».

Когда Клеман Тоннель вышел, Анжелика с огорчением сказала:

— Я не могу пожаловаться на Клемана, что он нерадив, но не знаю почему, его присутствие все больше и больше тяготит меня. Когда я смотрю на него, у меня всегда появляется чувство, будто он напоминает мне о чем-то неприятном. А ведь я привезла его с собой из Пуату.

— Пустяки! — ответил Жоффрей, пожав плечами, — ему недостает скромности, вот и все, но до тех пор, пока в своей жажде знаний он не сует нос в мою лабораторию...

И все-таки Анжелика не могла отделаться от какой-то смутной тревоги, и в течение всего дня изрытое оспой лицо дворецкого то и дело всплывало в ее памяти, лишая покоя.

Некоторое время спустя после этого случая Клеман Тоннель попросил разрешения съездить в Ниор, чтобы уладить там кое-какие дела с наследством. «Так он и будет всю жизнь заниматься наследством», — подумала Анжелика. Она помнила, что из-за этого он уже потерял службу в одном доме. Клеман обещал вернуться через месяц, но по тому, с какой тщательностью он навьючивал лошадь, Анжелика почувствовала, что она не скоро увидит своего слугу. У нее мелькнула мысль передать через него письмо родным, но она тут же отказалась от нее.

Когда Клеман Тоннель уехал, Анжелику вдруг охватило необъяснимое желание побывать в Монтелу, побродить по его окрестностям. И однако она не скучала по отцу. Несмотря на то что она была сейчас очень счастлива, она все же не могла простить отцу того, что он выдал ее замуж против воли. Братья и сестры тоже

покинули замок, старый Гийом умер, тетушки, судя по письмам, которые она получала, совсем выживали из ума, а кормилица становилась все более властной. На какое-то мгновение всплыл в ее памяти и Никола: она знала, что после ее замужества он исчез.

Анжелика так упорно пыталась понять, что тянет ее в родные места, что наконец доискалась истинной причины: ей хотелось вернуться туда, чтобы побывать в замке дю Плесси и проверить, остался ли злосчастный ларец с ядом в ее тайнике, в башенке замка. Впрочем, почему бы ему там не быть? Его могли обнаружить только в том случае, если бы стали разбирать башню. Но отчего эта давняя история вдруг встревожила ее? О Фронде все уже давно забыли. Кардинал Мазарини, король и его младший брат живы. Мессир Фуке добился власти, не прибегая к преступлению. И разве не поговаривают о том, что принц Конде будет прощен?

Анжелика отбросила тревожные мысли и вскоре опять обрела душевный покой.

Глава 24

Радостное настроение царило не только в доме Анжелики, но и во всем королевстве. Даже архиепископ Тулузский, озабоченный более важными делами, на время прекратил слезку за своим соперником графом де Пейраком.

И в самом деле, его преосвященство барон де Фонтенак, архиепископ Тулузский, вместе с архиепископом Байоннским был приглашен сопровождать кардинала Мазарини в его поездке к Пиренеям.

По всей Франции из уст в уста передавалась новость: с небывалой помпой, которая потрясла весь мир, кардинал Мазарини отправился в дальний путь. Он ехал к Пиренеям, в страну басков, где на Фазаньем острове, на реке Бидассоа, будет торговаться с испанцами о мире. Наконец прекратится эта бесконечная война, которая каждый год с первыми весенними цветами вспыхивала с новой силой. Но еще больше, чем эта долгожданная новость, всех, вплоть до самого скромного ремесленника королевства, радовала другая весть: в залог мира гордая Испания согласилась отдать свою инфанту в супруги юному королю Франции. И теперь, несмотря на кое-какие недомолвки, на подозрительные взгляды, которые еще бросали друг на друга недавние враги, люди, жившие по обе стороны Пиренеев, ликовали так, как нигде в нынешней Европе, во всех ее странах, — и в бунтующей Англии, и в жалких немецких и итальянских княжествах, и в землях этих грубых, неотесанных мореходов — фламандцев и голландцев, — не сыскать было более достойной пары, чем молодой король и юная инфанта.

И впрямь, какому иному королю могла предназначаться инфанта, единственная дочь Филиппа IV, истинная богиня с перламутровым цветом лица, в строгости воспитанная под сводами мрачных дворцов?

И какая иная принцесса, желавшая стать супругой двадцатилетнего короля, надежды одной из величайших наций мира, могла похвастаться столь благородной кровью и обеспечить столь выгодный союз?

И конечно же, в замках тулузской знати страстно обсуждали это событие, и дамы утверждали, что юный король пролил украдкой немало слез, Так как был безумно влюблен в свою подружку детства, черноглазую Марию Манчини, племянницу кардинала. Но интересы государства превыше всего. И в данном случае кардинал убедительно доказал, что слава его королевского питомца и процветание страны для него важнее всего.

Для кардинала заключение мира было торжеством его интриг, которые он плел своими итальянскими руками многие годы. Он безжалостно устранил с пути собственную родню. Людовик XIV женится на инфанте!

Итак, восемь карет кардинала, десять повозок с багажом, двадцать четыре мула, сто пятьдесят ливрейных лакеев, сто всадников и двести пехотинцев тянулись к изумрудному побережью, к Сен-Жан-де-Люзу.

По пути кардинал вытребовал к себе архиепископов Байоннского и Тулузского с их свитами, чтобы придать своему кортежу еще большее великолепие. А в это время по ту сторону Пиренеев дон Луис де Аро, посланец его католического величества, противопоставив всей этой роскоши надменную скромность, ехал по плато Кастилии, везя в своих сундуках одни лишь свернутые рулонами гобелены с изображением сцен, которые должны будут напомнить кое-кому о славном прошлом королевства Карла V.

Ни кардинал, ни представитель Испании не спешили, ибо никто не хотел прибыть первым и тем самым унижить себя ожиданием. В конце концов оба — и итальянец и испанец, — топчась буквально на каждом метре, совершили чудо этикета и прибыли на берег Бидассоа в один и тот же день и в один и тот же час. Некоторое время они пребывали в нерешительности. Кто первым спустит лодку на воду, чтобы отплыть на маленький Фазаний остров посредине реки, где должна состояться встреча? Наконец оба нашли выход, который удовлетворил их гордость. И кардинал и дон Луис де Аро одновременно объявили себя больными. Уловка оказалась неудачной, так как причины были слишком уж сходны, но тем не менее, чтобы все выглядело благопристойно, пришлось ждать, пока «больные» поправятся, но никто не желал «выздоровливать» первым.

Вся Европа сгорала от нетерпения. Будет ли заключен мир? Состоится ли свадьба? Каждая деталь страстно обсуждалась.

В Тулузе Анжелика следила за всем этим без особого интереса. Она была поглощена радостным событием в своей жизни, которое представлялось ей гораздо более важным, чем свадьба короля.

День ото дня они жили с мужем все в большем согласии, и Анжелика начала страстно мечтать о ребенке. Ей казалось, что только материнство сделает ее настоящей женой Жоффрея. Тщетно он без конца уверял ее, что никогда ни одну женщину до нее не любил настолько сильно, чтобы познакомить ее со своей лабораторией и беседовать с ней о математике; она относилась к его словам недоверчиво и, мало того, еще начинала ревновать его к прошлому. Он смеялся над ее ревностью, но в глубине души был от этого в восторге.

Она поняла, насколько чувствительным был этот дерзкий человек, какое мужество он проявлял, чтобы преодолеть свое несчастье. Она восхищалась мужем, одержанной им победой. Ей казалось, что будь он красив и неуязвим, она не любила бы его так страстно. И ей хотелось подарить ему ребенка. Но шло время, и Анжелика уже начала опасаться, что она бесплодна.

Наконец, в начале зимы 1658 года, она поняла, что беременна, и от счастья заплакала.

Жоффрей не скрывал своей радости, своей гордости. В ту зиму, когда все лихорадочно готовились к королевской свадьбе — хотя еще ничего не было решено, — на которой знатные сеньоры Лангедока надеялись быть в числе приглашенных, в Отеле Веселой Науки жизнь текла спокойно. Граф де Пейрак целиком посвятил себя работе и жене, прекратив шумные приемы, которые давал в своем замке. Кроме того, ничего не сказав Анжелике, он воспользовался отсутствием архиепископа, чтобы усилить свое влияние на жизнь тулузского общества, что с одобрением встретили некоторые капитулы и часть именитых горожан.

Незадолго до родов Анжелика переехала в маленький замок графа в Беарне, у подножия Пиренеев, где воздух был лучше, чем в Тулузе.

Будущие родители, естественно, долго обсуждали, какое имя они дадут своему сыну, наследнику графов Тулузских. Жоффрей хотел назвать его Кантором, в честь знаменитого лангедокского трубадура Кантора де Мармоиа, но так как мальчик появился на свет в разгар

празднеств по случаю присуждения поэтических премий Тулузской академии, то решили дать ему имя Флоримон.

Малыш родился смуглый, с густыми черными волосами. Вначале Анжелика испытывала смутную неприязнь к нему за причиненные ей страх и муки. Правда, акушерка утверждала, что для первых родов все обошлось очень хорошо, но Анжелика редко болела и не привыкла к физическим страданиям. Несколько долгих часов боль не отпускала ее, разливаясь по всему телу, и Анжелику охватило чувство возмущения. Она была одна со своими страданиями, ни любовь, ни дружба ничем не могли ей помочь, и неведомый еще ребенок уже властвовал над нею. Лица окружавших ее людей казались ей чужими.

Этот час словно предвосхитил то страшное одиночество, которое ей пришлось испытать в дальнейшем. Она еще не знала, что оно ждет ее, но все ее существо как бы ощутило его, и граф де Пейрак с беспокойством гадал, почему она сутки лежала бледная, молчаливая и лишь натянуто улыбалась.

Но вот как-то вечером — это было на третий день — Анжелика с любопытством склонилась над колыбелью, где спал сын, и увидела такие же точеные черты, как у Жоффрея, если смотреть на него с той стороны, где лицо не изуродовано. Она представила себе, как жестокая сабля разрубает личико этого ангела, как беспомощное тельце выбрасывают через окно в Снег и на него падают горящие ветки.

Эта картина так ясно виделась ей, что она закричала от ужаса, схватила ребенка и судорожно прижала к себе. Грудь у нее болели, наливались молоком, и акушерка туго забинтовала их. Знатные дамы не должны кормить своих детей. Молодая кормилица, крепкая и здоровая, увезет Флоримона в горы, где он проведет первые годы жизни.

Но когда вечером акушерка вошла в спальню роженицы, она всплеснула руками: Флоримон с наслаждением сосал грудь своей матери.

— Сударыня, это безумие! Как же теперь остановить молоко? У вас поднимется жар, грудь затвердеет!

— Я сама его выкормлю, — тоном, не терпящим возражений, сказала Анжелика. — Я не желаю, чтобы его выбросили в окно!

Решение Анжелики скандализировало тулузское общество: знатная дама ведет себя, как простая крестьянка. В конце концов было

все же решено поселить в доме графини де Пейрак кормилицу, чтобы она подкармливала Флоримона, у которого, кстати, был замечательный аппетит.

Как раз в те дни, когда вопрос о кормлении Флоримона обсуждался всеми, вплоть до капитула беарнской деревушки, прилегавшей к замку, приехал Бернар д'Анджос. Граф де Пейрак наконец сделал его своим камергером и послал в Париж, чтобы тот подготовил дом графа к приезду хозяина — Жоффрей де Пейрак намеревался вскорости посетить столицу.

Из Парижа д'Анджос направился прямо в Тулузу, чтобы представлять графа на празднествах «Цветочных игр».

В Беарне его не ждали. Он приехал очень возбужденный. Кинув поводья слуге, он, перепрыгивая через ступеньки, взлетел по лестнице и ворвался в спальню Анжелики. Она лежала в постели, а Жоффрей де Пейрак, сидя на подоконнике, вполголоса пел, подыгрывая себе на гитаре.

Не обращая внимания на эту семейную идиллию, д'Анджос, задыхась, крикнул:

— Король приезжает!

— Куда?

— К вам, в Отель Веселой Науки, в Тулузу!..

После этого он плюхнулся в кресло и вытер пот с лица.

— Спокойнее, — проговорил Жоффрей де Пейрак, поиграв еще на гитаре, чтобы дать отдышаться д'Анджосу, — не надо впадать в панику. Я слышал, что король с матерью и двор выехали из Парижа и направляются к кардиналу в Сен-Жан-де-Люз, так каким же образом они попадут в Тулузу?

— О, это целая история! Говорят, дон Луис де Аро и кардинал Мазарини так увлеклись этикетом, что до сих пор еще не приступили к обсуждению вопроса о свадьбе. Кстати, ходят слухи, что отношения обострились. Камнем преткновения стал принц Конде. Испания настаивает, чтобы его приняли во Франции с распростертыми объятиями и забыли бы не только предательство Фронды, но и то, что этот принц французской крови в течение нескольких лет был испанским генералом. Такую горькую пилюлю трудно проглотить. В этой обстановке приезд короля будет выглядеть нелепо. Мазарини посоветовал ему попутешествовать. И вот весь двор путешествует.

Они отправились в Экс, где присутствие короля, несомненно, усмирит вспыхнувшее там восстание. И все они проедут через Тулузу. А вас нет! И архиепископа тоже нет! Капитулы сходят с ума!..

— Но ведь они не впервые принимают у себя столь высоких особ.

— Вы должны быть там, — умоляюще сказал д'Андижос. — Я приехал за вами. Говорят, король, узнав, что они проедут через Тулузу, сказал: «Наконец-то я познакомлюсь с Великим лангедокским хромым, о котором мне все уши прожужжали».

— О, я хочу в Тулузу, — воскликнула Анжелика, подскочив на постели.

Но тут же, скривившись от боли, она откинулась на подушки. Она слишком долго пролежала в постели и слишком ослабела, чтобы немедленно пуститься в путь по плохим горным дорогам да еще выдержать утомительную роль хозяйки, принимая в своем доме короля. От огорчения она расплакалась.

— О, король в Тулузе! Король в Отеле Веселой Науки, а я этого не увижу!..

— Не плачьте, дорогая, — сказал Жофfrey. — Я вам обещаю, что буду таким предупредительным и любезным, что нас не смогут не пригласить на свадьбу. Вы увидите короля в Сен-Жан-де-Люзе, и не утомленным путешественником, а во всем его великолепии.

Граф вышел, чтобы распорядиться в связи со своим отъездом на заре следующего дня, а добряк д'Андижос тем временем пытался утешить Анжелику.

— Ваш муж прав, красавица моя! Двор! Король! Подумаешь! Ну и что из этого? Один обед в Отеле Веселой Науки куда великолепнее, чем праздник в Лувре. Поверьте мне, я был там и так замерз в приемной Королевского совета, что у меня потекло из носу. Можно подумать, что у короля Франции нет лесов и для него негде нарубить дров. А у придворных короля я сам видел такие дыры на штанах, что даже фрейлины королевы, которые не отличаются стыдливостью, опускали глаза.

— Говорят, что кардинал, наставник молодого короля, не хотел приучать своего воспитанника к чрезмерной роскоши, которая была бы не по средствам стране.

— Не знаю, к чему кардинал хотел приучить короля, но себе он ни в чем не отказывал и скупал брильянты во всех видах, картины,

библиотеки, гобелены, гравюры. Однако мне кажется, что король, хотя он выглядит робким, мечтает отделаться от этого опекуинства. Ему надоела бобовая похлебка и надоели наставления матери. Ему надоело своим жалким видом олицетворять собой разграбленную Францию, и, когда ты недурен и ко всему еще король, это вполне понятно. Близок час, когда он тряхнет своей львиной гривой.

— Как он выглядит? Опишите мне его! — нетерпеливо потребовала Анжелика.

— Недурен! Недурен! Представительный, величавый. Но из-за вечных скитаний по городам и весям во времена Фронды он пребывает в таком же невежестве, как если бы был слугой, и, не будь он королем, я бы сказал вам, что нахожу его немного неискренним. Кроме того, после оспы он рябой.

— О, вы просто стараетесь разочаровать меня, — вскричала Анжелика, — и сейчас в вас говорит кровь всех этих чертовых гасконцев, беарнцев или альбигойцев, которые до сих пор не могут понять, почему Аквитания не осталась независимой, а была присоединена к французскому королевству. Для вас ничего не существует, кроме вашей Тулузы и вашего солнца. А я сгораю от желания побывать в Париже и увидеть короля.

— Вы увидите его во время свадьбы. Возможно, это событие ознаменует истинную возмужалость нашего государя. Но если вы поедете в Париж, обязательно остановитесь в Во, чтобы нанести визит мессиру Фуке. Вот кто сейчас подлинный король. Какая там роскошь, друзья мои! Какое великолепие!

— Похоже, вы уже полебезили перед этим невежественным мошенником-финансистом, — сказал граф де Пейрак, входя в спальню.

— Дорогой мой, это было необходимо. Необходимо и для того, чтобы в Париже тебя всюду принимали, ибо принцы благоговеют перед ним, и еще потому, что я, признаюсь, сгорал от любопытства: мне хотелось увидеть великого казначея государства в его доме, ведь он сейчас, бесспорно, первое лицо в стране после Мазарини.

— Будьте смелее, не бойтесь сказать: перед Мазарини. Ни для кого не секрет, что кардинал не пользуется никаким доверием у заимодавцев, даже когда деньги нужны на благо государства, в то время как этому Фуке верят все.

— Но ловкий итальянец не завидует. Фуке обогащает королевскую казну и дает возможность вести войны, а большего от него и не требуют... пока что. Его не интересует, сколько процентов платят ростовщикам — двадцать пять или все пятьдесят. Двор, король, кардинал — все живут на деньги, полученные от ростовщиков на грабительских условиях. И Фуке не так-то скоро остановится, долго еще будет всюду красоваться его эмблема — белка и его девиз: «Quo non ascendam...»^[10].

Жоффрей де Пейрак и Бернар д'Анджос еще некоторое время обсуждали сказочное богатство Фуке, который начал свою карьеру с докладчика Королевского совета, а потом стал советником парижского парламента. А отец его был всего-навсего простым, бретонским магистратом. Анжелика задумчиво слушала их — каждый раз, когда заходила речь о Фуке, она вспоминала ларец с ядом, и эти воспоминания были ей неприятны.

Разговор прервал мальчик-слуга, он принес на подносе завтрак маркизу.

— О! — воскликнул д'Анджос, обжигая пальцы горячей бриошью, в которой каким-то чудом удавалось сохранить ледяной шарик гусиного паштета. — Нигде больше тебя не угостят такой прелестью! Здесь и еще в Во. У Фуке необыкновенный повар, некий Ватель.

И вдруг он воскликнул:

— Да, это напомнило мне об одной встрече... странной встрече. Угадайте, кто вел там длительную беседу с мессиром Фуке, сеньором Бель-Иля и других владений, чуть ли не вице-королем Бретани... Угадайте...

— Трудно. У него столько знакомых.

— Постарайтесь. Это, можно сказать, некто из вашего дома...

Анжелика, подумав, предположила, что речь идет о ее зяте, муже Ортанс, который был судейским в Париже, совсем как некогда знаменитый суперинтендант.

Но д'Анджос отрицательно помотал головой.

— Ах, если бы я не боялся так вашего мужа, я бы назвал это имя только в обмен на поцелуй, потому что вам никогда не догадаться.

— Что ж, я согласна, ведь это даже принято, когда впервые приходишь к молодой матери. И не мучайте меня, скажите скорее.

— Так вот, я застал там вашего бывшего дворецкого, того самого Клемана Тоннеля, который несколько лет жил у вас в Тулузе, и он вел длительную беседу с суперинтендантом.

— Вы, наверно, ошиблись. Он уехал в Пуату, — с неожиданной поспешностью сказала Анжелика. — И потом, чего ради он вдруг окажется в доме столь важной персоны. Разве что только он пытался получить место в Во.

— Так мне и показалось, судя по их разговору. Они говорили о Вателе, поваре суперинтенданта.

— Ну вот видите, — заметила Анжелика с непонятным ей самой облегчением, — он просто хотел служить под началом этого Вателя, который слывет большим искусником. Но все-таки, мне кажется, он мог бы нас предупредить, что не вернется больше в Ламгедок. Впрочем, можно ли рассчитывать на уважение этих простолюдинов, когда они в тебе больше не нуждаются?

— Да, да! — рассеянно согласился д'Анджос, явно думая о чем-то другом. — И все же одна деталь показалась мне любопытной. Случилось так, что в комнату, где Фуке беседовал с этим самым Клеманом, я вошел внезапно. Я был с несколькими дворянами, мы слегка подвыпили... Ну, мы извинились перед суперинтендантом, но я успел заметить, что ваш дворецкий сначала довольно фамильярно разговаривал с Фуке, а когда мы вошли, сразу принял угодливую позу. Он меня узнал. Когда мы выходили, я услышал, как Клеман скороговоркой что-то сказал Фуке. Тот холодным, змеиным взглядом посмотрел на меня и ответил: «Не думаю, что это заслуживает внимания».

— Так это ты не заслуживаешь внимания, друг мой? — проговорил де Пейрак, небрежно перебирая струны гитары.

— Мне показалось...

— Какая здравая оценка!

Д'Анджос сделал вид, что вынимает шпагу, все засмеялись, и беседа потекла дальше.

Глава 25

«Я обязательно должна это вспомнить, — твердила себе Анжелика. — Это сидит у меня в голове, где-то в глубине памяти. Но я знаю, это очень важно. Я должна, обязательно должна вспомнить!»

Она сжала ладонями виски и закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Это было давно. В замке маркиза дю Плесси. В этом она была уверена, остальное плавало в каком-то тумане.

Пламя от очага жгло ей лоб. Она взяла с камина расписной шелковый веер и машинально начала им обмахиваться. За окнами, во мраке ночи, бушевала буря. Весенняя буря в горах, без молний, но с градом, который ветер, налетая порывами, швырял в стекла. Не в силах заснуть, Анжелика сидела у камина. У нее все еще побаливала поясница, и она злилась на себя, что так долго не может оправиться после родов. Акушерка все время твердила, что нездоровье вызвано ее упорным желанием кормить сына самой, но Анжелика пропускала это мимо ушей: когда она прижимала ребенка к своей груди и смотрела, как он сосет, она испытывала бесконечную радость, которая с каждым разом росла. Она расцветала и чувствовала, что становится степеннее, мягче. Она уже видела себя важной и снисходительной матроной, вокруг которой копошатся дети. Так почему она все чаще возвращается мыслями к своему детству именно теперь, когда маленькая Анжелика уже почти исчезла в далеком прошлом? Нет, это не от недомогания, не от какой-то притаившейся в ней болезни. И мало-помалу она доискалась до истинной причины. «Я должна что-то вспомнить. Я обязательно должна что-то вспомнить!»

В этот вечер она ждала Жоффрея. Он выслал вперед гонца, который предупредил о его возвращении, но сам, видимо, теперь задержался из-за бури и приедет не раньше завтрашнего утра.

Анжелика была раздосадована этим до слез. Она с таким нетерпением ждала рассказа о том, как принимали короля в Отеле Веселой Науки! Это ее бы развлекло. Говорили, что ужин и фейерверк были великолепны. Какая досада, ведь и она могла бы быть там, вместо того чтобы сидеть здесь и ломать себе голову, пытаясь извлечь

из глубин памяти какую-то подробность, которая, скорее всего, не имеет никакого значения.

«Это было в замке Плесси. В спальне принца Конде... Я смотрела в окно. Надо вспомнить все-все, с самого начала, шаг за шагом...»

Хлопнула входная дверь их небольшого замка, и снизу донесся шум голосов.

Анжелика вскочила и выбежала из комнаты. Она узнала голос Жоффрея.

— О, дорогой мой, наконец-то! Как я счастлива! Она бегом бросилась вниз по лестнице, и он подхватил ее в свои объятия.

Анжелика прильнула к мужу, сидя на подушке у его ног. Когда слуги вышли из комнаты, она нетерпеливо потребовала:

— Рассказывайте.

— Ну что ж, все прошло очень хорошо, — проговорил Жоффрей де Пейрак, пощипывая гроздь винограда. — Город встретил короля великолепно. Но, не хвастаясь, должен сказать, что мой прием в Отеле Веселой Науки превзошел все. Я успел вызвать из Лиона механика, и он устроил превосходный фейерверк.

— А король? Каков король?

— Король? Бог мой, это красивый молодой человек, и он явно наслаждается почестями, которые ему оказывают. У него круглые щеки, ласковые, нежные карие глаза и величественная осанка. По моему, он очень грустит. Маленькая Манчини нанесла ему сердечную рану, которая не так скоро зарубцуется, но он очень высоко ценит свой королевский титул и жертвует собой во имя государственных интересов. Я видел вдовствующую королеву. Она красивая, печальная и немного себе на уме. Видел Великую Мадемуазель, герцогиню де Монпансье, и брата короля и был свидетелем их спора по вопросам этикета. Ну, что вам рассказать еще? Я видел много знатных господ и уродливых физиономий!.. По правде говоря, больше всего меня порадовала встреча с юным Пегиленом де Лозеном, знаете, тем самым племянником герцога де Грамона, наместника Беарна? Он был у меня в Тулузе пажом, а потом уехал в Париж. Как сейчас помню, у него была такая кошачья мордочка. В свое время я поручил госпоже де Веран лишить его невинности.

— Жоффрей!

— Он оправдал мои надежды и применил на практике знания, полученные в Отеле Веселой Науки во всяком случае, я отметил, что у дам он любимец. А своим остроумием он совершенно покорила короля, и тот просто жить не может без его шуток.

— Ну а сам король? Расскажите мне о нем. Он выразил вам свое удовлетворение приемом, который вы дали в его честь?

— Да, и очень любезно. Он несколько раз повторил, что огорчен вашим отсутствием. Да, король удовлетворен слишком удовлетворен.

— Что значит, «слишком» удовлетворен? Почему вы говорите об этом с недоброй усмешкой?

— Потому что мне передали одну его фразу. Когда он садился в карету, один из его приближенных заметил, что, мол, наш прием не уступил по своей роскоши приемам Фуке. И его величество ответил: «Да, я и впрямь подумываю, не пришло ли время заставить этих людей отдать награбленное ими добро!» Тут добрая королева якобы воскликнула: «Сын мой, такие мысли на торжественном приеме, данном специально, чтобы вас развеселить!» — на что король ответил: «Мне надоело, что мои подданные подавляют меня своей роскошью».

— Вот как! Такой завистливый юноша! — с возмущением воскликнула Анжелика. — Нет, я не могу поверить! Вы убеждены, что это правда?

— Мой верный Альфонсо придерживал в это время дверцу королевской кареты, он мне все и рассказал.

— У короля не могли возникнуть такие низменные чувства. Это придворные озлобили его и натравили на нас. Вы уверены, что не оскорбили никого из них?

— Я был до слащавости мил с ними, уверяю вас. Так старался быть приятен, что дальше некуда. Я даже положил в спальню каждому сеньору, который ночевал в моем замке, по кошелек, набитому золотом. И клянусь вам, ни один из них не забыл захватить его с собой.

— Вы им льстите, но презираете их, и они это чувствуют, — сказала Анжелика, задумчиво покачивая головой.

Она пересела к мужу на колени и прижалась к нему. За окном продолжала бушевать буря.

— Каждый раз, когда при мне произносят имя Фуке, я вздрагиваю, — прошептала Анжелика. — Я снова вижу этот ларец с

ядом, о котором столько лет не вспоминала, а теперь он меня просто преследует.

— Вы стали очень нервной, моя милая! Неужели отныне мою жену будет кидать в дрожь от малейшего дуновения?

— Я должна что-то вспомнить, — простонала Анжелика, закрывая глаза.

Она потерлась щекой о его теплые, пахнущие фиалкой волосы, которые после дождя закрутились колечками.

— Если бы вы могли помочь мне вспомнить... Но это не в ваших силах. Мне кажется, если бы я вспомнила, я бы поняла, откуда нам грозит опасность.

— Нам не грозит никакая опасность, радость моя. Рождение Флоримона совсем выбило вас из колеи.

— Я вижу комнату — прошептала Анжелика с закрытыми глазами. — Принц Конде соскочил с кровати, потому что постучали в дверь... Я стука не слышала. Принц накинул на плечи халат и крикнул: «Я с герцогиней де Бофор...» Но дверь в глубине комнаты отворилась, и слуга ввел монаха в капюшоне... Монаха звали Экзили...

Она умолкла вдруг и смотрела перед собой застывшим взглядом. Граф испугался.

— Анжелика! — вскрикнул он.

— Теперь я вспоминаю... Слугой принца Конде был... Клеман Тоннель.

— Вы сошли с ума, дорогая, — засмеялся граф. — Этот человек прослужил у нас несколько лет, и вы только сейчас обнаружили это?

— Я видела его тогда мельком и в полутьме. Но это рябое лицо, вкрадчивые манеры... Нет, Жоффрей, теперь я уверена: это он. И я наконец поняла, почему в Тулузе мне всегда становилось не по себе, когда я смотрела на него. Помните, вы однажды сказали: «Самый опасный шпион — тот, кого не подозреваешь». Вы чувствовали, что в доме завелся шпион. Так этим шпионом был Клеман Тоннель!

— Вы слишком романтичны для женщины, которая интересуется науками.

Он ласково провел рукой по ее лбу.

— Нет ли у вас жара? Она покачала головой.

— Не смейтесь надо мной. Меня терзает мысль, что этот человек отслеживает меня столько лет. Кому он служит? Принцу Конде? Фуке?

— Вы никогда никому не рассказывали эту историю?

— Только вам... один раз... и он нас слышал...

— Но это было так давно! Успокойтесь, ангел мой. Мне кажется, ваши страхи сильно преувеличены.

Однако несколько месяцев спустя, вскоре после того как Анжелика отняла Флоримона от груди, граф как-то утром сказал ей небрежным тоном:

— Я не хочу вас заставлять, по мне было бы приятно знать, что каждый день за утренним завтраком вы принимаете вот это.

Он раскрыл ладонь, и она увидела на ней белоснежную пастилку.

— Что это?

— Яд... Крошечная доза. Анжелика посмотрела на мужа.

— Чего вы боитесь, Жоффрей?

— Ничего. Но сам я делаю это уже давно и всегда превосходно себя чувствовал. Организм постепенно привыкает к яду.

— Вы думаете, кто-то захочет отравить меня?

— Я ничего не думаю, дорогая... Просто я не верю в силу рога нарвала.

В мае граф де Пейрак с супругой были приглашены на свадьбу короля. Свадьба должна была состояться в Сен-Жан-де-Люзе, на берегу Бидассоа. Король Испании Филипп IV сам привезет юному королю Людовику XIV свою дочь — инфанту Марию-Терезию. Мир был подписан... вернее, почти подписан. Французская знать запрудила все дороги, направляясь в маленький баскский городок.

Жоффрей де Пейрак и Анжелика выехали из Тулузы рано утром, до наступления жары. Флоримон, естественно, тоже отправился в путешествие со своей кормилицей, колыбелью и арапчонком, в обязанности которого входило сместить его. Флоримон к этому времени превратился в крепкого, хотя и не слишком толстого мальчугана с очаровательным личиком младенца Иисуса, каким обычно его изображают в Испании: черноглазого и кудрявого.

Незаменимая служанка Марго везла в одной из повозок гардероб своей хозяйки. Куасси-Ба, которому сшили три ливреи — одну ослепительнее другой, — восседал, словно великий визирь, на таком же черном, как и он сам, коне. Ехали в свите и Альфонсо, верный

слуга графа де Пейрака, и четверо музыкантов — из них один, молоденький скрипач Джованни, пользовался особой симпатией Анжелики, — и некий Франсуа Бине, цирюльник, которого Жоффрей де Пейрак всюду возил с собой. В свиту входили также служанки, слуги и лакеи. Впереди них ехали кареты маркиза Бернара д'Андижоса и барона де Сербало.

Возбужденная предотъездной суматохой, Анжелика почти не заметила, как они выехали из предместий Тулузы.

Когда карета переезжала мост через Гаронну, Анжелика вскрикнула и высунула голову в оконце.

— Что с вами, дорогая? — спросил Жоффрей де Пейрак.

— Мне хочется еще раз взглянуть на Тулузу, — ответила Анжелика.

Она любовалась раскинувшимся на берегу реки розовым городом с высокими шпилями соборов и неприступными башнями.

Острая тоска сжала ее сердце.

— О, Тулуза! — прошептала она. — О, наш ОТЕЛЬ Веселой Науки!

У нее было предчувствие, что она никогда больше не увидит их.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
В ГАЛЕРЕЯХ ЛУВРА (май — сентябрь
1660 года)

Глава 26

— О боже, я и без того убита горем, а мне еще приходится терпеть вокруг себя всяких олухов! Если бы не обязательства, которые налагает на меня мой титул, я выбросилась бы с этого балкона, чтобы раз и навсегда покончить с такой жизнью, и ничто бы меня не удержало!

Эта горькая тирада заставила Анжелику выбежать на балкон своей комнаты. На балконе соседнего дома она увидела высокую даму в ночной кофте, которая, опустив голову на перила, уткнулась лицом в носовой платок.

К рыдающей даме подошла фрейлина, но та замахала на нее руками, словно ветряная мельница.

— Дура! Дура! Оставьте меня, я вам сказала! Из-за вашей глупости я никогда не буду одета. Впрочем, мне все равно. Я в трауре, и мне остается лишь заживо похоронить себя. Пусть я буду причесана, как чучело, — подумаешь, какая важность!

Она взлохматила свои пышные волосы и подняла мокрое от слез, красивое, с аристократическими чертами, хотя и чуть тяжеловатое лицо. Ей было лет тридцать.

— Если госпожа Вальбон больна, кто же меня причешет? — снова заговорила она трагическим голосом. — Ведь у вас у всех руки такие неловкие, хуже, чем лапы у медведя на ярмарке в Сен-Жермене!

— Сударыня! — вмешалась Анжелика.

На этой узкой улочке в Сен-Жан-де-Люзе, где тесно стояли небольшие дома, сейчас битком набитые придворными, балконы почти соприкасались. Поэтому каждый невольно был осведомлен о том, что происходит у соседей.

Хотя заря только занималась и небо было розоватым, словно анисовый ликер, город уже гудел как улей.

— Сударыня, — повторила Анжелика, — не могу ли я вам помочь? Я поняла, что вы в затруднении из-за прически. Со мной искусный цирюльник, у него есть и щипцы, и всевозможные пудры. Он в вашем распоряжении.

Дама вытерла скомканным платочком свой длинный покрасневший нос и глубоко вздохнула.

— Вы очень любезны, дорогая. Да, конечно, я принимаю ваше предложение. Сегодня я не могу добиться от своих людей никакого толку. Прибытие испанцев привело их в такую агитацию, словно они попали на поле битвы во Фландрию. Ну скажите на милость, кто он такой, этот король Испании?

— Король Испании, — засмеялась Анжелика.

— Подумаешь! Если все взвесить, так его род не может по благородству сравниться с нашим! Ну, не буду спорить, золота у них много, но они питаются репой и сами скучнее ворон.

— О, сударыня, не разочаровывайте меня. Я в таком восторге, что увижу их. Говорят, король Филипп IV и его дочь — инфанта — придут сегодня на испанский берег.

— Возможно. Во всяком случае, я не смогу их приветствовать, так как мой туалет никогда не будет закончен.

— Наберитесь немного терпения, сударыня, я быстро оденусь и приведу к вам своего цирюльника.

Анжелика поспешно вернулась в комнату, где царил неопиcуемый беспорядок. Марго со служанками доглаживали великолепное платье своей госпожи. Сундуки и ларцы с драгоценностями были раскрыты, и Флоримон без штанишек ползал по полу, с вожделением разглядывая все эти сокровища.

«Надо будет, чтобы Жоффрей сам подобрал украшения к этому платью из золотой парчи», — подумала Анжелика, снимая пеньюар и надевая скромное платье, а поверх него — накидку.

Франсуа Бине она разыскала внизу, на первом этаже, где он всю ночь завивал тулузских дам, подруг Анжелики, и даже служанок, которые хотели выглядеть понаряднее. Бине взял медный тазик на случай, если придется брить кого-нибудь из сеньоров, ящичек, набитый гребенками, щипцами, мазями и накладными косами, и вместе с мальчиком, который тащил жаровню, вслед за Анжеликой вошел в соседний дом.

Здесь было еще теснее, чем в доме старушки — отдаленной родственницы графа де Пейрака, которая приютила их.

Анжелика обратила внимание на роскошные ливреи слуг и подумала, что заплаканная дама, должно быть, очень важная персона.

Здороваясь с нею, она на всякий случай сделала глубокий реверанс.

— Вы очаровательны, — сказала дама томным голосом, пока цирюльник раскладывал на табурете свои принадлежности. — Если б не вы, я бы совсем испортила себе лицо слезами.

— О нет, сегодня плакать нельзя! — запротестовала Анжелика.

— Что вы хотите, дорогая моя, все эти увеселения не для меня!

Она скорчила грустную мину.

— Разве вы не заметили, что я в трауре? Я только что потеряла отца.

— О, я глубоко вам сочувствую...

— Мы так ненавидели друг друга и столько ссорились, что это еще больше усиливает мое горе. И как это ужасно — носить траур во время празднеств! Зная злобный характер моего отца, я подозреваю, что он...

Не договорив, она закрыла лицо картонным колпаком, который ей подал Бине, так как он стал обильно посыпать голову своей клиентки душистой пудрой. Анжелика чихнула.

— ...я подозреваю, — вынырнув из-под колпака, закончила дама, — что он сделал это мне назло.

— Назло? Что назло, сударыня?

— Умер, черт побери! Ну ладно, ничего не поделаешь! Я ему прощаю. Что бы обо мне ни болтали, но у меня всегда была нежная душа. И отец мой умер как добрый христианин... Это для меня большое утешение. Но меня возмущает, что его тело сопровождали в Сен-Дени всего лишь несколько гвардейцев и священников... никакой помпы, так убого... Вы считаете это пристойным?

— Конечно же, нет, — ответила Анжелика, боясь, как бы не попасть впросак. Если этого дворянина похоронили в Сен-Дени, значит, он принадлежал к королевской семье. Или она не совсем правильно поняла даму...

— Будь там я, все было бы по-иному, поверьте мне, — заключила дама, гордо вскинув голову. — Я люблю пышность и хочу, чтобы каждому воздавалось в соответствии с его рангом.

Она замолчала, чтобы оглядеть себя в зеркало, которое, стоя на коленях, держал веред ней Франсуа Бине, а лицо ее озарилось улыбкой.

— Великолепно! — воскликнула она. — Вот это прическа — и к лицу, и приятна. Милая моя, ваш цирюльник — настоящий артист. Тем более, что я знаю: волосы у меня трудные.

— У вашей светлости волосы тонкие, но пышные и послушные, — ответил цирюльник с глубокомысленным видом. — Именно из таких волос можно создавать самые прекрасные прически.

— Правда? Вы мне льстите! Я скажу, чтобы вам заплатили сто экю. Сударыни! Сударыни! Этот человек должен обязательно завить малышек.

Из соседней комнаты, где болтали фрейлины и горничные, с трудом выгнали «малышек», которые оказались двумя девочками-подростками.

— Это ваши дочери, сударыня? — поинтересовалась Анжелика.

— Нет, мои сестры. Они невыносимы. Посмотрите на младшую, у нее только и есть хорошего, что цвет лица, так она ухитрилась дать себя покусать мошкам, как их там... комарам... и вот, пожалуйста, вся опухла. И еще она без конца ревет.

— Наверно, тоже горюет по отцу?

— Ничего подобного! Просто ей слишком много твердили, что она выйдет замуж за короля, даже называли «маленькой королевой». А теперь она в обиде, что он женится на другой.

Цирюльник занялся девочками, а в это время с узкой лестницы донесся какой-то шум, и на пороге появился молодой человек. Он был очень маленького роста, со свежим, румяным лицом над пышным кружевным жабо. На манжетах и под коленями у него тоже было несколько кружевных воланов. Несмотря на ранний час, одет он был с большой тщательностью.

— Кузина, — сказал он жеманным голосом, — я слышал, что у вас есть цирюльник, который творит чудеса.

— Ах, Филипп, такие новости до вас доходят быстрее, чем до любой красавицы. Но скажите, по крайней мере, что я хороша.

Молодой человек скривил свои красные толстые губы и, прищутив глаза, оглядел кузину.

— Должен признать, что этот волшебник сумел сделать вас более красивой, чем можно было надеяться, — дерзко сказал он, смягчая свои слова кокетливой улыбкой.

Затем он вышел в прихожую и, перегнувшись через перила лестницы, крикнул:

— Де Гиш, дорогой мой, поднимайтесь. Это действительно здесь.

В статном и красивом молодом брюнете, который вошел в комнату, Анжелика узнала графа де Гиша, старшего сына герцога де Грамона, наместника Беарна. Тот, кого называли Филиппом, схватил графа под руку и нежно прижался к нему.

— О, я счастлив. Теперь уж наверняка мы с вами будем причесаны лучше всех при дворе. Пегилен и маркиз д'Юмьер побелеют от зависти. Я видел, как они в отчаянии метались в поисках своего цирюльника, которого с помощью тугого кошелька переманил Вард. Этим прославленным капитанам королевских телохранителей придется предстать перед королем с колючими, как кожура каштана, подбородками.

Он засмеялся немного визгливым смехом, провел рукой по своему свежевыбритому подбородку, затем ласковым жестом погладил по щеке графа де Гиша, без всякого стеснения прильнув к нему и глядя на него томным взглядом. Де Гиш самодовольно улыбался, принимая эти знаки почитания без всякого смущения.

Анжелика никогда не видела, чтобы так держались двое мужчин, и она испытывала даже какую-то неловкость. Видимо, и хозяйке дома это пришлось не по душе, потому что она вдруг воскликнула:

— Ах, Филипп, пожалуйста, не нежничайте друг с другом здесь. Ваша мать снова обвинит меня в том, что я потакаю вашим нездоровым инстинктам. С того праздника в Лионе, когда, помните, вы, я и мадемуазель де Вильруа переоделись бресскими крестьянками, она замучила меня своими упреками. И не говорите при мне, что юный Пегилен в отчаяньи, не то я пошлю человека, чтобы его отыскали и привели сюда. Ну-ка я взгляну, не видно ли его. Пегилен — самый блестящий юноша из всех, кого я знаю, и я обожаю его.

Шумно и стремительно, как она делала все, дама выбежала на балкон, но тут же попятилась назад, прижимая руку к своей пышной груди.

— Ох, боже мой, это он!

— Пегилен? — поинтересовался юный сеньор.

— Нет, тот дворянин из Тулузы, что наводит на меня такой страх.

Анжелика тоже вышла на балкон и увидела, что по улице в сопровождении Куасси-Ба идет ее муж, граф Жоффрей де Пейрак.

— Да это же Великий лангедокский хромым! — воскликнул Филипп, который, в свою очередь, присоединился к дамам. — Кузина, почему вы боитесь его? У него нежный взгляд, ласковые руки и блестящий ум.

— Вы говорите, как женщина, — с отвращением сказала дама. — Я слышала, все женщины от него без ума.

— Кроме вас.

— Я никогда не была чересчур чувствительной. Я вижу только то, что вижу. А разве вы не находите, что в этом мрачном хромым, да еще когда он рядом со своим черным, словно выскочившим из ада мавром, есть нечто такое, что наводит ужас?

Граф де Гиш в растерянности поглядывал на Анжелику и даже дважды пытался вставить слово, но Анжелика сделала ему знак молчать. Этот разговор очень забавлял ее.

— Нет, поистине вы не умеете видеть мужчин глазами женщины, — проговорил Филипп. — Вы просто не можете забыть, что этот сеньор отказался преклонить колени перед герцогом Орлеанским, вот и вся причина, отчего вы так взъелись на него.

— Но ведь он и впрямь проявил тогда неслыханную дерзость...

В этот момент Жоффрей де Пейрак обратил взгляд к балкону, остановился и, сняв шляпу с перьями, отвесил несколько глубоких поклонов.

— Вот видите, как несправедлива молва, — заметил Филипп. — О нем говорят, что он спесив, и однако... Кто еще может поклониться с такой грацией! А вы что думаете, мой дорогой?

— Совершенно верно, граф де Пейрак де Моран славится своей галантностью, — поспешно согласился де Гиш, не зная, как прекратить этот бестактный разговор, свидетелем которого он стал. — А вы помните, какой великолепный прием он дал, когда мы были в Тулузе?

— О, даже сам король был несколько уязвлен такой роскошью. Впрочем, его величество проявляет живейший интерес к жене хромого. Он хочет знать, так ли она хороша, как гласит молва. Ему кажется непостижимым, что можно любить...

Анжелика тихонько вернулась в комнату и, отведя в сторону Франсуа Бине, ущипнула его за ухо.

— Твой хозяин вернулся и сейчас потребует тебя. И не вздумай польститься на экую этих господ, не то я прикажу задать тебе хорошую трепку.

— Будьте покойны, госпожа. Я причешу эту юную мадемуазель и тихонько улизну.

Анжелика спустилась вниз и пошла к себе. Она думала о Бине, он ей очень нравился, и не только потому, что он мастер своего дела и у него безупречный вкус, но и потому, что у этого опытного хитрого слуги была своя философия. Ко всем аристократам, чтобы невзначай не обидеть кого-нибудь, он обращался «ваша светлость».

В комнате Анжелика застала еще больший беспорядок. Жоффрей, повязав салфетку вокруг шеи, уже ждал своего брадоброя.

— Ну, сударыня моя, вы времени зря не теряете, — вскричал он. — Вы были еще совершенно заспанной, когда я вышел разузнать о новостях и о порядке церемоний. А час спустя я уже нахожу вас в дружеской беседе с герцогиней де Монпансье и братом короля.

— Герцогиня де Монпансье! Великая Мадемуазель! — воскликнула Анжелика. — Боже мой! Как же я не догадалась, ведь она сказала, что ее отца похоронили в Сен-Дени.

Раздеваясь, Анжелика рассказала, каким образом она совершенно случайно познакомилась со знаменитой фрондеркой, старой дево́й королевской крови, которая после недавней смерти своего отца, Гастона Орлеанского, стала самой богатой наследницей Франции.

«Значит, эти две девочки — ее сводные сестры де Валуа и д'Алансон, те самые, что понесут шлейф королевы во время свадебной церемонии. Бине причесал и их», — подумала Анжелика.

В комнату, запыхавшись, влетел цирюльник и сразу же принялся намыливать подбородок своему хозяину. Анжелика стояла в одной рубашке, но сейчас это никого не смущало. Пора было отправляться на аудиенцию к королю, который потребовал, чтобы все приглашенные дворяне явились приветствовать его сегодня же утром. Потом, когда все будут поглощены встречей испанцев, французам будет недосуг представляться друг другу.

Маргарита, зажав во рту булавки, надела на Анжелику первую юбку из тяжелой золотой парчи, потом вторую, тонкую, как паутина,

из золотого кружева, рисунок которого оттеняли драгоценные камни.

— Так вы говорите, что этот женственный молодой человек — брат короля? — спросила Анжелика. — Он так странно держался с графом де Гишем, словно влюблен в него. О, Жоффрей, вы и в самом деле думаете, что... они...

— Это называется любовью по-итальянски, — смеясь, сказал граф. — Наши соседи по ту сторону Альп настолько утонченные люди, что их уже не удовлетворяют естественные наслаждения. Мы обязаны им, правда, возрождением литературы и искусства, да еще вдобавок плутом министром, ловкость которого порою оказывается весьма полезной Франции, но зато от них проникли к нам эти странные нравы. Жаль, что они пришлись по душе единственному брату короля.

Анжелика нахмурилась.

— Принц сказал, что у вас ласковые руки. Интересно, когда он успел это заметить.

— Боже мой, маленький брат короля вечно липнет к мужчинам, и, возможно, он попросил меня поправить ему воротник или манжеты. Он не упустит случая, чтобы за ним поухаживали.

— Он говорил о вас так, что во мне чуть не проснулась ревность.

— Душенька моя, если вы только позволите себе волноваться, то очень скоро интриги захлестнут вас с головой. Двор — это огромная липкая паутина. Вы погибнете, если будете все принимать близко к сердцу.

Франсуа Бине, который, как и все брадобреи, любил поговорить, вмешался в разговор:

— Я слышал, что кардинал Мазарини потакал склонностям маленького брата короля, чтобы он не вызывал подозрений у Людовика XIV. По распоряжению кардинала Мазарини мальчика одевали девочкой, и его друзей заставляли одеваться так же. Раз он брат короля, значит, всегда будут бояться, что он начнет устраивать заговоры, как покойный герцог Гастон Орлеанский, который был просто невыносим.

— Уж слишком сурово ты судишь о своих принцах, цирюльник, — заметил Жоффрей де Пейрак.

— У меня, месьсир граф, нет иного богатства, кроме собственного языка и права болтать им.

— Лгун! Я сделал тебя богаче королевского брадобрея!

— Истинная правда, мессир граф, но этим я не хвастаюсь. Пробуждать к себе зависть было бы неблагоприятно.

Жоффрей де Пейрак окунул лицо в тазик с розовой водой, чтобы освежить горящую после бритья кожу. Из-за многочисленных шрамов эта процедура у него всегда длилась долго и требовала осторожности, и здесь незаменима была легкая рука Бине. Граф сбросил халат и начал одеваться с помощью камердинера и Альфонсо.

Анжелика тем временем уже надела корсаж из золотой парчи и теперь стояла неподвижно, пока Маргарита прикрепляла шемизетку, — настоящее произведение искусства из шелка и филигранного золота. Золотые кружева сверкающей пеной окутывали ее обнаженные плечи, придавая нежной коже прозрачность фарфора. Щеки, горевшие мягким румянцем, чуть подкрашенные ресницы и брови, волнистые, отливавшие, как и платье, золотом волосы, безмятежная, ясная глубина зеленых глаз — вот что увидела Анжелика в зеркале, и она сама себе показалась каким-то необыкновенным божеством, созданным только из драгоценных материалов: золота, мрамора, изумрудов.

Вдруг Марго, вскрикнув, бросилась к Флоримону — малыш уже тянул в рот бриллиант в шесть карат...

— Жоффрей, что мне надеть из украшений? Жемчуг, пожалуй, слишком скромно, бриллиант — резок.

— Изумруды, — ответил он. — Они подходят к вашим глазам. Одно лишь золото — крикливо, да и блеск его несколько холоден. Ваши глаза смягчают его, вдыхают в него жизнь. Наденьте серьги и изумрудное ожерелье. А вот из колец одно-два, может быть, и с бриллиантами.

Анжелика склонилась к футлярам с драгоценностями, поглощенная выбором украшений. Она до сих пор еще не пресытилась ими, и каждый раз это изобилие приводило ее в восторг.

Когда она подняла голову, граф де Пейрак прикреплял шпагу к своей усыпанной бриллиантами перевязи.

Анжелика долго смотрела на него, и неожиданно словно дрожь пробежала по ее телу.

— А знаете, герцогиня де Монпансье отчасти права. В вас действительно есть что-то, наводящее ужас, — сказала она.

— Мне все равно не скрыть своего уродства, — ответил граф. — Если я стану одеваться, как все королевские франты, у меня будет

смешной и жалкий вид. Поэтому я подбираю туалет, который мне подходит.

Анжелика посмотрела на его лицо. Оно принадлежало ей. Она ласкала его, она знала на нем каждую морщинку. Она улыбнулась и прошептала: «Любовь моя!»

В костюме графа сочетались цвета черный и серебра. Под плащом из черного муара, отделанным серебряными кружевами, которые были прикреплены брильянтовыми застежками, виднелся камзол из серебряной парчи с изысканными черными кружевами. Из тех же кружев были воланы, тремя рядами спускавшиеся до самых колен из-под черных бархатных рингравов. Пряжки на туфлях были с бриллиантами. Шейный платок не свисал в виде жабо, а был завязан широким бантом и тоже расшит крошечными бриллиантиками. Пальцы графа украшали перстни с бриллиантами, и только один перстень был с огромным рубином.

Граф надел мягкую шляпу с белыми перьями и осведомился, взяли Куасси-Ба подарки, предназначенные королевской невесте, которые он должен вручить королю.

Куасси-Ба стоял на улице у дверей, вызывая восхищение зевак: на нем был бархатный камзол вишневого цвета, широкие турецкие шаровары из белого атласа и такой же тюрбан. Все пальцами показывали на его кривую саблю. На подушечке он держал великолепную красную сафьяновую шкатулку, обитую золотыми гвоздиками.

Два портшеза ждали графа и Анжелику.

Их быстро доставили в особняк, где остановились король, его мать и кардинал. Как и все особняки Сен-Жан-де-Люзе, это был небольшой дом в испанском стиле со множеством балюстрад и перил с фигурными столбиками из позолоченного дерева. Придворные запрудили площадь перед домом, и порывы ветра, доносившего соленый запах океана, шевелили перья на их шляпах.

Едва Анжелика переступила порог, сердце ее затрепетало.

«Сейчас я увижу короля! — подумала она. — Увижу королевумать! Кардинала!»

Как он всегда был близок ей, юный король, о котором рассказывала кормилица, юный король, преследуемый разъяренной

толпой Парижа, вынужденный, скитаться по разоренной Фрондой Франции, переезжать из города в город, из замка в замок; король, по воле принцев всеми преданный, покинутый. И вот, наконец, он победил. Теперь он вкушает плоды своей победы. Но еще больше, чем сам король, упивалась этой победой женщина под черной вуалью, которую Анжелика увидела в глубине залы, — королева-мать. У нее было матовое лицо испанки, надменное и в то же время приветливое, ее маленькие прекрасные руки покоились на темном платье.

Анжелика и ее муж по сверкающему паркету прошли через всю залу. Два арапчонка держали шлейф ее верхнего платья из золотой травчатой парчи, в отличие от блестящей гладкой парчи, из которой были сшиты юбка и корсаж. Гигант Куасси-Ба следовал за ними. В зале было сумрачно и очень душно из-за обилия ковров и толпы придворных.

Старший камергер короля объявил:

— Граф де Пейрак де Моран д'Иристрию.

Анжелика присела в глубоком реверансе. Сердце у нее отчаянно билось. Она видела перед собой только черную и красную фигуры: королеву-мать и кардинала.

«Жоффрею следовало бы поклониться ниже, — мелькнуло у нее в голове. — Ведь только что он так красиво приветствовал герцогиню де Монпансье. А перед высочайшими он лишь слегка отставил ногу... Бине прав... Бине прав...»

Это, конечно, было глупо вдруг вспомнить о добряке Бине, глупо твердить, что он прав. Да и в чем он прав, кстати?

Она услышала чей-то голос:

— Мы счастливы снова видеть вас, граф, и приветствовать... полюбоваться графиней, о красоте которой столько наслышаны. Обычно молва преувеличивает, но мы должны признать, что на сей раз действительность превзошла все ожидания.

Анжелика подняла голову и встретилась взглядом с блестящими карими глазами, весьма внимательно разглядывавшими ее, встретилась взглядом с королем.

Король был одет роскошно и, несмотря на то, что роста был среднего, держался так прямо, что выглядел куда представительнее всех окружающих его придворных. Его лицо несколько портили оспинки — память о болезни, которую он перенес в детстве. Нос у

него был довольно длинный, губы — крупные, улыбчивые, а над ними — тонкая, еле заметная линия темных усиков. Густые каштановые волосы, судя по всему не накладные, были завиты. Ноги были стройные, руки — изящные. Под кружевами и бантами угадывалось сильное, гибкое тело, натренированное охотой и верховой ездой.

«Кормилица сказала бы: отменный мужчина. Правильно делают, что женят его», — подумала Анжелика.

И снова упрекнула себя за низменные мысли в столь торжественный момент своей жизни.

Королева-мать попросила открыть шкатулку, которую, упав на колени и уткнувшись лбом в пол, словно волхв, преподнес Куасси-Ба.

Общий возглас восхищения вызвал маленький несессер с различными коробочками, гребенками, ножницами, крючками, печатками, все из литого золота и черепахового панциря с островов. Набожных дам из свиты королевы восхитила миниатюрная дорожная часовенка. Королева улыбнулась и перекрестилась. Распятые и две статуэтки испанских святых, а также лампадка и крошечное кадило были из золота и позолоченного серебра. Жоффрей де Пейрак заказал итальянскому художнику деревянный позолоченный триптих с изображением страстей господних. Миниатюры были выполнены тонко и отличались свежестью красок. Анна Австрийская заявила, что инфанта слывет очень набожной и, конечно же, будет в восторге от такого подарка.

Королева повернулась к кардиналу, чтобы и он полюбовался триптихом, но тот разглядывал вещицы из несессера и медленно крутил их между пальцами, чтобы золото переливалось на солнце.

— Говорят, мессир де Пейрак, золото течет вам в руки, как источник из скалы, — с улыбкой сказал он.

— Образ правильный, ваше высокопреосвященство, — мягко ответил граф, — именно как источник из скалы... но из скалы, которую предварительно взорвали с помощью фитилей и пороха, в которую глубоко вгрызлись, которую перетряхнули, измельчили, почти сровняли с землей. Вот тогда, если трудиться не покладая рук, до седьмого пота, не щадя себя, действительно золото, может быть, потечет. И даже в изобилии.

— Прекрасная притча о труде, который приносит свои плоды. Мы не привыкли слышать подобные слова из уст человека вашего ранга,

но, признаться, мне они по душе.

Мазарини продолжал улыбаться. Он поднес к лицу зеркальце из несессера и мельком взглянул в него. Сквозь румяна и пудру, под которыми он пытался скрыть желтизну лица, он увидел, что на висках проступила испарина, отчего волосы, спадавшие из-под красной кардинальской шапочки, слиплись.

Болезнь изнуряла его долгие месяцы, и когда он, ссылаясь на боли в почках, заявил, что не может первым нанести визит испанскому посланцу Луису де Аро, он-то как раз не лгал. Анжелика перехватила взгляд вдовствующей королевы, брошенный на кардинала, — встревоженный взгляд женщины, которую снедает беспокойство. Казалось, она умоляла: «Не говорите много, это утомляет вас. И потом, вам уже пора выпить настоек из трав».

Правда ли, что королева, которой слишком целомудренный супруг столько времени пренебрегал, любила своего итальянца? Об этом говорили все, но достоверно никто ничего не знал. Потайные переходы Луврского дворца надежно хранили тайны. И возможно, лишь один человек знал все — ее сын, король, которого она так рьяно защищала. И разве в письмах, которыми обменивались кардинал и королева, не его называли они своим доверенным лицом? Что же ему доверено?

— При случае я с удовольствием побеседовал бы с вами о ваших трудах, — проговорил кардинал.

Юный король с живостью поддержал его:

— И я тоже. То, что я слышал о них, пробудило во мне любопытство.

— Я в вашем распоряжении, ваше величество и ваше высокопреосвященство.

На этом аудиенция закончилась.

Анжелика с мужем подошли поздороваться с архиепископом Тулузским, бароном де Фонтенаком, которого они заметили в числе окружавших кардинала духовных лиц.

Затем они раскланялись с другими знатными особами и со своими знакомыми. У Анжелики от реверансов ныла спина, но она была так возбуждена, так счастлива, что не чувствовала усталости. Compliments, которыми осыпали ее со всех сторон, не оставляли сомнений в ее успехе. Да, слов нет, она и граф привлекли всеобщее внимание.

Пока граф беседовал с маршалом де Грамоном, к Анжелике подошел невысокий молодой человек с приятным лицом.

— Узнаете ли вы меня, о богиня, сошедшая с солнечной колесницы?

— О, разумеется, вы — Пегилен! — радостно воскликнула она и тут же извинилась:

— Простите мою фамильярность, мессир де Лозен, но что делать, если повсюду я только и слышу: Пегилен, Пегилен. Пегилен здесь, Пегилен там! Все так вас обожают, что я, хотя уже давно не видела вас, невольно поддаюсь общему порыву.

— Вы обворожительны и радуете не только мой взор, но и мое сердце. Знаете ли вы, что из всех присутствующих дам вы — самая очаровательная? Некоторые завистницы уже ломают от досады свои веера и рвут в клочья носовые платки, настолько поразил их ваш туалет. Если вы так начинаете, что же будет в день свадьбы?

— О, тогда я померкну перед пышностью свадебного кортежа. Но сегодня у меня особенный день — меня представили королю. Я до сих пор не могу прийти в себя от волнения.

— Вы нашли его приятным?

— Как же можно не найти приятным короля? — рассмеялась Анжелика.

— Я вижу, вы уже усвоили, что следует и чего не следует говорить при дворе. А я вот удивлен, каким чудом до сих пор еще не изгнан отсюда. Мало того, даже назначен капитаном королевских телохранителей.

— В вашем мундире вы неотразимы.

— Пожалуй, он мне идет... Да, конечно, король очаровательный друг, но — осторожно! — играя с ним, упаси вас бог царапнуть его слишком сильно.

И он добавил, склонившись к ее уху:

— Вы знаете, что я чуть не угодил в Бастилию?

— Что же вы натворили?

— Даже не припомню сейчас. Кажется, слишком нежно обнял крошку Марию Манчини, в которую король был безумно влюблен. Королевский приказ о моем заточении без суда и следствия уже был готов, но меня вовремя предупредили. Я в слезах бросился в ноги королю и так его насмешил, что он простил меня и не только не запер

в темницу, но даже назначил капитаном. Как видите, он очаровательный друг... если только он не враг.

— Зачем вы мне говорите все это? — неожиданно спросила Анжелика.

Пегилен де Лозен широко раскрыл светлые глаза, которыми он превосходно кокетничал.

— Да просто так, дорогая мой.

Он фамильярно подхватил ее под руку и куда-то потащил.

— Идемте, я должен представить вам моих друзей, они сторают от желания познакомиться с вами.

Друзьями Пегилена оказались молодые люди из королевской свиты. Анжелика была в восторге, что сразу же попала в окружение самых близких к королю людей. Сен-Тъери, Бриенн, Кавуа, Ондедей, маркиз д'Юмьер, которого де Лозен представил как своего извечного врага, Лувиньи, второй сын герцога де Грамона, — все они показались ей очень веселыми, галантными, все блистали нарядами. Был среди них и де Гиш, на котором по-прежнему вис брат короля. Принц задержал на Анжелике враждебный взгляд.

— О, вот она опять... — пробормотал он.

И повернулся к ней спиной.

— Не обращайтесь на него внимания, дорогая, — прошептал Пегилен. — Маленький брат короля в каждой женщине видит соперницу, а де Гиш имел неосторожность приветливо взглянуть на вас.

— А знаете, теперь, после смерти своего дяди Гастона Орлеанского, он хочет, чтобы его называли не маленьким братом, а просто братом короля, — вмешался маркиз д'Юмьер.

В толпе придворных возникло какое-то движение, она всколыхнулась, и несколько услужливых рук торопливо протянулись к Анжелике, чтобы поддержать ее.

— Берегитесь, мессеры, — воскликнул Лозен, с важным видом подняв палец, — не забывайте о знаменитой шпаге Лангедока!

Но Анжелику так теснили со всех сторон, что она, смеющаяся и немного сконфуженная, невольно то и дело оказывалась прижатой к украшенным бантами и приятно пахнущим ирисовой пудрой и амброй камзолам.

Королевские стольничие расчищали путь для вереницы лакеев с серебряными блюдами и сотейниками. По зале пробежал слух: их величества и кардинал, утомленные аудиенцией, удалились на короткое время перекусить и отдохнуть.

Де Лозен и его друзья тоже ушли — их призывала служба.

Анжелика искала глазами своих тулузских знакомых. Собираясь сюда, она страшилась встречи с пылкой Карменситой, но здесь узнала, что незадачливый мессир де Мерекур, испив горькую чашу до дна, неожиданно в порыве гнева за поруганную честь запер жену в монастырь, но жестоко расплатился за эту оплошность — он впал в немилость.

Анжелика стала пробираться сквозь толпу к выходу. Запах жаркого, смешанный с ароматом духов, вызвал у нее мигрень. Жара была нестерпимая.

Анжелика порядком проголодалась. «Должно быть, день уже в разгаре!» — подумала она и решила, что если не сумеет быстро отыскать своего мужа, то вернется домой одна и прикажет подать себе окорок и вино.

По-видимому, ее знакомые — тулузцы тоже все вместе собрались у кого-нибудь, чтобы позавтракать. Кругом были чужие лица. А их речь, не окрашенная южным акцентом, казалась ей сейчас необычной. А может, и она сама за годы, проведенные в Лангедоке, стала говорить так же быстро и певуче? Она даже огорчилась немного.

Наконец она добралась до какого-то закоулка под лестницей и присела на банкетку, чтобы перевести дух и обмахнуться веером. Нелегко выбраться из этих построенных а испанском стиле домов с бесконечными коридорами и потайными дверями.

Как бы в подтверждение этой мысли в нескольких шагах от себя она увидела в стене между двумя коврами щель, через которую, раздвинув ковры, вылезла из соседней комнаты собака с куриной костью в зубах.

Анжелика заглянула в эту щель и увидела сидящую вокруг стола королевскую семью вместе с кардиналом, архиепископами Тулузским и Байоннским, маршалом де Грамоном и мессиром де Льонном. Стольничие, подававшие блюда, входили и выходили через другую дверь.

Король несколько раз тряхнул головой, откидывая назад волосы, и обмахнулся салфеткой.

— Здешняя жара испортит любое торжество.

— На Фазаньем острове свежее. Там с моря дует ветер, — заметил мессир де Льонн.

— Мне им не наслаждаться, ведь по испанскому этикету я не должен видеть своей невесты до дня свадьбы.

— Но вы поедете на Фазаний остров, чтобы встретиться там со своим дядей, королем Испании, который теперь станет и вашим тестем, — объяснила сыну королева. — Вот тогда и будет подписан мир.

И повернувшись к своей фрейлине, госпоже де Мотвиль, она добавила:

— Я так взволнована! Я очень любила брата, часто писала ему! Подумайте только, мне было всего двенадцать лет, когда я простилась с ним на этом самом берегу, и с тех пор мы ни разу не виделись.

Все вокруг сочувственно заахали. Никто, казалось, и не вспомнил, что этот брат, король Филипп IV, был самым лютым врагом Франции и что его переписка с Анной Австрийской дала повод кардиналу Ришелье заподозрить королеву в заговоре и измене. Но теперь все это было далеким прошлым. Новый союз между Францией и Испанией вселял в души людей такие же надежды, как и пятьдесят лет назад, когда на этой самой реке Бидассоа две страны обменялись своими принцессами, совсем юными, с пухлыми щечками, неуклюжими в огромных гофрированных воротниках: Анна Австрийская была отдана в жены Людовику XIII, а Елизавета Французская — юному инфанту Филиппу IV. Инфанта Мария-Терезия, которую ожидали здесь сегодня, была дочерью той самой Елизаветы.

Анжелика со страстным любопытством наблюдала этих великих мира сего в своем кругу. Король ел жадно, но с чувством собственного достоинства. Пил он мало и несколько раз просил, чтобы вино ему разбавили водой.

— Черт возьми! — воскликнул он вдруг. — Самое поразительное из всего, что я видел сегодня, — это весьма странная чета из Тулузы в черном и в золоте. Какая женщина, друзья мои! Роскошь! Мне говорили о ней, но я не верил. И знаете, похоже, что она и впрямь влюблена в него. По правде говоря, этот колченогий меня смущает.

— Он смущает всех, с кем бы ему ни пришлось встретиться, — кислым тоном вставил архиепископ Тулузский. — Я знаю его уже многие годы, и я отказываюсь понимать его. В нем есть что-то дьявольское.

«Ну вот, опять он понес этот вздор», — с огорчением подумала Анжелика.

У нее так сладко застучало сердце от слов короля, но реплика архиепископа вновь пробудила в ней тревогу. Нет, он не сложил оружия!

Один из придворных королевской свиты, усмехнувшись, сказал:

— Быть влюбленным в собственного мужа! Вот уж смешно! Этой юной особе полезно немного побыть при дворе. Тут ее живо заставят расстаться с этим глупым предрассудком.

— Судя по вашим словам, сударь, можно подумать, что двор — это место, где законом является адюльтер, — сурово проговорила Анна Австрийская. — А между тем, ведь это же хорошо и так естественно, когда супруги любят друг друга. И тут нет ничего смешного.

— Но любовь между супругами так редка! — вздохнула госпожа де Мотвиль.

— А все потому, что редко женятся по любви, — разочарованным тоном сказал король.

Наступило неловкое молчание. Королева обменялась с кардиналом огорченным взглядом. Архиепископ Тулузский умиротворяюще поднял руку:

— Не печальтесь, сир. Сколь неисповедимы пути провидения, столь же неисповедимы и пути юного бога Эроса. А уж коли вас, судя по всему, взволновал пример этого дворянина и его жены, то могу вас заверить, что они никогда не виделись до дня бракосочетания, и их союз был благословлен мною в тулузском соборе. И тем не менее после нескольких лет супружеской жизни, увенчавшейся рождением сына, их взаимная любовь бросается в глаза даже непосвященным людям.

Королева-мать благодарно улыбнулась архиепископу, и тот самодовольно выпятил грудь.

«Лицемерит он или искренен?» — подумала Анжелика.

И тут она услышала немного шепелявый голос кардинала:

— Сегодня утром было у меня такое ощущение, будто я присутствую на каком-то спектакле. Казалось бы, безобразный урод, калека, но когда рядом с ним появилась ослепительная красавица жена, а за ними огромный мавр в белом атласном одеянии, я подумал: «О, как они прекрасны!»

— Есть хоть на ком взгляду отдохнуть от всех этих постных физиономий, — сказал король. — А правда, что у него чудесный голос?

— Да, об этом все твердят.

Придворный, который уже раз вмешался в разговор, снова язвительно проговорил:

— Ах, какая трогательная история, просто волшебная сказка. Только на Юге можно услышать подобное!

— О, вы невыносимы со своими насмешками, — снова протестующе воскликнула королева. — Ваш цинизм мне не по душе, сударь!

Придворный почтительно склонил голову и, поскольку разговор вернулся в свое русло, сделал вид, будто заинтересовался собакой, которая грызла в дверях кость. Увидев, что он направляется в ее сторону, Анжелика торопливо встала, чтобы уйти.

Она сделала несколько шагов, но зацепилась своим тяжелым платьем за завитки какой-то консоли.

В то время как она нагнулась, чтобы отцепить подол, молодой человек отшвырнул ногой собаку, вышел и притворил за собой скрытую ковром дверцу. Почувствовав неудовольствие королевы-матери, он счел благоразумным ретироваться.

С беспечным видом он прошел мимо Анжелики, но потом обернулся и посмотрел на нее.

— О, да это же дама в золотом!

Она высокомерно взглянула на него и хотела было уйти, но он преградил ей путь.

— К чему так спешить! Дайте и мне полюбоваться чудом. Значит, вы и есть та самая дама, которая влюблена в собственного мужа? И в какого мужа! Истинный Адонис!

Она смерила его спокойным и презрительным взглядом. Он был выше ее и хорошо сложен. Лицо его было бы довольно красивым, если бы не узкий злой рот и миндалевидные рыжеватые глаза в коричневую

крапинку. Эти неопределенные, очень невыразительные глаза несколько портили его. Одет он был со вкусом, весьма изысканно. Светлый, почти седой парик особенно подчеркивал свежесть его молодого лица.

Анжелика не могла не признать, что он недурен, но холодно сказала:

— Да, вы едва ли выдержите сравнение с ним. В наших краях такие глаза, как у вас, называют «червивыми яблоками». Вы меня поняли? Что же касается волос, то у моего мужа они хотя бы собственные.

Самолюбие молодого дворянина явно было задето, потому что лицо его омрачилось.

— Не правда, он носит парик, — воскликнул он.

— Если у вас хватит смелости, попробуйте его сдернуть.

Судя по всему, она коснулась его больного места, и она заподозрила, что он носит парик потому, что начал лысеть. Но он быстро взял себя в руки. Сощурился так, что видны были лишь две блестящие щелочки, он сказал:

— Значит, мы пытаемся кусаться? Право же, что-то слишком много талантов для маленькой провинциалочки.

Он быстро оглянулся и, схватив ее за запястья, толкнул в угол под лестницу.

— Оставьте меня! — сказала Анжелика.

— Сейчас, красавица. Но прежде мы сведем с вами счеты.

И, не дав Анжелике опомниться, он закинул назад ее голову и больно укусил за губу. Анжелика закричала. Рука ее проворно взлетела и опустилась на щеку оскорбителя. Великосветские манеры, которые она столь успешно усваивала долгие годы, не заглушили в ней природную необузданность чувств здоровой деревенской девушки. Если в ней пробуждали ярость, она вела себя точно так же, как много лет назад, когда с кулаками набрасывалась на своих сельских дружков. От увесистой звонкой пощечины у молодого дворянина, наверное, искры из глаз посыпались, потому что он отскочил от нее, схватившись рукой за щеку.

— Черт побери, только прачка может так драться!

— Дайте мне пройти, — повторила Анжелика — Иначе я так разукрашу вам физиономию, что вы не сможете показаться на глаза

королю.

Он понял, что она выполнит свое обещание, и отступил.

— О, попадись вы мне в руки на всю ночь, — прошептал он, стиснув зубы, — клянусь, к утру вы бы стали мягкой как воск!..

— Вот-вот, — рассмеялась она, — продумайте как следует свою месть... держась рукой за щеку.

Она ушла и быстро пробралась к выходу, так как толпа уже поредела — многие отправились завтракать.

Чувствуя себя оскорбленной и униженной, Анжелика прижимала к укушенной губе платочек.

«Только бы было не очень заметно... — думала она. — Что я скажу Жоффрею, если он спросит? Он проткнет мерзавца шпагой, этого нельзя допустить. А может, просто посмеется... Уж Жоффрей-то, во всяком случае, не питает иллюзий в отношении нравов этих блестящих сеньоров-северян... Теперь я начинаю понимать, что имеет он в виду, когда говорит, что двору необходимо привить светские манеры... но лично у меня нет ни малейшей охоты заниматься этим...»

В толпе, заполнившей площадь, она стала высматривать свой портшез и носильщиков.

Кто-то взял ее под руку, и Анжелика увидела рядом высокую фигуру герцогини де Монпансье.

— Душенька, я вас искала, — сказала ей герцогиня. — Я так терзаюсь, вспоминая глупости, которые я наговорила при вас утром, не зная, кто вы. Но что вы хотите, такой торжественный день, а я лишена привычных удобств, и нервы, естественно, расшалились, а язык несет всякий вздор.

— Пусть ваша светлость не беспокоится, ведь все сказанное — истина, хотя и не слишком приятная. В моей памяти сохранятся лишь эти ваши слова.

— Вы — само очарование. Я счастлива, что мы с вами оказались соседями... Вы еще одолжите мне своего цирюльника? Вы не торопитесь? Пойдемте в тень, там можно пощипать немножко винограда. Хотите? Эти испанцы, верно, никогда не придут...

— Я в вашем распоряжении, ваша светлость, — приседая в реверансе, ответила Анжелика.

На следующее утро все отправились на Фазаний остров, чтобы присутствовать при завтраке испанского короля. Сеньоры, толкаясь, лезли в лодки, не боясь замочить свои нарядные туфли, дамы поднимали подолы юбок и то и дело вскрикивали.

Анжелика в зеленом платье, а поверх него — в белом атласном, расшитом серебром, с помощью Пегилена оказалась в лодке между какой-то принцессой с одухотворенным лицом и маркизом д'Юмьером. Здесь же сидел и Филипп Орлеанский, он много смеялся, вспоминая огорченное лицо старшего брата, которому пришлось остаться в своей резиденции. Людовик XIV не должен видеть инфанту, пока она, обвенчавшись по доверенности на испанском берегу, не станет королевой. Только тогда он собственной персоной прибудет на Фазаний остров, чтобы дать клятву жить в мире с Испанией и увезти свою блистательную победу. А настоящая свадьба будет в Сен-Жан-де-Люзе, где новобрачных благословит архиепископ Байоннский.

Лодки с ослепительно нарядными пассажирами скользили по неподвижной глади реки. Когда подплыли к берегу и Анжелика ожидала своей очереди, чтобы выйти из лодки, один из придворных, ставя ногу на скамейку, где она сидела, наступил высоким каблуком ей на пальцы. Она с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть от боли. Подняв глаза, она узнала того самого молодого дворянина, который так нагло вел себя с нею накануне.

— Это маркиз де Вард, — сказала сидевшая рядом с Анжеликой юная принцесса. — И конечно же, он сделал это нарочно.

— Настоящая скотина! — жалобно сказала Анжелика. — Как можно терпеть таких грубиянов в свите короля?

— Он забавляет короля своим бесстыдством. Впрочем, в присутствии его величества он свои коготки прячет. Его репутация при дворе всем известна. Даже песенку о нем сочинили.

И она вполголоса запела:

*Осел, хоть шкуры нет на нем,
Но без нее ясна картина:
Ни плащ, ни шпага, ни камзол
Не утаят, что Вард — скотина.*

— Замолчите, Генриетта! — крикнул брат короля. — Если вас услышит госпожа де Суассон, она придет в ярость и нажалуется королю, что высмеивают его любимца.

— Чепуха! Госпожа де Суассон уже не пользуется таким доверием у его величества. Теперь, когда король женится...

— Но почему вы решили, сударыни, что жена, будь она даже инфанта, может иметь больше влияния на мужа, чем его давняя возлюбленная? — вмешался в разговор де Лозен.

— О господи! О сударыни! — запричитала госпожа де Мотвиль. — Умоляю вас! Разве сейчас время для подобных разговоров, когда испанские гранды едут нам навстречу?

Какая-то почерневшая, высохшая, с лицом, изборожденным морщинами, она своим темным туалетом и чересчур целомудренным видом странно выделялась среди разряженных дам и болтливых красавцев мужчин. Кто знает, может быть, фрейлина Анны Австрийской оказалась здесь не совсем случайно? Скорее всего, королева-мать поручила ей следить, как бы эти неразумные молодые дамы и кавалеры, привыкшие к злословию и сплетням, не задели чем-нибудь обидчивых испанцев.

Анжелика начинала уже уставать от этих пустых, злых сплетников, у которых за показным лоском скрывались развращенные души.

Она услышала, как темноволосая графиня де Суассон сказала одной из своих подруг:

— Дорогая, я нашла двух скороходов и ужасно горжусь ими. Мне так расхваливали басков, говорили, будто они бегают быстрее ветра. И вы знаете, они действительно могут проделать за день больше двадцати лье. Не правда ли, когда впереди кареты, выкрикивая ваше имя, мчатся скороходы с собаками, а собаки лают, разгоняя чернь, — это великолепное зрелище?

Слова графини напомнили Анжелике, что Жоффрей, хотя он и любит роскошь, тем не менее противник того, чтобы скороходы бежали перед его экипажами.

Кстати, куда запропастился Жоффрей?

Она не видела его со вчерашнего дня. Он заходил домой переодеться и побриться, но она в это время сидела у герцогини де Монпансье. Анжелике тоже пришлось раза три или четыре в спешке,

нервничая, менять туалеты. Спала она всего несколько часов, но хорошее вино, которое все пили по любому поводу, придавало ей бодрости. Она даже как-то забыла про Флоримона: дня через три или четыре она узнает, кормила ли его служанка вовремя или же бегала любоваться экипажами и любезничать с королевскими пажами и лакеями. Впрочем, Марго следила за порядком. Как истая гугенотка, она осуждала празднества и, хотя с усердием помогала своей госпоже наряжаться, прислугу, которая была подчинена ей, держала в строгости.

Когда Анжелика вместе с придворными вошла в дом, стоявший в центре острова, она, наконец, увидела в толпе Жоффрея.

Она пробралась к нему и тронула его веером. Он бросил на нее рассеянный взгляд.

— Ах, это вы!

— Жоффрей, мне ужасно вас недостает. Но вы, кажется, не слишком рады видеть меня. Неужели и вы поддались предрассудку, что супружеская любовь смешна? Вы меня стыдитесь как будто?

Он нежно улыбнулся и обнял ее за талию.

— Нет, любовь моя. Но я видел вас в столь знатной и приятной компании...

— О, приятной... — Анжелика провела пальцем по синяку на руке. — Боюсь, что я покину ее серьезно покалеченной. А что делали вы со вчерашнего дня?

— Встретился кое с кем из друзей, поболтал с одним, с другим. Вы уже видели короля Испании?

— Нет еще.

— Идемте в ту залу. Там накрывают на стол. По испанскому этикету король должен есть один, следуя весьма сложному церемониалу.

На стенах зала висели гобелены приглушенных тонов — коричневато-золотистые, с красными и серовато-синими пятнами, изображающие сцены из истории испанского королевства. Народу в зале было полным-полно, все стояли, тесно прижатые друг к другу.

Испанский и французский дворы состязались в роскоши и великолепии. Испанцы превзошли французов количеством золота и драгоценных камней, зато французы затмили испанцев элегантностью своих туалетов. Молодые сеньоры из свиты Людовика XIV облачились

в этот день в плащи из серого муара, отделанные золотыми кружевами с огненно-красными маленькими рубинами. Подкладка плащей была из тонкой золотой парчи, камзолы — из более плотной. Широкие поля шляп с белыми перьями по бокам были загнуты и заколоты бриллиантовыми булавками.

Французы откровенно посмеивались над вышедшими из моды длинными усами испанских грандов и их обильно разукрашенными вышивкой костюмами, что тоже давно устарело.

— Вы видели, какие на них плоские шляпы, какие там маленькие, жиденькие перышки? — прошептал, фыркая от смеха, Пегилен.

— А дамы? Это просто вереница старых скелетов, у них под мантильями кости выпирают!

— Испания — страна, где красивые жены сидят дома за решеткой.

— Инфанта, говорят, до сих пор носит фижмы и такой широкий кринолин, что проходит в дверь боком.

— И так затянута в корсет, что можно подумать, будто у нее совсем нет бюста, хотя, говорят, он у нее великолепен, — вставила госпожа де Мотвиль, взбивая кружева на своей плоской груди.

Жоффрей де Пейрак бросил на нее язвительный взгляд.

— Вот уж поистине, — сказал он, — как бездарны должны быть мадридские портные, чтобы так обезобразить то, что прекрасно, и как искусны парижские, если они умеют показать то, чего нет.

Анжелика ущипнула его сквозь бархатный рукав. Он засмеялся и с видом заговорщика поцеловал ей руку. На мгновение ей показалось, будто он скрывает от нее какую-то заботу, но внимание ее было рассеянно, и она тут же забыла об этом. Внезапно воцарилась тишина — в залу вошел король Испании. Анжелика, которая была невысокого роста, вскарабкалась на скамеечку.

— Он похож на мумию, — шепнул ей Пегилен.

И действительно, лицо у Филиппа IV было пергаментное, мертвенно-бледное, прозрачное, с неестественным румянцем на щеках. Он шагал к столу, как марионетка. Его большие тусклые глаза смотрели вперед, не мигая. Резко очерченный подбородок, выступающие челюсти, красные губы, жидкие, с медным оттенком светлые волосы придавали ему особенно болезненный вид.

Несмотря на это, он был настолько преисполнен чувства своего почти божественного величия, что не сделал ни единого жеста,

который выходил бы за рамки требований этикета. Парализованный своим могуществом, он в одиночестве сидел за столом и ел так, словно совершал священный обряд.

Толпа придворных бурлила, как водоворот, продолжала расти, и передние ряды, не выдержав натиска, неожиданно подались вперед. Столик короля чуть не опрокинули.

В зале было душно, и Филиппу IV стало нехорошо. Все увидели, как он вдруг поднес руку к горлу и оттянул кружевное жабо, чтобы глотнуть воздуха. Но почти тотчас же он снова принял свою торжественную позу, как честный актер, готовый на любые жертвы.

— Кто бы мог сказать, что этот призрак плодит детей так же легко, как петух? — сказал неисправимый Пегилен де Лозен, когда завтрак кончился и все вышли на улицу. — Его внебрачные дети наполняют своими криками мрачные коридоры дворца, а вторая жена продолжает производить на свет тщедушных младенцев, которые, едва покинув колыбель, отправляются в гробницы Эскуриала.

— Последний умер как раз в то время, когда мой отец был послан в Мадрид просить руки инфанты, — сказал де Лувињи, второй сын герцога де Грамона. — Правда, после этого родился еще один сын, но он тоже на ладан дышит.

Восторженный маркиз д'Юмьер воскликнул:

— Он умрет, и кто же тогда станет наследником трона Карла V? Инфанта — французская королева.

— Вы слишком смело и далеко заглядываете в будущее, маркиз, — возразил настроенный пессимистически герцог де Буйон.

— А почему вы полагаете, что его высокопреосвященство кардинал, а может, даже и его величество не подумали и об этом?

— Да, возможно, возможно, но слишком честолюбивые мечты никогда не служат делу мира.

Втягивая длинным носом морской воздух, словно ему почудились в нем какие-то подозрительные запахи, герцог де Буйон проворчал:

— Мир! Ох уж этот мир! Не пройдет и десяти лет, как он пошатнется!

Но он пошатнулся через два часа. Неожиданно все рухнуло, прошел слух, будто свадьба не состоится.

Дон Луис де Аро и кардинал Мазарини слишком долго оттягивали урегулирование последних деталей мирного договора и уточнение

некоторых щекотливых пунктов, касающихся деревень, дорог и границ, так как каждый надеялся, воспользовавшись праздничной суматохой, добиться своего. Теперь же ни один из них не желал пойти на уступки. Война продолжалась. Полдня прошло в тревоге. И тогда решили призвать на помощь бога любви, чтобы он соединил жениха и невесту, которые никогда даже не видели друг друга. Одному из придворных удалось передать инфанте записку о том, что король сгорает от нетерпения, ожидая встречи с ней. Дочь всевластна над сердцем отца. А инфанта, хотя и слыла послушной дочерью, не имела ни малейшего желания возвращаться в Мадрид теперь, когда перед ней открывалось такое блестящее будущее... И она дала понять Филиппу IV, что желает получить своего мужа, после чего нарушенная было церемония пошла своим чередом.

Церемония бракосочетания по доверенности состоялась на испанском берегу, в Сан-Себастьяне. Герцогиня де Монпансье, пригласив с собой Анжелику, отправилась туда, хотя дочери Гастона Орлеанского, носившей траур по отцу, не полагалось присутствовать на подобном торжестве. Но она решила появиться на нем «инкогнито», то есть повязав голову атласным платком и не напудрив волосы.

Процессия, двигавшаяся по улицам города, произвела на французов впечатление какой-то странной вакханалии. Впереди шли сто танцоров в белых костюмах, с колокольчиками на ногах, жонглируя шпагами, а за ними пятьдесят мальчиков в масках били в тамбурины. Следом несли трех сплетенных из ивовых прутьев великанов, наряженных мавританскими королями, таких огромных, что они достигали второго этажа домов, гигантского святого Христофора, чудовищного дракона, превосходящего длиной огромного кита, и, наконец, под балдахином — святые дары в громадном золотом потире, перед которым толпа преклоняла колени.

Эта странная пантомима, пронизанная мистикой, ошеломила гостей.

В соборе, позади дарохранильницы, к самому своду поднималась лестница, украшенная множеством свечей.

Анжелика, ослепленная, смотрела на эту неопалимую купину. Тяжелый, густой запах ладана дополнял эту непривычную атмосферу собора, построенного в мавританском стиле. В полумраке сводов и

приделов блестели позолоченные витые столбики трехъярусных хоров, где теснились по одну сторону мужчины, а по другую — дамы.

Ждать пришлось долго. Священники от нечего делать беседовали с французженками, а госпожа де Мотвиль опять ужасалась дерзостям, которые ей наговорили, воспользовавшись темнотой.

— Perdone, dejeme pasar^[11], — хриплым голосом неожиданно проговорил кто-то по-испански рядом с Анжеликой.

Она оглянулась и, опустив глаза, увидела какое-то странное существо. Это была карлица, такая маленькая и широкая в плечах, что она казалась квадратной, с лицом, которое пугало своим уродством. Ее пухлая ручка лежала на шее огромной черной борзой.

За ней в таком же пестром костюме с большим жабо следовал карлик, но у него было такое лукавое выражение лица, что при взгляде на него невольно хотелось смеяться. Толпа расступилась, пропуская карликов и собаку.

— Это карлица инфанты и ее шут Томазини, — сказал кто-то. — Говорят, она повезет их с собой во Францию.

— А зачем ей нужны эти уроды? Во Франции у нее будет чем поразвлечься.

— Она говорит, что только ее карлица умеет сварить для нее шоколад с корицей.

Анжелика увидела наверху чью-то величественную фигуру в светлом одеянии. Его преосвященство архиепископ Тулузский в сутане из сиреневого атласа с короткой горностаевой пелериной поднялся на хоры из позолоченного дерева. Он стоял, перевесившись через перила. Глаза его горели испепеляющим огнем. Он разговаривал с кем-то, кого Анжелика не видела.

И вдруг, охваченная тревогой, она начала пробираться сквозь толпу в ту сторону. Внизу, у лестницы, стоял Жоффрей де Пейрак и, задрав голову, с насмешкой смотрел на архиепископа.

Помните о «тулузском золоте», — вполголоса говорил де Фонтенак. — Сервилий Сципион, который ограбил тулузские храмы, был покаран за свое святотатство. Вот почему поговорка о «тулузском золоте» заставляет думать о несчастье, которое неизбежно следует в расплату за богатство, нажитое сомнительным путем.

Граф де Пейрак продолжал улыбаться.

— Я вас люблю, — проговорил он тихо, — я восхищаюсь вами. Вы наивны и жестоки, как все праведники. Я вижу в ваших глазах пламя костров инквизиции. Итак, вы меня не пощадите?

— Прощайте, сударь, — сказал архиепископ, поджав губы.

— Прощайте, Фульк из Нейи ^[12].

Отблеск свечей падал на лицо Жоффрея де Пейрака. Его взор был устремлен в пространство.

— Что опять произошло? — шепотом спросила Анжелика.

— Ничего, моя красавица. Наши вечные ссоры...

Король Испании, бледный как смерть, одетый без всякой пышности, шел к алтарю, держа за правую руку инфанту.

У инфанты была удивительной белизны кожа, выхоленная в сумраке суровых мадридских дворцов, голубые глаза, очень светлые шелковистые волосы, которым придавали пышность накладные локоны, и покорный, безмятежный вид. Она напоминала скорее фламандку, чем испанку.

Ее наряд из белой шерстяной материи, слегка приукрашенный вышивкой, французы нашли чудовищным.

Король подвел дочь к алтарю, она преклонила колени. Дон Луис де Аро, который — неизвестно почему — должен был обвенчаться с нею вместо короля Франции, стал слева от нее, на довольно почтительном расстоянии.

Когда наступил момент клятвы в верности, инфанта и дон Луис протянули друг другу руки, но пальцы их не соприкоснулись. Другую руку инфанта подала отцу и поцеловала его. По пергаментным щекам короля покатались слезы. Герцогиня де Монпансье шумно высморкалась.

Глава 27

— Вы споете для нас? — спросил король.

Жоффрей де Пейрак вздрогнул и, повернувшись к Людовику XIV, смерил его надменным взглядом, словно это был какой-то незнакомец, которого ему не представили. Анжелику бросило в жар, она схватила его за руку.

— Спой для меня, — прошептала она.

Граф улыбнулся и подал знак Бернару д'Анджосу, который сразу же умчался.

Праздничный вечер подходил к концу. Рядом со вдовствующей королевой, кардиналом, королем и его братом, напряженно выпрямившись, сидела инфанта, опустив глаза под взглядом своего супруга, с которым завтра ее соединит торжественный обряд. Она уже была отторгнута от Испании. Филипп IV и его идальго с болью в сердце уехали в Мадрид, оставив гордую и чистую инфанту в залог мира...

Юный скрипач Джованни, пробравшись сквозь толпу придворных, подал графу де Пейраку его гитару и бархатную маску.

— А зачем вы надеваете маску? — спросил король.

— Голос любви не имеет лица, — ответил де Пейрак, — и когда прекрасные дамы погружаются в грезы, их взгляд не должно смущать никакое уродство.

Он взял несколько аккордов и запел старинные песни на провансальском языке, перемежая их любовными серенадами.

Потом он встал и, подойдя к инфанте, присел рядом с нею и спел неистовые испанские куплеты, с хриплыми вскриками на арабский манер, в которые, казалось, была вложена вся страстность, весь пыл иберийского полуострова.

Застывшее лицо инфанты с белой перламутровой кожей наконец выразило волнение — она подняла ресницы и все увидели, как заблестели ее глаза. Возможно, она в последний раз мысленно вернулась в свою уединенную обитель, где маленьким божеством жила в окружении своей старшей камеристки, своих дуэний и карликов, которые смешили ее; жизнь унылая, неторопливая, но привычная:

играли в карты, принимали монахинь, которые предсказывали судьбу, устраивали завтраки с вареньем и пирожными, украшенными фиалками и цветами апельсинового дерева.

На лице ее мелькнул испуг, когда она огляделась и увидела вокруг лица одних лишь французов.

— Вы нас очаровали, — сказал король певцу. — Отныне я желал бы только одного — слышать вас как можно чаще.

Глаза Жоффрея де Пейрака странно блеснули из-под маски.

— Никто не желает этого так, как я, сир. Но ведь все зависит от воли вашего величества, не так ли?

Анжелике показалось, что король чуть нахмурил брови.

— Да, это так. И я рад был услышать это из ваших уст, мессир де Пейрак, — проговорил он с некоторой холодностью.

Вернувшись в отель уже совсем ночью, Анжелика сорвала с себя одежду, не дожидаясь помощи служанки, и, с облегчением вздохнув, бросилась на кровать.

— Я совершенно разбита, Жоффрей. Кажется, я еще не подготовлена для придворной жизни. Как это они могут столько развлекаться и еще находить в себе силы ночью изменять друг другу.

Граф, ничего не ответив, лег рядом с нею. Было так жарко, что даже прикосновение простыни вызывало неприятное ощущение. Через открытое окно по комнате иногда проплывал красноватый отсвет проносимых по улице факелов, освещая всю кровать, полог которой супруги оставили поднятым. В Сен-Жан-де-Люзе царило оживление — готовились к завтрашнему торжеству.

— Если я не посплю хоть немного, я упаду во время церемонии, — проговорила Анжелика, зевая.

Она потянулась, потом прижалась к смуглому, худощавому телу мужа.

Он протянул руку, погладил ее округлое, белевшее в темноте бедро, коснулся талии, отыскал маленькую упругую грудь. Пальцы его затрепетали, стали настойчивее, спустились к бархатистому животу. Но когда он позволил себе более смелую ласку, Анжелика сквозь дремоту протестующе пробормотала:

— О, Жоффрей, мне так хочется спать!

Он не настаивал, а она взглянула на него из-под опущенных ресниц, проверяя, не рассердился ли он. Опершись на локоть, он смотрел на нее и тихо улыбался.

— Спи, любовь моя, — прошептал он.

Когда она проснулась, он по-прежнему смотрел на нее и, казалось, так и не шелохнулся с тех пор. Она улыбнулась ему.

В комнате было свежо. Ночь еще не кончилась, но небо приняло зеленоватый оттенок — знак того, что близится рассвет. Городок ненадолго погрузился в оцепенение.

Анжелика, еще совсем сонная, потянулась к мужу, и их руки сплелись в тесном объятии.

Он научил ее продлевать наслаждение, научил искусству поединка с его притворными отступлениями, атаками, поединка, в котором два любящих существа, слившись воедино, терпеливо ведут друг друга к вершине блаженства. Когда они наконец разжали объятия, усталые, утоленные, солнце стояло уже высоко в небе.

— Кто бы подумал, что нас ждет утомительный день! — засмеялась Анжелика.

В дверь постучалась Марго.

— Сударыня, сударыня, пора. Кареты уже направились к собору, и вы не проберетесь, чтобы посмотреть на кортеж.

Свадебный кортеж был небольшой. По дороге, покрытой коврами, шло всего несколько человек.

Впереди шествовал кардинал де Гонди, блестящий и неистовый, бывший герой Фронды, присутствие которого здесь в такой знаменательный день подтверждало готовность обеих сторон предать забвению все эти грустные события.

За ним в пурпурных волнах мантии плыл кардинал Мазарини.

Чуть в отдалении следовал король в костюме из золотой парчи, отделанном пышными черными кружевами. По обеим сторонам его шли маркиз д'Юмьер и Пегилен де Лозен, капитаны королевских телохранителей, оба несли по голубому жезлу — символу их должности.

Сразу же за ними шла инфанта, новая королева, которую с правой стороны поддерживал брат короля, а с левой — ее придворный кавалер

мессир де Бернонвиль. На ней было платье из серебряной парчи, а поверх него платье из фиолетового бархата, усеянного золотыми лилиями, по бокам очень короткое, но с длинным, в десять локтей, шлейфом, который несли юные кузины короля — мадемуазель де Валуа и мадемуазель д'Алансон — и принцесса де Кариньян. Две придворные дамы держали над головой королевы корону. Блестящий кортеж с трудом продвигался по узкой улочке, вдоль которой по обеим сторонам выстроились отряды швейцарцев, королевские гвардейцы и мушкетеры.

Королева-мать под черной, расшитой серебром вуалью шла за молодой четой, окруженная фрейлинами и телохранителями.

Замыкала шествие герцогиня де Монпансье, «самая легкомысленная из королевской семьи», причинявшая всем немало хлопот, тоже в черном платье, но зато с жемчужным ожерельем в двадцать ниток.

Путь от королевской резиденции до собора был недалек, но и тут не обошлось без происшествий. Все заметили, как маркиз д'Юмьер ссорился с Пегиленом.

В соборе Пегилен и маркиз д'Юмьер заняли места по обе стороны от короля и вместе с графом де Шаро, командиром отрядов королевских телохранителей, и маркизом де Вардом, капитаном швейцарской гвардии, сопровождали короля во время церемонии приношения даров.

В данном случае эта церемония состояла в том, что Людовик XIV взял из рук брата свечу в двадцать луидоров, которую тому передал главный церемониймейстер двора, и вручил ее Жану д'Ольсу, епископу Байоннскому.

Марии-Терезии свечу передала герцогиня де Монпансье — она выполняла при юной королеве те же функции, что брат короля при Людовике XIV.

— Не правда ли, я великолепно исполнила свою роль? — спросила потом герцогиня у Анжелики.

— О, бесспорно! Ваша светлость держались так величественно! Герцогиня была горда собой.

— О, я создана для торжественных церемоний и умею держаться столь же величественно, сколь величественно звучит мое имя.

Благодаря покровительству герцогини Анжелика смогла присутствовать на всех торжествах, которые последовали за церемонией бракосочетания: на трапезах, на балу. Вечером она прошла в длинной веренице придворных и знати, прошла, как и все, склонившись в глубоком реверансе перед широкой кроватью, где возлежали рядом король и его молодая супруга.

Анжелика видела, как лежат эти два юных существа, словно куклы, застывшие под взглядом толпы в своих кружевных простынях.

В том, что должно было сейчас свершиться, этикет убивал все — жизнь, теплоту. Как эти супруги, еще вчера не знавшие друг друга, преисполненные сознанием собственного величия, чопорные и высокомерные, смогут повернуться друг к другу и крепко обняться, когда, следуя обычаю, мать короля опустит полог на пышную постель? Анжелике стало жаль инфанту: наверно, под ее бесстрастной маской скрываются девичья стыдливость и смятение. А может быть, она и не испытывала никакого волнения, ведь она с детства приучена к роли статистки на всех представлениях. И собственная свадьба была для нее лишь очередным ритуалом. А за Людовика XIV можно было не беспокоиться, недаром в его жилах текла кровь Бурбонов.

Дамы и сеньоры, спускаясь по лестнице, обменивались не совсем невинными шутками. Анжелика думала о Жоффрее, о том, как мягок и терпелив был он с нею. Но где же Жоффрей? Она целый день не видела его.

Внизу к ней подошел запыхавшийся Пегилен де Лозен.

— Где ваш муж, граф де Пейрак?

— Право, я сама его ищу.

— Когда вы виделись с ним в последний раз?

— Мы с ним расстались сегодня утром. Я отправилась в собор с герцогиней де Монпансье, а он сопровождал герцога де Грамона.

— И с тех пор вы его не видели?

— Нет, я же вам сказала. У вас очень, взволнованный вид. Что случилось?

Пегилен схватил ее за руку и увлек за собой.

— Идемте к герцогу де Грамону.

— Что случилось?

Пегилен ничего не ответил. Он был в своем нарядном мундире, но лицо его вопреки обыкновению было хмурым.

От герцога де Грамона, знатного вельможи, которого они застали за столом с друзьями, они узнали, что он расстался с графом утром, сразу же после церемонии в соборе.

— Он был один? — спросил де Лозен.

— Один? Как это — один? — проворчал де Грамон. — Что вы хотите этим сказать, мой мальчик? Разве во всем Сен-Жан-де-Люзе найдется человек, который мог бы похвастаться, что сегодня он был один? Пейрак не посвятил меня в свои планы, и я могу только сказать вам, что он ушел в сопровождении своего мавра.

— Ну что ж, это уже лучше, — проговорил де Лозен.

— Он, должно быть, с гасконцами. Вся эта компания веселится в портовой таверне. А может, он принял приглашение принцессы Генриетты Английской — она хотела попросить его спеть для нее и ее фрейлин.

— Идемте, Анжелика, — сказал де Лозен.

Английская принцесса была та самая приятная девушка, рядом с которой Анжелика сидела в лодке, когда они ехали на Фазаний остров. На вопрос Пегилена она покачала головой.

— Нет, сюда он не приходил. Я посылала одного из своих придворных разыскать графа, но он его не нашел.

— Но ведь его мавра Куасси-Ба трудно не заметить.

— Мавра тоже не видели.

В таверне «Золотой кит» Бернар д'Андижос с трудом поднялся из-за стола, за которым собрался весь цвет Гаскони и Лангедока. Нет, графа де Пейрака никто не видел. А уж как его искали, звали! Даже камешки бросали в окна его особняка на Речной улице. До того усердствовали, что разбили стекла у герцогини де Монпансье. Но де Пейрак словно сквозь землю провалился.

Лозен задумался, сжав рукой подбородок.

— Надо отыскать де Гиша. Брат короля нежно поглядывал на вашего мужа. Может, де Гиш завлек графа к своему фавориту, посулив что-нибудь интересное.

Анжелика шла вслед за герцогом по запруженным народом улочкам, освещенным факелами и разноцветными фонарями. Они заходили в дома, расспрашивали, шли дальше. Люди сидели за столами, воздух был пропитан запахом различных блюд, дымом от

множества свечей, винным перегаром — слуги весь день пили вино, которое лилось рекой.

На перекрестках танцевали под звуки тамбуринов и кастаньет. В темноте дворов ржали лошади.

Граф де Пейрак исчез.

Не выдержав, Анжелика вдруг схватила Пегилена за руку и резко повернула его к себе.

— Хватит, Пегилен, скажите все. Почему вы так волнуетесь из-за моего мужа? Вы что-то знаете?

Он вздохнул и, незаметно приподняв парик, вытер пот со лба.

— Я ничего не знаю. Придворный из свиты короля никогда ничего не знает. Иначе он может здорово поплатиться. Но с некоторых пор я подозреваю заговор против вашего мужа.

И он прошептал ей прямо в ухо:

— Боюсь, как бы его не арестовали.

— Арестовали? — переспросила Анжелика. — Но за что?

Пегилен развел руками.

— Вы сошли с ума, — продолжала Анжелика. — Кто может отдать приказ арестовать его?

— По-видимому, король.

— У короля сегодня такой день, что ему не до арестов. Нет, вы говорите вздор, это невысказано.

— Надеюсь. Вчера вечером я послал предупредить его. У него еще было время вскочить на лошадь и скрыться. Сударыня, вы уверены, что он провел ночь рядом с вами?

— О да, совершенно уверена. — И Анжелика слегка покраснела.

— Он не понял. Он опять рисковал, опять играл собственной судьбой.

— Пегилен, вы сведете меня с ума! — закричала Анжелика, потрянув его за плечи. — Уж не надумали ли вы сыграть со мной злую шутку?

— Тс-с-с!

Он привлек ее к себе уверенным жестом мужчины, умеющим обращаться с женщинами, и, чтобы успокоить, прижался щекой к ее щеке.

— Я очень скверный человек, моя крошка, но терзать ваше сердечко — нет, на это я не способен! И потом, после короля нет

другого человека, которого бы я любил так, как графа де Пейрака. Не надо терять голову, моя красавица. Может, он успел убежать...

— Но в конце концов... — громко начала она. Пегилен остановил ее властным жестом.

— Но в конце концов, — повторила она более тихим голосом, — зачем королю понадобилось арестовывать его? Еще вчера вечером его величество был к нему так благосклонен, и я сама случайно слышала, как король отозвался о Жоффрее с большой симпатией...

— Увы! Симпатия!.. А государственные интересы?.. Влияние окружающих?.. Не нам, бедным придворным, судить об истинных чувствах короля. Не забывайте, что он воспитанник Мазарини, и кардинал как-то сказал о нем нечто вроде: «Он не сразу найдет свою дорогу, но пойдет дальше других».

А вы не думаете, что это все дело рук архиепископа Тулузского, барона де Фонтенака?

— Не знаю... я ничего не знаю... — повторил Пегилен.

Он проводил Анжелику до ее дома, пообещал разузнать, что возможно, и прийти к ней завтра утром.

Возвращаясь домой, Анжелика лелеяла безумную надежду, что муж ждет ее там, но она застала лишь Марго, сидевшую у постельки спящего Флоримона, да старую тетку, всеми забытую во время этих празднеств, которая сновала по лестницам. Слуги ушли в город танцевать.

Анжелика одетая бросилась на кровать, скинув только туфли и чулки. Ноги ее отекали от сумасшедшей беготни по городу с де Лозеном. В голове была какая-то пустота.

«Я все обдумаю завтра», — решила она и погрузилась в тяжелый сон.

Ее разбудил крик с улицы:

— Каспаша! Каспаша!

Луна плыла над плоскими крышами городка. Со стороны порта и главной площади еще доносились крики и пение, но в их квартале было тихо, почти все спали, сраженные усталостью.

Анжелика выбежала на балкон и в полосе лунного света увидела внизу Куасси-Ба.

— Каспаша! Каспаша!

— Подожди, я сейчас открою тебе.

Чтобы не терять времени, она босиком сбежала по лестнице вниз, зажгла в прихожей свечу и открыла дверь.

Неслышным звериным движением мавр скользнул в дверь. Глаза его горели странным огнем. Она увидела, что он дрожит, словно объятый ужасом.

— Откуда ты?

— Оттуда, — неопределенно махнул он рукой. — Мне нужна лошадь. Скорее лошадь!

Он вдруг оскалил зубы, и лицо его исказила какая-то дикая гримаса.

— На моего господина напали, — прошептал он. — А у меня не было с собой моей большой сабли. О, почему я не взял сегодня свою большую саблю!

— Что значит «напали», Куасси-Ба? Кто?

— Не знаю, каспаша. Откуда мне знать, жалкому рабу? Какой-то паж принес ему маленькую бумажку. Господин пошел за ним. Я — следом. Во дворе того дома никого не было, стояла только карета с черными занавесками. Из нее вышли люди и окружили моего господина. Он выхватил свою шпагу. Но тут подоспели еще другие. Они избили его и бросили в карету. Я кричал. Я уцепился за карету. Двое слуг вскочили на запятки, и они били меня, пока я не упал, но вместе со мною упал и один из них, я придушил его.

— Ты задушил его?

— Своими руками, вот так. — И мавр, словно тиски, сжал и разжал свои розовые ладони. — Я побежал по дороге. Солнце очень пекло, и у меня язык стал больше головы, так я хотел пить.

— Иди попей, расскажешь потом. Она пошла вслед за ним в конюшню, где он долго пил из ведра.

— А теперь, — сказал он, вытирая толстые губы, — я возьму лошадь и покачу за ними. Я всех их зарублю своей большой саблей.

Он разворошил солому и достал свои вещи. Пока он снимал с себя разодранный и испачканный атласный костюм и надевал свою повседневную ливрею, Анжелика со стиснутыми зубами вошла в стойло и отвязала лошадь Куасси-Ба. Солома колола ее босые ноги, но она не обращала на это внимания. Ей казалось, что она переживает какой-то кошмарный сон, бесконечно тягучий...

Словно она бежала к своему мужу, протягивала к нему руки. И в то же время сознавала, что никогда не сможет с ним соединиться, никогда...

Она смотрела, как удаляется черный всадник. Лошадь копытами выбивала искры из круглого булыжника, которым была вымощена улица. Затем топот постепенно затих, и в это время в предрассветном чистом воздухе родился новый звук — звон колоколов, сзывающий к утреннему благодарственному молебну.

Королевская брачная ночь окончилась. Инфанта Мария-Терезия стала королевой Франции.

Глава 28

Проезжая через деревни и цветущие сады, двор возвращался в Париж.

Среди полей, покрытых весенними всходами, тянулся длинный караван: кареты шестериком, фуры, нагруженные кроватями, сундуками и коврами, навьюченные мулы, лакеи и телохранители верхом на лошадях.

Из городских ворот навстречу им выходили по пыльной дороге депутации магистратов, которые несли к королевской карете на серебряном блюде или бархатной подушечке ключи от города.

Так этот шумный караван проехал Бордо, Сент и Пуатье, на который Анжелика, оглушенная и растерянная, едва обратила внимание.

Она тоже ехала в Париж вместе со всем двором.

— Уж коли вас держат в неведении, ведите себя так, словно ничего не произошло, — посоветовал ей Пегилен.

Он все чаще повторял свое «Тс-с!» и вздрагивал при малейшем шорохе.

— Ваш муж собирался в Париж, — поезжайте туда. Там все прояснится. В конце концов, может, это просто недоразумение.

— Пегилен, но что известно вам?

— Ничего, ничего... я ничего не знаю.

Он встревоженно оглядывался и уходил разыгрывать шута перед королем.

В конце концов Анжелика, попросив д'Анджоса и Сербало сопровождать ее, отослала в Тулузу часть своего багажа. Она оставила только карету и одну повозку с вещами и взяла с собой лишь Марго, молоденькую служанку — няню Флоримона, трех лакеев и двух кучеров. В последний момент парикмахер Бине и юный скрипач Джованни упростили ее взять их с собой.

— Если месье граф ждет нас в Париже, а я не приеду, он будет разгневан, уверяю вас, — сказал Франсуа Бине.

— Увидеть Париж, о, увидеть Париж! — твердил юный музыкант.
— Если мне удастся встретиться там с придворным композитором

Батистом Люлли, о котором столько говорят, я уверен, он наставит меня на путь истинный и я стану великим артистом.

— Ну хорошо, хорошо, великий артист, — сдалась Анжелика.

Она старалась улыбаться, чтобы не уронить достоинства, утешая себя словами Пегилена: «Это просто какое-то недоразумение». И действительно, если не считать того, что граф де Пейрак вдруг бесследно исчез, ничто, казалось, не изменилось, не было никаких слухов о его опале.

Герцогиня де Монпансье пользовалась любым поводом, чтобы дружески побеседовать с Анжеликой. Притворяться она не смогла бы, она была до предела наивна и бесхитростна.

Многие спрашивали о графе де Пейраке, но это было совершенно естественно. В конце концов Анжелика стала отвечать, что он уехал в Париж заранее, чтобы все подготовить к ее прибытию.

Перед отъездом из Сен-Жан-де-Люза она попыталась было встретиться с бароном де Фонтенаком, но тщетно. Его преосвященство вернулся в Тулузу.

Бывали минуты, когда Анжелике казалось, что все это приснилось ей, и она тешила себя невероятными надеждами: а может быть, Жоффрей просто уехал в Тулузу?

Когда они проезжали по раскаленным ландам, неподалеку от Дакса, одно мрачное происшествие вернуло ее к трагической действительности. Навстречу каравану вышли жители одной из деревень и попросили дать им несколько стражников: они устраивают облаву на какое-то страшное черное чудовище, которое держит в страхе всю округу.

Д'Андижос подскакал к карете Анжелики и шепотом сообщил ей, что, видимо, речь идет о Куасси-Ба.

Она сказала, что хотела бы видеть этих людей. Это оказались пастухи, которые пасли овечьи гурты, они подошли к ней на ходулях — по зыбучим песчаным дюнам иначе не пройдешь.

Их рассказ подтвердил опасения Анжелики.

Да, два дня назад пастухи слышали крики и стрельбу на дороге. Они бросились туда и увидели карету, на которую напал, размахивая кривой, как у турок, саблей, всадник с черным лицом. К счастью, у сидевших в карете был пистолет. По-видимому, они ранили черного всадника, и он убежал.

— А что за люди сидели в карете? — спросила Анжелика.

— Этого мы не знаем, — ответили пастухи. — Занавески были задернуты. А сопровождали их только два всадника. Они нам дали денег, чтобы мы похоронили того, которому чудовище отрубило голову.

— Отрубило голову! — проговорил ошеломленный д'Андижос.

— Да, да, мессир, и еще так ловко, что она скатилась в канаву, мы ее оттуда и вытащили.

Ночью, когда большинство путешественников принуждены были остановиться на отдых в деревнях в окрестностях Бордо, Анжелике снова почудился во сне зловещий зов:

— Каспаша! Каспаша!

Она заметалась и проснулась. Ее кровать стояла в единственной комнате этого дома, хозяева ушли спать в конюшню. Колыбель Флоримона находилась у очага. Марго и молодая служанка спали вдвоем на соломенном тюфяке.

Анжелика увидела, что Марго поднялась и надевает юбку.

— Ты куда?

— Это Куасси-Ба, я уверена, — прошептала Марго.

В одно мгновение Анжелика выскользнула из-под простыни.

Они осторожно открыли расшатанную дверь. Ночь, к счастью, была очень темная.

— Куасси-Ба, входи, — тихо позвали они. Что-то шевельнулось, и огромный мавр, шатаясь, перевалился через порог. Они усадили его на скамью. При свете свечи они увидели его посеревшее, изможденное лицо. Одежда его была в крови. Раненый, он три дня бродил по ландам.

Марго, порывшись в сундуках, дала ему выпить глоток спиртного, после чего он заговорил.

— Только одну голову, хозяйка, только одну я смог отрубить.

— Этого вполне достаточно, уверяю тебя, — горько усмехнулась Анжелика.

— Я потерял свою большую саблю и коня.

— Я тебе дам и то и другое. И помолчи, тебе не надо сейчас разговаривать. Ты нас нашел, это главное. Когда господин увидит тебя, он скажет: «Молодец, Куасси-Ба».

— А мы увидим нашего господина?

— Увидим, обещаю тебе.

Разговаривая, Анжелика разорвала на полоски простыню. Она боялась, не застряла ли пуля под ключицей, где была рана, но, обнаружив второе отверстие под мышкой, поняла, что пуля вышла. Анжелика полила обе раны спиртом и туго забинтовала их.

— Что же мы будем делать с ним, сударыня? — испуганно спросила Марго.

— Возьмем с собой, ясно. Он поедет в повозке, как обычно.

— А что будут говорить?

— Кто будет говорить? Неужели ты думаешь, что кому-нибудь из окружающих есть дело до того, чем занят мой мавр... Сладко поесть, получить хороших лошадей на почтовой станции, спокойно переночевать — вот и все их заботы. В повозке его никто не увидит, а в Париже, когда мы будем у себя дома, все уладится само собой.

И твердым голосом, чтобы убедить самое себя, она добавила:

— Ты пойми, Марго, все это просто недоразумение.

Теперь карета катила по лесу Рамбуйе. Стояла чудовищная жара, и Анжелика задремала. Флоримон спал на коленях у Марго. Внезапно их разбудил странный сухой звук. Карету сильно тряхнуло. Анжелика увидела, что они на краю глубокой рывины. Окутанная облаком пыли карета с ужасным треском опрокинулась туда. Прижатый упавшей на него служанкой, отчаянно завопил Флоримон. Слышно было, как звонко ржали лошади, кричал, щелкая кнутом, кучер.

Потом снова повторился тот же сухой звук, и на стекле кареты Анжелика увидела какую-то странную звездочку, похожую на морозный узор, с дырочкой посередине. Анжелика попыталась подняться, вытащить Флоримона.

Вдруг кто-то рванул над ее головой дверцу, и показалась голова Пегилена де Лозена.

— Никто не пострадал, надеюсь?

Последнее слово он от волнения произнес мягко, с певучим южным акцентом.

— Все кричат, значит, похоже, все живы, — ответила Анжелика.

Осколком стекла она слегка поранила руку, но царапина была неглубокая.

Она передала малыша Пегилену. Подоспевший в это время шевалье де Лувиньи подал ей руку и помог выбраться из экипажа. Очутившись на твердой земле, она порывисто схватила Флоримона и, прижав к груди, стала успокаивать. Малыш так пронзительно кричал, что заглушал всех, и невозможно было сказать ни слова.

Успокаивая мальчика, Анжелика увидела, что к ее карете подъехал и остановился экипаж герцога де Лозена, а за ним экипаж сестры де Лозена Шарлотты, графини де Ножан, а также экипажи обоих братьев де Грамон. Со всех сторон к месту происшествия спешили придворные дамы, друзья, слуги.

— Что же все-таки произошло? — спросила Анжелика, едва Флоримон немного утих.

У кучера был испуганный вид. Он вообще был человек не очень надежный: хвостун и болтун, вечно что-то напевает, а главное — не прочь приложиться к бутылке.

— Ты выпил и заснул?

— Нет, госпожа, право слово. Я от жары мучился, это верно, но поводья держал крепко. И лошади шли спокойно. А потом вдруг из-за деревьев выскочили двое мужчин. У одного был пистолет. Он выстрелил в воздух, и это испугало лошадей. Они сразу на дыбы, рванулись назад. Вот тут-то карета и опрокинулась в яму. Один из мужчин схватил лошадей под уздцы. Я его кнутом как хлестанул изо всей мочи! А второй в это время перезаряжал свой пистолет. Потом он подошел и выстрелил в оконце. Но тут подъехала повозка, а потом и вот эти господа верхом... Те двое голубчиков и удрали...

— Странная история, — заметил де Лозен. — Лес надежно охраняется. К приезду короля стража выловила всех бродяг. А как выглядели эти негодяи?

— Не могу сказать, мессир герцог. Но мне думается, это не разбойники. Они были хорошо одеты, чисто выбриты. Я бы сказал, что они больше похожи на лакеев.

— Двое уволенных слуг решили заняться грабежом? — высказал предположение де Гиш.

Чья-то тяжелая карета проехала мимо стоявших экипажей и остановилась. Из нее выглянула герцогиня де Монпансье.

— Опять эти гасконцы подняли тарарам! Вы что, хотите распугать своими трубными голосами всех птиц Иль-де-Франса?

Пегилен де Лозен подбежал к ней, несколько раз поклонившись на ходу. Он объяснил, что с графиней де Пейрак только что произошло неприятное происшествие и понадобится некоторое время, пока ее карету поднимут и починят.

— Так пусть она идет сюда, пусть сядет к нам! — воскликнула герцогиня. — Пегилен, милый, сходите за ней. Идите сюда, дорогая, у нас свободна целая скамья. Вам и вашему малышу здесь будет очень удобно. Бедный ангелочек! Бедный малютка!

Герцогиня сама помогла Анжелике войти в карету и устроиться поудобнее.

— Вы же ранены, бедный мой дружок. Как только будет остановка, я пошлю за своим доктором.

Анжелика в смятении заметила, что дама, сидящая в глубине кареты рядом с герцогиней де Монпансье, не кто иная, как сама королева-мать.

— Да простит меня ваше величество...

— Вам незачем извиняться, сударыня, — очень любезно ответила Анна Австрийская, — герцогиня де Монпансье поступила совершенно правильно, предложив вам воспользоваться нашей каретой. Скамья удобная, и здесь вы отдохнете и оправитесь от волнений. Но меня тревожит, что это за вооруженные люди, которые на вас напали.

— Боже мой, а вдруг они замыслили что-то против короля или королевы! — всплеснула руками герцогиня.

— Их кареты окружены телохранителями, и думаю, что за них можно не опасаться. Но я все же поговорю с начальником стражи.

Только теперь у Анжелики наступила реакция после перенесенного потрясения. Она почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица, и, закрыв глаза, откинула голову на мягкую спинку сиденья. Незнакомец в упор выстрелил в стекло. Это просто чудо, что никто из сидевших в карете не пострадал. Она крепко прижала к себе Флоримона. Сквозь легкую ткань одежды она заметила, как похудел он за последние дни, и упрекнула себя: «Его измучила эта бесконечная поездка». С тех пор как мальчика разлучили с его кормилицей и арапчонком, он часто хныкал, отказывался пить молоко, которое Марго покупала для него в деревнях. Сейчас он тяжело вздыхал во сне, и на его длинных ресницах, от которых падала тень на побледневшие щеки, застыли слезинки. Ротик у него был крошечный, круглый и

красный, как вишенка. Анжелика осторожно вытерла платком капли пота на его выпуклом белом лбу. Герцогиня де Монпансье громко вздохнула.

— Такая жара, что кровь в жилах свертывается.

— Когда мы ехали по лесным дорогам, было легче, — заметила Анна Австрийская, обмахиваясь большим черным черепаховым веером, — а здесь повсюду лес вырублен.

Наступило молчание, потом герцогиня де Монпансье шумно высморкалась и утерла глаза. Губы у нее дрожали.

— Как жестоко с вашей стороны, сударыня, колоть мне глаза тем, от чего у меня и так разрывается сердце. Да, этот лес принадлежит мне, но только теперь я увидела, что герцог Орлеанский, мой покойный отец, в погоне за деньгами почти полностью уничтожил его. Я потеряла не меньше ста тысяч экю, на которые могла бы приобрести великолепные бриллианты и красивейший жемчуг!

— Дорогая моя, поступки вашего отца никогда не отличались рассудительностью.

— Не правда ли, ужасное зрелище — эти торчащие из земли пни? Если бы я не сидела в вашей карете, я бы решила, что меня обвинили в преступлениях против вашего величества — ведь существует обычай вырубать леса непокорных подданных.

— Но это и впрямь чуть не произошло, — сказала королева-мать.

Герцогиня залилась краской до самых ушей.

— Ваше величество столько раз заверяли меня, что все вычеркнуто из памяти! Я не осмеливаюсь даже принять это за намек.

— Пожалуй, я не должна была так говорить с вами. Но что делать, если сердце вспльчиво, даже когда разум хочет быть милосердным. И все-таки я всегда вас любила. Но было время, когда вы вызывали мое негодование. Я бы могла еще простить вам Орлеан, но битву у Сент-Антуанских ворот и пушку Бастилии... О! Попадись вы тогда мне в руки, я бы вас задушила.

— И вполне заслуженно, ведь я прогневала ваше величество. Мое несчастье состояло в том, что я оказалась с людьми, которые вынудили меня так действовать, уверяя, что именно к этому призывают меня долг и честь.

— Не всегда легко разобраться, что является делом чести, в чем состоит твой долг, — сказала королева.

Они обе глубоко вздохнули. Слушая их, Анжелика думала, что ссоры сильных мира сего и простых смертных мало чем отличаются. Просто одни бьют по физиономии, а другие бьют из пушки. У одних остается только глухая вражда, у других — тяжелая память о прошлом, полном опасных интриг. Говорят, что все забыто, улыбаются народу, в угоду испанцам принимают принца Конде, ради денег обласкивают Фуке, но в глубине души каждый помнит все.

Если бы письма, лежащие в ларце, спрятанном в башенке замка дю Плесси, всплыли бы сейчас на свет божий, разве не явилось бы это поводом для того, чтобы из тлеющих угольков, готовых в любую минуту разгореться, снова вспыхнул страшный пожар?

У Анжелики было такое ощущение, точно этот ларец запрятан в ней самой и теперь он, словно свинцом, придавил ее жизнь. Она сидела с закрытыми глазами. Она боялась, что сидящие рядом с ней увидят проходящие перед ее мысленным взором странные картины: принца Конде, склонившегося над пузырьком с ядом или перечитывающего письмо, которое он перед этим подписал: «Заверяю мессира Фуке... всегда буду верен только ему и никому другому...»

Анжелика чувствовала себя очень одинокой. Никому не могла она довериться. Эти приятные светские знакомства ничего не стоят. Каждый жаждет только покровительства и милостей, и все немедленно отвернутся от нее, едва почуют, что она в опале. Правда, Бернард д'Анджос предан ей, но он такой легкомысленный! Едва они приедут в Париж, он сразу же исчезнет: подхватив под руку свою любовницу мадемуазель де Монмор, он будет веселиться на придворных балах или ночами пропадать с гасконцами в тавернах и игорных домах.

А впрочем, какое это имеет значение! Главное — поскорее добраться до Парижа. Там она вновь обретет под ногами твердую почву. Она поселится в прекрасном доме графа де Пейрака, в квартале Сен-Поль. И она тотчас же начнет поиски и хлопоты, чтобы узнать, что случилось с ее мужем.

— Мы приедем в Париж еще до полудня, — сообщил Анжелике д'Анджос, когда она с Флоримоном на следующее утро пересела в его карету, поскольку ее экипаж после вчерашнего инцидента был сильно поврежден.

— Может быть, муж уж ждет меня там и все разъяснится, — сказала Анжелика. — А почему вдруг вы повесили нос, маркиз?

— Потому что вчера вас просто чудом не убили. Если бы карета не опрокинулась, вторая пуля этого негодяя попала бы в вас. Она пробила стекло, и я нашел ее под чехлом, в спинке сиденья, как раз в том месте, где должна была находиться ваша голова.

— Ну, вот видите, судьба на нашей стороне! Возможно, это счастливое предзнаменование — все будет в порядке!

Они проезжали предместья, но Анжелика думала, что это уже Париж. Когда миновали ворота Сент-Оноре, она была разочарована узкими и грязными улицами. В их шуме не было звучности, свойственной Тулузе, он был какой-то резкий, пронзительный. Крики торговцев и, в особенности, кучеров и лакеев, которые возвещали о приближении экипажей, крики носильщиков портшезов прорезали глухой гул, похожий на отдаленный гром. Воздух был душный и зловонный.

Анжелика в карете, сопровождающий ее верхом Бернард д'Анджос, повозка с вещами и оба лакея на лошадях больше двух часов тащились по улицам, прежде чем добрались до квартала Сен-Поль.

Наконец они въехали на улицу Ботрей и замедлили ход.

Карета остановилась у высоких светлых деревянных ворот с фигурными бронзовыми молоточками и запорами. За белокаменной оградой виднелись двор и дом, построенный в современном стиле из тесаного камня, с высокими окнами, застекленными не разноцветными, а прозрачными стеклами, с новой черепичной крышей, со слуховыми окошками, которые блестели на солнце.

Лакей распахнул дверцу кареты.

— Приехали, сударыня, — сказал маркиз д'Анджос.

Он еще не спешил и удивленно смотрел на ворота. Анжелика спрыгнула на землю и подбежала к маленькому домику, где, должно быть, жил привратник, охранявший отель.

Она в гневе рванула звонок. Ее возмущало, что до сих пор не открыли ворота. Но на трезвон колокольчика никто не отозвался. Окна в домике были грязные. И все вокруг словно вымерло.

И тут Анжелика вдруг заметила на воротах что-то непонятное, на что, словно громом пораженный, смотрел д'Анджос.

Она подошла поближе.

Створки ворот опутывал красный шнур, на концах которого были толстые печати из цветного воска. Рядом белел листок, тоже прикрепленный восковыми печатями.

Анжелика прочла:

Королевская судебная палата

Париж

1 июля 1660 года

Застыв в оцепенении, она смотрела и ничего не понимала. В этот момент дверь домика приотворилась и оттуда высунулось встревоженное лицо слуги, одетого в помятую ливрею. Увидев карету, он торопливо захлопнул дверь, но потом, спохватившись, снова открыл ее и неуверенно вышел на улицу.

— Вы привратник отеля? — спросила Анжелика.

— Да, госпожа... да, это я, Батист... и я узнал карету... карету моего... моего... моего господина.

— Да перестань же ты заикаться, болван! — топнув ногой, крикнула Анжелика. — Скажи лучше, где мессир граф де Пейрак?

Слуга боязливо огляделся. Никого из соседей поблизости не было, и он, кажется, успокоился. Подойдя к Анжелике, он посмотрел ей прямо в глаза и неожиданно упал перед ней на колени, продолжая испуганно озираться.

— О, бедная моя молодая госпожа! — простонал он. — Бедный мой господин!.. О, какое ужасное несчастье!

— Да говори же ты! Что случилось?

Охваченная безумной тревогой, она трясла его за плечо.

— Встань, болван! Я ничего не слышу, что ты там бубнишь? Где мой муж? Он умер? Слуга с трудом поднялся.

— Говорят, его бросили в Бастилию, — прошептал он. — Отель опечатан. За его сохранность я отвечаю головой. А вы, госпожа, бегите отсюда, бегите, пока не поздно.

Упоминание знаменитой крепости-тюрьмы Бастилии не только не привело Анжелику в отчаяние, но, напротив, даже как будто

успокоило, потому что у нее уже зародились было самые ужасные предположения.

Из тюрьмы можно выйти. Она знала, что самая страшная тюрьма в Париже — это тюрьма парижского архиепископства, расположенная ниже уровня Сены, где зимой можно утонуть, знала, что Шатле предназначен для простого люда. Бастилия же была тюрьмой аристократической. Какие бы мрачные легенды ни ходили о неприступных камерах ее восьми башен, всем известно, что пребывание в этой тюрьме не считается позорным.

Анжелика тихонько вздохнула, силясь собраться с мыслями.

— Я думаю, нам здесь лучше не задерживаться, — сказала она маркизу д'Анджосу.

— Да-да, госпожа, уезжайте поскорее, — настаивал привратник.

— Нужно еще решить куда. Впрочем, у меня в Париже сестра. Правда, адреса я не знаю, но ее муж, мэтр Фалло, — королевский прокурор. Мне помнится, после женитьбы он носит имя Фалло де Сансе.

— Отправимся во Дворец правосудия и там уж наверняка все разузнаем.

И Анжелика со своей свитой снова двинулась в путь по улицам Парижа. Но теперь она уже не смотрела по сторонам. Город, встретивший ее так враждебно, больше не интересовал ее. Флоримон плакал. У него резались зубки, и Марго тщетно пыталась облегчить его страдания, втирая ему в десны снадобье из меда и укропа.

Они в конце концов узнали адрес королевского прокурора, который, как и большинство судейских чиновников, жил неподалеку от Дворца правосудия, на острове Сите, в приходе Сен-Ландри.

Улица называлась улицей Ада, и Анжелика сочла это зловещим предзнаменованием. Здесь еще сохранились старинные серые дома с остроконечными крышами, редкими окнами, лепными украшениями и водосточными трубами с головами чудовищ.

Дом, около которого остановилась карета, был не менее мрачен, чем соседние, хотя на каждом этаже было по три довольно высоких окна. На первом этаже находилась контора, на дверях которой висела дощечка:

Мэтр Фалло де Сансе. Королевский прокурор.

Не успела Анжелика выйти из кареты, как к ней бросились два клерка, праздно стоявшие у порога. Они буквально оглушили ее потоком слов на каком-то непонятном ей жаргоне. В конце концов она догадалась, что они восхваляют контору мэтра де Сансе, утверждая, что это единственное место в Париже, где клиент, желающий выиграть процесс, может получить советы.

— Я совсем не по поводу судебного процесса, — сказала Анжелика. — Мне нужна госпожа Фалло.

Разочарованные клерки указали ей на дверь слева, которая вела в жилище прокурора.

Анжелика ударила в дверь бронзовым молотком и с волнением стала ждать, когда ей откроют.

Аккуратно одетая толстая служанка в белом чепчике провела ее в прихожую, и почти тотчас же на лестнице появилась Ортанс. Она увидела карету в окно.

Анжелике показалось, что в первое мгновение сестра хотела броситься ей на шею, но спохватилась, и лицо ее приняло отчужденное выражение. Впрочем, в прихожей царил такая темень, что сестрам даже трудно было разглядеть друг друга. Они расцеловались довольно холодно.

Ортанс выглядела еще более сухопарой и длинной, чем прежде.

— Несчастливая моя сестра! — воскликнула она.

— Почему «несчастливая»? — спросила Анжелика.

Госпожа Фалло, кивнув в сторону служанки, провела Анжелику в спальню. Это была большая комната, служившая одновременно и гостиной, потому что вокруг кровати с красивым пологом, покрытой стеганым одеялом из желтой камчатой ткани, стояли кресла, табуреты, стулья и скамеечки. Анжелика подумала, уж не принимает ли ее сестра гостей лежа, как парижские «жеманницы». Ортанс и в самом деле когда-то слыла умной и острой на язык девушкой.

Цветные стекла окна создавали в комнате полумрак, но, поскольку на улице стояла жара, это оказалось даже приятным. На плитах пола для аромата были разбросаны пучки зеленой травы. Анжелика с наслаждением вдохнула деревенский запах лугов.

— Как у тебя хорошо! — сказала она Ортанс. Но сестра оставалась все такой же хмурой.

— Не пытайся обмануть меня своим беспечным видом. Я все знаю.

— Что ж, тебе повезло, а вот я, признаюсь, нахожусь в полном неведении, что случилось.

— Какая неосмотрительность с твоей стороны — так открыто появиться в центре Парижа! — сказала Ортанс, закатив глаза к небу.

— Послушай, Ортанс, оставь свои гримасы. Не знаю, как твой муж, но я, помнится, никогда не могла видеть их спокойно, не залепив тебе оплеуху. Лучше я расскажу все, что знаю, а потом ты расскажешь, что известно тебе.

И Анжелика поведала сестре, как во время их пребывания в Сен-Жан-де-Люзе, по случаю бракосочетания короля, граф де Пейрак неожиданно исчез. Кое-кто из друзей высказал предположение, что его схватили и увезли в Париж, поэтому она тоже приехала в столицу. Но тут выяснилось, что их отель опечатан, а граф, по-видимому, находится в Бастилии.

— В таком случае, — сурово заметила Ортанс, — ты могла бы подумать, не скомпрометирует ли твое появление здесь среди бела дня королевского сановника. А ты прикатила прямо сюда!

— Да, это действительно странно, — ответила Анжелика, — но моей первой мыслью было искать помощи у родных.

— Насколько я помню, это единственный случай, когда ты о них вспомнила! Я не сомневаюсь, что не увидела бы тебя здесь, если бы ты могла задирать нос в своем новом отеле в квартале Сен-Поль. Что же ты не попросила приюта у блистательных друзей твоего такого богатого и такого красивого мужа, у всех этих принцев, герцогов и маркизов, а предпочла своим появлением здесь навлечь неприятности на нас?

Анжелика уже готова была подняться и уйти, хлопнув дверью, но в этот момент ей послышалось, что с улицы доносится плач Флоримона, и она пересилила себя.

— Я не обманываюсь на твой счет, Ортанс. Как воистину любящая и преданная сестра, ты меня выставляешь за дверь. Но со мной мой сын, которому всего год и два месяца, его нужно выкупать, переодеть, накормить. А сейчас уже поздно. Если я отправлюсь искать пристанище, то может случиться, что мы заночуем на улице. Приюти нас на одну ночь.

— И одной ночи вполне достаточно, чтобы поставить под угрозу благополучие моей семьи.

— Но разве у меня такая скандальная репутация?

Госпожа Фалло поджала свои тонкие губы, и ее живые карие глазки заблестели.

— И у тебя репутация небызупречна, а уж у твоего мужа — просто чудовищна.

Трагические нотки в голосе сестры вызвали у Анжелики улыбку.

— Уверю тебя, мой муж — превосходный человек. Ты бы сама убедилась в этом, если бы познакомилась с ним.

— Упаси меня боже! Я бы умерла от страха. Если все, что мне говорили, правда, то я не понимаю, как ты могла столько лет прожить с ним под одной крышей. Не иначе как он околдовал тебя.

И, немного подумав, она добавила:

— Правда, у тебя с самого детства явная склонность ко всяким порокам.

— Ты сама любезность, дорогая! А вот у тебя поистине с самого детства явная склонность к желчности и злословию!

— Час от часу не легче? Теперь ты уже оскорбляешь меня в моем собственном доме!

— Но почему ты не хочешь поверить мне? Я же тебе говорю, что мой муж попал в Бастилию по недоразумению.

— Если он в Бастилии, значит, есть на свете справедливость!

— Если есть справедливость, то он скоро будет на свободе!

— Вы великолепно рассуждаете о справедливости, сударыни, но позвольте мне вмешаться, — раздался за спиной Анжелики степенный мужской голос.

В комнату вошел мужчина. Ему было лет тридцать, но держался он крайне солидно. Каштановый парик окаймлял его полное, тщательно выбритое лицо, на котором были написаны важность и в то же время внимание — лицо духовного пастыря. Голову он держал слегка склоненной набок, как человек, который в силу своей профессии привык выслушивать исповеди.

По его черному суконному костюму, добротному, но украшенному лишь черным галуном и роговыми пуговицами, по белоснежным скромным брызгам Анжелика догадалась, что перед ней ее зять — прокурор. Желая смягчить его, она присела в реверансе. Он подошел к

ней и торжественно расцеловал в обе щеки, как полагается близкому родственнику.

— Не надо подвергать сомнению существование справедливости, сударыня. Справедливость есть. И во имя ее, во имя того, что она существует, я даю вам приют в своем доме.

Ортанс подскочила, словно ошпаренная:

— Да что с вами, Гастон, вы совсем сошли с ума! С первого дня нашего супружества вы только и твердили мне, что ваша карьера для нас превыше всего и что она зависит исключительно от короля.

— И от справедливости, моя дорогая, — мягко, но решительно прервал ее прокурор — Однако она не мешает вам вот уже несколько дней без конца повторять о своих опасениях, как бы моя сестра не стала искать пристанища у нас. Ведь то, что вам известно об аресте ее мужа, говорили вы, дает вам основание предполагать, что это было бы для нас погибельным.

— Замолчите, сударыня, вы заставляете меня горько сожалеть о том, что я разгласил, если можно так сказать, профессиональную тайну, поведав вам кое-что, узнанное случайно.

Анжелика решила поступиться своим самолюбием.

— Вы что-то узнали? О, сударь, умоляю, расскажите мне. Вот уже несколько дней я нахожусь в полном неведении.

— Сударыня, я не буду ни ссылаться на то, что обязан хранить служебную тайну, ни рассыпаться в утешениях. Признаюсь вам сразу, что мои сведения — увы! — весьма скудны. Я узнал об аресте мессира де Пейрака из официальных источников во Дворце правосудия и, не скрою, был этим весьма поражен. Вот почему я вас прошу в ваших собственных интересах и в интересах вашего мужа до поры до времени нигде не ссылаться на то, что я вам сообщу. Впрочем, повторяю, мои сведения весьма скудны. Так вот, ваш муж был арестован по королевскому указу третьей категории о заточении без суда и следствия, то есть по так называемому «королевскому письму». Обвиняемого чиновника или дворянина король этим письмом приглашает отправиться тайно, но свободно, хотя и в сопровождении королевского эmissара, в предписанное ему место. Что же касается вашего мужа, то он сперва был препровожден в Фор-Левек, а затем по приказу, подписанному канцлером Сегье, его перевели в Бастилию.

— Благодарю вас, вы подтвердили те, в общем, успокоительные сведения, которые я имела. Многие знатные дворяне были заключены в Бастилию, но затем оправданы и выпущены на свободу, как только удавалось разоблачить клевету, из-за которой они попали туда.

— Я вижу, вы из тех женщин, что умеют владеть собой, — сказал мэтр Фалло, одобрительно кивая головой, — но мне бы не хотелось вводить вас в заблуждение, утверждая, будто все с легкостью уладится, ибо я узнал также, что в приказе об аресте, подписанном королем, было оговорено, чтобы в тюремную книгу не заносились ни имя заключенного, ни преступление, в котором он обвиняется.

— Видимо, король не желает бесчестить одного из своих верных подданных, прежде чем сам не разберется, в чем его вина. Он хочет иметь возможность без огласки оправдать...

— Или же забыть.

— Как это... забыть? — переспросила Анжелика, и дрожь пробежала у нее по спине.

— В тюрьмах томится много людей, о которых забыли, — проговорил мэтр Фалло, прищуривая глаза и устремив взгляд вдаль, — совсем забыли, словно они уже умерли. Конечно, заключение в Бастилию само по себе не является позором, это тюрьма для знатных людей, и в ней побывало немало принцев крови, что отнюдь не унизило их. Однако — я хочу обратить на это ваше внимание — безымянный заключенный, да еще в одиночной камере, — дело чрезвычайно серьезное.

Некоторое время Анжелика молчала. Она вдруг почувствовала страшную усталость, и у нее засосало под ложечкой от голода. А может быть, от ужаса? Она подняла глаза на прокурора, надеясь найти в нем союзника.

— Если уж вы так добры, сударь, что ввели меня в курс дела, то посоветуйте, что мне предпринять?

— Еще раз повторяю, сударыня, дело не в доброте, а в справедливости. Именно это чувство побудило меня дать вам приют под моей крышей, а вот за советом я направлю вас к другому законнику. Я боюсь, как бы мое вмешательство в ваше дело не послужило поводом для обвинения меня в пристрастности, в заинтересованности, хотя до сих пор между нашими семьями, по существу, не было родственной близости.

Ортанс, которая с трудом сдерживала себя, визгливым голосом — так она кричала в детстве — вмешалась в разговор:

— Вот именно! Пока у нее были замки и деньги ее колченогого мужа, она нами не интересовалась. Ведь вы же сами прекрасно понимаете, что граф де Пейрак — он же был советником тулузского парламента! — наверняка мог бы помочь вашему продвижению по службе, рекомендовав вас парижским сановникам из Дворца правосудия.

— У Жоффрея почти не было связей в столице, — сказала Анжелика.

— Ну конечно же, — с иронией заметила сестра. — Лишь такие незначительные знакомства, как наместник Лангедока и Беарна, как кардинал Мазарини, королева-мать и ее сын — король!

— Ты преувеличиваешь...

— Но разве вы не были приглашены на свадьбу короля?

Ничего не ответив, Анжелика вышла из гостиной. Этот спор может продолжаться до бесконечности. Раз муж Ортанс согласился их приютить, надо принести сюда Флоримона. Спускаясь по лестнице, Анжелика поймала себя на том, что улыбается. До чего же быстро они поссорились, совсем, как в детстве... Итак, Монтелу жив... Уж лучше оттаскать друг друга за волосы, чем держаться отчужденно.

Она вышла на улицу. Франсуа Бине сидел на подножке кареты со спящим Флоримонем на руках. Молодой цирюльник сказал, что видя, как страдает малыш, он дал ему лекарство собственного изготовления — смесь опия и тертой мяты, которое у него оказалось при себе, — ведь, как и все люди его профессии, он был еще немножко и аптекарем, и хирургом. Анжелика поблагодарила его. Потом она спросила, куда делись Марго и няня Флоримона. Ей ответили, что Марго, истомившись долгим ожиданием, соблазнилась баней, в которую зазывал слуга банщика, распевая на всю улицу немудреную песенку:

По примеру святой Жанны, Мойтесь, дамы, только в бане, К нам скорей спешите в гости Попарить ваши кости.

Как и все гугеноты. Марго была очень чистоплотной, и Анжелика поощряла эту ее страсть.

— Я бы тоже не прочь последовать примеру святой Жанны, — вздохнула Анжелика.

Лакеи и оба кучера, сидя в тени повозки, ели вяленую рыбу, поскольку была пятница, и запивали ее легким вином.

Анжелика с грустью посмотрела на свое пропыленное платье, на запачканное, перемазанное медом до самых бровей личико Флоримона. Какой жалкий вид у семьи графа!

Но жене неимущего прокурора все это, видимо, показалось роскошным, так как Ортанс, спустившаяся вслед за Анжеликой, злобно усмехнулась:

— Да, дорогая моя, хоть ты и плачешься, что вынуждена будешь ночевать на улице, но, как я вижу, дела твои не так уж плохи — карета, повозка, шесть лошадей, человек пять слуг да еще две служанки, которые ходят в баню!

— У меня есть кровать... может, сказать, чтобы ее подняли наверх? — спросила Анжелика.

— Не нужно. У нас есть, на что тебя уложить. Но всю твою челядь мне девать некуда.

— Может, в мансарде у тебя найдется место для Марго и няни? А слугам я дам денег на трактир.

Поджав губы, Ортанс с возмущением смотрела на этих слугужан, которые считали, что ради жены прокурора нечего нарушать свой обед, и продолжали закусывать, разглядывая ее жгучими глазами.

— Знаешь, твои слуги сильно смахивают на разбойников, — проговорила она приглушенным голосом.

— Ты наделяешь их достоинствами, которых у них нет. Их можно упрекнуть лишь в одном — они любят поспать на солнышке.

Анжелику провели в большую комнату на третьем этаже, и она испытала истинное блаженство, когда села в лохань и освежилась прохладной водой. Она даже вымыла голову и с грехом пополам причесалась, глядя в металлическое зеркальце, висящее над камином. Комната была мрачная, обставленная уродливой мебелью, но все необходимое было. В кроватке на чистых простынях лежал Флоримон, который благодаря снадобью цирюльника все еще спал.

Чуть подрумянив щеки — она подозревала, что зять не любит женщин, которые сильно румянятся, — Анжелика принялась раздумывать, какое же платье ей надеть. Даже самое скромное покажется чересчур нарядным по сравнению с туалетом бедняжки

Ортанс, серый суконный корсаж которой был украшен лишь несколькими бантиками и бархатной лентой.

Анжелика остановила свой выбор на домашнем платье кофейного цвета с довольно скромной золотой вышивкой, а вместо тонкой кружевной пелерины накинула на плечи черный атласный платок. Она уже заканчивала свой туалет, когда, прося прощения за опоздание, появилась Марго.

Горничная ловкими движениями красиво уложила волосы своей госпожи, сделав ее обычную прическу, и, не удержавшись, надушила ее.

— Не переусердствуй. Я не должна выглядеть слишком нарядной. Мне нужно внушить доверие моему зятю-прокурору.

— Увы! Столько знатных сеньоров было у ваших ног, а теперь вы должны думать, как прельстить какого-то прокурора!

Их разговор прервал пронзительный крик, донесшийся снизу. Они выбежали на лестничную площадку.

На первом этаже душераздирающе кричала женщина. Анжелика быстро сбежала вниз и в прихожей увидела своих слуг. С недоумевающим видом они теснились на пороге. Вопли продолжались, но теперь они звучали как-то глухо и исходили, казалось, из высокого сундука под красное дерево, который украшал переднюю.

Прибежавшая на крик Ортанс откинула крышку сундука и выволокла оттуда толстую служанку, ту самую, которая впустила Анжелику в дом, и двух ребятишек лет восьми и четырех, которые вцепились в ее юбку. Госпожа Фалло сначала отвесила толстухе пощечину, а уж потом спросила, что с нею стряслось.

— Там! там! — вопила служанка, указывая пальцем в сторону двери.

Анжелика посмотрела туда и увидела беднягу Куасси-Ба. Он смущенно прятался за спинами слуг.

При виде мавра Ортанс невольно вздрогнула, но взяла себя в руки и сухо сказала:

— Ну и что? Это чернокожий, мавр, и нечего вопить. Разве вы никогда не видели мавров?

— Н-не... нет, сударыня, нет.

— В Париже нет человека, который бы не видел мавра. Сразу видно, деревенщина! Вы просто дура!

И, подойдя к Анжелике, она тихо сказала сквозь зубы:

— Поздравляю, дорогая. Ты сумела переполошить весь мой дом. Даже привезла дикаря с островов. Возможно, служанка тотчас же сбежит от меня. А мне стоило таких трудов ее найти!

— Куасси-Ба, — позвала Анжелика. — Эти дети и девушка боятся тебя. Покажи-ка им, как ты умеешь веселить людей.

— Карашо, каспаша.

Одним прыжком мавр оказался на середине прихожей. Служанка снова завопила и в ужасе прижалась к стенке, словно пытаясь втиснуться в нее. Но Куасси-Ба, сделав несколько сальто, достал из карманов разноцветные шарики и с поразительной ловкостью принялся ими жонглировать. Недавнее ранение, казалось, ничуть ему не мешало. Когда дети заулыбались, мавр взял у Джованни гитару, сел на пол, скрестив ноги, и принялся петь мягким, приглушенным голосом.

Анжелика подошла к своим слугам.

— Я дам вам денег, чтобы вы могли ночевать и питаться в трактире, — сказала она.

Кучер, который правил каретой, вышел вперед и, теребя свою шляпу с красным пером — непременно дополнение к роскошной ливрее лакеев графа де Пейрака, — проговорил:

— Простите, госпожа, но мы хотели попросить вас выплатить нам все жалованье. Ведь мы в Париже, а Париж требует больших расходов.

Поколебавшись немного, Анжелика решила выполнить просьбу слуг. Она велела Марго принести шкатулку и выдала каждому, что положено. Слуги поблагодарили и попрощались. Джованни сказал, что завтра придет, чтобы получить распоряжения госпожи графини. Остальные ушли молча. Они были уже в дверях, когда Марго с лестницы крикнула им что-то на лангедокском наречии, но они ничего не ответили.

— Что ты им сказала? — задумчиво спросила Анжелика.

— Сказала, если они не придут завтра, хозяин наведет на них порчу.

— Ты думаешь, они не вернуться?

— Боюсь, что да.

Анжелика устало провела рукой по лбу.

— Не надо было говорить, Марго, что хозяин наведет на них порчу. Их эти слова вряд ли напугают, а нам принесут вред. Возьми шкатулку, отнеси в мою комнату и позаботься о кашке для Флоримона, чтобы он мог поесть, когда проснется.

— Сударыня, — раздался тоненький голосок рядом с Анжеликой, — папа просил передать вам, что ужин подан, и мы вас ждем в столовой, чтобы вместе прочесть молитву.

Это был тот самый восьмилетний мальчуган, который прятался в сундуке.

— Ты больше не боишься Куасси-Ба? — спросила она его.

— Нет, сударыня, я очень рад, что познакомился с мавром. Все мои приятели будут мне завидовать.

— Как тебя зовут?

— Мартен.

В столовой раскрыли окна, чтобы было светлее и не пришлось бы зажигать свечи. Над крышами виднелось чистое, розовое от заката небо. Как раз в это время в церквах начали звонить к вечерней молитве. Величественный перезвон больших колоколов ближней церкви выделялся на фоне других и, казалось, уносил вдаль молитву самого города.

— В зашей церкви прекрасные колокола, — заметила Анжелика, чтобы нарушить напряженное молчание, которое наступило после того, как все, прочитав молитву, сели за стол.

— Наша приходская церковь — Сен-Ландри, — сказал мэтр Шалло, — а это колокола Собора Парижской богородицы, он совсем рядом. Если выглянуть в окно, то можно увидеть две его высокие башни и шпиль апсиды.

На противоположном конце стола с ученым видом молча сидел старик, дядя прокурора, бывший магистрат.

В начале ужина он и его племянник деловито бросили в свои стаканы по кусочку рога нарвала. Это напомнило Анжелике, что она забыла в это утро принять пастилку яда, к которому Жоффрей де Пейрак хотел приучить ее.

Служанка принесла суп. Белая накрахмаленная скатерть еще хранила ровные квадратные складки от утюга.

Столовое серебро было довольно красивое, но вилками в семье Фалло не пользовались, они вообще были еще мало распространены. Анжелика привыкла к вилке в доме Жоффрея, и она вспомнила, как неловко чувствовала себя в день своей свадьбы, в Тулузе, когда у нее в руках оказались эти маленькие вилы. Подали несколько блюд из рыбы, яиц и молочных продуктов. Анжелика заподозрила, что два или три из них были приготовлены в соседней харчевне, куда сестра послала слуг, чтобы пополнить меню.

— Только, пожалуйста, ничего в доме не меняй из-за меня, — попросила Анжелика.

— Ты, верно, воображаешь, что семья прокурора питается только ржаной кашей да супом из капусты, — ядовито ответила Ортанс.

В этот вечер, несмотря на усталость, Анжелика долго не могла уснуть. Она прислушивалась к доносящемуся с узких сырых улочек шуму незнакомого города.

Прошел маленький торговец вафельными трубочками, постукивая игральными костями. Бездельники, которые засиживались допоздна, зазывали его к себе, надеясь выиграть корзину трубочек.

Чуть позже Анжелика услышала, как глашатай выкрикивал имена умерших:

*Слушайте все спящие,
Молитесь богу за усопших...*

Анжелика вздрогнула и уткнулась лицом в подушку. Как ей не доставало сейчас рядом Жоффрея. Как ей не доставало его веселых шуток, остроумия, его чудесного голоса, его ласковых рук.

Когда они встретятся? О, какое это будет счастье! Она замрет в его объятиях, и пусть он ее целует, пусть прижимает к себе еще крепче... Она заснула, крепко обняв подушку в грубой полотняной наволочке, пахнущей лавандой.

Глава 29

Анжелика открыла одностворчатую ставню, затем окно с разноцветными стеклами в виде ромбов, вставленными в свинцовую раму. Только парижане способны спать в такую жару с закрытыми окнами. Она глубоко вдохнула свежий утренний воздух и в изумлении замерла.

Окно ее комнаты выходило не на улицу Ада, а в противоположную сторону, и из него была видна река — гладкая и блестящая, как шпага, позолоченная восходящим солнцем, и ее во всех направлениях бороздили лодки и груженные баржи.

На противоположном берегу, словно меловое пятно на фоне затянутого дымкой пейзажа в пастельных тонах, белела баржа-прачечная с полотняным куполом. Крики прачек, стук вальков долетали до Анжелики, смешиваясь с криками, доносившимися с барж и лодок, и ржанием лошадей, которых вели на водопой конюхи.

Но какой-то назойливый запах, терпкий и сладковатый одновременно, раздражал Анжелику. Она высунулась в окно и увидела, что деревянные сваи старого дома уходят в песчаный берег, покрытый тиной и горой гнилых фруктов, вокруг которых роились осы.

Справа был расположен небольшой порт, и в нем стояло на причале множество шаланд, с которых разгружали корзины с апельсинами, вишнями, виноградом, грушами. Красивые лодочники в лохмотьях, стоя на носу своих барок, с наслаждением жевали апельсины, бросая кожуру в воду, мелкие волны прибивали ее к домам. Потом лодочники скидывали одежду и ныряли в светлые воды реки. Деревянный мостик, выкрашенный в ярко-красный цвет, соединял Сите с маленьким островком.

Напротив, чуть левее баржи-прачечной, далеко вдоль берега вереницей растянулись лодки торговцев.

На берегу прямо на глазах росли ряды бочек, груды мешков, стога сена для конюшен.

Матросы с барж баграми захватывали плывущие по течению реки плоты, подтягивали их к берегу, где какие-то оборванцы выкатывали

бревна на сушу и складывали их штабелями.

Вся эта оживленная картина была освещена удивительно нежным золотистым светом, отчего каждая сценка преображалась в полотно художника, написанное в мягких, воздушных тонах, тут и там оттененных светлыми бликами, яркой рубашкой, белым чепцом, крикливой чайкой, пролетавшей над самой водой.

— Сена, — прошептала Анжелика.

А Сена — это Париж.

В дверь постучали, и вошла служанка Ортанс с кувшинчиком молока.

— Я принесла парное молоко для малыша, госпожа. Я сама сбегала на площадь Пьер-о-Лэ с утра пораньше, к приходу деревенских торговок. И знаете, когда я пришла, молоко в кувшинах было еще теплым.

— Я вам очень благодарна за заботу, милая, но к чему столько беспокойства. Уж навех-то с молоком вы могли послать няню, которая приехала со мной, она бы принесла кувшин.

— Я хотела посмотреть, проснулся ли малыш. Я так люблю маленьких детей. Мне очень жалко, что госпожа Ортанс отсылает своих в деревню. Не далее как шесть месяцев назад у нее родился ребеночек, и я отвезла его кормилице в Шайо. И знаете, у меня каждый день сердце болит, все боюсь, вдруг приедут и скажут, что он умер. Ведь у кормилицы совсем не было молока, и мне кажется, что она его кормит миолем — хлебным мякишем, размоченным в воде с вином.

Служанка была пухленькой девушкой с упругими блестящими щеками и наивными голубыми глазами. Анжелика почувствовала к ней симпатию.

— Как тебя зовут, милая?

— Меня зовут Барба, госпожа.

— А я, Барба, первые месяцы сама кормила сына грудью и надеюсь, он вырастет здоровым.

— Никто не заменит ребенку мать! — нравоучительным тоном сказала Барба.

Проснулся Флоримон и, уцепившись ручонками за решетку кровати, сел. Своими блестящими черными глазками он уставился на незнакомое лицо.

Девушка взяла на руки еще потного со сна мальчика.

— Сокровище мое, миленький мой, здравствуй, моя крошечка! — Приговаривая так, она поднесла его к окну, чтобы он посмотрел на баржи, на чаек, на корзины, наполненные апельсинами.

— Что это за пристань? — спросила Анжелика.

— Это Сен-Ландри, фруктовая пристань, а там, подальше, — Красный мост, он ведет на остров Сен-Луи. Напротив тоже пристани, где выгружают разный товар: на той — сено, чуть подальше лес, потом хлебная пристань, за ней — винная. Это все для тех господ, что сидят в ратуше, вон в том красивом доме, который стоит за песчаным берегом.

— А как называется площадь перед ратушей?

— Гревская площадь.

Барба сощурила глаза, вглядываясь.

— Что-то сегодня там уже с утра много народу. Наверно, кого-нибудь повесили.

— Повесили? — с ужасом переспросила Анжелика.

— Ну да, ведь казнят на Гревской площади. Окошко моего чердака как раз над вашим окном, и я смотрю все казни, хотя это и далековато. Но, пожалуй, так оно и лучше, ведь у меня такое чувствительное сердце! Чаше всего вешают, но два раза я видела, как отрубали голову топором, а один раз — как жгли на костре колдуна.

Анжелика вздрогнула и отвернулась. Теперь вид из окна уже не радовал ее.

Решив поехать в Тюильри, Анжелика оделась понаряднее и попросила Марго прихватить накидку и сопровождать ее. Флоримон останется с молоденькой няней, а Барба присмотрит за ними. Анжелика была рада, что они подружились с Барбой, и теперь эта девушка не уйдет из-за нее от Ортанс, у которой и без того было мало помощников. Кроме Барбы, в доме была только кухарка, да еще слуга, который приносил воду, дрова для очага зимой, следил за свечами и мыл полы.

— Скоро ваш экипаж потеряет вид, сударыня, — поджав губы, заметила Марго. — Именно этого я и опасалась. Весь этот сброд, ваши лакеи и кучера, сбежал, и теперь некому править каретой и ухаживать за лошадьми.

После минутного замешательства Анжелика взяла себя в руки.

— Ну что ж, это даже к лучшему. Ведь у меня с собой всего четыре тысячи ливров. Я, правда, собираюсь послать мессира д'Анджоса в Тулузу за деньгами, но пока что — кто знает, как там все сложится, — даже хорошо, что не придется платить этим людям. Лошадей и карету я продам. А сегодня мы пойдем пешком. Кстати, мне очень хочется взглянуть на лавки.

— Сударыня не представляет себе, какая на улицах грязища. В некоторых местах можно по щиколотку увязнуть в нечистотах.

— Сестра сказала, что надо надеть на обувь деревянные подошвы и тогда можно пройти. Ладно, дорогая Марго, не ворчи. Зато мы познакомимся с Парижем, разве это не чудесно?

Внизу, в прихожей, Анжелика увидела Франсуа Бине и музыканта Джованни.

— Спасибо вам за вашу преданность, — растроганно сказала она, — но боюсь, что нам придется расстаться, ведь теперь я уже не смогу держать вас у себя на службе. Бине, хочешь я порекомендую тебя герцогине де Монпансье? Ты привел ее в такой восторг в Сен-Жан-де-Люзе, что я не сомневаюсь, она возьмет тебя к себе или же, в свою очередь, порекомендует какому-нибудь знатному дворянину.

К ее великому удивлению, цирюльник отказался от этого предложения.

— Благодарю вас, сударыня, за вашу доброту, но думаю, мне лучше всего пойти в подмастерья к какому-нибудь брадобрею.

— Тебе? Подмастерьем? — запротестовала Анжелика. — Ведь ты был лучшим цирюльником Тулузы!

— К сожалению, я не могу претендовать на большее в этом городе, где корпорации так замкнуты...

— Ну а при дворе...

— Завоевывать признание сильных мира сего — дело кропотливое, сударыня. Не следует сразу лезть вверх, особенно такому скромному ремесленнику, как я. Ведь иногда достаточно совсем немного, одного словечка, ехидного намека, чтобы тебя низвергли с вершины славы, и ты окажешься в еще более жалком положении, чем то, которое занимал бы, если б скромно держался в тени. Благосклонность великих мира сего так изменчива, и лавры, которыми они нас венчают, могут порой и погубить.

Она пристально посмотрела на него.

— Ты хочешь дать им время забыть, что служил у графа де Пейрака?

Он потупил взор.

— Лично я никогда этого не забуду, сударыня. Пусть только мой господин победит своих врагов, и я с радостью вернусь к нему. Но я всего-навсего простой брадобрей.

— Ты прав, Бине, — с улыбкой проговорила Анжелика. — Мне нравится твоя откровенность. Зачем тебе подвергаться гонениям вместе с нами! Вот тебе сто экю и будь счастлив.

Бине поклонился ей, взял свой ящичек и, пятясь задом к двери, на ходу отвешивая поклоны, вышел.

— А ты, Джованни, хочешь, чтобы я познакомила тебя с господином Люлли?

— О, конечно, хочу, госпожа.

— Ну, а что будешь делать ты, Куасси-Ба?

— Гулять с тобой, каспаша.

Анжелика улыбнулась.

— Хорошо. Тогда идите оба со мной. Мы отправляемся в Тюильри.

В этот момент приоткрылась дверь и показался роскошный темный парик прокурора Фалло.

— Я услышал ваш голос, сударыня... А я как раз поджидал вас, чтобы поговорить с вами.

Анжелика знаком приказала слугам дожидаться ее.

— Сударь, я в вашем распоряжении.

Вслед за прокурором Анжелика прошла в его контору, где суетились клерки и писцы. Сладковатый запах чернил, унылый скрип гусиных перьев, царивший в зале полумрак и черная суконная одежда этого бедного люда навевали тоску. На стене конторы висело множество черных мешков, где хранились судебные дела.

Мэтр Фалло провел Анжелику в примыкавший к залу небольшой кабинет. Навстречу им поднялся какой-то мужчина. Прокурор представил его:

— Мэтр Дегре, адвокат. Мэтр Дегре будет в вашем распоряжении для ведения прискорбного дела вашего супруга.

Анжелика с изумлением разглядывала незнакомца. Такой адвокат графу де Пейраку?! Где еще найдешь адвоката в такой поношенной одежде, в такой потрепанной рубашке, в такой жалкой шляпе! Даже прокурор, который, кстати сказать, разговаривал с адвокатом с большим уважением, и тот на его фоне казался одетым роскошно. Бедняк адвокат даже парика не носил, и его длинные волосы были словно из той же грубой коричневой шерсти, что и его одежда. Но, несмотря на свою вопиющую нищету, держался он с большим апломбом.

— Сударыня, не будем говорить ни в будущем времени, ни даже в условном наклонении. Я уже в вашем распоряжении, — тотчас же заявил он. — А теперь без опасений доверьтесь мне и расскажите все, что вам известно.

— Что вам сказать, мэтр, — довольно холодно проговорила Анжелика, — я ничего или почти ничего не знаю.

— Очень хорошо, это оградит нас от не правильных предположений.

— Но есть все же один бесспорный факт, — вмешался мэтр Фалло. — Приказ об аресте подписан самим королем.

— Совершенно верно, мэтр. Король. От короля и нужно исходить.

Молодой адвокат ухватился рукой за подбородок и нахмурил брови.

— Да, не очень это все удачно. Придется начинать расследование чуть ли не с самого верха.

— Я как раз собираюсь повидаться с герцогиней де Монпансье, кузиной короля, — сказала Анжелика. — Я думаю, через нее мне удастся получить более точные сведения, особенно если причина ареста — в придворных интригах, как я подозреваю. Может быть, с ее помощью я сумею даже дойти до его величества.

— Герцогиня де Монпансье! — с презрительной гримасой фыркнул адвокат. — Эта длинная жердь — не лучший помощник. Не забывайте, сударыня, что она принимала участие во Фронде и именно она отдала приказ стрелять по войскам своего кузена короля. Поэтому при дворе к ней всегда будут относиться с подозрением. Кроме того, король немного завидует ее богатству. И она очень скоро поймет, что не в ее интересах защищать вельможу, впавшего в немилость.

— Но мне показалось, и я много раз слышала об этом, что у герцогини де Монпансье доброе сердце.

— Дай бог, чтобы она дала вам возможность убедиться в этом, сударыня. Я истый парижанин и не очень-то доверяю сердцам вельмож, которые предоставляют народу пожинать плоды своих распрь, плоды столь же горькие и гнилые, как те, что гниют под окнами вашего дома, господин прокурор. А впрочем, попробуйте и этот ход, сударыня, если он кажется вам хорошим. Однако я советую вам говорить об этом с герцогиней и принцами как бы между прочим и не слишком упирать на то, что по отношению к вам допущена несправедливость.

«Не хватает еще, чтобы какой-то голодранец адвокатишка учил меня, как вести себя при дворе!» — с раздражением подумала Анжелика.

Она достала кошелек и вынула из него несколько экю.

— Это аванс в счет расходов, которые могут возникнуть в ходе следствия.

— Благодарю вас, сударыня, — ответил адвокат и, бросив довольный взгляд на деньги, сунул их в свой весьма тощий кожаный кошелек, который болтался у него на поясе.

Затем он вежливо поклонился и вышел.

И тотчас же навстречу ему поднялся огромный белый датский дог в больших коричневых пятнах, который терпеливо ждал его на углу дома, и пошел вслед за хозяином. Тот, засунув руки в карманы и весело насвистывая, вскоре исчез из виду.

— Этот человек не внушает мне доверия, — сказала зятю Анжелика. — По-моему, он просто самодовольный болван.

— Он блестящий адвокат, но беден, как почти все они, — возразил прокурор. — В Париже слишком много адвокатов, которые сидят без дела. Свою должность он наверняка получил в наследство от отца, потому что купить ее, конечно, не смог бы. Я порекомендовал его вам потому, что, во-первых, ценю его ум, а во-вторых, он обойдется вам недорого. За ту небольшую сумму, что вы ему дали, он совершит чудеса.

— Вопрос денег не должен играть никакой роли. Если это необходимо, мой муж будет пользоваться услугами самых блестящих адвокатов.

Мэтр Фалло бросил на Анжелику высокомерный и насмешливый взгляд.

— Разве в вашем распоряжении неисчерпаемые богатства?

— При себе у меня нет большой суммы, но я пошлю Маркиза д'Анджоса в Тулузу. Он встретится с нашим банкиром и, если спешно понадобятся деньги, поручит ему продать несколько наших угодий.

— А вы не боитесь, что на ваше тулузское имущество наложен арест, как и на парижский отель?

Ошеломленная Анжелика в ужасе взглянула на Фалло.

— Этого не может быть! — пробормотала она. — На каком основании? За что нас так преследовать? Мы никому не причиняли зла.

Прокурор с елейной улыбкой развел руками.

— Увы, сударыня! Столько людей, которые приходят в эту контору, говорят то же самое. Послушать их, так можно подумать, что никто никогда никому не причиняет зла. И тем не менее без конца возникают судебные процессы...

«И прокуроры не сидят без дела», — подумала Анжелика.

Обеспокоенная словами прокурора, Анжелика рассеянно брела по улицам Парижа. Они прошли улицу Коломб, затем Мармузе, Лантерн, миновали Дворец правосудия. Набережная Орлож привела их к Новому мосту, который находился в самом конце острова. Слуги пришли в восторг от царившего на мосту оживления. Множество фургонов-лавчонок со всех сторон облепили бронзовую статую славного короля Генриха IV, и оттуда доносился разноголосый хор торговцев, на все лады расхваливающих свои товары. Один кричал о чудотворном пластыре, другой уверял, что рвет без боли зубы, третий предлагал пузырьки с загадочной жидкостью, которая удаляет пятна с одежды; продавали здесь и книги, и игрушки, и черепаховые ожерелья против боли в животе. Хрипели трубы, надрывались шарманки. На помосте под барабанный бой акробаты жонглировали стаканчиками. Человек с изможденным лицом, в потрепанной одежде сунул Анжелике какую-то бумажку и попросил десять су. Она машинально дала ему деньги и, положив листок в карман, приказала слугам, которые удивленно глазели по сторонам, поторопиться.

Ей было не до развлечений. К тому же на каждом шагу ее останавливали нищие. Они вырастали перед ней словно из-под земли,

показывая то гнойную рану, то культю, обернутую окровавленной тряпкой, а одетые в лохмотья женщины совали ей прямо в лицо грудных младенцев, покрытых струпьями, над которыми роились мухи. Эти люди появлялись из-под темных сводов ворот, из-за угла какой-нибудь лавчонки, поднимались с берега реки, вначале они жалобно стонали, но очень скоро начинали изрыгать брань.

В конце концов Анжелика уже не могла без содрогания видеть их, да и мелких денег у нее совсем не осталось, и она приказала Куасси-Ба отгонять нищих. В это время наперерез им заковылял калека на костылях, но когда мавр, оскалив свои крупные зубы, вытянул вперед руки, нищий с поразительным проворством улепетнул.

— Вот что значит идти пешком, как чернь, — все больше и больше возмущаясь, ворчала Марго.

Анжелика с облегчением вздохнула, когда, наконец, увидела перед собой заросшие плющом развалины Лесной башни — остатки древней парижской стены. Вскоре показался Луврский дворец, та часть его, которая называлась Павильоном Флоры, от него тянулась дворцовая галерея, соединяющая под прямым углом Лувр с дворцом Тюильри.

В воздухе посвежело. Подувший с Сены ветерок развеивал зловоние города.

Вот наконец и Тюильри, украшенный замысловатыми гербами дворец с невысоким куполом и небольшими фонарями, летняя резиденция королевской семьи, легкая, изящная, так как строили ее для женщины — Екатерины Медичи, итальянки, любившей роскошь.

В Тюильри Анжелику попросили подождать. Герцогиня де Монпансье уехала в Люксембургский дворец, куда она собирается перебраться, так как брат короля решил отнять у нее Тюильри, хотя она и прожила здесь долгие годы. Он уже обосновался со своей свитой в одном крыле дворца. Герцогиня назвала его интриганом, разразился ужасный скандал. Но в конце концов она все же уступила, как уступала всегда. У нее и правда было слишком доброе сердце.

Оставшись одна, Анжелика села у окна и залюбовалась чудесным парком. За мозаикой клумб белела миндальная роща вся в цвету, за ней простирался зеленый массив Ла Гаренны.

На берегу Сены находился соколиный питомник Людовика XIII, где и по сей день держали соколов для охоты.

Справа от дворца тянулись знаменитые королевские конюшни и манеж, оттуда доносился конский топот, крики пажей и жокеев.

Анжелика всей грудью вдыхала свежий воздух полей и смотрела, как на холмах Шайо, Пасси и Руль крутятся крылья ветряных мельниц, которые издали казались совсем маленькими.

Наконец около полудня во дворце поднялась суматоха, и в комнату, обмахиваясь веером, вошла изнемогающая от жары герцогиня де Монпансье.

— Дружочек, вы всегда появляетесь как нельзя более кстати, — сказала она Анжелике. — Всюду, куда ни кинешь взгляд, глупые физиономии, которые так и просят пощечины, а ваше очаровательное личико, ваши умные и чистые глаза оказывают на меня такое... освежающее действие. Да-да, именно освежающее. О боже, принесут нам когда-нибудь лимонаду и мороженого?

Она упала в кресло и, отдышавшись, продолжала:

— Что я вам расскажу! Сегодня утром я чуть не задушила брата короля и, знаете, сделала бы это с превеликим удовольствием. Он выгоняет меня из этого дворца, где я живу с детства. Больше того, я царствовала в этом дворце. Впрочем, судите сами... Отсюда по моему приказу мои люди под музыку отправлялись вон к тем воротам — вон они, видите — сражаться против солдат кардинала Мазарини. Кардинал пытался бежать от народного гнева, но не смог выбраться из Парижа. Еще немного, и его бы убили, а труп бросили бы в Сену...

Анжелика не знала, как ей прервать эту болтовню и перевести разговор на тему, волновавшую ее. Она вспомнила, как скептически отозвался молодой адвокат о доброте великих мира сего, но все же собралась с духом и сказала:

— Пусть извинит меня ваше высочество, но я знаю, что вы в курсе всего, что происходит при дворе. Вам, наверно, известно, что мой муж находится в Бастилии?

Герцогиня, казалось, была искренне поражена и взволнована.

— В Бастилии? Но какое же преступление он совершил?

— Вот этого-то я и не знаю и очень надеюсь, что ваше высочество поможет мне пролить свет на эту загадочную историю.

И Анжелика рассказала герцогине о том, что произошло в Сен-Жан-де-Люзе, о таинственном исчезновении графа де Пейрака. Отель

графа в квартале Сен-Поль опечатан, а это означает, что его исчезновение благословлено законом, но все держится в полной тайне.

— Давайте вместе поразмыслим... — проговорила герцогиня де Монпансье. — У вашего мужа, как и у всех нас, были враги. Кто, по-вашему, желал ему зла?

— Мой муж жил не очень согласно с архиепископом Тулузским, но не думаю, чтобы архиепископ мог выдвинуть против него обвинения, которые потребовали бы вмешательства короля.

— Не оскорбил ли граф де Пейрак кого-нибудь из тех, кто пользуется особым доверием короля? Я вот вспоминаю один эпизод, милая. В свое время граф де Пейрак неслыханно дерзко вел себя с моим отцом, когда тот приехал в Тулузу в качестве наместника Лангедока. Но нет, мой отец не затаил на него зла, да и вообще он уже мертв. Покойный герцог не был завистлив, хотя всю жизнь устраивал заговоры. Признаться, я унаследовала от него эту страсть, вот почему меня не очень-то жалуют у короля. Король так подозрителен... О-о! Знаете, о чем я подумала? Уж не обидел ли чем граф де Пейрак самого короля?

— Мой муж не имеет привычки рассыпаться в льстивых любезностях, но королю он выказал почтение, и разве прием, который он дал в его честь в Тулузе, не свидетельствует о том, что граф сделал все, чтобы понравиться королю?

— О, какой это был великолепный праздник! — восторженно воскликнула герцогиня, всплеснув руками. — И эти птички, что вылетали из огромного торта в виде скалы, сделанного кондитером... Но я слышала, что короля этот прием несколько раздражил. Так же, как и прием Фуке в его замке Во-ле-Виконт... Как все эти богатые вельможи не могут понять, что, хотя король и улыбается, у него, словно от кислого вина на зубах, появляется оскомина, когда он видит, что собственные подданные подавляют его своей роскошью.

— Я не могу поверить, что его величество столь мелочен!

— Король кажется человеком мягким и честным, не спорю. Но как бы там ни было, он не забыл тех дней, когда принцы крови вели с ним войну. И я тоже была среди них, это правда, хотя теперь уже сама не знаю, почему. Одним словом, его величество опасается всех, кто слишком высоко поднимает голову.

— Мой муж никогда не пытался устраивать заговоры против короля. Он всегда вел себя, как подобает верному подданному, и он один вносил четвертую часть всех налогов Лангедока.

Герцогиня де Монпансье дружески шлепнула свою гостью веером.

— С каким жаром вы его защищаете! Не скрою, вначале его вид немного пугал меня, но, побеседовав с ним в Сен-Жан-де-Люзе, я в какой-то степени поняла, чем вызван его успех у женщин. Не плачьте, дорогая, вам вернут вашего Великого хромого обольстителя, ради этого я готова идти с расспросами к самому кардиналу и, по своему обыкновению, не церемониться.

Глава 30

Анжелика ушла от герцогини де Монпансье немного успокоенной. Они условились, что герцогиня пошлет за ней, как только что-нибудь выяснит. Чтобы доставить Анжелике удовольствие, герцогиня согласилась даже взять к себе на службу музыкантом юного Джованни и при случае представить его Батисту Люлли, придворному композитору.

— Но все равно до въезда короля в Париж всякие хлопоты лишены смысла, — сказала она на прощание. — Сейчас все поглощены подготовкой к праздникам. Правда, королева-мать уже в Лувре, но король с молодой женой должны пока оставаться в Венсене. Это не облегчает нашей задачи. Но вы не отчаивайтесь. Я вас не забуду и, когда нужно будет, позову.

Расставшись с герцогиней, Анжелика побродила немного по галереям дворца в надежде встретить Пегилена де Лозена, который, как она знала, часто бывал у герцогини де Монпансье. Пегилена она не нашла, но зато натолкнулась на уныло бродившего по дворцу Сербало. Он тоже не знал, чем вызван арест графа де Пейрака, и мог только сообщить Анжелике, что никаких разговоров об этом не слышал и, похоже, никто об этом даже не подозревает.

— Скоро все узнают, — сказала Анжелика, так как была уверена, что герцогиня де Монпансье раззвонит об этом повсюду.

Ничто так не пугало ее, как заговор молчания, который окружал исчезновение Жоффрея. Если бы об аресте пошли толки, волей-неволей все прояснилось бы.

Анжелика справилась о маркизе д'Андижосе. Сербало ответил, что он в Пре-о-Клер, на дуэли.

— Как, он дерется на дуэли? — в ужасе воскликнула Анжелика.

— Нет, дерутся де Лозен я д'Юмьер.

— Проводите меня туда, я хочу их повидать.

Когда она спускалась по мраморной лестнице, ее остановила какая-то дама с огромными черными глазами. Анжелика узнала в ней

герцогиню Олимпию де Суассон, одну из Манчини, племянницу кардинала.

— Графиня де Пейрак, я счастлива вновь видеть вас, — сказала красавица. — Но даже больше, чем вы, меня привел в восторг ваш телохранитель, черный, как эбеновое дерево. Еще в Сен-Жан-де-Люзе у меня мелькнула мысль попросить его у вас. Вы не уступите его мне? Я вам хорошо заплачу.

— Куасси-Ба не раб, — возразила Анжелика. — Правда, мой муж купил его в Нарбонне, когда тот был совсем маленьким, но он никогда не считал этого мавра рабом и платил ему жалованье наравне с остальными слугами.

— Я тоже буду платить ему, и немало.

— Очень сожалею, сударыня, но я вынуждена вам отказать. Куасси-Ба мне нужен, и мой муж был бы крайне огорчен, если бы, вернувшись, не нашел его.

— Ничего не поделаешь, — с разочарованной улыбкой ответила герцогиня де Суассон.

Она еще раз окинула восхищенным взглядом черного исполина, который с невозмутимым видом стоял за спиной Анжелики.

— Просто невероятно, как этот черный слуга поразительно подчеркивает красоту и хрупкость женщины, белизну ее лица, не правда ли, дорогой мой?

И только тут Анжелика заметила, что к ним подходит маркиз де Вард. У нее не было ни малейшего желания встречаться с этим человеком, который вел себя с ней столь гнусно и грубо. У нее и сейчас еще болела губа, которую он прокусил.

Анжелика поспешила распрощаться с герцогиней де Суассон и вышла в парк.

— Мне кажется, красавица Олимпия с вожделением поглядывает на вашего Куасси-Ба, — заметил Сербало. — Ей мало Варда, ее официального любовника. Она жаждет любви мавра.

— Лучше поторопитесь, чем болтать всякий вздор, — в нетерпении прикрикнула на него Анжелика. — Потому что лично я жажду узнать, не продырявили ли уже друг друга де Лозен и д'Юмьер.

О, как надоели ей эти легкомысленные, безмозглые и бессердечные люди! Ей казалось, будто она, как это бывает во сне, устремляется в погоню за чем-то недостижимым, тщетно пытается

соединить какие-то разрозненные факты. Но все ускользает от нее, исчезает при ее приближении.

Анжелика и Сербало уже вышли на набережную, когда кто-то окликнул их, и им пришлось остановиться.

Какой-то высокий сеньор, которого Анжелика не знала, подошел к ней и попросил разрешения сказать ей несколько слов.

— Хорошо, но только поскорее.

Он отвел ее в сторону.

— Сударыня, меня послал его королевское высочество Филипп Орлеанский, брат короля. Он хотел бы побеседовать с вами о графе де Пейраке.

— Боже мой! — прошептала Анжелика, и сердце ее отчаянно заколотилось.

Неужели она наконец что-то узнает? Правда, брат короля, этот коротышка с угрюмыми, холодными глазами, не вызывал у нее симпатии, но она вспомнила его лестный, хотя и весьма двусмысленный отзыв о графе де Пейраке. Так что же узнал он о заключенном в Бастилию графе?

— Его высочество ждет вас сегодня у себя к пяти часам дня, — продолжал вполголоса придворный. — Вы придете в Тюильри и встретитесь с его высочеством в Павильоне Флоры — теперь это апартаменты брата короля. Никому об этом ни слова.

— Со мной будет моя служанка.

— Как вам угодно.

Он поклонился и ушел, позвякивая шпорами.

— Кто это? — спросила Анжелика у Сербало.

— Шевалье де Лоррен, новый фаворит брата короля. Да, де Гиш впал в немилость. Он не проявлял достаточного интереса к извращенным любовным забавам и слишком увлекался прекрасным полом. Впрочем, брат короля тоже не пренебрегает дамами. Говорят, что после въезда короля его женят. И знаете, на ком? На принцессе Генриетте Английской, дочери бедного Карла I, которому англичане отрубили голову...

Анжелика слушала его краем уха. Она немного проголодалась. Аппетит у нее никогда не пропадал. Она даже стыдилась этого, особенно теперь. Что ест в своей темнице несчастный Жоффрей, ведь он привык к изысканным блюдам!

И тем не менее она огляделась в надежде увидеть продавца вафель или горячих пирожков и подкрепиться.

Они перешли на другой берег Сены и оказались у старых ворот Нельской башни. Знаменитый луг Пре-о-Клер, где некогда развлекались студенты, давно уже был застроен но между аббатством Сен-Жермен-де-Пре и древним рвом сохранился небольшой пустырь, теперь поросший деревьями, куда могли прийти обидчивые молодые люди, чтобы защитить свою честь вдали от недремлющего ока стражи.

Приближаясь к рожице, Анжелика и Сербало слышали крики и увидели, что Пегилен де Лозен и маркиз д'Юмьер в расстегнутых на груди рубашках, как и подобает дуэлянтам, дружно набросились на д'Анджоса. Они рассказали, что, вынужденные драться друг с другом, они тайком попросили д'Анджоса прийти во время дуэли в рошу и помирить их во имя старой дружбы. Но предатель спрятался за кустом и, смеясь как сумасшедший, наблюдал, как оба «врага» в тоске тянули время, придираясь то к тому, что одна шпага короче другой, то к тому, что кому-то из них жмут туфли, и все в том же духе. Кончилось дело тем, что когда их «примиритель» появился, они с возмущением набросились на него.

— Если бы мы не были такими добряками, мы бы уже сто раз успели продырявить друг друга! — кричал Пегилен де Лозен.

Анжелика, разделяя их негодование, тоже накинулась на д'Анджоса с упреками.

— Неужели мой муж пятнадцать лет содержал вас для того, чтобы вы развлекались такими идиотскими шутками, в то время как он находится в тюрьме? — крикнула она ему. — Ох уж эти южане...

Она схватила д'Анджоса, отвела его в сторону и, вонзив ногти в его руку, приказала немедленно ехать в Тулузу и как можно скорее привезти ей денег. Д'Анджос с виноватым видом признался, что вчера вечером у принцессы Генриетты проиграл в карты все, что у него было. Анжелика дала ему пятьсот ливров и в провожатые Куасси-Ба.

Когда д'Анджос и Куасси-Ба ушли, Анжелика обнаружила, что де Лозен с д'Юмьером, ровно как и их секунданты, уже исчезли.

Она прижала руку ко лбу.

— Я должна вернуться в Тюильри к пяти часам, — сказала она Марго. — Переждем в какой-нибудь таверне, там, кстати, чего-нибудь съедим и выпьем.

— В таверне! — возмутилась служанка. — Сударыня, вам там не место!

— А ты думаешь, тюрьма — место для моего мужа? Я хочу пить и есть. Как, впрочем, и ты. Не привередничай, пойдем отдохнем немного.

Она непринужденно взяла Марго под руку и оперлась на нее. Ростом Анжелика была ниже своей горничной, и, наверно, поэтому Марго долгое время как бы подавляла ее своим присутствием. Но теперь Анжелика хорошо узнала ее. Живая, горячая, обидчивая, Маргарита, или, как все ее называли. Марго, была бесконечно предана семье де Пейрак.

— Может, и ты хочешь уйти от меня? — спросила вдруг Анжелика. — Ведь я понятия не имею, чем все это кончится. Ты же видела, как сразу перепугались слуги, и, кто знает, может, они правы.

— А я никогда не брала примера с лакеев, — презрительно ответила Марго, и глаза ее вспыхнули, словно горящие угольки.

Она о чем-то задумалась, потом не спеша заговорила:

— Вся моя жизнь связана с одним воспоминанием. Крестьянин-католик спрятал в своей корзине меня и графа и вез к родителям графа в Тулузу. Это было после резни в нашей деревне, тогда поубивали всех жителей, и мою мать, кормилицу графа, тоже. Мне было всего четыре года, но я помню все до мелочей... Крошка граф, весь израненный, беспрерывно стонал. Я, как могла, вытирала его окровавленное личико и, так как он все время просил пить, совывала ему в рот кусочки талого снега. Так и теперь, я ни за что не брошу его, пусть даже мне придется умереть в темнице на соломе...

Анжелика ничего не ответила, только крепче прижалась к ней и прильнула щекой к ее плечу.

Они нашли таверну у Нельских ворот перед горбатым мостиком, перекинутым через бывший крепостной ров. Хозяйка приготовила им на очаге фрикасе.

В зале было почти пусто, лишь несколько солдат с любопытством глазели на богато одетую даму, сидевшую за простым деревянным столом.

Через открытую дверь Анжелика смотрела на зловещую Нельскую башню с фонарем под самой крышей. Некогда с этой башни сбрасывали в Сену взятых на одну ночь любовников развратной

французской королевы Маргариты Бургундской, которая, скрыв под маской лица, выискивала на улочках города молоденьких студентов.

Теперь полуразрушенную башню нанимали городские власти для прачек, которые развешивали белье на зубцах стены и на бойницах.

Место здесь было тихое, прохожих мало, чувствовалась близость лугов и полей. Несколько лодочников втаскивали на покрытый тиной берег свои лодки. Во рву детишки удили рыбу...

Когда солнце начало клониться к горизонту, Анжелика снова перешла мост через Сену и очутилась в парке Тюильри. В аллеях было многолюдно — вечерняя прохлада привлекла сюда не только дворян, но и целые семьи богатых горожан, которым тоже был разрешен вход в парк.

В Павильоне Флоры навстречу Анжелике вышел сам шевалье де Лоррен, усадил ее и Марго на диванчик в нише галереи и, сказав, что его высочество скоро придет, удалился.

В галерее, связывающей Тюильрийский дворец с Лувром, царило оживление. Среди проходивших мимо Анжелика увидела много знакомых лиц, которые помнила по Сен-Жен-де-Люзе. Анжелика вся сжалась — ей не хотелось, чтобы ее заметили. Впрочем, мало кто обращал на них внимание. Одни торопились на ужин к герцогине де Монпансье. Другие сговаривались поиграть в карты у принцессы Генриетты. Третьи сетовали, что им придется снова ехать в Венсенский замок — такой неудобный! — где король должен был находиться до торжественного въезда в Париж.

Постепенно галерею окутал полумрак. Появилась вереница лакеев с канделябрами, они расставляли их на столиках с гнутыми ножками, стоящих между высокими окнами.

— Сударыня, — сказала вдруг Марго, — нам надо уходить. За окнами совсем ночь. Если мы сейчас не уйдем, мы заплутаемся или, того и гляди, нас убьет какой-нибудь злоумышленник.

— Я не тронусь с места, пока не увижу брата короля, — упрямо ответила Анжелика. — Даже если мне придется просидеть на этом диванчике всю ночь напролет.

Служанка промолчала. Но через некоторое время она снова проговорила вполголоса:

— Боюсь, сударыня, уж не хотят ли вас лишить жизни.

Анжелика вздрогнула:

— Ты сошла с ума. Как такая мысль могла прийти тебе в голову?

— Да очень просто. Разве четыре дня назад вас не пытались убить?

— О чем ты?..

— О том, что произошло в лесу Рамбуйе. Ведь им нужен был не король и не королева, а именно вы, сударыня. Не опрокинься карета, пуля, которой в упор выстрелили в оконце, угодила бы вам прямо в голову, это уж наверняка.

— Придумываешь ты всякие ужасы. Это были просто беглые слуги, которые хотели поживиться, и им было все равно, чья это карета.

— Да? А почему же тогда в вас стрелял ваш бывший дворецкий Клеман Тоннель?

Анжелика огляделась, в пустынной галерее в неподвижном пламени восковых свечей уже не мелькали больше ничьи тени.

— Ты уверена в этом?

— Клянусь своей жизнью! Я его сразу узнала, хотя он и надвинул на глаза шляпу. Наверно, это поручили ему потому, что он хорошо вас знает и не спутал бы ни с кем другим.

— Кто поручил?

— Откуда же мне знать? — пожала плечами горничная. — Я знаю только одно: Тоннель — шпион, он никогда не внушал мне доверия. Во-первых, он не из наших мест. Потом, он не умел смеяться. И еще у него вечно был такой вид, словно он подкарауливает кого-то. Что бы он ни делал, всегда казалось, будто он к чему-то прислушивается... А вот почему он хотел вас убить — этого уже я не могу вам объяснить, как и того, за что мой хозяин сидит в тюрьме. Но надо быть слепой, глухой и вообще просто дурой, чтобы не понять, что у вас есть враги, которые дали себе зарок убить вас.

Анжелика вздрогнула и плотнее закуталась в свою широкую накидку из коричневого шелка.

— Но я не вижу причины так упорно преследовать меня. За что они хотят моей смерти?

И вдруг ее словно озарило — перед ее глазами всплыл ларец с ядом. Но ведь она доверила свою тайну только ЖофFREю. И потом, неужели эта давняя история еще могла кого-то интересовать?

— Уйдемте, сударыня, — настойчиво повторила Марго.

Но в этот момент в галерее послышались чьи-то шаги. Анжелика не смогла сдержать нервную дрожь. Кто-то приближался к ним. Она узнала шевалье де Лоррена, он нес в руке канделябр с тремя свечами.

Пламя освещало его красивое лицо. Приветливая улыбка не могла скрыть лицемерное и даже жестокое выражение, застывшее на нем.

— Его королевское высочество приносят свои глубочайшие извинения, — проговорил он, кланяясь, — но их задержали, и они не смогут прийти на свидание, которое вам назначили. Желаете ли вы перенести этот разговор на завтра на тот же час?

Анжелика была жестоко разочарована, но все же ответила согласием.

Шевалье де Лоррен сказал ей, что ворота Тюильри уже заперты и он проводит Анжелику в противоположный конец большой галереи, откуда они выйдут в сад, называемый Садам инфанты, это в нескольких шагах от Нового моста.

Шевалье де Лоррен шел впереди, высоко подняв канделябр. Стук его деревянных каблуков по каменным плитам пола звучал как-то зловеще. В темных зеркалах галереи отражалась эта маленькая процессия, и Анжелика невольно подумала, что она чем-то напоминает похоронную. Несколько раз навстречу им попадались караульные, иногда вдруг распахивалась какая-нибудь дверь, и в галерею, смеясь, выходила парочка. В этот момент можно было увидеть ярко освещенную гостиную и нарядных дам и кавалеров, играющих крупно и по маленькой. Из-за одной двери слышались звуки скрипок, и мягкая, грустная мелодия долго еще неслась им вслед.

Наконец эта бесконечная галерея, кажется, кончилась, шевалье де Лоррен остановился.

— Вот лестница, по ней вы спуститесь в сад. Внизу, справа, есть маленькая дверца, а там еще несколько ступеней — и вы на улице.

Анжелика не решилась сказать ему, что она без кареты, а шевалье об этом не справился. Он вежливо поклонился, как человек, честно выполнивший свой долг, и ушел.

Анжелика снова схватила под руку горничную.

— Пойдем скорее, дорогая Марго. Хотя я и не трусиха, но эта ночная прогулка ничуть не увлекает меня. И они стали торопливо спускаться по каменным ступеням.

Анжелику спасла ее туфелька. Несчастливая женщина так много ходила в этот день, что тоненький кожаный ремешок лопнул и она, выпустив локоть попутчицы, остановилась на середине лестницы, пытаясь закрепить его. Марго продолжала спускаться.

Внезапно темноту прорезал отчаянный крик, крик женщины, сраженной смертельным ударом.

— На помощь, сударыня, меня убивают... Спасайтесь... Бегите...

Крик оборвался, сменившись душераздирающим хрипом, но постепенно и он затих.

Похолодев от ужаса, Анжелика тщетно вглядывалась в темноту колодца, в котором тонули смутно белевшие ступени лестницы.

— Марго! Марго! — позвала она.

Ее голос эхом отозвался в полной тишине. Из сада на нее пахло свежим ночным воздухом, напоенным ароматом апельсиновых деревьев, но она не услышала ни единого звука.

Охваченная паникой, Анжелика живо взбежала по лестнице и снова очутилась в галерее. Навстречу ей шел какой-то человек. Анжелика кинулась к нему.

— Сударь! Сударь! Помогите! Только что убили мою служанку!

В ту же минуту она узнала в офицере маркиза де Варда, но сейчас, когда она была охвачена таким ужасом, ей показалось, будто он ниспослан ей самим провидением.

— Эге, да это же дама в золотом, — усмехнулся он. — Дама, которая дает волю рукам.

— Сударь, сейчас не время для шуток. Я же вам говорю, только что убили мою служанку.

— Ну и что же? Уж не хотите ли вы, чтобы я оплакивал ее?

Анжелика в отчаянии ломала себе руки.

— Умоляю вас, надо что-то сделать, надо прогнать этих негодяев, они прячутся под лестницей. Может, она только ранена?

Маркиз, продолжая улыбаться, смотрел на нее.

— Решительно, сегодня вы мне кажетесь уже не такой спесивой, как в первый раз, когда мы с вами познакомились. И волнение вам к лицу.

Она уже готова была вцепиться ему в физиономию, ударить его, обозвать трусом, но тут услышала звук вынимаемой из ножен шпаги и

небрежный голос маркиза:

— Ну что ж, пойдёмте посмотрим.

Анжелика последовала за ним, стараясь унять дрожь, и тоже спустилась на несколько ступенек.

Маркиз перегнулся через перила.

— Ничего не видно, но так и бьёт в нос этими канальями. Здесь не ошибёшься: лук, табак да дешёвое вино из таверны. Там, внизу, их не меньше четырёх или пяти.

Он вдруг схватил её за руку:

— Слышите?

В мрачной тишине ясно раздался всплеск, сопровождаемый легким шумом брызг, словно в воду упало что-то тяжелое.

— Ну вот, они бросили труп в Сену.

Повернувшись к Анжелике и прищурившись, словно змея, завораживающая свою жертву, он продолжал:

— О, лучше места не сыскать! Тут есть дверца, которую частенько забывают закрыть, а иногда нарочно не закрывают. Это пустяки для тех, кому нужно подослать туда наемных убийц. Сена в двух шагах, все происходит молниеносно. Вот прислушайтесь, и вы услышите, как они шепчутся. Видно, догадались, что прикончили не того, кого им приказали. Так, выходит, красавица моя, у вас есть серьезные враги?

Анжелика стиснула зубы, чтобы они не стучали.

Наконец она с трудом выдавила:

— Что вы думаете предпринять?

— Пока ничего. У меня нет ни малейшего желания скрещивать шпагу с ржавыми рапирами этих бродяг. Но через час там встанут на караул швейцарские гвардейцы. Убийцы удерут, а может, их зацапают. Но так или иначе, вы сможете спокойно выйти. А пока что...

Продолжая держать Анжелику за руку, маркиз привел её обратно в галерею. Она машинально шла за ним, думая только об одном: «Марго мертва... Меня хотели убить... Это уже во второй раз... А я ничего, ничего не знаю... Марго мертва...»

Вард остановился у ниши, где стоял столик с гнутыми ножками и табуреты — по-видимому, она служила прихожей чьих-то апартаментов. Он неторопливо всунул шпагу обратно в ножны, снял перевязь и вместе со шпагой положил её на столик. Потом подошел к Анжелике.

Она вдруг поняла, что он замыслил, и с отвращением оттолкнула его.

— Как, сударь, у меня буквально на глазах только что убили служанку, к которой я была так привязана, и вы думаете, что я соглашусь...

— А мне наплевать, согласитесь вы или нет. Меня не интересует, что у женщины в голове. Мне важно только то, что у нее ниже талии. Любовь — это формальность. Разве вам не известно, что именно так расплачиваются красавицы за право пройти через галереи Лувра?

Она попробовала оскорбить его:

— Ах да, я и забыла. «Ни плащ, ни шпага, ни камзол не утаят, что Вард — скотина».

Маркиз до крови впился ногтями ей в руку.

— Маленькая дрянь! Если бы вы не были так соблазнительны, я бы с радостью отдал вас на растерзание тем молодчикам, что поджидают под лестницей. Но мне было бы грустно видеть, как пустят кровь такому нежному цыпленочку. Хватит, будьте умницей.

Она не видела своего мучителя, но угадывала на его красивом лице самодовольную и злую улыбку. Рассеянный свет из галереи освещал его напудренный парик.

— Если вы прикоснетесь ко мне, я позову на помощь, — задыхаясь, проговорила она.

— Это вам не поможет. Здесь редко кто проходит. Ваши крики могут взволновать только господ с ржавыми рапирами. Не устраивайте скандала, дорогая. Я хочу вас, и Я вас получу. Я уже давно решил это, и судьба пошла мне навстречу. Вы предпочитаете возвращаться домой одна?

— Я попрошу кого-нибудь проводить меня.

— Но кто поможет вам в этом дворце, где все было великолепно подготовлено к тому, чтобы отправить вас на тот свет? Кто привел вас к этой знаменитой лестнице?

— Шевалье де Лоррен.

— Вот как! Значит, в этом деле замешан брат короля? Впрочем, он уже не в первый раз отделяется от нежелательной «соперницы». Так что сами видите, в ваших интересах молчать...

Анжелика ничего не ответила и, когда он снова приблизился к ней, не шелохнулась.

Не торопясь, с наглым спокойствием он приподнял ее шуршащие длинные юбки из тафты, и она почувствовала на спине прикосновение его рук.

— Очаровательна, — проговорил он вполголоса.

Анжелика не помнила себя от унижения и страха. В ее помутневшем сознании мелькали несвязные картины: шевалье де Лоррен с канделябром в руке, Бастилия, вопль Марго, ларец с ядом. Потом все исчезло, и ее обуял ужас, физический ужас женщины, которая знала лишь одного мужчину. Близость с другим вызывала у нее отвращение, чувство гадливости. Она извивалась, пытаясь вырваться из его объятий. Она хотела закричать, но из горла не вырвалось ни звука. Совершенно парализованная, дрожащая, почти не понимая, что с ней происходит, она перестала сопротивляться...

Сноп света неожиданно осветил нишу. Но придворный, что проходил мимо, тут же отвел в сторону канделябр и, уходя, сквозь смех крикнул: «Я ничего не видел!» Наверно, подобные сцены были привычными для обитателей Лувра...

Маркиза де Варда посторонний нимало не смутил. В темноте было слышно только его тяжелое дыхание, и Анжелика в отчаянии ждала, когда же наконец кончится этот ужас.

Когда Вард выпустил ее из объятий, она закрыла лицо руками. Ей хотелось умереть, никогда больше не увидеть дневного света.

Молча, еще тяжело дыша, маркиз надевал перевязь.

— Стража, должно быть, уже на месте; — сказал он. — Идем.

Анжелика не шелохнулась, тогда он взял ее за руку и вытащил из ниши. Она вырвала руку, но покорно пошла за ним. Стыд продолжал жечь ее раскаленным железом. Никогда больше не осмелится она взглянуть в глаза Жоффрею, поцеловать Флоримона. Вард все разрушил, все втоптал в грязь. Она лишилась единственного, что у нее еще оставалось: сознания незыблемой верности своей любви.

На нижней площадке лестницы швейцарский гвардеец в камзоле с желто-красными разрезными рукавами и с белым отложным воротником что-то насвистывал, поставив фонарь на пол и опершись на алебарду.

Увидев своего капитана, он вытянулся.

— Никаких мерзавцев поблизости не видел? — спросил маркиз.

— Я никого не видел, господин капитан. Но похоже, до моего прихода здесь произошло что-то скверное.

Подняв фонарь, он показал на большую лужу крови на полу.

— Калитка, ведущая из Сада инфанты на набережную, была открыта. Я прошел по кровавому следу до конца. Думаю, они вышвырнули труп в воду.

— Ладно, гвардеец. Будь настороже.

Ночь была безлунная. С берега доносился зловонный запах тины. Слышно было, как зудят комары и плещется Сена. Анжелика подошла к самой воде и тихо позвала:

— Марго!

Ей хотелось раствориться в ночи, самой кинуться в эту черную воду.

Она услышала голос маркиза де Варда.

— Где ты живешь? — сухо спросил он.

— Я запрещаю вам говорить мне «ты»! — крикнула она с неожиданной яростью.

— Я всегда на «ты» с женщинами, которые мне принадлежали.

— А мне наплевать на ваши привычки. Оставьте меня в покое.

— Ого! Совсем недавно ты была не такой гордой.

— Я вас ненавижу.

Анжелика несколько раз сквозь зубы повторила:

«Я вас ненавижу», — и плюнула в его сторону.

Потом, спотыкаясь, зашагала вдоль пыльной набережной.

Вокруг была крошечная тьма. Лишь кое-где фонарь освещал вывеску какой-нибудь лавки или ворота дома богатого горожанина.

Анжелика знала, что Новый мост где-то справа от нее. Она без особого труда разглядела белый парапет, но только вступила на мост, как какой-то сидевший на корточках бродяга, жалкое подобие человека, подскочил к ней. По зловонию, которое ударило ей в нос, она поняла, что это один из тех нищих, что так напугали ее днем. Она отпрянула и пронзительно закричала. За спиной она услышала быстро приближающиеся шаги и голос маркиза де Варда.

— Прочь отсюда, негодяй, не то я тебя продырявлю!

Но бродяга не двинулся с места.

— Пожалейте меня, о благородный господин! Я несчастный слепой!

— Не настолько слепой, чтобы не суметь срезать мой кошелек!

Кончиком шпаги маркиз ткнул бродягу в живот, тот подскочил и со стоном бросился прочь.

— Теперь вы, наконец, скажете, где живете? — резко спросил маркиз.

Анжелика едва слышно назвала адрес своего зятя-прокурора. Ночной Париж пугал ее. Он кишмя кишел какими-то невидимыми существами, которые, как мокрицы, таились во всех щелях. Казалось, все стены разговаривали, перешептывались, зубоскалили. Иногда Анжелика и де Вард проходили мимо какого-нибудь кабачка или притона, из открытой двери которого на улицу вырывался сноп света и визгливое пение, а сквозь завесу табачного дыма можно было разглядеть сидевших за столиками мушкетеров с голыми девками на коленях. Потом Анжелика с маркизом снова погружались в темный лабиринт извилистых улочек.

Де Вард то и дело оглядывался. От группы оборванцев, толпившихся около фонтана, отделился один и осторожным, неслышным шагом пошел за ними.

— Далеко еще?

— Нет, уже пришли, — сказала Анжелика. Она узнала причудливые водосточные трубы и шпили крыш улицы Ада.

— Тем лучше, потому что я предчувствую, мне придется проткнуть несколько животов. Послушайте меня, крошка. Не приходите больше в Лувр. Спрячьтесь, пусть о вас забудут.

— Едва ли таким образом я смогу добиться освобождения из тюрьмы моего мужа.

— Что ж, дело ваше, о верная и добродетельная супруга! — насмешливо проговорил маркиз.

Анжелика почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Она готова была вцепиться в него зубами, задушить его.

Из темноты улочки вынырнул еще один бродяга.

Маркиз оттеснил Анжелику к стене дома и, заслонив ее собой, выхватил шпагу.

Анжелика расширенными от ужаса глазами смотрела на двух оборванцев, освещенных большим фонарем, висевшим у двери дома мэтра Фалло де Сансе. Один из них держал в руках палку, другой — кухонный нож.

— Кошельки! — проговорил первый хриплым голосом.

— О, вы, бесспорно, кое-что получите, господа, а именно — хороший удар шпагой.

Анжелика схватила бронзовый дверной молоточек и изо всех сил принялась колотить им в дверь. Наконец дверь приоткрыли, и Анжелика скользнула в дом, в то время как де Вард с помощью шпаги удерживал на почтительном расстоянии бродяг, которые, рыча, как волки, рвались к добыче.

Глава 31

Дверь ей открыла Ортанс. В ночной рубашке грубого полотна, из которой торчала худая шея, со свечой в руке, она поднималась по лестнице вслед за сестрой и шипела ей в спину.

Да, она всегда это говорила, Анжелика потаскуха, потаскуха с раннего детства. Интриганка. Честолюбка, которой нужны только деньги мужа, но она лицемерно пытается убедить всех, будто любит его, а сама ночью шляется с распутниками по парижским притонам.

Анжелика не обращала внимания на слова Ортанс. Она прислушивалась к тому, что происходит на улице — оттуда ясно доносился звон оружия, потом раздался душераздирающий крик и затем быстрый топот удаляющихся шагов.

— Слышишь? — спросила она Ортанс, нервно схватив ее за руку.

— Что?

— Крик! Там кого-то ранили.

— Ну и что? Ночь принадлежит бродягам и бретерам. Ни одна достойная женщина не станет разгуливать по Парижу после захода солнца. Но это позволила себе моя родная сестра!

Она подняла свечу, осветив лицо Анжелики.

— Ты бы взглянула на себя! Боже мой! У тебя вид куртизанки, которая только что рассталась со своим любовником.

Анжелика вырвала у нее подсвечник.

— А у тебя вид ханжи, которой недостает любовника. Иди к своему мужу-прокурору, который в постели умеет лишь храпеть.

Анжелика долго сидела у окна, не решаясь лечь и уснуть. Она не плакала. Мысленно она вновь переживала весь этот ужасный день. Ей казалось, что прошла целая вечность с той минуты, когда Барба вошла в комнату и сказала: «Я принесла парное молоко для малыша».

За это время умерла Марго, а она, Анжелика, вопреки своей воле изменила Жоффрею.

Мыслями она снова вернулась к Жоффрею. Пока он был с нею, заполнял ее жизнь, она не понимала, как он был прав, когда говорил ей: «Вы созданы для любви».

Некоторые эпизоды ее детства настолько поразили Анжелику своей пошлостью, породили в ней отвращение, страх, что она считала себя холодной женщиной. Жоффрей не только сумел переубедить ее в этом, но и пробудил в ней влечение к чувственным наслаждениям, для которых словно было создано ее тело, тело здоровой девушки, выросшей в деревне. Это иногда вызывало беспокойство мужа.

Она вспомнила, как однажды летним днем, когда она млела от его ласк, он вдруг резко спросил ее:

— Ты будешь мне изменять?

— Нет, никогда. Я люблю тебя одного.

— Если ты изменишь мне, я тебя убью!

«Вот и хорошо, пусть он убьет меня! — подумала Анжелика, вставая. — Какое это будет счастье — умереть от его руки. Я люблю его!»

Облокотившись на подоконник, она повторила в темноту ночного города: «Я люблю тебя».

В комнате тихо посапывал во сне Флоримон. Анжелике все же удалось заснуть на часок, но едва забрезжил рассвет, она была на ногах. Повязав голову платком, она крадучись спустилась по лестнице и вышла на улицу.

Смешавшись с толпой служанок, жен ремесленников и торговцев, она отправилась в Собор Парижской богородицы к ранней мессе.

Поднимавшийся с Сены туман, позолоченный первыми лучами солнца, напоминал волшебную вуаль, которая окутывала еще хранившие печать ночи улочки. Бродяги и воры разбредались по своим притонам, а нищие, больные, всякие оборванцы и калеки занимали свои места на углах улиц. Гноящиеся глаза провожали добродетельных, набожных женщин, которые, прежде чем начать полный забот день, шли помолиться господе богу. Ремесленники раскрывали двери и окна своих мастерских.

Цирюльники, держа в руках ящички с пудрой и гребенками, спешили к своим именитым клиентам, чтобы подправить парик господину советнику или господину прокурору.

Анжелика поднялась под темные своды Собора. Церковные служки в башмаках со стоптанными задниками проверяли на алтарях

потиры и другие церковные сосуды, наливали воду в кропильницы, чистили подсвечники.

Анжелика вошла в первую же исповедальню. С бьющимся сердцем она призналась, что совершила грех, изменив мужу.

Получив отпущение, она осталась прослушать службу, потом заказала три молебна за упокой души своей служанки Маргариты.

Выйдя на площадь, она почувствовала облегчение. Совесть больше не мучила ее. Теперь все свое мужество она употребит на то, чтобы вырвать Жоффрея из тюрьмы.

Она купила у мальчишки-торговца вафельные трубочки — они были еще теплые — и огляделась. На площади стало уже довольнолюдно. Одна за другой подкатывали кареты, привозившие к мессе знатных дам.

У ворот городской больницы монахини рядами укладывали зашитые в саваны трупы умерших за ночь. Потом на тележке их увозили на кладбище Невинных.

Хотя площадь Собора Парижской богородицы была окружена невысокой оградой, на ней царил такая же живописная неразбериха, как и некогда, когда она была самой оживленной площадью Парижа.

Как и прежде, булочники продавали здесь беднякам по дешевке хлеб недельной давности. Как и прежде, зеваки толпились вокруг Постника — огромной гипсовой статуи, покрытой свинцом, на которую парижане глазели испокон веков. Никто не знал, что она символизирует: в одной руке Постник держал книгу, а в другой — палку, обвитую змеями.

Постник был самым знаменитым памятником Парижа. Молва утверждала, что в дни мятежей он обретает дар речи, чтобы выразить чувства народа, и что много пасквилей, подписанных Постником, ходят тогда по городу.

*Слушайте, люди,
Постника глас,
Проповедь он произносит для вас,
Тысячу лет без питья и еды
Здесь он стоит на виду у толпы.*

Сюда же, на эту площадь, уже много веков приводили всех осужденных в длинных рубахах смертников, с пятнадцатиливровой свечой в руке, чтобы они покаялись перед богородицею, прежде чем их сожгут или повесят.

Анжелика представила себе мрачное шествие этих зловещих призраков и содрогнулась.

Сколько их преклонило здесь колена под крики жестокой толпы, и на них бесстрастно смотрели своими незрячими глазами высеченные из камня святые старцы.

Анжелика тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли, и подумала, что пора вернуться в дом прокурора, но в этот момент ее остановил какой-то священник.

— Госпожа де Пейрак, разрешите выразить вам свое почтение. Я как раз направлялся к мэтру Фалло, чтобы побеседовать с вами.

— Я в вашем распоряжении, господин аббат, но, простите, я не могу припомнить ваше имя.

— Неужели?

Аббат приподнял свою широкополую шляпу, а вместе с нею седоватый короткий парик, и Анжелика с изумлением узнала адвоката Дегре.

— Это вы? Но к чему такой маскарад?

Молодой человек надел шляпу.

— Потому что вчера потребовался исповедник в Бастилию, — вполголоса сообщил он.

Порывшись в складках своей сутаны, он достал роговую табакерку, сунул в нос понюшку табаку, чихнул, высморкался и наконец спросил Анжелику:

— Ну, что вы скажете? Настоящий священник, не правда ли?

— Конечно. Даже я попала на вашу удочку. Но... скажите, вам удалось проникнуть в Бастилию?

— Тс-с-с... Идемте к господину Прокурору, там мы сможем спокойно побеседовать.

Анжелика шла, с трудом сдерживая нетерпение. Неужели адвокат наконец-то что-то узнал? Видел ли он Жоффрея?

Дегре степенно шагал рядом с достойным и скромным видом набожного vicar.

— И в вашей профессии часто приходится прибегать к подобному маскараду? — спросила Анжелика.

— В моей профессии — нет. Эти маскарады унижают мою адвокатскую честь. Но ведь жить-то нужно! Когда мне надоедает жизнь хищной птицы, надоедает охотиться за клиентами на ступеньках Дворца правосудия, чтобы добиться права вести процесс, за который я получу три ливра, я предлагаю свои услуги полиции. Конечно, если бы это стало известно моей корпорации, у меня были бы неприятности, но я всегда могу сослаться на то, что веду расследование для своих клиентов.

— Но ведь это довольно рискованно — выдавать себя за духовное лицо. Вы невольно можете совершить святотатство.

— Я не причащаю, а лишь исповедую. Сутана внушает людям доверие. Никто так не наивен с виду, как молодой, только что вышедший из семинарии викарий. И ему можно выложить все. О, я, конечно, понимаю, положение не блестящее. Не то что у вашего зятя Фалло, бывшего моего однокашника по Сорбонне. Вот он далеко пойдет! В то время как я разыгрываю перед девицами молоденького робкого аббата, этот важный магистрат отправляется во Дворец правосудия и там, преклонив колена, все утро слушает защитительную речь мэтра Талона по какому-нибудь делу о наследстве.

— Но почему же на коленях?

— Такова традиция юриспруденции со времен Генриха IV. Прокурор готовит обвинительные материалы. Адвокат оспаривает их. По рангу адвокат считается выше прокурора, и тот обязан выслушивать его, стоя на коленях. Но у адвоката живот подводит от голода, а у прокурора брюхо сытое. Еще бы! Ведь он ухватил хороший куш на всех двенадцати инстанциях судебной процедуры.

— Все это слишком сложно для меня.

— Но вы все же постарайтесь запомнить некоторые подробности. Они могут вам весьма пригодиться, если мы сумеем добиться процесса над вашим мужем.

— Неужели дело дойдет до процесса? — воскликнула Анжелика.

— Нужно, чтобы до этого дошло, — серьезно проговорил адвокат.
— Это единственная надежда на его спасение.

В маленьком кабинете мэтра Фалло адвокат снял парик и пригладил ладонью свои жесткие волосы. Его лицо, обычно веселое и

оживленное, сейчас казалось озабоченным. Анжелика села у маленького прокурорского стола и принялась машинально вертеть в руках гусиное перо. Она никак не могла набраться смелости и расспросить Дегре. Наконец она не выдержала:

— Вы его видели?

— Кого?

— Моего мужа?

— Нет, что вы! Об этом не может быть и речи, он совершенно изолирован. Де Пейрак не должен ни с кем ни видаться, ни переписываться, за это комендант Бастилии отвечает своей головой.

— Как с ним обращаются?

— Пока хорошо. У него в камере есть даже кровать и два стула, и ему подают обед из кухни коменданта тюрьмы. Мне рассказали также, что он часто поет и кусочками штукатурки исписал математическими формулами все стены своей камеры. И еще он пытается приручить двух огромных пауков.

— О, узнаю Жоффрея, — улыбнулась Анжелика. Но на Глаза ее набежали слезы.

Значит, он жив, он не превратился в слепого и глухого призрака, и стены Бастилии оказались недостаточно непроницаемы, чтобы сквозь них не пробилось эхо его неутомимой жизненной силы.

Она подняла взгляд на Дегре.

— Спасибо, мэтр.

Адвокат с досадой отвел глаза:

— Не надо меня благодарить. Дело необычайно трудное. Должен вам признаться, чтобы добыть эти скудные сведения, я истратил все деньги, что получил от вас.

— Деньги не имеют значения. Скажите, сколько вам Нужно, чтобы продолжить расследование?

Но молодой адвокат упорно продолжал глядеть в сторону, словно он, обычно такой бойкий на язык, вдруг оробел.

— Сказать по чести, — решил он наконец, — я даже подумываю, не должен ли постараться вернуть вам ваши деньги. Мне кажется, я поступил несколько неосмотрительно, согласившись вести дело, судя по всему, весьма сложное.

— Вы отказываетесь защищать моего мужа? — вскричала Анжелика.

Еще вчера она не могла побороть в себе чувство недоверия к адвокату, который, несмотря на все свои великолепные дипломы, влачил жизнь полуголодного бедняка, но сейчас, когда он дал понять, что намерен отказаться от защиты, ее охватила паника.

Он покачал головой и сказал:

— Чтобы защищать, нужны обвинения.

— А в чем его обвиняют?

— Официально — ни в чем. Он просто не существует.

— Но тогда его не смогут осудить.

— Сударыня, о нем могут навсегда забыть. В подземельях Бастилии есть узники, которые сидят по тридцать — сорок лет, и они уже сами не помнят ни своего имени, ни за что их заточили в тюрьму. Вот почему я и говорю: его единственное спасение — добиться процесса. Но даже в том случае, если процесс будет, он скорее всего состоится при закрытых дверях, и подсудимому не разрешат иметь адвоката. Так что вы истратите ваши деньги впустую.

Анжелика подошла к нему и внимательно взглянула ему в глаза.

— Вы боитесь?

— Нет, но меня гложут сомнения. Не лучше ли для меня не вести никакого дела, чем идти на скандал? И не лучше ли для вас вместе с ребенком скрыться где-нибудь в глуши, подальше от столицы, и жить там на оставшиеся у вас деньги, чем рисковать своей жизнью? И не лучше ли для вашего мужа провести несколько лет в тюрьме, чем на процессе быть обвиненным... в колдовстве и в святотатстве?

У Анжелики вырвался вздох облегчения:

— Колдовство и святотатство!.. Значит, вот в чем его обвиняют!

— Во всяком случае, это обвинение послужило поводом для ареста.

— Тогда все не так страшно! Просто это результат невежества архиепископа Тулузского!

Анжелика подробно рассказала молодому адвокату о ссорах между архиепископом и графом де Пейраком, о том, как граф нашел способ добывать золото из горных пород, а архиепископ, завидуя его богатству, решил завладеть секретом, хотя, по существу, здесь нет никакого секрета.

— И никакой магии — это результат научных исследований.

Адвокат скорчил недовольную гримасу:

— Сударыня, лично я — полный профан в данном вопросе. Если обвинение зиждется на этом, то нужно будет вызвать свидетелей, продемонстрировать весь процесс при судьях, дабы убедить их, что здесь не кроется ни магии, ни колдовства.

— Мой муж не отличается особой набожностью, но он посещает воскресные мессы, соблюдает посты и причащается по большим праздникам. Он щедро жертвует на церковь. И все-таки Тулузский примас боялся его влияния и многие годы вел против него борьбу.

— К сожалению, архиепископ Тулузский — лицо влиятельное. В некотором отношении он имеет больше власти, чем архиепископ Парижский, а может, даже и сам кардинал. Подумайте только, ведь он, единственный, представляет сейчас во Франции инквизицию. Для нас с вами, людей мыслящих, все это вроде бы чепуха. Инквизиция в нашем государстве почти полностью сдала свои позиции. Она сохранила силу лишь в некоторых южных провинциях, где протестантская ересь наиболее распространена, а именно в Тулузе, в Лионе. Но дело даже не в этом, в данном случае я опасюсь не гнева архиепископа и не того, что граф попадет в руки инквизиции, а совсем другого. Вот, прочтите.

Он вынул из потертого плюшевого мешка сложенный вчетверо листок с пометкой «копия» в уголке.

Анжелика прочла.

ПРИГОВОР

Истец Филибер Вено, генеральный прокурор церковного суда Тулузского епископства, обвиняет в черной магии и в колдовстве мессира Жоффрея де Пейрака, графа Морана, который является ответчиком.

Вышеупомянутый Жоффрей де Пейрак полностью уличен в богоотступничестве и в том, что он продал душу дьяволу, неоднократно взывал к демонам и вступал с ними в сделки, а также прибегал к всевозможным и многочисленным колдовским действиям...

Учитывая это, а также другие обвинения, дело Жоффрея де Пейрака передано в светский суд, чтобы обвиняемого судили за его преступления.

Приговор вынесен 26 июня 1660 года Филибером Вено. Вышеупомянутый де Пейрак не опротестовал его и не подал апелляцию, и, таким образом, да свершится воля божья.

Дегре пояснил:

— На более понятном языке это означает, что церковный суд, рассмотрев дело вашего мужа заочно, то есть в отсутствие обвиняемого, и заранее признав графа виновным, передал его дело в королевский светский суд.

— И вы думаете, что король поверит в эти бредни? Ведь это просто козни архиепископа, который стремится прибрать к рукам весь Лангедок и верит досужим вымыслам темного, да к тому же еще безумного монаха Беше.

— Я могу судить только по фактам, — отрезал адвокат. — А этот документ свидетельствует о том, что в данном случае архиепископ благоразумно старается остаться в тени. Посмотрите, его имя даже не упоминается в приговоре, хотя можно не сомневаться, что первый суд при закрытых дверях происходил по его наущению. А вот приказ об аресте был подписан королем и канцлером Сегье, президентом верховного суда. Сегье — честный, но бесхарактерный человек. Он блюстититель духа и буквы закона. Для него приказ короля превышает всего.

— Однако, если судебный процесс состоится, то ведь решение будут выносить судьи?

— Да, — неуверенно ответил Дегре. — Но еще неизвестно, кто их будет назначать.

— А что, по-вашему, угрожает моему мужу в случае суда?

— Сначала пытка, обычный и чрезвычайный допрос под пыткой, а затем сожжение на костре, сударыня!

Анжелика почувствовала, что кровь отхлынула от ее лица и комок подступил к горлу.

— Но, наконец, нельзя же осудить человека, его знания лишь на основании глупой болтовни, — возмутилась она.

— Это всего лишь предлог. Хотите знать мое мнение, сударыня? Архиепископ Тулузский вовсе не намеревался передавать дело вашего мужа в светский суд. Ему нужно было, чтобы церковный суд сбил бы с графа спесь и заставил подчиниться церкви. Но задуманная его

преосвященством интрига пошла по другому руслу, не так, как он замыслил, и знаете, почему?

— Нет.

— Потому что здесь кроется еще и нечто другое. — Франсуа Дегре поднял палец. — Там, среди сильных мира сего, у вашего мужа наверняка есть завистники, много врагов, которые поклялись погубить его. Интрига архиепископа Тулузского была им на руку. В прежние времена врагов тайно отравляли. А теперь обожают все делать законным путем: обвиняют, судят, приговаривают. И совесть у них чиста. Если процесс над вашим мужем состоится, он будет возбужден по обвинению в колдовстве, но истинная причина его осуждения так навсегда и останется тайной.

У Анжелики мелькнула мысль о ларце с ядом. Может, рассказать о нем Дегре? Она колебалась. А вдруг ее рассказ только наведет на ложный след и еще больше усложнит и без того запутанное дело?

Она спросила неуверенным голосом:

— Но в чем может состоять истинная причина, как вы предполагаете?

— Даже не представляю себе. Могу сказать вам только одно: едва сунув свой длинный нос в это дело, я в ужасе отпрянул, увидев, сколько вельмож замешано в нем. Короче говоря, я лишь повторю вам то, что уже сказал раньше: следы ведут к королю. Раз он подписал приказ об аресте, значит, одобрил его.

— Боже мой! — прошептала Анжелика. — А ведь король просил моего мужа спеть для него, наговорил ему кучу комплиментов! И это когда он уже знал, что арестует его!

— Наверняка. Наш король прошел хорошую школу лицемерия. Во всяком случае, только он один мог бы отменить приказ о тайном аресте. Ни Телье, ни тем более Сегье, ни другие высшие судебские чиновники не в силах тут что-либо сделать. Нужно постараться увидеть если уж не короля, то хотя бы королеву-мать — она имеет на сына большое влияние, — или его духовника-иезуита, либо даже кардинала.

— Я виделась с герцогиней де Монпансье, — сказала Анжелика. — Она обещала разузнать, что можно, и сообщить мне. Но, по ее словам, нельзя ни на что рассчитывать до торжественного въезда... короля... в Париж...

Анжелика с трудом закончила фразу. С той самой минуты, как адвокат упомянул о грозящем графу костре, ей было не по себе. На висках ее выступили капельки пота, и она боялась упасть без чувств. Она услышала, что Дегре сказал:

— Я с нею согласен. До торжеств ничего сделать не удастся. Самое лучшее для вас — это сидеть здесь и терпеливо ждать. А я постараюсь добыть еще какие-нибудь сведения.

Анжелика встала, словно в тумане, и протянула руки вперед. Ее холодная щека коснулась грубой ткани сутаны.

— Значит, вы не отказываетесь защищать его?

Молодой адвокат немного помолчал, потом ворчливым тоном ответил:

— В общем-то, я никогда не дрожал за свою шкуру. Сколько раз я рисковал жизнью, ввязываясь в глупые драки в тавернах! Так почему бы мне не рискнуть еще разок за справедливое дело? Только вам придется снабдить меня деньгами, ибо я гол как сокол, а старьевщик, который дает мне одежду напрокат, — отъявленный жулик.

Решительные слова адвоката подействовали на Анжелику ободряюще. Юноша оказался гораздо серьезнее, чем показалось ей вначале. Несмотря на внешнюю грубоватость, даже некоторую циничность, он досконально знал все тонкости судебного крючкотворства и, должно быть, добросовестно выполняет дело, за которое берется.

Анжелика догадывалась, что таковы отнюдь не все молодые адвокаты, недавно покинувшие университетскую скамью. Ведь когда они сидят под крылышком щедрых папаш, они озабочены лишь тем, как бы выставить себя напоказ.

Анжелика вновь обрела свое обычное хладнокровие. Она отсчитала адвокату сто ливров. Бросив загадочный взгляд на бледное лицо молодой женщины, зеленые глаза которой, словно изумруды, блестели в полумраке кабинета, пропахшего чернилами и сургучом, Франсуа Дегре быстро поклонился и вышел.

Цепляясь за перила, она с трудом поднялась в свою комнату. Это, должно быть, результат пережитого ею ночью ужаса. Сейчас она ляжет и попробует уснуть, даже если потом ей и придется выслушать саркастические замечания Ортанс. Но, войдя в спальню, она снова почувствовала тошноту и едва успела добежать до таза.

«Что со мной?» — в страхе подумала Анжелика.

А вдруг Марго была права? Вдруг ее и правда хотят убить? Нападение на карету, покушение в Лувре? Уж не отравили ли ее?

Но внезапно страх сошел с ее лица, и оно осветилось улыбкой.

«Какая же я глупая! Все объясняется очень просто — я беременна!»

Она вспомнила, что еще перед отъездом из Тулузы у нее мелькнула мысль, что она снова ждет ребенка. Теперь эта догадка подтвердилась.

«Как счастлив будет Жоффрей, когда он выйдет из тюрьмы!» — подумала она.

Глава 32

В последующие дни Анжелика старалась быть терпеливой. Нужно дождаться торжественного въезда короля в Париж. Ходили слухи, что он состоится в последних числах июля, но подготовка к празднеству затягивалась, день за днем отодвигая эту дату. По случаю столь знаменательного события толпы провинциалов наводнили Париж и уже начинали проявлять нетерпение.

Анжелика занялась продажей своей кареты, лошадей и некоторых драгоценностей. Она вела скромный образ жизни обитателей своего квартала. Помогала на кухне, играла с Флоримоном — мальчик был очень живой и бегал по всему дому, путаясь в длинном платье. Маленькие кузены обожали малыша. Избалованный ими, Барбой и молоденькой служанкой, которую Анжелика привезла из Беарна, он был вполне счастлив, и щечки у него снова округлились. Анжелика вышила ему красный чепчик, и его очаровательная мордашка, обрамленная темными кудрями, вызывала восхищение всего семейства. Даже Ортанс просветлела и заметила, что в этом возрасте дети — прелестные существа! Но — увы! — она не могла себе позволить держать в доме кормилицу и знакоилась со своими детьми только, когда они, уже четырехлетние, возвращались домой. Но ведь не всем же дано выйти замуж за колченогого, уродливого сеньора, который разбогател, продав душу дьяволу, и лучше уж быть женой прокурора, чем погубить свою душу.

Анжелика пропускала все это мимо ушей. Чтобы доказать свое смирение, она каждое утро ходила в церковь в скучном обществе своего зятя и сестры. Она уже свыклась со своеобразным обликом Ситэ, который все больше и больше заселялся судейскими чиновниками.

Около здания Дворца правосудия. Собора Парижской богородицы, церквей Сент-Аньян и Сен-Ландри, на набережных — всюду можно было встретить судебных приставов, прокуроров, судей, советников.

В черных костюмах с брыжами, в плащах, а иногда в судейских мантиях, они сновали взад и вперед, держа в руках свои мешки, а под мышкой — связки документов, которые они называли «нужными

бумагами». Они наводняли лестницы Дворца правосудия и все близлежащие улочки. Кабачок «Черная голова» был излюбленным местом их встреч. Там, за столиками, на которых дымилось рагу и стояли пузатые бутылки с вином, можно было увидеть пьяные физиономии магистратов.

А на другом конце острова, на Новом мосту, под самым носом у вершителей правосудия, вызывая их негодование, бурной жизнью жил совсем иной Париж. Если случалось послать в ту сторону лакея с поручением и его спрашивали, когда он вернется, он отвечал: «Смотря какие песенки будут петь сегодня на Новом мосту».

В толпе вокруг лавчонок, которая никогда не редела, рождались песенки, множество стихов, пасквилей и памфлетов. На Новом мосту было известно все, и великие мира сего по горькому опыту знали, что следует опасаться замусоленных листков, которые разносил дувший с Сены ветерок.

Как-то вечером в доме прокурора Фалло, когда все за столом попивали айвовую и малиновую наливки, Анжелика, встав из-за стола, машинально вытащила из кармана какой-то листок. Она с удивлением взглянула на него, но потом вспомнила, что купила его за десять су у какого-то горемыки на Новом мосту в то утро, когда шла в Тюильри.

Анжелика начала читать вполголоса:

*А потом войдем мы вместе в суд
И увидим, что Рабле не плут.
Проходимцы там и аферисты,
Процельги и авантюристы.
Так пойдёмте, поглядим на давку...*

Возмущенные крики заставили ее прервать чтение. Старый дядюшка прокурора Фалло поперхнулся наливкой, а сам прокурор с проворством, которого она не ожидала от этого чопорного человека, вырвал у нее листок, скомкал его и выбросил в окно.

— Какой стыд, сестра! — воскликнул он. — Как осмеливаетесь вы приносить в наш дом такую пакость! Готов поклясться, вы купили это у какого-нибудь голодного писаки на Новом мосту!

— Да. Мне просто сунули бумажку в руку и потребовали десять су. Я не осмелилась отказать.

— Наглость этих людей переходит все границы! Их перо не щадит даже неподкупных блюстителей закона! И подумать только, их сажают в Бастилию, словно они аристократы, хотя даже Шатле, самая мрачная тюрьма Парижа, и та была бы для них слишком хороша!

Муж Ортанс пыхтел, как бык. Анжелика никогда бы не подумала, что он способен разволноваться до такой степени.

— Все эти памфлеты, пасквилы, песенки нас просто замучили! Они не щадят ни короля, ни двор, никого, они не останавливаются даже перед богохульством.

— В мои времена, — сказал старый дядюшка, — племя писак только зарождалось. А теперь это настоящее бедствие, они позорят нашу столицу. Обычно старик был немногословен и раскрывал рот лишь для того, чтобы попросить рюмочку наливки или свою табакерку. Судя по этой длинной фразе, памфлет потряс его.

— Ни одна уважающая себя женщина не рискнет пойти пешком через Новый мост, — отрезала Ортанс.

Прокурор выглянул в окно.

— Ручей унес эту пакость. А было бы любопытно узнать, не стоит ли там подпись Отверженного поэта?

— Наверняка. Судя по озлобленности — это он.

— Отверженный поэт... — мрачно пробормотал мэтр Фалло, — он осуждает все общество в целом. Это прирожденный бунтарь и дармоед. Я однажды мельком видел его — он стоял на подмостках и разглагольствовал перед толпой. Его зовут Клод Ле Пти. При мысли, что эта длинная жердь с желтым, как репа, лицом ухитряется вызывать зубовой скрежет у принцев и у самого короля, я прихожу в уныние. В какое время я живу! Когда же наконец полиция избавит нас от этих бродячих шутов?

Все повздыхали еще некоторое время, и на этом инцидент был исчерпан.

Въезд короля в Париж завладел всеми умами. Это событие несколько сблизило Анжелику с сестрой. Однажды Ортанс вошла к Анжелике с самой сладкой улыбкой на устах, на какую только была способна.

— Ты не представляешь себе, как нам повезло! — воскликнула она. — Помнишь Атенаис де Тонне-Шарант, мою давнюю подругу по

пансиону, с которой я была так дружна в Пуатье?

— Нет, совсем не помню.

— Ну, это неважно. Атенаис сейчас в Париже, а так как она всегда была интриганкой, то уже умудрилась войти в доверие к некоторым знатым особам. Короче, в день въезда короля она сможет находиться в отеле де Боне, расположенном как раз на улице Сент-Антуан, по которой будет двигаться кортеж. Нам, конечно, придется смотреть через чердачное окно, но мы увидим все и даже лучше, чем другие.

— Почему ты говоришь «мы»?

— Потому что она пригласила нас воспользоваться такой удачей. С нею будут ее сестра и брат и еще одна подруга, тоже из Пуатье. Таким образом, наберется полная карета пуатьевенцев. Очень мило, не правда ли?

— Если ты рассчитывала на мою карету, я с сожалением должна уведомить тебя, что продала ее.

— Да я знаю, знаю. Карета — пустяки. У Атенаис собственный экипаж. Он, правда, имеет довольно жалкий вид, ведь их семья разорилась, да к тому же еще Атенаис страшная транжира. Мать снарядила ее в Париж, дала ей горничную, лакея и старую карету и наказала найти себе мужа, да поскорее. О, Атенаис его найдет, уж она-то не промахнется. Но вот... дело в том, что... для въезда короля... она дала мне понять... у нее нет подходящего туалета. А ты понимаешь, эта госпожа де Бове, которая разрешила нам пристроиться у одного из чердачных окон в своем доме, она дама с положением. Говорят даже, что вдовствующая королева, кардинал и другие вельможи во время шествия собираются пообедать у нее. В общем, у нас будут отличные ложи. Но нельзя же, чтобы нас приняли за каких-нибудь камеристок или жалких бедняков, а то, чего доброго, прикажут лакеям выставить нас за дверь.

Анжелика молча открыла один из своих больших сундуков.

— Посмотри, может, здесь что-нибудь подойдет для нее и для тебя тоже. Ты, правда, выше меня, но юбку легко удлинить кружевом или оборкой.

Ортанс с горящими глазами подошла к сестре. Она не могла скрыть своего восхищения роскошными туалетами, которые Анжелика раскладывала на постели. Увидев платье из золотой парчи, она даже восторженно вскрикнула.

— Мне кажется, что для нашего чердачного окна оно будет неуместно, — опередила ее Анжелика.

— Конечно, ты присутствовала на свадьбе короля и к этому торжеству можешь относиться с пренебрежением.

— Уверяю тебя, что я очень рада. Никто не ждет въезда короля в Париж с таким нетерпением, как я. Но это платье я хочу сохранить, чтобы продать, если д'Анджос не привезет мне денег, чего я начинаю опасаться. А всеми остальными можешь распоряжаться как угодно. Ведь я живу у тебя и должна как-то возместить твои расходы.

В конце концов, после долгих колебаний, Ортанс взяла для подруги атласное платье небесно-голубого цвета, а для себя — ансамбль цвета неспелого яблока, который освежал невыразительное лицо этой брюнетки.

Наступило утро двадцать шестого августа. Взглянув на тощую фигуру сестры, которой фижмы верхнего платья придали некоторую округлость, на ее матовое лицо, оживленное зеленым платьем, на ее негустые, но мягкие и тонкие каштановые волосы, Анжелика, покачив головой, сказала:

— Право, Ортанс, мне кажется, ты была бы прелестной, если бы не твой желчный характер.

К ее великому удивлению, Ортанс не рассердилась. Она вздохнула, продолжая крутиться перед большим металлическим зеркалом.

— И мне тоже так кажется, — проговорила она. — Но подумай сама, я не создана для того, чтобы прозябать в неизвестности, а живу именно так. Мне нравится общество блестящих и хорошо одетых людей, я люблю светскую беседу, обожаю зрелища. Но домашние заботы совсем закабалили меня. Этой зимой мне удалось побывать на званых вечерах у одного поэта-сатирика, у Скаррона. Это ужасный, злой калека, но какой ум, дорогая моя! О, я никогда не забуду этих вечеров! Как жаль, что Скаррон недавно умер. Придется снова прозябать.

— Но сейчас ты не вызываешь жалости. Уверяю, вид у тебя блестящий.

— Конечно, будь я просто женой прокурора, это платье никогда не выглядело бы на мне так шикарно. Благодородство нельзя купить. Оно в крови.

Склонившись над ларцами, чтобы выбрать себе украшение, сестры вновь ощутили дух клана, гордость за свое дворянское происхождение. Они забыли и о полутемной комнате, и о безвкусной мебели, и о столь же безвкусных бергамских гобеленах на стенах, которые ткали в Нормандии специально для людей среднего достатка.

В этот день господин прокурор на рассвете уехал в Венсен, где собирались высшие сановники государства, чтобы встретить короля приветственными речами.

Залпы пушек перекликались с колокольным звоном. Городская стража в парадной форме, оцетинившаяся пиками, алебардами и мушкетами, заняла свои места на улицах, где оглушительно кричали глашатаи, раздавая листочки с программой торжества, маршрутом королевского кортежа и описанием триумфальных арок.

Около восьми часов утра карета с облезлой позолотой, принадлежащая мадемуазель Атенаис де Тонне-Шарант, остановилась у дома прокурора. Подруга Ортанс оказалась красивой, яркой девицей: золотистые волосы, розовые щеки, перламутровый лоб, украшенный мушкой. Голубое платье, которое ей дала Анжелика, удивительно сочеталось с ее немного навывкате, но живыми и умными глазами цвета сапфира.

Она мельком поблагодарила Анжелику, хотя на ней было не только ее платье, но и великолепное бриллиантовое ожерелье, тоже одолженное Анжеликой.

Мадемуазель Атенаис де Тонне-Шарант де Мортемар жила в убеждении, что все — ее должники и оказать ей услугу — для каждого большая честь. Семья ее была бедной, но Атенаис считала, что их старинный дворянский род стоит любого богатства. Брат и сестра ее, судя по всему, были о себе столь же высокого мнения. Все трое обладали бьющей через край энергией, насмешливым умом, страстным характером и тщеславием, что делало их весьма приятными и в то же время весьма опасными собеседниками.

Все жизнерадостное общество уселось в карету, которая покатила по запруженным людьми улицам, мимо домов, украшенных цветами и гобеленами. Всадники и вереницы экипажей с трудом пробивали себе путь сквозь толпу, которая становилась все гуще, к Сент-Антуанским воротам, откуда должно было начаться торжественное шествие.

Придется сделать крюк, чтобы заехать за бедняжкой Франсуазой, — сказала Атенаис. — Сейчас это будет нелегко.

— О боже, избавь нас от вдовы скрюченного Скаррона! — воскликнул ее брат.

Он сидел рядом с Анжеликой и бесцеремонно прижимался к ней. Сославшись на жару, она попросила его отодвинуться.

— Я обещала Франсуазе взять ее с собой, — настаивала Атенаис. — Она милая женщина, и с тех пор, как умер ее калека супруг, у нее так мало развлечений! Я даже думаю, что она уже сожалеет о том, что его нет.

— Еще бы! Пусть он был уродом, но он давал в дом деньги. Вдовствующая королева назначила ему пенсию.

— А когда Франсуаза вышла за него замуж, он уже был калекой? — спросила Ортанс. — Эта пара всегда вызывала мое любопытство.

— Да, он уже тогда был скрюченный. Он взял ее девочкой, чтобы она ухаживала за ним. Она была сиротой, ну и согласилась. Ей было пятнадцать лет.

— Вы думаете, она действительно согласилась? — спросила младшая из сестер.

— Кто знает... Ведь Скаррон повсюду кричал, что ревматизм лишил его всего, кроме языка и еще одного... Ну, вы сами понимаете... Наверняка он научил ее всяким штучкам. Ведь он был такой развратник! А потом, ей-богу, у них бывало столько народу, что какой-нибудь статный сеньор должен же был взять на себя труд поразвлечь ее. Называли де Вийарсо.

— Надо признать, — сказала Ортанс, — что хотя госпожа Скаррон красавица, она всегда держалась очень скромно. Не отходила от кресла на колесиках, в котором сидел муж, помогала ему устроиться поудобнее, подавала целебные отвары. И вместе с тем она образованная женщина, умеет прекрасно вести беседу.

Вдова ожидала их на тротуаре около невзрачного дома.

— Боже мой, какое платье! — прошептала Атенаис, прикрывая ладонью рот. — Юбка совсем вытерта.

— Почему же вы ничего не сказали мне? — спросила Анжелика. — Я подыскала бы что-нибудь для нее.

— Да, конечно, я как-то упустила это из виду. Франсуаза, садитесь же!

Молодая женщина грациозно поклонилась всем и села в уголок. У нее были красивые карие глаза, затенявшиеся длинными, чуть подкрашенными сиреневой краской ресницами. Уроженка Ниора, она жила в Америке, но, оставшись сиротой, вернулась во Францию.

Наконец, они без труда добрались до прямой и чистой улицы Сент-Антуан, где было уже не так многолюдно. Экипажи стояли на соседних улочках. Отель де Бове гудел словно улей. Над балконом в центре фасада был натянут малиновый бархатный балдахин, обшитый золотым и серебряным позументом и бахромой. Фасад был украшен персидскими коврами.

На пороге разодетая одноглазая старая дама, похожая на святые мощи в раке, подбоченившись, покрикивала на рабочих, которые развешивали ковры.

— А это что за мегера? — спросила Анжелика, когда они шли к отелю.

Ортанс сделала ей знак молчать, а Анжелика, прикрывшись веером, прыснула.

— Это, милая моя, хозяйка дома Катрин де Бове, по прозвищу Кривая Като. Она была камеристкой Анны Австрийской, и когда нашему юному королю пошел пятнадцатый год, королева поручила ей просветить его. Вот где кроется секрет ее богатства.

Анжелика не смогла удержаться от смеха.

— Надо полагать, ее опытность возместила отсутствие красоты.

— Пословица гласит, что для юношей и монахов нет уродливых женщин, — добавил молодой Мортемар.

Но несмотря на насмешки, все они почтительно поклонились бывшей камеристке.

Она пристально оглядела их своим единственным глазом.

— А, пуатьевенцы. Ну, ягнятки мои, не мешайте мне. Залезайте-ка побыстрее наверх, пока мои служанки не заняли лучшие места. А это кто такая? — она ткнула своим скрюченным пальцем в сторону Анжелики.

— Моя подруга, графиня де Пейрак де Моран, — представила Анжелику Атенаис.

— Так-так! — проговорила старая дама и как-то странно хихикнула.

— Уверена, она что-то знает о тебе, — шепнула сестре Ортанс, когда они поднимались по лестнице. — Мы наивны, воображая, что дело не получит скандальной огласки. Я не должна была брать тебя с собой. Тебе лучше вернуться домой.

— Ладно, только отдай мое платье, — сказала Анжелика, протянув руку к корсажу сестры.

— Утихомирься, дура, — ответила Ортанс, отталкивая ее.

Атенаис де Тонне-Шарант приступом взяла окно в одной из комнат для слуг и устроилась около него вместе с Анжеликой и Франсуазой Скаррон.

— Отсюда чудесно все видно, — воскликнула она. — Смотрите, вон Сент-Антуанские ворота, через которые въедет король.

Анжелика тоже выглянула в окно. И почувствовала, что бледнеет.

Первым, что бросилось ей в глаза под голубым, подернутым знойной дымкой небом, была не широкая улица, по обеим сторонам которой густой толпой стояли люди, не ворота Сент-Антуан с триумфальной аркой из белого камня, а огромная, массивная крепость, которая, словно темная скала, возвышалась чуть правее.

— Что это там за укрепленный замок около ворот Сент-Антуан? — вполголоса спросила она сестру.

— Бастилия, — шепнула та, прикрывшись веером.

Анжелика не могла отвести глаз от крепости. Восемь башен со сторожевыми вышками, слепые толстые стены, решетчатые ворота, подъемные мосты, рвы — остров страданий, затерявшийся в океане огромного равнодушного города, замкнутый, отрешенный от жизни мир, которого не коснется даже сегодняшнее ликование. Вот она — Бастилия!

Король во всем своем великолепии проедет мимо этого сурового стража его власти.

Ни один звук не проникнет в темень тюремных камер, где люди томятся, потеряв всякую надежду, долгие годы, иногда всю жизнь.

Ожидание затянулось. Наконец крики нетерпеливой толпы возвестили о начале шествия.

Из темноты свода Сент-Антуанских ворот появились первые шеренги: шли представители четырех нищенствующих орденов — францисканцы, доминиканцы, августинцы и кармелиты. Впереди шествовали монахи с крестами этих орденов и со свечами. Их черные,

коричневые и белые сутаны из грубой шерсти словно бросали вызов щедрому солнцу, которое как бы в отместку озаряло целую клумбу розовых черепов.

Затем шло белое духовенство со своими крестами и хоругвями, со священниками в стихарях и квадратных тапочках.

За ними двигались отцы города, которым предшествовали трубачи с поднятыми вверх трубами. Религиозные гимны чередовались с ликующими мелодиями.

За отрядом из трехсот парижских лучников шествовал господин губернатор де Бюрнонвиль в сопровождении своей стражи.

Затем верхом на коне появился купеческий старшина с великолепным эскортом лакеев, одетых в зеленые бархатные ливреи, за ним — городские советники, эшевены, картеньеры и мастера гильдий суконщиков, бакалейщиков, галантерейщиков, меховщиков, виноторговцев в бархатных костюмах самых различных цветов, со своей стражей.

Народ радостно приветствовал представителей торговых корпораций своего города.

Но его энтузиазм охладел, когда мимо пошли командиры ночной стражи, а за ними — надзиратели тюрем, судебные исполнители и два судьи — по гражданским и уголовным делам.

При виде своих постоянных мучителей, угрюмых и злобных, толпа умолкла.

Таким же враждебным молчанием были встречены королевский суд, палата косвенных сборов и счетная палата — символ ненавистных налогов.

Первый президент королевского суда и девять его помощников-президентов были в роскошных широких ярко-красных мантиях, отороченных горностаем, И бархатных черных шапочках с золотым позументом.

Время уже подходило к двум часам дня. В лазурном небе белые облачка, едва успев сформироваться, тут же растворялись в лучах жгучего солнца. Люди изнемогали от жары. Нервы были напряжены до предела. Все, повернув головы, вглядывались вдаль, в сторону предместий.

Кто-то крикнул, что под балдахином на балконе отеля Бове появилась вдовствующая королева. Значит, король и королева

приближаются.

Анжелика стояла, обняв за плечи госпожу Скаррон и Атенаис де Тонне-Шарант. Все трое, высунувшись в чердачное окно, старались не упустить ни одной Подробности этого зрелища. Ортанс, молодой Мортемар и его младшая сестра пристроились у другого окна.

Вдали показался кортеж его высокопреосвященства кардинала Мазарини.

Семьдесят два мула в бархатных, расшитых золотом пополах, открывавшие шествие, пажи, приближенные дворяне в пышных одеяниях и сверкающая на солнце карета поистине ювелирной работы, в которой восседал кардинал, наглядно демонстрировали величие его высокопреосвященства.

Он остановился у отеля Бове, где его глубоким поклоном встретила Кривая Като, и поднялся на балкон к вдовствующей королеве и ее золовке, бывшей королеве Англии, вдове казненного Карла I.

Толпа искренне рукоплескала Мазарини. Нет, и сейчас его любили не больше, чем во времена «мазаринад», но он подписал Пиренейский мир, и, кроме того, в глубине души народ был признателен кардиналу за то, что он удержал его от безумия, не дал изгнать своего короля, которого в эти минуты все ждали с таким восторгом и обожанием.

Придворные со своими свитами открывали шествие монарха.

Теперь Анжелика могла назвать многих по имени. Она показала своим новым знакомым маркиза д'Юмьера и маркиза Пегилена де Лозена, которые ехали во главе сотен королевских гвардейцев. Де Лозен держался, как всегда, непринужденно и посылал воздушные поцелуи дамам. Толпа отвечала ему умиленным смехом.

Как их сейчас любили, этих молодых сеньоров, таких храбрых и таких блестящих! И опять же все словно забыли об их мотовстве, об их чванстве, об их кутежах и бесстыдных дебошах в тавернах. В ту минуту все помнили только об их военных подвигах и любовных похождениях.

В толпе громко называли их имена: вот этот, одетый в золотую парчу, самый приятный с виду, — Сент-Эньян, тот, с лицом южанина, что одиноко едет на своем горячем коне, при каждом движении которого переливаются драгоценные камни на его костюме, — де Гиш, а вон этот, с развевающимся трехъярусным плюмажем,

напоминающим машущих крыльями каких-то сказочных розовых и белых птиц, — Бриенн.

Анжелика немного отодвинулась от окна и крепко сжала губы, когда увидела тонкое, наглое лицо маркиза де Варда под светлым париком, ехавшего во главе швейцарских королевских гвардейцев, неуклюжих в своих накрахмаленных брыжах.

Вдруг, нарушив мирный ритм шествия, пронзительно затрубили трубы.

Приближался король, сопровождаемый восторженными криками толпы.

Вот он, король!.. Он прекрасен, как небесное светило!

Как он величествен, король Франции! Наконец-то настоящий король! Не какое-нибудь ничтожество, как Карл I или Генрих III, не такой простоватый, как Генрих IV, и не такой суровый, как Людовик XIII.

Король медленно ехал на караковом коне, а в нескольких шагах за ним следовал эскорт — его старший камергер, первый дворянин его величества, старший конюший и капитан его личной гвардии.

Король не захотел воспользоваться вышитым балдахинном, который преподнес ему город, он желал, чтобы народ видел его.

Людовик XIV проехал мимо трех женщин — Атенаис де Тонне-Шарант де Мортемар, Анжелики де Пейрак и Франсуазы Скаррон, урожденной д'Обинье, которых судьба случайно свела вместе, совершенно не подозревая, какую роль они сыграют в его жизни.

Анжелика почувствовала, как под ее рукой затрепетало золотистое плечо Франсуазы.

— О, как он прекрасен! — прошептала молодая вдова. Глядя вслед этому божеству, удалявшемуся под бурю восторгов, не вспомнила ли несчастная вдова Скаррон о своем язвительном калеке, для которого она восемь лет была и служанкой, и забавой?

Атенаис, в упоении широко раскрыв свои голубые глаза, прошептала:

— Слов нет, он красив в своем серебряном костюме, но думаю, что без него, и даже совсем без рубашки, он тоже недурен. Королеве повезло, что у нее в постели такой мужчина.

Анжелика молчала.

«Вот человек, который держит в своих руках нашу судьбу, — думала она. — Боже, помоги нам, он слишком велик, он слишком недосыгаем!»

Раздавшийся в толпе крик заставил ее отвести взгляд от короля.

— Принц! Да здравствует принц!

Народ подхватил это приветствие.

Анжелика содрогнулась.

Худой, тощий, откинув назад голову с горящими глазами и орлиным носом, принц Конде возвращался в Париж. Он ехал из Фландрии, куда привела его долгая борьба против короля. Его лицо не выражало ни угрызений совести, ни раскаяния, да, впрочем, народ Парижа и не ждал от него этого. Все забыли про его измену и сейчас приветствовали победителя в битвах при Рокруа и Лансе.

Рядом с ним в облаке кружев ехал Филипп Орлеанский, как никогда похожий на переодетую девушку.

Наконец показалась молодая королева. Она ехала в колеснице наподобие римской, сделанной из позолоченного серебра, в которую была впряжена шестерка лошадей в пополах, расшитых золотыми лилиями и драгоценными камнями.

Кривая Като, казалось, кого-то поджидала, стоя внизу у лестницы. Когда скромная группка пуатьевенцев, в том числе и Анжелика, показалась на площадке, она крикнула им своим хриплым голосом:

— Ну как? Всласть нагляделись? Раскрасневшиеся от возбуждения, они радостно поблагодарили ее.

— Ладно. Идите-ка, поешьте пирожных. Она сложила свой огромный веер и легонько ударила им Анжелику по плечу.

— А вы, красавица, пойдите на минутку со мной. В полном недоумении Анжелика пошла вслед за госпожой де Бове через залы, где толпились гости. Наконец они очутились в маленьком пустом будуаре.

— Уф! — вздохнула старая дама, обмахиваясь веером. — Не так-то легко в этом доме уединиться.

Она внимательно изучала Анжелику. Полузакрытое веко, под которым зияла пустая глазная впадина, придавало ее лицу вульгарность, и это впечатление еще усиливали грубо наложенные

румяна, особо резко выделявшиеся на морщинах, и улыбка ее беззубого рта.

— Думаю, что мы сговоримся, — сказала она, кончив разглядывать Анжелику. — Ну, красавица, что вы скажете о большом замке под Парижем, с дворецким, выездными лакеями, слугами, служанками, шестью каретами, конюшней и в придачу с сотней тысяч ливров ренты?

— И все это предлагают мне? — рассмеявшись, спросила Анжелика.

— Вам.

— Кто же?

— Человек, который хочет вам добра.

— Об этом я догадываюсь. Но точнее?

Госпожа де Бове склонилась к ней с видом сообщницы.

— Богатый сеньор, который умирает от любви к вашим прекрасным глазам.

— Выслушайте меня, сударыня, — начала Анжелика, стараясь говорить серьезно, чтобы не обидеть почтенную даму, — я очень благодарна этому сеньору, кто бы он ни был, но боюсь, не хочет ли он злоупотребить моей наивностью, делая мне такое роскошное предложение. Он слишком плохо знает меня, если думает, что, пообещав мне все это великолепие, он заставит меня принадлежать ему.

— Разве вы так хорошо устроились в Париже, чтобы пренебречь этим предложением? Я слышала, что на ваше имущество наложен арест и вы продаете свои кареты.

Единственный глаз старой мегеры впился в лицо Анжелики.

— Я вижу, вы хорошо осведомлены, сударыня, но продавать себя я пока еще не намерена, — ответила Анжелика.

— Да кто же от вас этого требует, дурочка? — просвистела старуха сквозь обломки своих зубов.

— Я поняла, что...

— Ба! Вы можете завести себе любовника, а можете и не заводить. Можете жить монахиней, если вам это нравится. Вас просят только об одном — принять это предложение.

— Но... в обмен на что? — изумленно спросила Анжелика.

Старуха придвинулась к ней еще ближе и фамильярно взяла ее за руки.

— Так вот, милочка, все очень просто, — сказала она рассудительным тоном доброй бабушки. — Вы поселяетесь в этом чудесном замке. Бываете при дворе. Ездите в Сен-Жермен и Фонтенбло. Ведь вас развлечет, не правда ли, если вы будете присутствовать на придворных празднествах, за вами станут ухаживать, баловать вас, осыпать комплиментами. Ну и, конечно, если уж вам так хочется, вы сохраните фамилию де Пейрак... А может, вы предпочтете переменить ее. Например, стать госпожой де Сансе?.. Это звучит очень красиво... Вы идете, и кто-то шепчет вслед:

«А вот и красавица де Сансе». О, разве это не прелестно?

— Не думаете ли вы, что я настолько глупа, что поверю, будто какой-то благодетель станет осыпать меня деньгами, ничего не требуя взамен, — не выдержала Анжелика.

— Э-э! И тем не менее это почти так. Все, что требуется от вас, — это думать о нарядах, о драгоценностях, о развлечениях. Но ведь для красивой женщины это не так уж трудно. Вы меня понимаете? — настойчиво повторила старуха, слегка трясая Анжелику за плечи. — Вы меня понимаете?

Анжелика смотрела в лицо этой злой колдуньи, на ее волосатый подбородок, покрытый густым слоем белой пудры.

— Вы меня понимаете? Ни о чем не заботиться! Забыть все!..

«От меня хотят, чтобы я забыла Жоффрея, — думала Анжелика, — забыла, что я его жена, отказалась бороться за него, вычеркнула его из своей жизни, предала забвению. Хотят, чтобы я молчала, забыла...»

И снова в ее памяти всплыл ларец с ядом. Теперь она уже не сомневалась: причина всей трагедии кроется в этом ларце. Кто может быть заинтересован в том, чтобы она молчала? Самые высокопоставленные люди королевства — мессир Фуке, принц Конде, одним словом, все эти знатные вельможи, свидетельство измены которых — аккуратно сложенные письма — многие годы хранилось в сандаловом ларце.

Анжелика весьма холодно покачала головой:

— Я очень сожалею, сударыня, но, видимо, я слишком бестолкова и не поняла ни слова из того, что вы мне сказали.

— Ну что ж, подумайте, моя милочка, подумайте и потом дадите ответ. Только чтобы не было слишком поздно. В ближайшие дни, договорились? Смотрите, смотрите, красавица моя, может, это все-таки лучше, чем...

И, нагнувшись к самому уху Анжелики, она прошептала:

— ...чем потерять жизнь?

Глава 33

— Как, по-вашему, господин Дегре, с какой целью неизвестный вельможа предлагает мне замок и сто тысяч ливров ренты?

— Черт подери! — воскликнул адвокат. — Я думаю, что цель у него та же, что была бы и у меня, предложи я вам сто тысяч ливров ренты.

Анжелика, не поняв, посмотрела на Дегре и вдруг чуть покраснела под его дерзким взглядом. До сих пор она видела в нем только адвоката. Сейчас с некоторым смущением она подумала, что перед ней сидит полный сил молодой мужчина. Красавцем его не назовешь, у него слишком длинный нос, неровные зубы, но лицо очень выразительно, и он хорошо сложен. Мэтр Фалло утверждал, будто, кроме таланта и эрудиции, у Дегре нет ничего, что помогло бы ему стать уважаемым магистратом. Он почти не встречался со своими коллегами и, как в студенческие годы, продолжал шататься по кабакам. Именно поэтому ему и поручали некоторые дела, расследование которых требовало посещения таких значных мест, куда благонравные господа из квартала Сен-Ландри не осмеливались сунуть носа из страха погубить там свою душу.

— Нет, — сказала Анжелика. — Это совсем не то, что вы думаете. Я поставлю вопрос иначе: почему меня дважды пытались убить, то есть заставить меня молчать еще более верным способом?

Лицо адвоката сразу помрачнело.

— О, именно этого я и боялся, — проговорил он. До сих пор он в непринужденной позе сидел на краю стола в маленьком кабинете прокурора Фалло. Теперь он с серьезным видом сел напротив Анжелики.

— Сударыня, — продолжал он, — возможно, я не внушаю вам большого доверия как адвокат. Однако в данном случае мне кажется, что ваш уважаемый зять не ошибся, адресовав вас ко мне, так как для ведения дела вашего мужа требуется скорее частный сыщик, каковым волею судеб я и являюсь, чем дотошный знаток буквы и духа закона. Но скажу вам прямо, я не сумею распутать этот клубок, если вы не

расскажете мне все, что вам известно, чтобы я шел по правильному пути. Короче, я жажду задать вам один вопрос...

Он встал, подошел к двери проверить, нет ли кого за ней, приподнял занавеску, которая закрывала полки с папками, и, вернувшись к Анжелике, спросил вполголоса:

— Что знаете вы и ваш муж такого, чего может бояться один из самых могущественных людей Франции? Я имею в виду мессира Фуке.

У Анжелики даже губы побелели. Она в растерянности смотрела на адвоката.

— Ясно, я вижу, что-то есть, — продолжал Дегре. — Сейчас я жду вестей от своего шпиона, подосланного к Мазарини. А другой мой шпион навел меня на след одного слуги, некоего Клемана Тоннеля, который в свое время был на побегушках у Конде...

— И дворецким у нас, в Тулузе...

— Вот именно. Этот человек также тесно связан с мессиром Фуке. Собственно говоря, он служит только Фуке, время от времени вытягивая кругленькую сумму у принца Конде, своего бывшего господина, прибегая для этого, скорее всего, к шантажу. А теперь еще один вопрос: через кого получили вы это предложение — обеспечить вам роскошную жизнь?

— Через госпожу де Бове.

— А-а, Кривая Като!.. Ну, тогда все ясно. Это — Фуке! Он щедро платит старой мегере, чтобы знать обо всех тайнах двора. Раньше она была на жалованьи у кардинала Мазарини, но тот оказался менее щедрым, чем суперинтендант. Я должен добавить, что узнал еще об одном высокопоставленном лице, которое поклялось погубить вашего мужа и вас.

— Кто это?

— Брат короля. Анжелика вскрикнула.

— Вы сошли с ума!

Адвокат скорчил недовольную мину.

— Вы думаете, я просто прикарманил ваши полторы тысячи ливров? Я произвожу впечатление человека несерьезного, сударыня, но если сведения, которые я добываю, обходятся дорого, так это потому, что они достоверны. Ловушку в Лувре для вас подстроил брат короля, это он подослал людей, приказав им убить вас. Я узнал это из

уст самого мерзавца, который прикончил вашу служанку Марго, и, чтобы вытянуть из него это признание, мне пришлось оплатить не меньше десяти пинт вина в «Красном петухе».

Анжелика провела ладонью по лбу. Срывающимся голосом она поведала Дегре весьма любопытную историю, происшедшую в замке Плесси-Бельер, свидетельницей которой она была несколько лет назад.

— Знаете ли вы что-нибудь о дальнейшей судьбе вашего родственника маркиза дю Плесси?

— Ничего. Но возможно, он в Париже или в армии.

— Фронда — дело прошлое, — задумчиво проговорил адвокат, — но достаточно малейшего ветерка, чтобы тлеющий огонек вновь вспыхнул ярким пламенем. По-видимому, есть много людей, которые боятся, как бы не всплыли столь веские доказательства их измены.

Он решительным жестом смел со стола гусиные перья и бумаги, которыми стол был завален.

— Итак, подведем итог: Анжелику де Сансе, то есть вас, подозревают в том, что она владеет опасной тайной. Принц Конде, а может быть, и Фуке поручают лакею Клеману Тоннелю шпионить за вами. И он шпионит, шпионит долгие годы. Наконец он убеждается, что подозрения обоснованны: ларец взяли вы, и только вы и ваш муж знаете, где он спрятан. Тогда ваш лакей отправляется к Фуке и продает свои сведения, оценив их буквально на вес золота. С этого момента ваша участь предрешена — вы должны умереть. Все, кто живет на подачки суперинтенданта, все, кто боится потерять свою пенсию, благосклонность двора, втайне сплачиваются против тулузского сеньора, который в любой день может предстать перед королем и заявить ему: «Вот что мне известно!» Живи мы в Италии, в ход пошли бы кинжал и яд. Но ваши враги знают, что граф де Пейрак невосприимчив к ядам, да и вообще во Франции любят всему придавать законную форму. И тут-то нелепые козни архиепископа де Фонтенака против вашего мужа оказываются как нельзя более кстати. Опасного свидетеля арестовывают по обвинению в колдовстве. Короля вводят в заблуждение. Разжигают его зависть к непомерному богатству этого сеньора. И вот результат, ворота Бастилии захлопываются за графом де Пейраком. Все могут вздохнуть спокойно.

— Нет! — со злостью воскликнула Анжелика. — Я не дам им спокойно вздохнуть! Я сделаю все возможное и невозможное, но

добьюсь справедливости. Я сама пойду к королю и скажу ему, почему у нас столько врагов.

— Тс-с! — живо оборвал ее Дегре — Не горячитесь. У вас в руках порох, и берегитесь, как бы прежде всего не взлетели на воздух вы сами. Кто может поручиться, что король или даже сам Мазарини не в курсе этого дела?

— Но как же... — возразила Анжелика. — Ведь именно они должны были пасть жертвой заговора изменники хотели убить кардинала и даже самого короля и его младшего брата.

— Я все понимаю, сударыня, все понимаю, — проговорил адвокат, извиняясь.

И продолжал:

— Я согласен, ваши доводы очень логичны, сударыня. Но понимаете ли, интриги знати — это змеиный клубок. И тот, кто пытается его распутать, рискует своей жизнью. Весьма вероятно, что кардинал Мазарини был обо всем информирован через сеть своих шпионов, которую он так ловко умеет раскидывать. Но какое значение имеет теперь для кардинала Мазарини прошлое, если он с триумфом победил! В то время он вел с испанцами переговоры о возвращении принца Конде. Так разве это был подходящий момент для того, чтобы добавить еще одно преступление к черному списку злодеяний, которые стремились предать забвению? Мессир кардинал предпочел сделать вид, что ничего не знает. Хотят арестовать тулузского сеньора? Прекрасно, пусть арестовывают! Великолепная идея! А король охотно делает то, что говорит ему кардинал Мазарини, тем более что богатство вашего мужа омрачило его душу. И получить от него подпись под приказом об аресте графа и заключении его в Бастилию оказалось пустячным делом...

— Ну, а брат короля?

— Брат короля? А его уж и подавно не волнует, что, когда он был ребенком, мессир Фуке хотел его убить. Он живет сегодняшним днем, а сегодня именно мессир Фуке содержит его. Он осыпает его золотом, подыскивает ему фаворитов. Брата короля никогда слишком не баловали ни его мать, ни старший брат. И теперь он безумно боится, как бы не скомпрометировали его покровителя. В общем, все шло бы как по маслу, если бы вы не нарушили их планы. Они рассчитывали, что, лишившись поддержки мужа, вы исчезнете... без шума... затаитесь

где-нибудь. А где — им все равно. Никто не знает, куда деваются жены, мужа которых впали в немилость. У них хватает такта исчезнуть, испариться. Может, они уходят в монастырь. Может, меняют имя. Вы одна не подчинились общему правилу. Вы добиваетесь правосудия!.. Но это же неслыханная дерзость, не так ли? И вот вас дважды пытаются убить. Затем, не видя иного выхода, Фуке разыгрывает из себя демона-искусителя...

Анжелика глубоко вздохнула.

— Как тяжело... — прошептала она. — Куда ни глянешь — всюду одни враги, всюду ненавидящие, завистливые, подозрительные взгляды, всюду угроза.

— Послушайте, может быть, еще не все потеряно, — сказал Дегре. — Фуке предлагает вам почетный выход из положения. Правда, состояния мужа вам не возвратят, но все же вас обеспечат. Чего же вам еще нужно?

— Мне нужен мой муж! — вскакивая, с яростью крикнула Анжелика.

Адвокат с усмешкой посмотрел на нее.

— Вы и впрямь удивительное создание.

— А вы... вы — трус! В душе вы тоже умираете от страха, как и все остальные.

— Да, это верно, для всех этих высокопоставленных особ жизнь несчастного клерка не стоит ни гроша.

— Ну что ж, берегите свою жалкую жизнь, она и впрямь недорого стоит! Берегите ее, чтобы охранять бакалейщиков от воров-приказчиков, чтобы разбирать дрязги алчных наследников. Я не нуждаюсь в вас.

Адвокат молча встал и принялся медленно разворачивать какой-то листок бумаги.

— Вот отчет о моих расходах. Можете убедиться, что я ничего не присвоил.

— Мне безразлично, честный вы или вор.

— Еще один совет.

— Мне больше не нужны ваши советы. Я обращусь за ними к моему зятю.

— Ваш зять предпочитает не вмешиваться в это дело. Он вас приютил и рекомендовал мне, рассчитав, что, если все обернется

хорошо, он припишет заслугу себе. Если же нет, он умоет руки, оправдываясь тем, что находится на службе у короля. Вот почему я еще раз советую вам: попытайтесь увидеться с королем.

Низко поклонившись Анжелике, Дегре надел свою выгоревшую шляпу и направился к выходу, но тут же вернулся.

— Если я вам понадобится, вы можете послать за мной в «Три молотка», я бываю там каждый день.

Когда адвокат ушел, Анжелике вдруг захотелось заплакать. Теперь она осталась совсем одна. Она чувствовала, что над ней нависает тяжелое грозное небо, сгущаются набежавшие со всех сторон тучи: уязвленное тщеславие его преосвященства де Фонтенака, страх Фуке и Конде, равнодушие кардинала и — уже совсем рядом — настороженное выжидание зятя и сестры, готовых, едва почуют опасность, выгнать ее из своего дома.

В прихожей ей встретилась Ортанс в белом переднике, повязанном на тощих боках. В доме пахло клубникой и апельсинами. Ведь в сентябре хорошие хозяйки варят варенье. Дело это деликатное и сложное; среди тазов из красной меди и гор колотого сахара металась заплаканная Барба. Три дня все в доме шло кувырком.

Ортанс несла драгоценную голову сахара, когда прямо на нее из кухни выскочил Флоримон, яростно потрясая своей серебряной погремушкой с тремя колокольчиками и двумя хрусталиками.

Этого было достаточно, чтобы разразилась буря.

— Мы не только стеснены, не только скомпрометированы, — завизжала Ортанс, — но я уже и шагу ступить не могу в собственном доме, чтобы меня не сбили с ног и не оглушили. У меня чудовищная мигрень. И в то время, как я буквально падаю, изнемогаю от домашних забот, госпожа принимает своего адвоката или бежит по городу под предлогом, будто хочет освободить своего ужасного мужа, потерю богатства которого она никак не может пережить.

— Не кричи так громко, — сказала Анжелика. — Я с удовольствием помогу тебе варить варенье. Я знаю великолепные южные рецепты.

Ортанс, не выпуская из рук сахарной головы, гордо выпрямилась, словно трагическая актриса на сцене.

— Никогда! — гневно воскликнула она. — Никогда я не разрешу тебе прикоснуться к еде, которую готовлю своему супругу и своим детям! Я всегда помню, что твой муж — приспешник дьявола, колдун, что он изготавливает яды. И вполне возможно, что и ты с ним заодно. С тех пор как ты здесь, Гастон стал неузнаваем.

— Твой муж? Да я даже не смотрю на него.

— Зато он на тебя смотрит... и гораздо больше, чем следует. Ты сама должна понять, что слишком загостилась у нас. Ведь вначале ты говорила только об одной ночи...

— Поверь мне, я делаю все возможное, чтобы выяснить положение.

— Все твои хлопоты кончатся тем, что ты привлечешь к себе внимание и тебя тоже арестуют.

— Право, не знаю, может, в тюрьме мне будет даже лучше. По крайней мере меня обеспечат бесплатным жильем и не будут попрекать.

— Ты просто не представляешь, что говоришь, милочка, — усмехнулась Ортанс. — Нужно вносить десять су в день, а так как в Париже я единственная твоя родственница, то, конечно, их будут требовать с меня.

— Это не так уж разорительно. И меньше той суммы, что я даю тебе, не считая туалетов и драгоценностей, которые я тебе подарила.

— Но когда у тебя родится еще один ребенок, мне придется вносить тридцать су в день...

Анжелика устало вздохнула.

— Пойдем, Флоримон, — сказала она мальчику. — Ты же видишь, что утомляешь тетю Ортанс. Пары от варенья ударили ей в голову, и она сама не ведает, что несет.

Мальчик засеменил к матери, звеня своей блестящей погремушкой. Это привело Ортанс в полную ярость.

— Вот, полюбуйтесь! — кричала она. — У моих детей никогда не было таких погремушек. Жалуешься, что нет денег, а сама покупаешь сыну такую дорогую игрушку.

— Ему очень хотелось. Да она и не такая уж дорогая. У сына сапожника, что сидит на углу, точно такая же.

— Всем давно известно, что простолюдины не умеют беречь деньги. Они балуют своих детей, но не дают им никакого образования.

Прежде чем покупать бесполезные вещи, вспомнила бы, что ты нищая, а у меня нет ни малейшего желания содержать тебя.

— А я и не прошу тебя об этом, — ответила Анжелика, задетая словами сестры. — Как только вернется д'Анджос, я перееду в гостиницу.

Ортанс пожала плечами и с презрительной жалостью рассмеялась.

— Да ты, оказывается, еще глупее, чем я думала. Ты не знаешь ни законов, ни как они применяются. Твой маркиз д'Анджос ничего тебе не привезет.

Мрачное предсказание Ортанс полностью оправдалось. Когда маркиз д'Анджос в сопровождении верного Куасси-Ба явился к Анжелике, он сообщил, что на все имущество графа де Пейрака в Тулузе наложен арест. Он смог раздобыть лишь тысячу ливров, которые ссудили два богатых арендатора де Пейрака, взяв с д'Анджоса клятву сохранить это в тайне.

Большая часть украшений Анжелики, золотая и серебряная посуда, а также почти все ценное, что находилось в Отеле Веселой Науки, включая слитки золота и серебра, были конфискованы и переданы в казну тулузского наместника, а частью увезены в Монпелье.

Д'Анджос выглядел растерянным. От его обычной болтливости и веселого настроения не осталось и следа; боязливо озираясь, он рассказал также, что арест графа де Пейрака вызвал в Тулузе волнения. Прошел слух, будто в этом виноват архиепископ, и толпа, собравшаяся у его дворца, чуть не подняла настоящий бунт. К д'Анджосу явилась делегация капитулов просить его — ни больше ни меньше — возглавить восстание против королевской власти. Маркизу с большим трудом удалось вырваться из Тулузы и уехать в Париж.

— И что же вы теперь собираетесь делать? — спросила Анжелика.

— Некоторое время побуду в Париже. Мои средства — увы! — как и ваши, весьма ограничены. Я продал одну старую ферму и голубятню. Может, мне удастся купить какую-нибудь должность при дворе...

Южный акцент, который раньше придавал его речи такую жизнерадостную окраску, сейчас звучал жалобно, даже скорбно.

«Ох, эти южане! Громогласные клятвы, громогласное веселье! А случись несчастье — и фейерверк гаснет», — подумала Анжелика, а вслух сказала:

— Я не хочу вас компрометировать. Спасибо вам, мессир д'Анджос, за все ваши услуги. Желаю вам удачи при дворе.

Он молча поцеловал ей руку и с довольно жалким видом выскользнул за порог.

Анжелика стояла в прихожей прокурорского дома и смотрела на крашеную деревянную дверь. Сколько слуг графа де Пейрака вышли через эту дверь, покидая свою впавшую в немилость госпожу, вышли, потупив взор, но с чувством радостного облегчения!

Куасси-Ба сидел на корточках у ее ног. Она погладила его большую курчавую голову, и великан по-детски улыбнулся ей.

Что ж, тысяча ливров — все же деньги. Ночью Анжелика твердо решила уехать из дома сестры, в такой обстановке жить больше невыносимо. Она заберет с собой няню Флоримона и Куасси-Ба. Наверняка в Париже можно найти скромное пристанище. У нее еще оставалось немного драгоценностей и платье из золотой парчи. Интересно, сколько за все это можно выручить?

Ребенок у нее под сердцем уже начал шевелиться, но она о нем почти не думала и не испытывала того трепета, как в первый раз, когда ждала Флоримона. Радость, охватившая ее поначалу, когда она поняла, что беременна, сменилась тревогой: ведь появление второго ребенка в такой момент — почти катастрофа. Впрочем, зачем заглядывать так далеко вперед, надо стараться сохранить мужество.

Следующий день принес некоторую надежду в лице пажа герцогини де Монпансье, который в великолепной светло-желтой замшевой ливрее, обшитой золотым позументом и черным бархатом, явился к Анжелике с запиской.

Даже на Ортанс это произвело впечатление.

Герцогиня просила Анжелику зайти к ней в Лувр во второй половине дня. На словах паж уточнил, что герцогиня живет теперь не в Тюильри, а в Лувре.

В назначенный час Анжелика перешла на другой берег Сены по мосту Парижской богоматери, к великому разочарованию Куасси-Ба, который поглядывал на Новый мост. Но у Анжелики не было ни малейшего желания протискиваться сквозь толпу торговцев и нищих.

У нее мелькнула было мысль попросить у Органс ее портшез на колесах, чтобы Куасси-Ба отвез ее и она не запачкала бы свое последнее нарядное платье, но, увидев надутое лицо сестры, передумала.

Платье Анжелики, сшитое из ткани двух цветов — оливкового и светло-зеленого, было легковато для осеннего дня, сырой ветер гулял по узким улочкам и по набережной, и она надела поверх шелковую, лилового цвета накидку.

Наконец она добралась до массивного дворца, на крышах и куполах которого, словно упираясь в низкое небо, торчали высокие трубы каминов, украшенные гербами.

Миновав внутренний двор, Анжелика по мраморной лестнице поднялась в апартаменты, которые, как ей сказали, теперь занимала герцогиня де Монпансье. Анжелика не могла сдержать дрожь, снова оказавшись в этих длинных галереях, мрачных, несмотря на лепные позолоченные квадраты потолка, на расписанные цветами панели, на дорогую ткань, которой были обиты стены. Слишком много было здесь темных закоулков, словно специально созданных для засады, для нападения. Каждый уголок этого старого королевского дворца, куда двор юного короля теперь пытался вдохнуть хоть немного веселья, хранил память о какой-нибудь ужасной, кровавой истории.

Некий мессир де Префонтен сказал Анжелике, что герцогиня де Монпансье находится сейчас у своего художника, в большой галерее, и предложил проводить ее туда.

Он с сосредоточенным видом шел рядом с Анжеликой. Это был человек средних лет, осторожный и рассудительный, советами которого герцогиня так дорожила, что вдовствующая королева, чтобы досадить ей, дважды добивалась изгнания несчастного.

Несмотря на тревожные мысли, которые одолевали ее, Анжелика заставила себя вступить с ним в беседу. Она спросила, каковы планы герцогини, не собирается ли она, как предполагала, в ближайшее время перебраться в Люксембургский дворец.

Мессир де Префонтен вздохнул. Герцогине взбрело в голову перестроить свои апартаменты в Люксембургском дворце, хотя они и без того хороши и в прекрасном состоянии. А пока что она переселилась из Тюильри в Лувр, не выдержав соседства с Филиппом Орлеанским, братом короля. С другой стороны, поскольку упорно

поговаривают о женитьбе брата короля на юной Генриетте Английской и о том, что новобрачные будут жить в Пале-Руайяле, герцогиня все еще надеется, что сможет вернуться в Тюильри.

— Не буду от вас скрывать, сударыня, но мое мнение таково: в Люксембургском ли дворце или в Тюильри, — все равно, лишь бы только не в Лувре, — сказал в заключение мессир де Префонтен.

И, склонившись к Анжелике, он доверительно прошептал ей в самое ухо:

— Что вы хотите, ведь мой дед и отец были протестантами. Да и сам я до десяти лет воспитывался в протестантской вере. И — тут уж ничего не поделаешь! — нет такого гугенота, которому доставляло бы удовольствие ходить по галереям Лувра. Конечно, прошло уже почти сто лет с той ужасной ночи святого Варфоломея, но мне иногда кажется, что на каменных плитах Лувра я вижу кровь. Мой дед со всеми подробностями рассказывал мне об этой трагедии. Ему было тогда двадцать четыре года, и он чудом уцелел во время этой резни. Вот, взгляните... из этого окна король Карл IX стрелял из аркебузы в сеньоров-протестантов, которые пытались спастись вплавь через Сену и добраться до Пре-о-Клер. Мой дед вспоминал, как Карл IX, бородатый, огромный, со зверски искаженным лицом кричал: «Убивай! Убивай всех! Не щади никого!» Всю ночь напролет в Лувре лилась кровь. Убивали в каждом закоулке, из всех окон выбрасывали трупы. Вы не гугенотка?

— Нет, сударь.

— В таком случае не знаю, почему я вам это рассказываю, — задумчиво проговорил мессир де Префонтен. — Сам я католик, но воспитание, полученное в детстве, оставляет глубокий след. С тех пор как я живу в Лувре, меня мучат по ночам кошмары. Я внезапно просыпаюсь от криков, которые мне слышатся из галереи: «Убивай! Убивай!» Меня неотступно преследует топот сеньоров-протестантов, бегством спасающихся от своих убийц... Честно говоря, сударыня, я даже думаю, уж не бродят ли по Лувру призраки... Кровавые призраки.

— Вам бы хорошо попить настой из каких-нибудь снотворных трав, мессир де Префонтен, — посоветовала Анжелика. Ей стало не по себе от его мрачных воспоминаний. Слишком свежо было в ее памяти неудачное покушение на нее, покушение, которое стоило жизни Марго,

чтобы она могла отнестись к рассказу мессира де Префонтена как к игре больного воображения.

Убийство, насилие, предательство, самые гнусные преступления притаились в чреве этого огромного дворца.

Вскоре Анжелика и мессир де Префонтен оказались в каком-то подвале, который находился под главной галереей. Со времен Генриха IV помещения здесь отводились для художников и некоторых ремесленников.

Здесь на содержании у короля жили со своими семьями ваятели, живописцы, часовщики, парфюмеры, резчики по драгоценным камням, кузнецы, ковавшие стальные мечи, самые искусные золотильщики, насекальщики, скрипичные мастера, мастера, изготавливавшие разные приборы для научных исследований, ковровщики, печатники. Из-за толстых, покрытых лаком деревянных дверей доносился грохот молотов по наковальне, стук станков, на которых ткали гобелены и турецкие ковры, глухие удары печатных станков.

Герцогиня де Монпансье заказала свой портрет художнику-голландцу. Это был рослый человек с русой бородой, ясными голубыми глазами и розовым, как ветчина, лицом. Скромный талантливый художник Ван Оссель боролся с капризами придворных дам с помощью своего невозмутимого характера и плохого знания французского языка. И хотя большинство знатных дам говорило ему «ты», как это было принято по отношению к слугам и ремесленникам, он все равно всегда умел настоять на своем.

Так, например, герцогине де Монпансье он поставил условие, чтобы на портрете одна грудь у нее была обнажена, и был по-своему прав — у этой могучей девицы по-настоящему красивой была именно грудь. И если предположить, что картина предназначена очередному претенденту на ее руку, то нельзя не согласиться, что эта белоснежная, округлая и такая соблазнительная выпуклость будет счастливым дополнением к ее приданому и великолепной родословной.

Герцогиня, задрапированная в темно-синий бархат с изломанными складками, увешанная жемчугом и другими драгоценностями, с розой в руке, улыбнулась Анжелике.

— Еще минутка, и я в вашем распоряжении, душенька. Ван Оссель, ты кончишь, наконец, мучить меня?

Художник что-то пробурчал себе в бороду и для вида положил еще несколько мазков, подсвечивая грудь, над которой он трудился с особым старанием.

Камеристка кинулась к герцогине де Монпансье, чтобы помочь ей одеться, художник передал кисти мальчику, судя по всему — сыну, который выполнял обязанности подмастерья. Ван Оссель внимательно оглядел Анжелику и сопровождавшего ее Куасси-Ба. Затем он снял шляпу и почтительно поклонился.

— Сударыня, угодно ли вам, чтобы я написал ваш портрет?.. О, это будет прекрасно! Лучезарная женщина и совершенно черный мавр. Солнце и ночь...

Анжелика с улыбкой отклонила его предложение. Сейчас неподходящий момент. Но может быть, когда-нибудь...

Она представила себе большую картину, которую повесит в гостиной их отеля в квартале Сен-Поль, когда она победительницей приедет туда вместе с Жоффреем де Пейраком. Эта мысль придала ей немного мужества и веры в будущее.

Когда они шли по галерее в апартаменты герцогини де Монпансье, та, взяв Анжелику под руку, со свойственной ей непосредственностью начала разговор.

— Я надеялась, дорогая моя, что после некоторых выяснений смогу сообщить вам хорошие вести и заверить вас, что арест вашего мужа — недоразумение, что его просто оговорил какой-нибудь придворный, чтобы выслужиться перед королем, или же оклеветал из мести один из просителей, которому граф де Пейрак отказал. Но теперь я стала опасаться, что дело весьма сложное и затянется надолго.

— Ваше высочество, умоляю, скажите, что вы узнали?

— Идемте ко мне, подальше от нескромных ушей.

Когда они уселись рядом на удобном диванчике, герцогиня продолжила разговор:

— По правде сказать, если не считать обычных придворных сплетен, я узнала очень мало, и именно отсутствие всяких сведений меня и волнует. Никто ничего не знает или предпочитает ничего не знать.

После некоторого колебания она, понизив голос, добавила:

— Ваш муж обвинен в колдовстве.

Анжелика, не желая огорчать добрую герцогиню, умолчала, что это ей уже известно.

— Само по себе это не страшно, — продолжала герцогиня де Монпансье, — и все можно было бы уладить без труда, если бы дело вашего мужа было передано в церковный суд, как того требует предъявленное ему обвинение. Не скрою, лично я считаю наше духовенство порою чересчур надоедливый, властолюбивый, но нельзя не признать, что их правосудие, рассматривающее дела, которые непосредственно касаются церкви, чаще всего бывает разумным и честным. Но дело вашего мужа, хотя вменяемая ему вина имеет самое непосредственное отношение к церкви, передано в светский суд. И это очень серьезно. О, здесь я не строю никаких иллюзий. Если суд состоится, в чем я отнюдь не убеждена, исход дела будет зависеть исключительно от состава суда.

— Вы хотите сказать, ваше высочество, что светские судьи могут проявить предвзятость?

— Все будет зависеть от того, кого назначат судьями.

— А кто их назначает?

— Король.

Прочтя испуг на лице молодой женщины, герцогиня встала и, положив ей руку на плечо, стала успокаивать ее. Она уверена, что все кончится хорошо. Но необходимо прояснить все до конца. Человека такого положения и такого звания, как граф де Пейрак, не сажают в одиночную камеру без всяких оснований. Она тщательно расспросила обо всем архиепископа Парижского, кардинала Гонди, который сам бывший фронтдист и весьма недоброжелательно относится к его преосвященству архиепископу Тулузскому.

Так вот, у этого самого кардинала Гонди, о котором никак не скажешь, что он снисходителен к деяниям своего соперника, столь могущественного в Лангедоке, герцогиня узнала, что архиепископ Тулузский, судя по всему, действительно был зачинщиком обвинения графа в колдовстве, однако впоследствии под давлением каких-то тайных сил он отказался от иска в пользу королевского суда.

— Архиепископ Тулузский и впрямь не предполагал, что дело пойдет так далеко, и, сам не веря в колдовство, во всяком случае в колдовство вашего мужа, был бы вполне удовлетворен, если бы церковный суд или же тулузский парламент вынесли графу порицание.

Но у него отняли «его» обвиняемого, прислав заготовленный заранее приказ об аресте за подписью короля.

Затем герцогиня сказала, что, беседуя с другими высокопоставленными лицами, она все больше убеждалась, что ведение дела Жоффрея де Пейрака в тулузском парламенте было умышленно не допущено кем-то из сильных мира сего.

— Это я узнала из уст самого господина Массно, уважаемого лангедокского магистрата, которого сейчас вызвали в Париж по какому-то таинственному поводу, и он предполагает, что именно по делу вашего мужа.

— Массно? — задумчиво переспросила Анжелика.

В ее памяти всплыл краснолицый человечек в бантах, который топтался на пыльной дороге в Сальсинь, угрожающе размахивая тростью и крича дерзкому графу де Пейраку: «Я напишу наместнику Лангедока... в Королевский совет...»

— Боже мой! — прошептала Анжелика, — Это же враг моего мужа!

— Я сама разговаривала с этим магистратом, — сказала герцогиня де Монпансье, — и, хотя он низкого происхождения, он показался мне человеком весьма честным и достойным. Он и сам опасается, что его назначат судьей по делу графа де Пейрака именно потому, что всем известно об их ссоре. Он говорит, что брань, которой обмениваются на дороге под палящим солнцем, не имеет никакого отношения к делам правосудия и ему будет чрезвычайно неприятно, если его заставят инсценировать видимость процесса.

Анжелика ухватила за слово — «процесс».

— Значит, процесс будет? Адвокат, с которым я советовалась, уверяет меня, что процесс — это уже своего рода достижение, особенно если добиться, чтобы дело разбирали парижский парламент. И тогда участие в суде этого Массно, который тоже является советником парламента, было бы обоснованным.

Герцогиня де Монпансье скорчила гримасу, которая отнюдь не украсила ее.

— Видите ли, деточка, я достаточно знакома со всяким крючкотворством и знаю, что такое судейские. Так вот, уж поверьте мне, парламентский суд ни к чему вашему мужу. Ведь почти все советники парламента — должники Фуке, нынешнего

суперинтенданта финансов, и они будут выполнять его приказы, тем более что он — бывший президент парижского парламента.

Анжелика вздрогнула. Фуке! Эта опасная белка сунула свою острую мордочку и сюда!

— Но при чем тут мессир Фуке? — спросила Анжелика неуверенным тоном. — Клянусь вам, мой муж не сделал ничего, что могло бы вызвать его ненависть. Кстати, он никогда его не видел!

Герцогиня снова покачала головой.

— Лично у меня на службе нет шпионов, которые следили бы за Фуке. Впрочем, в отличие от него я вообще этим не занимаюсь. Вот мой покойный отец — дело другое, он считал, что в нашем королевстве без шпионов не обойтись. Словом, я очень сожалею об этом из-за вашего мужа, но среди приближенных суперинтенданта у меня нет своих людей — ни мужчин, ни женщин. Но насколько я поняла из разговоров брата короля, которого, как я подозреваю, тоже содержит суперинтендант, ваш муж и вы знаете какую-то тайну, касающуюся Фуке.

У Анжелики оборвалось сердце. Должна ли она во всем признаться своей знатной покровительнице? Она уже готова была сделать это, но вовремя вспомнила, что герцогиня не отличается ни так-том, ни умением держать язык за зубами. Лучше подождать и посоветоваться с Дегре.

Она вздохнула и, отведя взгляд, проговорила:

— Что я могу знать об этом могущественном сановнике, если я никогда даже в глаза его не видела? Помню только, что, когда я была девочкой, в Пуату поговаривали о каком-то заговоре знати, в котором были замешаны мессир Фуке, принц Конде и другие вельможи. А вскоре после этого была Фронда.

Даже это было весьма рискованно говорить герцогине де Монпансье... Но та не почувствовала недомолвки и добавила, что ее отец тоже всю жизнь занимался заговорами.

— В этом заключался его основной порок. А вообще-то он был человеком слишком добрым и мягким, чтобы взять в свои руки бразды правления. Но в заговорах он был непревзойденным мастером. Он тоже мог оказаться в лагере Фуке, в ту пору еще не очень-то известной личности. Но мой отец был богат, а Фуке только начинал свою карьеру.

Моего отца никто не посмеет обвинить в том, что он участвовал в заговорах, движимый корыстными интересами.

— А мой муж разбогател, не участвуя ни в каких заговорах, — слабо улыбнулась Анжелика. — Может быть, именно это и вызывает подозрение...

Герцогиня не стала оспаривать эту догадку. Она добавила, что с точки зрения двора нелюбовь к придворной куртуазности — большой недостаток. Но тем не менее это не является основанием для приказа о заключении в одиночную камеру, подписанного самим королем.

— Ваш муж наверняка знает что-то еще, — с уверенностью сказала герцогиня. — Но как бы там ни было, помочь может только король. О, с ним нелегко иметь дело! Он прошел с Мазарини неплохую школу флорентийской дипломатии. Он может улыбаться, может даже пустить слезу, ведь он человек чувствительный... и в то же время готовить кинжал, которым заколют его друга.

Увидев, что Анжелика побледнела, герцогиня обняла ее за плечи и весело сказала:

— Полно, я, как всегда, пошутила. Не надо принимать меня всерьез. В нашем королевстве меня никто больше не принимает всерьез. Итак, давайте подведем итог: вы хотите увидеться с королем?

Резкие переходы от отчаяния к надежде сделали свое дело — Анжелика не выдержала, бросилась в ноги герцогине, и обе женщины разрыдались.

Успокоившись, герцогиня де Монпансье предупредила Анжелику, что опасное свидание уже назначено и король примет графиню де Пейрак через два часа.

Анжелика не только не пришла в смятение от этой вести, но даже, наоборот, ощутила вдруг удивительное спокойствие. Итак, сегодня — решающий день.

Времени сходить домой в квартал Сен-Ландри уже не оставалось, и она попросила у герцогини разрешения воспользоваться ее пудрой и румянами, чтобы привести себя в порядок. Герцогиня предоставила в ее распоряжение одну из своих камеристок.

Стоя перед туалетным столиком, Анжелика разглядывала себя в зеркале. Достаточно ли она еще хороша, чтобы расположить к себе короля?

В талии она немного раздалась, лицо ее, раньше по-детски пухлое, осунулось и побледнело, а под глазами появились темные круги. Однако после придирчивого осмотра она пришла к выводу, что удлинённый овал лица и глаза, увеличенные сиреневой тенью, в общем, делают ее даже интересней. Они придают ее лицу что-то драматическое, волнующее, и это не лишено очарования.

Она слегка подрумянилась, прилепила у виска черную бархатную мушку, камеристка причесала ее.

Немного погодя она еще раз взглянула на себя в зеркало — зеленые глаза ее сверкали, как у кошки в темноте ночи.

— Это не я! — прошептала она. — Но все же эта женщина очень хороша. О, король не может остаться равнодушным! Но вот смирения — увы! — смирения мне не хватает. Боже, помоги мне быть смиренной перед ним!

Глава 34

Анжелика склонилась в глубоком реверансе и с бьющимся сердцем выпрямилась. Перед нею стоял король. Толстый шерстяной ковер заглушил стук его высоких лакированных деревянных каблучков.

Анжелика заметила, что дверь маленького кабинета закрыта, и поняла, что осталась с государем наедине. Она почувствовала смутение, почти панический страх. До сих пор она видела короля только в окружении огромной толпы. Он казался ей каким-то ненастоящим, искусственным; он был словно актер на театральных подмостках.

А сейчас она реально ощущала присутствие рядом с собой молодого человека, довольно плотного, с темными густыми волосами, присыпанными рисовой пудрой, от которой исходил тонкий аромат. И это был король.

Она заставила себя поднять глаза. Людовик XIV стоял перед нею важный и бесстрастный. Казалось, он пытается припомнить имя посетительницы, хотя герцогиня де Монпансье только что назвала его. Анжелика чувствовала, как холодный взгляд короля парализует ее.

Она не знала, что Людовик XIV, не унаследовав простоты своего отца, короля Людовика XIII, унаследовал его застенчивость. Он обожал роскошь и почести и всячески старался подавить в себе чувство неполноценности, которое было столь несовместимо с величием его титула. И хотя он уже был женат и любил поухаживать за дамами, при первой встрече с женщиной, да еще женщиной красивой, он не мог преодолеть робости.

А Анжелика действительно была красива. Особенно хороши были — она даже не подозревала об этом — гордая посадка головы и сдержанный, но в то же время смелый взгляд, который мог бы показаться дерзким, вызывающим, если бы в нем не сквозила наивность, присущая существам юным и искренним. Улыбка еще больше раскрывала ее доверчивую, полную любви к жизни и к людям душу.

Но сейчас Анжелика не улыбалась. Она должна была ждать, пока заговорит король, и от этого затянувшегося молчания в горле у нее

застрял комок.

Наконец, король решился.

— Сударыня, я вас не узнал, — немного схитрил он. — Вы сегодня не в том чудесном золотом платье, что было на вас в Сен-Жан-де-Люзе.

— Да, сир, и мне очень стыдно, что я предстала перед вами в таком простом и далеко не новом платье. Но это единственное, что у меня осталось. Ведь ваше величество знает, что на все мое имущество наложен арест.

Лицо короля приняло ледяное выражение. Потом он вдруг все-таки улыбнулся.

— Вы сразу же решили перейти к делу, сударыня. Впрочем, вы правы. Вы мне напомнили, что королю дорога каждая минута и он не может тратить время на пустую болтовню. Однако это немного сурово, сударыня.

Легкая краска залила бледное лицо молодой женщины, и она смущенно улыбнулась.

— Я была далека от мысли напоминать вам о тех многочисленных обязанностях, которыми вы обременены, сир. Я простодушно ответила на ваш вопрос. Мне бы не хотелось, чтобы ваше величество сочли за небрежность мое появление перед вами в поношенном платье и с такими скромными драгоценностями.

— Я не отдавал приказа наложить арест на ваше личное имущество. Напротив, я даже специально оговорил, чтобы госпожу де Пейрак оставили на свободе и ни в чем не притесняли.

— Я бесконечно благодарна вам, ваше величество, за внимание, которое вы проявили ко мне, — ответила Анжелика, приседая, — но у меня нет ничего, что принадлежало бы лично мне, и, стремясь поскорее узнать о судьбе мужа, я поспешила в Париж, захватив с собой лишь малую толику вещей да кое-какие драгоценности. Но я пришла вовсе не жаловаться вам на свое бедственное положение, сир. Меня заботит лишь судьба моего мужа.

Она умолкла, сжав губы, чтобы удержать поток вопросов, которые готовы были сорваться с языка: «Почему вы арестовали его? В чем вы его обвиняете? Когда вы вернете его мне?»

Людовик XIV смотрел на нее с нескрываемым любопытством.

— Должен ли я понять вас так, сударыня, что вы, такая красавица, и впрямь влюблены в своего колченогого, отвратительного супруга?

Презрительный тон монарха, словно кинжалом, полоснул Анжелику по сердцу. Она почувствовала невыносимую боль. В глазах ее вспыхнуло негодование.

— Как можете вы так говорить? — с жаром воскликнула она. — Вы же слышали его, сир! Вы слышали Золотой голос королевства!

— Да, в его голосе есть очарование, против которого трудно устоять.

Король подошел к Анжелике и вкрадчивым голосом продолжал:

— Значит, это правда, что ваш муж обладает даром околдовывать всех женщин, даже самых холодных. Мне говорили, что он так горд этим даром, что даже решил создать своего рода школу, назвал свой замок Отелем Веселой Науки и устраивал там сборища, на которых царили разгул и бесстыдство.

«Уж во всяком случае, не такое бесстыдство, как у вас в Лувре», — чуть было не вырвалось у Анжелики. Но она взяла себя в руки.

— Вашему величеству не правильно истолковали смысл этих празднеств. Моему мужу нравилось возрождать в своем Отеле Веселой Науки давние традиции провансальских трубадуров, которые воспитывали галантность по отношению к дамам, превращая это чуть ли не в культ. Конечно, беседы носили и фривольный характер, поскольку говорили о любви, но все — в рамках приличия.

— И вы не ревновали, сударыня, видя, как столь любимый вами муж предается разврату?

— Я никогда не замечала, чтобы он предавался разврату, я имею в виду то, что называете развратом вы, сир. Древние традиции трубадуров учат хранить верность женщине, своей избраннице, будь то законная жена или любовница. Его избранницей была я.

— Однако вы долго не желали смириться с его выбором. Почему же на смену вашему отвращению пришла вдруг столь страстная любовь?

— О, я вижу, ваше величество интересуют малейшие подробности интимной жизни ваших подданных, — сказала Анжелика, на этот раз не сумев скрыть иронии.

Все в ней клокотало от ярости. Ей безумно хотелось бросить ему в лицо что-нибудь очень оскорбительное. Ну, к примеру, спросить:

«Может, ваши шпионы каждое утро сообщают вам, кто из знатных подданных королевства ночью занимался любовью?»

Она с большим трудом сдержалась и опустила голову, боясь, что выражение лица выдаст ее чувства.

— Сударыня, вы не ответили на мой вопрос, — ледяным тоном напомнил король.

Анжелика провела ладонью по лбу.

— Почему я полюбила этого человека? — прошептала она. — Наверно, потому, что он наделен достоинствами, благодаря которым женщина чувствует себя счастливой, став его рабой.

— Значит, вы признаете, что ваш муж вас околдовал?

— Я прожила с ним пять лет, сир, и готова поклясться на Евангелии, что он не колдун и не волшебник.

— А вы знаете, что его обвиняют в колдовстве?

Анжелика молча кивнула головой.

— И дело не только в его странном влиянии на женщин, но и в весьма подозрительном происхождении его огромного состояния. Говорят, он вступил в сделку с сатаной и получил от него секрет превращения металлов в золото.

— Сир, пусть мой муж предстанет перед судом, и тогда он без труда докажет, что стал жертвой ошибочных убеждений алхимиков, придерживающихся давно устаревших взглядов, приносящих в наше время больше вреда, чем пользы.

Лицо короля немного смягчилось.

— Согласитесь, сударыня, что и вы и я мало смыслим в алхимии. Однако не скрою, что те объяснения, которые мне дали по поводу дьявольских методов, применяемых мессиром де Пейраком, весьма туманны и требуют уточнения.

У Анжелики чуть не вырвался вздох облегчения.

— Как я счастлива, сир, слышать из ваших уст слова, исполненные такого понимания и великодушия!

В тонкой улыбке короля промелькнула тень недовольства.

— Не будем забегать вперед, сударыня. Я сказал только, что просил представить мне дополнительные сведения по поводу этих превращений.

— Но в том-то все и дело, сир, что мой муж никогда не занимался никакими превращениями. Он просто разработал способ извлекать с

помощью расплавленного свинца из некоторых горных пород мельчайшие крупинки золота, которые там содержатся. И, применив этот способ на практике, он разбогател.

— Если его способ честный и чистый, то совершенно естественно было бы раскрыть его секрет и своему королю, а граф никогда ни словом никому не обмолвился о нем.

— Сир, я была свидетельницей того, как он от начала до конца продемонстрировал его нескольким сеньорам, а также доверенному лицу архиепископа Тулузского. Но этот способ применим лишь к некоторым породам, к так называемым золотоносным жилам, которые, в частности, есть в Пиренеях, да к тому же применять его умеют только саксонские мастера. Короче, граф может поделиться не какой-то кабалистической формулой, а своими знаниями в этой области, новыми открытиями и значительными доходами.

— Но он, конечно, предпочитал хранить в тайне свой способ, который сделал его богачом и в то же время служил предлогом, чтобы принимать у себя чужестранцев — испанцев, германцев, англичан и еретиков из Швейцарии. И таким образом он мог свободно подготавливать мятеж в Лангедоке.

— Мой муж никогда не устраивал заговоров против вашего величества.

— Однако высокомерие и независимость, которые он выказывал, говорят о другом. Согласитесь, сударыня, что дворянин, который ничего не просит у короля, — явление не вполне нормальное. Но если этот дворянин к тому же еще и хвастается тем, что не нуждается в своем монархе, то это переходит все границы.

Анжелику начал бить озноб. Приняв смиренный вид, она попыталась объяснить, что Жоффрей — оригинал, что из-за своего физического недостатка он не мог вести образ жизни, обычный для людей его круга, и поэтому решил взять реванш в науке, чего и достиг благодаря своему уму и знаниям.

— Ваш муж хотел создать государство в государстве, — сурово отрезал король. — Он отвергал и религию. Не знаю, чернокнижник он или нет, но, во всяком случае, он стремился властвовать с помощью денег и роскоши. С тех самых пор, как его арестовали, в Тулузе, да и во всем Лангедоке происходят бурные волнения. Не думайте, сударыня, что я подписал приказ о его аресте, не имея к тому более

серьезных оснований, чем обвинение в колдовстве. Хотя оно и вызывает тревогу само по себе, еще страшнее те роковые последствия, которые оно влечет за собой. У меня имелись веские доказательства измены графа.

— Изменники всюду видят измену, — медленно проговорила Анжелика, и ее зеленые глаза метнули молнии. — Если ваше величество назовет мне имена тех, кто так оклеветал графа де Пейрака, то я уверена, что обнаружу среди них лиц, которые еще совсем недавно действительно участвовали в заговоре против королевской власти и даже посягали на жизнь вашего величества.

Людовик XIV выслушал ее с бесстрастным видом, но все же лицо его едва заметно омрачилось.

— Вы берете на себя большую смелость, сударыня, судить о том, кому я должен доверять. Злобные, но укрощенные и закованные в цепи животные мне нужнее, чем надменный, независимый вассал, который живет вдали от двора и того и гляди станет соперником. Пусть судьба вашего мужа послужит уроком для всех тех сеньоров, которые пытаются поднять голову. Посмотрим, сумеет ли он своим золотом подкупить судей, придет ли ему на помощь сатана. Я защищу мой народ от губельного влияния тех знатных дворян, которые притязают на безраздельную власть над телами и душами подданных королевства и даже самого короля.

«Мне следует с рыданиями броситься ему в ноги», — подумала Анжелика.

Но она не могла заставить себя сделать это. Король в ее глазах перестал быть королем. Она видела просто молодого человека, своего ровесника — ему тоже было двадцать два года, — и она испытывала непреодолимое желание схватить его за кружевное жабо и потрясти, как трясут оливковое дерево.

— Так вот каково правосудие короля, — проговорила она срывающимся голосом, который сама не узнала. — Вас окружают убийцы в напудренных париках, разбойники с плюмажами, льстивые и подлые вымогатели. Фуке, Конде, разные там Контти, Лонгвилли, Бофоры... Человек, которого я люблю, никогда не был изменником. Он преодолел самые страшные невзгоды, он отдавал в королевскую казну золото, которое нажил благодаря своему гению, ценой огромных

усилий и неутомимого труда. Он ни у кого ничего не просил. Вот этого ему никогда не простят...

— Да, этого ему никогда не простят, — как эхо повторил за ней король.

Он подошел к Анжелике и с силой схватил ее за руку, выдав ярость, клокодавщую в нем, хотя лицо его выражало подчеркнутое спокойствие.

— Сударыня, вы выйдете из этой комнаты свободно, хотя я мог бы приказать арестовать вас. Помните об этом всегда, когда вам придет в голову усомниться в милосердии короля. Но будьте осторожны! Я не желаю больше слышать о вас, иначе я буду безжалостен. Ваш муж — мой вассал. Так дайте же возможность свершиться королевскому правосудию. Прощайте, сударыня!

Глава 35

«Все погибло!.. По моей вине!.. Я погубила Жоффрея...» — твердила себе Анжелика.

В полной растерянности она бежала по галереям Лувра. Надо найти Куасси-Ба! Надо повидаться с герцогиней де Монпансье!.. Охваченная ужасом, она тщательно искала дружеской поддержки. Но все, кто встречался ей на пути, были глухи и слепы, как тени, как какие-то бесплотные существа, явившиеся из другого мира.

Надвигалась ночь, а с нею и октябрьская буря, которая врвалась в окна, пригибая пламя свечей, свистела под дверьми, колыша драпировки.

Колоннады, маскароны, огромные, величественные, погруженные во мрак лестницы, переходы, галереи, каменные плиты пола, позолоченная мебель, зеркала, карнизы... Анжелика блуждала по Лувру, словно по темному лесу или по какому-то странному лабиринту, из которого нет выхода.

В надежде найти Куасси-Ба она спустилась вниз и вышла в какой-то дворик, но ее остановил проливной дождь — из водосточных труб с грохотом низвергались потоки воды.

Под лестницей, спасаясь от дождя, у жаровни грелись итальянские комедианты, которые вечером должны были играть перед королем. Красный отсвет пылающих углей падал на пестрые костюмы Арлекинов, на их черные маски, на белые одежды Панталоне и его клоунов.

Вернувшись на второй этаж, Анжелика увидела наконец знакомое лицо. Это был Бриенн. Он сказал ей, что встретил мессира де Префонтена у юной принцессы Генриетты Английской, возможно, он скажет Анжелике, где находится сейчас герцогиня де Монпансье.

У принцессы Генриетты за столами шла крупная игра в карты. В просторной гостиной от весело горевших восковых свечей было тепло. Анжелика увидела д'Анджоса, Пегилена, д'Юмьера и де Гиша. Они были поглощены игрой, а может быть, просто делали вид, что не замечают госпожу де Пейрак.

Мессир де Префонтен смаковал у камина рюмку ликера. Он сказал, что герцогиня де Монпансье пошла в апартаменты Анны Австрийской сыграть в карты с юной королевой. Ее величество королева Мария-Терезия утомлена, стесняется своего дурного французского языка и потому предпочитает держаться в стороне от молодых придворных, не отличающихся снисходительностью. Герцогиня де Монпансье каждый вечер приходит к ней составить партию в карты. Герцогиня — добрая душа, но поскольку юная королева рано ложится почивать, то вполне вероятно, что герцогиня вскоре заглянет к своей кухне Генриетте. И уж во всяком случае, она пришлет за мессиром де Префонтеном, так как никогда не засыпает, не проверив вместе с ним свои счета.

Анжелика, решив дождаться ее, подошла к столу, на который лакеи поставили блюда с холодными закусками и всевозможными сладостями. Она всегда немного стыдилась своего аппетита, он не пропадал у нее даже в самые трудные минуты. Подбодренная мессиром де Префонтеном, она присела к столу, взяла крылышко цыпленка, два яйца в желе, разных пирожков и варенья. Поев, она попросила у пажа серебряный кувшинчик с водой, чтобы ополоснуть пальцы, и присоединилась к играющим. Денег у нее было немного. Вскоре счастье улыбнулось ей, и она начала выигрывать. Это ее обрадовало. Если ей удастся наполнить свой кошелек, сегодняшний день не будет окончательно пропащим. Она целиком отдалась игре. Столбики монет перед нею все увеличивались. Рядом с нею кто-то из проигрывавших полушутливо-полусерьезно заметил:

— Удивляться нечему, это же маленькая колдунья.

Она проворно сгребла к себе его ставку, и только через несколько секунд до нее дошел его намек. Значит, слух об опале Жоффрея распространяется. Игроки начали перешептываться, сообщая друг другу, что графа де Пейрака обвиняют в колдовстве. Но Анжелика упорно продолжала сидеть у стола.

«Я уйду лишь тогда, когда начну проигрывать. О, если бы я могла разорить их всех и выиграть столько золота, чтобы подкупить судей...»

В тот момент, когда она в очередной раз бросила на стол трех наглых тузов, чья-то рука скользнула по ее талии и слегка ущипнула ее.

— Зачем вы вернулись в Лувр? — прошептал ей на ухо маркиз де Вард.

— Конечно, не для того, чтобы увидаться с вами, — ответила Анжелика, не глядя на маркиза, и резко отстранилась.

Маркиз взял карты, машинально разложил их.

— Вы сошли с ума, — продолжал он тихо. — Вы очень хотите, чтобы вас убили?

— Вас совершенно не касается, чего я хочу.

Маркиз сыграл партию, проиграл, сделал новую ставку.

— Послушайте, еще не поздно. Идите за мной. Я прикажу дать вам охрану из швейцарцев, они проводят вас домой.

На этот раз Анжелика подняла на него взгляд, полный презрения.

— Я не доверяю вашему покровительству, мессир де Вард, и вы знаете, почему.

Скрывая досаду, он раскрыл свои карты.

— Да, право, глупо с моей стороны волноваться за вас, — сказал он и, помолчав, со злобной гримасой добавил:

— Вы принуждаете меня играть несвойственную мне роль. Но если иначе вас не образумить, я напоминаю вам: у вас есть сын. Немедленно уходите из Лувра и главное — постарайтесь не попасться на глаза брату короля!

— Я не сдвинусь с места, пока вы будете находиться поблизости, — спокойно ответила Анжелика.

Маркиз судорожно стиснул пальцы рук, но внезапно поднялся из-за стола.

— Хорошо, я ухожу. И вы поторопитесь сделать то же самое. Речь идет о вашей жизни.

Анжелика видела, как он, раскланиваясь направо и налево, подошел к двери и скрылся за ней.

Анжелика в смятении продолжала сидеть за столом. Страх холодной змеей заползал в ее душу. А вдруг де Вард устроил ей новую западню? Он способен на все. И в то же время сегодня в голосе этого циника слышались непривычные для него нотки. Он напомнил ей о Флоримоне, и Анжелика вдруг почувствовала щемящую тревогу за сына. Перед ее глазами возник прелестный малыш в красном чепчике, который топчет в своем длинном вышитом платьице, зажав в руке серебряную погремушку. Что станет с ним, если ее не будет?

Анжелика положила карты на стол и ссыпала в кошелек золотые монеты. Она выиграла тысячу пятьсот ливров. Взяв со спинки кресла свою накидку, она поклонилась принцессе Генриетте, которая равнодушно кивнула ей в ответ.

Анжелика с сожалением покинула свое убежище — теплую и светлую гостиную. Дверь за ее спиной хлопнула от сквозняка. В галерее свистел ветер, колыша пламя свечей, которые, казалось, были объаты безумной паникой. Тени и пламя танцевали, словно в экстазе. Потом наступило затишье, ветер жалобно завывал где-то далеко, и в галерее все замерло.

Спросив дорогу у швейцарца, который стоял на карауле у входа в апартаменты принцессы Генриетты, Анжелика быстро зашагала по галерее, кутаясь в накидку. Она старалась подавить в себе страх, но в каждом закоулке ей чудились какие-то подозрительные тени. Подойдя к тому месту, где галерея сворачивает под углом, она замедлила шаги. Непреодолимый ужас сковывал ее.

«Они там», — подумала она.

Она никого не видела, но по полу стелилась чья-то тень. Теперь уже не могло быть никаких сомнений — кто-то подкарауливал ее.

Анжелика замерла. В углу что-то шевельнулось, и человек в темном плаще и глубока надвинутой на глаза шляпе медленно направился к Анжелике, преграждая ей путь. Анжелика прикусила губу, чтобы не закричать, стремительно повернулась и поспешила назад.

Кинув взгляд через плечо, она увидела, что их было уже трое и они преследовали ее. Анжелика ускорила шаг. Но эти трое нагоняли ее. Тогда она помчалась быстрее лани.

И не оборачиваясь, она знала, что они устремились в погоню за ней. Она слышала за своей спиной их шаги, хотя, стараясь приглушить топот ног, они бежали на цыпочках. Это была молчаливая, фантастическая — словно в каком-то кошмаре — погоня через пустынные галереи огромного дворца.

Неожиданно справа от себя Анжелика заметила приоткрытую дверь. Она только что завернула за угол галереи, и преследователи не видели ее сейчас.

Она юркнула в комнату, закрыла за собой дверь и задвинула щеколду. Ни жива ни мертва, она прислонилась к дверному косяку.

Она услышала торопливые шаги своих мучителей, их прерывистое дыхание. Потом все стихло.

Шатаясь от волнения, Анжелика подошла к кровати и ухватилась за спинку. Постель была пуста, но, видимо, кто-то вскоре должен был прийти сюда — она была расстелена. В камине пылал огонь, освещающая комнату, на столике у изголовья горел ночник, наполненный маслом.

Прижав руку к груди, Анжелика перевела дыхание.

«Во что бы то ни стало я должна выбраться из этого осинового гнезда», — твердила она себе.

Как опрометчиво она поступила, вообразив, что если ей удастся уцелеть после первого покушения на нее в галереях Лувра, то удастся и во второй раз.

Герцогиня де Монпансье, конечно же, не знала, какой опасности подвергает она Анжелику, снова пригласив ее в Лувр. Да и сам король, Анжелика была уверена в этом, не подозревал о преступлении, которое замышлялось в стенах его дворца. Но над Лувром простиралась невидимая власть Фуке. И вот теперь, боясь как бы тайна, известная Анжелике, не обратила в прах его баснословное богатство, суперинтендант призвал на помощь Филиппа Орлеанского, душу которого он купил, посеял тревогу в сердцах тех, кто жил на его, Фуке, деньги и одновременно курил фимиам королю. Арест графа де Пейрака — лишь начало. Исчезновение Анжелики завершит этот благоразумный маневр. Только мертвые умеют молчать.

Анжелика стиснула зубы. Яростное упорство овладело ею. Нет, она не даст себя убить.

Она обежала взглядом комнату, ища другую дверь, через которую можно было бы незаметно выйти.

Но вдруг глаза ее округлились от ужаса.

Перед ней зашевелилась обивка стены. Она услышала, как в замочной скважине щелкнул ключ. Потайная дверь медленно отворилась, и в комнату вошли трое мужчин, ее преследователи.

В том, который шел впереди, она без труда узнала брата короля.

Распахнув свой плащ, в который он кутался, чтобы не быть узнанным, он щелчком расправил на груди кружевное жабо. Он не сводил глаз с Анжелики, и его маленький рот с красными губами растянулся в холодной улыбке.

— Великолепно! — воскликнул он писклявым голосом. — Лань попала в западню. Но какая была погоня! Сударыня, вы можете гордиться своей резвостью.

Анжелика призвала на помощь все свое хладнокровие и, хотя ноги у нее подкашивались, даже сделала реверанс.

— Так это вы, ваше высочество, так напугали меня? А я-то подумала, что это какие-то злодеи или воры с Нового моста пробрались в Лувр, чтобы ограбить кого-нибудь.

— О, мне случалось ночью на Новом мосту разыгрывать грабителя, — самодовольно ответил Филипп Орлеанский, — и никто не может сравниться со мной в ловкости, когда я срезаю кошельки или протыкаю брюхо какого-нибудь богатого горожанина. Не правда ли, дорогой?

Он повернулся к одному из своих спутников, и, когда тот приподнял шляпу, Анжелика узнала шевалье де Лоррена. Не отвечая, фаворит его высочества приблизился и вытащил из ножен свою шпагу, на которую от камина упал красный отблеск.

Анжелика пристально вглядывалась в третьего преследователя, который держался немного в стороне.

— Клеман Тоннель, — проговорила она наконец, — Друг мой, что вы здесь делаете?

Лакей низко поклонился.

— Я на службе у его высочества, — ответил он.

И добавил, повинувшись привычке:

— Да простит мне госпожа графиня.

— Охотно прощаю, — сказала Анжелика, с трудом удерживаясь от нервного смеха. — Но зачем у вас в руке пистолет?

Бывший дворецкий смущенно посмотрел на свое оружие, но все же подошел ближе к кровати, у которой стояла Анжелика.

Филипп Орлеанский выдвинул ящичек столика на одной ножке, что стоял у изголовья кровати, и достал оттуда стаканчик, до половины наполненный какой-то черноватой жидкостью.

— Сударыня, — сказал он с пафосом, — вы должны умереть!

— В самом деле? — прошептала Анжелика.

Она смотрела на этих троих мужчин, стоявших перед нею, и ей казалось, будто она раздваивается. Где-то в глубине ее существа обезумевшая женщина ломала себе руки и кричала: «Сжальтесь, я не

хочу умирать!» — а другая женщина трезво размышляла: «Право, у них смешной вид! Все это просто глупая шутка!»

— Сударыня, вы вели себя с нами вызывающе, — продолжал Филипп Орлеанский, и нетерпеливая гримаса искривила его рот. — Вы умрете, но мы великодушны и предоставляем вам право выбора: яд, меч или пуля.

От яростного порыва ветра сотрясалась дверь, клуб едкого дыма вырвался из камина в комнату. Анжелика вскинула голову, с надеждой прислушалась.

— Нет, никто не придет, никто не придет! — усмехнулся брат короля. — Эта кровать — ваше смертное ложе, сударыня. Она приготовлена для вас.

— Но что я вам сделала, наконец? — воскликнула Анжелика, чувствуя, как от страха на висках ее выступил пот. — Вы говорите о моей смерти как о чем-то естественном, неотвратимом. Но я не могу согласиться с вами. Даже самый страшный преступник имеет право узнать, в чем его обвиняют, и защищаться.

— Самая искусная защита не отменит смертного приговора, сударыня.

— Ну что ж, если я должна умереть, то хотя бы скажите мне, почему, — с горячностью настаивала Анжелика. Ей нужно было любой ценой выиграть время. Юный принц бросил вопрошающий взгляд на своего дружка.

— Вообще-то, поскольку через несколько минут вас уже не будет в живых, я не вижу причины быть с вами излишне бесчеловечным, — проговорил он сладким голосом. — Сударыня, вы не так уж несведущи, как утверждаете. Вы великолепно догадываетесь, чей приказ привел нас сюда.

— Приказ короля? — воскликнула Анжелика с притворной почтительностью.

Филипп Орлеанский пожал хилыми плечами.

— Самое большее, на что способен король, — это засадить в тюрьму тех, зависть к кому в нем разжигают. Нет, сударыня, это приказ не его величества.

— Но кто же еще может приказать брату короля?

Принц вздрогнул.

— Я нахожу, что вы слишком дерзки, сударыня, так разговаривая со мной. Вы меня оскорбляете!

— А я нахожу, что вы, вся ваша семья слишком обидчивы, — ответила Анжелика с яростью, которая подавила в ней страх. — Вам оказывают почести, вам угождают, а вы оскорбляетесь, потому что тот, кто принимает вас, кажется вам богаче, чем вы. Вам преподносят подарки — какая дерзость! Вам недостаточно низко поклонились — опять дерзость! Не хотят, разоряя государство, выпрашивать милостыню, жить с протянутой рукой, как живет весь ваш придворный птичник, — оскорбительное высокомерие! Честно, до последнего су платят налоги — вызов! Вы просто сборище мелочных людишек, вы, и ваш брат-король, и ваша мать, и все ваши бесчестные предатели-родственники: Конде, Монпансье, Суассон, Гиз, Лоррен, Вандом...

Задохнувшись, Анжелика остановилась.

Приподнявшись на своих высоких каблуках, словно задиристый молодой петух, задетый за живое, Филипп Орлеанский взглянул на шевалье де Лоррена:

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы с такой оскорбительной неучтивостью отзывались о королевской семье?

Лицо шевалье де Лоррена исказила жестокая улыбка.

— Брань не убивает, ваше высочество. Итак, сударыня, пора кончать.

— Но я хочу знать, почему я умираю, — продолжала настаивать Анжелика.

И торопливо добавила, решившись на все, лишь бы выиграть несколько минут:

— Из-за мессира Фуке?

Филипп Орлеанский удовлетворенно улыбнулся.

— О, память вернулась к вам? Значит, вам известно, почему мессиру Фуке так необходимо ваше молчание?

— Я знаю лишь одно: несколько лет назад я сорвала заговор, целью которого было — уничтожить, отравить вас лично, ваше высочество, а также короля и кардинала. И теперь я горько сожалею об этом, сожалею, что мессиру Фуке и принцу Конде не удалось выполнить своих намерений.

— Итак, вы во всем признаетесь?

— Мне не в чем признаваться. Предательство этого лакея позволило вам узнать то, что знала одна я и что я доверила своему мужу. Некогда я спасла вам жизнь, ваше высочество, и вот ваша благодарность!

Тень колебания промелькнула на женственном лице юноши. Эгоист по натуре, он был особенно чувствителен ко всему, что касалось его особы.

— Что было, то прошло, — сказал он неуверенным голосом. — С тех пор мессир Фуке сделал для меня много добра. И я считаю своим долгом помочь ему устранить нависшую над ним угрозу. Поверьте, сударыня, я очень огорчен, но сейчас слишком поздно. Почему вы не приняли разумного предложения мессира Фуке, которое он сделал вам через госпожу де Бове?

— Но я поняла, что тогда мне пришлось бы оставить своего мужа на произвол судьбы.

— Безусловно. Такого человека, как граф де Пейрак, можно заставить молчать, только замуравив его в тюрьме. А вот женщина ради роскоши и поклонников быстро забывает то, что следует забыть. Но теперь все равно уже поздно. Итак, сударыня...

— А если я вам скажу, где находится ларец? — предложила Анжелика, схватив принца за плечи. — Вы и только вы, ваше высочество, будете владеть тайной, с помощью которой сможете держать в страхе и повиновении самого мессира Фуке, в ваших руках будет свидетельство измены стольких знатных вельмож, которые сейчас смотрят на вас свысока, не принимают вас всерьез...

Глаза принца загорелись, он облизнул языком губы. Но теперь уже шевалье де Лоррен схватил его и притянул к себе, словно вырывая из-под губительной власти Анжелики.

— Берегитесь, ваше высочество. Не дайте этой женщине уговорить себя. С помощью лживых обещаний она хочет выскользнуть из наших рук, оттянуть казнь. Пусть она лучше уносит свою тайну в могилу. Обладая ею, вы наверняка стали бы весьма могущественным, но дни ваши были бы сочтены.

Прижавшись к груди своего фаворита, счастливый от мысли, что находится под его защитой, Филипп Орлеанский размышлял.

— Как всегда, любовь моя, вы правы, — вздохнул он. — Ну что ж, выполним свой долг. Сударыня, что вы предпочитаете: яд, шпагу или

пистолет?

— И решайте поскорее, — с угрозой добавил шевадье де Лоррен, — иначе мы сделаем выбор сами.

Мелькнувшая было надежда угасла, и Анжелика снова оказалась перед жестокой реальностью, где для нее не было выхода.

Перед ней стояли трое мужчин. Малейшее ее движение предупредит либо шпага шевадье де Лоррена, либо пистолет Клемана. До шнура звонка ей не дотянуться. За дверью, в галерее, не слышались ничьи шаги. Щемящую тишину нарушал лишь треск поленьев в камине да стук дождя по стеклу. Сейчас убийцы набросятся на нее. Анжелика перевела взгляд с пистолета на шпагу. Нет, это верная смерть. Может, выбрать яд? Ведь она уже больше года принимает крошечную дозу яда, который приготавливал для нее Жоффрей.

Она протянула руку, стараясь, чтобы та не дрожала.

— Яд! — прошептала она.

Поднеся стакан ко рту, она заметила, что на дне его образовался осадок с металлическим блеском. Осторожно, стараясь не взболтать, она выпила едкую, жгучую жидкость.

— А теперь оставьте меня одну, — проговорила она, опустив стакан на столик.

Она не чувствовала никакой боли. «Наверно, ужин у принцессы Генриетты пока что защищает желудок от действия яда», — подумала Анжелика. Она еще не потеряла надежду ускользнуть от своих палачей и избежать мучительной смерти.

Она упала на колени перед принцем.

— Сжальтесь надо мной, ваше высочество. Пришлите ко мне священника. Я умираю, я уже не в силах даже ползти. Теперь вы можете быть спокойны, мне от вас не уйти. Но не дайте мне умереть без покаяния. Бог вам не простит, если вы бесчестно лишите меня последнего причастия.

И она принялась кричать душераздирающим голосом:

— Священника! Священника! Бог вам не простит!

Она увидела, что Клеман Тоннель побледнел и, отвернувшись, перекрестился.

— Она права, — растерянно сказал принц. — Какая нам польза от того, что мы лишим ее последнего утешения причастием?

Успокойтесь, сударыня. Я предвидел вашу просьбу. В соседней комнате находится священник, я сейчас пришлю его к вам.

— Уйдите, мессеры, — умоляла Анжелика жалобным, преувеличенно слабым голосом, держась рукой за живот, словно ее скрутило от острых приступов боли. — Сейчас я лишь хочу успокоить свою душу, примириться с судьбой. Но если перед моими глазами будет хоть один из вас, я чувствую, что не смогу простить своим врагам. О, как я страдаю! Боже, сжался надо мной!

Она откинулась назад и закричала истошным голосом. Филипп Орлеанский схватил шевалье де Лоррена за руку.

— Пошли скорее! Ей недолго осталось жить!

Дворецкий Клеман Тоннель выбежал из комнаты еще раньше.

Едва они вышли, Анжелика быстро вскочила на ноги и кинулась к окну. Ей удалось распахнуть его, в лицо ей ударил дождь. Она склонилась над темной пропастью.

В крошечной тьме Анжелика не увидела ничего, она не знала, высоко ли над землей находится окно, но, не раздумывая, взобралась на подоконник.

Прыжок, казалось, длился бесконечно. Она тяжело упала на кучу каких-то нечистот, погрузившись в нее, и, видно, благодаря этому ничего себе не сломала. Правда, острая боль в щиколотке заставила ее на мгновение подумать о переломе, но потом она поняла, что лишь подвернула ногу.

Держась за стену, она отошла на несколько шагов, засунула в горло прядь своих волос и вызвала обильную рвоту.

Она никак не могла сообразить, где находится. Пройдя вдоль стены, она, к своему ужасу, обнаружила, что оказалась в маленьком внутреннем дворике, заваленном нечистотами и мусором. Уж не попала ли она в западню?

К счастью, она нащупала какую-то дверь, которая открылась. В помещении, где она оказалась, было темно и сыро. Она уловила запах вина и плесени. Должно быть, это дворцовые службы рядом с винными погребами.

Анжелика решила подняться наверх. Она обратится за помощью к первому же караульному, которого встретит.. Да, но король прикажет ее арестовать и бросить в тюрьму. О боже, как же ей выбраться из этой мышеловки?

Когда Анжелика добралась до галереи, куда выходили жилые покои, она облегченно вздохнула. В нескольких шагах от себя, у дверей в покои принцессы Генриетты, она увидела швейцарца, у которого недавно спрашивала, как ей выйти из Лувра. В ту же секунду она увидела и другое: по галерее навстречу ей со шпагами в руках бежали шевалье де Лоррен и Филипп Орлеанский. Они знали, куда ведет единственный выход из дворика, в который выпрыгнула их жертва, и теперь спешили перерезать ей путь. Нервы ее не выдержали, и она в ужасе закричала.

Оттолкнув часового, Анжелика вбежала в гостиную и кинулась в ноги принцессе Генриетте.

— Спасите, принцесса, спасите, меня хотят убить!

Даже пушечный выстрел не привел бы это блестящее общество в большее смятение. Игроки повскакивали со своих мест и с изумлением уставились на молодую женщину с растрепанными волосами, в мокром, грязном, разорванном платье, которая так неожиданно нарушила их покой.

Совершенно обессилевшая, Анжелика озиралась, как затравленный зверек. Среди гостей она увидела маркиза д'Андижоса и Пегилена де Лозена.

— Мессире, защитите меня! — умоляюще простонала она. — Меня только что пытались отравить. А сейчас гонятся за мной, чтобы убить.

— Но где же они, ваши убийцы, моя дорогая? — нежным голосом спросила Генриетта Английская.

— Там!

Не в силах вымолвить больше ни слова, Анжелика указала на дверь.

Все повернулись к двери. На пороге стояли брат короля Филипп Орлеанский и шевалье де Лоррен. Они уже вложили свои шпаги в ножны, и вид у обоих был сокрушенный.

— Бедная Генриетта, — сказал Филипп Орлеанский, мелкими шажками подходя к кухне, — я очень удручен инцидентом. Эта несчастная сошла с ума.

— Я не сумасшедшая! Я повторяю вам: они хотят меня убить!

— Но, дорогая, подумайте только, что вы говорите, — попыталась успокоить ее принцесса. — Тот, кого вы называете убийцей, не кто

иной, как его высочество принц Орлеанский. Посмотрите как следует.

— Я достаточно на него насмотрелась! — крикнула Анжелика. — Я буду помнить это лицо всю жизнь. Ведь я же вам говорю, что он хотел меня отравить. Мессир де Префонтен, вы же честный человек, дайте мне какое-нибудь лекарство, молока, наконец, ну хоть чего-нибудь против этого страшного яда. Умоляю вас... Мессир де Префонтен!

Ошеломленный бедняга, что-то бормоча, бросился к ящичку с лекарствами и протянул молодой женщине коробку с пилюлями. Она поспешно проглотила несколько штук.

В гостиной царило полное смятение.

Филипп Орлеанский с искаженным от досады лицом пытался всех убедить.

— Уверяю вас, друзья, эта женщина потеряла рассудок. Ведь все вы знаете, что ее муж сейчас в Бастилии, он обвинен в страшном преступлении — в колдовстве! А эта несчастная, замороженная своим ужасным мужем, хочет доказать, хотя вина его очевидна, будто он невиновен. Его величество тщетно пытался сегодня переубедить ее, во время встречи с нею он проявил столько доброты...

— Ох уж эта королевская доброта! Королевская доброта!.. — ожесточенно выкрикнула Анжелика.

Еще немного, и она потеряет контроль над собой... Тогда ей конец!

Анжелика закрыла лицо руками, стараясь успокоиться.

Она слышала, как Филипп Орлеанский говорил голосом невинного юноши:

— И вдруг у нее начался поистине дьявольский припадок. В нее вселился бес. Король немедленно вызвал настоятеля монастыря августинцев, чтобы молитвами успокоить ее. Но она ухитрилась удрать. Чтобы избежать скандала, его величество не отдал приказа страже схватить ее, а поручил мне отыскать безумную и задержать до прихода монахов. Я в отчаянии, Генриетта, что она испортила вам вечер. Мне думается, самое благоразумное для всех вас будет продолжить игру в соседней гостиной, а я пока побуду с ней здесь, как велел мне брат...

Словно сквозь туман, Анжелика видела, как редела толпа теснившихся вокруг нее дам и придворных кавалеров.

Встревоженные, боясь не угодить брату короля, они спешили удалиться.

Анжелика протянула руки и, собрав последние силы, попыталась ухватить пальцами подол платья принцессы.

— Сударыня, — проговорила она беззвучным голосом, — вы не бросите меня на погибель?

Принцесса заколебалась и с тревогой взглянула на своего кузена.

— О Генриетта, неужели вы сомневаетесь во мне? — трагическим тоном спросил он. — Разве мы не поклялись доверять друг другу, разве нас не соединят скоро священные узы?

Белокурая Генриетта опустила голову.

— Доверьтесь его высочеству, дорогая, я убеждена, вам хотят лишь добра, — сказала она Анжелике и торопливо вышла из гостиной.

Анжелика была словно в бреду и от страха не могла вымолвить ни слова. Все еще стоя на ковре, преклонив колени, она повернулась к двери, за которой так быстро исчезли придворные. Она увидела бледных как смерть Бернара д'Анджоса и Пегилена де Лозена — они не решались выйти из комнаты.

— А вы, мессирсы, что же? — пронзительным голосом крикнул им Филипп Орлеанский. — Мой приказ в равной степени относится и к вам. Может быть, мне доложить королю, что вздор сумасшедшей внушает вам больше доверия, чем слова его родного брата?

Понурился головы, д'Анджос и Пегилен неохотно вышли из гостиной.

Это последнее предательство вдруг пробудило в Анжелике боевой дух.

— Труссы! Труссы! О, какие труссы! — крикнула она и, рывком вскочив на ноги, спряталась за спинку кресла.

Ей чудом удалось увернуться от шпаги шеваляе де Лоррена, но вторым ударом он полоснул ее по плечу, и у нее хлынула кровь.

— Анджос! Пегилен! Ко мне, гасконцы! — в неистовстве прокричала она. — Спасите меня от северян!

Дверь, ведущая в соседнюю гостиную, резко распахнулась. С обнаженными шпагами ворвались Пегилен де Лозен и маркиз д'Анджос. Они, прислушиваясь, стояли за приоткрытой створкой

двери, и теперь у них уже не было сомнений в чудовищных намерениях брата короля и его фаворита.

Одним ударом маркиз д'Анджос вышиб шпагу из рук Филиппа Орлеанского, поранив ему кисть.

Де Лозен скрестил свою шпагу с шевалье де Лорреном. Д'Анджос схватил Анжелику за руку.

— Бежим скорее!

Он увлек ее в галерею, где они сразу же натолкнулись на Клемана Тоннеля, но тот не успел даже вытащить пистолет, который прятал под плащом. Резким ударом д'Анджос проткнул ему горло шпагой. Клеман Тоннель рухнул, истекая кровью.

Маркиз и Анжелика бросились бежать как безумные.

За их спиной Филипп Орлеанский писклявым голосом призывал швейцарцев:

— Стража! Стража! Держите их! И вскоре они услышали топот бегущих вслед за ними людей, звон алебард.

— К главной галерее... — бросил д'Анджос. — В Тюильри... Там конюшни, лошади!.. И тогда — из города... Тогда спасены...

Несмотря на свою грузность, гасконец бежал с проворством, которого Анжелика даже не подозревала в нем. А сама она уже изнемогала. У нее ужасно болела нога, горело раненое плечо.

— Я сейчас упаду, — задыхаясь, проговорила она. — Я сейчас упаду!

И в этот момент они увидели одну из тех широких лестниц, что вели во дворики.

— Бегите вниз, — бросил д'Анджос, — и спрячьтесь там хорошенько. А я завлеку их как можно дальше.

Анжелика сбегала по лестнице, почти не касаясь каменных ступеней. Внезапно пламя жаровни заставило ее отпрянуть. И тут она рухнула на землю.

Арлекин, Коломбина и Пьерро подхватили ее, отнесли в свое убежище, как могли укрыли. Перед глазами Анжелики долго мелькали большие зеленые и красные ромбы их костюмов, потом она погрузилась в глубокий обморок.

Глава 36

Анжелика открыла глаза — вокруг все было залито нежно-зеленым светом. Она снова в Монтелу, на берегу реки, в тени деревьев, сквозь листву которых, окрашиваясь в зеленый цвет, проникали солнечные лучи. Она слышала голос своего брата Гонтрана. Он говорил ей:

— Никогда мне не получить такую зеленую краску, как листва и трава. Правда, если смешать каламин с персидским кобальтом, то можно добиться похожего цвета, но все равно тон получится слишком густой, в нем не будет той сияющей, изумрудной прозрачности освещенной солнцем листвы над рекой...

Голос Гонтрана звучал громко и хрипло, не так, как раньше, но угрюмые нотки остались прежними — они всегда появлялись, когда он говорил о своих красках или картинах.

Сколько раз он шептал, с ожесточением глядя в глаза сестры: «Никогда мне не получить такую зеленую краску, как листва и трава».

Острая боль под ложечкой заставила Анжелику вздрогнуть. И она сразу же вспомнила, что с ней произошло что-то ужасное.

«Боже мой, — подумала она, — мой ребеночек умер».

Да, он наверняка умер. Он не мог остаться живым после такого кошмара. Он умер, когда она выпрыгнула из окна в темную пропасть. Он умер, когда она мчалась по галереям Лувра... От этого безумного бега у нее до сих пор дрожали руки и ноги, от предельного напряжения колело сердце.

Собравшись с силами, она с трудом приподняла руку и положила ее себе на живот. Под ладонью что-то тихонько закопошилось.

«О, он шевелится, он жив! Какой же ты мужественный, мой дружок!» — с нежностью и гордостью подумала она.

Ребенок ворочался в ее животе, как лягушонок. Она нащупала пальцами его круглую головку. Мало-помалу сознание ее прояснилось, и она поняла, что лежит на широкой кровати с витыми столбиками и зеленым саржевым пологом, сквозь который просачивался голубовато-зеленый свет, и вот он-то и перенес Анжелику на берег реки в Монтелу.

Но это не дом Ортанс на улице Ада. Где же она? Она не могла ясно восстановить в памяти все, что с ней произошло, просто было ощущение, что нечто темное, мрачное давило ее, смутное воспоминание о какой-то чудовищной трагедии с черным ядом, мелькавшими, как молнии, шпагами, страхом и липкой грязью.

Но вот снова послышался голос Гонтрана:

— Никогда, никогда мне не найти краску цвета речной воды под листвой.

На этот раз Анжелика чуть не вскрикнула. Она сошла с ума, это ясно! Или это страшный бред?

Она приподнялась, раздвинула полог над кроватью. Зрелище, представшее ее глазам, окончательно убедило несчастную в том, что она лишилась разума.

Прямо перед ней на небольшом помосте лежала белокурая, розовая полуобнаженная богиня, держа в руке соломенную корзинку, из которой на бархатные подушки свисали роскошные грозди золотистого винограда. Маленький купидон, совершенно голенький, пухленький, в венке из цветов, косо надетом на светлые кудри, с увлечением щипал виноград. Купидон несколько раз чихнул, и богиня, тревожно взглянув на него, сказала несколько слов на каком-то непонятном языке, видимо языке Олимпа.

Тут же послышались чьи-то шаги, и бородатый рыжий великан, одетый в вполне современный костюм художника, подошел к купидону, взял его на руки и завернул в шерстяной плащ.

И тут Анжелика увидела мольберт художника Ван Оссея, около которого стоял молодой человек в кожаном переднике, по-видимому, подмастерье, держа в руках две палитры с яркими пятнами красок всех цветов.

Подмастерье, слегка склонив голову набок, рассматривал незаконченную картину своего мэтра. Тусклый дневной свет падал на его лицо. Он был среднего роста, внешне ничем не примечателен, в грубой холщовой рубаше с распахнутым воротом, обнажавшим загорелую шею, с небрежно подстриженными темно-русыми волосами до плеч и густой челкой, свисавшей на темные глаза. Но Анжелика узнала бы среди тысячи эти чуть надутые губы, этот дерзко вздернутый нос, этот спокойный тяжеловатый под; бородок, напоминавший ей отца, барона Армана.

— Гонтран! — окликнула брата Анжелика.

— Дама проснулась! — воскликнула богиня.

И тотчас же все, кто находился в комнате, в том числе пять или шесть детей, подбежали к кровати.

Подмастерье был ошеломлен. Он с изумлением смотрел на улыбающуюся ему Анжелику. Вдруг он густо покраснел, сжал своими выпачканными краской руками ее руку и прошептал:

— Сестренка!

Пышнотелая богиня, которая оказалась женой художника Ван Оссея, крикнула дочери, чтобы та принесла из кухни горячего молока с желтком и сахаром, которое она приготовила.

— Я рад, — говорил голландец, — я рад, что дама, которой я помог, оказалась не просто дамой, попавшей в беду, но еще и сестрой моего товарища.

— Но как я очутилась здесь? — спросила Анжелика.

Ван Оссель степенно рассказал, как накануне вечером их разбудил стук в дверь. При свете свечи он увидел итальянских комедиантов в блестящих атласных костюмах, на руках у которых лежала без сознания окровавленная полумертвая женщина. На своем темпераментном итальянском языке актеры стали умолять помочь несчастной. И им спокойно ответили по-голландски: «Мы с радостью окажем ей гостеприимство!»

Теперь Анжелика и Гонтран смотрели друг на друга с некоторым смущением. Наверно, прошло лет восемь с тех пор, как они расстались в Пуатье. Перед мысленным взором Анжелики всплыла картина прошлого: Раймон и Гонтран верхом на лошадях удаляются вверх по узкой и крутой городской улочке. Возможно, и Гонтран сейчас вспоминал трех покрытых дорожной пылью девочек, которые, прижавшись друг к другу, сидели в старой карете.

— Я видел тебя в последний раз в Пуатье, — сказал он, — когда ты, Ортанс и Мадлон приехали в монастырь урсулинок...

— Верно. А ты знаешь, что Мадлон умерла?

— Да, знаю.

— Помнишь, Гонтран, ты писал портрет старого Гийома?

— Старый Гийом умер.

— Да, мне отец писал...

— У меня до сих пор сохранился тот портрет. И я написал еще один, лучше... по памяти. Я тебе его покажу.

Гонтран сидел на краю постели, положив на кожаный передник, закрывавший колени, свои огрубевшие, перепачканные руки с въевшейся в кожу красной и синей красками, со следами кислот и солей, которые служили ему для изготовления красок, с мозолями от пестика, которым он с утра до вечера растирал в ступке свинцовый сурик, охры, оранжевый свинцовый глет, прибавляя к ним масло или соляную кислоту.

— Как же ты докатился до такой жизни? — с некоторой жалостью в голосе спросила Анжелика.

Обидчивый нос Гонтрана (фамильный нос де Сансе) сморщился, на лицо молодого человека набежала тень.

— Глупая! — сказал он, не церемонясь. — Если я до этого докатился, как ты изволила выразиться, то только потому, что сам того хотел. О, я вполне постиг науки, и иезуиты не пожалели сил, чтобы сделать из меня истинного дворянина, достойного продолжателя знатного рода, поскольку Жослен бежал в Америки, а Раймон вошел в знаменитый орден иезуитов. Но у меня тоже были свои планы. Я рассорился с отцом, ведь он настаивал, чтобы я пошел в армию служить королю. Он пригрозил, что иначе не даст мне ни гроша. И тогда я ушел из дому, побрел, как бродяга, пешком и поступил в Париже учеником к художнику. Сейчас кончается срок моего ученичества, и я отправляюсь бродить по Франции. Я буду ходить из города в город, постараюсь постичь все тайны ремесла живописцев и граверов. Чтобы прокормить себя, буду либо наниматься в подмастерья к художникам, либо писать портреты богатых горожан. А потом я куплю себе звание цехового мастера. Я стану знаменитым художником, Анжелика, я верю в это! Кто знает, может, мне поручат расписывать потолки Лувра!..

— И ты изобразишь на них ад, вечный огонь и дьяволов со скорченными рожами!

— Нет, я превращу их в голубое небо с освещенными солнцем облаками, и среди них — короля во всем его великолепии.

— Короля во всем его великолепии... — слабым голосом повторила Анжелика слова брата.

Она закрыла глаза. Она вдруг почувствовала себя гораздо взрослее своего брата — хотя он был старше ее годами, — потому что он сумел сохранить все свои детские мечты. Он не отказался от них, несмотря на холод, голод и унижения.

— А ты даже не спрашиваешь у меня, как я докатилась до такого состояния?

— Я просто не решаюсь спрашивать тебя, — смущенно ответил он. — Я знаю, что тебя насильно выдали замуж за ужасного, страшного человека. Отец был рад этому браку, но мы все очень тебя жалели, бедная моя Анжелика. Ты была очень несчастна?

— Нет. Но теперь я несчастна.

Она поколебалась, стоило ли ему рассказывать все. Стоит ли вносить смятение в душу брата, равнодушного ко всему, кроме своей работы, которая заморозила его. Много ли раз за все эти годы вспоминал он о своей маленькой сестренке Анжелике? Наверняка, не так уж часто — верно, тогда, когда приходил в отчаяние, что не может передать зелень листвы. Он и прежде ни в ком не нуждался, хотя и жил одной жизнью с ними.

— В Париже я поселилась у Ортанс, — добавила Анжелика, пытаясь пробудить в своей измученной душе родственные чувства.

— У Ортанс? Вздорная она! Я, когда приехал, пришел повидаться с ней. Боже мой, чего она мне только не наговорила! Она-де готова умереть от стыда, что я пришел к ней в таких грубых башмаках. «Ты даже без шпаги! — кричала она. — Как самый обыкновенный простолюдин-ремесленник!» Ну что ж, она права. Ты представляешь меня в кожаном переднике и со шпагой на боку? Да, я дворянин, но, если мне нравится писать картины, неужели ты думаешь, меня остановят подобные предрассудки? Плевать мне на них!

— Мне кажется, что все мы по натуре бунтовщики, — вздохнула Анжелика.

Она нежно взяла мозолистую руку брата.

— Наверно, ты немало бедствовал?

— Не больше, чем если бы служил в армии и носил шпагу, но тогда я еще был бы по уши в долгах, меня бы преследовали ростовщики. А сейчас я живу, зная, на что могу рассчитывать. И не жду, чтобы какой-нибудь вельможа в минуту расположения отвалил мне пенсию. Мой мастер не может меня обмануть, потому что мои

интересы охраняются гильдией. А если приходится уж совсем худо, я заскакиваю в Тампль к нашему брату-иезуиту и прошу у него несколько экю.

— Раймон в Париже? — воскликнула Анжелика.

— Да, живет в Тампле, хотя является капелланом бог знает скольких монастырей, и я не удивлюсь, если он станет духовником каких-нибудь знатных особ при дворе.

Анжелика задумалась. Вот чья помощь ей нужна! Раймон — духовное лицо, может быть, он примет все близко к сердцу, поскольку речь идет о его семье...

Несмотря на свежее еще воспоминание о тех опасностях, которых она только что избежала в Лувре, несмотря на приказ короля, у Анжелики даже мысли не мелькнуло о том, что она должна отказаться от борьбы. Но теперь она поняла — действовать надо крайне осторожно.

— Гонтран, — решительно сказала она, — отведи меня в таверну «Три молотка».

Гонтран не стал возражать сестре. Разве Анжелика не была всегда сумасбродкой? С какой ясностью он вспомнил ее девочкой — босая, до крови исцарапанная колючками, в разорванном платьице, диковатая, она возвращалась домой из своих таинственных походов, не говоря ни слова о том, где была.

Художник Ван Оссель посоветовал дождаться темноты или хотя бы сумерек, чтобы Анжелику не узнали. Уж ему-то, прожившему здесь долгие годы, было известно, какие происходят трагедии, какие интриги плетутся в Луврском дворце, — благодаря знатным заказчикам отголоски их докатывались и до его мастерской.

Марикье, жена художника, дала Анжелике свою юбку с корсажем из простого, дешевого сукна цвета беж, который называют цветом засохшей розы, повязала ей голову черным атласным платком, какие носят женщины из народа. Анжелику забавляло, что юбка была короче, чем юбки знатных дам, и била ее по щиколоткам.

Когда в сопровождении Гонтрана Анжелика вышла из Лувра через небольшую дверцу, которую называли «дверью прачек», потому что через нее от Сены к дворцу и обратно целый день сновали прачки, стиравшие белье для королевской семьи, она больше напоминала

миловидную женушку ремесленника, виснувшую на руке мужа, чем великосветскую даму, которая еще накануне беседовала с королем.

За Новым мостом под лучами заходящего солнца поблескивала Сена. Лошади, которых пригнали на водопой, входили в воду по самую грудь, громко ржали и фыркали. Баржи с сеном выстраивались вдоль берега, образуя длинную цепочку душистых стогов. С судна, прибывшего из Руана, выходили на вязкий берег солдаты, монахи, кормилицы.

Колокола звонили к вечерне. Продавцы трубочек и вафель бродили по улицам со своими корзинками, прикрытыми белыми тряпицами, и соблазняли игроков, сидящих в тавернах:

Кто проиграл,

Кликните нас.

Трубочки, трубочки, дешевые трубочки.

Проехала карета, впереди которой бежали скороходы и собаки. Огромный, зловещий, лиловый в свете надвигавшихся сумерек, на фоне красного неба вырисовывался Лувр со своими бесконечными галереями.

**ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
КОСТЕР НА ГРЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ
(сентябрь 1660 — февраль 1661 года)**

Глава 37

Из таверны, чугунная вывеска которой с изображением трех молотков, нависла над головами прохожих, доносилось громовое пение.

Анжелика и Гонтран спустились по ступенькам и очутились в накуренном, пропахшем соусами зале. В глубине через открытую дверь виднелась кухня, где над жаровнями с раскаленными углями медленно крутились вертела с нанизанными на них цыплятами.

Брат и сестра сели за столик, стоящий немного в стороне у окна, и Гонтран заказал вина.

— Выбери бутылку хорошего вина, — попросила Анжелика, выдавив из себя улыбку. — Платить буду я.

И она показала ему свой кошелек, в котором бережно хранила выигранные в карты полторы тысячи ливров.

Гонтран сказал, что он не привередлив и обычно довольствуется дешевым вином с виноградников, что раскинулись на парижских холмах. Вот по воскресеньям — дело другое, он пьет уже более прославленные вина: бордо, бургундское. Он специально отправляется ради этого в предместья, где оно стоит дешевле, так как еще не обложено ввозной городской пошлиной. Его так и называют — «кабацкое». И пьют в загородных кабачках. Такая воскресная прогулка — его единственное развлечение.

Анжелика поинтересовалась, ходит ли он туда с друзьями. Гонтран сказал, что нет. У него нет друзей, но ему нравится сидеть в увитой зеленью беседке и разглядывать лица ремесленников, их жен и детей. И он находит, что люди, в общем-то, существа добрые, симпатичные.

— Тебе повезло! — тихо проговорила Анжелика, вдруг снова ощутив на языке горечь яда.

Больной она себя не чувствовала, но была утомлена и издергана.

Кутаясь в накидку из грубой шерсти, которую ей одолжила Марикье, Анжелика с нескрываемым интересом наблюдала незнакомую для нее жизнь парижской таверны.

Да, несмотря на тяжкий дух от кухни, дышалось здесь легко и свободно, и это привлекало сюда завсегдатаев.

Дворянин приходил сюда покурить и отдохнуть от этикета королевских приемов, буржуа — чтобы всласть поесть вдали от подозрительного ока ворчливой супруги, мушкетер играл здесь в кости, а ремесленник пропивал жалованье и хоть на несколько часов забывал о всех своих заботах.

Таверна «Три молотка» находилась на площади Монторгей, неподалеку от Пале-Ройяля, и ее частыми посетителями были комедианты, которые приходили еще в гриме, с приклеенными носами, приходили уже почти ночью, чтобы «увлажнить внутренности» и промочить горло, надорванное от страстных завываний. Иногда к завсегдатаям из этого квартала присоединялись итальянские мимы в ярких лохмотьях, ярмарочные актеры и даже, случалось, весьма подозрительные цыгане с горящими как угли глазами.

В ту ночь старик итальянец в красной бархатной маске, которая закрывала ему лицо, и с длинной седой бородой до пояса показывал посетителям презабавную обезьянку. Присмотревшись к кому-нибудь, она потешно передразнивала, как тот курит трубку, надевает свою шляпу или подносит стакан ко рту.

Зрители буквально надрывали животы.

Гонтран с любопытством наблюдал эту сцену.

— Погляди, какое великолепное сочетание — красная маска и белоснежная борода!

Но Анжелика, уже начавшая нервничать, думала лишь о том, долго ли ей придется еще ждать здесь.

Наконец дверь распахнулась в очередной раз, и на пороге показался огромный датский дог адвоката Дегре.

Адвоката сопровождал какой-то человек в широком сером плаще. Анжелика, к своему удивлению, узнала в нем юного Сербало, который, чтобы скрыть бледное лицо, низко надвинул на глаза шляпу и поднял воротник плаща.

Анжелика попросила Гонтрана подойти к ним и незаметно пригласить за свой столик.

— Боже мой, сударыня, — вздохнул адвокат, садясь на скамью рядом с Анжеликой, — за сегодняшнее утро я уже десять раз видел вас

удушенной, двадцать — утопленной и сто раз — погребенной.

— Хватило бы и одного раза, мэтр, — засмеялась она. Но в душе ей было приятно, что он тревожится за нее.

— Неужели вы так боитесь потерять клиентку, которая и платит вам мало, и подвергает вас опасности? — спросила Анжелика.

Он скорчил жалобную гримасу.

— Сентиментальность — это болезнь, от которой нелегко излечиться. А если ты к тому же еще склонен к авантюрам, то наверняка можно сказать: ничего хорошего тебя не ждет. Короче говоря, чем больше усложняется ваше дело, тем больше оно меня захватывает. Как ваша рана?

— Вам уже все известно?

— Это обязанность адвоката-сыщика. Впрочем, должен признаться, присутствующий здесь господин оказал мне бесценную помощь.

Сербало с воспаленными лиловыми веками и восковым от бессонной ночи лицом рассказал, как дальше развернулись драматические события в Лувре, свидетелем которых он совершенно случайно оказался.

В ту ночь он нес караул у конюшен Тюильри, как вдруг из сада выбежал запыхавшийся человек без парика, который он, видимо, потерял. Это был Бернар д'Анджос. Перед этим он галопом промчался по главной галерее, грохотом своих деревянных каблучков разбудив весь Лувр и Тюильри, из комнат и покоев которых высовывались испуганные лица, а когда часовые пытались преградить ему путь, он отшвыривал их.

Торопливо седлая коня, д'Анджос объяснил Сербало, что только сейчас чуть не убили графиню де Пейрак, а он, д'Анджос, поднял шпагу на Филиппа Орлеанского. Через несколько мгновений он уже пришпоривал лошадь и мчался к воротам Сент-Оноре, крикнув, что едет поднимать Лангедок против короля.

— Бедный маркиз д'Анджос, — засмеялась Анжелика. — Это он... поднимет. Лангедок против короля?..

— Эге! Вы думаете, он этого не сделает? — спросил Сербало.

Он с серьезным видом поднял палец.

— Сударыня, вы совершенно не поняли душу гасконца — у него смех легко сменяется яростью, и никогда нельзя предугадать, чем все

кончится. Когда он в ярости, тогда, черт возьми, берегись!

— А ведь и правда, гасконцам я обязана жизнью. А что случилось с Лозеном, вы не знаете?

— Он в Бастилии.

— Боже мой, только бы о нем не забыли там на сорок лет! — вздохнула Анжелика.

— Не бойтесь, он не даст о себе забыть. А еще я видел, как два лакея несли труп вашего бывшего дворецкого.

— Пусть дьявол возьмет его душу!..

— И последнее: будучи уверен, что вас тоже уже нет в живых, я пошел к вашему зятю прокурору Фалло де Сансе. Там я застал господина Дегре, вашего адвоката. Вместе с ним мы отправились в Шатле, чтобы осмотреть трупы всех утопленников и убитых, которые сегодня утром были обнаружены в Париже. Дрянное занятие, меня до сих пор мутит от него. И вот теперь я здесь! А каковы ваши планы, сударыня? Вам надо бежать, и как можно скорее.

Анжелика посмотрела на свои белые руки, которые она положила на столик перед собой, рядом с большим бокалом густого темно-рубинового вина, до которого она так и не дотронулась.

Какими маленькими и хрупкими показались они ей, и она невольно сравнивала их с крепкими руками сидящих рядом мужчин.

Дегре, завсегда тай кабачка, положил перед собой табакерку из рога и натер немного табаку, чтобы набить им свою трубку.

Анжелика почувствовала себя очень одинокой и беспомощной.

Гонтран вдруг сказал:

— Если я правильно понял, ты попала в грязную историю и рискуешь жизнью. Впрочем, я не удивлен. От тебя всегда можно было этого ждать.

— Граф де Пейрак находится в Бастилии по обвинению в колдовстве, — объяснил Дегре.

— Да, я не удивлен! — повторил Гонтран. — Но ты еще можешь выпутаться. Если у тебя нет денег, я одолжу тебе. Я скопил немного, чтобы попутешествовать по Франции. Да и Раймон, наш брат-иезуит, я уверен, тоже поможет тебе. Собирай свои пожитки и садись в дилижанс до Пуатье. А оттуда уже доберешься в Монтелу. Дома ты будешь в безопасности.

На мгновение перед глазами Анжелики возник замок Монтелу, тихое убежище среди болот и лесов. Флоримон играл бы на подъемном мосту с индюшатами.

— А как же Жоффрей? — проговорила она. — Кто же добьется, чтобы справедливость для него восторжествовала?

Наступило тягостное молчание, только за одним из столиков горланили несколько пьяных да нетерпеливо стучали ножами по тарелкам, требуя ужин, посетители. Появление Корбасона, хозяина и повара таверны, который нес, высоко подняв на вытянутых руках, зарумяненного, с хрустящей корочкой гуся, сразу всех угомонило. Шум в зале почти утих, и среди удовлетворенного ворчания было слышно, как бросают кости четверо игроков.

Дегре с невозмутимым видом набивал свою голландскую трубку с длинным мундштуком.

— Ты и правда так дорожишь своим мужем? — спросил Гонтран. Анжелика стиснула зубы.

— Одна унция его мозга дороже ваших трех голов, взятых вместе, — заявила она без обиняков. — Конечно, я знаю, смешно об этом говорить, но, хотя он и мой муж, да еще хромой и изуродованный, я его люблю.

Она судорожно всхлипнула без слез.

— И однако я сама его погубила. И все из-за той грязной истории с ядом. А вчера на аудиенции у короля я подписала ему приговор, я...

Вдруг взгляд ее остановился, и она в ужасе замерла. За окном, около которого она сидела, возникло отвратительное видение: чье-то лицо, страшное, как в кошмаре, наполовину скрытое слипшимися прядями волос. На мертвенно-бледной щеке торчала лиловая шишка. Один глаз был закрыт черной повязкой, другой горел, как у волка. Чудовище смотрело на Анжелику и смеялось.

— Что случилось? — спросил Гонтран. Он сидел спиной к окну и ничего не заметил.

Дегре проследил за испуганным взглядом молодой женщины и вдруг бросился к двери, свистом позвав свою собаку.

Лицо за окном пропало. Вскоре с разочарованным видом вернулся адвокат.

— Исчез, словно крыса в норе.

— О, так вы знакомы с этим жалким господином? — поинтересовался Сербало.

— Я их всех знаю. Это некий Каламбрден, знаменитый жулик, король карманников с Нового моста и один из самых прославленных главарей столичных воров.

— И у него хватает наглости приходить сюда и смотреть, как ужинают порядочные люди!

— Может, в зале сидит его сообщник, которому он хотел подать знак...

— Нет, он смотрел на меня, — стуча зубами, сказала Анжелика.

Дегре взглянул на нее.

— Ну-ну, не пугайтесь. Ведь неподалеку отсюда находятся улица Трюандери и предместье Сен-Дени — прибежище всех мошенников и их принца, Великого Керза, предводителя профессиональных нищих и жуликов.

Рассказывая, Дегре обнял Анжелику за талию и решительным движением привлек к себе. Анжелике было приятно ощущение тепла и силы, исходившее от этой мужской руки. Нервное напряжение постепенно спало. Не стыдясь, она прижалась к Дегре. Какое имеет значение, что он простолюдин, нищий адвокат! Разве сама она сейчас не на грани того, чтобы стать всеми гонимой парией, без крыши над головой, лишенной всякой защиты и даже, быть может, имени?

— Черт побери! — весело воскликнул Дегре. — Не для того мы пришли в кабак, чтобы вести здесь мрачные разговоры. Давайте подкрепимся, господа, а уж потом подумаем, как нам действовать дальше. Эй, Корбасон, жалкий кухарь, уж не собираешься ли ты уморить нас голодом?

Хозяин поспешил к столику.

— Что ты можешь предложить трем знатным сеньорам, пищей которых последние сутки были одни треволнения, и молодой хрупкой даме, у которой неплохо бы вызвать аппетит?

Корбасон обхватил рукой подбородок и с вдохновенным видом сказал:

— Ну что ж, господа, вам я предложу отличное говяжье филе с кровью, нашпигованное корнишонами и свежими огурцами, по цыпленку, зажаренному на углях, и миску пирожков в масле. Ну, а даме надо что-нибудь более легкое, не правда ли? Вареная телятина, салат,

костный мозг, яблочное желе, засахаренная груша и вафельные трубочки. И наконец, ложечку укропных пастилок, и я убежден: ей лилейные щечки снова порозовеют.

— Корбасон, ты самый нужный и самый любезный человек в мире. Когда я в следующий раз пойду в церковь, я помолюсь за тебя святому Оноре. Кроме того, ты еще великий мастер, и не только в соусах, но и в остроумии.

Но у Анжелики, пожалуй, впервые в жизни не было аппетита. Она едва прикоснулась к кулинарным шедеврам Корбасона.

Ее организм боролся с ядом, выпитым прошлой ночью, малая толика которого все же задержалась. Ей казалось, что с той ужасной ночи прошла целая вечность. Одурманенная недомоганием, а может, и непривычной для нее духотой этого прокуренного зала, она почувствовала непреодолимое желание уснуть. Закрыв глаза, она повторяла про себя, что Анжелика де Пейрак умерла.

Когда она проснулась, в окна таверны уже пробивался туманный рассвет.

Приподняв голову, Анжелика поняла, что жесткая подушка, к которой прижималась ее щека, была не чем иным, как коленями адвоката Дегре. А сама она лежит, вытянувшись на скамье. Над собой она увидела лицо адвоката — полузакрыв глаза, он с мечтательным видом продолжал курить.

Анжелика поспешно села, поморщившись от боли, которую причинило ей резкое движение.

— О, простите меня, — пробормотала она. — Я... Вам, наверно, было очень неудобно.

— Вы хорошо поспали? — спросил он, растягивая слова, и в голосе его чувствовались и усталость, и легкое опьянение. Кувшин, стоявший перед ним, был почти пуст.

Сербало и Гонтран тоже спали, положив локти на стол, похрапывая вместе с остальными посетителями, растянувшись кто на скамьях, кто просто на полу.

Анжелика бросила взгляд в окно. У нее осталось смутное воспоминание о чем-то очень страшном. Но она увидела лишь серое дождливое утро — по стеклу бежали струйки воды.

Из кухни доносился голос Корбасона, отдававшего какие-то распоряжения, грохот бочек, которые катили по каменным плитам пола.

Толкнув ногой дверь, вошел мужчина в сдвинутой на затылок шляпе. В руке он держал колокольчик. На его линялой синей блузе кое-где можно было различить цветы лилий и герб святого Христофора.

— Я Пикар, разносчик вина. Эй, хозяин, я тебе нужен?

— Очень нужен, дружок. Мне как раз только что привезли с Гревской площади шесть бочек луарского вина. Три белого и три красного. Я каждый день открываю по две бочки.

Проснулся Сербало и, вскочив, выхватил из ножен свою шпагу.

— Черт побери, мессеры, слушайте все! Я иду войной на короля!

— Сербало, замолчите! — умоляюще проговорила испуганная Анжелика.

Он бросил на нее подозрительный взгляд непроспавшегося пьяницы.

— Вы думаете, я не сделаю этого? Сударыня, вы не знаете гасконцев. Война королю! Идемте со мной все! Война королю! Вперед, повстанцы Лангедока!

Потрясая шпагой, он направился к выходу и, споткнувшись на пороге, вышел.

Спящие, не откликнувшись на его призыв, продолжали храпеть, а хозяин таверны с разносчиком, стоя на коленях перед бочками и громко прищелкивая языками, пробовали вино, прежде чем назначить цену. Свежий пьянящий аромат, исходивший от бочек, перебил запах табачного дыма, винного перегара и прогорклых соусов.

Гонтран протер глаза.

— Боже, — проговорил он, зевая, — так вкусно я не едал с незапамятных времен, а точнее — с последнего банкета братства евангелиста Луки, который, к сожалению, устраивается один раз в год. Уж не к ранней ли мессе звонят?

— Вполне возможно, — ответил Дегре. Гонтран встал и потянулся.

— Мне пора, Анжелика, а то мастер рассердится на меня. Послушай, сходи с мэтром Дегре в Тамбль, повидайся с Раймоном. А я сегодня вечером побываю у Органс, хотя представляю себе, сколько грязи выльет на мою голову наша очаровательная сестрица. А вообще-

то, повторяю, уезжай из Парижа. Но я знаю, ты упрямее всех мулов нашего отца.

— Как ты — глупее их всех, — отпарировала Анжелика.

Они вышли все вместе в сопровождении собаки Дегре по кличке Сорбонна. Прямо посреди улицы грязным ручьем текла вода. Дождь кончился, но воздух был насыщен влагой, слабый ветерок со скрипом раскачивал над лавками железные вывески.

— Прямо из воды! В скорлупке! — кричала находчивая миловидная торговка устрицами.

— Веселое настроение с утра! Душу греет, как солнце! — кричал разносчик вина.

Гонтран остановил его и залпом выпил стакан. Обтерев губы рукавом, он расплатился и, приподняв шляпу, попрощался с адвокатом и сестрой и слился с толпой, ничем не отличаясь от других ремесленников, которые в этот час тянулись на работу. «Хороши мы оба! — подумала Анжелика, глядя ему вслед. — Хороши наследники рода де Сансе! Меня довели до этого обстоятельства, но он, почему он сам захотел опуститься так низко?»

Испытывая некоторую неловкость за брата, она взглянула на Дегре.

— Гонтран всегда был странным, — сказала она. — Он мог бы стать офицером, как и все молодые дворяне, но ему нравилось только одно — смешивать краски. Мать рассказывала, что когда ждали его, она целую неделю перекрашивала в черное одежду всей семьи по случаю траура по моим дедушке и бабушке. Может, этим все и объясняется?

Дегре улыбнулся.

— Идемте, повидаемся с вашим братом-иезуитом, — сказал он, — с четвертым представителем этой странной семьи.

— О, Раймон — личность выдающаяся!

— Ради вас я надеюсь, что это так, графиня.

— Не надо больше называть меня графиней, — проговорила Анжелика. — Вы только посмотрите на меня, мэтр Дегре.

Она подняла к нему свое трогательное, совершенно восковое личико. От усталости ее зеленые глаза посветлели и приняли поразительный оттенок молодых весенних листьев.

— Король сказал мне: «Я не желаю больше слышать о вас». Вы понимаете, что это означает? Это означает, что графини де Пейрак больше нет. Я не должна больше существовать. И я уже не существую. Вы поняли?

— Я понял главное: что вы больны, — ответил Дегре. — Так вы подтверждаете свои слова, которые сказали мне в прошлый раз?

— А что я сказала?

— Что у вас нет ко мне никакого доверия.

— Сейчас вы единственный человек, кому я могу доверять.

— Тогда идите со мной. Я вас отведу в одно место, где вас полечат. Вы не должны встречаться с грозным иезуитом, пока не придете в себя, не соберетесь с силами.

Он взял ее под руку и увлек в суетливую утреннюю парижскую толпу. Шум стоял оглушительный. Все торговцы уже высыпали на улицы, наперебой расхваливая свой товар.

Анжелика, как могла, старалась защитить свое раненое плечо, но ее то и дело толкали, и она стискивала зубы, чтобы не застонать.

Глава 38

На улице Сен-Никола Дегре остановился перед домом с огромной вывеской, где на ярко-синем фоне был изображен медный таз. Из окон второго этажа валили клубы пара.

Анжелика поняла, что адвокат привел ее к цирюльнику, державшему парильню, и уже заранее почувствовала облегчение при мысли, что сейчас погрузится в лохань с горячей водой.

Хозяин, мэтр Жорж, предложил им сесть и подождать несколько минут. Широко расставляя локти, он брил мушкетера и рассуждал о том, что мир — это бедствие для славного воина, истинное бедствие.

Наконец, передав «славного воина» ученику, чтобы тот вымыл ему голову — что было отнюдь не легким делом, — мэтр Жорж, вытирая бритву о свой передник, с услужливой улыбкой подошел к Анжелике.

— Так-так! Все понятно. Еще одна жертва любви. Ты хочешь, чтобы я немного подновил ее перед тем, как ты возьмешь ее себе, так, что ли, неисправимый юбочник?

— Тут дело не в этом, — очень спокойно возразил адвокат. — Эту молодую особу ранили, и я бы хотел, чтобы вы облегчили ее страдания. А потом пусть ее выкупают.

Анжелика, которая, несмотря на свою бледность, от слов цирюльника сделалась пунцовой, почувствовала полное смятение при мысли, что ей придется раздеваться при мужчинах. Ей всегда прислуживали женщины, а так как она никогда не болела, ее ни разу не осматривал врач, а тем более такой вот уличный лекарь-цирюльник.

Но прежде чем она успела сделать протестующий жест, Дегре, словно это совершенно естественно, с ловкостью мужчины, для которого женская одежда не представляет никаких тайн, расстегнул крючки на ее корсаже, затем развязал тесемку, поддерживавшую рубашку, и стянул рубашку вниз, до талии.

Мэтр Жорж склонился к Анжелике и осторожно снял повязку из пропитанной мазью корпии, которую Марикье наложила на длинный порез, оставленный шпагой шевалье де Лоррена.

— Хм! Хм! Все понятно! — пробурчал цирюльник. — Какой-то галантный сеньор счел, что с него запросили слишком дорого, и решил расплатиться «железной монетой», как мы это называем. Разве ты не знаешь, голубушка, что их шпагу надо держать под кроватью до тех пор, пока они не возьмут в руки свой кошелек?

— Что вы можете сказать о ране? — спросил Дегре.

У него был все такой же невозмутимый вид, в то время как Анжелика чувствовала себя ужасно.

— Хм! Хм! Ничего хорошего, но и ничего плохого. Я вижу, что какой-то невежественный аптекарь смазал ее разъедающей солоноватой мазью. Сейчас мы ее снимем и заменим другой, которая освежит и восстановит ткань.

Он подошел к полке и взял оттуда коробочку.

Анжелика страдала оттого, что сидит полуголая в этой цирюльне, где запах подозрительных снадобий смешивался с запахом мыла.

Вошел какой-то клиент, чтобы побриться, и, увидев Анжелику, воскликнул:

— Ну и грудки! Мне бы поласкать такие, когда взойдет луна!

Дегре сделал незаметный знак, и Сорбонна, лежавшая у его ног, бросилась к незнакомцу и вцепилась зубами в его штанину.

— Ой-ой-ой! Я пропал! — завопил тот. — Это же человек с собакой. Так, значит, эти божественные яблочки принадлежат тебе, Дегре, чертов бродяга!

— Уж не гневайтесь, мессир, — бесстрастно сказал Дегре.

— В таком случае, я ничего не видел и ничего не говорил. О, простите меня, мессир, и скажите своей собаке, чтобы она не рвала мои бедные поношенные штаны.

Дегре тихо свистнул, подзывая собаку.

— Я хочу уйти отсюда, — дрожащими губами проговорила Анжелика, неловким движением пытаясь натянуть на себя рубашку.

Адвокат твердой рукой усадил ее на место. Он сказал грубовато, хотя и шепотом:

— Не стройте из себя недотрогу, глупая. Вспомните солдатскую поговорку: «На войне как на войне». Вы ведете битву, от которой зависит жизнь вашего мужа и ваша собственная жизнь. Вы должны сделать все, чтобы победить, и сейчас не время для жеманства.

Подошел цирюльник с маленьким блестящим ножиком в руке.

— Кажется, придется резать, — проговорил он. — Под кожей скопился гной, его нужно вывести. Не бойся, деточка, — добавил он ласково, словно разговаривал с ребенком, — ни у кого нет такой легкой руки, как у мэтра Жоржа.

Несмотря на свой страх, Анжелика убедилась, что цирюльник не врал: операцию он сделал очень ловко. Потом мэтр Жорж залил рану какой-то жидкостью, отчего Анжелика буквально подскочила, сразу поняв, что это спирт, и сказал, чтобы она поднялась в парильню, а уж потом он ее забинтует.

Парильня мэтра Жоржа была одним из последних банных заведений, сохранившихся с тех давних времен, когда крестоносцы, побывав на Востоке, поняли прелесть турецкой бани и ощутили потребность мыться. В те далекие времена парильни в Париже появлялись на каждом шагу. И там не только парились и мылись, но еще и «снимали волосы», как тогда говорили, то есть удаляли растительность со всего тела. Однако вскоре эти парильни приобрели дурную славу, так как к своим многочисленным услугам они добавляли и те, которыми интересовались главным образом посетители зланных заведений на улице Долины любви. Против парилен ополчились обеспокоенные священники, суровые гугеноты и медики, которые видели в них источник различных дурных болезней, и добились их закрытия. Вот почему, если не считать нескольких весьма непривлекательных парилен, которые содержали цирюльники, в Париже негде было помыться. Впрочем, население, кажется, легко мирилось с этим.

Парильня состояла из двух выложенных каменными плитами залов, разделенных деревянными перегородками на маленькие кабины. В глубине каждого зала помещались печи, в которых слуга нагревал булыжники.

Одна из служанок женского зала донага раздела Анжелику. Затем ее заперли в кабинку, где стояли скамьи и лохань с водой, в которую только что бросили раскаленные булыжники. От воды поднимался горячий пар.

Анжелика, сидя на скамье, задыхаясь, ловила ртом воздух, и ей казалось, что она сейчас умрет. Когда ее выпустили, по телу ее стекали

струйки пота.

В зале служанка заставила ее окунуться в лохань с холодной водой, потом, накинув на нее полотенце, отвела в соседнюю комнату, где сидело несколько женщин в таком же несложном одеянии. Служанки — большей частью старухи весьма непривлекательной внешности — брили клиенток и расчесывали их длинные волосы, болтая при этом как сороки. По голосам клиенток, по их разговорам Анжелика поняла, что большинство из них простого сословия: либо служанки, либо торговки, которые, прослушав мессу в церкви, забежали перед работой в баню запастись последними сплетнями.

Анжелике велели лечь на скамью.

Вскоре пришел мэтр Жорж, появление которого ничуть не смутило присутствующих.

Он держал в руке ланцет, а сопровождавшая его девочка — корзиночку с кровососными банками и трут.

Анжелика яростно запротестовала.

— Не смейте пускать мне кровь! Я и так уже достаточно потеряла ее. Разве вы не видите, что я беременна? Вы убьете моего ребенка.

Но цирюльник-лекарь был непреклонен и жестом показал ей, чтобы она легла на живот.

— Лежи спокойно, а то я сейчас кликну твоего дружка, и он тебе всыплет.

Представив себе адвоката в этой роли, Анжелика пришла в ужас и замолчала.

Цирюльник ланцетом сделал у нее на спине три надреза и поставил банки.

— Вы только посмотрите, — восторженно говорил он, — какая черная кровь течет! Кто бы подумал, что у такой светловолосой девчонки такая темная кровь!

— Умоляю вас, оставьте мне хоть капельку! — просила Анжелика.

— До смерти хочется высосать из тебя всю, — сказал цирюльник, свирепо вращая глазами. — А потом я научу тебя, как заполнить свои жилы свежей и благодатной кровью. Рецепт простой: добрый стаканчик красного вина и ночь любви.

Туго забинтовав плечо, он наконец отпустил ее. Две служанки помогли ей причесаться и одеться. Она сунула им несколько монет, и

они от изумления вытаращили глаза.

— О маркиза, — воскликнула та, что помоложе, — неужели твой судейский принц в поношенном плаще так щедро одаривает тебя?

Старуха, взглянув на Анжелику, у которой подкашивались ноги, когда она спускалась по деревянной Лестнице, ткнула свою напарницу в бок:

— Разве ты не видишь, что это знатная дама, которая решила немного отдохнуть от своих нудных сеньоров?

— Но те обычно не переодеваются, — возразила напарница. — Они надевают маску, и мэтр Жорж проводит их через заднюю дверь.

Внизу Анжелику ждал выбритый и раскрасневшийся Дегре.

— Она опять, как ягодка, — сказал цирюльник, заговорщицки подмигнув адвокату. — Только не будьте с нею грубы по своему обыкновению, пока у нее не затянется рана на плече.

На этот раз Анжелика только рассмеялась. Она больше не способна была возмущаться.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Дегре, когда они вышли на улицу.

— Как слепой котенок, — ответила Анжелика. — Но это не так уж неприятно. Кажется, я начинаю относиться к жизни философски. Не знаю, так ли уж полезны эти сильнодействующие процедуры, которым меня подвергли, но они, бесспорно, успокаивают нервы. Теперь вы можете не тревожиться — как бы ни встретил меня мой брат Раймон, я буду покорной и смиренной сестрой.

— Великолепно. У вас бунтарская натура, и я всегда опасаясь взрывов. В следующий раз, когда вы предстанете перед королем, вы тоже предварительно попаритесь в бане?

— Ах, как жаль, что я этого не сделала вчера! — кротко вздохнула Анжелика. — Ведь следующего раза не будет. Никогда уже больше я не предстану перед королем.

— Не надо говорить «никогда больше». Жизнь так переменчива, колесе все время вертится.

Порыв ветра развевал на голове Анжелики платок, которым она прикрыла волосы. Дегре остановился и осторожно завязал его.

Анжелика взяла его теплые загорелые руки с длинными, тонкими пальцами в свои.

— Вы очень милый человек, Дегре, — прошептала она, подняв на него ласковый взгляд.

— Вы ошибаетесь, сударыня. Взгляните-ка на эту собаку.

Он указал на Сорбонну, которая резвилась около них, остановил ее и, взяв за голову, раскрыл мощные челюсти датского дога.

— Как вам нравятся эти клыки?

— Ужасные клыки!

— А знаете, на что я надрессировал Сорбонну? Послушайте-ка: едва в Париже наступает вечер, мы с ней отправляемся на охоту, я даю ей понюхать клочок от старого плаща или какую-нибудь другую вещь, принадлежавшую вору, которого я разыскиваю. И мы пускаемся в путь, доходим до берега Сены, шарим под мостами между сваями, бродим по предместьям, по старому валу, заглядываем во все дворы, во все дыры, которые кишат этим сбродом — оборванцами и ворами. И вдруг Сорбонна куда-то бросается. Когда я настигаю ее, она уже — о, очень деликатно, только чтобы не убежал! — держит зубами за горло того, кого я искал. Я говорю своей собаке: «Warte!»: что по-немецки — ведь собаку мне продал немецкий наемник — означает: «Жди!» Потом я склоняюсь к пленнику, допрашиваю его и выношу ему приговор. Иногда я прощаю его, иногда зову ночную стражу, чтобы они отправили его в Шатле, а иногда говорю себе: «Зачем переполнять тюрьмы и утруждать господ судейских?» И тогда отдаю приказ Сорбонне: «Zang!» — иными словами: «Сожми-ка пасть посильнее!» И в Париже становится одним грабителем меньше.

— И... часто вы это делаете? — спросила Анжелика, не в силах сдержать дрожь.

— Довольно часто. Так что, видите, не такой уж я милый.

Помолчав, Анжелика тихо сказала:

— В каждом человеке столько противоречивого. Можно быть очень злым и одновременно очень милым. Почему вы выбрали себе такое ужасное ремесло?

— Я уже говорил вам, что очень беден. Отец оставил мне в наследство только свою должность адвоката и долги. Но, судя по всему, кончу я тем, что стану толстокожим человеконенавистником, самым злобным сычом.

— Что это значит?

— Так называют полицейских подданные его величества Великого Керза, предводителя всех воров.

— Они уже знают вас?

— Главным образом, они знакомы с моей собакой.

Они вышли на улицу Тампль, всю в рытвинах, наполненных жидкой грязью, через которые были перекинута доски. Всего несколько лет назад в этом квартале находились огороды, так называемые «посадки Тампля», и даже сейчас еще между домами виднелись грядки с капустой, и паслись козы.

Показалась крепостная стена, над которой возвышалась зловеющая старинная башня Тамплиеров.

Дегре попросил Анжелику подождать минутку и вошел в лавку галантерейщика. Вскоре он вышел в новых брыжах, правда, без кружев, завязанных лиловым шнурком. Из-под рукавов его плаща выглядывали белоснежные манжеты. Карман его как-то странно оттопыривался. Когда Дегре доставал платок, оттуда чуть не выпали длинные четки. Хотя он был все в том же поношенном плаще и коротких штанах, он вдруг приобрел какой-то весьма почтенный вид. По-видимому, это объяснялось еще и выражением его лица, во всяком случае, Анжелика уже не решалась говорить с ним прежним непринужденным тоном.

— Сейчас у вас вид набожного магистрата, — сказала она в замешательстве.

— А разве не такой вид должен быть у адвоката, который сопровождает молодую даму к ее брату-иезуиту? — спросил Дегре, с почтительным и смиренным видом приподнимая шляпу.

Глава 39

Подойдя к высоким зубчатым стенам Тампля, за которыми вздымался целый лес готических башен и самая высокая среди них — мрачная башня Тамплиеров, Анжелика даже не подозревала, что вступает на тот кусочек земли Парижа, где человек, как нигде, может жить свободно, в полной безопасности.

Эта укрепленная крепость, некогда вотчина монахов-воинов, так называемых тамплиеров, а потом — рыцарей мальтийского ордена, с древних времен обладала привилегиями, которые признавал даже сам король: здесь не платили налогов, здесь не имели никакой власти ни полиция, ни другие административные органы, и несостоятельные должники спасались за стенами Тампля от ареста. В течение многих веков он был убежищем незаконнорожденных отпрысков знатных вельмож. И нынешний хозяин Тампля, великий приор герцог Вандомский был незаконным сыном Генриха IV и самой знаменитой его любовницы Габриэль д'Эстре.

Анжелика не знала об этих привилегиях маленького городка, находившегося в самом сердце большого города, и, когда она шла по подъемному мосту, ее охватило какое-то гнетущее чувство. Но по ту сторону сводчатых ворот ее встретило удивительное спокойствие.

Тампль уже давно утратил свой воинственный дух. Теперь он являл собою мирное убежище, которое давало своим счастливым обитателям большое преимущество: они могли вести уединенную и в то же время светскую жизнь. В аристократическом квартале Тампля Анжелика увидела перед роскошными отелями де Гиза, де Буффлера и де Буабудрана вереницу экипажей.

Под сенью массивной башни Цезаря стоял добротный дом иезуитов, где жили и куда приходили отдохнуть от мирской суеты члены ордена, в особенности те, которые являлись духовными отцами знатных особ двора.

В вестибюле мимо адвоката и Анжелики прошел священник, похожий на испанца; лицо его показалось Анжелике знакомым. Это был духовник юной королевы Марии-Терезии, привезенный ею с

берегов Бидассоа вместе с двумя карликами, старшей камеристкой Молиной и молоденькой Филиппой.

Дегре попросил семинариста, который впустил их в дом, передать преподобному отцу де Сансе, что некий адвокат хочет поговорить с ним о графе де Пейраке.

— Если ваш брат ничего не знает об этом деле, иезуиты могут закрывать свою лавочку, — сказал Дегре Анжелике, пока они ожидали в маленькой приемной. — Я часто думал, что если бы мне, паче чаяния, поручили заняться делами полиции, я бы использовал методы иезуитов.

Вскоре в приемную быстрым шагом вошел отец де Сансе. Он с первого же взгляда узнал Анжелику.

— Дорогая сестра! — сказал он.

И, подойдя к ней, по-братски поцеловал ее.

— О, Раймон, — прошептала она, ободренная таким приемом.

Раймон пригласил их сесть.

— В каком состоянии находится это прискорбное дело?

Вместо Анжелики, которая была настолько взволнована встречей собратом, измучена всем пережитым за последние три дня и обессилена энергичным врачеванием мэтра Жоржа, что не могла справиться с мыслями, ответил Дегре.

Он сухо изложил суть дела. Граф де Пейрак находится в Бастилии по обвинению — тайному! — в колдовстве. Обвинение усугубляется тем фактом, что граф вызвал неудовольствие короля и недоверие со стороны весьма влиятельных особ.

— Знаю, знаю, — бормотал иезуит.

Он не сказал, кто так хорошо осведомил его, но, пристально посмотрев на Дегре, внезапно спросил:

— Какой путь, по-вашему, мы должны избрать, мэтр, чтобы спасти моего несчастного зятя?

— Думаю, что в данном случае лучшее — враг хорошего. Граф де Пейрак, бесспорно, стал жертвой дворцовой интриги, о которой не подозревает даже сам король и которую возглавляет одна весьма высокопоставленная особа. Я не буду называть имен.

— Правильно делаете, — живо склонился к нему отец де Сансе, а Анжелике при словах Дегре показалось, будто перед ее глазами промелькнула в профиль хитрая мордочка белки.

— Глупо пытаться расстроить замыслы людей, имеющих деньги и влияние. На графиню де Пейрак уже трижды покушались. Опыт достаточно убедительный. Придется смириться и подумать о том, какие пути у нас есть, чтобы действовать в открытую. Граф де Пейрак обвиняется в колдовстве. Так пусть тогда его судит церковный суд. И вот здесь-то, отец мой, ваша помощь будет очень ценной, ведь все мои действия, действия — не скрою — адвоката малоизвестного, ничего не дадут. Для того чтобы посчитались с моими доводами, я должен выступить как адвокат графа де Пейрака, а следовательно, нужно, чтобы его судили и разрешили бы взять защитника. Думаю, что вначале у них и в мыслях этого не было. Но графиня де Пейрак обращалась к некоторым высокопоставленным особам при дворе, и это пробудило в короле совесть. Теперь я не сомневаюсь, что суд состоится. Вам же, отец мой, надо добиться той единственной приемлемой формы суда, где мы будем избавлены от предвзятости и подлогов господ из гражданского суда.

— Я вижу, мэтр, вы не обманываетесь насчет вашей корпорации.

— Я не обманываюсь ни на чей счет, отец мой.

— Правильно делаете, — одобрил Раймон де Сансе.

Затем он пообещал повидаться с некоторыми особами, имен которых не назвал, и заверил адвоката и сестру, что осведомит их о результатах предпринятых им шагов.

— Ты, кажется, поселилась у Ортанс?

— Да, — вздохнув, ответила Анжелика.

— Кстати, — вмешался Дегре, — мне пришла в голову одна мысль. Не могли бы вы, отец мой, пользуясь своими связями, подыскать графине, вашей сестре, моей клиентке, скромную квартирку в Тампле? Вы же знаете, ее жизнь по-прежнему в опасности, а в ограде Тампля никто не решится пойти на преступление. Всем известно, что герцог Вандомский, великий приор Франции, строго охраняет свою вотчину от всяких злоумышленников и всегда вступает за тех, кто попросил у него убежища. Покушение, совершенное на территории, где властвуют его законы, получит такую огласку, которая нежелательна никому. И наконец, графиня де Пейрак могла бы поселиться здесь под другой фамилией, что запутало бы следы. И добавлю еще — она немного отдохнула бы, а это так необходимо для ее здоровья.

— Ваш план представляется мне весьма разумным, — согласился отец де Сансе. Подумав, он вышел и вернулся с листком бумаги, на котором написал следующий адрес: «Вдова Кордо, хозяйка дома на Карро дю Тампль».

— Домик у нее скромный, даже скорее бедный, но у тебя там будет просторная комната, и ты сможешь столоваться у этой самой Кордо, в обязанности которой входит следить за домом и сдавать три или четыре свободные комнаты, которые там имеются. Я знаю, ты привыкла к большей роскоши, но, мне кажется, там ты будешь в тени, а это, как считает мэтр Дегре, для тебя необходимо.

— Хорошо, Раймон. — послушно ответила Анжелика и уже более горячо добавила:

— Спасибо тебе, что ты веришь в невиновность моего мужа и помогаешь нам бороться против несправедливости, жертвой которой он оказался.

Лицо иезуита приняло суровое выражение.

— Анжелика, я пощадил тебя, потому что твой несчастный вид возбудил во мне чувство жалости. Но не думай, что я проявлю хотя бы малейшую снисходительность к твоему мужу, который вел скандальный образ жизни и вовлек в него тебя, за что теперь ты очень жестоко расплачиваешься. И в то же время вполне естественно, что я хочу помочь своей сестре.

Анжелика уже раскрыла рот, чтобы возразить ему, но одумалась. Да, она уже научилась быть смиренной.

И все-таки до конца она не смогла сдержать свой язык. Когда они выходили, Раймон рассказал Анжелике, что их младшая сестра, Мари-Агнесс, благодаря его протекции получила должность, к которой все так стремятся, она — фрейлина королевы.

— Прекрасно! — воскликнула Анжелика. — Мари-Агнесс в Лувре! Я не сомневаюсь, что там она разовьется очень быстро и всесторонне.

— Госпожа де Навай особо занимается воспитанием фрейлин. Это очень милая дама, мудрая и благоразумная. Я только что имел беседу с духовником королевы, и он сказал мне, что королева требует от своих фрейлин безупречного поведения.

— Ты или слишком наивен...

— О, этого недостатка наши настоятели не прощают!

— Тогда не будь лицемером, — не выдержала Анжелика.

Раймон продолжал приветливо улыбаться.

— Я с радостью убеждаюсь, что ты осталась прежней, дорогая моя сестра. Желаю тебе обрести спокойствие в том обиталище, которое я указал тебе. Иди, я помолюсь за тебя.

— Да, замечательный народ иезуиты, — заявил Дегре, когда они вышли. — И почему я не стал иезуитом?

До самого квартала Сен-Ландри он философствовал на эту тему.

Ортанс встретила сестру и адвоката с откровенной враждебностью.

— Чудесно! Чудесно! — говорила она, всем своим видом показывая, какого труда стоит ей сдерживать себя. — Я замечаю, что после каждой отлучки ты возвращаешься все в более плачевном виде. И конечно, всегда в сопровождении мужчины.

— Ортанс, это же мэтр Дегре.

Ортанс повернулась спиной к адвокату, которого она не выносила, потому что он был плохо одет и слыл распутником.

— Гастон! — позвала она. — Идите-ка взгляните на свою свояченицу. Надеюсь, это излечит вас до конца дней ваших.

Мэтр Фалло де Сансе и прежде не одобрял поведения жены, но, увидев Анжелику, он в изумлении открыл рот.

— Бедное дитя, до чего вас довели!

В это время в дверь постучали, и Барба впустила Гонтрана.

Появление брата окончательно вывело Ортанс из себя, и она разразилась проклятиями:

— Чем же я так провинилась перед богом, что он наградил меня такими братом и сестрой! Кто теперь поверит, что наша семья и в самом деле принадлежит к старинному знатному роду? Сестра заявляется в каких-то обносках! Брат постепенно докатился до того, что стал простым ремесленником, теперь дворяне и буржуа могут называть его на «ты», могут ударить палкой!.. Надо было засадить в Бастилию не только этого ужасного хромого колдуна, но и всех вас вместе с ним!..

Анжелика, не обращая внимания на вопли сестры, позвала свою служанку, чтобы та помогла ей собрать вещи.

Ортанс замолчала, переводя дух.

— Можешь не стараться. Она ушла от тебя.

— Как это так — ушла?

— Очень просто! Какова хозяйка, такова и служанка! Ушла вчера с каким-то верзилой, который явился к ней, и нужно было слышать, какое у него произношение!

Ошеломленная Анжелика, чувствуя себя ответственной за эту девочку, которую она увезла из родного Беарна, повернулась к Барбе.

— Барба, не надо было отпускать ее, — сказала она.

— Разве я знала, сударыня? — захныкала Барба. — В эту девчонку словно сам дьявол вселился. Она поклялась мне на распятии, что это ее брат.

— Хм... Брат на гасконский лад. Там говорят «мой брат» про каждого, кто живет с тобой в одной провинции. Ну, что поделаешь! Мне хотя бы не придется тратиться на ее содержание...

В тот же вечер Анжелика со своим маленьким сыном перебралась в скромный домик вдовы Кордо на Карро дю Тампль — так называлась рыночная площадь, куда стекались торговцы птицей, рыбой, парным мясом, чесноком, медом, салатом, так как любой, заплатив небольшую сумму бальи, получал право торговать здесь, причем цену он мог назначить, какую ему заблагорассудится, никто его не проверял и не облагал налогом.

На рынке Тампля всегда было оживленно, многолюдно. Вдова Кордо, уже немолодая женщина, похожая скорее на крестьянку, чем на горожанку, сидела перед очагом, где едва теплился огонь, и пряла шерсть; она чем-то напоминала колдунью.

Но в комнате было чисто, приятно пахло свежим бельем, кровать казалась удобной, а выложенный плитками пол для тепла был устлан соломенными подстилками, ибо дело шло к зиме.

Госпожа Кордо распорядилась поставить колыбель для Флоримона, а также принести запас дров и кастрюлю кипятку.

Когда Дегре с Гонтраном ушли, Анжелика накормила сына, а потом уложила его спать. Флоримон капризничал, требуя, чтобы пришли Барба и его маленькие кузены. Чтобы позабавить малыша, Анжелика спела его любимую песенку «Зеленая мельница». Рана на плече у нее почти совсем не болела, и, взясь со своим сынишкой, Анжелика немного отвлеклась. Хотя за последние годы она уже успела

привыкнуть к тому, что ее окружает многочисленная прислуга, но детство у нее было достаточно суровое, и потому она не впала в отчаяние, лишившись последней служанки.

Впрочем, монахини, у которых она воспитывалась, тоже приучали ее к труду «на случай тяжких испытаний, которые небу будет угодно ниспослать нам».

Когда Флоримон уснул и Анжелика легла в постель, застланную грубым, но чистым бельем, а ночной сторож, проходя мимо, прокричал: «Десять часов. Ворота заперты. Добрые люди Тампля, спите спокойно...» — ее вдруг охватило чувство облегчения и блаженства.

Ворота заперты. И в то время как в окружавшем их большом городе начинается страшная ночная жизнь с ее шумными кабаками, крадущимися грабителями, убийцами, затаившимися за углом, с ворами-взломщиками, жители Тампля безмятежно засыпают под защитой высокой зубчатой стены. Ювелиры, подделывающие драгоценности, несостоятельные должники и издатели запрещенной литературы спокойно смыкают веки, уверенные, что завтра придет мирное утро. Оттуда, где уединенно стоял окруженный садами отель великого приора, доносились звуки клавесина, а из часовни и монастыря — латинские молитвы. Несколько рыцарей мальтийского ордена в черных сутанах с белыми крестами расходились по своим кельям.

Шумел дождь. Анжелика спокойно уснула.

Она записалась у бальи под безобидным именем госпожи Марен. Никто ни о чем ее не спрашивал. Первое время полная новых, весьма приятных впечатлений, она вела образ жизни молодой матери из простой среды, ничем не отличающейся от своих соседей, занятой лишь заботами о ребенке. Столовалась она у госпожи Кордо, где с ними разделяли трапезу пятнадцатилетний сын хозяйки, работавший подмастерьем в городе, и старый разорившийся торговец, сбежавший в Тампль от кредиторов.

— Несчастье моей жизни, — любил говорить торговец, — состоит в том, что отец с матерью плохо воспитывали меня. Да, сударыня, они научили меня честности. А когда посвящаешь себя коммерции — нет худшего порока.

Флоримону все расточали комплименты, и Анжелика очень гордилась им. Пользуясь каждой солнечной минуткой, она гуляла с ним по рынку вдоль прилавков, и торговки уверяли, что он похож на младенца Иисуса.

Ювелир, мастерская которого примыкала к дому, где жила Анжелика, подарил мальчику красный крестик из фальшивого рубина.

Надевая на шейку малыша это убогое украшение, Анжелика с горечью подумала: «Где-то теперь бриллиант в шесть каратов, который Флоримон чуть не проглотил в день свадьбы короля в Сен-Жан-де-Люзе?»

В стенах Тампля среди других ремесленников жили и ювелиры, изготавливавшие фальшивые драгоценности, они перебрались сюда, чтобы не подчиняться тираническим законам корпорации парижских ювелиров, запрещавшей имитацию драгоценностей, и поэтому только в Тампле можно было приобрести дешевые безделушки, которые доставляли столько радости девушкам из простонародья. Этим девушкам, приходившим сюда со всех концов столицы, свеженьких, хорошеньких, бедно одетых в темные, чаще всего серые платья — потому-то их и прозвали гризетками^[13], — всегда можно было встретить в Тампле.

Во время прогулок Анжелика избегала заходить в ту часть Тампля, где находились роскошные отели богатых и знатных сеньоров — одни жили здесь потому, что им так нравилось, другие — из экономии. Анжелика побаивалась, как бы ее не узнали приезжающие сюда в гости дамы и господа, кареты которых с грохотом проезжали через потерну, но главное — боялась пробудить в своей душе сожаление об утраченном. Ей необходимо было полностью порвать с прежней жизнью. Впрочем, разве она и в самом деле не была женой бедного, всеми покинутого узника?

Глава 40

Но однажды, когда Анжелика с Флоримоном на руках спускалась по лестнице, она встретила женщину, живущую в соседней комнате, лицо которой показалось ей знакомым. Госпожа Кордо говорила Анжелике, что у нее живет одна молодая, очень бедная вдова, но держится она особняком и предпочитает прибавлять несколько денье к той скромной сумме, которую она вносит за пансион, лишь бы ей приносили еду в комнату. Анжелика мельком увидела очаровательное личико брюнетки с томным взглядом черных глаз, которые та быстро потупила. Имя этой женщины она не могла припомнить, но была убеждена, что где-то уже встречалась с нею.

Когда Анжелика вернулась с прогулки, молодая вдова казалось, поджидала ее.

— Вы графиня де Пейрак? — спросила она.

Раздосадованная и несколько обеспокоенная, Анжелика пригласила ее в комнату.

— Мы ехали с вами вместе в карете моей подруги Атенаис де Тонне-Шарант в день торжественного въезда короля в Париж. Я госпожа Скаррон.

Теперь Анжелика вспомнила эту красивую, скромно державшуюся женщину, одетую так бедно, что они ее немного стыдились. «Вдова скрюченного Скаррона», так зло сказал тогда о ней брат Атенаис.

Она нисколько не изменилась с тех пор, разве только платье ее стало еще более поношенным и заштопанным. Но воротник ее был белоснежным, и выглядела она так благопристойно, что это даже трогало.

Как бы там ни было, но Анжелика была счастлива, что может поговорить с пуатевенкой. Она усадила ее у очага, и они вместе с Флоримоном полакомились вафельными трубочками.

Франсуаза д'Обинье (таково было ее девичье имя) поведала Анжелике, что переехала в Тампль потому, что здесь можно три месяца не платить за комнату. Деньги у нее были на исходе, и кредиторы могли вот-вот выбросить ее на улицу. Она надеялась, что за

эти три месяца добьется у короля или вдовствующей королевы, чтобы ей возобновили ту пенсию в 2000 ливров, которую при жизни получал от его величества ее муж.

— Я почти каждую неделю хожу в Лувр и поджидаю короля на пути в часовню. Вы знаете, что, отправляясь из своих апартаментов на мессу, его величество проходит по галерее, где с его разрешения к нему могут обращаться просители. Там бывает много монахов, солдатских сирот и солдат-ветеранов, оставшихся без пенсии. Иногда нам приходится ждать подолгу. Наконец, король появляется. Не скрою, каждый раз, когда я вкладываю свое прошение в руку короля, у меня так бьется сердце, что я боюсь, как бы государь не услышал его стука.

— Но пока что он не услышал даже вашей мольбы!

— Да, но я не теряю надежды, что когда-нибудь она дойдет до него.

Молодая вдова была в курсе всех придворных сплетен. Она рассказывала их весело и остроумно, и, когда она поборолла в себе чувство скованности, тотчас проявилось ее удивительное обаяние. Казалось, ее нисколько не поразило, что блестящая графиня де Пейрак живет в столь жалкой обстановке, и она вела беседу так, словно находилась в светском салоне.

Сразу же, чтобы предупредить нескромные вопросы, Анжелика рассказала госпоже Скаррон о себе.

Она живет под вымышленным именем в ожидании, пока ее муж предстанет перед судом и будет оправдан, и тогда она снова сможет показаться в свете. Она умолчала, в чем обвиняют графа де Пейрака, так как Франсуаза Скаррон, несмотря на фривольные анекдоты, которые она рассказывала, была, по-видимому, очень набожна. Бывшая протестантка, принявшая католическую веру, она, после тяжких испытаний, ниспосланных ей судьбой, искала в религии утешения.

В заключение Анжелика сказала:

— Как видите, сударыня, мое положение еще более непрочное, чем ваше. Не стану скрывать, я никак не могу быть вам полезной в переговорах с людьми, к которым благоволил король, ведь многие из тех, кто еще совсем недавно занимал несравненно более низкое положение в обществе, чем я, теперь могут смотреть на меня свысока.

— Да, приходится делить знакомых на две категории, — ответила вдова остроумного калеки, — на людей полезных и бесполезных для тебя. С первыми поддерживаешь отношения для протекции, со вторыми — для души.

Обе женщины весело рассмеялись.

— Почему вас совсем не видно? — спросила Анжелика. — Вы могли бы выходить к столу вместе с нами.

— Нет, это выше моих сил! — вздрогнув, воскликнула Франсуаза Скаррон. — Вы знаете, один только вид старухи Кордо и ее сына вызывают во мне смертельный страх!..

Удивленная Анжелика уже хотела было спросить, почему, но ее остановил донесшийся с лестницы какой-то странный звук, напоминавший звериное рычание.

Госпожа Скаррон, подойдя к двери, открыла ее, но тут же, торопливо захлопнув, отпрянула.

— Боже мой, там на лестнице сам дьявол!

— Дьявол?

— Во всяком случае, если это человек, то он абсолютно черный!

Анжелика радостно вскрикнула и выбежала на лестничную площадку.

— Куасси-Ба! — позвала она.

— Да, да, это я, каспаша, — ответил мавр.

И он, как черный призрак, выступил из темноты узкой лестницы. Одет он был в какие-то лохмотья, подвязанные веревками. Лицо серое, кожа отвисла. При виде Флоримона он засмеялся, бросился к просиявшему мальчику и протанцевал перед ним какой-то неистовый танец.

Франсуаза Скаррон в ужасе выбежала и спряталась в своей комнате.

Анжелика сжала руками виски, стараясь собраться с мыслями. Когда же... когда исчез Куасси-Ба? Нет, она никак не может вспомнить. Все спуталось в ее голове. С трудом ей удалось восстановить в памяти, что утром того страшного дня, когда она была на аудиенции у короля и чуть не погибла от руки самого герцога Орлеанского, Куасси-Ба сопровождал ее в Лувр. Но потом, она должна была признаться себе в этом, она совершенно забыла о своем мавре.

Анжелика подбросила в огонь хворосту, чтобы Куасси-Ба мог высушить свои промокшие под дождем лохмотья, и покормила его, выложив на стол все, что смогла отыскать у себя. Он рассказал ей о своих злоключениях.

В том большом дворце, где живет король Франции, Куасси-Ба долго-долго дождался свою «каспащу». О, как это было долго! И все служанки, что проходили мимо, смеялись над ним.

Потом наступила ночь. Потом его здорово избили палками. Потом он проснулся в воде, да-да, в воде, которая течет мимо этого большого дворца...

«Его избили до потери сознания и бросили в Сену», — отметила про себя Анжелика.

Куасси-Ба поплыл; наконец он достиг берега. Когда он снова проснулся, он был счастлив — ему показалось, что он у себя на родине. Над ним склонились трое мавров. Да, не арапчата, которых дамы берут себе в пажи, а трое взрослых мавров.

— Ты уверен, что это тебе не приснилось? — удивленно спросила Анжелика. — Мавры в Париже! По-моему, взрослых мавров здесь очень мало.

Расспросив его поподробнее, она наконец поняла, что его подобрали негры, которых показывали на ярмарке в Сен-Жермене как какое-то чудо, те самые негры, что водили ученых медведей. Но Куасси-Ба не пожелал остаться с ними. Он боялся медведей.

Закончив свой рассказ, Куасси-Ба вытащил из-под лохмотьев корзиночку и, встав на колени перед Флоримоном, дал ему два мягких хлебца, которые назывались овечьими, с золотистой корочкой, смазанной желтком и посыпанной зернами пшеницы. Хлебцы распространяли дивный аромат.

— На что же ты их купил?

— А я не купил! Я вошел в булочную и сделал вот так... — Куасси-Ба скорчил чудовищную гримасу. — Хозяйка и ее служанка сразу же спрятались под прилавок, а я взял для моего маленького хозяина хлебцы.

— Боже мой! — вздохнула потрясенная Анжелика.

— Если бы у меня была моя большая кривая сабля...

— Я продала ее старьевщику, — торопливо ответила Анжелика.

Она подумала, не выследили ли Куасси-Ба стражники. И тут же с улицы донесся какой-то подозрительный шум. Подойдя к окну, она увидела, что перед домом собралась толпа. Какой-то весьма почтенного вида мужчина в темном плаще спорил о чем-то с матушкой Кордо. Анжелика приоткрыла окно и прислушалась.

Госпожа Кордо крикнула ей:

— Говорят, у вас в комнате находится чернокожий?

Анжелика поспешно сбегала вниз.

— Совершенно верно, госпожа Кордо. Это мавр, он... он бывший слуга. Он славный мальчик.

Почтенный мужчина представился. Он бальи Тампля, и ему принадлежит право от имени великого приора вершить здесь суд низший, средний и высший. Он сказал, что мавр не может жить в стенах Тампля, тем более что тот, о котором идет речь, одет, как бродяга.

После длительных переговоров Анжелике пришлось дать слово, что Куасси-Ба покинет Тампль до наступления ночи.

Она поднялась к себе огорченная.

— Что же мне с тобой делать, бедный мой Куасси-Ба? Твое появление вызвало здесь целую бурю. Да и у меня нет денег, чтобы кормить и содержать тебя. Ты привык к роскоши — да, увы! — привык жить в довольстве...

— Каспаша, продай меня.

И так как она посмотрела на него с удивлением, добавил:

— Граф заплатил за меня очень дорого, а ведь я тогда был ребенком. Сейчас я стою не меньше тысячи ливров. У тебя будет много денег, чтобы выволить господина из тюрьмы.

Анжелика подумала, что он прав. В общем-то, Куасси-Ба — единственное, что у нее осталось от всего ее богатства. Конечно, ей было неприятно продавать его, но, пожалуй, у нее нет лучшего способа пристроить этого несчастного дикаря, затерявшегося среди мерзости цивилизованного мира.

— Приходи ко мне завтра, — сказала она мавру. — Я что-нибудь придумаю. Только смотри, не попадись в руки стражи.

— О, я-то знаю, как спрятаться. Теперь у меня в этом городе много друзей. Я делаю вот так, и тогда друзья говорят: «Ты наш», — и ведут меня в свой дом.

Куасси-Ба показал, как надо скрестить пальцы, чтобы тебя признали друзья, о которых он говорил.

Анжелика дала ему одеяло и долго смотрела в окно, пока длинная худая фигура Куасси-Ба не исчезла в пелене дождя. Она сразу же пошла к брату посоветоваться, как ей поступить, но преподобного отца де Сансе не оказалось в Тампле.

Анжелика с озабоченным видом возвращалась к себе, когда, перепрыгивая через лужи, ее обогнал юноша со скрипичным футляром под мышкой.

— Джованни!

Поистине сегодня день встреч! Чтобы не промокнуть под дождем, она затащила юного музыканта в портик старой церкви и попросила его рассказать о себе.

— В оркестр господина Люлли меня еще не приняли, — начал он, — но герцогиня де Монпансье, уезжая в Сен-Фаржо, уступила меня герцогине де Суассон, которая назначена правительницей дома королевы. — И он заключил с важным видом. — Теперь у меня великолепные связи, и я могу хорошо зарабатывать, давая уроки музыки и танцев девушкам из знатных семей. Вот и сейчас я возвращаюсь от мадемуазель де Севинье, которая живет в отеле Буффлер.

Бросив смущенный взгляд на скромный наряд своей бывшей госпожи, он робко спросил:

— Простите, госпожа графиня, могу ли я узнать, как ваши дела? Когда мы снова увидим мессира графа?

— Скоро. Это вопрос дней, — ответила Анжелика, думая о другом. Схватив юношу за плечи, она сказала:

— Джованни, я решила продать Куасси-Ба. Помнится, когда-то герцогиня де Суассон высказала желание купить его, но я не могу выйти из Тампля и тем более отправиться в Тюильри. Не возьмешь ли ты на себя роль посредника?

— Всегда к вашим услугам, госпожа графиня, — любезно ответил юный музыкант.

Он, видимо, развил бурную деятельность: не прошло и двух часов — Анжелика в это время готовила ужин Флоримону, — как в дверь постучали. Она открыла и увидела высокую рыжую женщину и лакея в вишневого цвета ливрее дома герцога де Суассон.

— Мы от Джованни, — сказала женщина. Под ее пелериной Анжелика заметила весьма кокетливое платье горничной.

На лице вошедшей были написаны хитрость и наглость — обычное выражение лица любимой служанки знатной дамы.

— Мы готовы обсудить ваше предложение, — продолжала она, смерив взглядом Анжелику и быстро оглядев комнату. — Но мы сначала хотим узнать, сколько придется на нашу долю?

— Сбавь-ка тон, моя милая, — обрезала горничную Анжелика, сразу поставив ее на свое место.

Анжелика села, не предложив сесть посетителям.

— Как тебя зовут? — спросила она лакея.

— Ла Жасент, госпожа графиня.

— Хорошо! Ты, я вижу, по крайней мере сообразителен, да и память у тебя хорошая. Так скажи, почему я должна платить двоим?

— А как же иначе? Такие дела мы всегда проворачиваем вместе.

— Значит, у вас сообщество. Слава богу, что в нем не состоит вся челядь герцога. Так вот что вы должны сделать: передайте госпоже герцогине, что я желала продать ей своего мавра Куасси-Ба. Но я не могу прийти в Тюильри. Пусть ваша хозяйка назначит мне свидание в Тампле, в чьем-нибудь доме по своему выбору. И еще, я настаиваю, чтобы все держалось в полной тайне и чтобы мое имя даже не упоминалось.

— Это сделать нетрудно, — взглянув на своего дружка, сказала служанка.

— Вы получите по два ливра с десяти. Вам ясно, что чем выше будет цена, тем больше достанется вам. Значит, у герцогини де Суассон должно появиться такое горячее желание приобрести этого мавра, чтобы она не постояла за ценой.

— Это я беру на себя, — пообещала служанка. — Кстати, не дальше как вчера вечером, когда я причесывала госпожу герцогиню, она снова высказала сожаление, что в ее свите нет этого страшного дьявола. Да помилует ее бог! — закончила она, подняв глаза к потолку.

Анжелика с Куасси-Ба сидели в ожидании в маленькой каморке, примыкавшей к службам отеля Буффлер.

В этот день был прием в литературном салоне, и из комнат госпожи де Севинье доносились смех и возгласы гостей. Мимо

Анжелики мальчишки-лакеи то и дело проносили подносы с пирожными.

Хотя Анжелика и не признавалась в этом даже самой себе, она страдала от сознания, что отстранена от светской жизни, в то время как в нескольких шагах от нее женщины ее круга продолжали развлекаться, как прежде. Она так мечтала познакомиться с Парижем, с этими литературными салонами в альковах, где собирались самые блестящие умы!..

Сидя рядом со своей госпожой, Куасси-Ба испуганно таращил свои большие глаза. Анжелика взяла для него напрокат у старьевщика в Тампле старую ливрею с обтертыми галунами, но и в ней он выглядел довольно жалко.

Наконец, дверь распахнулась, и, шурша юбками и обмахиваясь веером, в сопровождении своей горничной вошла оживленная герцогиня де Суассон.

— О, вот и та женщина, о которой ты мне говорила, Бертиль...

И, не закончив фразы, она пристально взгляделась в Анжелику.

— Да простит меня бог, неужели это вы, дорогая моя? — воскликнула она.

— Да, я, — улыбнулась Анжелика, — и, прошу вас, не удивляйтесь. Вы же знаете, мой муж в Бастилии, и, естественно, я тоже в весьма затруднительном положении.

— О, конечно, конечно, — понимающе проговорила Олимпия де Суассон. — Разве каждый из нас не побывал в немилости? Когда моему дяде кардиналу Мазарини пришлось бежать из Франции, сестры и я ходили в драных юбках, а люди на улице забрасывали нашу карету камнями и обзывали нас «шлюхами Манчини». А вот сейчас, когда бедняга кардинал умирает, они, наверно, жалеют его больше, чем я. Видите, как изменчива фортуна... Но разве это ваш мавр, дорогая? Тогда он показался мне более привлекательным. Толще и чернее.

— Это потому, что он замерз и голоден, — поспешила объяснить Анжелика. — Но поверьте мне, как только он поест, он сразу же снова станет черным как уголь.

Красавица сделала кислую мину. Куасси-Ба с кошачьей ловкостью вскочил.

— Я еще сильный! Смотри!

Он рванул старую ливрею, обнажив грудь, покрытую причудливой выпуклой татуировкой, расправил плечи, напряг мускулы, как ярмарочный боец, и вытянул вперед чуть согнутые руки. Его темная кожа отливала синевой.

Выпрямившись, он замер и сразу показался выше. Хотя он стоял не двигаясь, само присутствие этого мавра создавало в маленькой комнатке какую-то необычную атмосферу. Бледные лучи солнца, пробиваясь сквозь витражи, словно позолотили кожу этого отторгнутого от родины сына Африки.

Куасси-Ба опустил ресницы, так что почти исчезли белоснежные белки его глаз, и из-под своих удлинённых египетских век посмотрел на герцогиню де Суассон. Его толстые губы медленно растянулись в вызывающей и нежной улыбке.

Анжелика никогда не видела Куасси-Ба таким красивым, и никогда, да, никогда не видела его таким... страшным.

Словно хищный зверь, он приглядывался к своей добыче. Он инстинктивно понял, чего жаждет от него эта белая женщина, ищущая новых удовольствий.

Его взгляд, казалось, совсем заморозил Олимпию де Суассон. В темных глазах ее горел огонь. Грудь прерывисто вздымалась, а приоткрытый рот с таким бесстыдством выдавал ее желание, что даже служанка при всей своей наглости опустила вдруг взгляд, а Анжелике захотелось убежать, хлопнув дверью.

Но герцогиня взяла себя в руки. Раскрыв веер, она обмахнулась им.

— Сколько... Сколько вы за него хотите?

— Две тысячи пятьсот ливров.

У служанки заблестели глаза.

Олимпия де Суассон чуть не подскочила, окончательно вернувшись на землю.

— Вы сошли с ума!

— Или две с половиной тысячи, или я оставляю его себе, — холодно заявила Анжелика.

— Но, дорогая моя...

— О, госпожа, какая у него шелковистая кожа! — воскликнула Бертиль, робко проведя пальцем по плечу Куасси-Ба. — Вот никогда

бы не подумала, что у мужчины может быть такая нежная кожа! Словно лепесток засушенного цветка!

Герцогиня тоже провела пальцем по гладкой и упругой коже мавра. По телу ее пробежала сладостная дрожь. Набравшись смелости, она потрогала татуировку на его груди и рассмеялась.

— Ну что ж, решено, я его покупаю. Это безумие, но я чувствую, что не могу себе отказать. Бертиль, скажи Ла Жасенту, чтобы принес мою шкатулку.

Лакей, словно ему уже дали знать, тотчас вошел, неся шкатулку из тисненой кожи.

Пока лакей, которому, видимо, было не впервой устраивать тайные дела своей хозяйки, отсчитывал деньги, служанка, выполняя распоряжение герцогини, знаком приказала Куасси-Ба следовать за собой.

— До свидания, каспаша, до свидания, — сказал мавр, подойдя к Анжелике, — а моему маленькому хозяину Флоримону ты скажи...

— Хорошо, иди... — сухо прервала она его.

Но ее в самое сердце поразил взгляд, который бросил на нее мавр, перед тем как выйти из комнаты, — взгляд побитой собаки...

Она торопливо пересчитала деньги и ссыпала их в кошелек. Теперь ей хотелось только одного: поскорее уйти отсюда.

— О, дорогая моя, все это очень тяжело, я понимаю, — вздохнула герцогиня де Суассон, с сияющим лицом обмахиваясь веером. — Но не отчаивайтесь, колесо фортуны беспрестанно вертится. Да, случается, что люди попадают в Бастилию, но ведь и оттуда выходят. Вы знаете, что Пегилен де Лозен вновь в милости у короля?

— Пегилен! — Анжелика просияла от этого известия. — О, как я рада! Что же произошло?

— Его величеству нравятся дерзкие выходки этого смелого дворянина. Он воспользовался первым же предлогом и вернул его. Говорят, Лозен попал в Бастилию из-за того, что дрался на шпагах с Филиппом Орлеанским. А некоторые даже утверждают, будто они схватились из-за вас.

Анжелику мороз пробрал по коже при воспоминании о том ужасном вечере. Она снова с жаром попросила герцогиню де Суассон никому не рассказывать о ней, не раскрывать ее убежища. Герцогиня де Суассон, которая по своему богатому опыту знала, что людьми,

попавшими в опалу, не стоит пренебрегать, пока сам король не решит окончательно их судьбу, поцеловала на прощанье Анжелику и обещала выполнить ее просьбу.

Глава 41

Продажа Куасси-Ба немного отвлекла Анжелику от мыслей о делах мужа. Теперь, когда его судьба зависела не только от ее усилий, она поддалась какому-то фатализму, что в ее состоянии, впрочем, было вполне объяснимо. Несмотря на все ее опасения, беременность протекала нормально. Ребенок, которого она носила под сердцем, был жив.

Гонтран пришел проститься с сестрой. Он отправлялся путешествовать по Франции и купил мула, правда, по его словам, «не такого красивого, как у нас». В городах он будет пользоваться гостеприимством тайного братства подмастерьев. Страдал ли он оттого, что порвал со своей средой? Похоже было, что нет.

Провожая его, Анжелика с грустью посмотрела ему вслед.

Однажды утром она возвращалась с Флоримоном с прогулки к большой башне, куда пастух из Бельвилля часто пригонял стадо коз и ослиц. Он пас их на пустыре, рядом с башней, и продавал молоко, тут же надаивая его при покупателе. Он утверждал, что козье молоко очень полезно кормилицам, а молоко ослицы — «тем, у кого темперамент ослаблен невоздержанностью и распутством». Хотя последнее никак нельзя было отнести к Анжелике, она нередко покупала у него кувшинчик молока ослицы. Анжелика шла, держа за ручку Флоримона, который семенил рядом, как вдруг, подходя к дому, услышала крики и увидела сына своей хозяйки, который убегал, прикрывая руками голову, а за ним мчались дети и бросали в него камнями.

— Кордо! Висельник! Иди-ка сюда! Высунь-ка язык, как висельник!

Мальчишка, даже не пытаясь сопротивляться, вбежал в дом.

Немного погодя, в час обеда, она увидела его на кухне — он спокойно ел свою порцию гороха.

Сын вдовы Кордо не вызывал особого интереса у Анжелики. Это был крепкий, коренастый пятнадцатилетний подросток, молчаливый и,

судя по низкому лбу, не отличающийся большим умом. Но он был услужлив с матерью и жильцами.

Единственным его развлечением по воскресеньям, по-видимому, была игра с Флоримоном, который командовал им, как хотел.

— Что случилось, бедный мой Кордо? — спросила Анжелика, садясь перед глиняной миской, куда хозяйка положила ей горох с китовым мясом. — У тебя же такие крепкие кулаки, почему ты не проучил бездельников, которые бросали в тебя камнями?

Подросток пожал плечами, а его мать сказала:

— Знаете, за столько времени он уже привык. Я и сама, случается, обмолвлюсь и назову его Висельником. А камнями-то в него всегда кидали, даже когда он был совсем маленький. Это на него не действует. Главное, чтобы он стал мастером своего дела, вот что! Тогда его будут уважать. В этом я не сомневаюсь!

И старуха усмехнулась, что сделало ее еще более похожей на колдунью.

Анжелика вспомнила, с каким отвращением Франсуаза Скаррон говорила о сыне и о матери, и удивленно посмотрела на колдунью.

— Так это, значит, правда? Вы ничего не знаете? — спросила вдова Кордо, снова ставя сковороду на огонь. — Ну что ж, я не собираюсь этого скрывать: мой сын работает у мэтра Обена.

И так как Анжелика ничего не поняла, старуха пояснила:

— Мэтр Обен — палач! Вот так-то!

У Анжелики по всей спине, сверху донизу, побежали мурашки. Она молча принялась за свой немудреный обед. Было время поста, предшествующего рождественским праздникам, и к столу ежедневно подавали одно и то же блюдо: кусок вареного китового мяса и горох — постный обед бедняков.

— Да, он подмастерье палача, — продолжала старуха, садясь за стол. — Что поделаешь, чтобы мир существовал, нужны разные профессии. Мэтр Обен — родной брат моего покойного мужа, и у него одни дочери. Так вот, когда умер мой муж, мэтр Обен написал мне в деревню, где мы жили, что он займется моим сыном и обучит его ремеслу, а позже, может быть, передаст ему свою должность. А ведь вы сами понимаете, быть парижским палачом — это что-нибудь да значит! Хотелось бы мне дожить до того времени и увидеть сына в красных штанах и куртке.

Она почти с нежностью взглянула на круглую голову своего ужасного отпрыска, который продолжал пожирать горох.

«А ведь, может быть, даже сегодня утром он набросил веревку на шею какого-нибудь осужденного, — в ужасе подумала Анжелика. — Мальчишки с площади Карро правы: кто занимается подобным ремеслом, только так и должен называться».

Вдова, приняв молчание Анжелики за сочувствие и внимание, продолжала:

— Муж мой тоже был палачом. Но в деревне это совсем иное дело, ведь на смертную казнь везут в город. Поэтому если не считать того, что он пытал воров, он скорее был живодером, сдирал шкуры с убитого скота да еще зарывал в землю падаль...

Вдова все говорила и говорила, обрадованная, что ее в кои-то веки не прерывают с ужасом.

— Напрасно думают, что работа палача простая. Чтобы вырвать признание, надо знать много сложных приемов. Так что у мальчишки дел хватает! Он должен научиться одним ударом меча или топора отрубать голову, уметь орудовать раскаленным железом, прокалывать язык, вешать, топить, колесовать и, наконец, четвертовать, знать пытку водой, «испанскими сапогами», дыбой.

В тот день обед Анжелики так и остался в тарелке, а сама она поторопилась уйти в свою комнату.

Знал ли Раймон о ремесле сына вдовы Кордо, когда посылал к ней свою сестру? Нет, конечно, не знал. Правда, Анжелике даже на мгновение не приходила в голову мысль, что ее муж, хотя он и заключен в тюрьму, может когда-нибудь попасть в руки палача. Ведь Жоффрей де Пейрак — дворянин! Наверняка есть закон, дающий привилегии людям знатного происхождения, закон, запрещающий применять к ним пытки. Но надо спросить у Дегре... Палачи — это для бедняков, для тех, кого, пригвоздив к позорному столбу, выставляют напоказ на площади, кого голыми секут плетью на перекрестках и вешают на Гревской площади, для всех этих «висельников», которые доставляют такое развлечение черни. Но не для Жоффрея де Пейрака, последнего из графов Тулузских!..

С того дня Анжелика старалась бывать в кухне госпожи Кордо как можно реже.

Она сблизилась с Франсуазой Скаррон и, поскольку после продажи Куасси-Ба у нее появились деньги, купила дров, чтобы хорошенько растапливать камин, и приглашала молодую вдову к себе в комнату.

Госпожа Скаррон по-прежнему уповала на то, что король когда-нибудь прочтет ее прошение. Время от времени ранним утром она шла в Лувр, полная надежд, и возвращалась, утратив их, но зато с запасом придворных сплетен, которыми они потом развлекались целый день.

Одно время она покинула Тампль, поступив гувернанткой в дом какой-то знатной дамы, но дней через десять вернулась под сень монастырских стен в свою холодную комнату и, ничего не объяснив, повела свою прежнюю уединенную жизнь.

Изредка ее посещали знатные особы из числа тех, кто при жизни мужа бывал в ее доме, где собиралось язвительное общество острословов, душой которого был сатирик Скаррон.

Как-то через стенку до Анжелики донесся зычный голос Атенаис де Тонне-Шарант. Из разговора Анжелика поняла, что красавица пуатевенка продолжает бурную жизнь в высшем свете, но тем не менее ей до сих пор не удалось подцепить себе титулованного и богатого мужа.

В другой раз к госпоже Скаррон пришла жизнерадостная и еще очень красивая женщина, хотя ей было уже под сорок. Анжелика слышала, как, уходя, она сказала госпоже Скаррон:

— Что вы хотите, дорогая, надо уметь наслаждаться сегодняшним днем. Мне больно видеть вашу холодную комнату, ваше поношенное платье... Нет, имея такие изумительные глаза, грешно жить в нищете!

Франсуаза тихо ответила что-то, но слов Анжелика не разобрала.

— Не спорю, — весело продолжал мелодичный голос, — но ведь это в наших руках — сделать так, чтобы зависимость, не более унижительная, чем хлопоты о пенсии, не превратилась в рабство. Например, мой теперешний содержатель, который дает мне возможность жить на широкую ногу, легко довольствуется двумя короткими свиданиями в месяц. «За пятьсот ливров, — сказала я ему, — я не могу разрешить вам большего». И он не протестует, зная, что иначе не получит вообще ничего. О, он добряк, его единственное достоинство состоит в том, что он великолепно разбирается в мясе, так как его дед был мясником. Когда я устраиваю приемы, он дает мне

советы. Я его предупредила, что у меня могут быть свои маленькие прихоти и он не должен ревновать. Вас все это шокирует, дорогая? О, я вижу, как вы поджали свои красивые губки. Но послушайте, в природе нет ничего более разнообразного, чем радости любви, хотя, казалось бы, любовь всегда сводится к одному.

Встретившись с Франсуазой, Анжелика не удержалась и спросила ее, кто была эта гостья.

— Вы только не подумайте, что мне нравится дружить с такой женщиной, — смущенно ответила Франсуаза. — Но право, нельзя не признать, что Нинон де Ланкло — самая очаровательная и остроумная среди всех моих подруг. Она мне очень помогла, сделала все, что было в ее силах, чтобы добиться для меня протекции. Но порою я думаю, не приносят ли мне ее рекомендации больше вреда, чем пользы.

— Мне было бы приятно познакомиться и поболтать с нею. Нинон де Ланкло... — задумчиво проговорила Анжелика. Она уже слышала имя этой прославленной куртизанки. — Когда я узнала, что поеду в Париж, я подумала: «Как бы мне хотелось быть принятой в салоне Нинон де Ланкло!»

— Пусть покарает меня бог, если я лгу, — с восторженным блеском в глазах воскликнула молодая вдова, — но в Париже не сыскать другого места, где бы ты чувствовал себя так непринужденно! Тон там задан божественный, абсолютно безупречный, и никогда не бывает скучно. Салон Нинон де Ланкло — воистину дьявольская ловушка, ведь никогда не скажешь, что душой его является такая безнравственная женщина. Вы знаете, как про нее говорят? «Нинон де Ланкло переспала с двором Людовика XIII и собирается продолжить это с двором Людовика XIV». Кстати, меня это несколько не удивило бы: эта женщина — воплощение вечной молодости.

...В тот день, придя по просьбе Раймона в приемную иезуитов, где она уже была однажды, Анжелика думала, что найдет там брата и Дегре, которого она давно не видела. Но в приемной сидел лишь немолодой низенький человек в черном костюме и «парике клерка» — так называли парик из конского волоса с пришитой к нему кожаной черной шапочкой.

Он встал и неловко, как-то старомодно поклонился ей, а затем представился: он секретарь суда, а теперь нанят мэтром Дегре подготовить бумаги к процессу господина де Пейрака.

— Я приступил к своим обязанностям всего три дня назад, но уже имел обстоятельные беседы с мэтром Дегре и мэтром Фалло, которые ввели меня в курс дела и поручили вести деловую переписку, а также подготовку вашего процесса.

Анжелика с облегчением вздохнула.

— Наконец-то добились! — воскликнула она.

Коротышка с возмущением посмотрел на свою клиентку, которая явно ничего не смыслила в сложнейшей машине правосудия.

— Если уж мэтр Дегре оказал мне огромную честь и обратился ко мне за помощью, значит, этот юноша понял, что, несмотря на все его замечательные дипломы, которые он заслужил своим умом, ему необходим человек, досконально разбирающийся во всех тонкостях судебной процедуры. И этот человек — я, госпожа.

Он закрыл глаза, сглотнул слюну и устремил взгляд на пылинки, кружащиеся в луче солнца. Анжелика была немного растеряна.

— Так разве вам не сказали, что процесс уже подготовлен?

— Не так скоро, уважаемая госпожа. Я только сказал, что работаю над подготовкой упомянутого выше процесса и...

Он не закончил, так как вошли адвокат Дегре и Раймон.

— Что за птицу вы мне подослали? — шепнула Анжелика Дегре.

— Не бойтесь, это безобидный жучок, у которого вся жизнь в писанине, но в своем деле он — маленький бог.

— Но, судя по его словам, он собирается гноить моего мужа в тюрьме лет двадцать.

— Господин Клопо, у вас слишком длинный язык и вы вывели из себя госпожу де Пейрак, — сказал адвокат.

Коротышка весь сжался и, словно таракан, забился в угол.

Анжелика чуть не расхохоталась.

— Вы слишком суровы с вашим бумажным божком.

— Он меня боится, и это единственное мое преимущество перед ним. Ведь он во сто раз богаче меня. А теперь сядем и обсудим наши дела.

— Есть решение относительно процесса?

— Да.

Анжелика посмотрела на Раимона, затем на адвоката, чувствуя, что они чего-то недоговаривают.

— Само появление господина Клопо уже должно было подсказать тебе, — проговорил наконец Раймон, — что нам не удалось добиться, чтобы твой муж предстал перед церковным судом.

— Как же так?.. Ведь его обвиняют в колдовстве...

— Мы приводили все доводы, пустили в ход все связи, можешь мне поверить. Но мне кажется, король хочет доказать, что он еще более ревностный католик, чем папа. А вообще-то, по мере того как кардинал Мазарини приближается к могиле, наш юный монарх все больше прибирает к рукам государственные дела, включая и дела церкви. Разве не об этом свидетельствует тот факт, что епископов теперь назначают по выбору короля, а не церковных властей? Одним словом, мы ничего не смогли добиться, кроме решения начать гражданский процесс.

— Это все же лучше, чем просто обвинение, ведь правда? — спросила Анжелика, ища в глазах Дегре поддержку. Но лицо адвоката не выражало ничего.

— Всегда лучше знать, какая судьба тебя ожидает, чем долгие годы пребывать в неведении, — сказал он.

— Не будем растревлять свои раны этой неудачей, — снова заговорил Раймон. — Сейчас нам надо обдумать, как можем мы повлиять на ход процесса. Король сам назначит судей. Наша задача — дать ему понять, что он должен проявить беспристрастие и справедливость. Влиять на совесть короля — дело щекотливое...

Эти слова напомнили Анжелике фразу, сказанную некогда маркизом дю Плесси о господине Венсане де Поле: «Венсан де Поль — совесть королевства».

— О! — воскликнула она. — Как же мы не подумали об атом раньше! Господин Венсан де Поль — вот кто мог бы поговорить с королевой или королем о Жоффрее, и я уверена, он бы их переубедил.

— Увы! Господин Венсан де Поль месяц назад скончался в своем доме в Сен-Лазаре.

— Боже мой! — вздохнула Анжелика, и от огорчения глаза ее наполнились слезами. — О, почему мы не вспомнили о нем, когда он был жив! Он сумел бы их убедить! Он бы настоял на церковном суде!

— Неужели ты думаешь, что мы не пустили в ход все средства, чтобы добиться этого? — довольно резко спросил иезуит.

Глаза Анжелики блестели.

— Да, конечно, — прошептала она. — Но господин Венсан де Поль — святой.

Наступило молчание. Его нарушил отец де Сансе.

— Ты права, — со вздохом сказал он. — Только святой способен сломить гордыню короля. Даже самые приближенные к нему люди плохо знают истинную душу этого юноши, у которого под внешней сдержанностью кроется неудержимая жажда власти. О, я не сомневаюсь, он будет великим королем, но...

Он осекся, решив, по-видимому, что рассуждать на подобные темы опасно.

— Мы узнали, — заговорил он после паузы, — что несколько ученых, живущих в Риме, причем двое из них входят в нашу конгрегацию, обеспокоены арестом графа Жоффрея де Пейрака, и они протестовали, но пока что тайно, поскольку сам арест графа до сих пор тоже держали в секрете. Можно было бы, заручившись их свидетельствами, обратиться к папе с просьбой направить послание королю. Если августейший голос папы укажет королю, какую ответственность он берет на себя, и попросит с вниманием отнестись к делу человека, обвинение которого в колдовстве величайшие умы считают необоснованным, король может изменить свое решение.

— И ты думаешь, такое послание удастся получить? — недоверчиво спросила Анжелика. — Церковь не любит ученых.

— Мне кажется, что не женщине твоего образа жизни судить об ошибках и заблуждениях церкви, — мягко ответил Раймон.

Анжелику не обманул его ласковый тон. Она ничего не ответила.

— Мне кажется, что сегодня между Раймоном и мной чувствовалась какая-то отчужденность, — сказала она адвокату немного погодя, провожая его до потерны. — Почему он заговорил о моем образе жизни? По-моему, я веду не менее примерную жизнь, чем вдова палача, у которой я квартирую.

Дегре улыбнулся.

— Подозреваю, что ваш брат уже получил кое-какие из тех листков, что сегодня с утра ходят по Парижу. Клод Ле Пти, знаменитый поэт с Нового моста, который вот уже шесть лет как

портит аппетит многим вельможам, прослышал о процессе над вашим мужем и пустил в ход свое ядовитое перо.

— Что же он мог написать? Вы читали его памфлеты?

Адвокат знаком подозвал к себе идущего сзади Клопо и, взяв плюшевый мешок, который тот нес, достал оттуда пачку неряшливо отпечатанных листков.

Это были песенки, написанные остро и легко, но чувствовалось, что автор нарочно подбирал самые вульгарные слова, самую гнусную брань, называя заключенного в Бастилию Жоффрея де Пейрака «Великим хромым, Косматым, Прославленным рогоносцем из Лангедока»...

Всласть поиздевавшись над внешностью графа, он заканчивал один из своих пасквилей такими строками:

*А красавица графиня де Пейрак
Молит бога, чтобы этот граф-дурак
Там остался заточенным до конца,
А она б любила в Лувре подлеца.*

Анжелике казалось, что она зальется краской стыда, но она, напротив, побледнела как смерть.

— Ах проклятый грязный стихоплет! — вскричала она, бросая листки в грязь. — Впрочем, нет, грязный — это для него даже слишком хорошо!

— Тише, сударыня, не надо так браниться, — остановил ее Дегре, делая вид, будто возмущен, а клерк перекрестился. — Господин Клопо, будьте любезны, подберите эту мерзость и спрячьте в мешок.

— Хотела бы я знать, почему, вместо того чтобы сажать честных людей, не упрячут в тюрьму этих паршивых писак, — продолжала Анжелика, вся дрожа от гнева. — Я слышала даже, что этих щелкоперов сажают в Бастилию, словно они люди, достойные уважения. Почему не в Шатле, ведь они настоящие разбойники?

— Не так-то легко их сцапать. Они неуловимы. Они всюду и нигде. Клода Ле Пти уже десять раз должны были повесить, но он снова появляется со своими язвительными песенками, да там, где его меньше всего ждут. Клод Ле Пти — недремлющее око Парижа. Он видит все, знает все, а его не видит и не знает никто. Вот и я никогда

не встречал его, но думаю, что уши у него не меньше, чем поднос цирюльника, так как они вбирают в себя все столичные сплетни. Его бы надо не преследовать, а нанять на должность осведомителя.

— Его надо повесить, вот и все!

— Правда, наша дорогая и бездействующая полиция относит этих газетчиков к неблагонамеренным лицам, но ей никогда не удастся схватить поэта с Нового моста, если в это дело не вмешаемся мы — я и моя собака.

— Сделайте это, умоляю вас! — Анжелика обеими руками схватила Дегре за его брыжи из грубого холста. — Пусть Сорбонна притащит мне его живым или мертвым!

— Нет, уж лучше я преподнесу его кардиналу Мазарини, потому что, поверьте мне, он самый главный его враг.

— Как же могли допустить, что этот лжец так долго и безнаказанно распространяет свою стряпню?

— К сожалению, сила Клода Ле Пти заключается в том, что он никогда не лжет и очень редко ошибается.

Анжелика хотела возразить, но вспомнив о маркизе де Варде, прикусила язык, подавив свою ярость и стыд.

Глава 42

За несколько дней до рождества выпал снег. Город оделся в праздничный наряд. Церкви украсились сценами, изображающими рождение Христа, в яслях из толстого картона и ракушек между быком и ослом лежал младенец Иисус.

По грязным от талого снега улицам Парижа тянулись длинные шествия религиозных братств с хоругвями и песнопениями.

Как и каждый год, следуя обычаю, августинцы из городской больницы пекли горы оладий, поливали их лимонным соком, и дети, наполнив тазы, разбредались по всему Парижу продавать их. Оладьи августинцев разрешалось есть во время поста. Вырученные деньги шли на рождественские подарки неимущим больным.

Как раз в это время жизнь Анжелики наполнилась бурными событиями. Затянутая в зловещую паутину, которой был окутан ужасный процесс, она едва ли замечала, что наступили благословенные предрождественские дни.

Сначала как-то утром в Тампль пришел Дегре и сообщил Анжелике, какие сведения ему удалось получить по поводу назначения судей.

— Прежде чем сделать выбор, долги изучали каждого. И отбирали их — не будем строить иллюзий! — исходя вовсе не из их беспристрастности, а из их приверженности королю. Кроме того, старательно были отведены те магистраты, которые хотя и преданы королю, но имеют репутацию людей мужественных и в известных случаях могут не поддаться нажиму со стороны короля. Это прежде всего один из самых знаменитых наших адвокатов мэтр Галлеман, положение которого весьма прочно, потому что во времена Фронды он открыто встал на сторону королевской власти, хотя вполне мог угодить за это в тюрьму. Но он из тех людей, которые не боятся никого, и его неожиданные выпады не раз потрясли Дворец правосудия. Я очень надеялся, что его включат в число судей, но, увы, выбраны только те, в ком абсолютно уверены.

— После того что я узнала за последнее время, в этом можно было не сомневаться, — мужественно ответила Анжелика. — Но вы

знаете хотя бы несколько имен из тех, кого уже назначили?

— Прежде всего канцлер Сегье. Он будет лично вести допрос для проформы и для того, чтобы создать вокруг процесса побольше шумихи.

— Канцлер Сегье! Да я и надеяться на такое не смела!

— Не радуйтесь раньше времени. За свой высокий пост канцлер Сегье расплачивается своей независимостью. Я слышал также, что Сегье виделся с арестованным и разговор у них был весьма бурный. Граф отказался принести присягу, заявив, что специальный суд не правомочен судить советника тулузского парламента, что на это имеет право только верховная палата парижского парламента.

— Но вы, кажется, говорили, что парламентский суд нежелателен из-за того, что члены парламента находятся в зависимости от господина Фуке?

— Да, сударыня, и я попытался предупредить об этом вашего мужа. Не знаю, или моя записка не дошла до него, или же гордость помешала ему принять чужой совет, но я передаю вам его ответ канцлеру Сегье.

— Так что же будет? — с тревогой спросила Анжелика.

— Думаю, что король по своему обыкновению пренебрежет законом, и графа де Пейрака все же будет судить королевский суд, и если это потребует, то «как бессловесного».

— Что это значит?

Адвокат объяснил: это означает, что его будут судить как находящегося в отсутствии, заочно, а это ухудшит дело, потому что если в Англии, например, прокурор обязан в письменном виде привести доказательства вины арестованного, в противном случае тот должен быть освобожден в течение двадцати четырех часов, то во Франции подсудимый априори рассматривается как виновный.

— А прокурор уже назначен?

— Их два. Один из них — главный королевский прокурор Дени Талон. А другой, как я предвидел, ваш зять Фалло де Сансе. Правда, сославшись на родство с вами, он сделал было вид, будто отказывается от этого назначения, но его уговорили — либо Талон, либо кто-то еще, во всяком случае, теперь в кулуарах Дворца правосудия говорят, что он поступил весьма предусмотрительно, пожертвовав своим семейным долгом ради верности королю, которому обязан всем.

Анжелика промолчала, но лицо ее перекопилось от ярости. Она сдержала себя, ожидая продолжения.

— Назначен также некий Массно, президент тулузского парламента.

— Ну, этот наверняка постарается выполнить любой приказ короля и, главное, отомстить дерзкому аристократу...

— Не знаю, сударыня, возможно и так; ведь кандидатура Массно выдвинута самим королем. Между прочим, мне рассказали, что Массно якобы беседовал по поводу вашего мужа с герцогиней де Монпансье и, судя по этому разговору, Массно относится к графу де Пейраку отнюдь не враждебно и весьма сожалеет о своем назначении.

Анжелика пыталась что-то вспомнить.

— Да, правда, герцогиня де Монпансье и мне говорила что-то в этом роде. Но, поразмыслив, я все-таки пришла к выводу, что едва ли можно рассчитывать на его благосклонность, так как — увы! — я сама слышала, как он и мой муж осыпали друг друга бранью.

— Видимо, это и побудило короля назвать его имя. Ведь король лично назначил только двоих — королевского прокурора Талона и Массно, остальных выбирали Сегье или же сам Талон.

— А кто будет еще?

— Еще будет председатель суда. Мне называли Месмона, но, по моему, вряд ли. Он такой старый, уже на ладан дышит. Не представляю себе, как он сможет вести процесс, который обещает быть весьма бурным. А может, Месмона именно потому и выбрали, что он совсем немощен, так как вообще-то у него репутация человека честного и совестливого. Если только у него хватит на этот процесс сил, то он — один из тех, кого мы можем надеяться склонить на свою сторону.

Помолчав, Дегре продолжал:

— Будет еще Бурье, секретарь Королевского совета — этот среди судейских слышет прирожденным фальсификатором, — а также некий законник Дельма, личность весьма темная. Его назначили скорее всего потому, что он — дядя Кольбера, а Кольбер — доверенное лицо Мазарини. А может быть, тут сыграло роль то, что он гугенот, а король хочет придать суду видимость объективности, показать, что во Франции гражданское правосудие отправляют и представители протестантской религии...

— Думаю, этот гугенот будет очень удивлен, что его заставят судить человека, которого обвиняют в колдовстве, в сговоре с дьяволом и в том, что он одержим бесом, — сказала Анжелика. — Но нам, пожалуй, будет на руку, если хоть один из судей окажется человеком здравомыслящим, свободным от предрассудков.

— Безусловно, — согласился адвокат, озабоченно покачивая головой. — Кстати, по поводу сговора с дьяволом и одержимости бесом... скажите, не знаете ли вы монаха по имени Конан Беше и монахини, которая в миру носила имя Карменсита де Мерекур?

— Еще бы не знать! — воскликнула Анжелика. — Монах Беше — полусумасшедший алхимик, который поклялся выведать у моего мужа секрет философского камня. А Карменсита де Мерекур — это женщина бешеного темперамента, бывшая... любовница Жоффрея, которая никак не может простить ему, что он ею пренебрег. Но какое отношение имеют они к этому процессу?

— Говорят, будто бы под руководством Беше над подсудимым была проведена процедура изгнания беса и в ней принимала участие эта дама. Все это очень туманно. Протокол процедуры совсем недавно был приобщен к делу, и ему кажется, придают особо важное значение.

— Вы его читали?

— Я не читал ни единой бумаги из пухлого дела, которое так рьяно подбирает советник Бурье. А он, по моему мнению, такой человек, что не постесняется призвать на помощь свой талант подделывать документы.

— Но теперь, поскольку процесс — дело решенное, вы, адвокат обвиняемого, имеете право подробно ознакомиться со всеми обвинительными актами?

— Увы, нет! Мне уже не один раз заявляли, что вашему мужу будет отказано в адвокате. Так вот, сейчас я занят главным образом тем, что добиваюсь, чтобы этот отказ был выражен в письменной форме.

— Да вы сошли с ума!

— О нет, нисколько! По юридическим законам отказать в адвокате можно только подсудимому, обвиненному в оскорблении его величества. Ну а так как в данном случае такое обвинение предъявить трудно, то, получив письменный отказ, я тем самым получу доказательство нарушения судебной процедуры, и это сразу же

укрепит мои позиции. Именно таким довольно сложным маневром я надеюсь добиться того, чтобы меня назначили защитником.

Когда через день Дегре снова пришел к Анжелике, его лицо впервые выражало удовлетворение, и у Анжелики радостно забилося сердце.

— Я выиграл! — объявил он, ликуя. — Канцлер Сегье только что назначил меня защитником мессира де Пейрака, обвиняемого в колдовстве. Эта победа одержана благодаря знанию судебной казуистики. Несмотря на готовность слепо подчиняться королю, эти высокопоставленные лакеи из судебного ведомства поняли, что они грубо попирают свои же собственные принципы. Короче, они вынуждены были разрешить подсудимому взять адвоката. Но, пока еще не поздно, сударыня, я хочу предупредить вас, что вы можете выбрать для ведения дела вашего мужа более известного адвоката, чем я.

Анжелика смотрела в окно. В Тампле было пустынно, казалось, будто монастырь спит под снежным покровом. Закутавшись в свою старенькую накидку, прошла помолиться в часовню великого приора госпожа Скаррон. Серое нависшее небо, казалось, приглушало звон маленького колокола.

У входа в дом Сорбонна в ожидании своего хозяина меланхолично кружилась, пытаясь поймать собственный хвост.

Анжелика искоса взглянула на Дегре — он напустил на себя важный, чопорный вид.

— Нет, я, право, не знаю более сведущего человека, которому бы могла доверить ведение столь животрепещущего для меня дела, — проговорила она. — Вы отвечаете всем необходимым требованиям. Мой зять Фалло был прав, когда, рекомендуя вас, сказал мне: «Во-первых, я ценю его ум, а во-вторых, он обойдется вам недорого».

— Спасибо за доброе мнение обо мне, сударыня, — сказал Дегре, которого последние слова Анжелики ничуть не рассердили.

Анжелика машинально водила пальцем по запотевшему стеклу. «Когда мы с Жоффреем вернемся в Тулузу, — думала она, — вспомню ли я об адвокате Дегре? Может, когда-нибудь вспомню, как он водил меня в парильню, и это покажется мне невероятным...»

Вдруг лицо ее преобразилось, и она, обернувшись к Дегре, сказала:

— Насколько я понимаю, теперь вы сможете каждый день видеться с моим мужем. Не могли бы вы провести к нему меня?

Но Дегре отговорил ее: заключенный находится в строгой изоляции, и не надо пытаться преступить это. Он даже не уверен, что ему, адвокату заключенного, разрешат увидеться с ним, но он-то, во всяком случае, собирается воевать за это право при поддержке адвокатской корпорации, в которую входит шестьдесят пять членов, не считая парламентских адвокатов, членов Королевского совета, судебных палат и высшего податного суда, в котором состоит и сам Дегре. Он объяснил, что, состоя членом высшего податного суда, организации довольно скромной, он, пожалуй, имеет больше шансов добиться успеха, чем какой-нибудь известный адвокат, которого сильные мира сего будут опасаться. Теперь надо действовать очень быстро, так как он вырвал право защищать графа де Пейрака, перехитрив королевскую юстицию, и не исключена возможность, что досье с обвинительными документами будет передано ему лишь перед самым процессом, да и то, быть может, не полностью.

— Я знаю, в подобных процессах акты часто составляются на отдельных листах, и канцлер, кардинал Мазарини или же король могут в любой момент вынуть из дела некоторые документы для ознакомления или же вообще изъять их и даже вложить новые. Конечно, это допускается в исключительных случаях, но, согласитесь, дело графа весьма необычное...

Несмотря на столь малоутешительные последние слова адвоката, Анжелика в этот вечер вполголоса напевала, варя кашку Флоримону, и даже с удовольствием съела китовое мясо, которое, как всегда, подала вдова Кордо. В тот день в Тампль приходили дети из городской больницы. Она купила у них несколько чудесных оладий, и после приятного ужина грядущее представилось ей в розовом свете.

Она была вознаграждена за свой оптимизм. На следующий же день вечером пришел Дегре и сообщил ей две поразительные новости: во-первых, ему разрешили ознакомиться с частью обвинительных документов, а во-вторых, он получил разрешение на свидание с заключенным.

Услышав это, Анжелика подбежала к Дегре и, обвив руками его шею, с жаром поцеловала. Но она тут же в смущении отпрянула и, вытирая слезы, заблестевшие у нее на глазах, пробормотала, что от радости совсем потеряла голову.

Дегре проявил тактичность, сделав вид, будто не произошло ничего особенного.

Он сказал, что его свидание с заключенным состоится завтра в Бастилии, в середине дня. Правда, они смогут разговаривать только в присутствии коменданта крепости, но он надеется, что в дальнейшем сумеет добиться свиданий с графом де Пейраком с глазу на глаз.

— Я пойду с вами, — решила Анжелика. — Буду ждать вас около тюрьмы. Я все равно не смогу в это время спокойно сидеть здесь взаперти.

Адвокат рассказал Анжелике, с какими обвинительными документами он ознакомился, и достал из своего потертого плюшевого мешка несколько листов бумаги, на которые он выписал основные пункты обвинения.

— Главное обвинение — колдовство и черная магия. Якобы он является знатоком по части изготовления ядов и зелий, умеет с помощью различных приемов магии узнавать будущее, отводить от себя опасность быть отравленным. При помощи колдовства он обворожил многих вполне здравомыслящих людей, а на других наслал «призыв дьявольский и нелепый», иными словами, навел порчу и злую судьбу... Еще он учит, как пользоваться различной пудрой и цветами, чтобы добиться любви, и все в том же духе. Обвинение утверждает, что одна из его... бывших любовниц умерла, а когда вскрыли ее могилу, то обнаружили во рту у покойницы талисман с портретом графа де Пейрака...

— Это же просто ворох нелепостей! — воскликнула пораженная Анжелика. — Неужели вы думаете, что судьи, люди достойные, станут излагать эти глупости во время заседания?

— Скорее всего, они это сделают, но лично я, например, считаю, что чем больше подобной ахинеи будет содержаться в обвинительном акте, тем легче мне будет опровергнуть его. Далее в обвинении говорится о преступном занятии алхимией, поисках кладов, превращении простых металлов в золото и еще — не падайте в

обморок! — о «еретическом утверждении, будто он создает живые существа». Сударыня, вы не можете разъяснить мне, что это означает?

Анжелика в полном смятении задумалась, потом положила руку на живот, где шевелился ее ребенок.

— Может, они это имеют в виду? — спросила она, смеясь.

Адвокат с растерянным и смиренным видом развел руками и снова принялся читать свои выписки:

— «...С помощью колдовства умножил свое состояние, не гнушаясь такими способами, как превращение простых металлов в золото и тому подобное...» А вот в конце я вижу следующее: «...требовал предоставления ему прав, которые не были положены. Открыто похвалялся своей независимостью от короля и принцев. Принимал у себя подозрительных иностранцев-еретиков и пользовался привезенными из-за границы запрещенными книгами». А теперь, — не без колебания продолжал Дегре, — я перехожу к документу, который вызвал у меня наибольшее беспокойство и удивление. Речь идет об акте, который был составлен после процедуры изгнания беса из вашего мужа, проведенной тремя лицами духовного сана. Они утверждают, что граф уличен в одержимости и сговоре с дьяволом.

— Не может быть! — вскричала Анжелика, чувствуя, как на лбу у нее выступает холодный пот. — Кто они, эти «лица духовного сана»?

— Один из них — монах Беше, о нем я уже говорил вам на днях. Проник ли он в Бастилию как представитель консисторского суда или каким-либо иным образом — не знаю. Но процедура действительно была проведена, и свидетели утверждают, будто все реакции графа явились ярким доказательством его связи с сатаной.

— Не может быть! — повторила Анжелика. — Но вы-то, по крайней мере, не верите в это?

— Я, сударыня, вольнодумец. Я не верю ни в бога, ни в черта.

— Замолчите, — пробормотала она, торопливо крестясь, и, подбежав к Флоримону, прижала его к груди.

— Ты слышишь, что он говорит, мой ангел? — прошептала она. — О, люди сошли с ума!

Некоторое время они молчали, потом Дегре подошел к Анжелике.

— Не волнуйтесь, — снова заговорил он, — за всем этим, несомненно, кроется что-то сомнительное, что весьма важно вовремя раскрыть, так как этот документ, повторяю, самый опасный, поскольку

он может произвести сильнейшее впечатление на судей. Изгнание беса было проведено согласно ритуалу, утвержденному римским консисторским судом. Реакции обвиняемого полностью уличают его. Я отметил, в частности, его реакцию на дьявольскую скверну, а также его способность напускать порчу...

— Но объясните, о чем идет речь?

— По поводу дьявольской скверны специалисты по изгнанию беса отметили, что некоторые точки на теле испытуемого чувствительны к прикосновению серебряного штифта, из которого предварительно изгнали злых духов. Во время этой процедуры обвиняемый то и дело издавал ужасные крики. «Воистину адские», хотя обычное легкое прикосновение этим безобидным инструментом не вызывает у человека ни малейшей боли. Что же касается способности напускать порчу, то к заключенному привели некую особу, которая проявила все признаки одержимости.

— Ну, если это была Карменсита, то я не сомневаюсь, она великолепно разыграла комедию! — саркастически заметила Анжелика.

— Возможно, что речь идет именно об этой монахине, хотя имя ее не упомянуто. Во всяком случае, я повторяю вам, это обвинение звучит весьма фальшиво. Однако, поскольку я предвижу, что на суде к стати и некстати будут ссылаться на него, мне во что бы то ни стало нужно его опровергнуть. К сожалению, пока что я не нашел повода потребовать изъятия этого документа.

— Может, мой муж вам подскажет какой-нибудь ход...

— Будем надеяться, — грустно сказал Дегре.

Глава 43

В своем девственно-белоснежном наряде огромная Бастилия выглядела еще более зловещей и мрачной, чем обычно. От плоских крыш башен к низкому, нависшему небу поднимались серые струйки дыма. Видимо, топили у коменданта и в караульных помещениях, и Анжелика предоставила себе, как в студеных одиночках, скрючившись от холода, лежат на своих сырых соломенных тюфяках «забытые» заключенные.

Анжелика осталась ждать Дегре на улице Сент-Антуан, в одном из кабачков, с хозяином которого и, главным образом, с дочерью хозяина у адвоката, судя по всему, были дружеские отношения.

Сидя у окна, Анжелика могла наблюдать за тем, что происходит на улице, сама оставаясь незамеченной. Она ясно видела стражников ближайшего бастиона, они расхаживали около пушек, грея дыханием руки и притоптывая ногами. Время от времени кто-нибудь из стражников, стоявших наверху, на стене, окликал их, и его голос долго звенел в морозном воздухе.

Наконец Анжелика увидела Дегре — он сошел с подъемного моста и направился к кабачку. В предчувствии какой-то беды у нее тревожно заколотилось сердце.

И в походке адвоката, и в выражении его лица было что-то странное. Он выдавил из себя улыбку, потом быстро заговорил, как показалось Анжелике, наигранно-веселым тоном. Он сказал, что ему без большого труда удалось повидаться с графом де Пейраком и комендант даже оставил их на несколько минут вдвоем. Граф дал согласие на то, чтобы Дегре был его защитником.

Правда, вначале он отказывался от адвоката, утверждая, будто, соглашаясь взять защитника, он тем самым как бы соглашается, чтобы его судил королевский суд, а не парламентский, как он того требовал. Он хотел защищаться сам, но после недолгой беседы с Дегре принял помощь, которую тот предложил ему.

— Просто удивительно, что он так быстро уступил, ведь он очень недоверчив, — сказала Анжелика. — Я думала, вам придется

выдержать настоящий бой. Уж у него-то всегда найдутся блестящие логические доводы, если он хочет настоять на своем.

Адвокат, словно от сильной мигрени, наморщил лоб и попросил дочь кабатчика принести ему пинту пива.

— Едва граф увидел ваш почерк, он сразу же согласился, — сказал он наконец.

— Он прочел мое письмо? Он был счастлив?

— Я прочел его ему.

— Почему? Он...

Она умолкла, а потом беззвучным голосом спросила:

— Вы хотите сказать, что он не в состоянии был его прочесть? Почему? Он болен? Говорите же! Я имею право знать все!

Не сознавая, что делает, она схватила Дегре за руку, вонзив в нее ногти.

Адвокат подождал, пока отойдет дочь кабатчика, подавшая ему пиво.

— Мужайтесь, — сказал он с самым искренним сочувствием. — Пожалуй, и впрямь вам лучше знать все. Комендант Бастилии не стал от меня скрывать, что графа де Пейрака на допросе подвергли пытке.

Анжелика побелела.

— Что они с ним сделали? Совсем изуродовали его?

— Нет. Но жестокие пытки различными орудиями очень его ослабили, и с тех пор он не встает. Но это еще не самое страшное. Воспользовавшись тем, что комендант вышел, граф рассказал мне о процедуре изгнания беса, которую проводил монах Беше. Граф утверждает, что монах при этом пользовался не штифтом, а длинной иглой. Когда он глубоко вонзал ее в тело, граф от боли невольно вскрикивал, и это производило очень неблагоприятное впечатление на свидетелей. Что же касается одержимой монахини, то он не может утверждать, что узнал ее в полуобморочном состоянии.

— Он мучается? Он впал в отчаяние?

— Нет, он полон мужества, хотя его допрашивали около тридцати раз и он физически очень изнурен.

Слегка поколебавшись, Дегре продолжал:

— Должен вам признаться, что в первую минуту его вид потряс меня. Я не мог представить себе вас его женой. Но потом, после первых же его слов, когда он посмотрел на меня своими блестящими

глазами, я понял... Ах да, чуть не забыл. Граф де Пейрак поручил мне передать его сыну Флоримону, что, когда выйдет из тюрьмы, он принесет ему для забавы двух паучков, которых научил танцевать.

— Фу! Надеюсь, Флоримон не притронется к ним! — проговорила Анжелика, делая огромное усилие, чтобы не разрыдаться.

— Теперь внесена некоторая ясность, — проговорил отец де Сансе, выслушав рассказ адвоката о том, что ему удалось узнать. — Значит, по вашему мнению, мэтр Дегре, кроме обвинения в так называемых колдовских действиях, основанного на акте, составленном монахом Беше, других обвинений предъявлено не будет?

— Да, в этом я убежден, так как попытки обвинить графа в измене королю признаны необоснованными. За неимением ничего лучшего вернулись к первоначальному обвинению — он колдун, но судить его будет гражданский суд.

— Великолепно. Следовательно, во-первых, надо убедить судей, что в работах, которые вел мой зять на руднике, нет ничего сверхъестественного, а для этого вы должны заручиться показаниями его помощников. Во-вторых, необходимо доказать не правомочность процедуры изгнания беса, на которую собирается опереться обвинение.

— Мы бы этого достигли, если бы судьи, люди очень набожные, могли убедиться, что процедура была проведена не по правилам.

— Мы поможем вам доказать это.

Раймон де Сансе стукнул ладонью по столику, который стоял в приемной, и приблизил к адвокату свое тонкое лицо с матовой кожей. Этот жест и полуприкрытые глаза брата вдруг напомнили Анжелике деда, старого барона Ридуэ де Сансе. Каждый раз, когда она ощущала, что замок Монтелу простирает свою благодетельную тень, чтобы охранить ее семью, над которой нависла угроза, Анжелика испытывала глубокое волнение и на душе у нее становилось теплее.

— Дело в том, господин адвокат, что есть обстоятельство, о котором вы не знаете, — медленно и отчетливо проговорил иезуит твердым голосом, — как не ведают о нем многие представители высшего духовенства Франции, чье религиозное образование, надо признать, зачастую еще более скудно, чем образование какого-нибудь жалкого деревенского кюре. Так вот, знайте же, что во Франции есть

только один человек, который имеет право от имени папы Римского определять случаи одержимости и проявлений сатаны. Этот человек — член ордена иезуитов. Благодаря своей аскетической жизни, целиком посвященной углубленным трудам и исследованиям, он получил от его святейшества папы опасную привилегию сталкиваться лицом к лицу с самим Князем Тьмы Я убежден, мэтр Дегре, что вы вызовете большое смятение среди судей, сделав заявление, что церковь признает действительным только тот акт об изгнании беса, на котором стоит подпись преподобного отца Кирше, великого заклинателя Франции.

— Еще бы! — Дегре был очень возбужден. — Честно говоря, я о чем-то подобном подозревал, но этот монах Беше действовал с дьявольской ловкостью и сумел втереться в доверие к кардиналу Гонди, архиепископу Парижскому. Итак, я заявлю о преступном нарушении церковной процедуры! — воскликнул адвокат, уже видя себя в суде — Я разоблачу этих священников-самозванцев, которые своим святотатственным обманом пытались опорочить самую церковь!

— Подождите минутку, я сейчас вернусь, — сказал отец де Сансе, вставая.

Он вышел и вскоре вернулся в сопровождении какого-то иезуита, которого представил как отца Кирше.

Анжелика была взволнована мыслью, что перед ней великий заклинатель Франции. Она и сама не знала, как должен был он выглядеть, но, во всяком случае, не ожидала увидеть такого внешне скромного человека. Если бы не черная сутана и поблескивающий на груди медный крест, этого молчаливого иезуита скорее можно было бы принять за мирного крестьянина, чем за священника, привыкшего иметь дело с дьяволом.

Анжелика почувствовала, что даже неисправимый скептик Дегре заинтригован незнакомцем.

Раймон сказал, что он уже ввел отца Кирше в курс дела и сообщил ему самые последние новости.

Великий заклинатель слушал с доброй, ободряющей улыбкой.

— Дело представляется мне весьма простым, — заговорил он наконец. — Теперь нужно, чтобы я в свою очередь произвел изгнание беса, но уже по всем правилам. Акт вы зачитаете на суде, я подкреплю его своими свидетельскими показаниями, и это, бесспорно, поставит господ судей в щекотливое положение.

— Нет, все не так просто, — возразил Дегре, энергично почесывая затылок. — Мне кажется, что провести даже вас, священника, в Бастилию, да еще к заключенному, который находится под усиленным надзором, дело невыполнимое.

— Тем более что нас должно быть трое.

— Зачем?

— Демон слишком лукав, чтобы один человек, пусть даже защищенный молитвами, мог, не подвергая себя опасности, бросить ему вызов. Для того чтобы подступить к человеку, который вступил в сделку с дьяволом, мне необходимо присутствие по крайней мере двух моих обычных помощников.

— Но мой муж не вступал в сделку с дьяволом, — протестующе воскликнула Анжелика.

И вдруг она торопливо прикрыла лицо руками, чтобы никто не увидел, что она смеется. Слыша непрерывно, что ее муж вступил в сделку с дьяволом, она вдруг представила себе, как Жоффрей стоит за прилавком какой-нибудь лавчонки и беседует с рогатым и улыбающимся дьяволом. О, когда они вернутся к себе, в Тулузу, как посмеются они над всеми этими глупостями. Ее воображение нарисовало новую картину: зарывшись лицом в густые, пахнущие фиалкой волосы мужа, она сидит у него на коленях, а восхитительные руки Жоффрея ласкают ее тело, которое он так любил.

Смех Анжелики оборвался, перейдя в короткое рыдание.

— Мужайся, дорогая моя сестра, — мягко сказал Раймон. — Рождение Христа вселяет в нас надежду; да снизойдет мир на добрых людей!

Бесперывные переходы от надежды к отчаянию терзали молодую женщину. Когда она переносилась мыслями назад, вспоминая прошлогоднее рождество в Тулузе, она в ужасе думала о том, какой страшный путь прошла она за этот год.

Разве могла она тогда представить себе, что в сочельник, когда парижские колокола под свинцовым небом надрываются от звона, у нее не будет иного пристанища, кроме дома какой-то вдовы Кордо? Сидя у очага в обществе старухи, которая склонилась над пряхкой, и ее сына, подручного палача, невинно игравшего с маленьким Флоримоном, Анжелика позволила себе лишь протянуть к огню озябшие руки. Притулившаяся рядом с нею на скамейке вдова

Скаррон, такая же молодая и красивая и такая же несчастная и обездоленная, как и Анжелика, исстрадавшаяся по человеческому теплу, время от времени нежно обвивала рукой талию Анжелики и прижималась к ней.

Бывший владелец модной лавки тоже пристроился у единственного пылавшего в этом мрачном жилище очага и дремал в кресле, обитом штофом, которое он вынес из своей комнаты. Он что-то бормотал сквозь сон, складывал цифры, упорно ища причины своего краха. Когда неожиданно раздавался треск полена, он открывал глаза, улыбался и надсадным голосом кричал:

— Не забывайте, что скоро родится Иисус! Весь мир объят радостью. Не спеть ли и нам песенку?

И к великой радости Флоримона, с жаром принимался петь дрожащим голосом:

*Три пастушки на лужке,
Мы сидели возле речки,
И паслись невдалеке
Наши милые овечки.
Тра-ля-ля-ля-ля,
Наши милые овечки...*

Кто-то постучал в дверь. Человек, одетый в черное, прошептал несколько слов сыну Кордо.

— Спрашивают госпожу Анжелику, — сказал мальчик.

Анжелика вышла, ожидая увидеть Дегре, но в передней стоял мужчина в сапогах, в широком плаще и надвинутой на глаза шляпе, поля которой совсем скрывали лицо.

— Дорогая сестра, я пришел с тобой проститься. Это был Раймон.

— Куда ты уезжаешь? — удивилась Анжелика.

— В Рим... Я не могу подробно рассказать тебе о миссии, которая возложена на меня, но уже завтра все узнают, что отношения между французским посольством и Ватиканом ухудшились. Наш посол отказался выполнить приказ папы, который потребовал, чтобы на территории его посольства находились только дипломатические служащие. И Людовик XIV велел передать папе, что он даст отпор каждому, кто вздумает навязывать ему свою волю. Мы на пороге

разрыва французской церкви с папой. Нужно любой ценой избежать этой катастрофы. Я должен мчаться во весь опор в Рим и сделать все возможное, чтобы прийти к какому-то соглашению и умерить страсти.

— Ты уезжаешь! — Анжелика была убита. — И ты тоже бросаешь меня? А как же с посланием относительно Жоффрея?

— Увы, бедная моя девочка, очень боюсь, что в данной ситуации любая просьба, исходящая от папы Римского, будет плохо принята нашим монархом. Но можешь положиться на меня, я все-таки займусь этим делом в Риме. Вот, возьми немного денег. И послушай, меньше часа назад я видел Дегре. Твоего мужа только что перевели в тюрьму при Дворце правосудия.

— Что это означает?

— Что его скоро будут судить. И это еще не все. Мэтр Дегре берется провести во Дворец правосудия отца Кирише и его помощников. Уже сегодня ночью, воспользовавшись праздничной суматохой, они проникнут к заключенному. И я убежден, что это испытание сыграет решающую роль. Не теряй надежды.

Весть об отъезде Раймона совсем сразила Анжелику, последний луч надежды угас.

Иезуит обнял сестру за хрупкие плечи, привлек к себе и нежно поцеловал в холодные щеки.

— Не теряй надежды, дорогая сестра! — повторил он.

Она слышала, как постепенно затихал приглушенный снегом стук лошадиных копыт — вот уже лошади миновали потерну и зацокали по улицам Парижа.

Адвокат Дегре жил у Маленького моста, который соединял Сите с Университетским кварталом, в одном из тех старинных, обветшалых домов с остроконечными крышами, которые незыблемо стоят уже много веков, хотя Сена во время разливов и подмывает их фундаменты.

Анжелика, не в силах ждать, когда Дегре придет к ней, отправилась к адвокату сама. Его адрес она узнала у хозяина «Трех молотков».

Только уже стоя перед домом, она на минуту заколебалась. Право, этот дом чем-то напоминает самого Дегре: такой же бедный, нескладный и чуточку надменный.

Анжелика поднялась по винтовой лестнице, подгнившие деревянные перила которой были украшены забавными резными рожицами.

На последнем этаже была только одна дверь. Анжелика услышала сопение — это Сорбонна почуяла ее — и постучалась.

Открыла ей толстая девица с нарумяненным лицом. Ее шейный платок был небрежно повязан и открывал пышную грудь. Анжелика слегка попятилась. Она как-то не подумала о возможности такой встречи.

— Что тебе нужно? — спросила девица.

— Здесь живет мэтр Дегре?

В глубине комнаты послышалось какое-то движение, и оттуда с гусиным пером в руке вышел Дегре.

— Входите, сударыня, — пригласил он, ничуть не смутившись.

Затем он вытолкнул девицу на лестницу и запер дверь.

— Неужели нельзя было набраться немного терпения? — сказал он с укоризной. — Зачем вы пришли в мое логово, вы же рискуете жизнью...

— Но я не имела никаких известий от вас уже...

— Всего одну неделю...

— Каковы результаты процедуры изгнания беса?

— Садитесь-ка вот сюда, — безжалостно заявил Дегре, — и дайте мне закончить то, что я пишу. А потом поговорим.

Анжелика послушно села на грубый деревянный сундук, где, наверно, хранилась одежда. Она оглядела комнату и подумала, что впервые в жизни видит такое нищенское жилище. Свет проникал сюда лишь через маленькое оконце с зеленоватыми стеклами в свинцовых рамах. Горящий в очаге чахлый огонь не мог уничтожить сырости, проникавшей сюда с реки, которая неумолчно плескалась внизу, ударяясь о быки Маленького моста. В одном углу на полу были навалены книги. Стола у Дегре не было — его заменяла доска, которую он держал на коленях. Чернильница стояла у его ног на полу.

Кроме кровати с рваным голубым пологом из саржи и такими же рваными одеялами, в комнате почти не было мебели. Но простыни, хотя и ветхие, были чистыми. Взгляд Анжелики невольно возвращался к этой неприбранной постели со смятыми простынями, вид которой недвусмысленно говорил о том, что, должно быть, происходило здесь

совсем недавно между адвокатом и девицей, только что с такой легкостью выдворенной им из квартиры. Анжелика чувствовала, как у нее запылали щеки.

Долгие месяцы разлуки с мужем, тревожная жизнь, когда надежда и отчаяние сменяют друг друга, сделали ее болезненно восприимчивой, и это было неудивительно.

Ей безумно захотелось прижаться к сильному, надежному мужскому плечу и забыть обо всех своих страданиях.

Она посмотрела на Дегре, перо которого скрипело сейчас в тишине. Он мучительно что-то обдумывал, морща лоб и шевеля своими густыми черными бровями.

Где-то в самой глубине ее души шевельнулся стыд, и она, чтобы скрыть смущение, машинально погладила огромную голову датского дога, которую тот доверчиво положил ей на колени.

— Уф! — вставая и потягиваясь, воскликнул Дегре. — Никогда в жизни я не говорил столько о боге и о церкви. Знаете, что это за листки валяются на полу?

— Нет.

— Это защитительная речь мэтра Дегре, адвоката, которую он произнесет на процессе сеньора де Пейрака, обвиняемого в колдовстве, на процессе, который начнется во Дворце правосудия 20 января 1661 года.

— Как, уже известна дата? — Анжелика побледнела. — О, я непременно должна там присутствовать. Достаньте мне платье судейского чиновника или монаха. Хотя нет, я же беременна, — вспомнила она, с огорчением оглядев себя. — Впрочем, это почти незаметно. Госпожа Кордо утверждает, что у меня будет девочка, потому что ребенок лежит очень высоко. В крайнем случае меня примут за обжорливого клерка...

Дегре рассмеялся.

— Боюсь, как бы этот маскарад не разоблачили. Нет, я придумал лучший выход. На процесс будет допущено несколько монахинь, и вы наденете чепец и накидку монахини.

— Как бы я своим животом не запятнала репутацию инокинь.

— Чепуха! Широкое платье и просторная накидка скроют все. Но вот сумеете ли вы держать себя в руках?

— Даю слово, что буду самой сдержанной из всех женщин в зале.

— Это будет очень трудно, — проговорил Дегре. — Я совершенно не представляю себе, как все обернется. Всякий суд хорош уже тем, что на него можно оказать давление, предъявив сенсационные показания. Вот я и приберег для этого демонстрацию процесса получения золота ремесленным способом, чтобы тем самым снять обвинение в занятии алхимией. Но главный козырь — это акт о процедуре изгнания беса, составленный единственным уполномоченным на то римской церковью человеком — отцом Кирше, акт, который гласит, что ваш муж не проявил никаких признаков одержимости.

— Благодарю тебя, господи! — со вздохом облегчения сказала Анжелика.

Неужели близится конец ее испытаниям?

— Мы выиграем дело, да?

Дегре неуверенно развел руками. Помолчав, он сказал:

— Я виделся с Фрицем Хауэром, которого вы просили вызвать. Он приехал со всеми своими тиглями и ретортами. У этого человека весьма впечатляющая внешность. Жаль, но что поделаешь! Я укрыл его в монастыре картезианцев в предместье Сен-Жак. С мавром я тоже говорил — мне удалось проникнуть в Тюильри под видом торговца уксусом, — его помощь нам обеспечена. Только никому ни слова о моем плане. Бедняги могут поплатиться за это жизнью. Исход процесса во многом зависит от них.

Несчастную Анжелику можно было и не предупреждать об этом — от страха и надежды у нее во рту все пересохло.

— Я вас провожу, — сказал адвокат. — Париж — опасное для вас место. До начала процесса не выходите больше из Тампля. За вами придет монахиня, она принесет одежду и проводит вас до Дворца правосудия. Сразу же хочу предупредить вас — эта почтеннейшая монахиня весьма нелюбезна... Она — моя старшая сестра. Она воспитала меня и ушла в монастырь, увидев, что все принятые ею строгие меры не смогли удержать меня на праведном пути. Она молится, чтобы господь отпустил мне мои грехи. Короче, для меня она делает все, что угодно. Вы можете полностью довериться ей.

На улице Дегре взял Анжелику под руку. Она не противилась этому, ей было приятно чувствовать его поддержку.

В конце Маленького моста Сорбонна вдруг сделала стойку и наострила уши.

Впереди, в нескольких шагах от Анжелики и Дегре, в наглой позе стоял, словно поджидая их, какой-то верзила в лохмотьях и в выгоревшей шляпе с пером. На щеке у него был лиловый нарост, на глазу — черная повязка. Он улыбался.

Сорбонна рванулась к нему. Бродяга с ловкостью акробата отскочил в сторону и юркнул в дверь какого-то дома. Собака скользнула вслед за ним.

И тотчас же они услышали звонкий всплеск воды.

— Проклятый Каламбрден! — проворчал Дегре. — Прыгнул в Сену, а ведь там плавают льдины, и, держу пари, сейчас он уже спрятался где-нибудь на набережной. У него под каждым парижским мостом есть свои тайники. Это один из самых отчаянных предводителей городских воров.

Сорбонна вернулась с понурым видом.

Анжелика пыталась побороть в себе страх, но тоскливое предчувствие одолевало ее. Ей казалось, что этот оборванец, неожиданно возникший на их пути, был предвестником ее чудовищной судьбы.

Глава 44

Ранним утром, едва только рассвело, Анжелика в сопровождении монахини перешла мост Менял и очутилась на острове Сите.

Стоял мороз. Быки старого деревянного моста трещали под ударами льдин, пльвших по Сене.

Снег побелил крыши, окантовал карнизы домов и словно весенними ветками украсил узорами шпиль часовни Сент-Шапель, притулившейся у темной громады Дворца правосудия.

Не будь на Анжелике монашеской одежды, она с удовольствием выпила бы рюмочку вина у торговца с красным носом, который спешил подбодрить своим товаром ремесленников, бедных клерков, подмастерьев — всех тех, кто встает на заре, чтобы открыть лавку, мастерскую, контору.

Часы угловой башни пробили шесть ударов. Бесподобный циферблат этих часов, появившихся здесь при короле Генрихе III, — золотые лилии на лазурном фоне, — в свое время казался чем-то необычайным. Часы и впрямь были жемчужиной Дворца правосудия. Разноцветные глиняные фигурки на них, покрытые красной, белой и голубой эмалью — голубка, символизирующая Святой Дух, и под сенью ее крыльев Закон и Правосудие, — блестели в тусклом утреннем свете.

Анжелика и ее спутница пересекли огромный двор и уже поднимались по ступеням лестницы, когда к ним подошел какой-то магистрат, и Анжелика с удивлением узнала в нем адвоката Дегре. Она даже оробела, увидев его в широкой черной мантии, белоснежных брыжах, седом парике с тщательно уложенными в несколько рядов локонами и в квадратной шапочке. В руке у него был совершенно новый мешок, набитый бумагами. Вид у Дегре был очень важный. Он сказал Анжелике, что только сейчас виделся с заключенным в Консьержери — тюрьме при Дворце правосудия.

— Он знает, что я буду в зале? — спросила Анжелика.

— Нет. Это могло бы его взволновать. А как вы? Обещаете мне держать себя в руках?

— Обещаю.

— Он очень... очень покалечен, — проговорил Дегре дрогнувшим голосом. — Его чудовищно пытали. Но зато его вид — наглядное свидетельство беззакония тех, кто затеял этот процесс, и может произвести сильное впечатление на судей. Вы будете держаться, что бы ни случилось?

У нее сжалось горло, и она лишь молча кивнула головой.

При входе в зал королевские гвардейцы потребовали, чтобы они предъявили подписанные приглашения. Анжелика даже не очень удивилась, когда монахиня протянула приглашение, пробормотав при этом:

— Служба его высокопреосвященства кардинала Мазарини!

Судебный пристав взял на себя заботу о женщинах и провел их в зал, где уже было полно народу и черные мантии судейских смешались с сутанами священников и монахов.

Второй ряд амфитеатра занимали дворяне, но их было не так уж много. Анжелика не увидела среди них ни одного знакомого лица. По-видимому, придворным не разрешили присутствовать на процессе, или они не знали о нем, так как он должен был вестись при закрытых дверях, а может быть, просто не хотели себя компрометировать.

Анжелику и ее спутницу усадили сбоку, но оттуда все было хорошо видно и слышно. Анжелика с удивлением заметила, что находится в окружении нескольких монахинь, принадлежащих к разным орденам, за которыми незаметно следил священник, судя по всему занимавший весьма высокий пост. Анжелика недоумевала, для чего монахинь пригласили на процесс, где будет идти речь об алхимии и колдовстве.

Высокие стрельчатые своды зала, находившегося, по-видимому, в одном из самых старинных зданий Дворца правосудия, были украшены массивными лепными плафонами в виде акантовых листьев. Витражи создавали в зале полумрак, а несколько горящих свечей делали все вокруг еще более зловещим. Две или три большие немецкие печи, облицованные блестящими фаянсовыми плитками, давали немного тепла.

Анжелика пожалела, что не спросила адвоката, не помешало ли что-нибудь привести на процесс Куасси-Ба и старого саксонца-рудокопа.

Она тщетно искала в толпе знакомые лица.

Ни адвоката, ни подсудимого, ни судей еще не было. Несмотря на ранний час, зал был уже переполнен, и многие стояли в проходах. Видно было, что некоторые пришли сюда, просто чтобы посмотреть забавное зрелище или, скорее даже, послушать нечто вроде лекции о правосудии, так как большинство присутствующих составляли молодые клерки судебного ведомства.

Сидящие в зале держались молчаливо, и на общем фоне особенно выделялась лишь шумная компания, расположившаяся перед Анжеликой, где довольно громко обменивались мнениями, считая, наверно, своим долгом просветить менее сведущих соседей.

— Чего они тянут? — нетерпеливо восклицал один из них, молодой магистрат в обильно напудренном парике.

Его сосед с прыщеватым широким лицом и с меховым воротником на мантии, который сдавливал ему шею, зевая, ответил:

— Ждут, когда закроют двери в зал суда, и тогда можно будет ввести обвиняемого и водворить его на скамью подсудимых.

— А скамья подсудимых — это вон та скамья без спинки, что стоит отдельно внизу?

Один из клерков, неопрятный, с сальными волосами, обернулся и, ухмыляясь, возразил:

— Уж не хотите ли вы, чтобы приспешнику дьявола подали кресло?

— Говорят, колдун может стоять даже на острие булавки и на языке пламени, — вставил напудренный магистрат.

Его толстый сосед с важным видом ответил:

— Ну, этого от него не потребуют, но он должен будет стоять на этой скамье на коленях перед распятием, которое укреплено на кафедре председателя суда.

— Для такого чудовища это еще слишком роскошно! — крикнул клерк с сальными волосами.

Анжелика вздрогнула. Если даже эта толпа, состоящая из избранных представителей правосудия, настроена так враждебно и предвзято, то чего же ждать от судей, которые тщательно подобраны королем и его приближенными?

Но магистрат в мантии с меховым воротником важным тоном возразил клерку:

— А по-моему, все это выдумки. Этот человек колдун не больше, чем мы с вами, но он, должно быть, помешал очередной крупной интриге кого-нибудь из сильных мира сего, и теперь они выискивают законный предлог, чтобы убрать его со своего пути.

Анжелика склонилась вперед, чтобы лучше рассмотреть человека, который отважился так открыто высказывать столь опасные мысли. Ей очень хотелось узнать его имя, но ее спутница легким прикосновением руки напомнила ей, что она не должна обращать на себя внимание.

Сосед отважного магистрата, оглядевшись по сторонам, тихо сказал:

— Если бы им необходимо было просто избавиться от него, я думаю, они могли бы сделать это и без суда.

— Им нужно время от времени кинуть кость народу и показать, что иногда король карает и представителей знати.

— Но, мэтр Галлеман, если бы это было так и все затеяли ради того, чтобы удовлетворить страсти толпы, как некогда делал Нерон, то был бы громкий открытый процесс, а не такой, при закрытых дверях, — возразил молодой человек, который жаждал, чтобы суд скорее начался.

— Сразу видно, что ты еще новичок в этом проклятом ремесле, — сказал знаменитый адвокат, выходки которого, по словам Дегре, заставляют дрожать Дворец правосудия. — На открытых заседаниях может вспыхнуть настоящий бунт, так как народ по природе своей чувствителен и не так глуп, как кажется. Ну а король уже умудрен опытом и больше всего боится, чтобы и у нас дело не обернулось так, как в Англии, где народ сумел весьма ловко положить голову своего монарха на плаху. Вот поэтому-то тех людей, которые мыслят по-своему, да еще к тому же мыслят опасно, у нас душат потихоньку, без шума. А потом их тела, в которых еще теплится жизнь, бросают на растерзание черни, вызывая у нее низменные инстинкты, и обвиняют народ в жестокости. А священники твердят ему, что необходимо бороться со столь низменными наклонностями и, само собой разумеется, до суда и после служат мессу.

— Но церковь не причастна к этим эксцессам, — запротестовал сидящий неподалеку священник, склоняясь к разговаривающим. — Я скажу даже больше, господа, в наше время очень часто мирской суд, не зная канонического права, берет на себя смелость подменять собой суд

церковный. И думаю, я не ошибусь, если заверю вас, что большинство присутствующих здесь представителей церкви обеспокоено тем, что гражданская власть посягает на ее права. Я недавно вернулся из Рима и видел, как наше посольство в Ватикане постепенно превратилось в пристанище для всякого сброда, для всякого отребья. Его святейшество папа Римский уже не хозяин в собственном доме, потому что наш король, чтобы разрешить этот спорный вопрос, не колеблясь, послал в подкрепление войска, и французские солдаты при посольстве получили от него приказ стрелять по войскам папы, в случае если те перейдут к действиям, иными словами, попытаются арестовать разбойников и воров, итальянских и швейцарских подданных, которые нашли убежище в стенах французского посольства.

— Но ведь любое посольство неприкосновенно в чужой стране, — осторожно заметил пожилой буржуа.

— Да, конечно. Однако оно не должно давать приют всем ракалиям Рима и способствовать подрыву единства церкви.

— Но и церковь не должна подрывать единства французского государства, на страже которого стоит король, — упрямо возразил пожилой буржуа.

Все посмотрели на него, словно недоумевая, почему он оказался здесь. Во взгляде большинства сквозила подозрительность, и они отвернулись, явно сожалея, что высказывали опасные мысли при незнакомце, который — кто знает! — может, был подослан Королевским советом.

Один только мэтр Галлеман, пристально посмотрев на него, возразил:

— Ну что ж, следите внимательно за этим процессом, сударь. Вы на нем получите некоторое представление о действительном конфликте между королем и римской церковью.

Анжелика в ужасе слушала этот разговор. Теперь ей стали понятны колебания иезуитов и неудача с посланием папы, на которое она долгое время возлагала все свои надежды. Значит, король не признает никакой власти над собой. А раз так — Жоффрея де Пейрака может спасти только одно: если совесть судей одержит верх над их раболепством.

Наступившая вдруг в зале мертвая тишина вернула Анжелику к действительности. Сердце ее замерло.

Она увидела Жоффрея.

Он шел с трудом, опираясь на две палки; теперь он хромал еще сильнее, и после каждого его шага казалось, что сейчас он упадет.

Он производил впечатление человека очень высокого и в то же время очень сутулого, а худоба его не поддавалась описанию. Анжелика была потрясена до глубины души. Долгие месяцы разлуки немного стерли в ее памяти дорогой ей облик, и сейчас, глядя на него как бы глазами наполнившей зал публики, она в ужасе отметила, что он действительно выглядит необычно, даже немного устрашающе. Пышные черные волосы, обрамляющие изможденное, бледное как смерть лицо с красными шрамами, потрепанная одежда, худоба — все это должно было ошеломить сидящих в зале.

Когда он поднял голову и медленно обвел публику горящим взглядом черных глаз, в которых сквозила ирония и уверенность в себе, жалость, закравшаяся было в души некоторых, исчезла, и по залу пробежал враждебный ропот. То, что увидели люди, превзошло все их ожидания. Перед ними стоял настоящий колдун!

Опуститься на скамью на колени граф де Пейрак не смог, и он старался стоять перед нею между двумя стражниками.

В этот момент через две двери вошли двадцать вооруженных швейцарских гвардейцев и рассеялись по огромному залу.

Все было готово для начала процесса.

Чей-то голос объявил:

— Господа, суд идет!

Все встали, и в дверь, которая вела на помост, вошли Судебные приставы с алебардами, в костюмах XVI века с гофрированными воротниками и в шапочках с перьями. За ними шествовали судьи в тогах с горностаевыми воротниками и в квадратных шапочках.

Первым шел довольно пожилой человек в черном, в котором Анжелика с трудом узнала канцлера Сегье — она видела его во всем великолепии во время торжественного въезда короля в Париж. За ним шел какой-то сухопарый высокий человек в красной тоге. Затем следовали шестеро в черном. На плечах одного из них была короткая красная накидка. Это был господин Массно, президент тулузского парламента. Сейчас он был одет куда строже, чем в день их встречи на дороге в Сальсинь.

Анжелика слышала, как сидевший впереди нее мэтр Галлеман вполголоса объяснял:

— Старик в черном, что идет впереди, — канцлер Сегье. В красном — Дени Талон, королевский прокурор и главный обвинитель. В красной накидке — Массно, президент тулузского парламента, назначенный на этом процессе председателем. Самый молодой среди судей — прокурор Фалло, который называет себя бароном де Сансе и ради того, чтобы попасть в милость к королю, согласился участвовать в суде над своим близким, как говорят, родственником по жене.

— В общем, ситуация, как у Корнеля, — заметил молокосос с напудренными волосами.

— Я вижу, мой друг, что ты, как все ветреные молодые люди твоего поколения, посещаешь эти театральные зрелища, на которые уважающий себя судейский чиновник не может пойти, не прослыв легкомысленным. Но сегодня, поверь мне, ты увидишь такой спектакль, какой тебе не приходилось видеть еще никогда, и...

Из-за шума в зале Анжелика не расслышала последних слов. Ей хотелось бы узнать имена остальных судей. Ведь Дегре не сказал, что их будет так много. А впрочем, какая разница, все равно она не знает никого, кроме Массно и Фалло.

Но где же сам Дегре?

Наконец, он тоже вышел на помост через ту же дверь, что и остальные судьи. Вслед за ним появилось довольно много священнослужителей, незнакомых Анжелике, большинство из которых село в первом ряду среди официальных лиц, где для них, по-видимому, были оставлены места.

Анжелика не увидела среди них отца Кирше, и это обеспокоило ее. Зато она облегченно вздохнула, когда не обнаружила там и монаха Беше.

Теперь наступила полная тишина. Один из священников прочел молитву и поднес подсудимому распятие. Жоффрей де Пейрак поцеловал его и перекрестился.

Такая покорность и благочестие подсудимого вызвали в зале разочарованный ропот. Неужели вместо увлекательного зрелища разоблачения колдуна они увидят самое заурядное разбирательство каких-нибудь дрызг между дворянами?

Послышался чей-то визгливый крик:

— Пусть Люцифер покажет свое умение!

В рядах началось движение — это гвардейцы кинулись к непочтительному юнцу. Его, а заодно и еще нескольких молодых людей грубо схватили и вывели из зала. В зале снова стало тихо.

— Подсудимый, принесите присягу, — сказал канцлер Сегье, разворачивая какую-то бумагу, которую, преклонив перед ним колени, подал молоденький клерк.

Анжелика закрыла глаза. Сейчас будет говорить Жоффрей, она услышит его голос. Она думала, что он будет надломленный, слабый, и, наверно, все присутствующие ожидали того же, потому что, когда Жоффрей де Пейрак громко и отчетливо начал говорить, по залу пронесся удивленный шепот.

Потрясенная до глубины души Анжелика узнавала тот пленительный голос, что жаркими тулузскими ночами шептал ей слова любви.

— Клянусь говорить всю правду. Однако я знаю, господа, что закон разрешает мне признать этот суд не правомочным, потому что как докладчик Королевского совета и советник тулузского парламента я имею право на то, чтобы меня судил парламентский суд...

Несколько мгновений Сегье, казалось, колебался, но потом торопливо проговорил:

— Закон запрещает присягу с оговорками. Принесите присягу по форме, и суд будет правомочен вас судить. Если же вы отказываетесь от присяги, мы будем судить вас как «бессловесного», то есть заочно, словно вы отсутствуете.

— Я вижу, господин канцлер, все предрешено заранее. Что ж, я облегчу вам задачу и не воспользуюсь теми справедливыми законами, которые позволили бы мне отвести этот состав суда целиком или частично. Я полагаюсь на его справедливость и подтверждаю свою присягу.

Старик Сегье изобразил на лице удовлетворение.

— О, суд по достоинству оценит ту честь, которую вы оказываете ему, признавая его правомочность. До вас, правда, выказал доверие к справедливости решений нашего суда сам король, и это для нас — главное. Что же касается вас, господа судебные заседатели, то вы ни на секунду не должны забывать о доверии, которое его величество король оказал вам. Помните, господа судьи, что вам оказана большая честь

являть здесь собою тот меч правосудия, который держит в своих августейших руках наш монарх. Существует два правосудия: одно — когда решение принимают простые смертные, пусть даже они и знатного рода, а другое — когда решение принимает король, чья власть исходит от бога. Вот об этой преемственности, господа, вы никогда не должны забывать. Верша правосудие от имени короля, вы несете ответственность за то, чтобы не был нанесен ущерб его величеству. Чтя короля, вы чтите тем самым первого защитника веры в нашем государстве.

После этой довольно путаной речи, полной туманных предостережений, ярко продемонстрировавшей сущность лицемерной природы этого важного сановника и придворного, Сегье величественно удалился, стараясь не выдать своей поспешности. Когда он вышел, все сели. В канделябрах задули свечи, которые еще горели. В зале стало сумрачно, точно в склепе, и когда сквозь витражи пробились слабые лучи зимнего солнца, на лица легли синие и красные пятна, придав им вдруг необычное выражение.

Адвокат Галлеман, прикрывая ладонью рот, шептал своему соседу:

— Старая лиса не желает даже взять на себя ответственность зачитать обвинительный акт. Он словно Понтий Пилат умывает руки, чтобы в случае осуждения обвиняемого, не колеблясь, свалить все на инквизицию или на иезуитов.

— Ему это не удастся, ведь процесс ведет гражданский суд.

— Подумаешь! Придворное правосудие должно следовать приказам своего хозяина, но в то же время не дать народу почувствовать это.

Анжелика слушала эти крамольные речи в адрес короля в каком-то полубессознательном состоянии. Порою все происходящее вдруг начинало казаться ей чем-то нереальным. Это ужасный сон наяву или театральная спектакль... Она не сводила глаз с мужа, который продолжал стоять, все так же немного ссутулившись и всем телом опираясь на палки. И тогда в ее голове постепенно начала зреть, мысль, пока еще смутная: «Я отомщу за него. Все, что эти мучители заставили пережить его, я заставлю их испытать на собственной шкуре, и если дьявол существует, как утверждает религия, то я хотела бы увидеть, как он унесет души этих лжехристиан».

После того как бесславно покинул зал канцлер Сегье, Дени Талон, высокий, сухопарый и чопорный, поднялся на кафедру и сорвал печати с большого конверта. Он приступил к своим обязанностям и пронзительным голосом начал чтение «затребованных документов или обвинительного акта».

— «Господин Жоффрей де Пейрак, частным определением Королевского совета лишенный всех своих титулов и всего своего имущества, привлекается к настоящему суду по обвинению в колдовстве, заговорах и других действиях, оскорбляющих религию, направленных на подрыв государства и церкви, а также в применении алхимии для изготовления благородных металлов. За все эти деяния и за ряд других, которые также ему инкриминируются в соответствии с актом обвинения, я требую, чтобы он и его вероятные сообщники были сожжены на Гревской площади, а пепел их развеян, как закон требует того по отношению к колдунам, обвиненным в том, что они вошли в сделку с дьяволом. Я также требую, чтобы до этого его подвергли обычной и чрезвычайной пыткам до тех пор, пока он не выдаст других своих сообщников...»

У Анжелики ужасно стучало в висках, и она уже не слышала, что Дени Талон читал дальше.

Она пришла в себя только тогда, когда по залу снова разнесся звонкий голос подсудимого.

— Клянусь, что все эти обвинения ложны и тенденциозны и что я в состоянии доказать это здесь, на месте, всем честным людям.

Королевский прокурор поджал свои тонкие губы и сложил документ с таким видом, словно дальнейшая процедура его уже не касается. Он тоже хотел было удалиться, но в этот момент вскочил адвокат Дегре.

— Господа судьи, — твердым голосом начал он, — король и вы оказали мне большую честь, назначив меня защитником подсудимого. Вот почему я позволю себе, прежде чем господин королевский прокурор уйдет, задать ему один вопрос: как случилось, что этот обвинительный акт составлен заранее и попал к вам в руки уже в готовом виде и даже запечатанным, в то время как закон предусматривает иную процедуру?

Суровый Дени Талон с высоты своего роста смерил взглядом адвоката и надменно, с презрением бросил:

— Молодой человек, из-за своей неопытности вы даже не поинтересовались предысторией этого документа. Так знайте же, что сначала король поручил подготовить процесс и председательствовать на нем президенту Месмону, а не господину Массно, который назначен председателем позже...

— Правила требуют, господин прокурор, чтобы президент Месмон присутствовал на этом заседании и сам зачитал свой обвинительный акт.

— Видимо, вы не знаете, что президент Месмон вчера скоростижно скончался. Однако он успел составить этот обвинительный акт, который в некотором роде является его завещанием. Перед вами, господа, яркий пример того, каким высоким чувством долга обладал один из крупнейших магистратов королевства!

Все встали, чтобы почтить память Месмона. Но в толпе послышались выкрики:

— Что-то нечисто в этой внезапной смерти!

— Убийство с помощью яда!

— Для начала недурно!

Снова пришлось вмешаться гвардейцам.

Слово взял председательствующий Массно. Он напомнил, что суд идет при закрытых дверях. При первом же нарушении порядка будут выведены все, кто не имеет к судебной процедуре непосредственного отношения.

Зал успокоился.

Адвокат Дегре со своей стороны удовольствовался данным ему объяснением, поскольку довод действительно был неопровержим. Он добавил еще, что принимает пункты обвинения при условии, что его подзащитного будут судить, строго их придерживаясь.

После такого обмена мнениями соглашение было достигнуто.

Дени Талон представил Массно как председателя судебного заседания и торжественно удалился из зала.

Массно немедленно приступил к допросу:

— Признаете ли вы выдвинутые против вас обвинения в колдовстве и заговорах?

— Я отмечаю их все разом!

— Не имеете права. Вы должны ответить на каждый вопрос, который содержится в обвинительном заключении. Впрочем, это в ваших же интересах, так как там имеются совершенно неопровержимые доказательства, и вам лучше признаться, поскольку вы дали клятву говорить только правду. Итак, признаете ли вы себя виновным в производстве ядов?

— Я признаю, что изготовлял иногда химические вещества и некоторые из них при приеме внутрь действительно могли бы принести вред. Но они предназначались мною отнюдь не для этого, я их не продавал и никогда не прибегал к ним, чтобы кого-либо отравить.

— Значит, вы признаете, что изготовляли такие яды, как железный купорос и серная кислота?

— Совершенно верно. Но для того, чтобы этот факт считался преступлением, нужно доказать, что с их помощью я кого-то отравил.

— Пока удовольствуемся тем, что вы не отрицаете, что изготовляли при помощи алхимии ядовитые вещества. Преследуемую вами цель мы уточним позже.

Массно склонился над пухлым досье, которое лежало перед ним, и принялся листать его. При мысли, что сейчас он огласит какое-нибудь обвинение в отравлении, Анжелика задрожала. Она помнила, что Дегре говорил ей о некоем Бурье, которого назначили на этот процесс судьей именно потому, что он известен как большой мастер в подделке всяких бумаг, и ему-то поручили подтасовку некоторых документов досье. А ведь судьи занимались и расследованием, и проверкой фактов, и наложением ареста на имущество, и предварительными допросами, и следствием.

Анжелика привстала, пытаясь узнать среди судей этого Бурье.

Массно продолжал листать дело. Наконец, откашлявшись, он поднял голову, словно решил на что-то.

Первые слова он пробормотал невнятно, но затем голос его окреп, и он продолжал уже более отчетливо:

— ...Чтобы доказать, если это понадобится, насколько справедливо правосудие короля, насколько оно оградило себя от всякой предвзятости, я, прежде чем продолжать перечень пунктов обвинения, которые находятся у каждого из королевских судей перед глазами, должен со всей ответственностью заявить, насколько наше

предварительное следствие было затруднено различными непредвиденными препятствиями...

— И заступничеством за богатого и знатного подсудимого! — раздался в зале чей-то насмешливый голос.

Анжелика думала, что нарушителя порядка тотчас же схватят, но, к своему великому удивлению, увидела лишь, как стоявший неподалеку судебный пристав многозначительно подтолкнул своего товарища.

«Наверно, в зале сидят люди, подкупленные полицией, чтобы они провоцировали враждебность по отношению к Жоффрею», — подумала Анжелика.

А председательствующий Массно продолжал, словно он ничего не слышал:

— ...Итак, чтобы доказать всем, что королевский суд не только беспристрастен, но и великодушен, я должен публично заявить здесь, что многие документы, которые поступили из различных источников в ходе длительного следствия, я после глубоких размышлений и споров с самим собой счел возможным изъять из обвинительного досье.

Он остановился, чтобы перевести дух, и продолжал более глухим голосом:

— ...Мною было отведено ровно тридцать четыре документа, как вызывающих сомнение, так и явно подделанных из личной мести к подсудимому.

Это заявление вызвало бурную реакцию не только в зале, но и среди судей, которые никак не ожидали от председателя суда такого мужества и проявления доброжелательности к подсудимому. Один из судей, маленький невзрачный человек с крючковатым носом, не выдержал и крикнул:

— Достоинство суда и тем более его авторитет будут подорваны, если сам председатель считает возможным отказать судьям в том, чтобы они самолично оценили ряд документов обвинения, которые, может быть, являются наиболее красноречивыми...

— Господин Бурье, как председатель суда, я призываю вас к порядку и предлагаю вам либо заявить о том, что вы слагаете с себя полномочия судьи, либо дать нам возможность продолжить заседание.

Поднялся невообразимый шум.

— Председатель подкуплен обвиняемым! Мы знаем, что такое тулузское золото! — вопил все тот же злобный голос.

Клерк с сальными волосами, сидевший перед Анжеликой, подлил масла в огонь:

— В кои веки решились посадить на скамью подсудимых дворянина и богача...

— Господа, я прерываю заседание и, если вы не прекратите беспорядок, потребую освободить зал, — с трудом перекричав всех, объявил Массно.

Возмущенный, он надел на свой парик шапочку и удалился в сопровождении всех судей.

Анжелика подумала, что все эти важные сановники напоминают марионеток, которые на минутку выскакивают на сцену и тут же исчезают. Ах, если бы они совсем не вернулись!

Зал постепенно успокаивался, публика старалась сдерживать страсти, чтобы судьи снова заняли свои места и в тишине продолжили бы спектакль. Когда послышался стук алебард о плиты пола — это шли швейцарские гвардейцы, — все встали: за гвардейцами шествовали судьи.

Среди молитвенной тишины Массно снова занял свое место.

— Господа, инцидент исчерпан. Документы, которые я счел подозрительными, приобщены к делу, и судьи при желании могут ознакомиться с ними. Я пометил их красным крестиком, и, таким образом, каждый из судебных заседателей получит возможность составить собственное мнение о решении, которое я принял единолично.

— Эти документы главным образом содержат в себе обвинения в оскорблении священного писания, — заявил Бурье, не скрывая своего удовлетворения. — В частности, там идет речь о создании с помощью алхимии пигмеев и других существ дьявольского происхождения.

Толпа в восторге затопала ногами.

— А нам покажут их в числе вещественных доказательств? — крикнул кто-то.

Нарушитель был немедленно выведен гвардейцами из зала, и заседание возобновилось.

Затем поднялся адвокат Дегре.

— Как адвокат подсудимого, я не возражаю, чтобы все обвинительные документы были представлены на суде, — заявил он.

Председательствующий Массно продолжил допрос.

— Итак, чтобы покончить с вопросом о ядах, которые, по вашему признанию, подсудимый, вы изготавливали, ответьте нам: как же получилось, что вы, изготавливая их вовсе не с целью кого-то отравить, сами публично похвалялись, будто принимаете их ежедневно, чтобы «избежать опасности быть отравленным»?

— Все это чистая правда, я и сейчас не отрекаюсь от своих слов; я утверждаю, что меня нельзя отравить ни купоросом, ни мышьяком, так как я слишком много принял их и, если кто-нибудь вздумал бы с их помощью отправить меня на тот свет, они не вызвали бы у меня даже легкого недомогания.

— Значит, вы и сейчас продолжаете утверждать, будто невосприимчивы к ядам?

— Если это удовлетворит королевский суд, то я, как верный подданный, согласен проглотить на ваших глазах любое из этих зелий.

— Следовательно, тем самым вы признаете, что обладаете тайной заговора против всех ядов?

— Это не заговор, а наука о противоядиях. И уж если на то пошло, то на самом деле в колдовство и заговоры верят те, кто употребляет жабий камень и иные нелепые снадобья, а это, я думаю, господа, делают почти все сидящие в зале, считая, что тем самым они спасают себя от яда.

— Подсудимый, вы усугубляете свою вину, глумясь и издеваясь над обычаями, достойными уважения. Однако в интересах правосудия, которое требует полной ясности, я не буду останавливаться на этих деталях. Я лишь подчеркну, если вы не возражаете, что вы признаете себя знатоком ядов.

— Я не считаю себя ни знатоком ядов, ни чего-либо другого. Но тем не менее я добился, что мой организм стал невосприимчив к ядам, но только к таким распространенным, как мышьяк и купорос, которые я уже называл. Но разве не ничтожны мои знания, если вспомнить о многих ядах, содержащихся в растениях, выделяемых животными, о ядах экзотических стран, о флорентийских и китайских ядах, которые даже самые искусные хирурги королевства не могут не только обезвредить, но даже обнаружить?

— А вам известны какие-нибудь из этих ядов?

— У меня есть стрелы, которыми пользуются индейцы, охотясь на бизонов. Есть также наконечники для небольших стрел — оружия африканских пигмеев; одной стрелой можно убить такое огромное животное, как слон.

— Короче говоря, вы еще более подтверждаете обвинение против вас, гласящее, что вы — знаток ядов.

— Отнюдь нет, господин председатель, я просто рассказываю вам это для того, чтобы доказать, что если бы мне вздумалось отправить на тот свет несколько человек, которые косо посмотрели на меня, я не стал бы утруждать себя изготовлением таких распространенных и легко опознаваемых ядов, как купорос или мышьяк.

— Так зачем же вы их изготовляли?

— Для научных целей, а иногда они образуются в процессе химических опытов с минералами.

— Не будем в споре отклоняться от главного. Достаточно того, что вы признали себя человеком, весьма искусственным в ядах и алхимии. Короче, как вы сами заявили, вы можете умертвить человека так, что никто не догадается о причине смерти и не заподозрит вас. Кто же поручится нам, что вы этого уже не сделали?

— Но пусть докажут, что я это сделал!

— Еще вас обвиняют в смерти двух людей, хотя я должен отметить, что это не основные обвинения. Первая жертва — племянник его высокопреосвященства де Фонтенака, архиепископа Тулузского.

— Разве дуэль, спровоцированная противником — а это могут подтвердить свидетели, — теперь считается колдовством?

— Господин де Пейрак, советую вам переменить свой иронический тон по отношению к суду, единственная цель которого — добиться истины. Что же касается второй смерти, которую вам приписывают, то она вызвана либо одним из ваших неуловимых ядов, либо заговором. Во всяком случае, при освидетельствовании трупа одной из бывших ваших любовниц был обнаружен — при свидетелях — вот этот медальон с вашим поясным портретом. Вам он знаком?

Анжелика видела, как председатель Массно протянул какой-то маленький предмет швейцарцу, а тот передал его графу де Пейраку, все так же стоявшему перед скамьей подсудимых, опершись на две палки.

— Да, я узнаю, эта миниатюра была сделана по заказу той несчастной экзальтированной девицы.

— Несчастливая экзальтированная девица, как вы назвали ее, была одной из ваших столь многочисленных любовниц, и ее имя — мадемуазель...

Жоффрей де Пейрак повелительным жестом остановил его.

— Умоляю, не оскверняйте публично ее имя, господин председатель. Ведь бедняжка умерла!

— Умерла, исчахнув от любовного томления, которое, как теперь начали подозревать, было вызвано вами с помощью заговора.

— Это не правда, господин председатель.

— Так почему же тогда медальон нашли во рту покойницы и на вашем портрете, на груди, как раз там, где должно быть сердце, видна дырочка, словно от прокола булавкой?

— Понятия не имею. Однако, судя по тому, что вы мне рассказали, можно скорее предположить, что это она, будучи очень суеверной, пыталась таким образом приворожить меня. Выходит, из колдуна я превратился в жертву колдовства. Забавно, не правда ли, господин председатель?

И вдруг все услышали, как этот едва держащийся на ногах с помощью палок призрак громко расхохотался.

Публика сначала нерешительно заерзала, потом наступила разрядка и по залу прокатился смех.

Но Массно даже не улыбнулся.

— Разве вы не знаете, подсудимый, что факт обнаружения медальона во рту покойницы свидетельствует о том, что на нее была наведена порча?

— Насколько я вижу, господин председатель, по части суеверий я гораздо менее сведущ, чем вы.

Магистрат не обратил внимания на намек.

— В таком случае поклянитесь, что вы никогда ни на кого не навели порчу.

— Клянусь своей женой, своим ребенком и королем, что я никогда не занимался подобным вздором, именуемым колдовством, во всяком случае, тем, что подразумевается под ним в нашем королевстве.

— Поясните, что означает эта оговорка в данной вами клятве?

— Я хочу сказать, что много путешествовал и был свидетелем — в Китае и Индии — странных явлений, которые подтверждают существование магии и чародейства, но они не имеют никакого отношения к тому шарлатанству, с которым мы сталкиваемся под их именем у нас в Европе.

— Одним словом, вы признаете, что вы верите в это?

— В истинное чародейство — да... Оно, кстати, зиждется на некоторых явлениях природы, сущность которых будущие поколения, наверно, сумеют объяснить. Ну а слепо следовать ярмарочным волшебникам или так называемым ученым алхимикам...

— Вот вы и сами заговорили об алхимии! По-вашему, алхимия, как и колдовство, бывает истинная и шарлатанская?

— Совершенно верно. Некоторые арабы и испанцы даже переименовали истинную алхимию в химию, науку опыта, согласно которой все процессы изменения вещества подчиняются определенным законам и, таким образом, не зависят от проводящего опыт, при условии, конечно, если он знает свое дело. Но зато убежденный алхимик хуже колдуна!

— Я рад услышать это от вас, ибо таким образом вы облегчаете задачу суда. Так кто же, по-вашему, хуже колдуна?

— Какой-нибудь дурак или фанатик, господин председатель...

Впервые за все время этого судебного заседания Массно, казалось, потерял власть над собой.

— Подсудимый, заклинаю вас быть почтительным, ведь это и в ваших интересах. Вы уже и так проявили дерзость, назвав во время клятвы его величество нашего короля после своей жены и ребенка. Если вы и впредь будете проявлять такое же высокомерие, суд имеет право отказаться выслушивать вас...

Анжелика видела, как адвокат Дегре кинулся к Жоффрею, намереваясь что-то сказать ему, но стража преградила ему путь. Массно вмешался, стремясь дать адвокату подсудимого возможность свободно выполнять свои обязанности.

— У меня и в мыслях не было, господин председатель, оскорбить этим вас лично или кого-либо из судей, — сказал граф де Пейрак, когда шум немного улегся. — Как ученый, я просто выступил против тех, кто занимается этой пагубной наукой, которая именуется

алхимией, но я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас, людей, обремененных столь серьезными обязанностями, тайно увлекался ею...

Это небольшое пояснение понравилось магистратам, и они важно закивали головами.

Допрос продолжался уже в более спокойной атмосфере.

Масно, порывшись в кипе бумаг, вытащил очередной листок.

— Вы уличены в использовании для своих таинственных занятий, которые вы ради своего оправдания именуете новым названием «химия», костей животных. Как объяснить эти действия, столь не подобающие христианину?

— Господин председатель, не следует мешать в одну кучу оккультизм и химию. Кости животных нужны мне лишь для того, чтобы превращать их в золу, которая необходима для купелирования расплавленного металла, чтобы выделять золото или серебро, которые в нем содержатся.

— А человеческие кости тоже годятся для купелирования? — задал коварный вопрос Масно.

— Наверно, господин председатель, но, признаюсь, меня вполне удовлетворяют кости животных, и я довольствуюсь ими.

— Для того чтобы вы могли их использовать, животные должны быть сожжены живыми?

— Отнюдь нет, господин председатель. Разве вы варите живую курицу?

Лицо магистрата перекошилось, но он взял себя в руки и лишь заметил, что он по меньшей мере удивлен тем обстоятельством, что во всем королевстве костная зола употребляется одним лишь лицом и с целью, которая «здравомыслящему человеку» кажется сумасбродной, чтобы не сказать святотатственной.

И так как Пейрак презрительно пожал плечами, Масно добавил, что против него выдвинуты также обвинения в святотатстве и безбожии, но они основаны не только на употреблении костей животных, а посему будут рассмотрены позже — всему свое место и время.

И он продолжал:

— Не использовали ли вы в действительности костную золу для того, чтобы вдохнуть жизнь в такой презренный металл, как свинец, и

окультным путем превращать его в благородные металлы — золото и серебро?

— Такая точка зрения весьма близка к схоластическим измышлениям алхимиков, которые утверждают, будто бы при помощи таинственных символов создают материю, в то время как в действительности ее создать нельзя.

— Подсудимый, однако вы признаете, что изготавливали золото и серебро иным способом, чем тот, когда добыча ведется из речного песка?

— Я никогда не изготавливал ни золота, ни серебра. Я только извлекал их.

— Однако люди, разбирающиеся в этом деле, утверждают, что, сколько они ни дробили и ни промывали породы, из которых вы будто бы извлекаете золото и серебро, они не обнаружили там ни того, ни другого.

— Совершенно верно. А вот расплавленный свинец обладает свойством вбирать в себя благородные металлы, которые невидимо содержатся в горных породах.

— Вы хотите сказать, что можете извлечь золото из любой породы?

— Отнюдь нет. Большая часть пород не содержит его совсем или же содержит ничтожные доли. И отыскать эти, весьма редко встречающиеся во Франции породы, которые содержат золото, можно лишь в результате длительных и сложных поисков.

— Но если обнаружить их так трудно, то чем объяснить тот факт, что именно вы один в нашем королевстве научились это делать?

Граф раздраженно ответил:

— Как вам сказать, господин председатель, для этого необходим талант, а вернее, знания и трудолюбие. Я бы тоже мог позволить себе спросить вас, почему Люлли пока что единственный во Франции сочинитель опер и почему вы не пишете их, хотя выучить ноты может каждый.

Председатель от возмущения поморщился, но не нашелся, что возразить.

Судья с невзрачным лицом поднял руку.

— Пожалуйста, господин советник Бурье.

— Я хочу, господин председатель, задать подсудимому один вопрос. Если господин Пейрак действительно открыл секрет получения золота и серебра, то почему же этот знатный дворянин, только что торжественно заверявший нас в своей верности королю, не счел нужным поделиться своим открытием с великим властителем нашего государства, я хочу сказать — с его величество королем, ведь это было не только его долгом, но также еще одним средством облегчить народу и даже дворянству столь тяжкое, хотя и необходимое бремя налогов, которые косвенным образом, в виде различных податей, платят даже освобожденные от них представители закона.

По залу пробежал одобрителный шепот. Каждый почувствовал себя ущемленным, как бы обокраденным этим презирующим всех долговязым, колченогим человеком, который решил единолично пользоваться своим баснословным богатством.

Анжелика почувствовала ту ненависть, с какой публика взирала сейчас на этого искалеченного пытками человека, уже еле державшегося на ногах от усталости.

Впервые за все время Жоффрей посмотрел прямо в зал, но Анжелике показалось, что у него какой-то отсутствующий, невидящий взгляд. «Неужели сердце не подсказывает ему, что я здесь и страдаю вместе с ним?» — подумала она.

После некоторого колебания граф медленно проговорил:

— Я поклялся говорить только правду. Я скажу правду: в нашем королевстве успехи отдельных лиц не только не поощряются, но, наоборот, если человек чего-то добился, его достижением стремится завладеть банда придворных, одержимых честолюбием, поглощенных лишь собственными интересами и дрязгами. А в таких условиях самое лучшее для человека, пытающегося что-то создать, — это молчать и держать свое открытие в тайне. Ибо «не надо метать бисер перед свиньями».

— Ваше заявление весьма серьезно. Вы наносите ущерб престижу короля... и самому себе, — мягко заметил Массно.

Бурье вскочил со своего места.

— Господин председатель, я, как судебный заседатель, выражаю протест против вашего снисходительного отношения к фактам, которые, на мой взгляд, должны быть занесены в протокол как доказательство оскорбления его величества!

— Господин советник, я буду весьма обязан вам если вы дадите мне отвод как председателю этого процесса. Ведь я и сам пытался добиться его, но наш король отказал мне, что, как мне кажется, свидетельствует о его доверии.

Бурье побагровел и сел, а граф тем временем усталым, но твердым голосом объяснял, что каждый понимает свой долг по-своему. Не являясь придворным, он чувствовал, что не в силах будет отстоять свои взгляды наперекор всему и всем. Но разве не достаточно того, что он из своей далекой провинции ухитрялся ежегодно вносить в королевскую казну больше четверти той суммы доходов, которую приносил Франции весь Лангедок? И хотя он трудился не только на свое, но и на общее благо, он предпочитал не предавать огласке свои открытия, боясь, как бы ему не пришлось отправиться в изгнание, разделив тем самым судьбу многих непонятых ученых и изобретателей.

— Короче, тем самым вы признаетесь в том, что ожесточились умом и настроены критически по отношению к государству, — все так же мягко проговорил председатель.

Анжелика снова вздрогнула.

Адвокат поднял руку:

— Извините меня, господин председатель. Я знаю, что еще не пришло время для моей защитительной речи, но я хочу вам напомнить, что мой клиент — один из преданнейших подданных его величества и сам король оказал ему честь, нанеся ему визит в Тулузе, а затем лично пригласив его на свою свадьбу. Поэтому нельзя утверждать, что деятельность графа де Пейрака была направлена против короля и государства, не проявив тем самым неуважения к самому его величеству.

— Спокойнее, мэтр! Я сделал вам снисхождение, разрешив взять слово, и заверяю вас, что мы учтем ваше замечание. Но пока идет лишь допрос, который даст судебным заседателям возможность создать правильное представление о личности подсудимого и о его делах, а потому не прерывайте нас.

Дегре сел. Председатель напомнил, что королевское правосудие требует, чтобы были выслушаны все, включая и тех, кто убедительно возражает, но о действиях короля может судить только сам король.

— Он оскорбил его величество! — снова выкрикнул Бурье.

— Я не согласен с этим обвинением, — отрезал Массно.

Глава 45

Массно продолжал допрос, сказав, что, помимо обвинения в превращении неблагородных металлов в золото, чего не отрицал сам подсудимый, хотя и уверял, что это естественное, а отнюдь не дьявольское явление, Пейрак обвиняется еще в том, что он обладает очевидной способностью околдовывать людей, и в особенности совсем юных женщин, чему есть много свидетельств. А также, что на безбожных, разнузданных сборищах, которые он устраивал, обычно большинство составляли женщины, а это «несомненный признак того, что здесь замешан сатана, ибо на шабашах число женщин всегда превышает число мужчин».

Пейрак молчал, погрузившись в свои мысли, и Массно нетерпеливо спросил его:

— Подсудимый, что вы можете ответить на этот вопрос, четко сформулированный на основе определений римской консистории? Кажется, он поставил вас в тупик?

Жоффрей де Пейрак вздрогнул, словно его пробудили ото сна.

— Если уж вы настаиваете, господин председатель, я вам скажу две вещи. Во-первых, я сомневаюсь в ваших столь глубоких знаниях определений римской консистории, так как такого рода сведения не могут быть переданы никому, кроме церковного суда. Во-вторых, вы с таким знанием дела разъяснили здесь, как происходят шабаша, что можно заключить, будто у вас есть опыт в подобных делах и вы хоть раз, но присутствовали на таком сборище сатаны, я же, несмотря на свою богатую приключениями жизнь, признаюсь, никогда с сатаной не встречался.

Председатель буквально задохнулся от этого оскорбления. Он долго не мог вымолвить ни слова, потом заговорил с угрожающим спокойствием.

— Подсудимый, я бы мог воспользоваться этим обстоятельством, чтобы до конца процесса лишить вас слова и судить вас как «бессловесного» и даже отказать вам в праве иметь защитника. Но я не хочу, чтобы в глазах некоторых недоброжелателей вы оказались жертвой каких-то грязных козней. Вот почему я поручаю вести

дальнейший допрос другим судьям и надеюсь, что вы не отобьете у них охоту выслушивать вас. Итак, господин протестантский советник, прошу вас!

Высокий человек с суровым лицом встал.

Массно сделал ему замечание:

— Господин Дельма, вы — судья, и ваше высокое звание обязывает вас слушать подсудимого сидя.

Дельма сел.

— Прежде чем продолжить допрос, — сказал он, — я хочу обратиться к суду с просьбой, которую суд ни в коей мере не должен расценивать как предвзятую благожелательность по отношению к подсудимому, но единственно как проявление чувства гуманности. Всем известно, что братоубийственные войны, которые в течение долгих лет опустошали нашу страну, и в особенности юго-западные ее районы, откуда подсудимый родом, еще в раннем детстве сделали его калекой. Судя по всему, наше заседание затягивается, а потому я прошу суд разрешить подсудимому сесть, иначе он может потерять сознание.

— Это невозможно! — злобно отрезал Бурье. — По традиции во время судебного заседания подсудимый обязан стоять на коленях перед распятием. Достаточно того, что ему разрешили не преклонять колен.

— Я повторяю свою просьбу, — настойчиво сказал протестантский советник.

— Естественно, — взвизгнул Бурье, — всем известно, что для вас подсудимый почти единоведец, потому что его вскормила своим молоком гугенотка и, по его утверждению, он был искалечен католиками, что, кстати, еще надо доказать.

— Повторяю, мною руководит лишь гуманность и здравый смысл. Преступления, в которых обвиняют этого человека, внушают мне не меньший ужас, чем вам, господин Бурье, но, если он потеряет сознание, мы никогда не кончим этот процесс.

— Благодарю вас, господин Дельма, но я не упаду в обморок. Прошу вас, продолжим, — вмешался в разговор де Пейрак таким властным тоном, что трибунал после некоторого колебания подчинился ему.

— Господин Пейрак, — начал Дельма, — я верю вашей клятве говорить только правду и верю вам, когда вы заявляете, что не имели

никаких связей с нечистой силой. Однако слишком многое остается туманным, и это не позволяет правосудию в полной мере оценить вашу искренность. Вот почему я прошу вас ответить на вопросы, которые я вам задам, и поверить, что мною руководит только желание рассеять ужасные подозрения, которые нависли над вами в результате вашей деятельности. Вы утверждаете, что извлекаете золото из пород, которые, по мнению знающих людей, не содержат его. Предположим, это так. Но почему вы занялись таким странным, тяжелым трудом, который столь не соответствует вашему дворянскому званию?

— Прежде всего я хотел разбогатеть благодаря своему труду и той умственной одаренности, которой наградила меня природа. Одни либо выклянчивают себе пенсию, либо живут на подачки богатого соседа, другие прозябают в нищете. Но меня не устраивало ни одно из этих решений, и я постарался, приложив все свои силы и знания, извлечь максимум пользы из принадлежащих мне земель. И мне кажется, я не нарушил здесь заповедей самого господ бога, потому что он сказал: «Не зарывай талант в землю». А это, я полагаю, означает, что человек, наделенный каким-либо даром или талантом, не имеет права размышлять — воспользоваться им или нет, его долг перед богом — поступать так, чтобы талант приносил плоды.

Лицо у магистрата стало каменным.

— Не вам, сударь, говорить нам о долге перед богом. Ну хорошо, оставим это... Скажите, почему вы окружаете себя либо распутниками, либо странными людьми, приезжающими из других государств, и хотя они и не уличены в шпионских действиях против нашего королевства, но, судя по тем сведениям, которые я имею, не являются истинными друзьями ни Франции, ни даже римской церкви.

— Эти странные, с вашей точки зрения, люди, главным образом, ученые из других стран: швейцарцы, итальянцы, германцы, с которыми мы обменивались сведениями о тех или иных экспериментах и исследованиях. Споры о земном и всемирном тяготении — вполне безобидное времяпрепровождение. Что же касается обвинения в распутстве, которое мне предъявляют, то едва ли в моем дворце случилось больше скандальных историй, чем в те времена, когда, по словам знатоков, куртуазная любовь «цивилизовала общество», и уж наверняка их случилось меньше, чем в наши дни каждый вечер случается при дворе и во всех парижских кабаках.

От этих дерзких слов судьи нахмурились. Но Жоффрей де Пейрак, подняв руку, воскликнул:

— Господа магистраты и все судейские чиновники, сидящие в этом зале, у меня нет ни тени сомнения в том, что вы благодаря чистоте своих нравов и своей целомудренной жизни являете собой один из самых здоровых элементов общества. Не гневайтесь на мои слова, они относятся к совсем иному сословию, и вы сами, бесспорно, не раз шептали их про себя.

Эта хитрая уловка обезоружила судей и клерков, которые в душе были польщены тем, что публично было воздано должное их примерной и тусклой жизни.

Дельма покашлял и для вида полистал досье.

— Говорят, вы знаете восемь языков?

— Итальянский ученый Пико дела Мирандола, живший в прошлом веке, владел восемнадцатью языками, и никто тогда не обвинял его в том, будто сам сатана взял на себя труд обучить его.

— И наконец, признано, что вы околдовываете женщин. Мне бы не хотелось бессмысленно оскорблять человека, и без того уже обиженного несчастьем, но, глядя на вас, трудно поверить, что вы своей внешностью настолько привлекали к себе женщин, что они ради вас убивали себя, теряли голову при одном вашем виде.

— Не надо преувеличивать, — скромно ответил граф и улыбнулся. — Дали себя околдовать, как вы называете это, только те, кто сам этого очень хотел. Ну а что касается экзальтированных девиц, то ведь они встречались в жизнь каждому из нас. Монастырь, а еще лучше — больница — вот самое подходящее для них место, и нельзя судить обо всех женщинах, основываясь на примере нескольких безумцев.

Дельма принял еще более официальный вид.

— Общеизвестно и подтверждено многочисленными показаниями, что в вашем тулузском Отеле Веселой Науки, начинании нечестивом уже по самой своей сути, ибо бог сказал: «Будешь любить, чтобы зачать», вы во всеуслышание прославляли плотское наслаждение.

— Но господь бог никогда не говорил: «Зачинать будешь, подобно собаке», — и я не вижу ничего дьявольского в обучении искусству любви.

— Ваше колдовство — вот что от дьявола!

— Если бы я обладал колдовской силой, я бы не находился сейчас здесь.

Судья Бурье в бешенстве вскочил:

— В вашем Отеле Веселой Науки вы проповедовали неуважение к законам церкви, вы утверждали, что брак — помеха истинной любви и быть набожным — вовсе не достоинство.

— Действительно, я мог сказать, что показная набожность не достоинство, если при этом человек — жадный и бессердечный, истинное же достоинство, которое ценят женщины, — это веселый нрав, умение слагать стихи, быть щедрым и искусным любовником. И если я говорил, что брак — помеха любви, то я имел в виду не сам институт брака, благословенный богом, а то, что в наши дни брак стал настоящей куплей и продажей, позорной сделкой, заключая которую, родители препираются из-за земель и приданого и часто силой, угрозами соединяют между собой молодых людей, которые дотопе никогда даже не видели друг друга. Вот так разрушается священный принцип брака, потому что супруги, скованные его цепями, не могут иначе освободиться от них, кроме как с помощью греха.

— И у вас хватает дерзости читать нам проповеди! — протестующе воскликнул сбитый с толку Дельма.

— Увы, мы, гасконцы, все немного задиры и любим поспорить! — признался граф. — Вот мой критический ум и побудил меня вступить в борьбу против нелепостей нашего века. Я последовал примеру знаменитого идальго Дон Кихота Ламанчского, который сражался с ветряными мельницами, и боюсь, что оказался таким же глупцом, как и он.

Прошел еще час, а судьи все продолжали задавать подсудимому один за другим самые нелепые вопросы. Его спросили, каким способом он придавал цветам свойство «околдовывать», так что достаточно было послать букет женщине, и она теряла власть над собой, спросили о составе возбуждающего зелья, которым он угощал гостей Отеля Веселой Науки и доводил их тем самым до «чувственного исступления», и, наконец, сколько любовниц он мог иметь одновременно.

Граф де Пейрак отвечал на все эти глупости то презрительно, то с иронической улыбкой.

Ему явно никто не поверил, когда он сказал, что одновременно всегда мог любить только одну женщину.

Бурье, которому его коллеги предоставили вести этот щекотливый спор, насмешливо заметил:

— О вашей мужской силе идет такая слава, что мы ничуть не удивились бы, узнав, что вы прибегаете к такого рода постыдным развлечениям.

— Если бы ваш опыт в этих делах был столь же велик, сколь моя мужская сила, — ответил граф де Пейрак с язвительной улыбкой, — вы бы знали, что тяга к подобному разнообразию присуща как раз людям, страдающим половым бессилием, людям, которые ищут возбуждения в извращенной любви. Меня же лично, признаюсь вам, господа, вполне удовлетворяет одна женщина, с которой я остаюсь наедине в ночной тиши. Больше того, — добавил он очень серьезным тоном, — ручаюсь, что ни один злой язык ни в самой Тулузе, ни во всем Лангедоке не посмеет сказать, что с тех пор, как я женат, у меня была хоть одна любовница.

— Да, расследование действительно подтверждает эту деталь, — согласился Дельма.

— О, такую значительную деталь! — рассмеялся Жоффрей.

Судьи от неловкости заерзали на своих стульях. Массно сделал Бурье знак перейти к следующему вопросу, но тот не хотел смириться с тем, что все его так тщательно подготовленные фальшивки были отмечены одна за другой, и рвался в бой.

— Вы не ответили на выдвинутое против вас обвинение в том, что вы добавляли в вино своих гостей возбуждающие снадобья, толкавшие их на страшные грехи, против которых предостерегает нас седьмая заповедь.

— Я знаю, что есть средства, которые употребляются с этой целью, как, например, шпанская муха, но я никогда не был сторонником искусственного возбуждения, ибо возбуждение должно возникать естественно, тогда, когда в жилах течет горячая кровь и желания сильны.

— Однако, как нам известно, вы очень заботились о том, чтобы кормить и поить своих гостей.

— Разве в этом есть что-нибудь странное? Разве каждый, кто хочет понравиться своим гостям, не поступил бы так же?

— Но вы уверяли, что еда и напитки играют большую роль в обольщении. Вы учили искусству очаровывать...

— Отнюдь. Я учил, что нужно наслаждаться тем, что нам даровано на этой земле, но, как и в любой другой науке, прежде всего необходимо изучить законы, которые позволят нам овладеть этой наукой.

— Расскажите нам более подробно о некоторых положениях вашего учения.

Жоффрей окинул взглядом судей и зал, и Анжелика увидела, как на лице его блеснула улыбка.

— Я заметил, господа судьи, эти вопросы вас волнуют не меньше, чем подростков. Действительно, будь то школьник или магистр, но каждый стремится завоевать любимую женщину, не так ли? Увы, господа, боюсь вас разочаровать. Ни для того, чтобы получать золото, ни для того, чтобы добиться любви, у меня нет никакой магической формулы. Мое учение зиждется на обычных законах человеческой мудрости. Вот когда вы, господин председатель, будучи юным клерком, входили в это величественное здание, разве не считали вы необходимым для себя учиться всему, что позволило бы вам в один прекрасный день достичь того поста, который вы сейчас занимаете? Вы сочли бы безумием взойти на кафедру и начать речь, не продумав заранее каждое слово. В течение долгих лет вы всегда держались настороже, чтобы преодолеть все препятствия, которые могли неожиданно возникнуть на вашем пути. Так почему же нам не проявить такое же усердие в любви? Невежество вредно, если не сказать преступно — во всем. В моем учении не было ничего тайного. И уж коли господин Бурье просит подробностей, то я посоветую ему, к примеру, возвращаясь домой в хорошем настроении и с добрыми намерениями приласкать свою жену, дорогой не заглядывать ни в какие кабаки, чтобы в приятной компании выпить несколько кружек светлого пива. Иначе, когда он окажется на перине, его может так разморить, что его супруга будет весьма разочарована и назавтра поддастся искушению ответить на галантное ухаживание какого-нибудь любезного мушкетера...

В зале кое-где послышался смех, и несколько молодых людей захлопали в ладоши.

— Я понимаю, конечно, что не в моем плачевном положении держать подобные речи, — звучным голосом продолжал Жоффрей де Пейрак. — Но поскольку мне надо опровергнуть обвинение, я еще раз повторяю: я утверждаю, что самое лучшее средство, возбуждающее любовь, — это здоровая, красивая девушка, которая всем своим видом вызывает у вас желание.

— Подсудимый, — строго прервал его Массно, который вернулся к своим обязанностям председателя, — я снова вынужден призвать вас вести себя благопристойно. Не забывайте, что в зале находятся женщины, посвятившие себя богу и во имя его сохраняющие свое целомудрие в стенах святой обители.

— Господин председатель, прошу вас отметить, что не я начал беседу, если можно так выразиться, на столь щекотливую и... очаровательную тему.

Снова послышались смешки. Дельма сказал, что эту часть допроса следовало бы вести на латыни, но Фалло де Сансе, впервые взявший слово, разумно возразил, что в зале, где сидят клерки, священники и монахи, латынь понимают все, и незачем утруждать себя ради стыдливых ушей стражи, что стоит здесь со своими алебардами.

После этого выступили еще несколько судей, кратко изложив другие обвинения, предъявляемые подсудимому.

У Анжелики создалось впечатление, что, хотя допрос ведется очень сумбурно, все обвинение сводится к колдовству, обольщению «дьявольскими способами» женщин и умению «превращать в настоящее» золото, полученное с помощью алхимии и дьявола.

Она с облегчением вздохнула: если ее муж обвинен только в том, что он вступил в сделку с дьяволом, у него есть шансы вырваться из когтей королевского правосудия.

Тогда заявив, что во время процедуры «изгнания беса» вместо штифта была применена игла, адвокат сумеет доказать, что процедура была проведена вопреки всем правилам, установленным церковью, и Жоффрей стал жертвой этого беззакония.

И наконец, демонстрация опытов, которые проведет старый саксонец Фриц Хауэр, покажет, каким образом Жоффрей «увеличил

свое богатство», и, возможно, убедит судей.

И Анжелика, чтобы отдохнуть немного, на мгновение закрыла глаза.

Глава 46

Когда она открыла их, ей показалось, что она видит какой-то страшный сон: на кафедре появился монах Беше.

Беше дал клятву над распятием, которое ему протянул другой монах.

Затем глухим, прерывистым голосом он принялся рассказывать, как его дьявольски обманул великий маг Жоффрей де Пейрак, добыв при нем из расплавленного камня чистое золото, использовав для этого философский камень, привезенный им, по-видимому, из Страны Вечной Ночи, которую, кстати, граф любезно описал ему как совершенно девственную, ледяную землю, где день и ночь гремит гром, где дует страшный ветер, вслед за которым обрушивается град, а одна из гор непрерывно выплескивает на вечные льды раскаленную лаву, но, несмотря на чудовищный жар, льды не тают.

— Вот эта последняя подробность — игра воображения, — заметил граф де Пейрак.

— Не прерывайте свидетеля, — строго сказал председатель.

Монах продолжал плести небылицы. Он заявил, что граф изготовил при нем слиток в два с лишним фунта чистого золота, которое позже было апробировано специалистами и признано настоящим.

— Вы забыли сказать, что это золото я подарил его преосвященству архиепископу Тулузскому для благотворительных целей, — снова подал реплику подсудимый.

— Да, — подтвердил зловецим голосом монах. — Это золото выдержало тридцать три попытки изгнать из него нечистую силу, но, тем не менее, маг сохранил над ним власть и, когда захочет, может вызвать гром и заставить золото исчезнуть. Его преосвященство архиепископ Тулузский сам был свидетелем подобного ужасного явления, и оно его взволновало. Маг с гордостью говорил о «гремучем золоте». А еще он утверждает, что способен таким же образом преобразовать в золото и ртуть. Впрочем, все эти факты были зафиксированы в мемории, которая находится у вас.

Массно попытался шуткой сгладить впечатление от слов монаха.

— Слушая вас, отец мой, можно подумать, что подсудимый настолько могуществен, что может опрокинуть этот огромный Дворец правосудия, как некогда Самсон сокрушил храм.

Анжелика почувствовала смутную симпатию к этому тулузскому магистрату.

Беше, выкатив глаза, торопливо перекрестился.

— Не подстрекайте мага! Он наверняка такой же сильный, как Самсон.

Снова послышался насмешливый голос графа.

— Обладай я и впрямь таким могуществом, какое приписывает мне этот монах-палач, я употребил бы его не на то, чтобы посредством колдовства стереть с лица земли достопочтеннейшего Беше и ему подобных, а прежде всего воспользовался бы магическими формулами для того, чтобы сокрушить самую большую крепость в мире — человеческую глупость и легкоеверие. Декарт был не прав, когда говорил, что ум человека не может постичь бесконечности — ярким примером бесконечной величины является людская глупость.

— Подсудимый, не забывайте, что мы собрались здесь не для того, чтобы рассуждать на философские темы, и ваши увертки не помогут.

— В таком случае давайте выслушаем этого достойного представителя невежественной науки прошлых веков, — насмешливо бросил де Пейрак.

Судья Бурье задал вопрос:

— Отец Беше, вы признанный ученый и присутствовали при изготовлении золота с помощью алхимии, так вот, какую, по-вашему, цель преследовал подсудимый, вверяясь сатане? Ради наживы? Ради женщин? Ради чего же?

Тщедушный низкорослый Беше резко выпрямился, и Анжелике показалось, что она видит перед собой злого духа, готового к нападению. Она торопливо перекрестилась, и ее примеру последовали все сидевшие в одном ряду с ней монахини, буквально замороженные этой сценой.

Срывающимся голосом Беше прокричал:

— Я знаю его намерения. Богатство, женщины? Нет!.. Жажда власти, заговор против государства и короля? И это тоже нет! Он хочет быть таким же могущественным, как сам бог. Я уверен, он умеет

создавать Жизнь, иными словами, он пытается соперничать с самим Творцом!

— Отец мой, но есть ли у вас доказательства тех невероятных обвинений, которые вы сейчас выдвинули? — почтительно спросил протестант Дельма.

— Я видел, можно сказать, собственными глазами, как из его лаборатории выходили гомункулы, а также гномы, химеры и драконы. Многие крестьяне в тех местах, чьи имена у меня записаны, также видели, как они порою бродили во время ночной бури и выходили из этого злосчастного вертепа-лаборатории, которая в один прекрасный день была почти полностью разрушена взрывом гремучего золота, как называет его граф, или, как его называю я, неустойчивым, сатанинским золотом.

В зале подавленные страхом люди тяжело дышали. Какая-то монахиня упала в обморок, и ее вынесли.

Председатель суда торжественным тоном обратился к свидетелю. Он заверил его, что хочет знать всю правду, но, коль скоро он должен судить за столь необычные колдовские действия, как создание живых существ, что он всегда считал чистейшим вымыслом, он убедительно просит свидетеля собраться с мыслями и взвешивать каждое свое слово.

Массно добавил также, что, адресуясь к нему как к человеку, сведущему в науке герметике и автору многих известных и одобренных церковью трудов, он хотел бы узнать, насколько возможны такие явления, а главное — известны ли ему подобные прецеденты.

Монах Беше снова напряженно вытянулся и даже как будто стал выше. Казалось, еще немного, и он, как зловещий ворон, взлетит в своей черной широкой сутане.

Словно одержимый, он завопил:

— По этому поводу написано немало трудов. Еще Парацельс в своем «De Natura Rerum»^[14] утверждал, что пигмеи, фавны, нимфы и сатиры созданы с помощью алхимии. В других трудах говорится, что гомункулов, этих крошечных человечков величиной с дюйм, можно обнаружить в моче ребенка. Вначале гомункул невидим, и в этот период он питается вином и розовой водой; о его настоящем рождении свидетельствует тихий писк. Только очень могущественные маги способны вызвать это дьявольское, колдовское рождение, а граф де

Пейрак, находящийся сейчас здесь, — один из таких магов, наделенных высшим могуществом, ибо он, по собственному признанию, не нуждается в философском камне для превращения простых металлов в золото. А может, он владеет тем зародышем жизни и благородных металлов, за которым он ездил, как он сам рассказывал, на край земли?

Судья Бурье вскочил, крайне возбужденный, и, заикаясь от злости, спросил:

— Ну, что вы ответите на такое обвинение?

Де Пейрак нетерпеливо пожал плечами и усталым голосом сказал:

— Как можно опровергнуть измышления человека, явно потерявшего рассудок?

— Подсудимый, вы не имеете права уклоняться от ответа, — спокойно вмешался Массно. — Признаете ли вы, что «дали жизнь», как утверждает этот святой отец, маленьким чудовищам, о которых идет речь?

— Конечно нет, и даже если бы это было возможно, я не вижу, чего ради я должен был бы делать это.

— Значит, вы признаете, что можно создать жизнь искусственным путем?

— Кто знает, господин председатель! Наука еще не сказала своего последнего слова, а в природе столько загадок! Когда я был на востоке, я видел, как некоторые рыбы превращаются в тритонов. Я даже привез несколько таких рыбок в Тулузу, но там перерождения не произошло ни разу: по-видимому, все дело в климате.

— Короче, — сказал Массно дрогнувшим голосом, — вы считаете, что наш Творец не играет никакой роли в создании живых существ?

— Этого, сударь, я не говорил никогда, — спокойно возразил граф. — Да, у меня есть свои убеждения, но я верю, что все создал господь бог. Только я не вижу, почему вы не допускаете мысли, что он предусмотрел некоторые переходные формы от растительного мира к животному или от головастика к лягушке. Что же касается гомункулов, как вы их называете, то я лично никогда их не «создавал».

Тогда Конан Беше достал из широких складок своей сутаны какую-то склянку и протянул ее председателю.

Судьи стали передавать ее из рук в руки. Анжелика со своего места не могла разглядеть, что в ней находится, но она видела, как большинство этих почтенных мужей в тогах осеняли себя крестом, и услышала, как один из судей, подзвав молоденького клерка, послал его в часовню за святой водой.

На лицах судебных заседателей был Написан ужас. Бурье непрерывно потирал руки, и трудно было понять, то ли от удовлетворения, то ли чтобы стереть следы этой святотатственной нечисти.

Только один Пейрак, отвернувшись, не проявлял никакого интереса к этому спектаклю.

Склянка вернулась к председателю Массно, и тот, надев очки в большой черепаховой оправе, рассмотрел ее и затем нарушил наконец всеобщее молчание.

— Этот уродец, что находится в склянке, скорее напоминает окаменевшую ящерицу, — сказал он разочарованно.

— Я достал двух таких засушенных гомункулов, которые, должно быть, служили для колдовства, когда с риском для жизни проник в лабораторию графа, — скромно сказал монах Беше.

Массно обратился к подсудимому:

— Вы узнаете этот... этот предмет? Сержант, подайте сосуд подсудимому.

Верзила сержант, к которому обратился Председатель Массно, конвульсивно вздрогнул. Он что-то тихо пробормотал и после некоторого колебания схватил наконец склянку, да так неловко, что она выскользнула из рук и разбилась.

Публика разочарованно ахнула, и тут же толпа кинулась к помосту, желая поближе посмотреть на странное существо.

Но стражники выстроились перед первым рядом и остановили любопытных.

Наконец один из стражников вышел вперед, подцепил своей алебардой с полу что-то неразличимое и сунул под нос графу де Пейраку.

— Должно быть, это один из тритонов, которых я привез из Китая, — невозмутимым тоном проговорил граф. — Наверно, они выползли из аквариума, который я обогревал при помощи перегонного

куба, чтобы вода, в которой они находились, всегда была теплой. Бедные крошечные создания!..

У Анжелики создается впечатление, что из всего, что сказал граф по поводу появления этих экзотических ящериц, публика услышала только слова «перегонный куб», и по залу снова прокатилось дружное «ах», выражающее ужас.

— И вот один из последних вопросов обвинения, — снова заговорил Массно. — Подсудимый, известен ли вам этот список? Это подробная опись всех еретических и алхимических трудов с одной книжной полки вашей библиотеки, к которым вы чаще всего обращались. Среди прочих я вижу здесь книгу «De Natura Rerum» Парацельса, в которой место, посвященное созданию таких дьявольских существ, как гомункулы, о существовании которых я узнал от ученого отца Беше, отчеркнуто красным карандашом, а на полях вашей рукой приписано несколько слов.

Граф ответил хриплым от усталости голосом.

— Правильно. Я помню, что я отчеркнул таким образом некоторые нелепости.

— В этом списке фигурируют также книги, не имеющие отношения к алхимии, но тем не менее запрещенные. Вот они: «Италия учит Францию любви», «Любовные интриги при французском дворе» и тому подобные. Напечатаны они в Гааге и Льеже, где, как известно, укрываются самые опасные памфлетисты и бульварные писатели, изгнанные из королевства. Эти книги ввозятся во Францию тайно, и те, кто их приобретает, совершают тяжкий проступок. Упомяну еще, что в списке есть такие имена, как Галилей и Коперник, учения которых осуждены церковью.

— Предполагаю, что этот список был вам передан неким дворецким по имени Клеман, шпионом, оплачиваемым какой-то важной особой, уж не знаю, кем именно, который несколько лет служил у меня. Список составлен правильно. Но я хочу обратить ваше внимание, господа, на тот факт, что человек включает в свою библиотеку книги, руководствуясь двумя соображениями: или желанием иметь у себя свидетельство человеческого разума — это относится к книгам Коперника и Галилея, или же, беря образцы человеческой глупости, он хочет оценить успехи, достигнутые наукой

за последние полтора-два века, и понять, в каком направлении она будет развиваться дальше, и для этого ему полезно ознакомиться с досужими вымыслами Парацельса или Конана Беше. Поверьте, господа, чтение таких книг — уже само по себе тяжкое наказание.

— Значит, вы не согласны с официальным осуждением римской церковью еретических теорий Коперника и Галилея?

— Да, потому что церковь явно ошиблась. Но из этого не вытекает, что я расхожусь с нею в других вопросах. И я, конечно, предпочел бы довериться ей, ее опыту, касающемуся изгнания злых духов и колдовства, чем держать ответ перед судом, который погряз в софистике.

Председатель театральным жестом развел руками, призывая всех в свидетели, что он бессилён урезонить этого непокорного подсудимого.

Потом, посоветовавшись с заседателями, он объявил, что допрос подсудимого закончен и сейчас будут допрошены несколько свидетелей обвинения.

Он подал знак двум швейцарцам, те вышли, и сразу же за небольшой дверью, через которую входили судьи, послышался шум.

В зал суда впустили двух монахов в белых сутанах, за ними четырех монахинь и, наконец, двух францисканцев в коричневых сутанах.

Вошедшие встали в ряд перед судейским столом.

Председатель Массно поднялся.

— Господа, мы переходим к наиболее щекотливой части процесса. Призванные королем, защитником церкви, вести процесс по делу о колдовстве, мы должны были найти свидетельства, которые в соответствии с положениями, утвержденными римской церковью, привели бы бесспорные доказательства того, что господин Пейрак вступил в сделку с дьяволом. Опираясь в основном на третий параграф положения, который гласит...

Массно склонился к столу и принялся читать:

— ... который гласит, что лицо, вступившее в сделку с дьяволом, именуемое обычно «истинно бесноватым», обладает «сверхъестественной силой тела и властью над духом и телом других людей», мы отметили следующие факты...

Хотя в большом зале было очень холодно, Массно незаметно вытер пот со лба и потом, слегка запинаясь, продолжал чтение:

— ... До нас дошли жалобы настоятельницы Сен-Леандрского женского монастыря в Оверньи. Она заявила, что одна из послушниц, которая не так давно поступила в их монастырь и вначале вела себя примерно, вдруг стала проявлять признаки одержимости дьяволом, и она обвиняет в этом графа де Пейрака. Она призналась, что некогда он вовлек ее в распутство и что в монастырь ее привело желание искупить свои грехи. Но и в этих святых стенах она не обрела покоя, потому что этот человек продолжал ее искушать на расстоянии и, несомненно, приворожил ее. Вскоре она передала в капитул букет роз, который, по ее словам, бросил ей через монастырскую стену какой-то незнакомец, похожий на графа де Пейрака, но в действительности это был демон, так как достоверно известно, что сей дворянин находился в это время в Тулузе. Букет сразу же вызвал среди монахинь странные явления. Они впадали в состояние крайнего исступления, поведение их было непристойно. Придя в себя, они говорили о хромом дьяволе, одно появление которого доставляло им неопишущую радость и разжигало в их телах всепожирающую страсть. А послушница, положившая начало всем этим беспорядкам, естественно, почти не выходила из состояния безумия. В конце концов, встревоженная настоятельница Сен-Леандрского монастыря обратилась за помощью к церковным властям, поскольку именно в это время началось следствие по делу господина Пейрака, и кардинал-архиепископ Парижский передал эти документы мне. Сейчас мы выслушаем монахинь этого монастыря.

Перегнувшись через кафедру, Массно почтительно обратился к одному из склоненных чепцов.

— Сестра Кармен де Мерекур, узнаете ли вы в этом человеке того, кто на расстоянии преследует вас и кто бросил вам «призыв дьявольский и нелепый» поддаться его ворожбе?

— Я узнаю истинного и единственного моего властелина, — красивым контральто воскликнула монахиня.

Потрясенная Анжелика увидела под строгой вуалью чувственное, разгумившееся лицо красавицы испанки.

Массно прочистил горло и, с явным трудом выговаривая слова, спросил:

— Но разве, сестра моя, вы ушли в монастырь не для того, чтобы целиком посвятить себя господу богу?

— Я хотела бежать от моего погубителя. Но тщетно. Он преследует меня даже во время богослужения.

— А вы, сестра Луиза де Ренфон, узнаете ли вы того, кто являлся вам во время безумных видений, жертвой которых вы стали?

Молодой дрожащий голос тихо ответил:

— Да, мне... мне кажется. Но только у того были рога...

По залу прокатился взрыв смеха, а какой-то клерк крикнул:

— Ну и что, возможно, ему насадили их, пока он сидел в Бастилии.

Анжелика вспыхнула от гнева и унижения. Ее спутница сжала ей локоть, напоминая, что она должна сохранять хладнокровие, и Анжелика взяла себя в руки.

Массно обратился к настоятельнице монастыря.

— Я знаю, это разбирательство весьма тягостно для вас, сестра моя, но я вынужден просить вас повторить свои показания перед судом!

Пожилая монахиня, которая отнюдь не казалась взволнованной, но, скорее, негодующей, не заставила себя долго просить и твердым голосом заявила:

— В последние месяцы в монастыре, настоятельницей которого я являюсь уже тридцать лет, происходят просто позорные вещи. Нужно пожить в святой обители, господи, чтобы понять, на какие чудовищные козни способен дьявол, когда он через посредство колдуна может показать свою силу. Не скрою, мне тягостно выполнять этот мой долг и мучительно в присутствии мирского суда излагать столь оскорбительные для церкви факты, но его преосвященство кардинал-архиепископ приказал мне сделать это. Однако я прошу, чтобы судьи выслушали меня без посторонних свидетелей.

К великому удовлетворению аббатисы и разочарованию публики, председатель согласился на ее просьбу.

Судебные заседатели, а за ними и настоятельница с монахинями удалились в заднюю комнату, где обычно располагалась канцелярия суда.

И только Карменсита, которую охраняли четыре монаха, приведшие ее, и два швейцарских гвардейца, осталась в зале.

Теперь Анжелика рассмотрела свою бывшую соперницу. Испанка нисколько не утратила былой красоты. Даже, пожалуй, наоборот, в заточении ее лицо стало будто тоньше, а ее огромные черные глаза горели каким-то восторженным огнем.

Публика, казалось, тоже пожирала глазами околдованную красавицу.

Анжелика услышала насмешливый голос мэтра Галлемана:

— Черт возьми, этот Великий хромой вырастает в моих глазах!

Анжелика заметила, что ее муж не удостоил даже взглядом весь этот спектакль. Сейчас, когда суд удалился, он, видимо, решил отдохнуть и, преодолевая боль, попытался сесть на позорную скамью, скамью подсудимых. Ему удалось это с трудом, и лицо его исказилось от боли. Он долго стоял, опираясь на палки, и теперь, после пытки иглой, которой его подвергли в Бастилии, это вконец измучило его.

Анжелика почувствовала такую тяжесть в груди, словно сердце ее превратилось в камень.

Пока Жоффрей держался с необыкновенным мужеством.

Он говорил спокойно, хотя в его речах то и дело проскальзывала свойственная ему ирония, что, к сожалению, кажется, производило неблагоприятное впечатление и на судей, и даже на публику.

Теперь он откровенно повернулся спиной к своей бывшей любовнице. Да и вообще, видел ли он ее?

Сестра Карменсита, какое-то время находившаяся словно в прострации, неожиданно сделала несколько шагов в сторону подсудимого. Монахи преградили ей путь и заставили вернуться назад.

Вдруг прекрасное лицо испанской мадонны совершенно преобразилось: черты его исказила судорога, щеки впали. Перед публикой возникло какое-то адское видение.

Она хватала ртом воздух, словно рыба, вытащенная из воды. Потом закрыла рот ладонью, стиснула зубы, закатила глаза, и на губах у нее показалась пена, а затем и пузыри.

Растерянный Дегре вскочил:

— Смотрите! Мы свидетели — они пустили в ход трюк с мыльными пузырями!

Его грубо схватили и выволокли из зала.

Этот единственный призыв не нашел никакого отклика у затаившей дыхание толпы, которая, словно загипнотизированная,

наблюдала за этим спектаклем.

Тело послушницы сотрясалось в конвульсиях. Пошатываясь, она направилась к подсудимому. Монахи снова преградили ей путь. Она остановилась, поднесла руки к чепцу и стала судорожно срывать его. При этом кружилась все быстрее и быстрее.

Монахи вчетвером бросились к ней, пытаясь остановить.

Однако то ли они не осмеливались действовать слишком решительно, то ли и в самом деле не в силах были справиться с нею, но только она, как уж, выскользнула из их рук, проявляя при этом силу тренированного борца и ловкость акробата.

Потом она бросилась на пол, извиваясь как змея, поползла меж монахами, сбивая их с ног. Она делала непристойные движения, пытаясь приподнять сутаны. После двух или трех подобных трюков бедняги монахи все оказались на полу в самых неблагочестивых позах. Стражники глазели на эту свалку, где беспорядочно взлетали подола сутан, мелькали четки, и не решались вмешаться.

Наконец одержимая, кружась и извиваясь, сорвала с себя свою монашескую пелерину, затем платье и вдруг встала во весь рост. В тусклом свете зала публика увидела ее изумительное тело, совсем обнаженное.

Поднялся невообразимый шум. Все кричали, не в силах сдержать себя. Одни хотели уйти, другие — наоборот, взглянуть на красавицу поближе.

Почтенного вида магистрат, сидевший в первом ряду, вскочил, сорвал с себя мантию и, взобравшись на помост в одном камзоле и коротких штанах, набросил мантию на голову Карменситы, прикрывая одержимую бесстыдницу.

Монахини, сидевшие рядом с Анжеликой, под предводительством своей начальницы поспешно поднялись. Увидев, что это монахини из работного дома, публика пропустила их. Они окружили Карменситу и связали ее неведомо откуда взявшимися веревками. Затем, почти торжественной процессией, вышли, уводя свою пленницу, продолжавшую пускать пену.

И тут среди разбушевавшейся толпы раздался чей-то пронзительный крик:

— Смотрите, дьявол смеется!

Несколько рук указующе протянулись в сторону подсудимого.

И действительно, Жоффрей де Пейрак, в нескольких шагах от которого разыгралась эта сцена, не скрывал своего смеха. В этом звонком смехе Анжелика узнала Прежнего Жоффрея, жизнерадостного, непосредственного Жоффрея, который некогда очаровал ее. Но возбужденная до предела публика увидела в этом вызов самого дьявола.

Возмущенная, негодующая толпа двинулась вперед. Стражники опередили ее и скрестили свои алебарды. Если бы не они, подсудимого наверняка растерзали бы на куски.

— Идите за мной, — шепнула Анжелике ее спутница. И, видя, что потрясенная Анжелика колеблется, добавила:

— Все равно сейчас всех выгонят. Надо разыскать мэтра Дегре. Мы узнаем у него, будет ли сегодня вечернее заседание.

Глава 47

Адвоката они нашли около Дворца правосудия, в кабачке, принадлежавшем зятю и дочери палача.

Парик у Дегре съехал набок, да и весь вид адвоката говорил о том, что он очень нервничает.

— Вы видели, как они вывели меня, воспользовавшись отсутствием судей!.. Уверяю вас, останься я там, я бы заставил эту сумасшедшую выплюнуть кусок мыла, который она засунула себе в рот. Ну ничего! Последние два свидетеля хватили через край, и я воспользуюсь этим в своей защитительной речи... Ах, если бы отец Кирше так не запаздывал, я бы был спокоен. Давайте сядем вон за тот столик, у огня, сударыня. Я заказал юной палачихе яйца и колбасу. Палачиха, красавица моя, надеюсь, ты не подашь нам на обед голову казненного?

— Нет, сударь, — мило улыбаясь, ответила молодая женщина, — она идет только на суп для бедняков.

Анжелика, опершись локтями на столик, закрыла лицо руками. Дегре растерянно поглядывал на нее, думая, что она плачет. Но вдруг увидел, что ее сотрясает нервный смех.

— Ох, уж эта Карменсита! — пробормотала она с блестящими от слез глазами. — Ну и комедиантка! Я никогда не видела ничего смешнее. Вы уверены, что она притворялась?

— Разве поймешь этих женщин! — пробурчал адвокат.

За соседним столиком какой-то пожилой клерк объяснял своим коллегам:

— Если монашка ломала комедию, то у нее это ловко получилось. В юности я присутствовал на процессе по делу аббата Грандена, которого сожгли за то, что он околдовал монахинь Луденского монастыря. Там происходило точь-в-точь то же самое. В зале не хватало плащей, чтобы прикрыть всех красавиц, которые разоблачались, стоило им увидеть Грандена. Люди ахнуть не успевали!.. В общем, то, что вы сегодня наблюдали, — ерунда. На суде в Лудене некоторые монахини голыми ложились на пол и...

Клерк склонился ближе к собеседникам, чтобы шепотом досказать им самые непристойные подробности.

Анжелика понемногу приходила в себя.

— Извините меня за этот смех. Я уже просто не владею собою.

— Смейтесь, бедняжка, смейтесь, — мрачно проговорил Дегре. — Поплакать всегда успеете. Ах, если бы отец Кирше был здесь! И что за чертовщина могла с ним приключиться?..

Услышав крики торговца чернилами, который бродил по двору с бочонком на ремне через плечо и пучком гусиных перьев в руке, адвокат велел позвать его, потом пристроился на краешке стола, быстро нацарапал записку и попросил какого-то клерка тотчас же отнести ее начальнику полиции господину д'Обре.

— Д'Обре — друг моего отца. Я написал, что мы готовы заплатить сколько нужно, но пусть только он поднимет на ноги всех своих людей и доставит ко мне в суд отца Кирше — если не по доброй воле, так силой.

— А вы не посылали за ним в Тампль?

— Я уже два раза гонял туда с запиской мальчишку Кордо. Он вернулся ни с чем. А иезуиты, у которых мальчишка справлялся об отце Кирше, уверяют, что еще утром он ушел во Дворец правосудия.

— Вы чего-то опасаетесь? — спросила встревоженная Анжелика.

— Да так, ничего! Просто я бы предпочел, чтобы он уже был здесь. Вообще-то сам по себе процесс получения золота из руды должен убедить судей, и какими бы тупоумными они ни были, им придется поверить своим глазам. Но просто убедить их — мало, надо, чтобы они заколебались. И только отец Кирше достаточно авторитетен, чтобы они согласились пренебречь мнением тех, кому... предпочитает верить король. А теперь пошли, сейчас начнется вечернее заседание, и вы рискуете оказаться перед закрытыми дверями.

Вечернее заседание началось с заявления председателя Массно. Он сказал, что после допроса нескольких свидетелей обвинения судьи получили достаточно ясное представление как о различных аспектах этого сложного процесса, так и о своеобразном характере подсудимого, а потому теперь будут выслушаны свидетели защиты.

Дегре подал знак одному из стражников, и в зал впустили разбитного парижского мальчишку.

Мальчик сказал, что его зовут Робер Давен, он — подмастерье слесаря мэтра Дарона из мастерской «Медный ключ», что находится на Скобяной улице. Твердым голосом призвав в свидетели святого Элуа, покровителя цеха слесарей, Робер дал клятву говорить только правду.

Затем он подошел к председателю Массно и передал ему какой-то маленький предмет, который тот осмотрел с удивлением и настороженностью.

— Что это такое?

— Это игла с пружинкой, господин судья, — без тени смущения ответил мальчик. — У меня ловкие руки, вот хозяин и поручил мне изготовить такую иглу, которую заказал ему один монах.

— Что все это означает? — спросил Массно, повернувшись к Дегре.

— Господин председатель, в обвинении говорилось о реакциях моего клиента во время процедуры изгнания беса, которая якобы была проведена в Бастилии стараниями Конана Беше — из уважения к церкви я отказываюсь поставить рядом с его именем слово «монах». Конан Беше заявил, что подсудимый реагировал на испытание «дьявольской скверны» таким образом, что не остается никаких сомнений относительно его связи с сатаной. При прикосновении к каждой из уязвимых точек, указанных в требнике, подсудимый испускал такие душераздирающие крики, что содрогались даже тюремные надзиратели. Так вот, я хочу обратить ваше внимание на то, что штифт, которым пользовались во время процедуры, был точно такой же, как тот, что вы держите сейчас в руках. Господа, это так называемое «изгнание беса», на основании которого суд может вынести приговор, было проведено при помощи подложного штифта. Этот штифт выглядел на первый взгляд вполне безобидно, но в нем была скрыта длинная игла с пружиной, которая при легком нажатии ногтем соскакивала, и игла вонзалась в тело. Я ручаюсь, что не найдется человека, настолько владеющего собой, чтобы он выдержал это испытание, ни разу не издав безумного крика. Господа судебные заседатели, может, кто-нибудь из вас найдет в себе мужество пойти на

эту изощренную пытку, которой подвергли моего подзащитного и, ссылаясь на результат которой, его обвиняют в одержимости?

Фалло де Сансе, побледнев, с напряженным лицом встал и протянул руку.

Но Массно нетерпеливо вмешался:

— Хватит представлений! Это тот самый штифт, которым пользовались для изгнания беса?

— Точная его копия. А оригинал был отнесен этим же подмастерьем недели три назад в Бастилию и вручен Беше. Подмастерье может это подтвердить.

В этот момент мальчишка из озорства нажал на пружинку, и игла выскочила под самым носом Массно. Тот в испуге отпрянул.

— Как председатель суда, я отвожу этого свидетеля, который привлечен слишком поздно и даже не числится в первом списке секретаря суда. К тому же он ребенок, и его показания нуждаются в подтверждении. И наконец, показания эти корыстны. Сколько тебе заплатили, чтобы ты пришел сюда?

— Пока ничего, господин судья. Но мне обещали двадцать ливров, в два раза больше того, что я уже получил от монаха.

Массно в бешенстве повернулся к адвокату.

— Предупреждаю вас, если вы настаиваете на занесении в протокол этого показания, я буду вынужден отказаться от допроса остальных свидетелей защиты.

Дегре в знак покорности склонил голову, а мальчишка, словно за ним гнался черт, ринулся к двери, которая вела в канцелярию, и исчез.

— Введите остальных свидетелей, — сухо приказал председатель.

Послышался какой-то грохот, словно перетаскивали мебель. Вслед за двумя судебными приставами в зал вошла странная процессия. Впереди несколько оборванных грузчиков с Центрального рынка, обливаясь потом, тащили огромные ящики необычной формы, из которых торчали железные трубы, кузнечные мехи и еще какие-то непонятные предметы. За ними два трубочиста волокли корзины с древесным углем и несли глиняные горшки с непонятными наклейками.

Затем появились двое стражников, а за ними — уродливый гном, которого, казалось, подталкивал оробевший чернокожий гигант

Куасси-Ба. Мавр был обнажен до пояса, с расписанной белой глиной грудью. Анжелика вспомнила, что в Тулузе он так же украшал себя в дни праздников. Его появление, как впрочем, и появление всего этого поразительного кортежа, вызвало в зале возгласы удивления и ужаса.

Зато Анжелика вздохнула с облегчением. Слезы радости набежали ей на глаза.

«О, какие они молодцы! — подумала она, глядя на Фрица Хауэра и Куасси-Ба. — Ведь они знают, чем рискуют, идя на помощь своему хозяину».

Грузчики, положив свою ношу, ушли. Остались только старый саксонец и мавр; они распаковали и установили переносную кузницу, ножные мехи, а также два тигля и большую купель из костной золы. Затем Хауэр развязал два мешка. Из одного он с большим трудом вытащил тяжелую черную глыбу, напоминавшую шлак, из другого — брусок металла, с виду похожего на свинец.

В этот момент послышался голос Дегре:

— В соответствии с единодушным желанием, выраженным судом, увидеть и услышать все относящееся к обвинению в колдовском изготовлении золота, мною вызваны свидетели и, выражаясь юридическим языком, «соучастники» производственного процесса, который якобы является актом черной магии. Прошу отметить, что они пришли сюда совершенно добровольно. Они пришли помочь своему бывшему хозяину, а вовсе не потому, что их имена пыткой вырвали у моего подзащитного графа де Пейрака... Теперь же, господин председатель, прошу вас разрешить подсудимому вместе с его постоянными помощниками продемонстрировать вам опыт, названный в обвинительном акте «черной магией», а по словам моего подзащитного, являющийся лишь извлечением золота, невидимо содержащегося в некоторых горных породах и обнаруженного с помощью науки.

Мэтр Галлеман прошептал своему соседу:

— Эти господа разрываются между любопытством, желанием познать сладость запретного плода и строгими инструкциями, полученными свыше. Будь они поумнее, они должны были бы воспротивиться демонстрации опыта, дабы она не переубедила их.

Анжелика вздрогнула, испугавшись, что демонстрация единственного наглядного доказательства невиновности ее мужа

может быть запрещена в последний момент. Однако любопытство, а скорее, чувство справедливости одержало верх. Массно предложил Жоффрею де Пейраку руководить демонстрацией опыта и отвечать на все необходимые вопросы.

— Но до этого, граф, можете ли вы поклясться, что все эти ваши опыты с гремучим золотом не подвергают ни малейшей опасности ни сам Дворец правосудия, ни людей, которые в нем находятся?

Анжелика, чей иронический ум никогда не дремал, и сейчас отметила про себя, что эти непогрешимые судьи так боятся тех таинственных опытов, готовящихся сейчас к демонстрации, что даже вернули Жоффрею титул, которого они его лишили без суда и следствия.

Жоффрей де Пейрак заверил суд, что никакой угрозы нет.

Судья Бурье потребовал вновь вызвать в зал отца Беше, чтобы присутствие монаха во время так называемого опыта исключало всякое жульничество со стороны подсудимого.

Массно важно кивнул своим париком, и Анжелика не смогла удержать нервной дрожи, каждый раз охватывавшей ее при виде монаха, который не только самозабвенно играл свою роль на этом процессе, но, наверно, изобрел и иглу для пытки и, возможно даже, подстроил комедию с Карменситой. Не была ли эта чудовищная целеустремленность в его действиях просто желанием оправдать позорный провал своих поисков в алхимии? Или же он маньяк, у которого, как у многих сумасшедших, иногда появляются проблески сознания? А в общем, какая разница? Он — монах Беше, этим все сказано!

Беше олицетворял собой все то, против чего боролся Жоффрей де Пейрак, всю ту грязную муть ушедших веков, что, словно бескрайний океан, разлилась некогда по всей Европе и теперь, отступая, оставляла в расселинах нового века бесплодную стоячую воду софистики и схоластики.

Спрятав руки в широкие рукава своей сутаны, Беше стоял, вытянув шею, и, не мигая, следил за тем, как саксонец и Куасси-Ба, выдвинув на середину кузнечный горн и обмазав огнеупорной глиной стыки труб, принялись раздувать огонь.

За спиной Анжелики священник говорил кому-то из своих братьев:

— Конечно, такое скопище монстров в облике человеческом, в особенности этот мавр, размалеванный, словно для какой-нибудь колдовской церемонии, внесет еще больше смятения в души сомневающихся. Но, к счастью, Всевышний всегда сумеет распознать, кто ему предан. Я слышал, что вторая процедура изгнания беса, проведенная тайно, но по всем правилам и по распоряжению парижской епархии, показала, что на этого дворянина возвели напраслину и, скорее всего, он наказан лишь за недостаточное благочестие...

Эти слова пролили бальзам на изболевшееся сердце Анжелики и в то же время усилили ее тревогу. Конечно, священник прав. Надо ж так случиться, что у этого добряка Фрица Хауэра на спине горб и лицо отликает синевой, а Куасси-Ба выглядит так устрашающе!

Картина показалась еще более мрачной, когда Жоффрей де Пейрак, гордо неся свое истерзанное пыткой тело, хромя, направился к раскаленной печи.

Подсудимый попросил одного из судебных приставов поднять черную пористую глыбу, похожую на шлак, и показать ее сначала председателю, а затем всем судьям. Другой пристав подносил каждому из них сильное увеличительное стекло, чтобы они могли как следует разглядеть ее.

— Господа, это штейн расплавленного золотосодержащего пирита, добытого на моих рудниках в Сальсини, — объяснил де Пейрак.

Беше подтвердил.

— Правильно, это то самое черное вещество, которое я размолот и промыл, но золота в нем не обнаружил.

— Ну что ж, отец мой, — сказал подсудимый с почтительностью, которая вызвала восхищение у Анжелики, — сейчас вы еще раз покажете нам свое умение вымывать золото. Куасси-Ба, подай ступку.

Монах засучил широкие рукава сутаны и рьяно принялся дробить и растирать кусок черного штейна, который довольно быстро превратился в порошок.

— Господин председатель, будьте так любезны, прикажите принести большой чан воды и оловянный тазик, хорошо вычищенный песком.

В ожидании, пока два швейцарских гвардейца принесут все необходимое, подсудимый через приставов передал судьям слиток металла.

— Это свинец, из которого изготавливаются пули и водопроводные трубы, свинец, как его называют специалисты, «бедный», так как он практически не содержит ни золота, ни серебра.

— Но как мы можем это проверить? — резонно заметил протестант Дельма.

— Я могу доказать вам это при помощи купелирования.

Саксонец Фриц Хауэр подал своему бывшему господину большую сальную свечу и два белых кубика размером в три-четыре дюйма. Жоффрей де Пейрак перочинным ножом вырезал углубление в одном из кубиков.

— Что это за белое вещество? Фарфоровая глина? — спросил Массно.

— Это купель из костной золы, той самой, которая произвела на вас такое впечатление в начале заседания. В действительности, как вы сейчас увидите, это белое вещество служит всего лишь для поглощения свинца, который мы расплавим сальной свечой...

Зажгли свечу, и Фриц Хауэр передал графу трубочку, согнутую под прямым углом, в которую тот стал дуть, направляя пламя свечи на кусочек свинца, положенный в углубление кубика из костной золы.

Изогнутый язык пламени принялся лизать свинец, который начал плавиться, выделяя при этом синеватый дым.

Конан Беше назидательно поднял палец.

— Авторитетные ученые называют это «выдуванием философского камня», — скрипучим голосом пояснил он.

Граф на секунду оторвался от трубки.

— Послушать этого глупца, так все печи превратятся в дыхание самого сатаны.

На лице монаха появилось мученическое выражение, и председатель призвал подсудимого к порядку.

Жоффрей де Пейрак снова принялся дуть в трубку. В сгущавшемся вечернем сумраке зала было видно, как расплавленный побагровевший свинец забурлил, потом успокоился и наконец потемнел, а подсудимый перестал дуть в трубку. Но вот облачко едкого дыма рассеялось, и все увидели, что свинец исчез.

— Фокус, который еще ничего не доказывает, — заметил Массно.

— Он доказывает только то, что костная зола впитала в себя, или, если предпочитаете, выпила весь окисленный «бедный» свинец. А это означает, что данный свинец не содержит ценных металлов, в чем я и хотел вас убедить этим опытом, который саксонцы называют «холостым опытом». Теперь же я попрошу отца Беше закончить промывку черного порошка, в котором, как я утверждаю, есть золото, и мы займемся выделением его.

Швейцарцы принесли чан с водой и оловянный тазик.

Круговыми движениями взболтав в тазике истолченный порошок и быстро слив воду, монах с торжествующим видом показал судьям небольшой осадок тяжелой породы, оставшийся на дне.

— Вот о чем я говорил, — сказал он. — Никакого золота, даже намек на него нет. Оно может возникнуть только с помощью магии.

— Золото невидимо, — повторил Жоффрей — Мои помощники добудут его из этого осадка, пользуясь только свинцом и огнем. Я не буду принимать участия в операции. Таким образом вы удостоверитесь, что я ничего не добавляю к тем действиям, не произношу никаких кабалистических формул, что это, можно сказать, кустарный способ добычи, и продемонстрируют его рабочие, такие же колдуны, как любой кузнец или котельник.

Мэтр Галлеман прошептал:

— Он говорит слишком просто и слишком хорошо. Сейчас они обвинят его в том, что он пытается околдовать суд и всю публику.

Куасси-Ба и Фриц Хауэр принялись за дело. Беше, явно встревоженный, но гордый своей миссией и сознанием того, что он играет все более значительную роль в процессе, на котором, по его глубокому убеждению, он по-своему защищает церковь, не вмешиваясь, наблюдал, как засыпали в печь древесный уголь.

Саксонец взял огромный глиняный тигель, положил в него свинец, растертый в порошок черный штейн и все это засыпал какой-то белой солью, судя по всему — бурой. Сверху положил кусок древесного угля, и Куасси-Ба начал ногой раздувать мехи.

Анжелика восхищалась смирением, с каким ее муж, который до этого вел себя так гордо и надменно, разыгрывал эту комедию.

Он старался держаться подальше от печи, у скамьи подсудимых, но отблески пламени освещали его худое, осунувшееся, почти скрытое

пышной шевелюрой лицо.

Во всей этой сцене было что-то злое и тягостное.

В жарком пламени печи содержимое тигля расплавилось, воздух наполнился дымом, едким запахом серы. Сидевшие в первых рядах начали кашлять и чихать.

Временами судей совсем заволакивало облаком темного дыма.

Анжелика даже подумала, что, пожалуй, судьи в какой-то степени заслуживают уважения за то, что согласились на этот если не колдовской, то, во всяком случае, весьма неприятный опыт.

Судья Бурье встал и попросил разрешения подойти поближе. Массно разрешил. Но Бурье, слышавший мастером фальсификаций, которому король, как сказал адвокат, обещал три аббатства, в случае если подсудимому будет вынесен суровый приговор, остался стоять между печью, повернувшись к ней спиной, и подсудимым, с которого не спускал глаз.

Временами клубы дыма отклонялись в сторону Бурье, вызывая у него приступы кашля, но он все же упорно продолжал оставаться на своем неудобном и опасном посту, ни на минуту не отводя взгляда от графа.

Судья Фалло де Сансе, казалось, чувствовал себя как на раскаленных углях. Он не глядел в лицо коллегам и беспокойно ерзал в своем кресле, обитом красным бархатом.

«Бедняга Гастон», — подумала Анжелика и тут же забыла о нем.

...Печь, в которую один из швейцарцев то и дело подкладывал уголь, раскалила тигель докрасна, затем почти добела.

— Стоп, — крикнул Фриц Хауэр. Весь в поту, покрытый сажой и пеплом, он все больше напоминал некое исчадие ада.

Он подошел к одному из мешков, достал из него большие гнутые клещи и вынул из огня тяжелый тигель. Откинувшись всем телом назад и твердо стоя на своих кривых ногах, он поднял его, казалось, без всякого труда.

Куасси-Ба подставил изложницу, и в нее потекла блестящая, как серебро, окутанная белым дымом струя.

Граф де Пейрак, словно очнувшись, усталым голосом пояснил:

— Итак, произведена плавка передельного свинца, который поглотил из золотосодержащего штейна ценные металлы. Теперь мы

разобьем изложницу и немедленно произведем купелирование этого свинца в купели из костной золы, помещенной в глубине печи.

Фриц Хауэр показал эту купель — большую белую плиту с углублением посередине. Затем задвинул ее в печь и стал выбивать слиток из изложницы, положив ее на наковальню, и величественное здание суда несколько минут оглашалось громким стуком молота. Наконец слиток осторожно положили в углубление купели и снова раздули огонь. Когда купель и свинец накалились докрасна, Фриц Хауэр дал знак остановить мехи, и Куасси-Ба выгреб из печи остатки древесного угля.

В печи теперь находилась только красноватая купель, в которой бурлил расплавленный свинец, становясь все светлее.

Куасси-Ба, вооружившись маленькими ручными мехами, направил струю воздуха на кипящий свинец.

Холодный воздух не только не унял жар, но еще больше усилил его, и свинец стал ослепительно светлым.

— Вот оно, колдовство! — крикнул Беше. — Угля нет, а из адского огня рождается философский камень! Смотрите! Появляются три цвета!

Мавр и саксонец продолжали по очереди подавать воздух на расплавленный металл, который, словно блуждающий огонь, судорожно вздрагивал, мерцал, завихрялся. В центре массы сформировалось огненное яйцо, затем Куасси-Ба отложил мехи, и яйцо встало стоймя, завертелось волчком, потом начало блекнуть и постепенно совсем потемнело.

Но вдруг оно снова ярко засветилось, побелело, подпрыгнуло, выскочило из углубления купели, глухо стукнувшись об пол, и покатилося к ногам графа.

— Яйцо сатаны стремится к своему создателю! — закричал Беше. — Это молния с громом! Это гремучее золото! Сейчас будет взрыв!

Публика завопила. В полутьме, которая вдруг наступила в зале, слышно было, как Массно требовал свечей. Не обращая внимания на страшный шум, монах Беше продолжал кричать о «философском яйце» и «доме премудрого цыпленка» до тех пор, пока какой-то шутник клерк не влез на скамью и не прокричал звонким голосом «кука-реку».

«Боже мой, они ничего не понимают!» — подумала Анжелика, ломая руки.

Наконец в разных концах зала появились стражники, неся тройные канделябры, и шум понемногу утих.

Граф, который за все это время не шелохнулся, тронул палкой металлическое «яйцо».

— Куасси-Ба, подними слиток и передай его господину председателю.

В мгновение ока мавр подскочил к металлическому яйцу, взял его своей черной рукой, отчего оно показалось особенно блестящим, и поднес Массно.

— Это золото! — задыхаясь, проговорил судья Бурье, продолжая стоять, как изваяние.

Он хотел схватить его, но, едва притронувшись, закричал не своим голосом и отдернул обожженную руку.

— Адский огонь!

— Почему же, граф, — спросил Массно, пытаясь говорить твердым голосом, — это раскаленное золото не обжигает вашего черного слугу?

— Всем известно, что мавры, как и овернские угольщики, могут держать в руке горящие угли.

Беше, хотя его никто не просил об этом, вытаращив глаза, вылил на злосчастный металл пузырек святой воды.

— Господа судьи, вы все видели, как, несмотря на изгнание беса по ритуалу, было создано дьявольское золото. Судите же сами, сколь могущественно колдовство!

— Вы думаете, это настоящее золото? — спросил Массно.

Монах скорчил гримасу, достал из своего бездонного кармана еще один флакончик и осторожно вынул из него пробку.

— Это азотная кислота. Она разъедает не только латунь и бронзу, но и сплав золота с серебром. Однако я заранее могу с уверенностью сказать, что это *rigum aurum*, чистое золото.

— Нет, это золото, добытое сейчас на наших глазах из руды, не совсем чистое, — вмешался граф. — Иначе к концу купелирования не произошло бы вспышки, которая, вместе с резким изменением состояния, вызвала другое явление, заставившее слиток подскочить. Берцелиус первым среди ученых описал этот странный эффект.

Послышался мрачный голос судьи Бурье:

— А этот Берцелиус является ли хотя бы католиком?

— О, конечно, — невозмутимо ответил де Пейрак, — ведь он был шведом и жил добрую сотню лет назад...

Бурье саркастически рассмеялся.

— Суд решит, какую ценность представляет для него свидетельство, столь отдаленное от нас временем.

Потом произошла небольшая заминка — судьи, склонившись друг к другу, совещались, стоит ли продолжать заседание или отложить его на завтра.

Время было позднее. Публика устала, однако все были возбуждены, и никто не хотел уходить.

А Анжелика не чувствовала ни малейшей усталости. Мысли ее неслись как бы помимо нее самой. В глубине ее сознания зародилось тревожное сомнение, она следила за лихорадочной путаницей мыслей, не в силах подчинить ее себе. Не может быть, чтобы демонстрация опыта извлечения золота из руды могла быть истолкована во вред подсудимому... К тому же, разве выходки Беше не возмутили судей? Массно может сколько угодно твердить, будто он беспристрастен, все равно видно, что он благожелательно настроен к своему земляку-тулузцу. Но с другой стороны, разве суд не состоит из грубых и черствых северян? А среди публики один лишь дерзкий мэтр Галлеман осмелился выразить свое не слишком одобрительное отношение к воле короля. Да еще монахиня, сопровождавшая Анжелику, явно готова помочь ей, но ее сочувствие — это лишь кусок льда, который прикладывают к пылающему лбу больного.

Ах, если бы суд состоялся в Тулузе!..

И еще этот адвокат, тоже дитя Парижа, без имени, да к тому же нищий. Когда ему наконец дадут слово?.. А вдруг он струсит? Почему он молчит? И где отец Кирше? Анжелика тщетно пыталась отыскать среди сидящих в первом ряду хитроватое крестьянское лицо Великого заклинателя Франции.

Словно адское кольцо, Анжелику сдавливал бередивший душу шепот:

— Говорят, Бурье обещали три епархии, если он добьется осуждения этого человека. А вина Пейрака только в том, что он опередил свой век. Вот увидите, они его засудят...

Массно откашлялся.

— Господа, заседание продолжается, — объявил он. — Подсудимый, желаете ли вы что-нибудь добавить к тому, что мы видели и слышали?

Великий лангедокский хромой выпрямился, опираясь на свои палки, и публику охватил Трепет, когда по залу разнесся его голос — громкий, звучный, какой-то удивительно искренний.

— Клянусь перед богом, клянусь священной для меня жизнью моей жены и моего ребенка, что я не знаком ни с дьяволом, ни с колдовством, что я никогда с помощью сатаны не создавал ни золота, ни живых существ и никогда не пытался причинить зла своему ближнему, напуская на него чары или порчу.

Впервые за все время этого бесконечного заседания Анжелика почувствовала, что эти слова вызвали у публики симпатию к Жоффрею.

В самой гуще толпы прозвучал чистый юношеский голос:

— Мы тебе верим!

Судья Бурье вскочил, потрясая широкими рукавами.

— Берегитесь! Вот действие его чар, о которых, кстати, мы еще не все сказали! Не забывайте, он — Золотой голос королевства. Тот самый опасный голос, который соблазнял женщин...

Тот же юноша прокричал:

— Пусть он споеет! Пусть споеет! На этот раз горячая южная кровь Массно дала себя знать, и он застучал кулаком по столу.

— Тихо! Я прикажу очистить зал! Стража, выведите нарушителей... Господин Бурье, займите свое место! И чтобы больше не было никаких выкриков! Хватит! Адвокат Дегре, где вы?

— Я здесь, господин председатель, — ответил Дегре. Массно перевел дух и постарался взять себя в руки. Он продолжал уже более спокойным тоном:

— Господа, королевское правосудие должно быть гарантировано от всяких случайностей. Именно поэтому, хотя процесс ведется при закрытых дверях, король наш в своем великодушии предоставил подсудимому право защищаться всеми средствами. Именно поэтому я счел возможным разрешить подсудимому провести свой опыт, каким бы опасным он ни был, чтобы пролить свет на магические приемы, которыми, как утверждает обвинение; он якобы владеет. И наконец, его

величество проявил наивысшее милосердие, разрешив подсудимому
взять защитника, которому я и предоставляю сейчас слово.

Глава 48

Дегре встал, поклонился судьям, выразил от имени своего подзащитного благодарность королю за его Милость, затем по двум ступенькам поднялся на небольшую кафедру, с которой должен был говорить.

Глядя сейчас на него — а он держался очень прямо, с большим достоинством, — трудно было себе представить, что этот человек в черной мантии — тот самый сутулый, долговязый юноша с длинным любопытным носом, который в своем потертом плаще бродил по улицам Парижа, свистом подзывая свою собаку.

Старый писец Клопо, который готовил для Дегре документы, опустил, как того требовал обычай, перед адвокатом на колени.

Адвокат обвел взглядом судей, затем публику. Он словно искал кого-то в толпе. Анжелике он показался бледным как смерть. Но может быть, в этом виновато желтоватое пламя свечей?

Однако, когда он заговорил, его голос зазвучал твердо и уверенно:

— Господа, после того как вы, судьи и обвинение, приложили огромные усилия, проявив при этом свое глубочайшее знание законов, которое можно сравнить лишь с вашей высочайшей эрудицией, усилия — подчеркнем это еще раз! — служащие одной-единственной цели — выявить все обстоятельства этого дела, добиться истины, и тем самым облегчить задачу королевского правосудия, после того как вы, к несчастью скромного начинающего адвоката, осветили этот процесс поистине всепронизывающим светом, после всех мудрейших латинских и греческих цитат, приведенных господами королевскими судьями, где же мне, никому не известному адвокату, сегодня впервые выступающему на столь серьезном процессе, отыскать еще несколько слабых лучей, которые могли бы добраться до истины, таящейся в глубоком колодце наипужаснейших обвинений? Эта истина кажется мне — увы! — спрятанной так далеко и раскрыть ее так опасно, что в душе я трепещу, я почти мечтаю, чтобы эти слабые лучи угасли и ставили бы меня в спокойном неведении, в котором я пребывал дотоле. Но теперь уже слишком поздно! Я увидел истину, я не могу не говорить. Я не могу не воззвать к вам: будьте осторожны, господа! Будьте

осторожны, потому что решение, которое вы вынесете, налагает на вас ответственность перед будущими поколениями. Смотрите, как бы по вашей вине дети наших детей, обращаясь к нашему времени, не стали говорить: «Это был век лицемеров и невежд. Потому что в те времена, — скажут они, — одного благородного и уважаемого дворянина обвинили в колдовстве только за то, что он был великим ученым».

Адвокат сделал паузу и продолжал уже более тихим голосом:

— Господа, перенеситесь мысленно в то далекое время, в ту мрачную эпоху, когда наши предки пользовались лишь грубыми каменными орудиями. И вот представьте себе, что одному из этих людей приходит в голову собрать куски породы, кинуть их, в огонь и получить таким образом орудие из какого-то неизвестного дотопле вещества, твердое и острое. Его соплеменники кричат, что он колдун, и расправляются с ним. Но проходит несколько веков, и оказывается, что это неизвестное вещество — не что иное, как железо, из которого мы сейчас выковываем оружие. Приведу другой пример. Господа, если вы зайдете в лабораторию, где изготавливают духи, разве вы отпрянете в ужасе, увидев множество фильтров и реторт, из которых поднимается пар, отнюдь не всегда благовонный, разве станете утверждать, что это колдовство? Нет, такое утверждение вы сочли бы смешным. А ведь в логовище аптекаря тоже совершается нечто таинственное. Он превращает в жидкость самую невидимую вещь, какая только может быть, — запах. Так не уподобляйтесь же тем, к кому можно отнести грозные слова из Евангелия: «Они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают». Да если говорить честно, то я думаю, господа, что достаточно обвинить человека в пристрастии к необычным занятиям, чтобы обеспокоить умы столь искушенные и способные оценить любое открытие. Но многие обстоятельства в жизни подсудимого непонятны, о нем идет странная слава. Давайте же посмотрим, господа, на каких фактах основана эта репутация и может ли каждый из этих фактов, взятых в отдельности, послужить разумным основанием для обвинения в колдовстве. Сын католиков, вскормленный молоком кормилицы-гугенотки, Жоффрей де Пейрак был четырехлетним ребенком, когда фанатики выбросили его из окна во двор замка. На всю жизнь он остался калекой, с обезображенным лицом. Неужели, господа, нужно обвинить в колдовстве всех хромых и всех тех, чья внешность внушает нам ужас? Однако этот обиженный

судьбой граф обладает замечательным голосом, который ему поставили лучшие маэстро Италии. Неужели, господа, нужно обвинить в колдовстве всех певцов, чьи чудесные голоса заставляют знатных дам и наших собственных жен млеть от восторга? Из своих путешествий граф привез много любопытных рассказов. Он познакомился с обычаями чужих стран, с интересом изучал труды иноземных философов. Но разве нужно осудить всех путешественников и мыслителей? О, я знаю, все это говорит о том, что граф де Пейрак — личность сложная. И вот тут я подхожу к самому поразительному явлению: этот человек, который достиг высокой степени образованности и с помощью своих знаний добился огромного богатства, этот блестящий собеседник и певец, несмотря на свою внешность, нравится женщинам. Он любит женщин и не скрывает этого. Он воспевает любовь, и у него было немало любовных походов. А то, что среди влюбленных в него женщин есть экзальтированные и распутные, — явление обычное при том легкомысленном образе жизни, который хотя и осуждается церковью, однако весьма распространен в нашем обществе. И если бы, господа, всех знатных сеньоров, которые любят женщин или которых преследуют брошенные любовницы, нужно было бы сжигать, то клянусь, на Гревской площади не хватило бы места для костров...

По залу пронесся одобрителный шепот. Анжелика была поражена искусным ходом Дегре. Как ловко он, едва коснувшись богатства Жоффрея, которое породило столько завистников, заострил внимание на беспутной жизни дворян, говоря об этом как о явлении, хотя и достойном сожаления, но против которого благонравные буржуа бессильны.

Постепенно он все более и более снижал значение этого судебного разбирательства, низводя его до уровня провинциальных пересудов, и утверждал, что пройдет некоторое время, и люди будут только удивляться, что подняли столько шума из ничего.

— Он нравится женщинам, — тихо проговорил Дегре, — а мы, представители сильного пола, удивляемся, почему при своей далеко не привлекательной внешности он вызывает у южанок столь пылкие чувства. О господа, не будем брать на себя слишком много! Ведь с тех пор, как существует мир, разве кто-нибудь сумел разобраться в сердце женщины и понять, что порождает в ней страсть? Так давайте же с

уважением остановимся на пороге этой тайны! Иначе нам придется сжечь всех женщин!..

Раздались смех и аплодисменты, но Бурье, вскочив, прервал их.

— Хватит ломать комедию! — крикнул он, меняясь в лице. — Вы издеваетесь над судом и над церковью. Уж не забыли ли вы, что обвинение в колдовстве первоначально исходило от архиепископа? Уж не забыли ли вы, что главный свидетель обвинения — монах, и что подсудимый был подвергнут процедуре «изгнания беса» по всем правилам и процедура эта доказала, что он — приспешник сатаны?

— Я ничего не забыл, господин Бурье, — серьезно ответил Дегре, — я и сейчас отвечу вам. Да, верно, впервые обвинение в колдовстве было выдвинуто против графа де Пейрака архиепископом Тулузским, с которым у него было давнее соперничество. Сожалеет ли сейчас достопочтенный прелат об этом несдержанном поступке, который он совершил в минуту озлобления? Хочу верить, что да, тем более что у меня в досье имеется обращение его преосвященства мессира де Фонтенака, в котором он требует, чтобы дело Графа де Пейрака разбирали церковный суд, и заявляет, что любой приговор, вынесенный светским судом, не найдет у него поддержки. Он решительно отмежевывается также — у меня есть его письмо, господа, и я могу зачитать его вам — от всех показаний того, кого вы называете здесь главным свидетелем обвинения, — от показаний монаха Конана Беше. Я напоминаю вам, что этот монах, иступленное поведение которого вызывает по меньшей мере подозрение у любого здравомыслящего человека, несет ответственность за результаты той единственной процедуры «изгнания беса», на которую, судя по всему, опирается обвинение. Эта процедура была произведена в Бастилии четвертого декабря прошлого года в присутствии святых отцов Фрела и Жонатана, которые находятся здесь. Я не оспариваю подлинности акта о процедуре «изгнания беса», он действительно был составлен этим монахом и его помощниками, о личности которых я не берусь судить, не зная, поступили ли они так по легковерию, по невежеству, или же они — сообщники Беше. Но я оспариваю законность проведения процедуры! — воскликнул Дегре громовым голосом. — Я не буду входить в детали этой нелепой и зловещей процедуры, но по крайней мере два пункта я отмечу: первое — монахиня, которая тогда симулировала приступ одержимости в присутствии подсудимого, и

есть Кармен де Мерекур, которая только что продемонстрировала нам свой талант комедиантки и которая, выходя из зала — это может подтвердить один из служащих канцелярии суда — выплюнула кусок мыла, с помощью которого у нее изо рта появилась пена, словно у эпилептика; это любимый прием нищих, притворяющихся припадочными, чтобы вызывать жалость прохожих. И второе — я возвращаюсь к поддельному штифту, к этой адской игле, которую вы отказались зарегистрировать как свидетельство защиты, основываясь на том, что доказательства недостаточно вески. А если, господа, это все же правда, если безумец и садист подверг человека такой пытке с целью ввести вас в заблуждение и обременить вашу совесть смертью невинного?.. У меня имеется заявление врача Бастилии, сделанное через несколько дней после страшной процедуры...

Дегре срывающимся голосом прочитал заключение некоего Малентона, врача при Бастилии, в котором говорилось, что, будучи вызван в камеру заключенного, имени которого он не знает, но помнит, что лицо его было обезображено большими шрамами, он обнаружил на теле больного множество воспалившихся ранок, которые явились, судя по всему, следствием глубоких уколов булавкой.

И в полной тишине, наступившей после прочтения этого документа, адвокат медленно, чеканя каждое слово, сказал:

— А теперь, господа, наступило время выслушать великий голос, чьим недостойным рупором я являюсь, тот голос, что всегда оставался в стороне от всей человеческой низости и, неся свою правду верующим, всегда старался сохранить благоразумие. Наступило время мне, смиренному клерку, предоставить слово церкви. Вот что она говорит вам.

Дегре развернул большой лист бумаги и стал читать.

— «В ночь на 25 декабря сего 1660 года в тюрьме парижского Дворца правосудия была совершена процедура изгнания беса над господином Жоффреем де Пейраком де Моран, обвиненным в сговоре и сношениях с сатаной. Ввиду того что, согласно канонам римской церкви, истинно одержимые демоном должны обладать тремя сверхъестественными дарами: первое — знание языков, которых они не учили, второе — даром знать и угадывать все тайное, третье — сверхъестественной силой тела, мы, единственный законный уполномоченный церковным римским судом на всю Парижскую

епархию Великий заклинатель, а также мои помощники — два священнослужителя нашей святой конгрегации, в ночь на 25 декабря 1660 года подвергли заключенного Жоффрея де Пейрака допросу и процедуре в строгом соответствии с римским требником, на основании которых мы пришли к следующим выводам: что обвиняемый знает только те языки, которые изучал, и совершенно не понимает, в частности, ни древнееврейского, ни халдейского, которые знают двое из нас; что, этот человек оказался весьма ученым, но отнюдь не прорицателем; что он не проявил никакой сверхъестественной силы тела, но зато нами были обнаружены у него глубокие гнойные ранки, следствие укулов, и старые увечья. Мы заявляем, что подвергшийся испытанию Жоффрей де Пейрак отнюдь не является бесноватым...» Далее следуют подписи преподобного отца Кирше, члена иезуитского ордена. Великого заклинателя Парижской епархии, а также преподобных отцов Марсана и Монтенья, которые присутствовали при процедуре.

Тишина была такая, что можно было услышать, как муха пролетела. Изумление и смятение зала достигли предела, но никто не шелохнулся, никто не произнес ни слова.

Дегре посмотрел на судей.

— После голоса церкви что могу добавить я? Господа судьи, сейчас вы вынесете приговор. Но по крайней мере вы сделаете это, зная твердо, что церковь, во имя которой хотят, чтобы вы осудили этого человека, не признает его виновным в колдовстве, в преступлении, за которое его предали суду... Господа, я оставляю вас наедине с вашей совестью.

Дегре не спеша взял свою шапочку, надел ее и спустился с кафедры.

Тогда вскочил судья Бурье, и его пронзительный голос прорезал тишину:

— Пусть придет отец Кирше! Пусть он придет сам! Пусть он даст свидетельство по поводу процедуры, проведенной негласно, тайно от правосудия, а потому вызывающей подозрение по многим пунктам.

— Отец Кирше придет, — очень спокойно ответил, Дегре. — Он уже должен был быть здесь. Я послал за ним.

— А я говорю вам, что он не придет, — прокричал Бурье, — потому что вы солгали, вы от начала до конца придумали эту невероятную историю о тайной процедуре «изгнания беса», чтобы воздействовать на воображение судей. Вы хотите, прикрывшись именами почтенных представителей церкви, повлиять на приговор. Конечно, подлог все равно обнаружился бы, но слишком поздно.

Молодой адвокат, вновь обретя свойственную ему живость, кинулся к Бурье.

— Вы оскорбляете меня, сударь. Я не подделываю документов, как вы. Я помню клятву, которую дал перед советом королевского ордена иезуитов, когда получал свое звание.

Публика снова зашумела. Массно встал, пытаясь что-то сказать, но в общем шуме слышался только голос Дегре:

— Я требую... я требую отложить заседание на завтра. Даю клятву, что отец Кирше подтвердит свое заявление.

И в этот момент хлопнула дверь, выходящая во двор, струя холодного воздуха вместе со снегом ворвалась в зал. Все повернулись в ту сторону и увидели в дверях двух покрытых снегом стражников. Стражники расступились, пропуская вперед изысканно одетого коренастого смуглого человека, который, судя по тому, что его Парик и плащ были почти сухими, приехал в карете.

— Господин председатель, — сказал он хриплым голосом, — я узнал, что, несмотря на поздний час, заседание суда еще продолжается, и счел необходимым сделать важное, на мой взгляд, заявление...

— Мы вас слушаем, господин начальник полиции, — в недоумении проговорил Массно.

Повернувшись к защитнику, начальник полиции господин д'Обре сказал:

— Присутствующий здесь господин Дегре обратился ко мне с просьбой отдать приказ о розыске находящегося в Городе преподобного отца-иезуита по имени Кирше. Я разослал своих людей в те места, где он мог быть, но никто его там не видел, и тут мне доложили, что среди плывущих по Сене льдин был обнаружен труп утопленника и увезен в морг Шатле. Я отправился туда в сопровождении священника-иезуита из Тампля. Тот без колебаний опознал в погибшем своего собрата отца Кирше. Смерть, судя по всему, наступила сегодня на рассвете...

— Итак, вы идете даже на преступление! — прорычал Бурье, вытянув руку в сторону Дегре.

Остальные судьи о чем-то взволнованно спорили с Массно. Толпа орала: «Хватит! Пора кончать!»

Анжелика, ни жива ни мертва, не могла даже понять, к кому относятся эти выкрики. Она заткнула руками уши. Но тут же, увидев, что Массно поднялся, опустила руки и напрягла слух.

— Господа, — сказал председатель, — заседание продолжается. Ввиду того что главный свидетель защиты преподобный отец-иезуит Кирше, названный господином адвокатом в последнюю минуту, только что найден, мертвым и господин начальник полиции, присутствующий здесь, не обнаружил на трупе никаких документов, которыми бы отец Кирше посмертно подтвердил заявление адвоката Дегре, а также ввиду того, что один лишь преподобный отец Кирше мог придать авторитетность так называемому акту о тайно произведенной процедуре, суд считает наиболее разумным... признать этот документ несуществующим и недействительным и удаляется на совещание.

— Не делайте этого! — отчаянным голосом прокричал Дегре. — Отложите вынесение приговора! Я найду свидетелей! Отца Кирше убили!

— Вы убили! — бросил Бурье.

— Успокойтесь, мэтр Дегре, — сказал Массно, — доверьтесь решению судей.

— Сколько длилось совещание — всего несколько минут или целую вечность?

Анжелике показалось, что судьи в своих квадратных шапочках и красных и черных мантиях даже не пошевелились, что они находятся здесь уже давным-давно и никогда отсюда не уйдут. Но только теперь они не сидели, а стояли. Губы председателя Массно шевелились. Дрожащим голосом он заговорил:

— Объявляю именем короля: Жоффрей де Пейрак де Моран обвинен и признан виновным в таких преступлениях, как похищение, безбожие, обольщение, магия, колдовство и другие мерзкие дела, перечисленные во время процесса, во искупление коих он будет отдан в руки палача, отведен на площадь Собора Парижской богоматери, где принесет публичное покаяние с непокрытой головой, босой, с

веревкой на шее, держа горящую свечу весом в пятнадцать фунтов. После этого он будет препровожден на Гревскую площадь и заживо возведен на костер, разложенный для этой цели, и будет гореть до тех пор, пока его тело и кости не сгорят дотла и не превратятся в пепел, который будет развеян по ветру. Все его состояние будет конфисковано и перейдет в королевскую казну. А до сожжения он будет подвергнут пытке обычной и чрезвычайной. Объявляю: саксонец Фриц Хауэр признан его сообщником и во искупление своей вины приговорен к казни через повешение, и он будет висеть на виселице, воздвигнутой для этого на Гревской площади, до тех пор, пока не наступит смерть. Объявляю: мавр Куасси-Ба признан его сообщником и во искупление своей вины приговорен к пожизненной каторге.

Высокая фигура подсудимого, который стоял у позорной скамьи, опершись на свои палки, качнулась. Жоффрей де Пейрак повернул к судьям свое бескровное лицо.

— Я невиновен!

Его голос прозвучал в мертвой тишине.

И тогда он продолжал спокойным, но глухим голосом:

— Господин барон де Массно де Пуйяк, я понимаю, что уже поздно заявлять о своей невинности. Итак, я буду молчать. Но прежде чем уйти, я хочу публично заявить о своей признательности вам за ваше стремление добиться справедливости на процессе, где вас принудили быть председателем и навязали приговор. Как представитель старинного дворянского рода, я заверяю вас, что вы более достойны своего герба, чем те, кто вами правит.

Красное лицо президента тулузского парламента скривилось. Внезапно он закрыл ладонью глаза и крикнул на провансальском языке, который в зале могли понять только Анжелика и подсудимый.

— Прощай! Прощай, мой брат, прощай, земляк!

Глава 49

На улице была глубокая ночь, хотя уже чувствовалась близость рассвета. Падал снег, и ветер бросал его в лицо крупными хлопьями. Скользя на плотном снегу, люди расходились из Дворца правосудия. На дверцах карет покачивались фонари.

Анжелика одиноко брела по темным улица Парижа. Когда она выходила из Дворца правосудия, толпа оттеснила ее от монахини.

Она машинально направилась в сторону Тампля, ни о чем не думая, желая только одного: скорее вернуться в свою комнату и склониться над колыбелью Флоримона.

Сколько времени она шла так, спотыкаясь?.. Улицы были пустынные. В такую непогоду даже бродяги попрятались в свои норы. Из кабаков тоже не доносилось почти ни звука — ночь кончалась, и пьяницы, которые так и не добрались до дому, храпели под столами или изливали свою душу какой-нибудь дремлющей девице. Снег окутал город зловещей тишиной.

Только приближаясь к крепостной стене Тампля, Анжелика вспомнила, что ворота в это время должны быть на запоре. Но она услышала бой часов на башне собора Назаретской богородицы и сосчитала пять глухих ударов. Через час ворота откроют. Она перешла через подъемный мост и спряталась под сводом патерны. Лицо ее было мокрым от таявшего снега. К счастью, удобное монашеское одеяние из толстой шерсти, которое состояло из нескольких юбок, плотный чепец с широкими отворотами и накидка с капюшоном защищали ее от холода. Но ноги у нее совсем заledenели.

Ребенок под сердцем шевелился. Анжелика положила руки на живот и с неожиданной яростью стиснула его. Почему этот ребенок так упорно стремится жить, в то время как Жоффрей должен умереть?..

В этот момент зыбкая снежная завеса словно прорвалась, и какое-то чудовище, тяжело дыша, прыгнуло под своды потерны.

Когда прошел первый испуг, она узнала Сорбонну.

Положив лапы ей на плечи, собака шершавым языком лизала ее лицо.

Анжелика гладила ее, вглядываясь в темноту, где все так же продолжали свой танец густые снежные хлопья. Сорбонна — это Дегре. Сейчас появится Дегре, а с ним — надежда. Он что-нибудь придумает. Он скажет, что еще нужно сделать, чтобы спасти Жоффрея.

Она услышала шаги молодого человека на деревянном мосту. Осторожно оглядываясь, он направлялся к ней.

— Вы здесь? — шепотом спросил он.

— Да.

Дегре подошел. Она почти не видела его, но, когда он говорил, чувствовала его дыхание, и запах табака мучительно напоминал ей Жоффрея.

— Они пытались схватить меня, когда я выходил из Дворца правосудия, но Сорбонна задушила одного из них, и мне удалось удрать. Сорбонна нашла ваш след и привела меня сюда. Теперь вы должны исчезнуть. Вы меня поняли? Забудьте свое имя, прекратите все хлопоты, все дела. Иначе в одно прекрасное утро вас вытащат из Сены, как отца Кирше, и ваш сын останется круглым сиротой. Я предвидел возможность такого печального конца. У ворот Сен-Мартен меня ждет лошадь. Через несколько часов я буду уже далеко.

Анжелика вцепилась в рукав его мокрого плаща. Зубы ее стучали.

— Вы не уедете?.. Вы не бросите меня?..

Обхватив руками тонкие запястья Анжелики, Дегре оторвал от себя ее судорожно сжатые пальцы.

— Ради вас я поставил на карту все и все потерял, кроме собственной шкуры.

— Скажите... Скажите мне, что еще могу я сделать для своего мужа?

— Единственное, что вы можете сделать для него...

Дегре поколебался, но тут же торопливо продолжил:

— Пойдите к палачу и дайте ему тридцать экю, чтобы он его задушил... до костра. Ваш муж хотя бы не будет мучиться. Вот, возьмите тридцать экю.

Анжелика почувствовала, что он вложил ей в руку кошелек. Не сказав больше ни слова, Дегре ушел. Сорбонна пошла было за своим хозяином, но вернулась к Анжелике и преданно заглянула ей в лицо.

Дегре свистнул. Сорбонна наострила уши и одним прыжком исчезла в ночи.

Глава 50

Мэтр Обен, палач, жил на площади Позорного столба, у рыбного рынка. Он должен был жить только там и нигде больше. С незапамятных времен эта деталь всегда оговаривалась в документах о назначении на должность парижского палача. Все лавки и ларьки на площади принадлежали ему, и он сдавал их в аренду мелким торговцам. Мало того, он еще имел право взимать в свою пользу с каждого лотка на рынке горсть свежих овощей или зерна, речную или морскую рыбину, охапку сена.

И если торговки рыбой были королевами рынка, то палач — его тайным и ненавистным властелином.

Анжелика отправилась к палачу, когда немного стемнело. Ее повел юный Кордо. Даже в такой поздний час около рынка было еще довольнолюдно. Пройдя Гончарную и Сырную улицы. Анжелика попала в этот своеобразный квартал, наполненный гортанными криками рыночных торговок, которые славились своими красными физиономиями и живописным языком и представляли здесь привилегированное сословие. В канавах собаки грызлись из-за отбросов. То и дело улицы перегораживали тележки с сеном и дровами. Воздух был насыщен запахом моря, который шел от прилавок рыбного рынка.

К этому резкому запаху, а также к запахам мяса и сыра примешивалась тошнотворная вонь, исходившая от груды трупов с соседнего кладбища Невинных, куда вот уже пять столетий свозили кости парижан.

Позорный столб — восьмиугольное двухэтажное сооружение с остроконечной крышей, напоминавшее башню, — возвышался посреди площади. Сквозь высокие сводчатые окна второго этажа можно было видеть большое железное колесо, которое крутилось внутри башни.

В тот вечер у позорного столба был выставлен какой-то вор. Голова и руки его были зажаты в специальных отверстиях на ободе колеса. Время от времени один из подручных палача приводил колесо в движение, и тогда посиневшее от холода лицо вора и его вздернутые

руки мелькали в окнах, а сам он напоминал мрачную фигурку вроде тех, что каждые пятнадцать минут выскакивают на башенных часах. Собравшиеся у столба зеваки смеялись, глядя на искаженное болью лицо вора.

— Да это ведь Жактанс, — говорил кто-то, — самый знаменитый рыночный вор.

— Ну, теперь его все будут знать!

— Пусть только сунет нос на рынок, торговли и служанки сразу завопят: «Вор!»

— Можешь выбросить свои ножницы, дружок, больше тебе не придется срезать ими кошельки!

У позорного столба толпилось довольно много народу. Но люди собрались сюда не только поглазеть на выставленного у столба вора, они хотели сговориться с двумя подручными палача и получить жетоны, которые те продавали на первом этаже.

— Видите, сударыня, — сказал Кордо с некоторой гордостью, — все эти люди хотят посмотреть завтра на казнь. Но конечно, на всех жетонов не хватит.

С бесчувственностью, неотделимой от его профессии, что обещало сделать из него великолепного палача, он показал Анжелике сообщение, которое глашатаи утром читали в городе на всех перекрестках:

«Господин Обен, постоянный палач города Парижа и его окрестностей, сообщает, что он будет продавать по умеренной цене места на эшафот, с которого завтра можно будет видеть костер, зажженный на Гревской площади для казни колдуна. Жетоны можно приобрести у господ подручных мэтра Обена, у позорного столба. Места будут обозначены геральдической лилией, а на жетонах будет изображен крест святого Андрея».

— Хотите, я куплю вам жетон, если у вас есть деньги? — любезно предложил ученик палача.

— Нет-нет! — в ужасе отозвалась Анжелика.

— Вы-то как раз имеете на это право, — глубокомысленно заметил подросток. — Без жетона вы даже близко подойти не сможете, предупреждаю вас. Когда кого-нибудь вешают, народу почти нет, все уже насмотрелись, а вот сжигают куда реже. Давка будет, ой-ой-ой! Мэтр Обен говорит, что он уже заранее беспокоится. Он не любит,

когда вокруг много людей и все кричат. Он говорит, что никогда не угадаешь, что может взбрести им на ум. Вот, сударыня, нам сюда. Входите.

Комната, в которую юный Кордо ввел Анжелику, была чистая, прибранная. Только что зажгли свечи. За столом сидели три маленькие девочки, аккуратно одетые, в шерстяных капорах, из-под которых выбивались светлые волосики, и ели кашу из деревянных мисок.

У очага жена палача штопала ярко-красную рубаху мужа.

— Привет, хозяйка, — сказал Кордо. — Вот я привел эту женщину, она хочет поговорить с хозяином.

— Он во Дворце правосудия. Должен скоро прийти. Садитесь-ка сюда, моя красавица.

Анжелика села на скамью у стены. Хозяйка исподлобья поглядывала на нее, но ни о чем не спрашивала, и это отличало ее от всех прочих женщин. Сколько она уже перевидала их на этой скамье, обезумевших жен, страдавших матерей, отчаявшихся дочерей, которые приходили молить палача оказать последнее милосердие, облегчить страдания любимого человека!.. Сколько людей врывалось в этот тихий дом и, протягивая пригоршни золота или угрожая, требовали от палача невозможного — помочь осужденному бежать.

Жена палача молчала, то ли от равнодушия, то ли из сочувствия, и в тишине было слышно только, как тихонько смеялись девочки, поддразнивая Кордо.

Заслышав у дверей шаги, Анжелика приподнялась, но это был не тот, кого она ждала. Вошедший оказался молодым аббатом. Прежде чем войти, он долго вытирал у порога свои грубые, покрытые грязью башмаки.

— Мэтра Обена нет дома?

— Он скоро придет. Входите, входите, господин аббат и, если желаете, присядьте у очага.

— Вы очень добры, сударыня. Я принадлежу к Миссии Венсан де Поля, и мне поручено напутствовать приговоренного завтра к казни. Я пришел к мэтру Обену, чтобы вручить ему письмо за подписью начальника полиции и получить у него разрешение пройти к несчастному. Провести ночь перед смертью в молитвах — благое дело.

— Что верно, то верно, — поддакнула жена палача. — Садитесь, господин аббат, посушите ваш плащ. Кордо, подбрось в огонь дров.

Она отложила в сторону красную рубаху и села за прялку.

— А вы отважный человек, — продолжала она. — Неужели вы не боитесь колдуна?

— Когда наступает смертный час, любое создание божье, даже самое грешное, заслуживает нашего сострадания. А этот человек невиновен. Он не совершил того ужасного преступления, в котором его обвиняют.

— А, все они так говорят! — философски заметила жена палача.

— Если бы господин Венсан был жив, завтра не было бы костра. Я слышал, как буквально за несколько часов до своей смерти он с тревогой говорил о том, какое несправедливое обвинение нависло над одним из дворян королевства. Будь господин Венсан жив, он бы, пожалуй, поднялся на костер вместе с приговоренным и обратился к народу с просьбой лучше сжечь его самого, но только не невинно осужденного.

— Вот это-то и мучает моего бедного мужа! — воскликнула жена палача. — Вы не можете себе представить, господин аббат, сколько крови он себе перепортил из-за завтрашней казни. Он уже заказал шесть месс в церкви святого Евстахия, по одной в каждом боковом алтаре. И если все пройдет благополучно, закажет еще одну, в главном алтаре.

— Если бы господин Венсан был жив...

— ... не было бы больше ни воров, ни колдунов, и мы остались бы без работы.

— Вы бы торговали копченой рыбой на рынке или цветами на Новом мосту и не чувствовали бы себя от этого несчастными.

— И право... — рассмеялась она.

Анжелика смотрела на аббата. Его слова чуть было не побудили ее встать, назваться и воззвать к его милосердию. Он был молод, но в его душе горел огонь, зажженный господином Венсаном. У него были грубые руки, и держался он просто и скромно, как человек из народа. Наверно, так же он держался бы и в присутствии короля. И все-таки Анжелика не двинулась с места. За эти два дня она столько прилила горячих слез у себя в комнатке, наедине со своей страшной бедой. Но теперь слезы у нее иссякли, и сердце окаменело. Никаким бальзамом

нельзя было утешить боль ее кровоточащей раны. Отчаяние породило ядовитый цветок — ненависть. «Они сторицею заплатят мне за все страдания, которые причинили ему». И когда она приняла это решение, в ней вдруг проснулась жажда жизни, энергии. Разве можно простить такому, как Беше?..

Она продолжала сидеть, застыв в напряженной позе и судорожно сжимая под своей накидкой кошелек, который дал ей Дегре.

— Вы можете мне поверить, господин аббат, но самый большой грех — это то, что я горжусь своим положением, — сказала жена палача.

— О, вы меня поражаете! — воскликнул аббат, хлопая себя по коленям. — Но ведь, сказать по совести, дочь моя, вас все так ненавидят из-за ремесла вашего мужа, соседки отворачиваются от вас, когда вы проходите мимо, отвечают вам сквозь зубы. Так объясните же мне, сам я не могу этого постичь, в чем вы находите источник гордости и тщеславия?

— Да, все это так, — вздохнула бедняжка. — Но когда я вижу, как мой муженек, широко расставив ноги, поднимает свой большой топор и — ух! — одним махом отрубает голову, я не могу не гордиться им. Знаете, господин аббат, это ведь нелегко — с одного удара.

— Дочь моя, я содрогаюсь, слушая вас.

И аббат задумчиво добавил:

— Неисповедима душа человеческая!

В это время распахнулась дверь, в комнату ворвался шум площади и неторопливым, тяжелым шагом вошел широкоплечий гигант. Он буркнул что-то вместо приветствия, оглядел присутствующих властным взглядом человека, который всегда и во всем прав. Его толстое рябое лицо с крупными чертами было невозмутимо. Оно не казалось злым, но лишь холодным и суровым, словно каменная маска. Это было лицо человека, который при определенных обстоятельствах не должен ни смеяться, ни плакать, лицо могильщика, или... короля, подумала Анжелика, найдя вдруг, что вошедший, несмотря на грубую куртку ремесленника, похож на Людовика XIV.

Это и был палач.

Анжелика встала, священник тоже поднялся и молча протянул палачу письмо начальника полиции.

Мэтр Обен подошел к свече, чтобы прочитать его.

— Ладно, — сказал он. — Завтра на рассвете я отведу вас туда.

— А не могу ли я пойти туда уже сегодня вечером?

— Это невозможно. Все заперто. Я один могу провести вас к смертнику, а мне, честно говоря, господин кюре, уже давно пора перекусить. Другим ремесленникам запрещено работать по вечерам, а вот для меня нет отдыха ни днем, ни ночью. Уж если этим господам, что выносят смертные приговоры, приспичит, чтобы их подопечный признался, они совсем впадают в раж и готовы чуть ли не заночевать в тюрьме! Сегодня все пошло в ход: и вода, и испанские сапоги, и дыба.

Священник молитвенно сложил ладони.

— Несчастный! Один в темной камере после таких пыток, в ожидании смерти! Боже, помоги ему!

Палач бросил на него подозрительный взгляд.

— Но вы хотя бы не собираетесь причинить мне неприятности? Хватит с меня этого монаха Беше, он прямо-таки прилип ко мне, все ему кажется, будто я что-то недоделал. Клянусь святым Козьмой и святым Элуа, скорее этот монах одержим дьяволом!

Говоря это, мэтр Обен освобождал глубокие карманы своей куртки. Он бросил на стол несколько мелких вещиц, и девочки вдруг громко вскрикнули от восторга. Но в ту же минуту раздался крик ужаса.

Анжелика расширенными глазами смотрела на лежавшую среди золотых монет украшенную жемчугом коробочку, в которой Жоффрей обычно держал свои сигары. Не совладав с собой, Анжелика в одно мгновение схватила коробочку и прижала ее к груди.

Палач не рассердился, он только разжал ее пальцы и отобрал коробочку.

— Полегче, девочка, все, что я нахожу в карманах тех, кого пытаю, по праву принадлежит мне.

— Вы — грабитель! — задыхаясь, крикнула Анжелика. — Мерзкий вор, мародер!

Палач медленно достал с полочки над дверью резной серебряный ларец и молча сложил в него свою добычу. Его жена, продолжая прятать, покачала головой. Глядя на аббата, она тихо сказала, как бы извиняясь за Анжелику:

— Знаете, все они говорят одно и то же. На них нельзя обижаться. Хотя эта-то должна была бы понять, что с сожженного нам мало что

достанется. Здесь уж ничего не зарабатываешь, а вот когда вешают, то мы продаем жир аптекарям, а кости...

— О, сжальтесь, дочь моя, — прервал ее священник, закрывая ладонями уши.

Он смотрел на Анжелику с состраданием и сочувствием. Но она этого не замечала. Ее била дрожь, она кусала себе губы. Боже, ведь она обругала палача! Теперь он ни за что не выполнит ее ужасную просьбу, ради которой она пришла к нему.

Мэтр Обен все тем же тяжелым шагом вразвалку обошел вокруг стола и приблизился к ней. Заткнув большие пальцы за свой широкий пояс, он спокойным взглядом уставился на Анжелику.

— Ну, а чем я могу служить вам, кроме этого?

Она дрожала, не в силах вымолвить ни слова, и молча протянула ему свой кошелек. Он взял его, прикинул на руке и снова перевел свой ничего не выражающий взгляд на Анжелику.

— Вы хотите, чтобы его задушили?

Она кивнула.

Палач раскрыл кошелек, высыпал несколько экю себе на ладонь и сказал:

— Ладно, будет сделано.

Но, поймав испуганный взгляд молодого аббата, который все слышал, нахмурился.

— Вы никому не расскажете, кюре? Вы ведь понимаете, я здорово рискую. Если что заметят, у меня будет куча неприятностей. Здесь надо действовать в последнюю минуту, когда дым хоть немного скроет столб от зрителей. Я просто хочу оказать услугу, вы же понимаете...

— Да... Я никому ничего не скажу, — с усилием выдавил из себя аббат. — Я... можете на меня положиться.

— Я внушаю вам страх, да? — спросил палач. — Вы впервые напутствуете приговоренного к смерти?

— Когда шла война, я, как посланец Миссии господина Венсана, часто в деревнях сопровождал несчастных до самого дерева, на котором их вешали. Но то была война, ужас и неистовство, вызванные войной... А сейчас, когда...

И кюре сокрушенно показал на светловолосых девочек, сидевших перед своими мисками.

— А сейчас это — правосудие, — почти торжественным голосом провозгласил палач. Он облокотился на стол, устраиваясь поудобнее, как человек, который не прочь побеседовать.

— Вы мне нравитесь, кюре. Знаете, вы напомнили мне одного тюремного священника, с которым я долгое время работал вместе. И надо отдать ему должное — все приговоренные, которых мы с ним провожали на небо, перед смертью целовали распятие. А после казни он всегда рыдал, словно потерял собственное дитя, и становился таким бледным, что я заставлял его выпить чарку вина, чтобы он немножко пришел в себя. Я всегда беру с собой кувшинчик доброго вина. Никогда ведь не знаешь, как все обернется, особенно с подручными. Мой отец был подручным палача, когда на Гревской площади четвертовали Равальяка, убийцу Генриха IV... И вот он мне рассказал... Впрочем, ладно, в общем-то, эта история вам не слишком понравится. Потом, когда вы попривыкнете малость, я вам расскажу. Так вот, я иногда говорил этому священнику: «Слушай, кюре, как ты думаешь, сам-то я попаду в ад?» — «Если ты, палач, попадешь в ад, — отвечал он мне, — то я попрошу у бога разрешения сопровождать тебя...» Подождите, аббат, сейчас я вам кое-что покажу, это вас немного успокоит.

Порывшись снова в своих многочисленных карманах, мэтр Обен достал маленький пузырек.

— Секрет этого зелья раскрыл мне отец, а ему — его дядя, который был палачом при Генрихе IV. Мне его тайно готовит один аптекарь, мой приятель, а я в обмен даю ему черепа, из которых он делает какой-то там чудодейственный порошок. Аптекарь уверяет, что порошок излечивает болезни почек и апоплексию, но для него нужен череп только молодого человека, погибшего насильственной смертью. А впрочем... это его дело. Я ему даю один или два черепа, а он мне — без лишних разговоров зелье. Когда я наливаю несколько капель зелья смертнику, тот сразу становится молодцом, потому что притупляются чувства. Правда, я даю это зелье только тем, чьи родственники мне платят. Но все равно, господин аббат, я оказываю им большую услугу, разве не так?

Анжелика с изумлением слушала его. Палач повернулся к ней:

— Хотите, я дам ему немного зелья завтра утром?

Она с трудом выдавила из себя побелевшими губами:

— Я... У меня нет больше денег. — Ладно, это войдет в общую плату, — ответил мэтр Обен, подбрасывая кошелек на ладони.

Он придвинул к себе Серебряный ларец и положил в него кошелек.

Пробормотав что-то на прощанье, Анжелика направилась к двери и вышла.

Ее тошнило. У нее болела поясница и непривычно ломило все тело. На площади царило прежнее оживление, слышались крики и смех, и после тяжелой, гнетущей обстановки в доме палача у нее даже стало немного легче на душе.

Несмотря на мороз, двери лавок были раскрыты настежь. Хозяева, стоя на пороге, как всегда в этот час, переговаривались друг с другом. Стражники сняли с позорного столба вора и теперь вели его в тюрьму Шатле, а ватага ребятишек бежала за ними, забрасывая их снежками.

Анжелика слышала за собой чьи-то торопливые шаги. Запыхавшись, ее нагнал молодой аббат.

— Сестра моя... бедная сестра моя, — пробормотал он. — Я не мог оставить вас одну в таком состоянии.

Анжелика резко отпрянула. При слабом свете фонаря одной из лавок аббат с ужасом увидел обращенное к нему прозрачное, без кровинки лицо, на котором лишь горели каким-то фосфорическим светом зеленые глаза.

— Оставьте меня, — жестким голосом сказала Анжелика. — Вы ничем не можете мне помочь.

— Молитесь богу, сестра моя...

— Во имя вашего бога завтра сожгут моего ни в чем не повинного мужа.

— Сестра моя, не усугубляйте свои страдания, ропща против неба. Вспомните, во имя бога распяли Иисуса Христа.

— Я сойду с ума от вашего вздора! — крикнула Анжелика пронзительным голосом, который, показалось ей, шел откуда-то со стороны. — Но я не успокоюсь, пока сама не покараю одного из ваших «служителей божьих», и он не погибнет в таких же страшных муках!

Она прислонилась к стене, закрыла лицо руками, и тело ее затряслось от рыданий.

— Вы его увидите... скажите ему, что я его люблю, люблю... Скажите ему... О, скажите, что я была с ним счастлива. И еще... спросите, как мне назвать ребенка, который должен родиться.

— Хорошо, сестра моя.

Он попытался взять ее руку, но она выдернула ее и пошла вперед.

Священник понял, что идти за нею бессмысленно. Согнувшись, словно бремя человеческого горя совсем придавило его, он зашагал по улочкам, где еще витала тень господина Венсана.

Анжелика торопливо шла по направлению к Тамплю. Ей казалось, что у нее шумит в ушах, потому что ей все время слышалось, будто вокруг кричат: «Пейрак! Пейрак!»

В конце концов она остановилась. Нет, это не мерещится ей.

...А сатане одному сполна За красоту награда дана...

Взобравшись на каменную тумбу, которые служат всадникам для того, чтобы удобнее было вскочить в седло, худой мальчишка хриплым голосом горланил последние куплеты какой-то песенки, пачку оттисков которой он зажал под мышкой.

Анжелика вернулась и попросила дать ей песенку. Напечатанная на листе грубой бумаги, она еще пахла типографской краской. На улице было слишком темно, чтобы читать, и Анжелика, сложив листок, снова пустилась в путь. По мере того как она приближалась к Тамплю, мысли ее возвращались к Флоримону. Он стал теперь таким непоседой, что она боялась оставлять его одного. Его приходилось привязывать к кровати, и это очень не нравилось малышу. Когда матери не было дома, он не переставая плакал, и, вернувшись, она находила его всхлипывающим, дрожащим. Она не осмеливалась просить присмотреть за ним госпожу Скаррон, так как после осуждения Жоффрея та избегала встреч с Анжеликой, а завидев ее, чуть ли не крестилась.

Еще на лестнице Анжелика услышала плач Флоримона и торопливо взбежала наверх.

— Я пришла, сокровище мое, мой маленький принц. Ах, почему ты еще такой маленький?

Она живо подбросила дров в очаг и поставила разогреть кастрюльку с кашей для Флоримона. Малыш орал во все горло, протягивая к ней ручонки. Наконец она вытащила мальчика из его

тюрьмы, и он, как по волшебству, замолк и даже соизволил очень мило улыбнуться.

— Ты маленький бандит, — сказала Анжелика, вытирая его мокрое от слез личико.

Сердце ее вдруг оттаяло. Подняв Флоримона, она любовалась им при свете пламени, красные отблески которого отражались в черных глазах мальчика.

— Мой маленький принц! Прелестный мой ангелочек! Хоть ты у меня остался! До чего же ты прекрасен!

Флоримон, казалось, понимал ее слова. Он выпятил грудь и улыбался с какой-то простодушной гордостью и даже самоуверенностью. Всем своим видом он словно заявлял, что он, несомненно, и есть центр мироздания. Анжелика приласкала его, поиграла с ним. Он щебетал, как птенчик. Недаром вдова Кордо не раз твердила, что он говорит гораздо лучше, чем полагается в его возрасте. Правда, говорил он еще не очень складно, но его вполне можно было понять. После того как мать выкупала его и уложила в кроватку, он потребовал, чтобы она спела колыбельную «Зеленая мельница».

Анжелике стоило большого труда добиться, чтобы не дрожал голос. Песней обычно выражают радость, когда же сердце переполнено горем, можно с трудом говорить, но петь... Какие нечеловеческие усилия нужны для этого!

— Еще! Еще! — требовал Флоримон.

Потом он принялся с блаженным видом сосать свой большой палец. Он невольно вел себя как маленький тиран, но Анжелика не сердилась на него за это. Она с ужасом думала о той минуте, когда он заснет, и ей придется в одиночестве ждать утра. Наконец он уснул, и она долго смотрела на спящего сына, потом встала, чувствуя себя разбитой и истерзанной. Может быть, это отозвались в ее теле те чудовищные пытки, которым подвергли сегодня Жоффрея? У нее не выходили из головы слова палача: «Сегодня все пошло в ход: и вода, и испанские сапоги, и дыба». Она не очень ясно представляла себе весь тот ужас, что кроется за этими словами, но понимала, что человека, которого она любит, заставили мучительно страдать. Ах, хоть бы скорее все кончилось!

— Завтра, — сказала она громко, — завтра, любимый мой, вы обретете покой. Наконец-то вы избавитесь от этих невежественных и

диких людей!..

Лежавший на столе листок с песенкой, которой она купила по дороге домой, развернулся. Анжелика поднесла к нему свечу и прочла:

*В аду, где бездна черным-черна,
В зеркало глядя, сказал сатана
«Люди твердят, что я всех страшнее.
Клянусь преисподней, молва неверна!»*

Далее шел рассказ, местами довольно остроумный, но большей частью непристойный, о том, как сатана озадачен, почему его лицо церковные живописцы изображают таким страшным, и не может ли оно с честью выдержать сравнение с человеческим лицом. В аду ему предложили устроить конкурс красоты с участием новичков, которые скоро прибудут с земли.

*Как раз в это время под вой и гром
Трех колдунов на площади жгли.
И все трое подряд
Прибыли в ад.
Один был весь посинелый лицом,
Другой был с лицом чернее земли,
А третьего звали Пейрак.
И пусть мне поверит честной народ,
Что каждый был уродом урод.
И были три этих гнусных персоны,
Хоть и мужчины, а с виду горгоны,
Весь ад напугали, и черная стая,
Крылья раскрыв, улетела, стена.
А сатане одному сполна
За красоту награда дана.*

Анжелика взглянула на подпись: «Клод Ле Пти, Отверженный поэт».

Горько усмехнувшись, Анжелика скомкала листок. «Этого я тоже убью», — подумала она.

Глава 51

«Жена должна следовать за своим мужем», — сказала себе Анжелика, когда взошла заря и над колокольнями Парижа распахнулось чистое, радужное небо.

Да, она пойдет туда. Она будет следовать за ним до конца. Только надо быть осторожной, не выдать себя, иначе ее могут схватить. Но вдруг он ее все же увидит, узнает...

Со спящим Флоримоном на руках Анжелика спустилась вниз и постучалась к вдове Кордо, которая уже разжигала огонь в очаге.

— Можно, я оставлю его вам на несколько часов, матушка Кордо? Старуха повернула к ней свое печальное лицо колдуньи.

— Положите его на мою кровать, я присмотрю за ним. Так будет по справедливости, бедный мой ягненок! Палач займется отцом, а палачиха позаботится о сыне. Идите, идите, доченька, и помолитесь многострадальной деве Марии, пусть она поддержит вас в вашем горе.

С порога она крикнула Анжелике вдогонку:

— А на рынок можете не ходить. Когда вернетесь, поедите у меня.

Анжелика с трудом нашла силы поблагодарить старуху, сказав, что ей ничего не нужно, что у нее нет аппетита. Та покачала своей косматой головой и, бормоча что-то себе под нос, ушла в дом.

Словно сомнамбула, Анжелика вышла из ворот Тампля и побрела в сторону Гревской площади.

Туман над Сеной еще только начинал рассеиваться, но в дымке уже вырисовывался красивый ансамбль ратуши, выходящий на большую площадь. Было очень холодно, но, судя по голубому небу, день обещал быть солнечным.

На другом конце площади, на каменном цоколе, возвышался большой крест, а рядом — виселица, на которой покачивалось тело повешенного.

Народ уже начал собираться, и все толпились вокруг виселицы.

— Это мавр, — говорили в толпе.

— Да нет же, это тот, второй. Его повесили еще на рассвете. Когда колдуна привезут на тележке, он его сразу увидит.

— Но у него же совсем черное лицо.

— Это потому, что его повесили. Впрочем, оно и до этого было синим. Ты знаешь песенку?

Кто-то начал напевать:

*Один был весь посинелый лицом,
Другой был с лицом чернее земли,
А третьего звали Пейрак.
А сатане одному сполна
За красоту награда дана.*

Анжелика зажала ладонью рот, чтобы сдержать готовый вырваться крик. В страшном раскачивающемся трупe с распухшим лицом и высунутым языком она узнала саксонца Фрица Хауэра.

Какой-то мальчишка-оборванец взглянул на нее и, смеясь, сказал:

— О, сестричка уже в обморок падает? Что же с ней будет, когда начнут поджаривать колдуна?

— Говорят, женщины к нему липли, словно мухи к меду.

— Еще бы! Он же был богаче самого короля!

— А все свое золото он добывал с помощью всякой чертовщины!

Анжелику била дрожь, и она судорожно куталась в свою накидку.

Толстый колбасник, стоявший на пороге лавки, добродушно сказал ей:

— Вам бы уйти отсюда, доченька. Этот спектакль не для женщины, которая собирается рожать.

Анжелика упрямо покачала головой.

Взглянув на ее бледное лицо и огромные блуждающие глаза, колбасник пожал плечами. Он уже не раз видел, как несчастные женщины бродят вокруг виселиц и плахи, и привык к этому.

— А казнь будет здесь? — спросила Анжелика беззвучным голосом.

— Смотря на какую казнь вы пришли. Я знаю, что сегодня утром перед Шатле должны повесить какого-то газетчика. Но если вас интересует колдун, так это здесь, на Гревской площади. Вон видите там костер?

Костер был приготовлен еще дальше, почти у самой Сены. Огромная куча хвороста, из которой торчал столб. К столбу была

приставлена лесенка.

В нескольких метрах от костра находился эшафот, где обычно отрубали головы. Сейчас на нем стояли скамьи, и первые зрители, купившие жетоны, уже начали рассаживаться.

Ледяной ветер, налетавший время от времени, осыпал разрумьянившиеся от мороза лица снежной пылью. Какая-то старуха пришла погреться под навес колбасника.

— Зябко сегодня, — проговорила она. — Я бы с удовольствием никуда не пошла, а торговала бы себе на рынке рыбой и грелась у жаровни, да вот обещала сестре принести кость колдуна — от ревматизма.

— Говорят, помогает.

— Да. Цирюльник с Мыльной улицы обещал растолочь ее с масличным маком, говорит, лучше средства не сыскать.

— Но раздобыть кость будет нелегко. Мэтр Обен потребовал, чтобы охрану удвоили.

— Конечно, этот шакал, это чертово отродье хочет урвать себе лучшие куски! Но палач он или не палач, а надо по справедливости, чтобы всем досталось, — злобно осклабилась старушка, отчего стали видны ее гнилые зубы.

— Пожалуй, у Собора Парижской богоматери вам скорее удастся заполучить хотя бы клочок от его рубахи.

Анжелика почувствовала, как спина ее покрылась холодным потом. Она совсем забыла о первом этапе этой чудовищной церемонии: о публичном покаянии на площади Собора Парижской богоматери.

Она бросилась бежать в сторону улицы Ножовщиков, но густая толпа, бурлящим потоком стекавшаяся на площадь, не давала ей пройти, увлекала назад, за собой. Нет, никогда, никогда не добраться ей до площади Собора Парижской богоматери!

Толстый колбасник покинул свой пост в дверях лавки и подошел к ней.

— Вы хотите попасть к Собору Парижской богоматери? — сочувственно спросил он тихим голосом.

— Да, — пробормотала Анжелика. — Я совсем забыла... я...

— Послушайте, вот что вам надо сделать. Перейдите площадь и спуститесь к винной пристани. Там попросите какого-нибудь

лодочника переправить вас в Сен-Ландри. Через пять минут вы будете у Собора Парижской богородицы, с задней стороны.

Она поблагодарила его и снова бросилась бежать. Колбасник дал ей правильный совет. Какой-то лодочник за несколько мелких монет посадил ее в свою посудину и, взмахнув три раза веслами, доставил на фруктовую пристань Сен-Ландри. Анжелика кинула взгляд на деревянные дома на сваях, под стенами которых находилась свалка гниющих фруктов, и в памяти ее возникло то светлое утро, когда Барба сказала ей: «Там, перед ратушей, Гревская площадь... Я один раз видела, как там жгли на костре колдуна...»

Анжелика бежала по улице, тянувшейся вдоль апсиды Собора Парижской богородицы. Здесь жили каноники и было совсем безлюдно. До нее доносился гул толпы, в который врвался глухой, зловещий звон колоколов, сопровождающий казни. Анжелика продолжала бежать. Потом она и сама не могла понять, откуда у нее взялась нечеловеческая сила, чтобы пробиться сквозь толпу зевак, каким чудом удалось ей достичь первых рядов зрителей на самой площади Собора.

В эту минуту дружный вопль сотен людей возвестил о появлении осужденного. Процессия с трудом продвигалась в густой толпе. Подручные палача расчищали дорогу кнутами.

Наконец показалась деревянная двухколесная тележка, одна из тех грубых колымаг, в которых вывозили из города нечистоты. На ней и сейчас еще оставались налипшие грязь и солома.

На этой позорной колеснице возвышалась фигура мэтра Обена, он стоял, подбоченившись, в красных штанах и рубахе, на которой красовался герб города Парижа, и тяжелым взглядом смотрел на бесновавшуюся чернь. Молодой аббат сидел на борту тележки. Жоффрея не было видно, и вокруг все кричали, требуя показать колдуна.

— Наверно, он лежит на дне тележки, — сказала какая-то женщина рядом с Анжеликой. — Говорят, он уже полумертвый.

— Надеюсь все-таки, что это не так! — с жаром воскликнула ее соседка, красивая розовощекая девушка.

Тележка остановилась у огромной статуи Постника.

Стражники на конях с алебардами наперевес сдерживали толпу. На площади показалось несколько полицейских сержантов в окружении большой группы монахов различных религиозных общин.

Толпа колыхнулась и оттеснила Анжелику. Она закричала и, словно фурия, путив в ход ногти, вернулась на свое место.

Внезапно все замолчали, и в тишине слышен был лишь перезвон колоколов. У лестницы, ведущей на площадь, появилось какое-то привидение и стало подниматься по ступенькам. Сквозь пелену, застилавшую ей глаза, Анжелика видела только эту ослепительно белую фигуру. Потом до ее сознания вдруг дошло, что руки приговоренного лежат на плечах палача и священника и что эти двое просто тащат его, а сам он даже не переставляет ноги. Его голова с длинными черными кудрями свесилась на грудь.

Впереди шествовал монах. Время от времени он поворачивался и начинал пятиться, потому что ветер пригибал пламя огромной свечи, которую он нес. Анжелика узнала в монахе Конана Беше, лицо его было искажено исступленным, злобным торжеством. Висевшее на его шее тяжелое белое распятие доходило ему до колен и мешало идти. Он то и дело спотыкался. Со стороны казалось, будто он исполняет перед приговоренным причудливый танец смерти.

Процессия двигалась медленно, словно в кошмарном сне. Наконец она поднялась на площадь и подошла к portalу Страшного суда.

На шее у смертника болталась веревка. Из-под длинной белой рубахи виднелась босая нога, стоящая на холодной как лед каменной плите.

«Это не Жоффрей», — подумала Анжелика.

Да, это был не тот человек, которого она знала, — человек утонченной души, так умевший наслаждаться всеми радостями жизни. Это был мученик, несчастный страдалец, как и все те, кого приводили сюда до него «босыми, в рубахе смертников, с веревкой на шее»...

И в этот момент Жоффрей де Пейрак вскинул голову. На его измученном, посеревшем, изуродованном лице мрачным огнем горели огромные темные глаза.

Какая-то женщина пронзительно закричала:

— Он смотрит на меня! Он меня околдует!

Но граф де Пейрак не смотрел на толпу. Его взгляд был устремлен вперед, на серый фасад Собора, украшенный скульптурами святых старцев.

С какой молитвой обращался он к ним? Какие обещания получал от них? А может быть, он даже их не видел?

По левую сторону от смертника встал один из секретарей суда и гнусавым голосом принялся читать приговор. Колокола умолкли, но разобрать слова приговора все равно было трудно.

— За следующие преступления: похищение, безбожие, обольщение... магия... отдан в руки палача... отведен на площадь Собора Парижской богородицы... принесет публичное покаяние с непокрытой головой, босой... держа в руках горящую свечу...

И только когда он стал свертывать свой свиток, все поняли, что он кончил читать.

Затем Конан Беше объявил текст публичного покаяния.

«Я признаюсь в преступлениях, в которых меня обвиняют. Я прошу у бога прощения. Я принимаю наказание во искупление своих грехов».

У приговоренного не было сил держать свечу, и ее взял священник.

Все ждали, когда наконец раздастся голос кающегося, толпа выражала нетерпение.

— Да говори же, приспешник дьявола!

— Не хочешь ли ты гореть в аду вместе со своим хозяином?

Анжелика вдруг почувствовала, что ее муж собирается с силами. Его мертвенно-бледное лицо оживилось. По-прежнему опираясь на плечи палача и аббата, он выпрямился, словно вдруг вырос, и теперь оказался выше мэтра Обена. Еще прежде, чем он раскрыл рот, любовь подсказала Анжелике, что он сейчас сделает.

В морозном воздухе внезапно зазвучал глубокий, звонкий, удивительный голос.

Золотой голос королевства пел в последний раз.

Он пел на провансальском языке беарнскую песенку, так хорошо знакомую Анжелике, и она одна понимала, о чем он поет.

*Стоя на коленях с опущенной головой,
Я молю тебя, милая королева
Прекраснейшего сада, где увидел свет Христос,
Сохрани же город Тулузу...
Этот нежный сад — нашу обитель...*

*Нежный сад, где все расцветает...
Сохрани всегда цветущей Тулузу...*

Эта песня, словно кинжалом, пронзила сердце Анжелики. Она закричала.

Ее крик прозвучал в наступившей вдруг жуткой тишине, потому что в этот момент песня оборвалась: монах Беше своим костяным распятием ударил певца по губам. Голова осужденного снова упала на грудь, изо рта потекла струйка крови. Но он тут же снова выпрямился.

— Конан Беше, — громко крикнул он тем же звонким и чистым голосом. — Через месяц назначаю тебе свидание перед божьим судом.

Толпа затрепетала от ужаса, исступленные возгласы заглушили голос графа де Пейрака.

Волна ярости, беспредельного возмущения захлестнула людей. Но это было вызвано скорее высокомерием смертника, чем поступком монаха. Такого скандала еще никогда не бывало на площади Собора Парижской богородицы! Петь! Он осмелился петь! Ну хорошо, пусть бы спел религиозный гимн! Но песенку на каком-то непонятном языке, на языке дьявола!..

Словно в чудовищном водовороте, толпа приподняла Анжелику, завертела, стиснула и, топчя ей ноги, понесла вперед, и она оказалась зажатой в угол, в проеме какой-то двери. Нащупав рукой створку, она толкнула ее и, задыхаясь, влетела в темноту пустынного собора.

Она постаралась взять себя в руки, преодолеть боль, которая разливалась по всему телу. Ребенок шевелился у нее в животе. Когда Жоффрей пел, он так заворочался там, что она с трудом сдержала стон.

До нее глухо доносился гул толпы. Сначала он нарастал, но, достигнув кульминации, через несколько минут начал стихать.

— «Надо уходить, — твердила себе Анжелика. — Надо вернуться на Гревскую площадь», Она покинула свое убежище в стенах собора. На площади, в том месте, где монах Беше ударил графа де Пейрака, дрались между собой несколько мужчин и женщин.

— Вот он, зуб колдуна! — крикнул вдруг один из мужчин.

Он бросился бежать, остальные устремились за ним. Какая-то женщина размахивала белым лоскутом.

— Мне удалось оторвать кусок от его рубахи! Кто желает? Это приносит счастье!

Анжелика бежала. За мостом Парижской богородицы она нагнала толпу, сопровождавшую тележку, но по улице Корзинщиков и Ножовщиков протиснуться было почти невозможно. Она умоляла, чтобы ее пропустили. Но ее даже не слушали. Люди, казалось, впали в какое-то безумие. Снег под лучами солнца сползал с крыш большими пластами прямо на головы людей, однако никто не обращал на это никакого внимания.

Наконец Анжелике удалось добраться до угла Гревской площади. И в этот момент она увидела, как над костром взметнулся огромный столб огня. Простирая к нему руки, она услышала свой безумный голос:

— Он горит! Горит!

С диким остервенением она пробилась к самому костру. На нее пахло жаром. Огонь, раздутый ветром, гудел.

Дрова горели со страшным треском, словно это гремел гром и стучал град. Но что за фигуры суеются там, в желтом свете пламени и солнца? Что за человек в красной рубахе ходит вокруг костра с горящим факелом в руках, подсовывая его под нижние вязанки хвороста?

Что за человек в черной сутане, с опаленными бровями вцепился в приставную лестницу и, протянув к огню распятие, кричит:

— Надежда! Надежда!

И что за человек находится в этом пекле? Боже мои! Неужели там живое существо? Нет, он мертв, ведь палач его задушил!

— Слышите, как он кричит? — говорили в толпе.

— Да нет же, он не кричит, он мертв, — твердила растерянная Анжелика.

Но и ей казалось, что из-за тяжелой завесы огня несутся душераздирающие вопли, и она закрывала уши руками.

— Как он кричит! Как он кричит! — повторяли в толпе.

Некоторые возмущались:

— Зачем на него нацепили капюшон? Мы хотим видеть, как он корчится!

Вихрь вынес из костра множество обгоревших белых листков, и их пепел, разлетаясь, оседал на головы людей.

— Вместе с колдуном сжигают его дьявольские книги... Ветер вдруг пригнул пламя костра. На мгновение перед глазами Анжелики

возникла страшная картина: кипы книг из Отеля Веселой Науки и столб, к которому была привязана черная, неподвижная фигура с закрытой темным капюшоном головой. Она рухнула без чувств.

Глава 52

Анжелика пришла в себя в лавке колбасника на Гревской площади.

«О, как все болит!» — подумала она, потягиваясь. Но почему так темно? Может, она ослепла? Женщина с подсвечником в руке склонилась к ней.

— Ну вот вам и лучше, милая! А я-то думала, уж не померла ли. Приходил цирюльник, пустил вам кровь. Но мне кажется, что у вас начались схватки.

— О нет, — возразила Анжелика, положив руку на живот. — Это будет недели через три, не раньше. А почему так темно?

— Да просто поздно. Уже отзвонили к вечерне.

— А костер?

— Все кончено, — тихо сказала жена колбасника. — Но долго он пылал. Ну и денек сегодня выдался! Труп догорел только к двум часам пополудни. А когда стали развеивать пепел, началась такая свалка! Каждому хотелось получить горсточку. Палача чуть не растерзали.

Помолчав, она спросила:

— А вы его знали, колдуна?

— Нет! — с трудом проговорила Анжелика. — Нет! Сама не понимаю, что со мной случилось. Просто я впервые увидела такое.

— Да, это производит сильное впечатление. Мы-то все, у кого на Гревской площади лавки, столько всего повидали, что нас уже ничем не проймешь. Нам даже вроде чего-то недостает, когда на перекладине никто не болтается.

Анжелике хотелось бы отблагодарить этих славных людей, но в кошельке у нее было лишь несколько мелких монет. Она сказала, что потом зайдет к ним и вернет деньги, которые они заплатили цирюльнику.

В голубых сумерках разнеслись удары колокола с ратуши, возвестив окончание рабочего дня. Приближалась ночь, и мороз еще усилился.

На краю площади алел огромный огненный цветок из горящих углей, которые раздувал ветер. Это все, что осталось от костра.

Анжелика бродила вокруг костра и вдруг увидела, что из темноты эшафота кто-то вышел робким шагом. Это был аббат. Он приблизился к ней, но она в ужасе отшатнулась — из складок его сутаны еще не выветрился нестерпимый запах горевшего мяса и дыма.

— Я знал, что вы придете, сестра моя, — заговорил он. — Я вас ждал. Я хотел вам сказать, что ваш муж умер христианином. Он подготовился к смерти и принял ее со смирением. Конечно, он сожалел о жизни, но смерти не боялся. Он несколько раз повторил мне, что с радостью предстанет перед Творцом. Мне кажется, большим утешением для него была уверенность, что он наконец узнает...

Голос аббата выдал его колебание и некоторое удивление.

— ...наконец узнает, вертится ли Земля.

— О, конечно, — воскликнула Анжелика, которую вдруг охватил гнев. — Как это на него похоже! Все мужчины одинаковы! Ему все равно, что он оставил меня в нищете и отчаянии на этой самой Земле, которая то ли вертится, то ли нет!

— Нет, сестра моя! Он много раз говорил мне: «Скажите ей, что я ее люблю. В ней была вся моя жизнь. Я же — увы! — буду в ее жизни лишь эпизодом, но я верю, что она сумеет найти свою дорогу». И еще он сказал, что, если родится мальчик, он хочет, чтобы его назвали Кантором, если девочка — Клеманс.

Кантор де Мармон — лангедокский трубадур, Клеманс Изор — покровительница «Цветочных игр» в Тулузе.

Как далеко все это! Каким нереальным кажется оно среди той гнусной действительности, в которой жила теперь Анжелика! С трудом передвигая ноги, она пошла в сторону Тампля. Некоторое время она нарочно разжигала в себе чувство злости на Жоффрея, и это поддерживало ее. Конечно, ему все равно, что она высохла от горя и слез. Разве переживания женщины чего-нибудь стоят?.. А вот он, находясь уже по ту сторону жизни, найдет, наконец, ответ на вопросы, не дававшие покоя его уму ученого...

Вдруг слезы ручьем хлынули из ее глаз, и она вынуждена была прислониться к стене дома, чтобы не упасть.

— О, Жоффрей, любовь моя, — прошептала она. — Теперь ты знаешь, вертится Земля или нет... Будь счастлив в вечности!

Боль во всем теле стала нестерпимой. Внутри у нее словно что-то оборвалось. Она поняла, что сейчас начнутся роды.

До Тампля было далеко. Бредя по улицам, она заблудилась. Оглядевшись, она увидела, что находится у моста Парижской богоматери. Как раз в этот момент на него въезжала какая-то повозка. Анжелика окликнула возчика.

— Я больна. Не могли бы вы отвезти меня в городскую больницу?

— Я как раз туда и еду, — ответил извозчик. — За грузом для кладбища. Я вожу мертвецов. Садитесь, красавица.

Глава 53

— Как вы назовете его, дочь моя?

— Кантор.

— Кантор? Это же не христианское имя.

— А мне все равно, — сказала Анжелика. — Дайте мне моего ребенка.

Она взяла ребенка из рук мужеподобной повитухи, которая встретила его в этом печальном мире — красный, еще мокрый живой комочек, завернутый в лоскут от грязной простыни.

День еще не кончился — разукрашенные часы Дворца правосудия не успели пробить полночь, когда сын казненного графа появился на свет.

Сердце Анжелики было опустошено. Тело разбито, истерзано. Все в ней кровоточило, и душа и тело. Прежняя Анжелика умерла вместе с Жоффреем де Пейраком. Но вместе с маленьким Кантором родилась новая женщина, в которой сохранились лишь крохи поразительной нежности и наивности былой Анжелики.

Все то дикарство и непокорность, которые таились в необузданной девочке из Монтелу, вдруг всколыхнулись в ней, черным потоком вырвались наружу через открытую рану ее отчаяния и ужаса.

Она рукой оттолкнула от себя лежащую рядом с ней тщедушную женщину, которая вся горела и тихо бредила. Но вторая ее соседка — ее Анжелика тоже оттеснила к краю постели — запротестовала. У нее еще утром началось кровотечение. Анжелику мучило от тошнотворного запаха крови, которой был пропитан весь тюфяк.

Анжелика натянула на себя второе одеяло. Женщина снова что-то протестующе пробормотала.

«Все равно, обе они обречены, — думала Анжелика. — Так пусть хотя бы я и мой ребенок попытаемся согреться и выжить».

Еще не вполне придя в себя, лежа в зловещей темноте на своем убогом ложе, Анжелика широко открытыми глазами глядела сквозь рваный полог на желтый свет сальных свечей.

«Как все странно, — думала она. — Умер Жоффрей, а в ад попала Анжелика».

В этой преисподней, насыщенной густым, как туман, омерзительным запахом испражнений и крови, слышались плач, стоны, жалобы. Пронзительный крик новорожденных не прекращался ни на секунду. Казалось, будто поют какой-то бесконечный псалом — то громко, то потише, то вдруг с новой силой, уже в другом конце палаты.

Воздух был ледяной, несмотря на переносные жаровни, расставленные в коридорах — все тепло уносили сквозняки.

Анжелика начинала понимать, каким страшным опытом порожден ужас бедняков перед больницей.

Разве это не преддверие смерти?

Как выжить здесь, среди этого скопища болезней и нечистот, где выздоравливающие лежат вместе с заразными, где хирурги оперируют на грязных столах бритвами, которыми перед тем брили бороды клиентов в своих цирюльнях?

Близился рассвет. Колокола зазвонили к ранней мессе. Анжелика вспомнила, что обычно в этот час монашки кладут перед воротами больницы мертвецов, чтобы их погрузили на повозку и отвезли на кладбище Невинных. Скупые лучи зимнего солнца, возможно, осветят готический фасад этой старинной больницы, но они уже не смогут оживить зашитые в саваны трупы.

Окутанная поднимающимся с реки туманом, городская больница на своем острове посреди Сены — этой водной артерии, снабжавшей Париж и служившей стоком всех нечистот, — напоминала идущий навстречу заре корабль с проклятым грузом.

Кто-то отдернул полог. Два санитар в запятнанных халатах оглядели трех лежащих на кровати женщин, подняли ту, что истекала кровью, и положили ее на носилки.

Анжелика увидела, что несчастная мертва. На носилках уже лежал трупик ребенка.

Анжелика посмотрела на свое дитя, которое она прижимала к груди. Почему он не плачет? Может, он тоже мертв? Нет, он спит, сжав кулачки, и личико у него спокойное, даже забавное для новорожденного. Малыш и не подозревал, что он — дитя горя и нищеты. Его личико напоминало бутон розы, а головка была покрыта светлым пушком. Анжелика то и дело будила его, боясь, что он умер

или умирает. Он раскрывал свои мутные голубоватые глазки и тут же снова засыпал.

В палате монашки ухаживали за роженицами. Они проявляли огромную самоотверженность и мужество, которые могли черпать только в своей вере в бога. Но ужасные условия больницы, грязь все время ставили перед ними неразрешимые проблемы.

Страстное желание жить заставило Анжелику проглотить содержимое миски, которую ей принесли.

После этого, пытаясь не думать о мечущейся в бреду соседке и об окровавленном тюфяке, она постаралась уснуть, чтобы набраться сил. Какие-то неясные видения проходили перед ее закрытыми глазами. Она думала о Гонтрane. Сейчас он бредет где-то по дорогам Франции; вот он остановился у моста, чтобы заплатить мостовую пошлину. Но, решив поберечь деньги, принялся писать портрет таможенника...

Почему она вспомнила о Гонтрane? Да, он стал бедным подмастерьем и бродит по Франции, но зато над ним чистое небо. Гонтран был из той же породы, что и те хирурги, которые в одной из палат больницы сейчас склонились над страдающим больным, стремясь разгадать тайну жизни и смерти. В этом полусне, отрешившись от всех земных условностей, Анжелика вдруг поняла, что Гонтран — один из самых замечательных людей в мире... такой же, как и те хирурги... Мысли немного путались в голове Анжелики. Почему же тогда хирурги — всего лишь бедные цирюльники, простые лавочники, которых совсем не уважают, ведь они так нужны людям?.. Почему Гонтран, человек с таким богатым внутренним миром, который силой своего таланта может восхищать самих королей, — всего-навсего обездоленный нищий ремесленник, порвавший со своим классом?.. Но зачем она думает об этих бесполезных вещах? Сейчас ей нужно только одно — набраться побольше сил, чтобы выйти из этого ада!

Анжелика провела в больнице всего четыре дня. Нелюдимая и суровая, она требовала для себя лучшие одеяла и запрещала акушерке дотрагиваться грязными руками до нее и до ее ребенка. Она брала с подноса две миски с едой вместо одной. А однажды утром она сорвала с послушницы чистый передник, который та только что надела, и, пока

бедняжка бегала к старшей монахине, изорвала его на бинты для себя и подгузники для своего малыша.

Когда ее упрекнули, она молча устремила презрительный, непреклонный взгляд своих зеленых глаз на монашек, и они отступились. Лежавшая в палате цыганка сказала своим товаркам: «По-моему, эта девка с зелеными глазами — вещунья».

Анжелика заговорила только раз, когда один из попечителей городской больницы, держа у носа надушенный платок, пришел в палату, чтобы сделать ей выговор.

— Как мне передали, милая моя, вы не желаете, чтобы другая больная поделила с вами постель, которую вам предоставила общественная благотворительность. Вы, кажется, даже столкнули на пол двух больных, которые были так слабы, что не смогли сопротивляться. Неужели вы не раскаиваетесь в своих поступках? Городская больница должна принимать всех, кто нуждается в помощи, и кроватей не хватает.

— Тогда уж лучше сразу зашивайте в саван всех больных, которые к вам поступают! — грубо ответила Анжелика. — В больницах, созданных господином Венсаном, у каждого больного своя постель. Но вы не допустили, чтобы в вашем заведении, где царят возмутительные порядки, тоже произвели перемены, потому что боитесь, как бы не пришлось держать ответ. Куда уходят все те жертвования, о которых вы мне говорите, куда уходят деньги, которые дают городские власти? Неужели люди так бессердечны, а государство так бедно, что нельзя купить побольше соломы, чтобы ежедневно менять тюфяки под теми больными, которые пачкают их, а не оставлять несчастных гнить в собственных испражнениях! О, я уверена, когда тень господина Венсана бродит по больнице, она рыдает от горя!

Попечитель, уткнувшись в свой платок, изумленно смотрел на нее. За пятнадцать лет, что он попечительствовал над несколькими отделениями больницы, ему приходилось иметь дело со вздорными, крикливыми женщинами, скандалистками, непристойными проститутками. Но никогда никто из лежащих на этих жалких ложах не давал ему такой отповеди, да еще так превосходно выражая свои мысли.

— Женщина, — важно сказал он, выпячивая грудь, — судя по тому, как вы рассуждаете, у вас достаточно сил, чтобы вернуться к себе домой. Итак, если вы не цените оказанное вам благодеяние, покиньте наш приют.

— Охотно, — язвительно сказала Анжелика. — Но не прежде, чем мою одежду, которую при моем поступлении сюда с меня сняли и сунули как попало вместе с лохмотьями больных оспой, с одеждой чумных, как следует выстирают при мне. Иначе я выйду отсюда в одной рубашке, пойду на площадь Собора Парижской богородицы и буду там кричать, что все пожертвования знати и деньги из государственной казны идут в карман попечителей городской больницы. Я буду взывать к людям именем господина Венсана, совести нашего королевства. Я буду кричать так, что сам король потребует проверки счетов вашего заведения.

— Если вы это сделаете, — со свирепым видом склонился к ней попечитель, — то я прикажу вас связать и запереть вместе с сумасшедшими.

Анжелика вздрогнула, но выдержала его взгляд. Она вспомнила о славе, которую создала ей цыганка...

— А я обещаю вам, что если вы совершите еще и эту подлость, все ваши близкие умрут до конца года!

«В конце концов, я ничем не рискую, — подумала она, ложась на свое омерзительное ложе. — Ведь люди так глупы!..»

Когда она покинула эту ужасную больницу, свободная, живая, одетая во все чистое, парижский воздух, который некогда она нашла ужасным, показался ей свежим, просто восхитительным.

Она шла почти быстрым шагом, держа на руках ребенка. Сейчас ее тревожило только одно: у нее очень мало молока, и Кантор, который до сих пор проявлял удивительное благоразумие, становился беспокойным. Он проплакал всю ночь напролет, тщетно пытаясь высосать что-нибудь из ее пустой груди.

«В Тампле есть козы, — подумала она. — Я выкормлю своего малыша козьим молоком. Ничего, пусть он будет похож на маленького козленка».

А что случилось с Флоримоном? Конечно, вдова Кордо его не бросила, она славная женщина, но Анжелике казалось, что она

рассталась со своим первенцем много лет назад.

Мимо нее шли люди со свечами в руках. Из домов доносился запах горячих оладий. Анжелика вспомнила, что сегодня второе февраля, праздник сретенья господня, внесения Иисуса во храм и очищения богоматери, и в этот день по обычаю все дарят друг другу свечи.

«Бедный мой маленький Иисус!» — подумала Анжелика, поцеловала Кантора в лобик и вошла в ворота Тампля.

Приближаясь к дому вдовы Кордо, она услышала детский плач. Сердце ее отчаянно забилось, подсказав ей, что это плачет Флоримон.

Спотыкаясь, навстречу ей бежал малыш, а за ним, бросая в него снежками, неслась стая мальчишек.

— Колдун! Эй, маленький колдун! Покажи-ка свои рожки!

Анжелика с криком бросилась к сыну, обхватила его свободной рукой и, прижав к себе, вошла в кухню, где старуха, сидя у очага, чистила лук.

— Как вы могли позволить этим бездельникам мучить его?

Вдова Кордо вытерла тыльной стороной руки слезившиеся от лука глаза.

— Потише, моя милая! Я и так позаботилась о малютке, хотя вы куда-то исчезли, и я не знала, увижу ли вас когда-нибудь. Но нельзя же, чтобы он целый день морочил мне голову. Вот я и выставила его на улицу подышать свежим воздухом. А что я могу сделать, если мальчишки называют его колдуном? Разве его отец и в самом деле не сожжен на Гревской площади? Придется ему привыкать. Мой парнишка был чуть старше, когда в него начали бросать камнями и дразнить Висельником... О, какой прелестный малыш! — И старуха, отложив нож, с восторженным видом подошла полюбоваться Кантором.

В ее жалкой комнатухе Анжелику сразу охватило чувство блаженства, и, положив обоих мальчиков на кровать, она поспешила развести огонь.

— Как я рад! — повторял Флоримон, глядя на нее своими блестящими черными глазками.

Он цеплялся за ее юбку:

— Мама, ты больше не уйдешь?

— Нет, мое сокровище. Посмотри, какого красивого братика я тебе принесла.

— А я его не люблю, — сразу же объявил Флоримон и ревниво прижался к ней.

Анжелика распеленала Кантора и поднесла его поближе к огню. Малыш потянулся и зевнул.

Боже! Каким чудом, несмотря на все страдания, смогла она родить такого пухленького ребенка!

Несколько дней Анжелика прожила в Тампле довольно спокойно. У нее еще было немного денег, и она надеялась на скорое возвращение Раймона.

Но однажды после полудня ее вызвал к себе бальи Тампля, в обязанности которого входил полицейский надзор за этим привилегированным островком Парижа.

— Дочь моя, — объявил он напрямик, — от имени господина великого приора я должен сообщить, что вам необходимо покинуть Тампль. Как вы знаете, он принимает под свое покровительство только тех, чья репутация не может нанести урона чести его маленького княжества. Итак, вы должны отсюда выехать.

Анжелика хотела было спросить, в чем ее упрекают, потом подумала, что лучше просто пойти и броситься в ноги герцогу Вандомскому, великому приору. Но тут вдруг она вспомнила слова короля: «Я не желаю больше слышать о вас!»

Значит, здесь знали, кто она! И может быть, даже опасались ее... Она поняла, что бессмысленно просить поддержки у иезуитов. Они честно помогли ей, пока было что защищать. Но теперь игра проиграна. Те, кто, как Раймон, скомпрометировали себя причастностью к этому темному делу, должны быть удалены.

— Хорошо, — сказала Анжелика, стиснув зубы. — Я покину Тампль до наступления темноты.

— Я знаю, что вы заплатили за комнату вперед, — сказал бальи, вспомнив о деньгах, которые она дала ему в день прихода Куасси-Ба. — Вас освободят от «выездного денье».

Вернувшись к себе, Анжелика сложила свои немудреные пожитки в небольшой кожаный сундук, тепло закутала обоих детей и усадила их рядом с вещами на тачку, которая уже сослужила ей службу при переезде в Тампль.

Вдова Кордо была на рынке. Анжелика оставила ей на столе немного денег.

«Когда я буду побогаче, я вернусь сюда и отблагодарю ее щедрее», — подумала она.

— Мама, мы идем гулять? — спросил Флоримон.

— Мы возвращаемся к тете Ортанс.

— И увидим Бабу? — Так он называл Барбу.

— Да.

Мальчик захлопал в ладоши. По дороге он с восхищением глазел по сторонам.

Толкая впереди себя тачку, Анжелика шла по мостовой, где жидкая грязь смешалась с талым снегом, и с любовью смотрела на личики своих детей, прижавшихся друг к другу под одеялом, в которое она завернула их. Мысли о судьбе этих двух таких еще хрупких существ не давали ей покоя.

Небо над крышами было чистое, тучи исчезли. Наверно, ночью не будет заморозков, потому что в последние дни потеплело, и бедняки, у которых нечем топить, должно быть, воспрянули духом.

На улице Ада в квартале Сен-Ландри Барба радостно вскрикнула, увидев Флоримона. Малыш протянул к ней ручонки и горячо поцеловал.

— Господи, ангелочек ты мой! — бормотала служанка.

У нее дрожали губы, а широко раскрытые глаза наполнились слезами. На Анжелику она посмотрела как на привидение. Наверно, она невольно сравнила эту женщину с суровым, осунувшимся лицом, одетую беднее, чем она сама, с той роскошной дамой, которая постучалась в этот дом несколько месяцев назад.

А Анжелика подумала в этот момент, что, наверно, Барба со своей мансарды видела костер на Гревской площади.

На лестнице кто-то тихо вскрикнул, и Анжелика обернулась.

Ортанс со свечой в руке, казалось, застыла в ужасе на ступеньках. Вслед за ней на лестничной площадке показался прокурор Фалло де Сансе. Он был без парика, в халате и вышитом ночном колпаке. В этот день у него был врач.

Когда он увидел свою свояченицу, у него от страха отвисла нижняя губа.

Наконец после долгого молчания Ортанс вытянула вперед дрожащую руку и беззвучно сказала:

— Убирайся! Ваша проклятая богом семья и так слишком долго жила под моей крышей.

— Замолчи, глупая! — сказала Анжелика, пожимая плечами.

Она подошла к лестнице и подняла взгляд на сестру:

— Я-то уйду. Но прошу тебя, приюти невинных малюток, из-за них у тебя не будет неприятностей.

— Убирайся! — повторила Ортанс. Анжелика повернулась к Барбе, которая прижимала к груди Флоримона и Кантора.

— Барба, ты добрая девушка, я оставлю их на тебя. Вот все мои деньги, будешь покупать им молоко. Кантору кормилица не нужна, он любит козье молоко.

— Убирайся! Убирайся! Убирайся! — визгливо кричала Ортанс.

Она принялась топтать ногами.

Анжелика подошла к двери. Последний взгляд она бросила не на детей, а на сестру.

Свеча дрожала в руке Ортанс, бросая пляшущие тени на ее искаженное лицо.

«Неужели, — подумала Анжелика, — это с нею мы лежали на широкой кровати и, от страха прижимаясь друг к другу, ждали, когда появится дама из Монтелу, привидение, которое бродило по комнатам замка, вытянув вперед руки?»

Анжелика вышла и закрыла за собой дверь. На секунду она остановилась, глядя, как один из клерков, взобравшись на табурет, зажигал большой фонарь над конторой мэтра Фалло де Сансе.

Затем круто повернулась и зашагала по улицам Парижа.

1

Здесь игра слов *le griveis* — солдат-наемник, *la grivoise* — кокотка и табакерка с теркой

2

Бог мой! (нем.)

3

Так называли Генриха IV, которым был родом из Беарна

Новые земли — Ньюфаундленд, Новая Франция — Канада

Шамплен (1567 – 1635 гг.) — французский путешественник и колонизатор

6

Лесной дягиль (лат.)

Подлинные слова Венсана де Поля

8

Чистое золото (лат.)

9

Проводить ли мне купелирование при всех? (нем.)

«Каких вершин я не достигну...» (лат.)

11

Разрешите пройти, пожалуйста (исп.)

Кюре из Нейи, проповедник четвертого крестового похода

13

От французского слова *grise* — серая

«О природе вещей» (лат.)